

Таня Смитт

Лекарь

Человеческая популяция стремительно сокращается, сменяясь новым биологическим видом. Учёное мировое сообщество пытается предотвратить катастрофу, так во всяком случае, внушается обывателям. Мир в панике, и только молодой учёный, наказавший себя проклятием бессмертия, видит в эпидемии способ прекратить своё бесконечное существование. Однако случайно выясняется, что за всеми медицинскими разработками прячутся совсем иные цели, и для вечного скитальца жизнь обретает смысл. История бродяги продолжается.

Глава 1

«...Так, болтаясь меж тьмой и светом,
Раз в столетье облик меняю.
Мы с тобой еще свидимся где-то,
Только там я тебя не узнаю.»

Глава 1.

Дорога моя пустынна, путь мой бесцелен. Злое полуденное солнце прожигает насквозь мои вещи, вцепляется в густые спутанные волосы и гонит в тень. Мне безразлично его внимание. Я давно перестал реагировать на внешние раздражители. И пролетающие мимо меня торопливые иномарки, доверху груженные всяким хозяйственным барахлом, тоже не вызывают интереса. И ничто не вызывает. Когда южное солнце рассталось, наконец, с идеей сжечь меня дотла, перед моими глазами замаячили неясные очертания гор. Я не продумывал заранее свой маршрут, не стремился с наступлением темноты добраться до уютного жилища, где ждали бы меня любящие близкие. Жилища у меня не было, как не было и любящих близких. Все это осталось далеко позади и больше не рождало в сердце щемящей тоски. Я уже привык к одиночеству и ничего не хотел менять.

В шаге от меня резко затормозила одна из груженных иномарок, обдав мою из без того грязную одежду дорожной пылью.

«Парень! — обеспокоенно окликнул меня водитель, переваливаясь через забитое домашней утварью пассажирское место, — влезай на заднее сиденье, опасно в это время суток бродить по дорогам!»

В его словах была изрядная доля истины, однако я вежливо покачал головой, благодаря за беспокойство, и решительно зашагал дальше, отказываясь от дельного совета. Заботливый водитель тут же дал по газам, а следом за ним показалось еще несколько таких же перегруженных машин, преимущественно легковушек. Такое количество автомобилей, то и дело пронесшихся мимо, объяснялось пугающе просто. Люди уходили в горы, надеясь переждать беду, так внезапно обрушившуюся на человечество. Лет пять назад жители планеты стали обнаруживать в себе загадочные симптомы неизвестной болезни. Сначала это не вызывало беспокойства и расценивалось как обычная простуда. Однако спустя довольно короткое время, те, кто считался выздоровевшим, начинали проявлять странную агрессию. Они, подобно диким зверям, бросались на тех, кто оказывался поблизости и наносили им довольно опасные увечья. Поначалу такое поведение даже не рассматривалось как серьезное заболевание. Мало ли, чем могли быть вызваны подобные заскоки, учитывая излишне суматошное и нестабильное время. Однако, случаи множились, жертв нападений становилось все больше, и ученые всего мира наконец-то забили тревогу. Сделали они это, несомненно, с явным опозданием, поскольку, агрессивные настроенные граждане неожиданно стали менять свои привычные человеческие очертания. У пораженных странным недугом уродливо вытягивалось лицо, а конечности делались непропорционально длинными и покрывались жесткой бесцветной щетиной. Самым пугающим в этом кошмаре было полное бессилие ученого мира. Тысячи научных сообществ ломали головы над природой жуткого явления, однако так и не смогли до конца выяснить, как остановить это безумие. Люди, не находящие в себе устрашающих симптомов, наотрез отказывались

покидать жилища, рассчитывая пересидеть ужас за стенами домов. Однако эти меры были эффективны очень недолгое время. Инфекция передавалась по воздуху, она проникала в любые изолированные и тщательно охраняемые бункеры, стремительно появляющиеся в каждой жилой зоне по всему миру. Единственным обнадеживающим фактором стало общепризнанное наблюдение, что опасность заражения подстерегала в основной массе жителей равнин, степей и полупустынь. Придя к таким выводам, люди заторопились в горы, спешно увозя своих близких и нажитое имущество.

Упомянутая трагедия, сводящая с ума земной шар, привычно оставляла меня равнодушным. Всем моим близким, тем, кого я искренно любил в этой жизни, посчастливилось покинуть грешный мир раньше, чем паника окутала человечество. Мне же было безразлично, что неведомая зараза сделает со мной. Гуманисты мира отказывались уничтожать пораженных, надеясь вернуть им человеческий облик, а простые граждане, далекие от пышных фраз и высоких идей, охотно расправлялись с каждым, кто позволял себе неосторожно чихнуть в приличном обществе. Я в тайне рассчитывал, что однажды тоже вызову в окружающих настороженную тревогу и буду уничтожен подручными средствами. Мое одиночество сводило меня с ума куда больше всеобщей паники, а бесконечные воспоминания, терзающие рассудок, были куда утомительнее пугающих симптомов. Я сознательно избегал знакомств и дружеских отношений, поскольку рано или поздно мне все равно пришлось бы расстаться с любимыми близкими. Смерть отвернулась от меня, сделав вечным скитальцем, и я отчаянно искал способа избавиться себя от бесполезного и бесконечного существования. Однако решительно настроенные граждане реагировали на что угодно, а меня не рассматривали даже как гипотезу. Однажды на моих глазах они жестоко расправились с молодой женщиной, рискнувшей неосторожно закашляться в общественном транспорте. Люди зверели от неизвестности, от страха за своих родных, от бездействия влиятельных и могущественных, и я не мог их за это судить слишком строго. Моя дорога привела меня в предгорный поселок, уютно раскинувшийся среди густых зеленых зарослей. Я вошел на опустевшие в сумерках улицы и настороженно прислушался. В домах, закрытых на все замки, не виделось освещения, никто не выглядывал в окна с привычным любопытством, а вдоль узких асфальтированных дорог не нашлось никого, кто мог бы рассказать мне хотя бы о названии маленького поселения. Лет десять назад я, не задумываясь, попросился бы на ночлег, рассчитывая на местное гостеприимство, однако сейчас у меня не возникло даже тени желания заходить в настороженные молчаливые лачужки. Я миновал притихшее селение, лишь на самой его окраине натолкнувшись на какого-то местного парня, видимо торопившегося домой. Он тревожно оглядел меня, на минуту остановившись, и недовольно пробормотав, «Покоя от вас нет, равнинников!», скрылся в темноте. Это было еще одной причиной, по которой я сознательно отказывался от ночлега. Тут, как, впрочем, и везде в горах, не жаловали приезжих, без стеснения наводнивших маленькие поселки и заметно потеснивших местных жителей.

Моя дорога лежала мимо рельефных высоких скал, грозно нависших над узкой асфальтированной трассой. Когда извилистая лента сделала очередной виток, поднявшись вверх на пару десятков метров, я решил сделать привал. Жаркие южные ночи значительно облегчали мне задачу, позволяя ночевать прямо на голой земле. Я свернул на более пологий склон и без труда преодолел некоторое расстояние, остановившись у глубокой расщелины. Повсюду высились лиственные ярко зеленые деревья, в темноте видевшимися мне совершенно черными и угрожающими. Хотя, в глубине души я понимал, что по-настоящему

опасаться следует не деревьев. Я почти уверенно мог предположить, что кроме меня на этих склонах ютиться сейчас множество тех самых «равнинников», о которых с таким отвращением отозвался встреченный мной местный. Меня не слишком тревожили внезапные встречи и незапланированные знакомства. Наплевав на технику безопасности и здравый смысл, я вольготно растянулся на ровном пяточке, поросшим влажным мхом и мгновенно заснул. Сквозь беспокойный сон мне слышались чьи-то шаги, то приближающиеся, то удаляющиеся в неизвестном направлении, они проникли даже в мои сновидения и трансформировались в шаги моего давно умершего старшего брата. Во сне я почему-то был уверен, что это он кружится сейчас по склонам и с привычным осуждением контролирует мой беспокойный сон. Мое пробуждение было быстрым и внезапным. Отчасти потому, что сопровождалось глухими раскатистыми звуками, доносившимися сразу со всех сторон. В первую минуту я сразу подумал о надвигающейся стихии и недовольно поморщился. Дождь даже на равнинах не создавал необходимого минимума комфорта, в горах же и вовсе представлял реальную опасность. Звенящие ручьи и горные речки хороши только на пасторальных картинках, в реальности же потоки грязи со склонов представляют собой довольно унылое зрелище. Я бодро поднялся на ноги и решительно зашагал вниз, возвращаясь к неуловимым признакам цивилизации. Как оказалось, тревожился я напрасно, и раскатистые звуки издавали вовсе не небеса, а обычная рабочая техника, укрепляющая скалистые уступы от обрушения. Вид суетящихся работяг вернул меня в почти мирное время, когда никто никогда не слышал о грозной напасти, поглотившей цивилизацию. Я довольно уверенно дошлепал до ремонтников, и даже успел подумать о слаженности их полезной работы, как вдруг один из работяг громко чихнул, утирая рукавом пробившиеся сопли. Проштрафившийся сотрудник тут же был сбит с ног своими же коллегами, оказавшимися поблизости. Я был наслышан о подобных расправах и даже однажды сам стал свидетелем чего-то подобного. Однако мое непривычное сознание никак не желало мириться с подобным варварством. Вместо того, чтобы помочь несчастному и отбить его от рук обезумевших дорожников, я молча пялился на жутковатую картину, не в силах произнести ни звука. Несчастного мужика попросту сбросили с обрыва, при этом ни один из линчевателей даже отдаленно не выразил ни тени раскаяния.

«Не смотри так, парень! — обернулся один из миротворцев, заметив мое внимание, — твоим детям наверняка не понравится, если на них однажды нападет дикое чудовище без разума и эмоций!»

Я ошарашенно кивнул, под натиском справедливых аргументов забывая, что мои дети наверняка никак не отреагировали бы на проявленный к ним интерес дикого существа. По причине их полного отсутствия. Я был один в мире, и сейчас только порадовался этому факту. Как я пережил бы известие, что моя жена или мой взрослый сын подверглись такому «справедливому» суду?

Дорожники, завершив расправу, равнодушно вернулись к прерванному занятию, вызвав у меня здоровые сомнения в природе истинного безумия.

Дальнейший мой путь больше, к счастью, не сопровождался подобными инцидентами и мне удалось совершенно беззвучно и незаметно добраться до горной речки, на каменистых берегах которой я нашел себе очередной приют. Там я провел довольно длительное время, не видя перед собой определенной цели. Мне некуда было идти и нечем было заняться. Я привычно таскал с собой объемную кожаную сумку, наполненную разными химическими препаратами. Это было единственным напоминанием о моей прошлой жизни, и я не

находил в себе решимости расстаться с этим последним артефактом. Сейчас подобное имущество ни у кого не вызывало лишних вопросов. В сложившейся обстановке даже приветствовалась попытка изобрести средство от постигшей напасти. Разумеется, в том случае, если ты мог доказать свою принадлежность к миру науки. Несмотря на такие внушительные и многообещающие запасы, я все равно нуждался в банальных харчах. За провизией я поднимался в крохотное поселение, состоящее из двух улиц, школы, ныне пустующей, и маленького частного магазинчика. Там же, в этом магазинчике я узнавал местные новости, большей частью пугающие и непроверенные. Последний раз, поднимаясь в большой мир, я услышал весьма хоррорное известие об обнаружении в здешних краях дикой твари. Факты были неточные, очевидцев твари не находилось, но перепуганные насмерть жители верили всему, что лилось из средств информации и теперь обсуждали сплетни, требуя себе защиты и гарантии безопасности. На страже безопасности согласился выступить местный полицейский, тщательно проверяющий документы у каждого, кто появлялся на улицах поселка.

Документы, которые я мог предъявить неусыпному стражу неприкосновенности, мне сделал незнакомый чувак по моему запросу на одном из многочисленных сайтов. Я не прятался от закона, я не нарушал общепринятые нормы, однако я был вынужден обратиться к его услугам. Парень оказался нелюбопытным, и через условленное время я стал счастливым обладателем маленькой пластиковой карточки с моими метрическими данными. Я искренно надеялся, что Прохор Степанович Моськин, чье имя отныне стало моим, не был международным шпионом и серийным убийцей. До встречи с дотошным полицейским мне еще ни разу не доводилось демонстрировать в миру свою новую личину, и сейчас я откровенно терялся от пристального взгляда законника.

«Прохор Степанович? — недоверчиво уточнил полицейский, прикладывая карточку к хитрому устройству, — 2052 года рождения? Все правильно?»

Я мысленно усмехнулся, подумав о том, что хитрое устройство действительно исправно считало левую информацию. А вслух уверенно проговорил:

«Совершенно верно, я Прохор Степанович, две тысячи пятьдесят второго года рождения.»

Законник вернул мне документы и напутствовал долгим и придирчивым разъяснением правил поведения в период массовой истерии.

Мои сбережения, тщательно рассчитанные на максимально длительный срок, неминуемо таяли, не имея источников пополнения, и поэтому я был вынужден ограничивать себя в тратах. Мой сегодняшний обед состоял из самого дешевого концентрата, имитирующего куриный суп. Я еще помнил, как выглядел настоящий суп, из бульона и яичной лапши, и сейчас только недовольно скривился, глядя на попытки маркетологов впарить химическое говно наивному потребителю. Прослушав навязчивую рекламу, льющуюся с блестящей коробки с консервантом, я нетерпеливо открыл крышку и проглотил желеобразную субстанцию. Сыто рыгнув, я забросил коробку в ржавую урну, и отправился к ручью, к месту моего очередного пристанища.

Погода продолжала радовать меня теплыми днями и звездными ночами. Мой бивак понемногу обрастал предметами обихода, по счастью до сих пор не разворованными пришлыми равнинниками. Моими соседями были сразу несколько семейных пар, и один отшельник, наподобие меня. Правда в отличие от меня, вечного тридцатилетнего парня, отшельник напоминал старого гнома. Сходство с гномом придавала шикарная окладистая

борода и неизменная фетровая шапка, стоившая по нынешним временам целое состояние. На этом сходство заканчивалось, поскольку высокий рост моего соседа мешал до конца проникнуться соответствиями. Мы мало общались между собой, поскольку ничего другого, кроме как обсуждения текущей ситуации, никто из нас предложить не мог, а подобная тема давно потеряла свою привлекательность.

Отшельник изредка спускался к речушке, набирал воду в пластиковую бутылку с широким горлом и обычно растворялся на склонах гор. Сегодня он решил внести небольшие поправки в заученный ритуал.

«Слышал, дикая тварь объявилась в наших краях? — озвучил он давно известный факт, — если уж сюда пробрались, то скоро нам всем придет кирдык. Да и то, разве это жизнь, просиживать целые дни, прислушиваясь к шагам? Скорей бы все закончилось. Ты как думаешь?»

Я не думал, что все закончится так скоро, как нам бы хотелось. Однако не рискнул сеять панику и в без того перепуганных мозгах моего обросшего собеседника. Вместо этого я наоборот, ободряюще улыбнулся и уверенно проговорил.

«Во-первых, слушать досужие сплетни местных кумушек, занятие неблагоприятное, а во-вторых, ничего не заканчивается, а имеет продолжение. Даже если ученые сумеют победить диких тварей, мы еще долго будем вспоминать их безудержную деятельность»

Моя спонтанная речь мало напоминала слова поддержки, но я устал притворяться и поэтому говорил первое, что приходило в голову.

«Умеешь ты поддержать, Прохор, — в самом деле отозвался гном, — а что касается их деятельности, то ты прав, иначе как безудержной, ее не назовешь. Слышал, что твориться в мире? Уже не осталось ни единого клочка земли, где бы они не оставили своих грязных следов. Чертовы гуманисты никак не образумятся. Они все еще надеются обуздать эту стихию! Наивные глупые люди, хоть и ученые!»

Высказавшись, гном привычно подхватил свою бутылку и скрылся с глаз. Я продолжал рассматривать бурлящую реку, пока очередной сон не заставил меня отвлечься от бесполезного занятия. Кое как разместившись на мшистых камнях, я закрыл глаза, вспоминая, как когда-то давно подобные условия существования вызвали бы во мне стойкое неприятие и отчаянное желание цивилизации. Засыпая каждый раз, я ждал появления давно забытых сюжетов моей давно прожитой нескончаемой жизни. Я был очень разочарован, когда нынешней ночью мне не удалось не только вернуться в прошлое, но и даже толком заснуть. Откуда-то сверху, со склонов до меня донеслись заполошные возгласы и суетливая возня погони, украшенная забористым русским матом. Уж если интеллигентные и воспитанные в лучших традициях, мои соседи снизошли до непарламентских выражений, то наверняка произошло что-то, выходящее за рамки. Эта мысль заставила меня подскочить, и, сбросив остатки сна, я рванул на шум и крики. В темноте южной ночи, среди густых лиственных деревьев было весьма сложно оценить обстановку, я руководствовался теми окриками, что издавали мои соседи, рассредоточиваясь по склонам. Из их невнятных реплик я понял, что на склоне объявилась дикая тварь, что она слишком прыткая и сообразительная, и что в задачу обитателей гор ставится необходимость уничтожить монстра без следствия и суда. Моими соседями были сильные и крепкие мужики, способные без труда справиться с любой задачей. Я тоже относил себя к категории отчаянных парней и без раздумий ринулся к цели. В темноте было крайне сложно ориентироваться. К тому же обострившиеся животные инстинкты дикой твари, бывшей когда-то человеком и наверняка сохранившей в

себе способность мыслить логически, давали ей значительное преимущество. Я еще ни разу не сталкивался лицом к лицу с реальной тварью, поэтому имел смутное представление о ее внешних данных. Новостные ленты, разумеется, пестрели фотографиями и словесными портретами этих чудовищ, однако никто не мог сказать, насколько достоверны предлагаемые сведения.

«Главное, не дать ей прогрызть тебе кожу, — неожиданно раздался прямо надо мной голос гнома, — нужно держаться на расстоянии, но и не выпускать ее. Кажется, мы взяли ее в кольцо. Трофим гонит ее на нас, не зевай, Прохор, сейчас будет самое веселье!»

Сразу же после этих слов над нами зашуршали торопливые шаги, скатывающегося по склону неведомого существа. Я перехватил внушительную дубинку, намереваясь огреть непрошенного гостя со всей широтой русской души. Тварь, почуяв мои намерения, настороженно остановилась и прислушалась. Теперь я отчетливо видел ее очертания. Она имела некрупное строение и крепкие ноги, а в лапах держала похожую дубину. Вероятно, вирус не до конца поглотил ее сознание, и она еще сохраняла в себе что-то от человеческого существа. Трофим опередил меня и, подскочив со спины твари, без сожаления огрел ее по затылку. Тварь пошатнулась и рухнула на землю, безвольно подкатившись к моим ногам. Теперь я смог разглядеть, что когда-то она была мужиком и поэтому логичнее было бы называть его «он». Тварь полностью соответствовала тому описанию, что лилось со всех утюгов на перепуганных обывателей. Его конечности были удлинены и неестественно выгнуты, а бывшее некогда лицо уродливо вытянуто вперед. Трофим наверняка расправился с ним одним ударом, однако сбжавшимся на победные возгласы остальным участникам погони, требовалось убедиться в том наверняка.

Они без сожаления пинали поверженное существо, вымещая всю накопившиеся ненависть и страх на том, кто некогда был человеком.

«Остановитесь, безумцы! — раздался неожиданный голос, в котором я с изумлением признал свой собственный, — он не виноват, что стал таким. Оставьте его, он все равно мертв!»

Мое внезапное вмешательство вернуло моим соседям здравый смысл и отголоски сострадания. Поверженный противник не успел причинить вреда никому из присутствующих и поэтому больше не вызывал панических эмоций. Еще раз убедившись в его смерти, участники ночной экспедиции разбрелись по норам, оставив печальную процедуру захоронения до утра. Одержанная победа больше не вызывала ожидаемой эйфории, и до самого утра то с одной, то с другой стороны склона раздавалось негромкое бормотание, вскоре сменявшееся отчетливым мужественным храпом. Я не стал возвращаться к своему походному лагерю, оставшись неподалеку от поверженной твари. Его неясные очертания странно притягивали мое внимание, пробуждая во мне интерес ученого и врача, кем я некогда был. Возможно передо мной открывался тот единственный шанс отыскать противоядие и заполнить пустоту никчемного своего присутствия в этом мире. Мысль была заманчивая, и я даже некоторое время всерьез рассматривал ее жизнеспособность. Ровно до тех пор, пока крепкий здоровый сон не сморил меня, вызвав долгожданные сновидения.

Из состояния приятной полудремы меня вывел взволнованный окрик старого гнома.

«Прохор! — тряс он меня за плечо, возвращая в реальность, — ты закопал дикую тварь?»

Почему ты не дождался всех остальных?»

Почему-то в данной процедуре гном видел особую значимость, и теперь в его голосе звучала неприкрытая обида. Я автоматически замотал головой, с трудом припоминая события прошлой ночи.

«Ничего я не закапывал, — пробормотал я, уставившись туда, где всего пару часов назад валялось избитое тело поверженной твари. — наверно, это сделал кто-то другой.»

Я постарался придать голосу максимум убежденности, поскольку моя давняя врачебная практика позволяла с профессиональной точностью подтвердить уверенно мертвое состояние нашего вчерашнего противника. Однако простой опрос подтвердил ошибочность моих предположений и вызвал среди обитателей склонов обоснованную панику.

«Она ожила! — заполошно визжал полноватый мужик средних лет, нарезая беспокойные круги вокруг несостоявшегося места захоронения. — она начнет мстить! Нужно было разорвать ее на части! Зарыть в землю! Сжечь!»

Начавшаяся паника разбудила в моих соседях варваров, и я откровенно опасался, что они сумеют найти крайнего в истории и на всякий случай расправятся с ним.

«Прохор! — подтверждая мои опасения, проговорил гном, — ты был последний, кто видел ее вчера. Ты сделал заключение о ее смерти. Скажи нам, куда она исчезла?»

На эти незамысловатые вопросы я ответов не находил и только качал головой, отрицая свою причастность к ее исчезновению.

«Иди и найди ее! — верещал толстяк, расставаясь с рассудком, — верни ее немедленно и не возвращайся без этой ненавистой жути!»

Понимая, что других вариантов мне предложено не будет, я послушно встал, спустился к речке и принялся собирать немудреные пожитки. Разумеется, я не собирался охотиться за неведомой дрянью, посмевшей прийти в себя после столь внушительной казни. Я справедливо полагал, что спокойной жизни в моем биваке мне больше не видать. Что ж, думал я, отправляясь в путь, найду себе другое пристанище. Гном, Трофим и остальные торжественно напутствовали меня, провожая на дело, а я только мысленно усмехался в ответ на их пафосные речи.

Моя дорога теперь не казалась столь безмятежной, какой я видел ее до кровавого поединка. Несмотря на мою внешнюю отрешенность и полную убежденность в собственной безопасности, я то и дело прислушивался к шорохам и хрусту, озираясь и замирая. Миновав склон, я вновь оказался на узкой асфальтированной ленте, ведущей к вершине. Я совершенно не имел представления, куда мне идти, как не знал того, чем завершится мое спонтанное путешествие. В отличие от заполошного толстяка, я не жалел о полной невозможности расправиться с диким монстром прямо сейчас. Сказать по правде, я и вовсе забыл про это, поглощенный собственными размышлениями. Нечаянно возникшая мысль, рожденная видом твари, теперь громоздилась в мозгах и не давала покоя. Единственное сожаление вызывала во мне упущенная возможность как следует исследовать неведомую тварь и возможно, отыскать противоядие. Я был слишком самонадеян, однако моя самонадеянность была оправдана. Я действительно много знал и умел, однако все мои знания были сейчас бесполезны.

Проведя в дороге весь световой день, я вновь свернул на склон, рассчитывая отыскать место для ночлега. На какое-то мгновение вернулась мысль о дикой твари, наверняка блуждающей где-то неподалеку. Отдавшись в руки провидению, я махнул рукой и присел возле огромного валуна, выбранного мной в качестве временного пристанища. Сон не шел ко мне, и сколько бы я не пытался призвать его ласковые объятия, вместо них получалось только призвать нарастающую панику и тревогу. «Я казался себе более равнодушным,» — с усмешкой подумал я и вдруг замер, привлеченный странным шорохом, раздавшимся прямо за спиной. Подскочив на ноги, я уткнулся взглядом в сияющие в лесном сумраке огромные настороженные глаза твари, внимательно изучающей меня. От неожиданности, я не сразу сообразил, что мне делать прямо сейчас. Здравый смысл посоветовал бы рвать когти, спасаясь бегством, но проснувшийся ученый настойчиво требовал изловить существо и немедленно подвергнуть всесторонним исследованиям. Я выбрал подсказку ученого и принял решение поймать дикаря. Инстинкт самосохранения давно не был моим постоянным и верным спутником, поэтому я необдуманно рванулся вверх по склону, намереваясь схватить страшную тварь. Тварь испуганно взвизгнула и отшатнулась, продолжая сверлить меня настороженными водянистыми глазами. Ее вытянутая морда и кривые ноги рождали лютое отвращение, сравнимое с восприятием стаи пауков арахнофобом со стажем. Я неосознанно потянулся к внушительного вида ветке, очень кстати выросшей прямо перед моими глазами, но мои действия побудили тварь к решительным шагам. Оставив свое любопытство, она рванула в густые заросли, не оставляя мне шансов. В лесу стремительно темнело, местность была мне незнакома, а излишняя прыткость дикой сущности, отнимала у меня последнюю надежду на ее отлов. Однако я продолжал нестись по скользким от сырой травы склонам, высматривая очертания. Поглощенный погоней, я не сразу сообразил, что поведение существа несколько отличается от сведений, ставших достоянием гласности. Диких тварей описывали страшными агрессивными существами, способными уничтожить все живое в любом доступном им радиусе. Средства массовой информации настойчиво предупреждали об опасности внезапной встречи с дикими чудовищами. Помимо опасности заражения, существовала опасность быть разорванным живьем, если вам «посчастливилось» оказаться в поле ее видимости. Я же гнался за злобным монстром, ломая ветки на своем пути, и едва переводя дыхание от стремительного бега. При всех своих достоинствах, вероятно, твари обладали необычайной выносливостью, поскольку моя погоня длилась больше получаса, а к видимым результатам не приводила. Я отчетливо слышал хруст и топот, производимый тварью, видел ее мелькающие очертания, однако ни на шаг не мог приблизиться к объекту. Я не мог с уверенностью сказать, была ли эта тварь нашим противником в прошлой ночной битве, или это была совершенно другая особь. Я надеялся выяснить это эмпирическим путем. Наконец, тварь сбавила обороты, давая мне возможность максимально сократить дистанцию. В ее движениях отчетливо чувствовалась усталость и неловкость, что давало ей почти полное сходство с человеком. Тварь перешла на быстрый шаг, потом шаг замедлился, потом она и вовсе остановилась, согнувшись пополам и переводя дыхание так, как это бы сделал представитель здоровой человеческой расы. Я сам был готов в точности повторить каждое ее действие, но мне не хотелось упускать открывшиеся перспективы. Собрав остатки жизненной энергии, я сделал последний рывок и, нагнав существо, повалил его на землю, придавливая тощее тельце своим немалым весом. Тварь дернулась, опасно заверещала, угрожающе лязгая зубами, но вывернуться из моего захвата так и не сумела. Я ловко развернул ее к себе лицом, прижимая коленом ее горло к

земле, и попытался найти признаки вчерашнего противника. Темнота, и постоянное мельтешение верещащего существа мешало мне выполнить поставленную задачу. Все, что я мог сделать, это привязать трепыхающегося дикаря к стволу ближайшего дерева. Я воспользовался брючным ремнем, очень скоро мой пленник был надежно зафиксирован, и я наконец-то смог его рассмотреть. Впрочем, рассматривать было особо нечего. Все, что я смог увидеть, я видел прошлой ночью, когда безвольное тело валялось у моих ног. Его уродливая тушка была покрыта шрамами и ссадинами, и невозможно было понять, какие из них он приобрел в результате этой погони, а какие появились много раньше. Тварь обладала чудовищной регенерацией, которая позволяла затягиваться ранам буквально на глазах. Мой научный интерес превысил пресловутый гуманизм, и я, отыскав в сумке, так и продолжавшей болтаться на моем плече, некое подобие скальпеля, беззастенчиво провел им по израненной коже дикой твари. Тварь заполошно заверещала, подтягивая к себе раненую конечность, но тут же прекратила вопли, демонстрируя мне совершенно затянувшийся шрам. Мне становился понятен алгоритм ее действий прошлой ночью. То, что это была та самая тварь, сомневаться не приходилось. Я вспомнил некоторые повреждения, которые отчетливо зафиксировались в моей памяти. Среди них особенно выделялся кривой уродливый шрам на шее, полученный тварью еще в тот период, когда она была еще полноценным человеком. Сейчас он терялся на фоне остальных, и в сочетании с его вытянутой рожей, выглядел особенно жутко. Тварь больше не проявляла агрессии, вновь принимаясь внимательно изучать своего тюремщика. Все, что мне было известно об изменениях, происходящих с несчастными зараженными, была информация о деформации тела и полном отключении интеллектуальных способностей. Все научные наблюдения надежно проверялись, однако не особо не афишировались. То, что становилось достоянием гласности, было призвано уберечь оставшееся незараженное население от действий диких чудовищ. Любопытство, проявляемое вместо ожидаемой агрессии, было настолько нехарактерно для этого представителя нового вида обитателей планеты, что опасно притупляло мою осторожность и грозило необратимыми последствиями.

До утра мы просидели возле дерева, изучая друг друга с видимым интересом. Тварь, зафиксированная мной в крайне неудобной для себя позе, наконец-то проявила недовольство и пронзительно запищала, пытаясь вырваться. Я никогда не продумывал свои решения до конца, за что был неоднократно бит своим старшим братом тогда, в прошлой жизни. Вот и сейчас я откровенно не знал, что мне делать сейчас с привязанной жертвой. Сдавать ее в поликлинику для опытов не имело практического смысла. И без этой особи все лаборатории были битком забиты устрашающими монстрами. К тому же появляться в обществе твари на людях, значило навлечь беду не только на нее, но и самому подвергнуться остракизму со стороны местных. Убивать ее прямо сейчас у меня не поднималась рука, к тому же наверно должен существовать какой-то особый способ лишать этих чудовищ права на существование. Наверняка требовалось расчленить это существо на мелкие детали, и разбросать их на десятки километров, чтобы оно к утру не приобрело вновь свои чарующие очертания. Тварь внимательно следила за моим лицом и казалось, считывала с него всю информацию. Пока мои мысли вращались вокруг нецелесообразности научных исследований, тварь вела себя относительно спокойно. Только изредка поводила конечностями, видимо пытаясь восстановить кровообращение. Когда же мои мысли устремились к идее о расчлененке, тварь заволновалась, запищала и в страхе замотала головой. Я с суеверным ужасом переключил мысли на посторонние предметы, включающие в себя красоты морских

пейзажей. Тварь притихла, странно поводя уродливой рожой и неожиданно клацнула зубами.

Это вышло не зловеще, а скорее наоборот, со стороны напомнило о желании твари проявить какую-то эмоцию. Вероятно, я слишком романтизировал образ сидящего напротив меня существа. Все же это был уже не человек и на проявление эмоций он был неспособен. Однако его спокойное поведение и совершенно неагрессивный взгляд мешал придерживаться общепринятого отношения к диким тварям. Не зная, что делать дальше, я неожиданно для себя произнес, глядя на уродливую вытянутую рожу.

«Давай знакомиться. Я — Прохор. А кто ты?»

Вести диалоги с опаснейшим существом на планете граничило с откровенным безумием, но это было единственное, что пришло мне в голову.

Тварь забеспокоилась и принялась мотать головой, пищать и шевелить конечностями. Понятно, существо не могло мне представиться в ответ, а также по достоинству отреагировать на мое приветствие. Однако в его суетливых движениях я разглядел попытку наладить контакт. Возможно за меня говорило мое чрезмерно богатое воображение, возможно это было неосознанное стремление принять желаемое за действительное. Кто знает... Я продолжал изучать его уродливую внешность и приходил к выводу, что за исключением неестественно вытянутой рожи и удлиненных конечностей, тварь мало чем отличалась от человека. Впрочем, подсказал мне гаденький голосок, это и есть человек. Точнее, он был им когда-то, до заражения. Его голый вид теперь рождал во мне смущение, и у меня даже мелькнула отчаянная мысль где-нибудь раздобыть ему штаны. Порыв быстро прошел, стоило твари вновь проявить беспокойство. В этот раз оно было выражено в более активной форме, но все еще держалось в рамках разумного. Сквозь кроны деревьев в лес стало пробиваться солнце и тварь, почуяв его присутствие, заерзала около ствола, пытаясь укрыться в тени.

Я с сожалением поглядел на привязанное создание и горестно вздохнул. Я был лишен всякой возможности транспортировать его в более подходящие для детального изучения условия. Когда-то у меня была машина, однажды рассыпавшаяся от старости прямо на моих глазах. С тех пор я предпочитал пользоваться общественным транспортом, а с наступлением диких времен, часто ходил пешком. К тому же я не имел постоянного жилища, скитаясь по миру и не ставя задачу останавливаться где-то на долгих срок. Много лет назад в результате своих спонтанных химических опытов и экспериментов я обрек себя и своего единственного, ныне погибшего, друга на проклятие вечной молодости, и сейчас в одиночку расплачивался за все грехи.

Мои размышления снова заинтересовали тварь и она, забыв о палящем солнце, вновь уставилась на меня, покачивая мордой.

«Что мне с тобой делать? — проговорил я, с отвращением глядя, как из приоткрытой пасти твари стекает мутная тягучая слюна. — может, ты хочешь есть?»

Это был некорректный вопрос. Все научные наблюдения приводили к неутешительным выводам, что дикие твари питаются исключительно человеческой плотью, не признавая никакой другую пищу. Предлагая твари перекусить, я автоматически подвергался опасности, однако она, отвечая на мой интерес, только замерла, прислушиваясь к своим внутренним ощущениям. Внезапно, тварь вытянулась в струну, словно пытаясь встать на ноги, и со значением посмотрела в сторону склона. Я недоуменно оглянулся и расслышал невнятные голоса, на таком расстоянии сливающиеся в монотонный гул. Скорей всего, неугомонные

соседи решили возобновить поиски чудовища и снарядили новую экспедицию. Я мог бы привлечь к себе их внимание, отдавая несчастную тварь им на растерзание и остаться в их глазах героем. В какой-то момент я уже собрался осуществить задумку и поднялся на ноги.

«Прохор! — расслышал я отчетливый голос, в котором узнал интонации гнома, — Прохор, отзовись!»

Значит, экспедиция преследовала сразу две цели, отыскать меня и вероятно, расправиться с тварью. Стремление поисковой группы скорей всего, объяснялось необходимостью исполнения новых распоряжений правительства. Оно предписывало всеми силами сохранять любого незараженного, поскольку человеческая популяция стремительно сокращалась. За неисполнение распоряжений полагался немедленный расстрел. Ну или что-то вроде того. Логику правящих понять было невозможно, да я и не пытался.

«Прохор! — донеслось уже совсем рядом, и я принял единственно правильное решение. Так, во всяком случае, показалось мне в ту минуту. Я отвязал от ствола дикую тварь, и легко оттолкнув ее от себя, сделал ей знак спасаться. Что двигало мной в эту минуту, не знал даже я сам. Тварь изумленно застыла, внимательно рассматривая мое лицо, и тут же рванула прочь, двигаясь стремительно и бесшумно. В тот момент, когда она скрылась за деревьями, на полянке показалась поисковая группа, возглавляемая Трофимом.

«Фух, Прохор, — облегченно выдохнул руководитель, — мы уж подумали, что неведомая зверюга сожрала тебя. Хочешь послушать новости с большой земли?»

На мой отрицательный взмах головой, гном и Трофим только усмехнулись. Новости не радовали, и я отчетливо это понял. Крупные города стремительно пустели, перепуганные жители, стремясь отыскать спасение среди гор, сами того не подозревая, перенесли заразу вместе со своим хозяйственным барахлом, и теперь даже здесь больше было небезопасно. По-настоящему преобразенных пока насчитывались единицы, однако росло число заболевших так называемой предварительной стадией. А значит, что очень скоро склоны гор заполонят дикие твари. Ландшафт этой местности позволял агрессивным особям без помех нападать на людей и расправляться с ними, увеличивая нерадостную статистику.

«Мы возвращаемся, — пробормотал гном, — здесь больше нечего делать. Давай с нами, дружище, вернемся в среднюю полосу, там хотя бы у нас остался дом и своя земля.»

Слова гнома были справедливы по отношению к любому из группы, но только не ко мне. Ни в средней полосе, ни в какой другой у меня не было ничего. Я покачал головой, идя в отказ.

«Я остаюсь, — проговорил я и вызвал на лицах моих соседей откровенное недоумение, — если мне суждено стать тварью, я постараюсь, чтобы меня прикончили как можно скорее. Спасибо вам и простите за потраченные усилия»

Трофим сделал еще пару попыток возвать к моему рассудку, однако потерпел сокрушительное фиаско. Этого сделать не удавалось еще никому.

Глава 3.

Как только шаги поисковой группы замерли у подножия склона, я устало опустился на сырую траву и обхватил ладонями гудящую голову. Остаться здесь или возвращаться к

моему прежнему месту обитания было одинаково бесполезно, поскольку, если верить словам Трофима, злобные твари без труда проникали на любую территорию. Прежде чем принять окончательное решение, я направился в поселок, послушать новости из первых уст.

Мало оживленный поселок сейчас и вовсе казался безжизненным, а дверь единственного частного магазинчика была закрыта на несколько замков. Впрочем, такая мера предосторожности не спасла его от варварского разграбления. Прозрачное окно, одновременно служащее витриной, было беспардонно вынесено прочь вместе с рамой, а по тесному пространству торгового зала маячили мародеры. На мое появление они среагировали агрессивно, но к решительным действиям не переходили.

«Убирайся отсюда, равнинник!» — выплюнул один из местных, на минуту отвлекаясь от своего противоправного занятия. Его обращение ко мне прозвучало как грязное ругательство, а разом напрягшаяся физиономия, красноречиво намекала о грозных намерениях. Я решил не провоцировать местных, однако, чтобы выполнить его пожелания, мне требовались силы, а значит мне была необходима еда. Проигнорировав присутствие мародеров, я легко перепрыгнул через разрушенный подоконник и принялся шарить по полкам, отыскивая уцелевшие коробки с провизией. Я мысленно извинился перед владельцами торговой точки, справедливо полагая, что теперь уже безразлично, кто именно уничтожит остатки продуктов. С трудом отыскав на полу несколько коробок с концентратом, я побросал их в сумку и так же без слов покинул разоренное помещение. Мой путь лежал к горной речке и оставленному мной сутками ранее биваку. Покинуть границы поселка не представлялось возможным, поскольку все дороги и тропы были надежно перекрыты военной техникой. Вероятно, таким образом представители силовых структур пытались сдержать стремительно расползающуюся угрозу. Я не был уверен в эффективности принятых мер, но понятно, спорить с военными не стал и послушно развернулся обратно к горной речке. Там, на склонах было непривычно тихо, никто не шуршал над головой, скитаясь между деревьями, не бормотал вполголоса, обсуждая насущное, и эта тишина рождала тревогу. Я присел возле ледяного потока, больше напоминающего горный ручей и прислушался. Кроме мирного журчания и шелеста листвы до меня не доносилось ни звука, и я начал привыкать к мысли, что опасения Трофима и гнома были слишком преувеличены. Вдруг звенящую тишину нарушил посторонний звук. Он был едва уловим, и возможно я не сразу обнаружил его появление, потому что, резко обернувшись, я с неудовольствием обнаружил стоящую надо мной тварь. Почуввав мое внимание, она злобно заверещала и без предварительных оповещений повисла на моей шее. Я едва удержался на ногах, пытаюсь сбросить чудовище, но оно царапало меня неестественно длинными загнутыми ногтями, при этом не переставая издавать отвратительное звучание. Мне удалось выхватить нож и без сожаления воткнуть его на всю длину в неожиданно мягкую плоть твари. Та с диким визгом отскочила в сторону, и я с отвращением рассмотрел, что подвергся нападению особи, некогда принадлежащей к прекрасной половине человечества. Особь повалилась на землю, зажимая уродливыми лапами глубокий порез и застыла в неподвижности. Ей на смену появилась другая тварь, немного повыше и покрупнее. Эта тварь была когда-то мужиком, причем весьма сильным, судя по развитым мышцам неестественно вывернутых длинных рук. Она с утробным рычанием набросилась на меня, так же пытаюсь вцепиться в шею. Теперь я был подготовлен к стремительной атаке и поэтому без разбора принялся наносить ей ножевые удары, ставя цель избавиться от назойливого внимания. Крупная тварь держалась стойко и сдаваться не собиралась. Она с легкостью отводила мои удары, не переставая

держат меня за шею уродливой лапой. Баботварь тоже начала проявлять признаки активности и была готова прийти на подмогу своему собрату по несчастью. Мои удары только на долю минуты лишали тварь дееспособности. Ножевые ранения она воспринимала с той снисходительностью, с какой я воспринял бы попытки ребенка бороться со мной при помощи ивового прутика. Силы мои заканчивались, и вместе с ними заканчивалась моя уверенность в положительном исходе поединка. Положительном для меня, разумеется. Неожиданно на склоне появилась третья тварь. Ее появление я расценил как сигнал навсегда попрощаться со своим земным существованием. Третий персонаж в этой композиции был явно лишним, меня на него уже не хватит. Тварь, пришедшая последней, настороженно замерла, оценивая обстановку, и издав уже знакомый клич, бросилась в мою сторону. От неожиданности я зажмурился, а когда открыл глаза, то с изумлением обнаружил, как лишний персонаж терзает горло крупной твари, наконец-то оставившей меня в покое. Баботварь стряхнула оцепенение и полностью поправившись, шагнула ко мне. Я снова без сожаления нанес ей ножевую рану, в этот раз рассекшую горло и дезактивирующую глупую бабу.

«Отдохни, милая,» — пробормотал я, отталкивая ногой неожиданно легкое тело. Третья тварь, расправившись с моим обидчиком, торжествующе глянула в мою сторону и немедленно скрылась в зарослях. «Или она сейчас приведет сюда подкрепление, или сама, выбрав удобный момент, расправиться со мной,» — мелькнула грустная мысль, вызванная наблюдениями. Несмотря на весьма тщедушное строение, тварь оказалась ловкой и сильной, раз сумела повергнуть такого крупного противника. «Меня этот силач вообще сожрет без усилий,» — подумалось мне и решение покинуть негостеприимный бивак пришло само собой. Подхватив неизменную сумку с препаратами, я двинулся по склону, стремясь оказаться как можно дальше от ручья. Моя одежда была заляпана кровью неведомых существ, требовала хорошей стирки и вызывала оправданную тревогу. Мне было смутно известно о способах раздачи убийственного вируса. За то время, когда начали появляться сообщения о нападениях диких тварей, ни разу не упоминалось о победных раундах в пользу людей. Каждое такое нападение завершалось гибелью человека и поэтому никто не мог сказать с уверенностью, во что может вылиться тесный контакт с дикими тварями, исключая смертельные финалы. Сменной одежды у меня не было, а таскать на себе вонючие тряпки желания не возникало. Поэтому самым очевидным решением стало решение сделать очередную остановку. Спустившись в расщелину, я оказался на берегу горного озера, окруженного высокими мшистыми скалами. В любое другое время я восхитился бы открывшимися красотами, но теперь я только с грустью поглядел на предупреждающую табличку «Купаться запрещено», напомнившую о мирных временах. Скинув с себя изгвазданные шмотки, я с разбегу нырнул в озеро и с удивлением понял, что немного поторопился. От ледяных подземных потоков свело дыхание, и кое — как выбравшись на скользкие камни, я принялся полоскать в озере свои кровавые доспехи. Холодная вода на удивление легко справилась с поставленной задачей, и теперь моя одежка сохла на камнях, а я сам тщательно изучал собственную тушку на предмет повреждений. К счастью, смертельные схватки не оставили на мне порезов, ссадин и глубоких ран, чему я только порадовался. На всякий случай я извлек из сумки пузырек с девяностопроцентным спиртом и обтерся с ног до головы. Закончив профилактические процедуры, я растянулся на камнях, на мгновение забывая о громоздившейся повсюду опасности. Битвы на голодный желудок вызвали во мне крепкий здоровый сон, и я беспечно задремал, греясь под редкими лучами.

Однако, тревожная обстановка сделала меня осторожным, обострив инстинкты, поэтому я несколько не удивился, когда в мой сладкий сон проникло недовольное фырканье. Мигом проснувшись, я вскочил на ноги и огляделся. Ничего настораживающего внимание не привлекло, однако я не забывал о чрезмерной ловкости диких тварей, их умении бесшумно перемещаться по зарослям и умении стремительно нападать. Прислушиваясь к тишине, я натянул влажную одежду и, подхватив сумку, двинулся вверх, то и дело соскальзывая с крутой сырой тропинки. Выбравшись из расщелины, я снова остановился и уловил сбоку едва заметное движение. Дикая тварь метнулась к деревьям, однако в этой части склона они росли не так густо и позволяли без труда рассмотреть окрестности. Тварь, почуяв наблюдение, замерла и медленно развернулась, смело встречаясь со мной глазами. Она была некрупной и жилистой, и я мог бы поклясться, что именно она завалила моего противника, избавив меня от неминуемой смерти. Скорей всего, ей была неведома вся ценность оказанной мне услуги, но я, повинувшись внушенному с детства воспитанию, коротко кивнул ей, благодаря за помощь. Тварь с любопытством сделала шаг в мою сторону, не проявляя, впрочем, ожидаемой агрессии, и я невольно вспомнил своего пленника, так же с интересом изучающего мои повадки. Осмелев, тварь приблизилась настолько, что я без труда мог убедиться в правильности сделанного вывода. Шею твари украшал широкий уродливый шрам, образованный небрежно стянутой кожей. Я не делал попытки сбежать, но и вступать в контакт мне хотелось не слишком, поскольку я все еще был уверен в ее непредсказуемости. Тварь решила продемонстрировать эту самую непредсказуемость, протянув ко мне уродливую конечность, украшенную кривыми довольно острыми ногтями. На кисти был заметен глубокий порез, продолжавший кровоточить и видимо, причиняющий твари неудобство. Похваставшись приобретением, тварь спрятала лапу и коротко взвизгнула, продолжая рассматривать своего визави.

«До свадьбы заживет, — пообещал я, не зная, как по-другому отреагировать на поведение существа»

Тварь снова коротко взвизгнула и замотала головой, будто сообразив, о чем я сказал. Я припомнил, как быстро подлечилась подраненная мной баботварь, с какой скоростью зарастали нанесенные мной порезы крупной особи, и с удивлением уставился на старого знакомого. Мы пялились друг на друга уже больше десяти минут, а из его раненой лапы все еще продолжала сочиться кровь, пачкая собой сырую траву. Тварь слабо дрожала, переминаясь на кривых сильных ногах и повизгивала, видимо жалуясь на боль. Я снял с плеча свою сумку и слегка приподнял ее перед собой, демонстрируя твари свое единственное имущество. Само собой, тварь и понятия не имела о содержимом моей сумки, как не смогла бы догадаться о моих намерениях, однако в ответ она снова протянула ко мне конечность и едва заметно вздохнула. Хотя последнее, мне, скорей всего просто показалось. Убедившись в мирных намерениях твари, я присел и извлек из недр сумки необходимые ингредиенты для лечения ран. Правда все они были рассчитаны на человеческие увечья и к диким тварям не имели отношения, но я решил проверить внезапно возникшую идею. Тварь, заметив мои манипуляции, несмело двинулась вперед, сократив расстояние еще на пару шагов и все еще протягивая мне израненную клешню. Я предложил ей присесть, и принялся оказывать помощь. Тварь терпеливо сносила мое участие, не отрывая взгляд от моего лица. Забинтовав рану, я жестом отпустил пациента, однако тот продолжал рассматривать мои вещи, пуская тягучие слюни прямо на разложенные инструменты. Я собрал все в сумку и вновь направился к озеру. Мне было необходимо избавиться от следов любопытного

интереса странного существа. Оно по-прежнему вызывало во мне стойкое отвращение, однако его мирный нрав и покладистый характер, немного сглаживали производимое им впечатление.

Если бы несколько лет назад мне кто-нибудь заявил, что однажды я буду отчаянно скучать по людям, я бы охотно рассмеялся бы в лицо тому фантазеру. Когда-то очень давно, в молодости, у меня были друзья, знакомые, позже коллеги и деловые партнеры. С ними всеми я легко находил общий язык и всегда считался душой компании. Однако с годами мое желание видеть вокруг себя шумные сборища значительно потускнело, а после сошло на нет. Я без труда находил себе развлечения и без присутствия разудалых гостей и веселых приятелей. Но сейчас, бесцельно скитаясь по горам, прислушиваясь к каждому шороху и знакомясь с гнетущими новостями, я отчаянно нуждался в ком-то, кто выслушал бы мои тревоги и произнес бы пару ничего не значащих, но ободряющих слов. Я уже жалел, что так самонадеянно расстался с моими соседями, наверняка к этому времени уже вернувшимися в родные края. Ну, разумеется, если по дороге им не повстречались голодные дикие твари, которых с каждым часом становилось все больше. Читая оперативные сводки, я содрогался от мысли, что будет, когда с лица земли исчезнет последний представитель человеческого вида. Твари множились с устрашающей скоростью, растерявшиеся ученые могли только обнаруживать новые свойства злобных существ, и важно знакомить обывателей с их обновленными характеристиками. Твари по-прежнему не испытывали эмоции, руководствовались природными инстинктами, по сути являлись одиночками, но мне почему-то казалось, что наступит час, когда вирус в очередной раз мутирует и подарит тварям способность создавать сообщества. Из новинок, любезно предложенными исследователями несчастья, была грустная информация о практической неуязвимости дикарей. Если первая волна мутантов еще подвергалась уничтожению, то новые поступления только в голос ржали над бесплодными попытками повлиять на рост их популяции. Гуманисты с позором отступили, признав ошибочность своих убеждений и отдали диких тварей на растерзание всем желающим. Желающих не находилось, а смелые ура-патриоты были смелыми только на словах. В какой-то момент возникла чудная петиция, призывающая жестоко карать всех, кто поддерживает контакты с представителями враждебного нам вида. Именно в таких выражениях доносились до общественности основные тезисы грозной петиции.

Как-то среди ночи меня разбудил знакомый шорох приближающихся тварей. Сейчас, судя по звукам, их было сильно больше, чем в мою предыдущую встречу с представителями враждебного вида. Я подскочил и на всякий случай вытащил нож, готовясь подороже продать жизнь. В то, что мне удастся выйти из этой схватки победителем или хотя бы сыграть вничью, я не верил ни секунды. Первая тварь, не стесняясь, спустилась со склона и угрожающе подошла прямо к месту моей очередной стоянки. Ну, а чего было стесняться практически неуязвимому существу? В ее действиях можно при желании обнаружить логику, мысленно усмехнулся я, и напал первым, не дожидаясь пока она подтянет к себе остальных. Тварь заверещала и отползла в сторону, но только для того, чтобы в считанные минуты восстать из раненых и снова напасть. Тварь торопилась. Ей не хотелось делиться добычей с остальными, медленно стягивающимися в плотное кольцо. Я свободной рукой запалил от костерка факел, надеясь, что они, как и все живое, боятся огня. Огня они боялись, но это не сдерживало их агрессию. В темноте я насчитал около шести особей разного пола и размера. Среди этого голодного отряда можно было отыскать как щуплых и тщедушных твареньшей,

так и огромных представителей, с сильными лапами и решительными мордами. Они нападали по очереди, терпеливо выжидая подходящего момента, чтобы атаковать будущую еду. Я успел отразить пару неторопливых атак, как вдруг в рядах агрессоров раздалось отчаянное верещание. Одна из особей рухнула на землю по чьей-то настойчивой просьбе и задергалась в предсмертных конвульсиях. Возможно, ко мне подоспел какой-нибудь спасательный отряд, мелькнула смелая мысль и придала мне уверенности. Я успел нейтрализовать на малый срок еще пару тварей и вдруг с изумлением понял, что никакого отряда нет, а моих обидчиков косит мой старый знакомец с перевязанной лапой. Он ловко запрыгивал тварям на плечи и с силой цеплялся в их шеи, без труда перегрызая артерии и заливая полянку вонючей кровью. Расправившись с большей половиной непрошенных ночных гостей, тварь привычно растворилась в темноте, оставляя мне право добить последнего, тощего и маленького, возможно, бывшего когда-то подростком-человеком. Стараясь не развивать последнюю мысль, я распилил тощее горло почти пополам и отбросил легкую тушку прямо в костер. Переведя дыхание, я уставился на притихшее поле битвы. Передо мной валялся в разных замысловатых позах прекрасный материал для научных опытов и исследований, однако в эту минуту мне отчаянно хотелось оказаться за тысячи километров от этой спонтанной лаборатории.

Глава 4.

Я решил не задерживаться надолго на страшной полянке и, нащупав в темноте свою неизменную сумку, двинулся дальше, шатаясь от усталости и безысходности. «Ради чего я прилагаю столько усилий? — болталась в голове единственная мысль, — я же был готов принять смерть даже от представителей своего вида, лишь бы избавиться от бесконечности бытия?»

Оказалось, что не готов. «Инстинкты великая вещь, — озвучил я сам себе научно обоснованную фразу и обессиленно рухнул возле очередного журчащего потока, именуемого горной рекой.

Наутро я обнаружил возле своей стоянки еще одну дикую тварь. Точнее, ее растерзанное тело. Тело валялось на камнях, недалеко от реки, признаков жизни не подавало, и я, осмелев, принялся с интересом рассматривать любопытный экземпляр. Эта тварь отличалась от остальных заметно пропорциональными ногами, до самых колен покрытых свежими ссадинами и кровоподтеками. Ее руки и морду я разглядеть не мог, поскольку нелепая тварь поджала лапы под себя и перевернулась на живот, спрятав рожу в гладких валунах. Ее тело было некрупное и жилистое, хоть и принадлежало когда-то взрослому мужчине. Терзаемый любопытством, я перевернул тварь на спину и от удивления негромко выругался. Передо мной лежало тело моего старого знакомого, так вовремя подоспевшего нынешней ночью мне

на помощь. Я узнал его по уродливому шраму, пересекавшему горло, и лапе, обмотанной грязной тряпкой. Рана давно зажила и в тряпке не нуждалось, однако тварь продолжала таскать ненужный артефакт, почему-то не желая с ним расставаться. Его ноги были изранены, но выглядели намного короче конечностей всех остальных представителей нового вида. И короче его собственных конечностей, тех, что были при нем, когда я видел его последний раз у озера. Сейчас это были вполне нормальные человеческие ноги. Почувствовав в себе азарт исследователя, я потянул в сторону его обмотанную лапу и от удивления присвистнул. Лапа, так же, как и ноги, выглядела обычной человеческой конечностью, правда, покрытой жесткой светлой щетиной. Развернув к себе его морду, я не заметил видимых изменений и разочарованно выдохнул. Она, как и раньше, была неестественно вытянута вперед, наподобие собачьей морды, но выглядела отталкивающе и симпатии не рождала. Глаза твари были закрыты, дыхания не прослушивалось, однако не похоже, чтобы смерть настигла его раньше, чем пару часов назад. По всему выходило, тварь шла за мной следом, прямо от места сражения и, видимо, держалась на значительном расстоянии, поскольку ночью я, как ни прислушивался, никаких посторонних звуков не слышал.

Я рискнул пойти в своих исследованиях до конца и, подхватив неожиданно легкое тело на руки, подтащил его к водному потоку. Мне хотелось изучить его повреждения, поскольку все они имели механический характер, и находились в разной степени заживления. Опустив ногу твари в бурлящий поток, я кое-как смыл грязь с жесткой кожи и с изумлением понял, что от моих манипуляций один из порезов открылся и в ране выступила не до конца свернувшаяся кровь. Моя первоначальная теория о гибели твари, терпела сокрушительное поражение, однако тварь не торопилась продемонстрировать чудеса живого состояния. Скорей всего, она находилась без сознания, что тоже противоречило ученым наблюдениям. Исследователи единодушно приходили к выводу, что тварь имеет только два положения — живое и мертвое. Привилегия терять сознание и падать в обмороки оставалась у человеческого вида. Вытянув тело из ледяной воды, я отволлок его к своей стоянке и уложил под высокий куст кизила. Мне до одури хотелось заняться научными изучениями, провести разные сравнительные анализы биологических образцов и сделать свои собственные выводы, однако я был лишен этой заманчивой возможности, находясь в полевых условиях. Мне оставался доступным единственный метод — метод наблюдения. Тварь продолжала безмолвствовать, вольготно развалившись под раскидистым растением. Почуввав смысл жизни, я порылся в недрах сумки и достал старинную тетрадку, до самых краев заполненную моими научными выкладками. Листки давно растрепались и превратились в разломаченные обрывки, и мне, по-хорошему, давно уже требовалась новая тетрадь, однако я никак не мог заставить себя расстаться с этим артефактом, и продолжал бережно хранить рассыпающееся сокровище. Пока я предавался ностальгии, тварь зашевелилась и неловко перевернулась на бок, жалобно вздохнув. Я невольно улыбнулся, радуясь его живому состоянию, и тут же пораженно замер, наблюдая, как очнувшаяся тварь с удовольствием жрет кислые ягоды, свисающие к ее морде.

«Ты голоден? — поинтересовался я, пропустив торжественную процедуру приветствия, — или ты хочешь пить?»

Тварь замерла, и сделала попытку подняться, однако, попытка не вышла, оставив тварь стоять на четвереньках и создавая ей полное сходство с диким животным.

Я не рассчитывал на дружеские беседы, поэтому просто протянул ей наполненную

водой пластиковую баклажку. Тварь ухватила ее обеими лапами и поднесла к неудобной морде. Жестами она симитировала действия обычного человека, желающего напиться из пластиковой баклажки. Однако уродливая морда не позволила ей довести задуманное до конца и, раздраженно отшвырнув емкость, тварь наконец-то поднялась на ноги и засемила к воде.

Я тоже хотел есть, однако начинать трапезу в присутствии твари опасался, не зная ее реакции. Кислые ягоды не были способом утолить голод, как я понадеялся в начале, они были способом избавиться от жажды, и этот факт не отметил возможности твари сожрать человека. Тварь вернулась и тактично присев рядом, замерла, не делая попытки уйти. Наконец, наплевав на осторожность, я достал из сумки честно украденный концентрат, и прослушав нудную рекламу с крышки, поднес коробку ко рту. Тварь насторожилась, привлеченная запахом и смешно повела мордой. Наудачу я протянул ей коробку, ожидая, что существо недовольно заверещит и начнет жрать меня. Однако голодная тварь вырвала из моих рук концентрат и тоже поднесла к морде. После чего вывалила содержимое коробки на землю и принялась слизывать мерзкую жижу длинным красным языком, при этом отвратительно чавкая и похрюкивая. Выходит, ученые всего мира ошибались, утверждая, что дикие твари питаются только человеческим мясом? Или это была какая-то особенная тварь, вроде вегана? Мне почему-то перестало нравится такое к ней обращение, и я решил дать ей имя. Наблюдая за полным отсутствием манер и дикостью нрава, я пришел к заключению, что имя Варвар для нее самое подходящее.

«Я буду звать тебя Варвар, ты не против? — любезно поинтересовался я и с удивлением увидел, как скривился мой уродливый друг. Ему не понравилось выбранное имя, но я не стал напрягаться с другим и оставил все как есть.

Варвар больше не растворялся в лесных чащах, неотступно следуя за мной по всем маршрутам. Он держался на значительном расстоянии, но всегда поблизости, и если я делал привал, то неизменно подбегал к моему биваку и составлял мне компанию, тактично соблюдая дистанцию. По ночам он не спал, а внимательно поводил длинной рожей, вынюхивая чужаков, и у меня появлялось время нормально выспаться. Диких тварей можно теперь было встретить не только на склонах гор. Они беззастенчиво появлялись в маленьких затерянных поселках, нападали на людей прямо на улицах и не испытывали при этом ни малейшего страха. Правительство законодательно разрешило использовать против тварей любые виды оружия, однако все эти меры только озлобляли и без того злобных существ, а повреждений не несли. Зато в спонтанных перестрелках страдали мирные граждане, остававшиеся еще людьми. В мире царил хаос, и чем, а главное, когда, все закончится не знал никто.

Мы с Варваром бродили по склонам, не видя перед собой решительно никакой цели, единственная цель, стоящая передо мной, заключала в себе необходимость не попасться в лапы обезумевшим зверюгам. Я перестал читать новостные ленты, где ужасов было больше, чем в любом кассовом ужастике. Однажды ночью на нас снова напали злобные твари, но в этот раз мой Варвар даже не дал мне возможности проявить себя грозным воином, сразу сожрав всех трех гостей. Приложенные усилия лишили храброго дворняжку последних сил и до утра он проспал, свернувшись в немыслимый ком. У меня оставался последний концентрат, и что станет моим следующим обедом, я решительно не мог себе представить. Все торговые точки, рынки и частные магазинчики давно стояли закрытыми, а последние товары из них были растащены местными и равнинниками почти месяц назад. Варвар

зашевелился и услышав мои приготовления к завтраку, вопросительно уставился на меня. Я обернулся, и мои слова, приготовленные для него, застряли в глотке, поскольку с моим Варваром снова произошли изменения. Его устрашающая собачья морда втянулась, и стала немного напоминать лошадиную, но теперь она не рождала привычного ужаса и выглядела даже симпатично. Кроме того, глаза Варвара приобрели оттенок и заметно потемнели.

Эти видимые изменения зародили во мне вполне осознанную идею, которую мне захотелось тут же проверить.

«Ты вчера лихо расправился с дикими тварями, — вполне искренно произнес я, следя за выражением морды Варвара. Впрочем, теперь оно больше напоминало лицо, немного крупное и непропорциональное, но все же это было лицо. — ты загрыз их, дружище? Или просто свернул им их бесполезные шеи?»

Варвар выпрямился, и гордо кивнул, продолжая сверлить меня глазами.

«Так что, Варвар? — терпеливо повторил я, — ты загрыз их?»

Варвар снова кивнул и возмущенно фыркнул. Эта эмоция осталась за пределами моего понимания, и я снова задумался. Все изменения происходили с Варваром после битв с тварями. Рано было делать выводы, но одно становилось мне ясным — какой-то вид взаимодействия с тварями возвращал ему человеческий облик. Только вот какой?

Тем временем, мой страшноватый приятель потянулся к оставленной мной коробке и ухватив ее двумя руками, принялся терзать зубами хитрую крышку. Ему было, видимо, невдомек, что навязчивые производители не позволяли воспользоваться их продуктом без обязательного прослушивания целого списка преимуществ и полезных свойств выбранного дерьма. О каких вообще полезных свойствах могла идти речь в этих химических отравках? Я побоялся отнимать коробку из цепких лап. Все же Варвар оставался диким животным, несмотря на столь явные изменения, и рассчитывать на его разумное поведение не приходилось. Расправившись с содержимым коробки, привычно вывалив его на землю, Варвар принялся чавкать, утробно ворчать и слизывать языком перемешанную с пылью субстанцию, заменяющую человечеству нормальную пищу.

На послеобеденное время у нас с Варваром был запланирован очередной марш бросок. Я не рисковал надолго задерживаться на одном месте и вероятно, благодаря этой тактической хитрости, редко подвергался нападениям разъяренных тварей. Однако у меня банально закончились харчи, и нынешняя экспедиция посвящалась поиску пропитания. Ближайшее горное поселение, до которого я сумел доползти, сопровождаемый Варваром, оказалось совсем близко, всего в нескольких километрах от моей последней стоянки. Это было несомненно удобным вариантом, но на том все преимущества заканчивались. Поселок встретил меня настороженной тишиной и привычным безмолвием. Я побоялся тащить с собой Варвара, помня о легальности оружия, и настрого приказал ему оставаться в посадках, пообещав вернуться так скоро, как только получится. Побродив по опустевшим улочкам, я рискнул постучаться в один из домов, рассчитывая купить немного еды. Меня устроил бы любой вариант, от химических концентратов, до рассыпчатой смеси, навязчиво рекламируемой все последнее время. В состав этой дряни, по уверениям производителей, входили все необходимые человеку компоненты. Смесь достаточно было залить обычной холодной водой, и она тут же превращалась в бесформенное нечто, не имеющее вкуса и запаха, но способное поддержать в потребителе жизненную энергию. На мои настойчивые просьбы, жители только плотнее захлопывали окна и закрывали ворота на все замки. Никому не нужны были деньги, один из мужиков, зло покосившись на мою измятую и

порванную одежду, так и заявил:

«Вот ты при деньгах, парень, но принесли они тебе пользу прямо сейчас? Никто не знает, когда мы снова сможем воспользоваться этими бумажками!»

В одном из домов мне все же отсыпали пару горстей той самой бурды, которую следовало заливать водой.

«Это все, приятель, чем можем поделиться, — проговорил мальчишка-подросток, едва приоткрыв мне дверь»

Я от души поблагодарил парнишку и торопливо направился обратно, очень рассчитывая застать Варвара в добром здравии.

Там, где я оставил своего ненадежного спутника, было тихо и пустынно, а следы Варвара давно растаяли в неизвестности.

«Что ж, — с сожалением подумал я, — рассчитывать на то, что дикая тварь станет тебе верным другом, очевидно не приходится!»

Я не слишком жалел о потери, но Варвар был единственным живым существом, с кем я мог поговорить о вечном, не вызывая неоправданного недовольства.

Место моего последнего пристанища тоже располагалось у горной реки, быстрой, глубокой и полноводной. На одном из встреченных указателей я даже сумел разобрать ее название, из которого получалось, что мой походный лагерь приютился на берегу красавицы Беллы. Название, на мой взгляд, было чересчур сказочным, но места, окружавшие меня со всех сторон, были действительно, очень красивы. Присев на сырые камни, я зачерпнул немного ледяной воды и развел пол-ложки добытой фигни. Мне стоило быть крайне экономным, никто не знает, когда в следующий раз мне удастся раздобыть себе жратву. Порошок оказался безвкусным, но весьма быстро погасил постоянное чувство голода и почему-то напомнил о дикой твари.

«Уж он-то отыщет себе пропитание, хотя бы среди местных, — насмешливо подумал я и содрогнулся от мысли, что вообще рискнул поддержать контакт с диким существом.

В ответ на мои мысли за спиной раздался едва различимый шорох и, обернувшись, я увидел вернувшуюся тварь. Варвар выглядел очень необычно, хотя бы потому, что был снова исцарапан и помят, и едва держался на ногах.

«Где тебя носило, придурок? — добродушно поинтересовался я, приглашая Варвара разделить со мной сидение возле воды. Варвар, ожидаемо не ответил, но до меня дополз и без сил рухнул прямо в воду. Очевидно, его мучила жажда, поскольку он жадно принялся лакать ледяную воду, не реагируя на стремительные потоки. Напившись, он повалился на камни и тут же захрапел, пуская тягучие слюни. Не сказать, чтобы появление Варвара меня сильно обрадовало, однако я был рад, что с ним все было в относительном порядке, и что он был жив. Раньше я ни разу не наблюдал за тем, как тварь спит. Разумеется, он спал, и возможно, даже ночью, однако я всегда интересовался его бодрствующим состоянием и сейчас не удержался от нового околонатурного наблюдения. Варвар сладко сопел, похрюкивая и причмокивая, и то и дело поджимал под себя вполне человеческие конечности, словно хотел спрятаться от внешнего мира. Мое пристальное внимание не мешало ему наслаждаться крепким здоровым сном, а я вдруг стал замечать, как его уродская рожа вновь меняет свои очертания. Возможно это было игрой света и тени, и еще моего воображения, но я отчетливо видел, как непропорционально развитые кости уменьшаются в размерах, принимая форму вполне приличного человеческого лица. На месте выпирающих клыков появились ровные белые зубы, а вечно оскаленная пасть превратилась в довольно

широкий, но все же человеческий рот. Мне хотелось немедленно растолкать Варвара и рассказать ему о всех произошедших с ним переменах, но глядя на его слюни, я почему-то передумал. С наступлением сумерек, Варвар завозился и потянувшись, невежливо зевнул, продемонстрировав моему вниманию ряд вполне приличных белых зубов.

«Добрый вечер!» — поприветствовал я Варвара и только что заметил, что его нога сильно порезана и кровоточит.

«Поднимайся, я должен оказать тебе помощь,» — проговорил я, совершенно забывая, что разговариваю, по сути с диким животным. Варвар вернул себе человеческий облик, но его разум продолжал оставаться во власти вируса. Тварь, или теперь уже бывшая тварь, резво вскочила на ноги и огляделась.

«Рррххрр — пророкотал Варвар, впервые сделав попытку издать какие-то звуки, кроме визжания. — рррххрр»

Он протянул ко мне раскрытые ладони, оказавшиеся покрытыми подсыхающей коркой свернувшейся крови.

«Ого, — восхитился я, — да ты здорово порезался. Давай, я обработаю тебе рану.»

Варвар с готовностью кивнул и протянул ладони еще ближе, утыкаясь ими в мое лицо. Я недовольно поморщился, и обхватив его узкие запястья, опустил руки в проточную воду. К моему великому изумлению, на ладонях Варвара не оказалось ни единого пореза, а кровь, судя по всему, шла из раны на ноге. Однако на мои предположения, бывшая тварь отчаянно замотала лохматой головой и повернулась в сторону горного леса.

«Ты снова подрался? — проговорил я и меня осенило новой идеей. Так вот, какое взаимодействие с дикими тварями вернуло Варвару прежний облик. Кровь тварей, попадая в пораженный организм, вызывает реакцию, нейтрализующие разрушительные процессы и со временем уничтожает их, возвращая несчастным зараженным привычный облик. Правда было непонятно, укрощалась ли дикая агрессия при помощи этого противоядия и возвращались ли к несчастному его утраченные мыслительные способности. Теперь я очень жалел, что так легко избавился от образцов зараженной крови. Теперь мне требовалось изловить как минимум две дикие особи, чтобы окончательно убедиться в правильности своих выводов. Варвар продолжал оставаться варваром, что-то невнятно мыча и пуская тягучие слюни. Мыслительные процессы оставались пока за гранью возможностей несчастного существа.

«Рррххрр,» — снова зарокотал он, а я тревожно огляделся, видя в этом рычание предупреждение об опасности. Ничего не вызывало тревоги, по крайней мере с моей точки зрения. Красавица Белла продолжала катить стремительные волны, нежно бормоча прибрежным камням о неразделенной любви, а лиственный лес сочувственно шелестел густой листвой. Так или почти так начинались все южные легенды, овеянные тайнами и символами. Мой романтический настрой был нарушен Варваром, снова пытающимся донести до меня какую-то мысль.

«Рррххрр, прррхххр, прхр, — рокотал он, и я вдруг расслышал в его рокоте свое имя.

«Ты хочешь сказать, Прохор? — осенило меня, а Варвар радостно закивал лохматой башкой.

Это был успех. Правда успех спонтанный и не имеющий доказательной базы, но все же это могло считаться первым шагом к избавлению от напасти. Мне срочно были нужны образцы. С возвращением себе человеческого облика Варвар растерял дикие навыки выживания в естественной среде, вновь становясь медлительным и неповоротливым, с точки

зрения диких тварей. Он растерял их не сразу, он все еще обгонял меня в длительных переходах, но уже не так живо реагировал на внешние звуки и не так молниеносно прятался в зарослях в момент опасности. Помимо этих очевидных изменений, в Варваре не менялось ничего. Он по-прежнему гортанно рокотал, пытаясь привлечь мое внимание, но это было все, на что он оказывался способен. Я боялся отправлять его на задание по отлову опытных образцов, я хотел сохранить его как доказательство чудесного исцеления до того момента, пока мы с ним не окажемся в цивилизованном мире.

Глава 5.

Однажды мне повезло. Пробираясь к следующему месту стоянки, я заметил впереди метнувшуюся за деревьями дикую тварь. Варвар тихонько замурчал свои привычные рулады, призывая мое внимание, а я только сдержанно кивнул ему, предлагая держаться рядом. Тварь не заметила нас, и подпустила меня на расстояние вытянутой руки. Как оказалось, она подстерегала другую жертву, и мы своим появлением убили двух зайцев. Спасли от расправы местного жителя, неосторожно забредшего в густые посадки и, перерезав одним ударом артерии дикого существа, набрали исходный материал. Я осторожно разлил стремительно сворачивающуюся кровь в приготовленные емкости и торжественно воскликнул:

«Вот так-то, друг Варвар! Высокие задачи требуют решительных мер!»

На мое восклицание друг Варвар отреагировал весьма странно. Он привычно замотал неммытыми кудрями и вызывающе изрек:

«Прхр! Прррххрр! Ппррххрр!»

Я коротко кивнул и затолкав поверженную тварь в водный поток, торопливо направился дальше, подыскивая удачное местечко для научных исследований. Заниматься научной деятельностью в полевых условиях оказалось весьма неблагоприятной работой. Мои склянки то и дело опрокидывались, уничтожая и без того невеликие образцы, а Варвар, с видимым интересом наблюдая мою возню, только восклицал свое «прхр». Той агрессии, что проявлялась у него во времена его дикого состояния, я не замечал. В целом, это оказался весьма спокойный дикарь, и я даже склонялся к мысли, что, находясь в человеческом облике до заражения, он мог быть весьма неплохим семьянином, верным и заботливым. Я так и видел его в окружении кучи ребятишек, которым он читает сказки на ночь и выговаривает за непослушание. Внезапная мысль заставила меня замереть. А ведь в моих предположениях нет ничего сверхъестественного. У каждого зараженного когда-то были близкие, любимые и любящие, которые тоже вероятно подверглись страшному недугу и теперь бродят где-нибудь по окрестностям в поисках очередной добычи.

«Где твоя семья, Варвар?» — немного некорректно поинтересовался я и только после реакции этого получеловека осознал свою невоспитанность. Дикарь поднял на меня разом потемневшие глаза и горестно вздохнул, на этот раз промолчал и не озвучив свое «прхр хр»

Мои приготовления одного из вариантов противоядия были закончены, однако мне

нужно было проверить его эффективность, а для этого мне снова была нужна дикая тварь. Варвар иногда исчезал из видимости и пропадал в зарослях на целые сутки. По понятным причинам, он никогда не делился впечатлениями от прогулок, но по его роже я мог с точностью до эмоции сказать, насколько продуктивна прошла его очередная вылазка. Как-то раз Варвар пропал на трое суток, вызвав во мне оправданное недовольство. Мне было жаль расставаться с прекрасным опытным образцом, к тому же я продолжал вести наблюдения за возможными изменениями в диком получеловеке. Вернувшись к моему лагерю на четвертые сутки с первыми лучами зари, Варвар растолкал меня и, схватив за руку, потянул вверх по склону, при этом что-то восторженно бормоча. Мы поднимались уже довольно долгое время, и я начал сомневаться в целесообразности своего стремительного доверия и согласия на разного рода авантюры. Наконец, достигнув небольшой утоптанной полянки, Варвар торжественно подтолкнул меня к довольно объемному дереву, к стволу которого была примотана дикая тварь. Она отчаянно шипела и судорожно дергала накрепко перетянутыми конечностями, а завидев нас, издала пугающий вопль. Варвар, не обращая внимания на проделки пленницы, продолжал рассматривать меня, видимо отслеживая мою реакцию. Я сдержанно поблагодарил Варвара за труды и едва удержался, чтобы не отвесить ему душевного пинка. Теперь, из-за его тяги к сюрпризам, мне приходилось возвращаться к лагерю и забирать готовые образцы приготовленного зелья. Потратив на бесполезные хождения взад-назад пару часов, я наконец-то смог осуществить свою задумку, не опасаясь, что приснопамятные гуманисты сожгут меня за неуважение к живым существам. Во-первых, мало кто сунется в эту глушь из людей, а во-вторых, я стоял на пороге величайшего открытия, способного перевернуть мир. Так думал я, присаживаясь перед привязанной тварью и приступая к самой утомительной части научной работы — наблюдениям. Тварь продолжала бесноваться, изрыгая проклятия, и дергаясь во все стороны. Это была особь мужского пола, довольно крупных размеров, и мне пришло в голову, что, вероятно, дозу противоядия необходимо увеличить. Наконец, тварь утомилась выразить свое недовольство и притихла, озлобленно скалясь на все, что попадалось ей на глаза. Ученые, утверждая, что дикие твари лишены эмоций, были неточны в своих определениях. Злоба и ненависть тоже были эмоцией и довольно сильной, поскольку тварь едва не разорвала кожаные ремни, заботливо украденные Варваром из моей дорожной сумки. Я сидел перед диким зверем больше трех дней и не видел ничего, что намекнуло бы мне о возвращении твари человеческого облика. Изменения с Варваром были заметны уже на следующее утро после взаимодействия с зараженной кровью, в этом же случае, тварь только больше озлоблялась и не стеснялась демонстрировать дурные манеры. Поняв, что мои снадобья не сработали, я добавил твари оков, и решил вернуться к лагерю, продолжить разработки. Варвара привычно не было, и я только покачал головой. Что толку от моих разработок, если получеловек продолжает оставаться диким и своевольным зверем, по сути той же тварью, только менее агрессивной. За все это время он даже не научился нормально излагать свои мысли, если вообще таковые рождались в его лохматой голове. Правда, за последние недели с него слезла вся шерсть, а глаза из прозрачно водянистых превратились в темно-синие, почти черные. Варвар продолжал разгуливать в своем естественном обличье, нисколько не стесняясь моего присутствия, и этот досадный факт только подтверждал мою версию о его полнейшей дикости. Южная погода продолжала радовать жаркими днями и палящим солнцем, но Варвар упрямо прятался от прямых лучей, стараясь по-прежнему держаться в тени. Мои размышления были в который раз прерваны появлением предмета моих наблюдений. В

руках Варвара громоздились коробки с концентратом, а весь его вид выражал полное довольство собой. Концентрат считался самым вкусным и питательным деликатесом из всех выпускаемых продуктов. Правда было еще недоступное простым смертным консервированное мясо, но это блюдо могло поспорить с красивой легендой, передающейся из поколения в поколение. Однажды мне посчастливилось попробовать эту дрянь, и я тогда очень неосмотрительно высказался о дешевой мясной тушёнке, с жилами и салом, которая могла бы без труда выиграть по очкам у этого деликатеса. Меня не поняли и мои комментарии не оценили. В две тысячи восьмидесятых годах с продуктами в мире действительно стало немного напряженно.

Я сдержанно поблагодарил дикаря за старания, и не удержавшись, тут же схомячил одну коробку, даже не став слушать тупую рекламную нудятину. Варвар с интересом мотал башкой, по-прежнему не сводя с меня глаз и, когда я покончил с обедом, довольно заурчал. Я почувствовал что-то вроде угрызений совести и протянул добытчику еще одну коробку.

Мой подопытный образец все еще томился в неволе, ожидая новых вмешательств в свой дикий организм. Мне нечем было его порадовать, поскольку все мои идеи были воплощены, а новых не появлялось. Неосознанно наблюдая, как дикарь расправляется с коробкой, вгрызаясь в нее зубами, я неожиданно подумал, что в моем противоядии не хватает еще одного компонента. О том я мог догадаться и раньше, поскольку если агрессивные твари сражались между собой за добычу, а это несомненно случалось, и не однажды, то наверняка их кровь вступала во взаимодействие с кровью противника. Если бы эта теория работала, то проблема решилась бы сама собой.

«Нужно что-то еще, — думал я, с отвращением глядя, как сытый гамадрил пускает слюни прямо в пустую коробку.

«Минуточку! — мысленно воскликнул я и в нетерпении вскочил на ноги.

«Скажи мне, друг Варвар, — как можно дружелюбнее обратился я к дикарю, — ты, сражаясь с тварями кусал их, так?»

Варвар смотрел на меня, и бессознательно качал башкой. И было непонятно, соглашается он с моими словами или отрицает их. Я не стал дожидаться ответных реплик, и отобрав коробку, принялся составлять новый раствор, молясь про себя, чтобы привязанная к дереву тварь не склеила лапы раньше, чем я доберусь до нее.

Перелив приготовленное зелье в емкость, я со всех ног рванул вверх, к своему образцу. Тварь все еще сидела у дерева и откровенно скучала. Заметив меня, она привычно дернулась и заверещала, почуяв новые веяния. Я опрокинул в ее раскрытую пасть пробирку с новым противоядием и представив себе его вкус, срыгнул остатки обеда на траву. Я добавил в обновленный состав образец слюны Варвара, искренно надеясь, что теория сработает. Тварь дернулась еще несколько раз и настороженно затихла, погружаясь в анабиоз. Я не мог с уверенностью сказать, произошло ли это по причине ее банальной усталости, или же так на нее подействовало новое зелье. Варвар, возвращаясь с побоища, тоже валился спать, во всяком случае, мне хотелось думать, что мой фокус удался.

Тварь дрыхла до обеда следующего дня, а после пробуждения, уставилась на меня изумленными водянистыми глазками. В ее поведении больше не замечалось дерганий и визгливых звуков, кроме того, она как-то сразу обмякла, затихла и стала покладистой. На второй день ее ноги стали короче, а лапы превратились во вполне сносные человеческие конечности. Я вздохнул, не в силах поверить в успех и вкатил твари еще одну дозу лекарства. Просто на всякий случай.

Укрепив оковы своего материала для исследований, я спустился к лагерю и к удивлению, нашел там Варвара, чинно сидящего на корточках возле моих пробирок. Его руки и рот были измазаны в крови образцов, а рожа сияла радостной улыбкой.

Улыбкой?! Раньше Варвар никогда не демонстрировал радость подобным образом.

«Что случилось? — гася тревогу, поинтересовался я, — ты сожрал образцы?»

«Прохор, — весьма отчетливо проговорил дикарь, — говорить, Прохор! Говорить.»

Я, не скрывая охватившей меня эйфории, подхватил Варвара и крепко обнял, мысленно поздравляя себя с новым открытием. После чего невежливо оттолкнул от себя дикаря, внезапно вспомнив о его весьма фривольном виде.

Мне нужно было немедленно обнародовать свое открытие. Мир задыхался от нашествия дикарей и ждал новых решений. Я больше не слушал текущие новости по причине отсутствия источников. Местные прятались по домам, и старались не показываться на глаза, а мой многофункциональный браслет давно разрядился. Однако, судя по количеству набегов диких тварей, их популяция неуклонно росла. Я собрал в сумку тщательно упакованные образцы и направился к дороге, в надежде достичь цивилизации. Варвар увязался следом, привычно держась на расстоянии, но неизменно поблизости. Он прятался за деревьями, напряженно прислушиваясь и подавая мне сигналы мягким урчанием. Свои вновь обретенные вербальные способности он решил не тратить, довольствуясь коротким «Пррххрр»

До дороги, ведущей в город, мне помешала добраться военная техника, выставленная неприступным кордоном поперек широкого асфальта. На мое появление отреагировал один из дежурных, резво выскочив прямо передо мной.

«Кто таков? Предъявите документы!»

Я послушно протянул ему карточку, про себя усмехаясь мысли о полной неэффективности данного метода. Солдатик познакомился с моими данными и вопросительно уставился на меня, требуя объяснения цели похода.

«Мне необходимо попасть в город, — торопливо заговорил я, подключая к голосу всю убежденность, — я изобрел противоядие против тварей, мне нужно донести эту информацию тому, кто сможет ей воспользоваться по назначению!»

Вероятно, дежурный не поверил мне, поскольку на его без эмоциональном лице не дрогнул ни один мускул. Он коротко кивнул мне и нырнул за ограждения. Вскоре на его месте возник внушительного вида вояка и назидательно прогудел:

«Время сейчас опасное, по дорогам передвигаться и совершать другие перемещения строго запрещено!»

От его формулировок сводило скулы, но я, набравшись терпения, вновь принялся рассказывать про изобретенное противоядие.

«Я провел пробный анализ, — твердил я, потеряв уверенность в успехе операции, — препарат работает. Он сумел вернуть твари человеческий облик.»

Для подтверждения своих слов, я поискал глазами Варвара и сделал ему знак подойти поближе.

«Видите эту особь? Кто он, по-вашему? — повел я пробный тест на сообразительность. Вояка сурово оглядел голого Варвара и нахмурился.

«Человек, — неуверенно проговорил он, — обычный человек. Чего ты хочешь, парень? У меня приказ, я должен исполнять его! Таковы правила!»

«Ну а я ученый! — теряя терпение воскликнул я, — я выполняю свою работу.»

Правительство, между прочим, дало добро на различные исследования, если они в результате смогут победить этих тварей!»

Последние мои слова поколебали убежденность военного и тот, изобразив на лице мыслительные страдания, наконец, кивнул.

«Ладно, — хмыкнул он, — время нынче опасное. Полезай внутрь, но сам понимаешь, твою обращенную тварь я вынужден оставить тут.»

Я с сожалением обернулся к Варвару и пробормотал едва слышно:

«Высокие задачи требуют решительных мер, приятель. Не обижайся!»

К моему изумлению, Варвар снова замотал головой, забормотал и протянул мне обе руки, очевидно для прощания. В его негромком урчании я отчетливо расслышал отчаяние и полное нежелание расставаться.

«Я вернусь, Варвар, обещаю!» — проникновенно проговорил я и полез в бронетехнику.

Глава 6.

Я наивно приготовился к немедленному долгому путешествию, однако прошел час, после него закончился второй, а бронированный монстр продолжал безмолвно преграждать дорогу к большим землям. Суровый вояка, любезно согласившийся подбросить меня до ближайшего города, продолжал торчать на броневике, и высматривать негодяев-дикарей. Я собрался уже вылезти обратно и самостоятельно пробиться к цели, но неожиданно люк над мной грозно лязгнул, и вояка обвалился внутрь, занимая место у штурвала. Тяжелая техника затряслась, загудела и медленно покатила на север. Точнее, сначала она вклинилась в вереницу себе подобных, немного постояла в колонне и только потом, степенно и величаво двинулась прочь. С такой скоростью передвижения достичь цели я мог только к началу следующего месяца, однако выбирать мне не приходилось. Общественный транспорт давно перестал существовать как явление, а шлепать пешком полторы тысячи километров я готов не был. Тесное пространство броневичка освещалось единственным окошком, расположенном над приборной доской, поэтому я так же был лишен возможности наслаждаться местными красотами. Несмотря на трагическую внешнюю обстановку, южная природа продолжала оставаться яркой и завораживающей. Мерно катясь по пустым дорогам, я вспоминал водопады и горные речки, возле которых мне приходилось ночевать, и думал о том, что теперь вряд ли когда-нибудь увижу их снова. Иногда в мои мысли заползал Варвар и начинал ворковать там на своем собственном наречии. Мне очень хотелось проследить до конца его восстановительный путь, однако и этих изменений я скорей всего оценить не смогу. Если они состояться, разумеется. Вояка сосредоточенно молчал, а я не навязывался с беседами, понимая важность момента. Дикаие твари пока не напали коллективно, а по одиночке им было не одолеть грозную технику, однако никто не мог гарантировать невозможность мутации. Не исключалась вероятность того, что скоро твари обучатся

мыслить слаженно и тогда мирным жителям придется несладко вдвойне. Я рассчитывал добраться хотя бы до какого-нибудь областного центра, однако колонна шла, не останавливаясь и не сворачивая, пробиваясь к столице. Так даже было лучше, хоть и намного дольше, думал я, прислушиваясь к гудению двигателей.

Через тридцать часов муторного пути суровый воин обернулся ко мне и грозно прорычал:

«Ты кто будешь-то?»

Я уже представлялся ему как ученый и врач, поэтому сейчас решил, что он интересуется моим придуманным именем.

«Меня зовут Прохор, — усмехнулся я и замолчал. Мне за сто лет своего существования на земле, еще ни разу не приходилось болтать по душам с военными людьми. Поэтому я совершенно не имел представления, как поддержать беседу и не вызвать снисходительных насмешек со стороны мало эмоциональных людей, погруженных в государственные заботы.

«Я помню, парень, — прогудел мой собеседник, — я смотрел твою биометрическую карточку. Я спрашиваю, чем ты занимаешься в жизни?»

«Я врач, — охотно отозвался я, предполагая, что военный начнет расспрашивать меня о новинках в области медицины. Потому что мое смелое утверждение немного грешило против истины. Я не был врачом в общепринятом смысле. Я не работал ни в одной из клиник, не вел учет пациентов и не получал деньги за свою деятельность. Однако я знал много способов, как минуя дорогостоящие операции, поднять человека на ноги. Я разбирался в реактивах, умел составлять снадобья и варить зелья, как когда-то полвека назад охарактеризовал мои занятия мой ироничный старший брат. Сейчас некому было оценивать мои труды. Пациенты не торопились на мой порог за помощью. Возможно, по причине отсутствия того самого порога, кто знает?

«Лекарь? — презрительно усмехнулся военный и потерял ко мне интерес. Я не обиделся на его реакцию, каждому свое.

Спустя пару часов колонна вздрогнула и остановилась. Это была незапланированная остановка, поскольку суровый страж грязно выругался и, игнорируя осторожность, полез выяснять причины. Мы притормозили среди бескрайних равнин средней полосы, и было непонятно, что могло вызвать затор. Все выяснилось очень быстро. Жители городов своими силами охраняли родную территорию, больше не надеясь на помощь из вне. Сейчас прямо поперек трассы было сооружено нечто вроде баррикад, мешающих военной технике продолжить марш бросок через небольшой городишко, выросший на пути. Воинственно настроенные граждане не испугались тяжелых машин и смело вышли на дорогу, выкрикивая явно не приветственные речевки. С изданием новых указов о разрешении ношения оружия, было весьма проблематично повлиять на мирное население, просто погрозив им пальцем. Обезумевшие граждане сами не понимали, с кем и за что они сражаются, истребляя всех подряд и отстаивая свое право собственности на территорию. Военные попытались разогнать мятежников, не прибегая к насилию, однако одно их появление вызвало у местных волну небывалого протеста и град беспорядочных залпов. Ни уверенные речи, ни отеческие увещания не привели в чувство население, вызвав еще большее недовольство. Тогда военные прибегли к решительным мерам. Сурово приказав мне не высовываться и не нарушать дисциплину, мой попутчик выбрался наружу и смешался с толпой. Я не планировал вступать в боевые действия, не имея при себе ни снаряжения, ни нормальной одежды, способной выдержать тяготы рукопашного боя. Я без труда сразился бы с дикими

тварями, но причинять вред себе подобным не находил в себе желания. За бронированными стенами раздались крики, шум борьбы, глухой грохот, и сквозь эту какофонию просочился голос военного.

«Эй, лекарь! Давай сюда, живо!»

Я резво подскочил и, схватив свою сумку, вылез на простор развернувшейся драки. Настоящим сражением это можно было назвать с большой натяжкой, поскольку гражданские, не имея понятия о тактике и стратегии, бездумно ломались на колонну, воюя с ветряными мельницами. Они больше вредили себе, чем причиняли урон тем, кто и в мыслях не держал захватывать их городишко. В их действиях прослеживались отголоски безумия, и это напрягало сильнее всего. Я пробрался сквозь ревушую толпу к месту, где прямо на дороге в нескольких метрах от головной машины валялись несколько повстанцев, обливаясь кровью. Как выяснилось, они решили подорвать колонну и сами попали под раздачу, не зная, как правильно воспользоваться самодельной взрывчаткой. Я не стал вдаваться в морально-этические аспекты, на ходу вытягивая из сумки склянки с препаратами. Мне требовалось время, чтобы смешать ингредиенты, и получить нужное лекарство. Напирающая толпа мешала мне, толкая под руку и разливая почти готовые растворы. Наконец снадобье было получено, и я, не обращая внимание на оскорбительные выкрики в свой адрес, наложил тугие повязки, останавливая кровь и снимая болевые симптомы. Раненые с изумлением следили за моими уверенными движениями и, почувствовав явное облегчение, снова заторопились в ревушие ряды.

«Чего вы добиваетесь? — наконец поинтересовался я у оставшегося пациента, самого адекватного из троих»

Как я понял из его гневного объяснения, в народе стали расползаться слухи об искусственном создании убийственного вируса. Целью этого эксперимента ставилось уничтожить человечество, создав из людей послушных выносливых мутантов. Так во всяком случае интерпретировал новости местный житель.

«Мы не позволим издеваться над собой! — восклицал он, морщась от боли. — никто не сможет проникнуть за пределы города!»

Я попытался объяснить, что создания монстров никто не планировал и наоборот, брошены все силы на искоренения зла. Однако недоверчивый горожанин только расхохотался мне в лицо.

«Вы верите в это, сударь? — насмешливо проговорил он, почему-то переходя на средневековые наречия, — почему же до сих пор не предпринимается ничего по борьбе с этими тварями? Мой сват месяц назад превратился в самого настоящего монстра и загрыз собственную семью на глазах соседей. Это вы называете помощью и решением проблем?!»

Я мог понять этого несчастного, однако возрастающая паника была плохим помощником в деле искоренения зла. Так, все, кто остался еще людьми, перегрызут друг друга, не дожидаясь обращения.

Военные погасили беспорядки, разогнав беснующихся граждан по домам, однако эта мера была разовой акцией. В умах людей уже крепили идеи, никак не способствующие избавлению от несчастья. Пока я пробирался к броневнику, меня несколько раз останавливали наиболее упрямые местные и предлагали примкнуть к их рядом.

«Нам нужны грамотные врачи, — признался мне один из восставших, — а ты, по всему видно, знаешь толк в своем деле!»

В агитаторе я с изумлением узнал своего недавнего пациента, благодаря моим усилиям

поднявшегося на ноги в считанные минуты. Однако я не хотел поддерживать откровенное безумие и, отговорившись необходимостью увидеть свою семью, вывернулся из его цепкого захвата. Мой аргумент показался горожанину весомым, и он, понимающе кивнул.

«Удачи тебе, брат! Мы победим!»

Когда колонна возобновила движение, военный, не отрываясь от смотрового окошка, неожиданно дружелюбно пробормотал:

«Прохор, ты слишком скромный парень, такие не приживаются среди нынешнего сумасшедшего мира. Я видел, как ты лечишь людей, дружище. Это настоящий талант.»

Я был поражен не сколько добрым словам представителя суровой профессии, сколько интонации, с которой был озвучен отзыв. Я и не подозревал, что шкафоподобный громила вообще способен на эмоции. При мысли об эмоциях мне вспомнились дикие твари, а следом за ними в голову снова влез Варвар. Наверняка он опять рыскает по горам, и даже сохранил в себе достаточно сил, чтобы расправиться с дикими тварями. Во всяком случае, я на это очень рассчитывал. Мои воспоминания прервал внезапный окрик моего попутчика. От его былой добросердечности не осталось и следа, а вызывающая поза говорила о крайней степени раздражения.

«Эй, Прохор! Как там тебя, лекарь! — бормотал он, — ну-ка глянь, что за царапина у меня на спине!»

В полумраке машины я не сразу рассмотрел размытое темное пятно, расползающееся по камуфляжной куртке военного. Он не пожелал останавливать колонну из-за такой ерунды, как сам охарактеризовал степень своих повреждений, и поэтому мне пришлось на ходу возиться со своими склянками, оказывая первую ему помощь. Кое-как стащив с него военное обмундирование, я с неудовольствием увидел, что упомянутая ерунда, вовсе таковой не является, а представляет собой глубокую рваную рану, неизвестно как полученную в уличном бою за городишко. Странность вызывалась тем, что плотная куртка не была повреждена, а только впитала в себя выступившую кровь. Уже после того, как я на ходу сделал перевязку и обработал порез обезболивающим средством, мужественный воин признался, что рана получена им пару дней назад, после того, как на него сиганула дикая тварь. Он сумел отбиться, однако заниматься бабскими заморочками и накладывать километры бинтов времени не было. Тут же мне на память пришла ночь охоты на Варвара, когда гном настоятельно рекомендовал избегать открытых ран и царапин, при контакте с тварью. Возможно, гном перестраховывался, и ничего опасного при таком контакте не произошло бы, но сомнения, появившись раз, продолжали терзать мое воображение. Однако, с моим попутчиком не происходило ничего особенного, за тем исключением, что в его голосе стало появляться больше недовольных оттенков. Их появление я списал на недавние разборки с горожанами и успокоился совершенно. Больше воин в разговоры не вступал, и следующие три часа мы без приключений катились по безлюдной трассе. Приключения начались потом, после того, как водитель грозной техники неожиданно бросил управление и развернувшись, с ненавистью уставился на меня.

«Пассажир, понимаешь... — злобно пробормотал он. — а знаешь ли ты, Прохор, что приходится переживать нам, войскам охранения, когда такие, как ты, трусливо прячутся в своих норах и ждут от нас гарантированной безопасности? И ведь мы обеспечиваем ее, вашу мать, не считаясь с собственным благополучием. Та дикая тварь чего только стоит! Лекарь, мать твою! Намажешь там своими мазилками и думаешь, герой?!»

Я ничего такого не думал, мало того, даже не рассматривал версию о проявленном

героизме. Сейчас меня тревожило другое. Неуправляемая машина вихлялась по асфальтированной трассе, норвя съехать на обочину, но военного совершенно не беспокоил этот факт. Он продолжал выговаривать мне свое спонтанно возникшее недовольство, то и дело гася в себе желание засветить мне в рожу пудовым кулаком.

Наконец, справившись с внезапно охватившей злобой, военный выровнял машину и снова погрузился в собственные мысли.

До столицы мы докатились в полном молчании, насквозь пропитанным взаимным неприятием. Когда же пришла пора попрощаться, военный, вместо обычного рукопожатия или любого другого общепринятого жеста, от души вмазал мне кулаком под дых и развернувшись, тяжело зашагал к грозной технике, отчетливо бормоча про себя: «Мажоры, мать их! Ничего в жизни не видели, а все туда же! Мамкины героини!»

Я с трудом перевел дыхание и, усмехнувшись, отрешенно подумал, что скоро в мире станет одной дикой тварью больше. Почему-то эта мысль не вызвала у меня пугающего сожаления. И ничего не вызвала.

Глава 7.

Вечно суетливая и никогда не спящая столица встретила меня непривычным безмолвием. Некогда яркие высотки теперь казались серыми и безжизненными, а пустынные улицы вызывали настороженность. Я торчал посередине широкого проспекта и размышлял над очевидным вопросом. Куда мне нести свою идею, и кто согласится выслушать меня без снисходительных насмешек? Я знал, чего опасался. Первое время, когда эпидемия еще не приобрела масштабы вселенской катастрофы, среди ученых выдвигались разные способы, как остановить наползающее безумие. Поначалу каждая из озвученных версий принималась как неоспоримое, совершенное и эффективное решение. Однако, практика показывала, что любое из озвученных лекарств и противоядий не вызывало ничего, кроме пугающих побочных эффектов. Население разочаровалось в науке и теперь самым безобидным считалось просто утопить в насмешливом презрении любого, кто осмелился выдвинуть очередную идею по спасению человечества. В более сложных случаях, озверевшие граждане могли побить, растерзать и предать справедливому суду, выигрывая в своей ненависти у диких тварей.

Я медленно брел по пустым тротуарам, не узнавая свой родной город. За десять лет моего отсутствия на месте веселых кафешек выросли унылые здания с серыми стенами и

безликими окнами. Вывески, неаккуратно развешанные по фасаду, гласили, что отныне вместо дорогих ресторанчиков граждане могут посетить Центры поддержки граждан. Граждан поддерживали многие Центры. Одни специализировались на социальной адаптации и восстановлении связей с реальностью. Другие обещали надавать советов по налаживанию отношений с детьми, переступившими опасный рубеж ясельного возраста, а также помогали пережить сезон осенних дождей. Третьи готовили жителей столицы к адекватному восприятию возможных финансовых катаклизмов и предлагали перечень советов по экономному распределению семейного бюджета. При этом, за все эти советы по экономике быта взималась весьма увесистая сумма денег. Словом, на любую проблему, настойчиво высосанную из пальца, находился свой какой-нибудь Центр. Я нашел даже табличку, приглашающую москвичей на открытый психологический семинар, посвященный проблемам проведения долгосрочных отпусков. Возле этого заманчивого объявления я остановился и попытался осознать, что могло пойти не так во время отпуска с точки зрения психологии?

Не найдя в том никакой проблемы, я с грустью подумал, что этому зданию не хватает Центра возвращения гражданам здравого смысла. Именно про его отсутствие у меня часто напоминал мой, ныне давно покойный, старший брат. Если бы он дожил до этих дней, он учредил бы такой Центр и сделал бы меня там главным.

Наконец, завернув за угол, я воткнулся взглядом в самую подходящую мне табличку. Она гласила, что прямо под ней располагается центр научных инноваций. Я посчитал, что изобретенная мной вакцина от тварей может посчитаться инновацией и уверенно шагнул за порог.

Меня встретил активный сотрудник, тут же начавший рассказывать мне о всех преимуществах своего детища. Я невнимательно прослушал вступительную часть и позволил себе вклиниться в словесный поток.

«К кому я могу обратиться за помощью в изготовлении противоядия против диких тварей? — поинтересовался я, а активный тут же скривился, видимо разглядев во мне шарлатана. Однако, я решил стоять до конца. — вакцина работает, я проверил и протестировал ее на одной особи, отловленной мной в горах. Она преобразилась в человека, стала менее агрессивной и даже заговорила. Вообще-то это он. И может считаться полноценным человеком».

«Как к вам обращаться?» — заученно пробубнил сотрудник, разом растеряв пыл убеждения.

«Меня зовут Моськин Прохор Степанович, — представился я, — я врач, имею высшее медицинское образование и хорошо разбираюсь в вопросах фармакологии. Кроме того, хорошо осведомлен в воздействии на человеческий организм препаратов растительного происхождения. Иными словами, я знаю, о чем говорю!»

Мои пламенные речи остались без должного внимания.

«Мы не занимаемся этими вопросами, Прохор Степанович, — с видимым облегчением проговорил сотрудник, — если хотите, можете обратиться в медицинский центр по изучению чрезвычайных явлений»

Я был разочарован. Мне почему-то казалось, что мое заявление вызовет больше энтузиазма, учитывая текущую обстановку. Словно отвечая на мои размышления, мимо меня пронеслась неясная фигура, в сумерках напомнившая мне существ, встреченных мной в горах. Впрочем, это мог быть обычный прохожий, торопившийся домой.

Сотрудники «Чрезвычайных явлений» встретили меня более серьезно, тут же проводили в кабинет и предложили подождать.

Стены очередного Центра выглядели более чем солидно и я, со своими откровенно грязными шмотками, чувствовал здесь себя крайне неудобно. Наконец, спустя невероятно долгое время, в дверях кабинета появился высокий человек в строгом черном костюме. Он важно протянул мне руку и стараясь игнорировать мой непрезентабельный вид, вежливо поинтересовался.

«Так по какому вопросу вы хотели поговорить с сотрудниками наших лабораторий, господин Моськин?»

Я вкратце обрисовал ситуацию и замер, приготовившись пойти лесом. Однако деловой костюм внимательно выслушал и покачал головой, выражая сомнения.

«Понимаете, господин Моськин, — размеренно проговорил он, — то, что творится сейчас в мире, вызывает опасения в скором закате человеческой цивилизации в целом. Нам нужно такое средство, которое уничтожало бы причину, а не боролось со следствием. Вы предлагаете способ борьбы, равносильный уборке снега во время снегопада. Твари множатся, и чтобы уничтожить их всех, потребуется слишком много сил и финансов. Мы ограничены в бесполезных тратах. Экономика разрушена, это вы видите сами.»

Я с полным непониманием уставился на эскулапа. Во-первых, я не предлагал уничтожать тварей. Моя вакцина была способна вернуть им человеческое обличие. А, во-вторых, и возможно, главных, созданный препарат не требует чрезмерных затрат. Никаких не требует. При известном соотношении слюны и крови зараженной особи получается то самое противоядие.

«Кто будет заниматься всем этим? — с явным недоверием уточнил деловой костюм, — на отлов тварей и изготовление препарата тоже нужны средства, поймите, Моськин, вы пытаетесь сражаться с водяными мельницами!»

«С ветряными, — автоматически поправил я и попросился, — приношу свои извинения, что отнял ваше время, несомненно оторвав вас от изобретения более эффективного способа борьбы. Только не стоит забывать, что эти твари были когда-то людьми, и их возвращение к нормальной жизни могло бы возродить стремительно угасающую популяцию. К тому же у них могут быть родные, которые обрадовались бы их возвращению.»

«Все их семьи давно сожраны ими самими, этими тварями, о которых вы так тревожитесь, Моськин,» — равнодушно пробормотал эскулап и кивнул мне, давая понять, что аудиенция окончена.

Покинув очередной бесполезный Центр, я в бешенстве ударил кулаком по стене здания и неразборчиво выругался. Не может быть, чтобы высокие умы так равнодушно отнеслись к весьма жизнеспособной возможности избавить мир от ужаса.

«Господин Моськин! — раздался за моей спиной взволнованный голос, и обернувшись, я увидел, как мне навстречу торопиться молодая девушка в строгом деловом костюме.

«Господин Моськин, скажите, вы правда изобрели противоядие? Оно действительно работает? — бормотала она, — вы уверены в его эффективности?»

«Я не уверен ни в чем, милая, — отозвался я, — препарат притупляет агрессию и возвращает особи человеческое обличие, что уже согласитесь, немало. Что же касается интеллектуальных способностей и социальной адаптации, то я не уверен в их полном восстановлении. Но у вас тут неподалеку есть как раз подходящий центр, заодно он может

помочь наладить серьезные отношения с грудничками. Весьма полезный центр.»

Девушка покачала головой и пробормотала:

«Я работаю в чрезвычайке больше пяти лет, но за все это время не было ни одного случая, чтобы тут изобрели что-то стоящее. Знаете, господин Моськин...»

«Меня зовут Прохор, — улыбнулся я, — всегда приятнее общаться если знаешь имя собеседника, вы не находите?»

«Меня зовут Настя, — представилась девушка и продолжила, — Прохор, моей дочери пять лет, она не видела ничего другого, кроме этого кошмара. Я не могу отпустить ее погулять, не могу оформить в садик, поскольку они закрылись в первый год эпидемии. Я запираю ее в комнате с игрушками, а сама бегу в этот дурацкий центр. Его следовало бы назвать Центром бесполезного просиживания штанов. Мой парень, отец девочки, обратился в чудовище в прошлом месяце. Никто не знает, где он сейчас и что с ним стало. Возможно, его убили местные, возможно, он сам стал убийцей. Что нужно для создания этой вакцины, Прохор? Если вам нужны средства, то у меня есть кое-какие сбережения...»

Внезапная мысль вспыхнула в моих гудящих мозгах. К черту центры, к черту милостивые разрешения. Высокие задачи требуют решительных мер. Я сам создам эту вакцину.

«Мне нужны помощники, Настя, — уверенно проговорил я, придя к очевидному решению, — помещение для создания препарата и смельчаки, способные добыть ингредиенты. На первое время у меня есть несколько готовых образцов. Они невероятно живучи и не портятся при хранении. В том нам повезло, Настя. Если вы согласитесь помочь мне во всем этом, я скажу вам спасибо»

Настя с готовностью кивнула и рванула назад, видимо решив немедленно приступить к исполнению моих поручений. Внезапно она остановилась.

«Как мне найти вас, Прохор? Связь давно отключена, телефоны и браслеты стали бесполезной игрушкой. Где вы живете?»

В Москве у меня не было постоянного пристанища. И нигде не было. Я ночевал, где придется, а весь последний год скитался по югу.

«Я сам найду вас, — отозвался я, — вы же ходите на работу?»

Настя неохотно кивнула и снова заговорила.

«В моем доме, на чердаке, есть помещение, вы можете ночевать там, оно закрывается на замок и имеет прочные стены. Сейчас нельзя оставаться на улице слишком долго»

Проницательная Настя безошибочно угадала во мне вечного скитальца без прописки и крыши над головой. Я горько усмехнулся своему столь неблагоприятному впечатлению, производимому на окружающих, и послушно двинулся следом за решительной девушкой.

Едва оказавшись на покрытом пылью чердаке, я обессиленно рухнул прямо на пол и мгновенно заснул, забыв перед сном помечтать о сказочных сюжетах моей бесконечной жизни.

Утро моего нового дня началось с настойчивого «Поднимайтесь, Прохор, нельзя терять ни минуты!»

Я открыл глаза и припомнил толстые стены и полную безопасность чердака.

«У меня есть ключ, — улыбнулась Настя, в нетерпении переминаясь с ноги на ногу. — я нашла вам помещение, Прохор. И привела троих добровольцев. Этого явно недостаточно, но больше никто не согласился.»

Это было даже больше чем достаточно, подумал я, и резво поднялся на ноги. Настя

поволокла меня вниз, видимо желая немедленно познакомить меня с моими будущими коллегами. Помещение располагалось в подвале этого же дома, чем прибавляло плюсов в нашей нелегальной деятельности. Моими соратниками оказались Настины коллеги по медцентру. Все они очень удачно имели медицинское образование и обладали внушительной комплекцией. Двоих звали очень одинаково Матвей и Матфей, а третий был Сидором.

«Нам необходим расходный материал, — озвучил я первую задачу, как только процедура приветствия завершилась, — кровь и слюна зараженных. Кровь можно добыть, перерезав артерию, это не слишком гуманно, но они регенерируют с невероятной скоростью и через полчаса сами будут готовы перегрызть вам глотку. Так что моральный аспект выдержан в лучших традициях,» — усмехнулся я, наблюдая, как побледнела Настя от моих слов.

Пока мои помощники выполняли поручение по доставке материала, я очистил место для своих препаратов и приступил к компоновке ингредиентов. Впервые за сотню лет мои химические опыты стали достоянием гласности. Я никогда не афишировал свои увлечения, и сейчас мне было немного не по себе от пристального внимания сразу четверых. Впрочем, трое из них большую часть рабочего времени проводили на улицах города, охотясь за расходным материалом.

Дикие твари, при всей их неуязвимости и агрессивности, оказались весьма осторожными, и моим помощникам пришлось приложить немало усилий, чтобы выследить хотя бы одну особь. Тварь никак не желала становиться частью момента и отчаянно сопротивлялась, пока Матвей и Сидор волокли ее по неровным подвальному ступенькам. Связав извивающееся существо и по возможности ограничив ее движения, я рассек артерию и набрал нужное количество крови. А слюни тварь напускала самостоятельно, без дополнительных просьб. Нашей бригаде осталось только отыскать удобный способ вакцинации, поскольку агрессивно настроенные существа идти на сотрудничество не соглашались. Настя, наблюдая столь сырую подготовительную работу, только вскрикивала всякий раз, когда опытный образец принимался скандалить доступными ему способами.

«Проход, — однажды поинтересовалась она, — ты уверен, что то, что мы делаем, может принести какие-то результаты? Не похоже, чтобы твои разработки, ну словом, они не слишком похожи на научные исследования...»

Возможно, Настя была в чем-то права. Мои руки были измазаны кровью и соплями устрашающей твари, а разодранные и заляпанные грязью штаны никак не были похожи на белоснежный лабораторный халат. Да и в целом, подвальная обстановка навевала больше мысли о мелком подростковом хулиганстве, чем о серьезной научной работе. Мне были безразличны оценочные суждения членов моей рабочей группы. Тем более, что они больше никак не проявляли себя, как сотрудники. Притащив мне материал для образцов, они целыми днями топтались возле стола, с любопытством поглядывая на привязанную тварь. Я мог бы поспорить, что до этого никому из них не приходилось сталкиваться так близко с представителями новой расы. Так однажды назвал этих мутантов один из гуманистов, активно выступающий за их неприкосновенность.

Я механически разливал по пробиркам приготовленные составляющие противоядия, решив про себя, что лучше попробовать и сдохнуть, чем сидеть сложа руки и сдохнуть все равно. Так говорил когда-то мой давний друг, к сожалению, тоже ныне покойный.

Когда все приготовления были завершены, я как можно доступнее донес до Матвея, Матфея и Сидора самые основные цели и способы их достижения.

«Мое первичное тестирование показало, что в железный организм не убиваемых тварей противоядие попадает орально, а значит придется постараться разослать угощение по адресам.» — говорил я, наблюдая, как морщатся от перспектив мои помощники.

«То есть в нашу задачу входит просто накормить их приготовленной смесью?» — уточнил Матфей. Или это сделал Матвей. А может и Сидор. В любом случае, никому из них не понравилась моя идея гоняться с пробирками за чудовищами. Я снова повторил условия и устало откинулся к стене, понимая, что впустую сотрясаю воздух. К тому же я дико устал, несколько суток подряд возясь с биологическими образцами. Я не знал других способов и поэтому альтернативы предложить не мог.

«Я попробую! — неожиданно отозвалась Анастасия, вероятно снова уверовав в мою идею. — скажи, как мне это сделать без значительного урона для себя?»

Я вспомнил о ее маленькой дочке, запертой в комнате в пустой квартире, об обратившемся в тварь муже, и мне стала понятна ее оправданная решимость.

«Это сделает Сидор! — уверенно проговорил я, а упомянутый Сидор резко побледнел. — ну и я, разумеется. Вместе с Матвеем и его коллегой. А вы, Настя, останетесь сторожить реактивы. Мы скоро вернемся!»

Не дожидаясь недовольных возражений, я собрал приготовленные образцы и шагнул за порог. Меня шатало от усталости, а от недосыпа контуры окружающих предметов расплывались в туманные линии. Вряд ли в таком состоянии у меня выйдет то, что я задумал, мелькнула здравая мысль. Однако, моя цель была определена, а мой внутренний ученый не позволил мне отступить, хотя бы из-за научного интереса.

Моя экспедиция начиналась не в самое удачное время с точки зрения безопасности, но именно в сумерках у меня появлялся шанс встретиться с тварью лицом к лицу. Я уверенно шел по пустынным улицам, крепко сжимая в пальцах приготовленные пробирки. Я не имел возможности украсить мероприятие разными техническими штуками в виде спецтехники или непробиваемых костюмов. Да и в целом имел пугающий вид. Однако я видел в том только плюсы. Я не был до конца уверен, что дикие твари как-то реагируют на проявления общественной жизни, но на всякий случай, порадовался своей непрезентабельности.

Твари прятались по закоулкам и подворотням, и не спешили на вечерние прогулки. Я миновал несколько кварталов, и уже был готов повернуть обратно, как вдруг прямо передо мной выросла огромная тень.

Глава 8.

Мою экспедицию можно было назвать состоявшейся, поскольку огромная устрашающая тень принадлежала объекту моих упрямых поисков. Дикая тварь не стала демонстрировать чудеса воспитания и, минуя приветственную часть, ринулась мне навстречу, оглашая окрестности диким визгом. Мне были понятны ее намерения, и я мог бы отразить ее нападение, воткнув в мускулистое тело приготовленное оружие. Однако тварь мне требовалась неповрежденной, для полноты ожидаемого эксперимента. Она привычно

схватила меня за горло уродливой лапой и издала победный клич, предвкушая быструю победу и скаля на меня слюнявую пасть. Я не стал дожидаться ее финального торжества и, изловчившись, выплеснул ей в глотку содержимое пробирки, которую до сих пор сжимал в руках. Тварь недоуменно взвизгнула и нерешительно остановилась, прислушиваясь к новым ощущениям. Вероятно, появление в пасти невыясненной субстанции здорово озадачило монстра, поскольку он даже выпустил мое горло и присел на корточки. Когда я создавал противоядие, я на всякий случай пересмотрел ингредиенты и немного усилил действие препарата. Возможно именно поэтому оно так необычно сказалось на дальнейшем поведении твари. Она внезапно выгнулась дугой, и принялась раскачиваться в разные стороны, кривя и без того уродливую морду в страшных гримасах. Про мое присутствие тварь, видимо, забыла, погрузившись в свои новые ощущения. Неожиданно ее вывернутые длинные конечности странным образом изогнулись и приобрели вид вполне обычных мускулистых сильных человеческих ног. Столь стремительное превращение вызвало во мне оправданное недоумение. Я не мог с уверенностью сказать, что ожидаемое притупление агрессии и озлобленности, тут же последует следом за физическими изменениями. Оно и не последовало, а наоборот обострилось. Судя по визгливым звукам, издаваемым преобразенной тварью. Она резко вскинулась на ноги и с силой вцепилась зубами в мою руку, чуть повыше локтя. От неожиданности я выронил вторую пробирку и, забыв про свои первоначальные задумки, всадил твари кулаком. Удар пришелся в височную область и мгновенно вырубил моего противника, свалив на землю. Отправляясь в освободительные походы, я совсем упустил из вида необходимость захватить с собой какие-нибудь средства на случай нападения и получения травм. Я всегда был слишком нетерпеливым, чтобы продумывать подобные мелочи. От укусов тварей не существовало универсального средства, и единственным, мало-мальски проверенным методом считался метод дезинфекции стопроцентным медицинским спиртом, которого у меня как раз с собой не было. Мне хотелось досмотреть чудеса превращения до конца, однако мои инстинкты вопили мне торопиться и оказать помощь себе до того, как это станет неактуальным.

В подвале меня терпеливо дожидалась верная Настя. Мои соратники либо вели борьбу с нечистью, раздавая пряники диким тварям, либо попросту сбежали, расставшись с великой идеей. Увидев меня, девушка испуганно вскрикнула, но комментировать явление не рискнула, молча наблюдая за моими суетливыми попытками вылить на себя годовой запас спирта. Когда меры были приняты, а на мое лицо вернулось обычное, отрешенно равнодушное выражение, Настя все же набралась храбрости и поинтересовалась:

«В чем дело, Прохор? Тебе удалось отыскать хотя бы одну тварь?»

«Одну удалось, — невесело усмехнулся я, — скорей всего где-то перед городским сквером сейчас сидит под кустами голый испуганный человек и пытается связать свое существование с окружающей действительностью. А может, наполовину обновленная тварь продолжает разгуливать в ночи, высматривая себе новую жертву. Я не уверен, Настя, что моя первоначальная задумка принесет результаты. Мы сдохнем до того, как накормим оздоровительной смесью хотя бы сотую часть всех зараженных. Либо они сами загрызут нас, выражая благодарность. Это не метод, милая. Нужно искать другой способ»

Настя оказалась неисправимой оптимисткой, прослушав мою невеселую историю. Наоборот, в моих речах она расслышала обнадеживающие новости.

«Но ведь противоядие сработало, Прохор! — убежденно заявила она, не желая

принимать поражение. — сам же сказал, тварь обновилась. Кстати, Прохор, что это значит?»

Я в подробностях пересказал ей все изменения, произошедшие на моих глазах с отловленной сущностью, и своей околонучной лекцией вызвал у девушки неподдельный восторг.

«Да ведь ты гений, Прохор! — искренне воскликнула она, — ты сам не представляешь, насколько важное ты совершил открытие в мире науки. Тупорылые сотрудники Центра ничего не смыслят в подобных разработках, только и умеют бродить с надутыми рожками из кабинета в кабинет!»

В ее высоком резковатом голосе я отчетливо расслышал другой голос, мягкий и напевный, когда-то давно почти слово в слово повторявший для меня содержание восторженных Настиных речей. «В моем фан-клубе появился еще один поклонник, — с усмешкой подумал я и глубоко вздохнул.»

Первые два-три дня я с опасением прислушивался к возможным изменениям в своем организме. Не обнаружив ничего устрашающего, я успокоился совершенно и принялся ломать голову над усовершенствованием способа вакцинации. Подопытная тварь, оставленная мной в подвале в качестве образца, продолжала безмолвствовать, терпеливо ожидая своей участи. Моя вакцина подействовала на нее благотворно, вернув человеческие очертания и способность поглощать нормальную еду. Нормальную, в современном понимании, разумеется. Все это время я не покидал душного подвала, переставляя с места на место уцелевшие склянки. Как-то во время моих раздумий, ко мне ворвалась моя единственная оставшаяся помощница, и забыв о правилах приличия, тут же схватила меня за руку.

«Нужно уходить, Прохор! — настойчиво и убежденно бормотала она, вытягивая меня из-за рабочего стола, — скоро тут будут силовики. Прохор, я здорово подвела тебя, пригласив этих трех недоумков в качестве помощников! Они сдали тебя и твои научные разработки властям, обвинив в заговоре. Или в чем-то еще. Сегодня я случайно услышала разговор своего руководителя и одного из этих «добровольцев». Собирайся, Прохор. Не теряй время!»

Вся эта информация была озвучена на едином дыхании, не оставляя мне шансов уточнить подробности. В этот раз я решил послушать голос разума и принялся закидывать в сумку свои снадобья.

«На это нет времени, Прохор! — тут же отреагировала Настя, заметив мои приготовления, — пусть они думают, что ты разыскиваешь зараженных и пытаешься ставить на них эксперименты. Так, во всяком случае, у тебя останется больше шансов уйти незамеченным, поскольку есть вероятность, что они устроят засаду здесь. Иначе они поймут, что ты обо всем догадался и объявят план перехват.»

В словах Анастасии отчетливо угадывались доводы неплохого стратега, и на какое-то мгновение у меня промелькнула мысль, а не преследует ли милая Настенька какие-то цели еще. Моя соратница и помощница странно усмехнулась в ответ на мои не озвученные мысли и с большой настойчивостью потянула меня к двери.

«Скорее, Прохор, я проведу тебя по крышам,» — проговорила она и скрылась на лестнице. За последние сотню лет я участвовал в подобных шпионских играх всего пару раз, в далекой молодости, когда уходил огородами от разъяренного мужа очередной своей подруги, и сейчас только весело усмехнулся, проведя аналогии. Как показала практика, веселился я преждевременно. Стоило нам подняться на чердак, как в гулком подъезде

послышались уверенные тяжелые шаги сразу нескольких человек. Все они торопливо направились к двери моей подвальной лаборатории и, не тратя время на вежливые оповещения, рывком распахнули непрочную преграду. Настя вызывающе глянула в мою сторону, словно желая убедить меня в справедливости своих слов, и смело перемахнула через невысокое перекрытие, разделяющее подъезды дома. Мы неслись по пыльным закоулкам, сгибаясь почти пополам под невысокой крышей старого чердака, пока, наконец, мой проводник не позволил мне дальше двигаться самостоятельно.

«Мне нельзя отлучаться надолго, — объяснила Настя свое решение, — дальше ты сможешь скрыться сам. При всей своей образованности и грамотности, сотрудники центра не слишком сообразительны, а силовики просто подчиняются приказам. У тебя все шансы, Прохор. Удачи!»

Выскользнув на улицу, я обнаружил себя во внутреннем дворе приютившего меня дома. Повсюду меня окружали плотно зашторенные окна, закрытые на все замки двери подъездов, и ставшее привычным полное безмолвие. Я родился, вырос и прожил значительную часть жизни в этом городе, и наверно мог бы без труда отыскать себе какое-нибудь пристанище, или попросту незаметно скрыться за пределы столицы. Однако меня подгонял научный азарт. Мне нестерпимо хотелось продолжить проведение своего эксперимента по возрождению человеческой популяции. Я решил немного задержаться здесь, не до конца веря в серьезность озвученных Настей опасений. В моем печальном положении изгнанника самым лучшим решением казалось мне решение отыскать какую-нибудь заброшку и пересидеть там смутное время моих поисков. Однако заброшки в Москве перестали быть таковыми, превратившись стараниями хватких дельцов во всевозможные центры. Даже неизменно покинутое здание старого завода на окраине столицы, теперь украшала скромная вывеска, извещающая о готовности оказать немедленную помощь тем, кто подвергся насилию со стороны домашних питомцев. С улиц исчезли привычные магазины, сменившись на центры по обеспечению граждан продуктами питания, заказанными через интернет. Погрустив об ушедшей эпохе, я направился к реке, в надежде хотя бы пересидеть ночь. Блуждания под порывами холодного ночного ветра, и полная невозможность пополнить запасы жизненной энергии мигом отозвались во мне гудящей головой и слабой болью в суставах. Я с неудовольствием подумал о надвигающейся простуде и неожиданно замер, осененный новым пониманием. Именно так начиналось чудесное превращение обычного человека в дикую неуправляемую тварь. Отсутствие моей сумки с препаратами только усугубляло мое положение, создавая массу проблем для незамедлительного купирования опасных симптомов. Рухнув на прохладные камни набережной, я опустил голову в раскрытые ладони, и непроизвольно закачался в разные стороны. В голове ворочались разные соображения, но одно из них занимало лидирующие позиции. «Негодяйка Настя лишила меня возможности сделать тот необходимый минимум, что был мне доступен! — думал я, растравляя обиду»

Внезапная злость захватила сознание, и я резко выпрямился, готовый немедленно растерзать милую помощницу на части. Потом меня скрутило, выворачивая конечности и украшая состояние нарастающей паникой, и я со стоном повалился на траву, пытаюсь унять боль. Всякие мысли исчезли с горизонта, оставив мне одну, но очень навязчивую. Мне необходимо было на ком-нибудь выместить злую обиду за те неудобства, что доставляло мне мое собственное тело. Выверты организма нисколько не пугали меня, напрягая только тем, что беспорядочные рваные движения были мне неподвластны. Мной управляла некая

могущественная сила, подчиняя своим желаниям. Наконец, выкрутив мои конечности самым немислимым образом, неведомая сила опрокинула меня на землю и заставила отползти под кривую корягу. Там я провалялся до рассвета, прислушиваясь к новым ощущениям. Меня переполняла злая ненависть, требующая немедленного выхода, и которой я не смел сопротивляться. С наступлением нового дня я выполз на запущенный пляж, заросший густой сорной травой и с наслаждением потянулся, приготовившись к марш броску, о конечной цели которого имел лишь смутное представление. Рванувшись к набережной, я ощутил некую скованность движений, причину которой увидел в странных тряпках, бывших некогда моей непрезентабельной одеждой. Без сожаления я разорвал мешающие путы, в бешенстве раскидав их по гранитным ступенькам и почувствовав свободу, понесся наверх. В моих ушах свистел ветер, а в голове толкалась идея отомстить. Кому и за что я собрался мстить, было за гранью моего понимания, мысль была неоформленная и сырая, но весьма настойчивая. К счастью для горожан и других живых существ, мой путь лежал по очень запущенной, и от этого совершенно пустынной части городского парка, разбитого недалеко от реки. Когда меня вынесло на довольно оживленную площадь, я в замешательстве остановился, явно не понимая, что мне делать дальше. Часть моего воспаленного сознания вопила мне о неминуемой расправе над перепуганными моим появлением жалкими существами, замотанными в нелепые тряпки. А то, что оставалось от моего человеческого рассудка, медленно растворялось и робко напоминало о милосердии и сострадании. Я метнулся в сторону замерших горожан, но тут же был остановлен стремительно разрастающейся острой болью, вспыхнувшей во мне. Я в замешательстве оглядел свое преображенное тело и с неудовольствием заметил расплывающееся красное и липкое пятно, внезапно появившееся на моей коже. Пятно очень скоро перестало казаться липким, а обжигающая боль постепенно растворялась в бессильной ярости, требующей отмщения. Отголоски растворяющихся знаний подсказали мне об опасности и необходимости держаться подальше от мстительных людишек, готовых в любую минуту навредить мне. Я принял решение впредь не навязывать так настойчиво свое общество и отныне старался держаться в тени. Идея отмщения не покинула меня, превратившись в ожидание более подходящего момента. Когда первая эйфория от внезапно обретенной свободы покинула меня, я почувствовал голод. Сейчас он мало напоминал ту скучную необходимость поддержания сил в мою бытность жалким существом, таскающим на себе неудобные лоскуты. Сейчас это было всепоглощающее желание почувствовать вкус настоящего живого мяса, и я не находил сил сопротивляться этому желанию.

Я еще не привык к тому, что вытворял теперь мой организм, и поэтому находился в растерянности от его пугающих требований.

До самых сумерек я метался по улицам пустого города, прячась от редких прохожих и все еще боясь идти на поводу своей новой сущности. Несколько раз я наталкивался на испуганных мелких существ, пытающихся проявить ко мне неоправданную агрессию. Я никому из них еще не успел причинить зла, все мои мстительные ходы оставались всего лишь планами, однако одно только мое появление почему-то рождало в каждом из них желание навредить мне. Устав отбиваться от их настойчивого внимания, я решил покинуть пределы негостеприимного города. Моя озлобленность странным образом трансформировалась в небывалую энергию и позволила мне без усилий преодолеть довольно длительное расстояние. Я несся по полю, вдоль широкой асфальтированной трассы, видя перед собой единственную цель, спрятаться и исчезнуть.

Мимо проносились бескрайние просторы, не позволяющие мне достичь желаемого. По обеим сторонам широкой дороги то здесь, то там появлялись маленькие поселения, притихшие и настороженные. Я, подчиняясь инстинктам, изредка наведывался на узенькие улочки, в надежде удовлетворить лютое желание растерзать живую теплую плоть. Мои морально-этические основы остались там, с тем щедушным человеческим тельцем, с ненавистными разорванными тряпками и чем-то еще, уже недоступном моему пониманию. Люди, едва завидев мою тень, в ужасе разбегались по своим норам, лишая меня вожделенной цели и рождая во мне агрессию. Я опасался вламываться в дома, предпочитая вести охоту издалека. Я еще очень отчетливо помнил обжигающую боль, причиняемую озлобленными обывателями. Однажды мне повезло и мне удалось схватить зазевавшегося селянина, неосторожно покинувшего свое убежище. Это был мой первый опыт удачной охоты, и он значительно упрочил мою уверенность в своих силах. Обыватели не стали мстить мне своими привычными методами, и я поверил в свою безнаказанность. Расправившись с человеком, я обрел новые силы и продолжил свой путь, по-прежнему не имеющий четкого итога. Укрыться на равнинах было негде, но зато здесь можно было без усилий растерзать очередную жертву, не прибегая к особым хитростям. Мне становился понятен алгоритм отлова, а требования моего тела больше не казались мне настораживающими. Я хотел уничтожать, и я уничтожал, оставаясь практически неуязвимым. Мой путь пролегал через овраги и мелководные речки, на берегах которых я устраивал себе подобие ночлега. Я не нуждался в длительном отдыхе. Мне было достаточно просидеть в неподвижности пару человеческих часов, чтобы обрести способность двигаться дальше, выискивая новых жертв. Других целей я не знал, да и не хотел знать, наслаждаясь силой, ловкостью и невероятной выносливостью. Наконец, через бесконечное число ночей, я увидел перед собой неясные очертания гор, утопавших в прозрачной дымке. Звериное чутье, неведомым образом обострившееся во мне, подсказало, что там, среди густых зарослей, я отыщу себе место, где смогу проводить часы отдыха, не прислушиваясь к посторонним звукам. Я не боялся нападения человеческих существ. Для этого они казались мне слишком мелкими и незначительными. Я опасался конкуренции в лице себе подобных, без труда способных навредить мне, лишив возможности двигаться и уничтожать. Я чувствовал зло, исходящее от них и это пугающе напоминало мои собственные эмоции.

Чем ближе становились горы, тем чаще на моем пути появлялись маленькие поселения. Я мог бы без труда в одиночку разграбить каждое из них, однако больше не видел в этом необходимости. Эйфория разрушения оставила меня, и я бездумно двигался к склонам, рассчитывая отыскать там убежище. Когда мои сильные крепкие ноги вынесли меня к бурлящему потоку, берущему начало в глубокой расщелине, я остановился. Темная бездонная пустота рождала страх и настороженность и, повинувшись охватившему порыву, я издал визгливый звук. Ни на какие другие вербальные проявления эмоция я был не способен, однако и заполошного визжания оказалось достаточно, чтобы привлечь чужое внимание.

За моей спиной раздались невнятные голоса, слившиеся для меня в единый гортанный звук, лишенный смыслового наполнения. Однако их общая интонация весьма отчетливо говорила о решительности намерений. Я не стал дожидаться, пока жалкая кучка, вооруженная нестрашными ружьями, примется дырять мою шкуру, и сам сделал первый шаг. Главный в этой группе что-то прокричал, призывая остальных, и те, послушно рассредоточились по кругу, захватывая меня в кольцо. Если бы я мог, я с радостью рассмеялся бы над их жалкими попытками одолеть меня подобным способом. Но смеяться я не мог, а только снова издал визжащий звук, от которого горе-охотники замерли и попятились назад. Отвернувшись к ним спиной, я продемонстрировал им высшую степень презрения и неожиданно для себя самого прыгнул в горный поток. Инстинкт самосохранения напрочь отказывался мне служить, и вероятно забыл подсказать мне о той опасности, которую таят в себе скрытые под водой камни. Я рухнул на весьма острые выступы, и, захлебываясь в шумном потоке, поплыл по течению. Речка была быстрая, но мелководная, и я здорово ободрал себе бока, сплавляясь по ней. Выбрав себе местечко подальше от навязчивых людишек, я выполз на берег и растянулся на влажном мху, подставляя солнечным лучам кровоточащие ссадины.

Мой отдых был нарушен появлением еще одного охотника. Он был один, безоружный и неагрессивный. Во всяком случае, он не орал, пытаясь меня напугать, не раздавал глупые распоряжения и в целом вел себя достойно. Его появление сгенерировало желание подкрепиться, однако мне было лень шевелиться и совершать лишние движения. Человек остановился и с изумлением пробормотал что-то на своем, человеческом языке. Я все еще не понимал, что он пытался донести до меня, но судя по его интонации, зла в нем не было, как не было желания расправиться со мной немедленно.

Я приподнялся на камнях, демонстрируя дружелюбие и оскалился, пуская слюни. Так я хотел выразить радость от встречи и желание наладить контакт. Я слишком долго был один, а человек выглядел забавно, к тому же всегда удобно, когда у тебя под рукой готовый обед. Человек взмахнул руками и смело подошел ближе, присаживаясь возле моих ног. Пришелец несколько не боялся моего грозного вида, а мне нужно было выглядеть устрашающе, и я снова зарычал. Мой незванный гость побледнел, но страха не проявил, а только горестно вздохнул и снова что-то забормотал, осмелившись коснуться моей ноги крохотной ладонью. Я вскочил на ноги и не раздумывая, подхватил его за плечи, разворачивая к себе и делая попытку вцепиться зубами в его незащищенную шею. Человек вздрогнул, а я внезапно передумал так быстро лишать его жизни. К тому же голод терзал меня не сильно. Где-то поодаль вновь послышались голоса. Теперь от их растерянной интонации не осталось и следа, а их шаги звучали уверенно и решительно. Человек неловко вывернулся из моего легкого захвата и поволок меня по склону, торопя и оглядываясь. Его действия были настолько нехарактерны для представителей мелкой расы, что я без вопросов направился за ним, терзаемый любопытством. Ну или какой-то очень похожей эмоцией. Мой проводник привел меня к темному выступу, нависающему над входом в горную пещеру. У меня не было желания спускаться внутрь, но человек был настойчив, и очень скоро мы оказались в прохладном гроте, имеющим под низкими сводами свое продолжение. Человек легко подтолкнул меня, приглашая сесть, а сам рванул обратно, к выходу. Его не было довольно длительное время, за которое я успел прийти к мысли, что сейчас вместе с ним явится та самая группа охотников, что он обманул меня как несмышленного детеныша, и что я идиот.

Последнее определение вырвалось из глубин памяти и вызвало щемящее сожаление. Однако человек вернулся один и с весьма довольным видом снова присел возле моих ног. Я мог бы одним ударом отправить наивного смельчака к праотцам, однако делать этого не стал, а только недовольно взвизгнул. Человек обернулся ко мне и покачал головой.

«Ррххр, — пробормотал он осуждающе и развил свою мысль дальше, однако я слышал только напевные звуки, напомнившие мне речной поток. Его бормотание странно завораживало, я размеренно закачался, подтягивая к груди ноги и опираясь лапами на холодную землю. Мне нужно было отдохнуть.

Из дремотного состояния меня выдернул отвратительный вкус, неизвестно как оказавшийся в моей пасти. Я помотал головой, отгоняя видение, однако оно продолжало терзать меня своей навязчивостью, сопровождаясь нестерпимой болью в гудящих ногах. Я выпрямился, насколько позволяли низкие своды грота и с неудовольствием увидел, как мои сильные выносливые ноги пугающе уменьшились в размерах и стали похожи на отвратительные тощие человеческие конечности. «Что происходит?» — метнулась в голове вполне человеческая мысль, однако получить ответ на нее мне не удалось. Вместо этого я стал свидетелем новых катаклизмов моего организма. Длинные лапы перестали быть таковыми, сократившись до обычных рук, а вместо привычной ненависти ко всему живому, пришло умиротворение. Я расслабленно вытянулся вдоль холодной стены грота, закрыл глаза и погрузился в полудрему. Человек, сидящий у моих ног продолжал мне что-то непрерывно бормотать и в какой-то момент я начал понимать содержание его речи.

«Проход, здесь нельзя задерживаться надолго, — доносилось до меня, — группы реагирования без разбора уничтожают всех, кто имел неосторожность контактировать с дикими тварями, а также истребляют и самих тварей. Теперь у них для этого изобретено новое мощное оружие, позволяющее в считанные секунды расправляться с предателями. Где-то там, в цивилизации, изобретена вакцина, возвращающая зараженным прежнее обличье. В ее создании приняли участия сотрудники столичного медицинского центра, так рассказывают. Однако этого препарата не хватает на всех, а люди торопливы, и поэтому создана особая программа. В народе ее называют «программа избранных», в которую попадают те, кто будет обработан чудо-лекарством. Их очень ограниченное количество. Остальных уничтожают. Я не знаю, по какой схеме работает отбор, но группа реагирования, призвана уничтожать и тех, кто по каким-то причинам снова стал человеком, минуя избранную программу. Они боятся повторения и перестраховываются. Они вычислили и меня тоже, Проход. Они могут найти и тебя. Нужно спастись.»

Негромкое бормотание сидящего рядом не сразу достигло моего понимания. Я некоторое время продолжал прислушиваться к его напевной речи, пока в какой-то момент на меня не обрушилась лавина всех воспоминаний, заботливо укрытой от меня на время моего обращения. В своем собеседнике я узнал Варвара, того дикаря, на котором однажды протестировал изобретенное противоядие. Теперь он вполне стал напоминать человека, а его сбивчивая речь сейчас звучала мягко и правильно. Мне нравилось слушать его бормотание. Оно неведомым образом переносило меня в то далекое время, когда у меня были друзья, а моя семья всерьез беспокоилась о моем благополучии. Ничего этого сейчас у меня не было, семью я потерял уже давно, а к друзьям не стремился. Вместо них у меня был Варвар, болтающий о последних новостях, половину из которых я не до конца понимал. Я понял главное, неведомые группы реагирования в любой момент могут расправиться с теми, кого призваны были спасти.

«Уходим, Прохор, — снова забормотал Варвар, неловко поднимаясь на ноги. Теперь, когда к нему вернулся его прежний облик, я мог наконец-то рассмотреть его. Варвар был невысоким, но крепким и жилистым, это я помнил еще по его бытности дикарем. Глаза Варвара потемнели окончательно, а его некогда лохматые волосы подверглись карающей стрижке и сейчас смешно торчали едва отросшим ежиком.

«Я, когда в человека превратился, — охотно пояснил мне Варвар, перехватив мой внимательный взгляд, — был вынужден обратиться за помощью к местным. Они с неохотой помогли мне, обеспечив какой-никакой одежкой и позволив вернуть себе признаки цивилизованного человека. Потом они выгнали меня, конечно, но теперь я не привлекаю внимания групп реагирования. Я выгляжу как обычный человек, впрочем, я им и являюсь.»

Слушая его рассказы, я постепенно тоже возвращался к цивилизованному состоянию, понимая, что мне так же потребуется помощь местных. Свою одежду я безжалостно разорвал в период обращения и теперь со стыдом представлял какое неприглядное зрелище являл миру, когда носился сломя голову вдоль широких дорог междугородных трасс.

«Как ты понял, что я тот Прохор, которого ты знал? — наконец-то поинтересовался я, сумев вклиниться в бесконечное варварское бормотание. — ты был дикарем, а они, как правило не помнят ничего из того, что с ними происходило в период обращения. Я так вот не помню.»

«Я понял это, — усмехнулся Варвар, не отводя от меня глубоких темных глаз, — у тебя не изменилось лицо во время обращения. Вместо уродливой морды, я увидел твои прежние черты, а их не сразу забудешь, Прохор. Я запомнил их еще тогда, давно. Когда стал превращаться в человека. Может, ты расскажешь, что с тобой произошло за все это время и где ты подхватил эту гадость?»

Я мог бы охотно поделиться всеми событиями, что произошли со мной с момента нашего расставания, однако другая мысль беспокоила меня. Группа реагирования отчетливо видела меня тогда, когда напала на мой след возле реки. Это было не воспоминание, а скорее подсознательное осознание опасности. Меня наверняка видели те люди, кто встречался на моем пути во время моих безрассудных экспедиций по дорогам, полям и лугам. А если мое лицо не изменилось в период обращения, то нет ничего проще отыскать меня сейчас. Отыскать и уничтожить, так, как гласит распоряжение. Варвар заметил мою тревогу и спокойно заерзал.

«Я знаю тайную дорогу в горах, — бормотнул он, желая меня ободрить, — она ведет к морю, но это долгий путь. Если ты не страдаешь клаустрофобией и не боишься замерзнуть под глубокими сводами, я могу провести нас туда. Правда, не думаю, что приведу к безмятежной жизни. Наверняка, эти группы работают по всей стране. Уж слишком активно они взялись за уничтожение тварей.»

«Погоди, Варвар, — снова прервал я повествование, — ты говорил мне о противоядии, изобретенном в Центре? Как давно его изобрели?»

Варвар невесело усмехнулся.

«Недавно, и месяца еще не прошло. Однако со всех углов теперь вещают о противоядии и его эффективности, а, чтобы не создавать паники, они решили избавляться от напасти сразу со всех направлений. Эти группы считаются нелегальными, но они неподсудны. Я мало разбираюсь во всем этом, Прохор. Да и не слишком хочу знать про все нюансы. Довольно с меня и того, что мне уже известно.»

Мое спонтанное превращение в человека обнаружило сразу несколько неудобств и

проблем. Во-первых, сейчас я стал ощущать дикий холод, проникающий из глубин подземелья. Одетый в немодную, но довольно крепкую одежду, Варвар тоже ежился под однообразными ледяными потоками воздуха, чего было говорить обо мне, сидящим в своем естественном облики прямо на ледяных камнях. Во-вторых, меня мучил обычный человеческий голод, решивший тоже подать о себе голос, в знак моего полного обращения в представителя высшей расы. Ну и в-третьих, я банально устал. Мои приключения по перевоплощению отняли последние силы и мой организм требовал немедленного восстановительного отдыха.

Однако тревожные сообщения Варвара не позволяли решить моментально ни одну из указанных проблем. Нам на пятки наступали те самые карательные отряды, что действовали незаконно, но были ненаказуемы. Варвар стряхнул с себя оцепенение и поднявшись на ноги, уверенно заявил:

«Мы пройдем совсем немного и выйдем к горному ущелью. Потерпи немного, Прохор, тут совсем недалеко. Там я постараюсь раздобыть тебе одежду и немного провизии. Многого не обещаю, но это будет все же лучше, чем таскаться голышом по горам и привлекать к себе ненужное внимание»

Я был склонен согласиться с Варваром и послушно потянулся следом, прислушиваясь и оглядываясь по сторонам.

Селение, обещанное Варваром, действительно оказалось совсем недалеко. Мы миновали небольшой перевал и оказались у небольшой деревушки, расположенной на другом берегу быстрой горной речки. Варвар оставил меня ждать его возвращения на склоне, а сам уверенно направился к подвесному мосту. Варвара не было больше двух часов, и я начал реально беспокоиться о своем заботливом приятеле, так спонтанно появившимся в моей жизни. Сейчас опасность исходила как от тварей, так и от вполне разумных людей, поэтому, когда уставший, но довольный Варвар показался в поле зрения, я невольно разулыбался.

Его поход оказался плодотворным. Местные щедро поделились с ним старыми истертыми штанами, составлявшими когда-то брючную пару и засаленной розовой курткой с меховым капюшоном. Из еды Варвару удалось раздобыть пару горстей безвкусного концентрата. Торжественно вручив мне приобретенное богатство, Варвар широко улыбнулся и тактично отвернулся, позволяя мне возвращать себе облик джентльмена. Воспитанный Варвар не сдержал неконтролируемый ржач, когда я предстал пред ним в своих обновках.

«В таком виде тебя заметут еще быстрее, — проржавшись, заявил он. — давай сделаем так. Штаны вполне приличные, а вот куртку я могу потаскать сам, только избавлюсь от капюшона. Взамен я предлагаю тебе свою куртку, которая мне немного великовата.»

Как только вопрос с нарядами был улажен, до нашего слуха вновь донеслись отголоски неразборчивой человеческой речи. Голоса могли принадлежать кому угодно, однако мы решили не рисковать и бодро направились к перевалу.

Тайная дорога к морю пролегла под сводами глубокой и просторной пещеры, утыканной сталактитами, на которые я то и дело налетал в темноте. Варвар обладал по истине звериным чутьем, уверенно продвигаясь в крошечной темноте и проводя меня по извилистой дороге. Наконец дорога круто забрала вверх и очень скоро мы оказались возле едва заметной расщелины, сквозь которую проникал слабый дневной свет. Варвар предложил мне сделать небольшой привал и все же перекусить.

Химический концентрат, добытый в деревушке, принято было разводить водой, но воды

у нас не было, поэтому пришлось пользоваться тем, что было в наличии. Варвар с отвращением жевал безвкусную массу, то и дело сплевывая на землю. Глядя на его страдания, я ловил себя на мысли, что бедняга даже и не подозревал, насколько вкусной может быть настоящая еда. Варвар был слишком молод, чтобы застать нормальные продукты, которые исчезли из употребления задолго до его появления на свет.

«Сколько тебе лет, Варвар? — не удержался я от любопытства»

Мой попугайчик ненадолго задумался, подсчитывая свой возраст и выдал неопределенное: «Много, столько не живут. Тридцать лет»

Я негромко засмеялся, создавая раскатистое эхо. Варвар не подозревал еще об одной вещи. Некоторые особо невезучие граждане могут жить гораздо дольше, чем тридцать лет. Но об этом наивному парню знать было необязательно. Домусолив очередную горстку якобы еды, Варвар с отвращением сплюнул еще раз и негромко заявил.

«Я не отказался бы сейчас от хорошего куска копченой курицы, вместо того, чтобы хавать эту дрянь!»

Тут уж я не сдержался и заржал в полный голос.

«Откуда тебе известно о таких деликатесах, а, Варвар? — невежливо пробормотал я сквозь смех, — тебе приходилось есть копченую курицу?»

Варвар странно смутился и неразборчиво пробормотал:

«Не приходилось. Мой друг частенько... Он рассказывал мне семейные предания, когда такая еда считалась самой обычной. Я не отказался бы снова вернуться в те времена, Прохор»

Я жил в те времена и мог бы рассказать множество историй, никак не связанных с едой, но способных вызвать у Варвара и не такие сожаления и восторги. Однако я держал свои секреты при себе, стараясь казаться обычным среднестатистическим гражданином. Привал был завершен и наш путь снова погрузился в непроглядную тьму. Варвар больше не казался мне веселым и оживленным. Станный экскурс в далекое прошлое стер краски жизни с его лица и следующую часть пути мы провели в напряженном молчании. От вечного мрака перед глазами плыли размытые силуэты, рожденные воображением. Мне казалось, что там, в темноте скрываются диковинные звери, способные растерзать нахальных пришельцев. Но настоящие звери поджидали нас там, наверху, возле выхода из ледяной пещеры. Когда наш подземный путь завершился восхождением к свету, на нас обрушились все звуки жизни, и они не вызвали в нас восторга. Отовсюду доносились крикливые гортанные окрики, призывающие кого-то окружать, вести и выпиливать. Варвар растерянно оглянулся и с сожалением произнес:

«Возвращаться обратно не имеет смысла, однако пробираться к побережью граничит с явным безрассудством. Что будем делать, Прохор?»

Сейчас в нас ничто не говорило о пугающем облике диких тварей, или о нашем спонтанном возвращении в мир людей. Мы выглядели как два обычных странника, решивших прогуляться к морю. Учитывая нынешнюю экономическую ситуацию, гораздо больше вопросов могли бы вызвать модные дорогие шмотки из натуральных материалов. То синтетическое дерьмо, что было сейчас навешено на нас, вызвало бы сожаление, сострадание и полное нежелание связываться со скучными представителями среднего класса. Я решил рискнуть и нацепив на лицо равнодушно-отрешенное выражение, не торопясь двинулся к побережью. Варвар, немного подумав, двинулся следом, снисходительно заявляя, что даже будет рад, если кто-нибудь вообще обратит на него

внимание. Последняя реплика моего попутчика вернула меня к мирным временам, и я снова повторил свой вопрос, заданный когда-то Варвару-дикарю.

«Что случилось с твоей семьей, Варвар? — как можно доброжелательнее произнес я»

Варвар с неудовольствием поморщился и нехотя отозвался:

«У меня ее нет. И не будет больше никогда, Прохор. Давай больше не возвращаться к этим вопросам. Я не спрашиваю, почему ты сейчас здесь, а не разыскиваешь своих.»

Я извинился и закрыл тему, обнаруживая в себе разыгравшееся любопытство к этой запретной теме. «Как-нибудь я разузнаю о тебе, Варвар, — пообещал я мысленно, и послушно замолчал»

Глава 7.

Побережье ничем не напоминало те шикарные пляжи с белым песком, которые еще жили в моей памяти. На протяжении всей линии прибоя любой желающий полюбоваться местными красотами, мог обнаружить огромные серые камни, в беспорядке наваленные по берегу у самой воды. Пройдя приличное расстояние по естественному волнорезу, мы уткнулись в отвесные скалы, нависающие над самой водой. Варвар отыскал вполне годное для обитания местечко, выполненное в форме неглубокого грота, и радушно предложил мне располагаться в новом жилище.

«Я сам часто ночую в таких расщелинах, — объяснял он, деловито вертясь в тесном пространстве. — это самое безопасное место. Твари сюда не доходят, а группы реагирования прочесывают только жилые районы, и те участки, на которых находят наибольшее скопление людей.»

О бытовых удобствах Варвар не упоминал, но в текущей ситуации эти мелочи не являлись приоритетными. Нам с ним было достаточно крыши и некоего подобия стен, защищающих от ветра. Я был невзыскателен, а Варвар и вовсе давно привык к таким условиям. Когда страсти по новоселью немного улеглись, меня охватила вполне обоснованная тоска по утраченным снадобьям, а, главное, по своим записям, оставленным в подвале столичной высотки. Щедрая природа южного края была богата на лекарственные растения, и я, не видя другой возможности пополнить свои медицинские припасы, каждое утро отправлялся на склоны, собирать корешки и травы. Варвар относился к моим вылазкам настороженно, но возражать не рисковал, и только покачивал головой. Варвар воровал для нас еду, рыская по горным поселкам. Я был не сторонник подобных мероприятий и тоже качал головой, когда он возвращался вечером и с гордостью демонстрировал добычу. Однако других способов выжить у нас не было. Все около законные заработки остались в далеком прошлом. Люди добывали себе средства к существованию, кто как мог. На юге было принято водить экскурсии по горам и предоставлять временное жилье туристам, которых с каждым годом становилось все меньше. Отдыхали на побережье самые отчаянные и безбашенные граждане, напроць лишенные инстинкта самосохранения, да и тех в этом сезоне насчитывались жалкие единицы. Поэтому воровство в поселках было оправданно, хоть и недопустимо. Вечерами я раскладывал принесенные травы на нагретых камнях и тщательно сортировал их по лечебным свойствам. Запасливый Варвар приволок мне откуда-то клочок

холщовой ткани, по нынешним ценам стоивший целое состояние. Я аккуратно разрезал его на ровные квадраты и завернул в них приготовленные ингредиенты. Дикарь всякий раз проявлял вполне искренний интерес к моим занятиям, почтительно замирая в шаге от моих снадобий и в волнении шевелил губами, видимо повторяя про себя какие-то заклинания. Или просто вел подсчет увеличивающимся мешочкам с травами.

Однажды вечером Варвар не пришел в положенное время, вызвав во мне волну беспокойства. Я прождал его до полуночи, а с первыми лучами солнца отправился его искать. Мой новый приятель намечал себе разные маршруты для воровских набегов, и география моих поисков обещала быть весьма обширной. Стараясь не привлекать к себе лишнего внимания, я отправился в самое ближайшее поселение, в надежде разузнать о приятеле хоть какую-нибудь информацию. Стоило мне просто приблизиться к границам деревушки, как стало понятно, что никакой информации не будет, что селение прочесывается группой реагирования и что, скорей всего, мой Варвар уже попал под раздачу. Пока я в раздумьях пялился на шумные беспорядки, вызванные внеплановой зачисткой, рядом со мной притормозил мальчишка-подросток и торопливо зашептал:

«Уходите отсюда, сударь, здесь группы реагирования, и им все равно, кто перед ними, люди или твари!»

«Они уничтожают обращенных тоже? — машинально поинтересовался я, не чувствуя в себе интереса.»

«Не уничтожают, а отлавливают и куда-то увозят. Никто не знает, чем все закончится, — охотно пояснил мальчишка, порываясь бежать.»

«Куда увозят? — наконец-то заинтересовался я, — для чего?»

Мальчишка пожал худенькими плечами и помотал головой.

«Никто ничего не знает, — интригуяще поделился он, — кто говорит, обращенных свозят в исследовательские центры в столице, кто утверждает, что их закрывают в местных лабораториях. Здесь нельзя оставаться. Говорят, такое творится во всех селениях. Люди уходят, хоть и сами не знают, куда»

Я впервые слышал, что в горах существуют лаборатории, впрочем, учитывая нынешнюю ситуацию, в этом не было ничего удивительного. Жизнь всего мира вращалась сейчас вокруг единственной проблемы, а исследовательские центры росли отовсюду как грибы.

Мальчишка, не дождавшись окончания беседы, рванул вниз по пыльной дороге, а я передумал заходить в поселок. Варвара там я скорей всего не застаю, думал я, торопливо шагая обратно к побережью. Я надеялся, что изворотливый дикарь, выросший в горах, нашел способ скрыться от туповатых вояк и сейчас дожидается меня в гроте, изводясь от переживаний.

Однако, в гроте меня никто не ждал. Наше пристанище было ровно таким, каким я оставил его пару часов назад, отправляясь на поиски. Безрезультатно проторчав на побережье еще несколько часов, я принял решение идти в город. Возможно там я смогу что-нибудь разузнать если не про моего Варвара, то хотя бы получить информацию о судьбе отловленных обращенных. Конечно, оставался шанс быть отловленным самому и узнать судьбу бедолаг, так сказать, изнутри, но и сидеть сложа руки для меня тоже был не вариант. В конце концов, я всегда ценил понятие «дружба», а Варвар был моим единственным другом.

В городе царил хаос и беспредел. По узким улочкам стройными рядами маршировали солдаты групп реагирования, без смущения распахивая двери подозрительных домов и

вламываясь в жилища. А так как грозные вояки были в целом народом крайне подозрительным, то без их внимания не оставался ни один дом. На меня никто из них даже не взглянул, чему я только поудивлялся, и поэтому я без труда добрался до солидного здания первой научной лаборатории, встретившейся мне на пути. На фоне веселых разноцветных домишек серое бетонное здание выглядело страшно и угрожающе. Но я был не из пугливых и, на ходу придумав легенду, объясняющую мое появление в этих стенах, решительно шагнул к входной двери. Обладая подходящим образованием и квалификацией, я планировал получить здесь какую-нибудь должность, чтобы иметь возможность увидеть опыты над людьми и тварями самому. Мне навстречу тут же выполз сурового вида боец охраны, и воткнув в мой живот какое-то мудреное орудие, грозно изрек:

«Предъявите документы и назовите цель вашего визита!»

Слова прозвучали настолько безжизненно, что я невольно подумал о механической имитации грозного охранника. Я протянул руку, где, как я надеялся, был сохранен опознавательный чип, и принялся терпеливо ждать, пока стражник считает с меня биометрику. Чип оказался не поврежден, и очень скоро оттаявший вояка почти приветливо произнес:

«По поводу обмена поднимитесь на второй этаж и обратитесь в третью дверь»

Я не решился уточнять, о каком обмене шла речь, ограничившись вежливым кивком. И отправился на второй этаж. За третьей дверью оказался обычный серый кабинет, оснащенный единственным рабочим столом без каких-либо приспособлений. Возле него восседал высокий крепкий мужчина, облаченный в неясного цвета халат, из-под которого неаккуратно торчали ободранные штаны. В этом временном отрезке никто не заморачивался внешним видом, и это только играло мне на руку.

«Приветствую, коллега, — равнодушно пробубнил он, — в какой области вы специализируетесь?»

Вероятно, ему уже передали новости, и мое появление вызвало только сугубо профессиональный интерес. Я был фармацевтом, но с легкостью разбирался в хирургии и неврологии, о чем и поведал хозяину кабинета. Тот удовлетворенно кивнул.

«Нам доставили новые образцы, — доверительно сообщил он, — однако на кой черт они нужны, если руководство требует решительных шагов. Отныне никакой снисходительности, только безоговорочное уничтожение! Народ бунтует и сомневается в наших успехах, ожидая чудес и наглядной демонстрации нашей работы. Будет им демонстрация!»

Человек говорил будто бы для себя, но я счел уместным отозваться на его реплики.

«Отлично, коллега, — бодро сообщил я, — с чего начнем?»

Я рассчитывал, что он отведет меня в лабораторию и предложит рассмотреть новые образцы, однако я круто ошибся.

«Сегодня вечером запланирована показательная казнь, — поделился он, — с нее и начнем, Прохор Степанович!»

Я подумал, что это такое сленговое выражение, означающее какую-нибудь планерку или общее собрание, и с готовностью выразил желание немедленно принять в ней участие. Я до сих пор сомневался, что мне так легко удалось проникнуть в секретную лабораторию и ждал подвоха. Коллега неожиданно весело засмеялся.

«Экий вы нетерпеливый, Прохор! Впрочем, молодые все горячие и стремительные. Эх, в какое время мы живем, Прохор! Время перемен и открытий, время научного прогресса,

исследований и разработок, великих свершений и созидания!»

Мне казалось, я уже жил в какое-то подобное время, очень давно. Тогда тоже все стремились к созиданию и прогрессу. Я не стал спорить с энтузиастом и вопросительно уставился на коллегу, ожидая уточнений про показательную казнь.

«Мне наверно нужно как-то подготовиться? Собрать материалы или подготовить доклад? — изо всех сил кривлялся я, не до конца понимая в какой именно области проводятся упомянутые исследования и разработки.

Как оказалось, ничего такого готовить мне было не нужно. В мои обязанности входило содержать в чистоте приемные боксы.

«Вот как, — отрешенно думал я, спускаясь в подвал следом за своим восторженным коллегой, — я наивно рассчитывал, что со своей квалификацией удостоюсь чего — то поинтересней мытья горшков»

Приемные боксы занимали внушительную территорию, но выглядели относительно чисто. Мне вменялось в обязанности замывать кровь после необходимых процедур. Выразив незамысловатое пожелание созидать и прогрессировать, коллега в ободранных штанах покинул меня, аккуратно прикрыв за собой дверь.

«Что я тут делаю? — топорицилась неотвязная мысль, — вместо того, чтобы искать Варвара, я ликвидирую последствия необходимых процедур в полутемном подвале.»

К слову, все, что мне приходило на память в связи с моей новой работой, так или иначе имело отношение к невеселой процедуре вскрытия трупов. В боксе все говорило за то, что научные созидатели и творцы разделявали тут туши тварей, отловленных в городе или в поселках. Недаром же были упомянуты новые поступления.

На протяжении нескольких дней мне так и не пришлось проявить себя гениальным уборщиком. Никаких трупов в боксе не разделявали, никакие образцы не привозили, и к окончанию очередного рабочего дня я начал откровенно скучать в одиночестве. Мою тоску развеял вновь появившийся научный руководитель. У него было очень необычное имя, которое даже в мыслях звучало как заклинание. Его звали Персострат Даздрасмыгдович. Я по возможности избегал обращаться к нему по имени-отчеству, опасаясь вызвать сатану.

«Прохор Степанович! — с ноткой торжественности проговорил он, — я приглашаю вас на первое в вашей карьере заседание. Вы просто обязаны проявить себя как преданный и верный сторонник общего великого дела. Я очень рассчитываю, что молодые и перспективные кадры не посрамят наше страдающее отечество.»

От пафосности фраз сводило скулы, но в глазах Персострата Даздрасмыгдовича горел фанатичный огонь, сопротивляться которому, значило навлечь на свою голову многие проблемы.

Я послушно отложил швабру и аккуратно повесив халат на торчащий в стене гвоздь, двинулся следом за коллегой. Заседания в моей карьере уже случались, я с грустью вспомнил долгие посиделки в просторном светлом кабинете своего прежнего руководителя, но привычно не стал спорить с любезным Персостратом Даздрасмыгдовичем.

Темой сегодняшнего заседания продолжала оставаться самая животрепещущая из всех тем десятилетия. В огромном зале, выдержанном в самых строгих традициях интерьерных решений, собралось не меньше полутысячи слушателей. В самом конце зала красовалась внушительного вида трибуна, задрапированная серой тканью. Именно с нее предполагалось вещать выступающим на заседании. Я с интересом прослушал первую речь, впрочем, не узнав из нее ничего нового. После прозвучал следующий оратор, потом еще один. Они все

толклись в одних и тех же фразах, виртуозно меняя их порядок и вызывая во мне легкое состояние полудремы. Я так ничего и не узнал про отловленных бедняг и это расстраивало меня больше всего. Наконец, на трибуну выполз незабвенный Перрсострат.

«Коллеги! Друзья! Соратники! — начал проникновенно он, а я невольно провел рукой по заднему карману штанов, отыскивая маузер. — мы вынуждены пересмотреть принятые ранее обязательства и цели. Народ озлоблен и требует доказательства нашей борьбы с тварями и обращенными. В нашу первоначальную задачу входила разработка фармацевтического средства борьбы, однако мы вынуждены признать поражение. Разработка неэффективна, твари множатся и угрожают спокойствию граждан. Мы должны успокоить народ, коллеги. Именно поэтому мы вынуждены пойти на крайние меры!»

В таком ключе румяный доктор вещал еще с полчаса, а когда все в зале начали откровенно зевать, он пригласил всех на закрытый двор. Сидящие в зале оживились и мерно бормоча что-то между собой, торопливо двинулись к выходу.

Закрытый двор располагался за зданием лаборатории, был огорожен со всех сторон непроницаемым забором и имел вид огромного колодца. Хлынувшую во двор толпу поджидала крытая повозка, имеющая сходство с автобусом. Я успел подумать, что все желающие никак не поместятся в этот вид транспорта, куда бы он ни направлялся. Однако в его задачу и не входило перевозить гудящую толпу. Автобус затарахтел движком и медленно покатился к распахнутым настежь воротам, увлекая за собой оживленных людей. Куда направлялся автобус и что он перевозил в своем гудящем нутре, для меня оставалось загадкой, а спрашивать о том у своих коллег я посчитал неуместным. Мы некоторое время скорбно тащились за колесницей, пока она наконец не привела нас к просторной площади, битком забитой любопытными. По периметру были расставлены бойцы охраны, сдерживающие натиск и высматривающие появление диких тварей. Я с великим изумлением натолкнулся взглядом на странное сооружение, нелепо торчащее посередине площади. Сооружение представляло собой грубо сколоченный помост, украшенный невысоким, но широким бревном, закрепленным вертикально. У меня мелькнула мысль, что сейчас я стану свидетелем красочного шоу, вероятно демонстрирующего расправу над дикими тварями, в исполнении местных актеров. По-другому я никак не мог себе объяснить подобную декорацию. Мой интерес возрос, и я протиснулся к самому краю импровизированной сцены.

Автобус, за которым мы плелись все это время, подобрался к лестнице, ведущей на сцену, и распахнул дверцы. Я ожидал увидеть толпу разукрашенных лицедеев, однако на улице появился всего один. Он был с ног до головы замотан в омерзительно шелестящую ткань, явно мешающую ему перемещаться. Человек неловко пошатнулся, пытаясь удержаться на ногах, и не удержался, поскольку его ноги были крепко обвязаны жесткой веревкой.

«Неплохо! Bravo, Перрсострат! — подумал я, с интересом наблюдая над правдоподобными попытками человека подняться на ноги, — в нынешнее скорбное время весьма неплохая задумка повеселить народ и отвлечь его от вечного страха.»

Один из бойцов охранения грубо подтолкнул персонажа к лесенке и тот, затравленно оглянувшись, сделал неуверенный шаг. Его шуршащая накидка спала на землю, и я с изумлением увидел, что актер, исполняющий роль дикой твари, потрясающе похож на моего Варвара. Те же темные глубокие глаза, те же торчащие во все стороны темные волосы, тот же рост и та же фигура. Мне показалось немного странным, что господа костюмеры не добавили немного правдоподобия, натянув на вполне человеческое лицо уродливую маску, но видно таково было решение постановщика. Пока несчастный связанный добирался до

сцены, вездесущий Персострат уже бодро промаршировал к краю помоста, в своем обычном костюме с привычной папочкой в руках. Он оглядел всех собравшихся и торжественно объявил о начале представления. Правда его слова звучали немного по-другому, снова акцентируя внимание на новых веяниях и задачах. Но в целом, его мысль была ясна — ученый мир принялся решать проблемы силовыми методами.

«Перед вами не человек, как могло бы показаться с первого взгляда. Это обращенная тварь, и кто знает, какой урон она причинила мирным гражданам. За свои деяния она должна понести справедливое наказание! Это только начало! — гордо вопил он, обводя обезумевшими глазами гудящую толпу, — так будет с каждой тварью, с каждым обращенным, кто посмел обойти программу «избранных», так будет со всеми!»

В его словах звучали откровенно безумные ноты, и я уже начал сомневаться в реальности театрализованной затеи и постановочных трюков.

Пленник, сопровождаемый весьма болезненными толчками охраны, наконец-то добрался до бревна и настороженно замер, обводя глазами беснующуюся толпу. На самый краткий миг наши глаза встретились, и я с ужасом понял, что очень ошибся в своих первоначальных предположениях. Передо мной стоял не актер, играющий тварь. Это был недавно обращенный. Это был мой Варвар. Сопровождавший боец подтолкнул Варвара к столбу и надежно привязал того длинной крепкой веревкой. Варвар дернулся, но получив очередной пинок, послушно затих. Я во все глаза наблюдал за развитием сюрреалистических событий, и не верил тому, что видел. «Так не должно было быть, — метались заполошенные мысли, — мы живем в цивилизованное время, казни отменены, да и к чему все это? Варвар не виноват, что однажды стал таким, это может случиться с любым из присутствующих! Он не преступник, а жертва, и он достаточно настрадался и без глупых представлений!»

Однако мысли продолжали оставаться мыслями. Я ничем не мог помочь Варвару. Мое вмешательство только ускорило бы расправу и не привело бы ни к чему. Толпа разорвала бы нас двоих, если бы я нарушил порядок представления.

«А может быть, все это рассчитано на зрелищность? — появилась новая обнадеживающая мысль, — может сейчас Варвара отпустят, не причинив ему вреда?»

Опровергая мои ожидания, на помост взобрался крепкий мужик, видимо работающий санитаром в каком-нибудь дурдоме, и протянув вперед руку, продемонстрировал толпе тонкую витую плетку, оснащенную какими-то блестящими металлическими вкраплениями. Толпа призывно загудела, и в ее непрерывном вое я отчетливо расслышал угрожающее: «Сдохни, тварь!»

Варвар обвел беснующуюся толпу погасшими глазами и обессиленно опустил голову, смирившись с участью. Санитар, не дожидаясь, пока толпа перейдет сама к решительным действиям, уверенно размахнулся и с силой обрушил на незащищенное тело Варвара страшную плетку. Варвар дернулся и, запрокинув голову, распахнул в беззвучном крике разорванный рот. По его коже тут же заструились яркие полосы крови, а санитар, помня о долге, нанес свой следующий карательный удар. Варвар снова изогнулся, но вскоре затих, податливо мотаясь под тяжелыми ударами. Его тело покрывали яркие всполохи живой крови и не было шанса, что экзекуция закончится для него благополучно. Стражи безопасности припасли для несчастного обращенного двести ударов, последние из которых были уже безразличны Варвару. Толпа, дождавшись последних взмахов жуткой плетки, удовлетворенно загудела, потянувшись с площади. Я никак не мог осознать правдоподобность всего произошедшего на моих глазах. О таких расправах я читал в

книжках про варварское средневековье и никак не мог предположить, что это дикарство возможно спустя несколько столетий. Я, не отрываясь, смотрел на безвольно повисшее тело своего единственного друга и, внезапно приняв решение, шагнул на помост.

Глава 8.

То, что я собрался сделать, наверняка вызвало бы волну возмущения и порицания среди населения, и рассматривалось, как наглое нарушение закона. Однако мне было насрать и на возмущения, и на население в целом. Я разрезал тугие веревки, удерживающие жертву на столбе, и ко мне в руки соскользнуло неожиданно легкое, липкое от крови мертвое тело несчастного Варвара. Я не мог допустить хотя бы того, что бы безумные ученые копались в его останках, делая новые бесполезные открытия. Прижимая к себе скользкую израненную фигурку, я неловко спрыгнул с помоста, и, настороженно оглядываясь, пересек опустевшую площадь. Благодаря объявленному комендантскому часу, улицы города были пусты и молчаливы, а верные стражи безопасности бдительно толклись там, где возможность столкнуться с дикой тварью стремилась к нулю. Я несся по опустевшему городу, не видя в своем порыве никакого практического смысла. Мое дыхание со свистом вырывалось из легких и грозило остановиться совсем, но мне были безразличны его планы. Я прислушивался к глухому стуку своих уродливых ботинок по разбитому асфальту, и мне казалось, что на этот шум сейчас сбежится половина города. Однако окна в домах продолжали оставаться неприветливо темными, никто не объявлял погоню и не грозил мне немедленной расправой. Варвар норовил выскользнуть из моих рук, неестественно запрокидывая голову и скаля на меня ровные белоснежные зубы. Миновав границы города, я почувствовал уверенность и сбавил шаг. Добравшись до низкого раскидистого куста, выросшего прямо на дороге, я осторожно уложил свою кровавую ношу и наклонился к самому его лицу, надеясь расслышать признаки жизни. Я был врач и давно уже понял, что мои проверки ничто иное, как попытка поверить в чудеса. Варвар безвольно вывернул голову и глядя в ночное небо мутнеющими глазами, будто бы укорял меня за малодушие и сентиментальность.

«Пора двигаться дальше, дружище, — пробормотал я, подхватывая с земли липкую фигурку»

До самого побережья мы добрались без приключений. Я добрался. Варвару приключения были уже безразличны. В гроте было темно, сыро и тесно, и я с трудом отыскал подходящее место для своего приятеля. Расстелив на камнях обрывок старой тряпки, я осторожно уложил Варвара и, закрыв рогожкой вход в импровизированное жилище, принялся разводить огонь. Несколько дней назад хозяйственный Варвар предусмотрительно сложил из прибрежных камней некое подобие очага, уверенно заявив

мне, что с наступлением холодов такое приспособление здорово облегчит нам существование. Огонь весело запрыгал среди камней, рождая на низких сводах пугающие тени. Я некоторое время глядел на мерцающие отсветы, потом решительно приподнялся и принялся рыться в своих снадобьях. Для чего я делал это и какую цель преследовал, о том не знал даже я сам, однако с одержимостью маньяка я перекладывал с места на место свои свертки с травами и в моей голове рождалась смелая мысль. Отыскав в норе вполне пригодный кувшин, все так же украденный рукастым Варваром в одном из поселений, я набрал воды, и подвесил над очагом. Когда вода в кувшине весело забулькала, я оторвал от тряпки небольшой клочок и, смочив его в кипятке, принялся обтирать запекшуюся кровь с мертвого тела. Пока я приводил Варвара в достойный вид, вода наполовину выкипела и я, прервав свое занятие, побросал в кувшин растертые в порошок травы, которые собрал на склонах. В моей голове возникали целые страницы моих собранных за столетие записей, рецептов и составов, способных помочь при многих недугах. Однако среди них не было не одного, способного воскресить из мертвых. Вода в кувшине выкипела, оставив на дне обжигающий осадок из разварившихся кореньев и трав. Я зачерпнул рукой горячую жижу и принялся растирать по мертвой коже полученную смесь. Этот состав годился для заживления ран, порезов и ссадин у живого человека, и Варвару был без надобности, однако я продолжал упорно растирать израненную кожу, повторяя про себя слова старого заклинания, как-то слышанного от одной целительницы. В то время я открыто смеялся над ее бреднями, но сейчас они ниоткуда возникали в моей памяти и вырывались из горла сами по себе. Несколько раз в течение ночи, я заменял воду в кувшине, растирал в пыль высушенные травы и продолжал втирать полученное зелье в холодную кожу Варвара. Перед моими глазами прыгали обрывки эпизодов моей бесконечной жизни, возвращая меня в то беззаботное время, когда мне не нужно было прятаться по подвалам и пещерам от неведомых злобных тварей. От прилагаемых усилий моя энергия таяла, слова забывались, и в какой-то момент я обессиленно повалился на распростертое передо мной тело. Сколько времени я пролежал в неподвижности, сказать было невозможно. Мой импровизированный очаг давно погас, а через непрочную занавеску в пещеру проникал прохладный морской ветер.

«Все, что я делаю, не имеет смысла, — с грустью резюмировал я, поднимаясь на ноги, — единственное, что нужно мне сделать прямо сейчас, это взять себя в руки и выбрать для Варвара подходящее место последнего его пристанища»

Оставив единственного своего приятеля лежать в остывающем гроте, я выполз на берег и осмотрелся. Я не знал, что любил Варвар, что считал главным в своей жизни. Я вообще мало что про него знал. Поэтому решил выбрать ему последний приют по своему вкусу. Мы встретились с ним на склонах, там же и расстанемся, с усмешкой подумал я и, отыскав на берегу подобие подходящего инструмента, направился к склону. До самых сумерек я провозился, раскапывая Варвару удобную могилу. Это утомительное занятие странным образом отвлекало от грустных мыслей и осознания вернувшегося тотального одиночества.

«Сколько раз я зарекался впускать в свою жизнь людей, — с горечью думал я, возвращаясь в грот, — и снова нарушил данное однажды обещание. Я не предполагал, что на этот раз моя непрочная дружба окажется такой краткосрочной»

В гроте по-прежнему было сыро и прохладно. Я подошел к лежащему телу и осторожно приподнял его над землей. От проделанной на склоне работы мои ладони горели огнем, и мне на минуту показалось, что кожа Варвара стала теплой. Это был обман, разумеется, но я

на самый краткий миг снова поверил в сказку.

Неловко выбравшись с ним на берег, я вдруг подумал, что было бы неплохо раздобыть ему какую-нибудь одежду, но эта мысль тут же растворилась. «Какая разница, — укорил я сам себя, — ему теперь все это без надобности»

Добравшись до заботливо вырытой ямы, я опустил Варвара на землю и оглянувшись, провел ладонью по его лицу, прощаясь с единственным другом. Вдруг под моей ладонью послышался легкий всхлип, и тело моего приятеля неестественно выгнулось. Я в ужасе вскочил на ноги, уставившись на происходящие с Варваром перемены. Он упруго приподнялся и вполне уверенно сел, с недоумением разглядывая меня.

«Что ты тут делаешь, Тихон? — неразборчиво пробормотал он и снова повалился на землю»

От неожиданности я не сразу сообразил, что мои оздоровительные манипуляции принесли свои плоды, что Варвар снова со мной и что его нужно немедленно тащить обратно. Он впал в забытие, но это больше не тревожило меня. Я знал, как помочь ему, раз уж у меня получилось вернуть его из небытия, то глупый обморок я сумею вылечить. Так думал я, несясь вниз по склону, и прижимая к груди неожиданно потяжелевшее тело. Там, в гроте, я уложил свою ожившую ношу обратно на оборванный лоскут, а сам принялся разжигать огонь в очаге. Мои суетливые движения постепенно возвращали себе уверенность, и к моменту, когда мой несчастный пациент полностью пришел в себя, я был совершенно спокоен и привычно сдержан в эмоциях.

«Что произошло, Прохор? — проговорил он, странно спотыкаясь на моем имени, — что они сделали со мной?»

Я мысленно усмехнулся.

«Они убили тебя, а я тебя оживил, — хотелось сказать мне, однако даже в мыслях эта фраза звучала дико, и неправдоподобно. Варвар ни за что не поверит мне, да и незачем ему знать все нюансы.

«Я сумел утащить тебя с помоста, до того, как они отправили тебя к праотцам, — улыбнулся я, — теперь ты снова жив и здоров. Ну или станешь таким, если будешь придерживаться моим рекомендациям.»

Варвар понимающе кивнул и пробормотал:

«Спасибо тебе, Тих... Прохор, ты здорово помог мне»

Вторая оговорка Варвара странным образом воскресила в моем сознании неясную, слабо оформленную мысль, вызвавшую, в свою очередь, замешательство.

«Почему ты назвал меня Тихоном, Варвар? — вырвалось прежде, чем я успел осознать ее.»

Тот заметно побледнел и покачал головой.

«Я просто оговорился, — пробормотал он едва разборчиво и торопливо, — не обращай внимания. Болевой шок и все такое. Забудь.»

«И все же? — настойчиво повторил я, не смея поверить своим собственным предположениям. Об этом имени никто никогда не знал, да и не мог знать, оно исчезло полвека назад, и даже я сам старался нечасто вспоминать его. Но Варвар оговорился дважды.»

Однако упрямый дикарь замкнулся в себе, и на все мои вопросы только кивал или мычал, словно боясь проговориться в третий раз. Я отстал от него, понимая, что подобная тактика не работает.

Варвар медленно шел на поправку, постепенно возвращаясь к жизни, а я целыми днями просиживал в убежище, прислушиваясь к внешним звукам. Прошло больше недели после чудовищной показательной казни, и любезный Персострат Даздрасмыгдович, или как там его, наверняка мог связать исчезновение казненного и мои недельные прогулы в одну цепочку. Кто знает, куда заведет его стремление прогнуться перед высоким руководством и сдать нерадивого сотрудника властям. Возможно не потребовалось бы даже цепочки. Таким одержимым, как Герострат Даздрамундович, было достаточно малейшего просчета со стороны подчиненных, чтобы покарать их всеми небесными карами. Варвар, понимая мое настроение, с расспросами не лез, на воровские вылазки не ходил и в целом вел себя примерно. В нашем уютном логове царил мир и покой, если бы не одно «но». Однажды появившаяся мысль не давала мне покоя, норовя свести с орбиты мои и без того заполошные мозги. Я часто разглядывал Варвара, когда считал, что он не замечает моего почти научного интереса, и не находил никаких соответствий, которые подтвердили бы мои отчаянные предположения. Да их и не могло быть, этих соответствий, я знал это наверняка, и все равно упрямо продолжал сверлить глазами своего соседа по пещере. Кроме того, мне было интересно узнать, что произошло с ним тогда, в те страшные дни, что предшествовали показательной казни. Однако, я все еще боялся воскрешать в памяти Варвара тот ужас и дожидался подходящего случая. Варвар заговорил сам, словно отвечая разом на все мои незаданные вопросы.

«Меня схватили на улице люди в форме и поволокли в крытую машину. Там, кроме меня, находилось еще несколько человек. — рассказывал мне Варвар, глядя прямо перед собой, и казалось, вовсе не замечал моего присутствия. — после нас привезли в какой-то подвал, где нас ждали люди в халатах. Они сразу же принялись собирать у нас всякие биологические образцы. Все это проводилось в полном молчании и все наши вопросы к суровым лаборантам просто висли в воздухе. Спустя пару дней в подвал спустился один из лаборантов и приказал некоторым из находящихся в подвале выметаться вон. А остальным вколол какую-то дрянь, от которой те немного подергались и затихли. Как оказалось, те, кого отпустили, были незараженными, обычными людьми, а остальные успели обратиться в людей, видимо минуя ту самую программу для избранных. Я плохо понял из их объяснений весь алгоритм действий. Да и объяснений- то по сути не было. Огромные сотрудники лаборатории молча выполняли свою работу, предоставляя мне возможность самому строить предположения и гипотезы. Но одно я уловил отчетливо — меня ожидала та же участь, что и тех несчастных, которых довольно небрежно выволокли из подвала спустя несколько минут после инъекций. Однако прошел день, за ним второй, меня никто не навещал и казалось вовсе про меня забыли. Я начал уже привыкать к мысли, что мне удастся незаметно выскользнуть из этой ловушки. Тем более, никакой охраны возле дверей я не заметил. Я очень ловкий, Прохор, и за годы этой напасти давно научился выворачиваться и не из таких передрыг. Однако мне не повезло в этот раз. Подходящего случая не представлялось, а на десятый день моего заточения явился все тот же громадный лаборант. Ты видел его, там, на площади. Он легко приподнял меня с бетонного пола и замотал в отвратительную ткань, воняющую каким-то лекарством. Ну а потом я увидел себя стоящим перед беснующейся толпой. Зачем они это затеяли, Прохор? Что это вообще было? И как ты оказался среди этих зевак?»

Рассказ Варвара поразил меня своей безыскусностью, и от этого показался еще страшнее. Выходит, одержимый Персострат не собирается останавливаться в своем

стремлении очистить отечество от страданий. Если мы и дальше будем прохладиться на побережье, тупорылые приспешники сатаны доберутся и до нас. Тогда очередная показательная казнь заиграет новыми красками.

«Нам нужно уходить, Варвар, — не отвечая на его вопросы, озвучил я очевидное, — и чем скорее мы это сделаем, тем будет лучше.»

Мой неудачливый сосед уже вполне оправился и мог без труда преодолеть довольно значительное расстояние. К тому же со мной были мои снадобья, аккуратно собранные и регулярно пополняемые.

Глава 9.

Мы не обсуждали заранее свой маршрут, как и не ставили перед собой конкретной цели путешествия. Единственная задача, которую мы преследовали, срываясь с побережья, оказаться как можно дальше от карательных отрядов борцов за безопасность. Отчаявшись исправить ситуацию мирным и гуманным путем, фанатики от здравоохранения перековали скальпели на мечи, и без смущения шли к новой цели. Варвар предложил нам двигаться на север, объясняя свою задумку весьма прозаично.

«С равнин люди уходили в горы, к югу, возможно, они и сейчас придерживаются этих тенденций. А вездесущие твари сейчас повсюду, выбирать не приходится. Возможно, мы не привлечем большого внимания, появившись в каком-нибудь полузаброшенном селении.»

В словах Варвара звучал здравый смысл, и как только солнце скрылось за горизонтом, мы двинулись в путь. Варвар, наученный горьким опытом, теперь настороженно оглядывался, прежде, чем совершить очередную перебежку по открытой местности. Нам феерически везло, пока дорога вела нас мимо ущелий и горных склонов. Откуда-то сверху до нас доносились визгливые оповещения диких существ, но, к счастью, ни одна из них, так и не появилась на нашем пути. Выйдя за пределы города, Варвар выдохнул и перестал останавливаться ежеминутно, прислушиваясь к окружающему миру. С наступлением ночи опасность попасться на глаза стражам безопасности резко сменилась весьма ожидаемой возможностью нарваться на диких тварей. Варвар настойчиво требовал остановки, и я был вынужден принять его предложение. По левому краю дороги раскинулись весьма живописные овраги, поросшие мягкой густой травой, и мы, понадеявшись, что твари все же предпочитают скитаться по равнинам и горным склонам, направились к тальвегу. С дороги овраги казались нам неглубокими и удобными, однако, чем дальше мы спускались, тем дальше становилась наша цель.

«Заколдованные они, что ли? — то и дело бормотал Варвар, явно выбиваясь их сил, — когда же мы достигнем дна?»

По моему мнению, дна мы достигли уже давно, превратившись в совершенных маргиналов и воров, но я не стал лишать своего попутчика бодрого настроения, рассказывая свое видение ситуации. Наконец, через несколько часов утомительного пути, перед нашими глазами выросли стены странного поселения. То, что высокий частокол ограждал именно

поселок, сомневаться не приходилось. Несколько десятков лет назад такие поселки были весьма популярны и вылезали как грибы на любой более-менее живописной местности. Вокруг росли высокие стройные березы, вперемешку с елками и туями, и это только увеличивало сходство с коттеджными поселениями.

«Где же овраги? — снова забеспокоился Варвар, — мы же спускались туда, а вышли к какому-то..., а кстати, к чему мы вышли? Я не видел с дороги ничего похожего на высокие ограды и добротные дома.»

Я успокоил наблюдательного попугчика, заявив, что шли мы в темноте и вполне объяснимо, что попросту сбились с пути и свернули куда-то в сторону. Сам я не слишком поверил в свои же наблюдения, но хотя бы вернул Варвару уверенность. К нашему немалому изумлению, высокие ворота странного поселка были распахнуты настежь, а на его территории царил непроницаемая мгла. Впрочем, последнее обстоятельство не должно было удивлять слишком сильно. Сейчас, с наступлением ночи, жители почти всех населенных пунктов погружали свои жилища во тьму, лишая тварей шансов заглянуть на огонек. Варвар смело шагнул на ровную грунтовую дорожку и вскинул руку в приглашающем жесте.

«Добро пожаловать, Прохор! Наше сегодняшнее пристанище!»

Я усмехнулся и послушно пересек границу какой-то явно частной территории. По хорошему, нам следовало бы повернуть назад и обойти загадочную местность по широкой дуге, однако здравый смысл в который раз изменил мне, а Варвар, наскитавшись по опасным дорогам, интуитивно почуял возможность спокойно отдохнуть. Пусть даже на улице под елками.

Мы прошли по ровной аллейке, обсаженной высокими деревьями, неузнаваемыми в темноте и уткнулись в просторный частный дом, с гостеприимно распахнутыми дверями и окнами. Прохладный ночной воздух весело игрался с прозрачными занавесками, в темноте похожими на добродушных привидений. Варвар недоуменно хмыкнул и обернулся ко мне.

«Они что же, совсем не слышали последние новости? — пробормотал он, имея в виду беспечных хозяев странного коттеджа. — нынче даже ворота городских парков закрывают на все замки, опасаясь непрошенных гостей»

Я постеснялся взывать к осторожности загадочных владельцев дома и поволок Варвара дальше, подыскивая место для ночлега. «Вероятно, в этих краях дикие твари просто не появлялись, — пробормотал я, — и потом, скорее всего этот дом необитаем. Первое, что приходит в голову.»

Наши поиски привели нас к широкому раскидистому дереву, росшему в самом конце аккуратной дорожки. Рядом не наблюдалось жилых домов, да и присутствия диких тварей не наблюдалось тоже, и я посчитал это место идеальным, для спокойного сна. Варвар, не дожидаясь моей команды, рухнул прямо к могучим корням гигантского растения и тут же засопел, сворачиваясь в немислимый ком. Я предпочел немного покараулить сон своего приятеля, ни на минуту не забывая о тварях, стражах безопасности и жителях коттеджного поселка. С первыми лучами нового дня, мой приятель заворочался, потянулся, распрямляя конечности, и громко, со вкусом зевнул.

«Доброе утро, — сонно пробормотал он, вспоминая обстоятельства своей ночевки на неровных корнях. — ты почему не спишь, Прохор? Тут вроде бы безопасно.»

Я пожал плечами, все еще находясь под впечатлением от странной атмосферы, царящей в поселке. Он создавал иллюзию заброшенного, однако таковым не являлся, поскольку

добротные дома выглядели ухоженно, а на улицах не было заметно того запустения, что неминуемо сопровождает бесхозные поселения. Я подумал о внезапной эвакуации жителей, вызванной весомой причиной.

«Пошли отсюда, Варвар, — предложил я, поднимаясь на ноги, — мы выполнили основную задачу, переночевали, а теперь пора двигаться дальше.»

Я старался, чтобы мой голос звучал равнодушно, однако пронизательный приятель все же расслышал в моей интонации тревожное беспокойство.

«Как скажешь, Прохор, — со вздохом проговорил он, — я бы остался здесь подольше, хотя бы из-за полного отсутствия людей. Мне, знаешь ли, вполне по душе подобное одиночество»

Станный поселок настораживал своей необычностью, и я, не реагируя на философские размышления приятеля, двинулся к воротам, приветливо поскрипывающим тяжелыми створами. Я потратил довольно много сил и времени, пытаясь приблизиться к цели, однако пыльная дорога под моими ногами странным образом вытягивалась в струну, не подпуская к воротам ближе, чем на десяток метров.

«Что происходит, Прохор? — в замешательстве пробормотал Варвар, — я вижу эти чертовы ворота, так же отчетливо, как и тебя, однако сколько бы я ни шел, они продолжают сохранять все ту же дистанцию. Что за фокусы?»

Мой наблюдательный попутчик озвучил ценные факты, но к такому же выводу я пришел и сам, замаявшись шлепать по пыльной грунтовке. Возможно сказывалось переутомление или недосып, а может мы попали под влияние неведомых злых существ, однако каждая из озвученных причин ни на сантиметр не приближала нас к заветной цели.

«Придется поискать другой выход, — усмехнулся я, — если, разумеется, ты не знаешь какого-нибудь секретного заклинания, Варвар, способного выпустить нас отсюда.»

В моем голосе явно слышалась насмешка, однако рассудительный приятель очень серьезно помотал головой.

«Я не знаю никаких заклинаний, Прохор, — покаянно поделился он новой информацией, — но ты прав, нужно поискать другой выход»

Мы двинулись обратно и очень скоро оказались на широкой площади, оформленной как городской парк. Повсюду стояли резные садовые скамейки, а между ними яркими пятнами красовались клумбы, усаженные живыми цветами. Вся открывшаяся картина наводила на мысли о тщательном уходе и неустанной заботе о поддержании подобной красоты.

«Ого! — восхитился наивный Варвар, — видимо тут все же есть кто-нибудь, кто приглядывает за порядком, как думаешь, Прохор? Все выглядит ухоженным.»

Я согласно кивнул и тут же натолкнулся взглядом на весьма привлекательные прилавки, расставленные поодаль и до самых краев наполненные разнообразной снедью. Такое зрелище давно стало недоступным для простых обывателей. Продукты, заботливо разложенные по накрытым белыми скатертями столам, канули в прошлое лет сорок тому назад, сменившись тоскливыми концентратами. Жители больших городов и маленьких поселений теперь довольствовались химическими порошками, которые разводились обычной водой. Я с изумлением выдохнул и собрался уже провести Варвару ознакомительную экскурсию, от восторга забывая о привычной осторожности. Однако мой вечно голодный приятель уже жадно рассматривал яства и только вздыхал, то и дело взмахивая руками.

«Ты только посмотри, Прохор! — восторженно бормотал он, указывая мне на

аппетитные куски курицы, выложенные румяной горкой на широком фаянсовом блюде, — курица! Кто бы мог подумать, что я вообще когда-нибудь ее увижу. А вот, гляди, пирожки с картошкой или мясом! Прохор, я не отказался бы ни от тех, ни от других! А вот знаменитый коллекционный коньяк, ну надо же! Сейчас в мире не осталось ни капли алкоголя, а вместо него люди жрут какую-то химическую отраву. Прохор!..»

Воскликнул Варвар и резко осекся, натолкнувшись взглядом на мое окаменевшее лицо. Экскурсия временно откладывалась, поскольку тридцатилетний Варвар и без моих пояснений разобрался в вопросах гастрономии.

«Откуда тебе известны эти подробности? — пробормотал я, и снова непрошенная отчаянная мысль заворочалась в голове, — все эти продукты исчезли из употребления сорок лет назад. Тогда было издано постановление исключить из употребления разного рода натуральные продукты питания. Это объяснялось заботой об окружающей среде и сохранения биобаланса. Или тому подобной мути. Словом, уже через пять лет после постановления, прилавки наводнили этой химической гадостью, которую мы называем едой. Это исторические факты, Варвар. Об этом знают все. И никто не знает настоящие названия натуральных блюд. Никто, кроме тебя. И это очень странно.»

Мой восторженный приятель разом осунулся, побледнел и замотал головой.

«Я и не знал этих названий, — бормотал он, оглядываясь по сторонам, — я просто предположил. Я где-то слышал о них, не помню, где, Прохор! Я говорю серьезно... не обращай внимания.»

Я не видел большого состава преступления в том, что мой приятель увлекался историей, или владел какой-нибудь секретной информацией. Одно время, правда, считалось незаконным вести пропаганду натуральных продуктов, и нарушителям выписывались административные штрафы. Но это не было поводом к пожизненному заключению или прилюдной казни. И мне было непонятно смятение Варвара. Я разумеется пообещал не выдавать его, взяв с него обещание не прикасаться к предложенным харчам.

«Никто не знает, откуда взялись тут эти шуточки, Варвар, — миролюбиво проговорил я, — не будем рисковать»

Видимо Варвар по-своему расценил мою реакцию на его столь откровенные восторги, и теперь настороженно поглядывал на меня, боясь каких-нибудь репрессий с моей стороны. Я же видел в его словах только еще одно подтверждение всех неясных сомнений и робких предположений, так навязчиво теснивших в моей голове. Я сам боялся поверить в свою же теорию и суеверно обходил ее стороной даже в мыслях.

До заката мы с Варваром бродили по пыльным улицам таинственного поселения, ни на шаг не приблизившись к заветным границам. Дикая тварь, солдаты охраны, и все местные обитатели исчезли словно по волшебству, но эти факты больше не радовали ни меня, ни моего настороженного спутника.

«Уж лучше встретиться с тварями, чем бродить по этому чертовому поселку, — в сердцах озвучил очередное свое соображение мой приятель и вдруг резко осекся, уставившись в пустоту.»

В наступающих сумерках нам с трудом удалось различить неясный силуэт, появившийся в самом конце улицы. Он явно принадлежал человеку, однако казался ненастоящим, несмотря на уверенные движения и твердую походку. Силуэт направлялся в нашу сторону и с каждым шагом приобретал все более отчетливые очертания. Когда между нами расстояние сократилось до считанных метров, незнакомец остановился и с интересом уставился на нас

двоих. У меня появлялся весомый шанс разузнать о странном месте и попытаться выяснить способ убраться отсюда, но все известные мне формы приветствия и вежливого общения разом растворились в гудящей голове. Варвар тоже не торопился демонстрировать навыки вербальных контактов и молча пялился на темный силуэт.

Фигура, утомившись разглядывать случайных прохожих, неожиданно усмехнулась и заговорила, обращаясь ко мне:

«Итак, теперь ты Прохор? Позволь полюбопытствовать, что привело тебя к такому странному выбору? Безликая кличка «Варвар» не так режет слух, как твое новое имя любезный братец. Скажи мне, что ты делаешь здесь, да еще притащил сюда своего Варвара? Неужели ты забыл, что болотный газ приводит к весьма плачевным последствиям? Убирайся отсюда, Прохор, и не допускай, чтобы твой Варвар снова нахватался отравляющих миазмов!»

По мере развития монолога безликий голос креп и приобретал пугающее сходство с голосом моего старшего брата Филиппа, умершего от сердечного приступа прямо во время рабочего совещания двадцать лет назад. Беседующий с нами незнакомец никак не мог быть моим Филом, и тем не менее, это был он. Я узнавал его снисходительно-насмешливую манеру вести со мной воспитательные беседы, узнавал его характерные жесты, а когда он сделал шаг вперед и на его лицо упали отсветы уходящего солнца, я узнал его хорошо знакомые черты.

«Откуда ты тут взялся и что это за место? — хотел спросить я, однако слова застревали в горле, мешая вздохнуть, и каждая моя новая попытка извлечь из себя хоть звук, рождала у Филиппа новую реплику, неизменно содержащую мое новое имя.

«Прохор! — сокрушался он, наблюдая мои потуги, — Ты всегда был идиотом, Прохор! Слушай свое сердце, Прохор! Хотя бы однажды, прислушайся к нему, Прохор!»

Ценные наставления Фила завораживали и погружали в состояние приятной невесомости. Постепенно они растворились в воздухе, оставив мне только отрывистое «Прохор!», почему-то сопровождаемое весьма болезненными пинками. От досады я зажмурился, а когда снова распахнул глаза, то увидел прямо перед собой испуганную рожицу Варвара, довольно ощутимо толкающего меня в бока.

«Очнись, Прохор! — повторял он, — здесь не самое подходящее место для отдыха, поднимайся, дружище!»

Я с трудом приподнялся, чувствуя потрясающую слабость, и огляделся вокруг. Со всех сторон свисали покрытые влажным мхом зеленые выступы, источающие сладковатый приятный запах, а прямо подо мной противно хлопало что-то отвратительно жидкое и тягучее.

«Где же коттеджи и улицы? Как нам удалось выбраться из этого чертового поселка?» — едва слышно пробормотал я, пытаюсь осознать реальность.

Варвар заметно обрадовался моему возвращению и, с усилием подхватив меня за плечи, попытался придать мне вертикальное положение.

«Я не знаю, о чем ты говоришь, Прохор, — пропыхтел он, — мы скатились в какую-то низину, и попали в болото, на редкость вонючее и весьма опасное. Я однажды уже сталкивался с таким явлением, как болотный газ. Мало хорошего, я тебе скажу. Я после отравления полгода никак не мог прийти в себя, врачи много чего тогда мне говорили. Даже обещали, что останусь придурком. Но, кажется, обошлось.»

Варвар бормотал мне что-то еще, рассказывая про свои давние приключения с болотными отравлениями, а в моей голове рефреном крутились слова моего покойного

брата:

«Не допускай, чтобы твой Варвар снова нахватался отравляющих миазмов. Снова нахватался. Снова. Прислушайся к своему сердцу, Прохор!»

Я с трудом поднялся на ноги, и, шатаясь, направился прочь от вонючего болота, подгоняемый верным Варваром.

«Давай вернемся к дороге, Прохор, — бормотал мой спутник, подталкивая меня в спину, — тварей, кажется, больше не слышно, возможно, им тоже требуется отдых, как ты думаешь? Я ничего не помню из того, что было со мной в период обращения, а ты?»

Голос Варвара звенел в ночном сумраке, и я опасался, что сейчас на его откровения сбегутся сразу все группы реагирования разом и снова казнят бедолагу.

Неожиданно Варвар обернулся и, обхватив себя руками, будто отгораживаясь от всего мира, заговорчески проговорил, едва заметно усмехаясь: «Как ты думаешь, если твою случайно созданную вакцину немного подкорректировать и пустить в массовое производство, мы смогли бы победить этих тварей, не прибегая к карательным мерам? Мне кажется, что твое очередное спонтанное изобретение здорово поможет миру, если хотя бы в этот раз ты все доведешь до конца»

Смелые речи мелкого наглеца всколыхнули во мне волну праведного гнева. Вчерашний дикарь, пускающий слюни, осмеливается давать мне наставления да еще критикует мои разработки, называя их случайными! Я уже слышал подобные речи от своего ныне погибшего приятеля, и не мог допустить, чтобы кто-то еще позволял себе такие вольности. Варвар продолжал насмешливо рассматривать мою недоуменную физиономию, и внезапно все его странные оговорки, нечаянные фразы, живое участие и своевременная помощь приобрели для меня совершенно иные очертания. Как я мог не догадаться сразу?! Видно, незабвенный Филипп не зря даже после своей смерти не забывает напоминать мне о том, какой я идиот.

«Ну наконец-то, — широко улыбнулся вчерашний дикарь, — узнал? Долго же до тебя шло!»

«Почему ты не сказал мне сразу? — потрясенно прошептал я, протягивая руки к своему единственному другу, которого все эти годы считал погибшим и больше не надеялся увидеть. — почему ты соглашался таскать глупую кличку, вместо того, чтобы... поверить не могу, что снова вижу тебя!»

«Да, Тихон, — очень серьезно проговорил тот, кого я называл Варваром, — однажды, играясь со своими химическими препаратами, ты наградил меня вечной молодостью и бессмертием. Или наказал. В любом случае, я вынужден тащить это проклятие, мечтая о вечном покое. Я завидую Филу, дураку Тише и даже баламутной Варваре, что им не пришлось жить в этом кошмаре. Но я рад, что встретил тебя, Тихон. Или мне лучше называть тебя Прохором?»

Я продолжал молча пялиться на вновь обретенного брата, чувствуя небывалое раскаяние.

«Прости меня, Женя, — наконец пробормотал я, — возможно ты прав, мое очередное спонтанное открытие поможет миру, и я оправдаю, наконец-то свое бесполезное существование.»

Трагическая составляющая мои покаянных речей почему-то вызвала у Женки веселый смех.

«Я не узнаю своего вечно равнодушного и отрешенного брата, — сквозь смех пробормотал он, — где тот эгоцентричный и мало эмоциональный мажор, которого я знал?»

Довольно самобичеваний, Тихон! Что сделано, то сделано. Хорошо то, что теперь нас двое, все веселей. Согласен?»

Я крепко обнял своего Варвара и бодро направился к дороге. Пора было действовать. Как любил повторять один наш общий знакомый, высокие задачи требуют решительных мер!

Глава 10.

Женькины смелые предложения о создании массового производства чудо-вакцины уместно звучали бы в условиях профессионально оборудованной лаборатории. Или на худой конец, в закрытом помещении с полом и стенами. Скитаясь по равнинам, я вряд ли смог бы реализовать даже тысячную часть благих задумок. Мои порошки и склянки сменились доисторическими мешочками с сушеными травами, а научные записи чудом удерживались в мозгах, не имея более прочной основы. Мой спонтанно возникший энтузиазм, постепенно угасал, а вместе с ним таяли остатки энергии, потраченной на сражение с болотными испарениями. Женька, с тревогой поглядывая на мою шатающуюся фигуру, то и дело озвучивал предложения о коротком привале, обещая мне в этот раз обойтись без дополнительных спецэффектов.

«Женя, равнинных тварей еще никто не отменял, — наставительно проговорил я, прислушиваясь к ночной тишине, — они могут обнаружиться в любую минуту, а нам нечем их встретить.»

На мои разумные доводы Женька только вздыхал, привычно не вступая со мной в дискуссии, и продолжал плестись рядом. Вскоре перед нами показали неясные очертания железнодорожной платформы, погруженной в, ставшее привычным, мрачное запустение. Женька разочарованно покачал головой, глядя как сквозь ржавые рельсы пробивались молодые побеги диких деревьев.

«Если ты планируешь добраться до цивилизации с комфортом, можешь расстаться с этой идеей,» — пробормотал он, и тут же в ответ на его реплику раздался призывный рев тепловоза, уверенно катящегося к ржавому полустанку. Состав сбавил ход, и мимо нас на малой скорости поползли открытые товарные вагоны, доверху груженные лесом. С комфортом добраться до цивилизации не получалось, однако оставаться в этих краях тоже не входило в наши планы. Мой попутчик выразительно глянул в мою сторону и ловко уцепился за край последней платформы. Я не успел прокомментировать непродуманное Женькино решение и, опасаясь, что вновь обретенный брат уедет без меня, повторил за ним маневр. Нельзя сказать, что путешествие в высоких вагонах, среди плохо закрепленных бревен, вызывало во мне эстетический восторг, но выбора у нас не было. Кое-как разместившись среди качающегося груза, Женька уставился на меня внимательными темными глазами, и некоторое время с любопытством рассматривал, не произнося ни слова. Спустя несколько минут молчаливого созерцания, он едва слышно хмыкнул и пробормотал:

«Ты мало изменился, Тихон. Когда я впервые увидел тебя там, на склоне, я подумал, что ошибся, настолько невероятной показалась мне наша встреча»

«Ты впервые увидел меня на склоне будучи слюнявой дикой тварью, — усмехнулся я, — неужели даже тогда ты сохранил в себе способность оставаться рассудительным?»

Женька пожал плечами и надолго замолчал, видимо пытаясь воссоздать в памяти давние ощущения. Усилия ни к чему не привели, поскольку он разочарованно пожал плечами и что-то неразборчиво пробубнил. За перестуком колес его речь напоминала слабый писк, украшенный красноречивыми гримасами. Я пересел к нему поближе и только тогда расслышал:

«Я почувствовал твое присутствие, Тихон. Поэтому не причинил тебе вреда, хотя мое тело буквально вопило, требуя разорвать тебе глотку. Я наверно не смогу внятно объяснить то, что испытывал, будучи тварью. Это слишком необычно. И страшно.»

Я прекрасно понимал Женьку, и это только подстегивало меня к осуществлению задуманных планов. Так, за разговорами, мы плавно подкатились к какому-то высокому светлому зданию, очевидно, вокзалу, и попытались определить на слух, где оказались на этот раз. Вагоны вздрогнули, останавливаясь, а на перроне послышались требовательные окрики, призывающие к проверке груза.

«Пора валить, Женька, — прошептал я, неловко поднимаясь на ноги, — сейчас сюда всунутся бойцы безопасности, а я еще не подготовил приветственно-объяснительную речь.»

Женька коротко кивнул и ловко изогнувшись, покинул наше временное пристанище. Я только удивлялся его невероятной гибкости и силе, приходя к выводу, что дикое обличие оставило в братике заметный след. Я и сам больше не чувствовал той усталости, что валила меня с ног после посещения ядовитых оврагов. Мне оказалось достаточным немного просидеть в относительной неподвижности, чтобы вернуть себе утраченные силы.

Товарный состав приволок нас в довольно крупный город, весьма оживленный, по сравнению с горными деревушками и городишками. С недавнего времени все крупные населенные пункты приобрели индивидуальные порядковые номера, навсегда лишившись красивых привычных названий. Первое время это вызывало понятные неудобства, но со временем, граждане привыкли к новшествам и уже без запинки выговаривали трех и пятизначные цифры своих пенат. Мне был незнаком город, где мы вынуждены были сделать очередной привал. К счастью, нам удалось незаметно проскользнуть мимо поста охраны на выходе из светлого здания, и наши персоны не были внесены в список гостей города. Женька только поморщился, когда я решил поделиться с ним своими наблюдениями о собственной везучести.

«Что мы будем тут делать, Тихон? — с явным неудовольствием произнес он, — здесь у нас нет даже возможности снять какую-нибудь ночлежку, не говоря уже о гостиничном номере.»

«Где ты жил до всей этой напасти? — не слишком своевременно поинтересовался я, внезапно понимая, что готов задать Женьке еще пару сотен вопросов. Женька недовольно махнул рукой в ответ на мое любопытство и в свою очередь поинтересовался тоже:

«А ты, Тихон? Что стало с твоей квартирой в Алтуфьево? С твоей хижинкой на побережье? Как ты жил все это время?»

Я не думал, что когда-нибудь снова вернусь к этим не очень радостным темам, поскольку сам старался забыть о том счастливом времени, когда я считался успешным, богатым и независимым. Все это в прошлом и никогда не вернется, заявил я Женьке и предложил подумать о более насущных проблемах. Проблемы решились сами собой. Или умножились в разы, стоило нам покинуть территорию вокзала. Мы успели отойти от

светлого здания на пару десятков метров, когда возле нас притормозила неприметная иномарка, из которой выскочил высокий тощий парень и уверенно обратился ко мне:

«Моськин Прохор Степанович?» — в его голосе не звучало угрожающих нот, и в целом, интонацию можно было назвать располагающей, однако от одного его появления в груди неприятно заныло. Я машинально кивнул и с запозданием понял, что неведомый гражданин вычислил мое месторасположение по информационному браслету, который я продолжал бездумно таскать на запястье. Вероятно, пока мы тряслись в товарняке, браслет зарядился и теперь очень удачно подсказал, где можно меня поймать.

«Прошу вас, пройдемте со мной,» — продолжал любезничать незнакомец, игнорируя моего спутника. Мне до одури не хотелось снова расставаться с Женькой, и человек в костюме, проникнувшись моими страданиями, вежливо уточнил:

«Ваш попутчик, разумеется, тоже вынужден пройти с нами»

Женька заметно побледнел, но стараясь не слишком демонстрировать охватившую панику, сдержанно кивнул.

В тесной иномарке кроме незнакомца в костюме, находился еще один незнакомец, тоже в костюме, но уже менее любезный. Он вскользь осмотрел новых пассажиров и что-то неразборчиво проговорил своему коллеге. Машина плавно откатилась от тротуара, и мы отправились в неведомое. Женька то и дело оборачивался ко мне, умоляюще корча рожицу и взмахивая рукой. Очевидно, так он пытался поинтересоваться, куда мы едем, и что все это значит. Я не мог удовлетворить его любопытство, поскольку знал еще меньше, чем он. Автомобиль привез нас к высокому серому зданию, с безликими стенами и окнами, и наши сопровождающие жестами попросили нас следовать за ними.

Ночевка под кустами, а также посещение вонючих болот и увеселительные поездки в товарняке, превратили мои и без того непрезентабельные шмотки в совершенные лохмотья, а недельное игнорирование личной гигиены, настоятельно рекомендовало мне и моему спутнику избегать приличного общества. Однако, чрезмерно воспитанные люди в костюмах, будто бы и не замечали отвратительных ароматов, источаемых их новыми гостями. Эти двое привели нас к дверям одного из кабинетов, в строгом порядке расположенных вдоль непроницаемо-мрачного коридора. В кабинете нас ожидал человек, являющий собой собирательный образ всех одержимых ученых — фанатиков вместе взятых.

«Присаживайтесь, — любезно пригласил он и указал на два кресла, стоящих напротив его рабочего стола. — вы наверняка удивлены столь настойчивым вниманием, оказанным вашей персоне, Прохор Степанович? Однако, слава о вас шагает далеко впереди, мой друг. Такие люди, как вы, уважаемый, на вес золота, и именно такими учеными строится наше с вами светлое будущее!»

От удивления я невежливо присвистнул, а Женька только негромко ахнул, впиваясь в меня удивленными глазищами.

«Откуда вам известен род моей деятельности? — почти искренне поинтересовался я, вспоминая, где так наследил в науке, что меня хватают прямо с улицы, чтобы воспеть дифирамбы.

«Вы начали работу над противоядием, — не отвечая на прямой вопрос, продолжил человек, — но к сожалению, так внезапно исчезли с горизонта, что заставили наших коллег из столичного мед центра изучения чрезвычайных ситуаций проделать совершенно невыполнимую работу, чтобы отыскать вас. Что с вами произошло, Прохор Степанович?»

Мне становился понятен алгоритм моего внезапного визита в очередную секретную

лабораторию, однако я не до конца понимал, что сейчас хотят от меня научные сотрудники.

«Я сделал все, что было в рамках моих возможностей, — уклончиво объявил я, — и завершил исследования, не добившись нужных результатов»

Мне не хотелось связываться с ученым миром, учитывая появление на горизонте «избранной» программы.

«Вы чрезмерно скромны, мой друг! — вскинулся до ныне неизвестный мой собеседник, — по нашим сведениям, в результате воздействия вашего противоядия дикие твари возвращали себе привычный облик. Это доказано и не обсуждается.»

В голосе незнакомца зазвучали стальные нотки, а я невольно напрягся. Разговор приобретал не слишком радужные очертания и грозил мне неприятностями.

«Так что вы хотите от меня? — как можно нейтральнее поинтересовался я, тщательно скрывая подступающую панику, — для чего вы пригласили меня сюда?»

Представитель науки важно поднялся со своего кресла и сложив на груди руки, со значением произнес:

«Мы хотим, чтобы вы сотрудничали с нами, уважаемый Прохор Степанович. Ваши знания ценны и необходимы, и будет жаль в одночасье лишиться их обладателя. Мы не принуждаем вас, ни в коем случае, однако все же хотим услышать внятный ответ!»

Возможно, случись эта встреча полмесяца назад, я радостно отказался бы от сомнительного сотрудничества и получил бы пулю в лоб. Ну или в спину, что всего вероятнее. Сейчас обстоятельства заставляли меня тщательно обдумать свое решение. Я покосился на сидящего рядом Женьку и сдержанно кивнул.

Научный червь счастливо заулыбался и тут же всунул мне под нос отпечатанные листочки, предлагая скрепить соглашение подписанием документа.

Усталость, неопределенность, внезапность аудиенции, закончившейся откровенными угрозами, а также страх за Женьку, сделали меня сговорчивым, и я без промедления подписал все, что так заботливо подсовывалось мне под руки.

После завершения организационных процедур, нас двоих проводили вдоль темного коридора до невзрачной двери, тщательно спрятавшейся среди бесконечных кабинетов. Вопреки моим предположениям о новой встрече с представителями властных и значимых, за дверью нас ожидали две узкие койки, пара тумбочек и прикрученный к стене телевизор, смотревшийся сейчас совершенным анахронизмом. Плазменные панели давно вышли из употребления и были заменены информационными браслетами, транслирующими новости прямо в мозги. В этой скромной келье нам предстояло теперь проводить свободное от сотрудничества с научным миром время. Какая роль во всем этом отводилась моему Женьке, я не мог даже предположить. Вряд ли его знания как-нибудь пригодятся в разработке нового препарата. Я устало опустился на койку и вопросительно поглядел на брата, ожидая его реакции на происходящее. Тот только молча рассматривал унылые стены и изредка встряхивал отросшими кудрями, отгоняя скорбные мысли.

«Ну теперь у нас есть ночлежка, — невесело усмехнулся он, наконец-то отыскав в ситуации единственный плюс.

Первые несколько дней нашего пребывания в вынужденном заточении нас никто не беспокоил, с расспросами не лез и у нас появилась возможность наконец-то отоспаться в нормальных условиях, не опасаясь нападения и арестов. Я отыскал в комнатухе душевую комнату и сортир, и был почти счастлив, возвратив себе прежний человеческий вид. Взамен наших обгрызенных вонючих лохмотьев, научное сообщество подарило нам зеленые

лабораторные костюмы, а тяжелые неудобные ботинки заменили прорезиненные тапки тошнотворного бирюзового цвета. Женька только усмехался, оглядывая свою тощую зеленую фигурку в зеркале душевой.

«Я смотрю в этом наряде как маугли, — продемонстрировал он свою начитанность, — я совершенно не имею представления, в качестве кого я выступлю в этой лаборатории. С химией у меня проблемы, биологию я знаю в рамках школьного курса, а с врачебной практикой знаком только по составлению смет для мед оборудования»

Последнее заявление Женька сделал едва слышно и тяжело вздохнул.

Через неделю на нашем пороге возник тот самый хозяин кабинета и впервые за все время счел нужным представиться. Как оказалось, звали его Иван Иванович Свиридов, он являлся главным научным сотрудником и как раз руководил разработкой новых препаратов по восстановлению человеческой популяции. Он весьма любезно проводил нас в лабораторию, где отныне мне предстояло трудиться на благо отечества. Никаких денежных вознаграждений сотрудникам не полагалось, научное сообщество обеспечивало их всем необходимым и не пускало даже за порог суперсекретного учреждения. Видимо степень секретности разработок превышала все допустимые нормы, раз ежедневно каждый из лаборантов сканировал свою рожу перед тем, как покинуть рабочее место и отправиться в личный бокс.

Иван Иванович, озадачивая меня должностными поручениями, не забывал воспевать оды в мою честь, однако серьезных заданий не доверял. В мои обязанности входило наблюдение за работой приборов и аккуратное занесение показателей в соответствующий журнал. Всем этим мог без труда заниматься какой-нибудь выпускник биофака, но господин Свиридов упрямо желал видеть только мою персону и настойчиво удерживал меня в лаборатории, щедро сыпая разного рода необременительные задачи.

В один из таких дней Иван Иванович решил внести приятные перемены в мои однообразные задания и вызвал меня в свой кабинет.

«Присаживайтесь, Прохор Степанович, — предложил он, в этот раз обходясь без привычных хвалебных песен. — у меня к вам серьезный разговор.

«Наконец-то, — пронеслась в голове быстрая мысль, и я приготовился к долгой научной беседе. В ее ходе выяснилось, что влиятельные и значимые люди в костюмах вывели формулу противоядия, приняв за основу мои скоропалительные разработки, с которыми я имел неосторожность засветиться в научном столичном Центре. Однако эта формула показалась сотрудникам центра немного недоработанной, и они не придумали ничего интереснее, как заставить меня ее усовершенствовать.

«Понимаете, — проникновенно растекался мыслью мой научный руководитель, — мы до конца не изучили поведенческие реакции диких тварей и поэтому вынуждены перестраховываться. Необходимо ввести в препарат компонент, притупляющий принятие волевых решений...»

Господин Свиридов еще очень долго рассуждал о обновлении препарата, а меня не покидала мысль о той самой программе избранных, о которой несло со всех перекрестков.

«По сути, эта программа еще находится в разработке, — доверительно сообщил Свиридов, наплевав на секретность и конфиденциальность, — ее еще нет, но руководство требует немедленного ее введения. Мы зашли в тупик, Прохор. И вы обязаны нам помочь.»

Выслушав сладкоголосого руководителя до конца, я пришел к выводу, что перед научным сообществом стояла задача подколоть тварей противоядием, которое, вернув им

человеческий облик, превратит их в послушное быдло, без желаний и воли. Своих мозгов у разработчиков смелых проектов не хватало, а идея нравилась, поэтому они решили привлечь сторонних лиц, то есть меня. Видно начальство жало на все педали и крутило гайки, раз любезный Иван Иванович рискнул пойти ва-банк, раскрывая карты. Это обстоятельство настораживало, но я решил подыграть и прикинулся ура-патриотом.

«Если такая разработка способна вернуть человечество к прежней, спокойной и размеренной жизни, — проникновенно спел я, — я готов, разумеется!»

С этого дня Иван Иванович распахнул передо мной двери самой секретной лаборатории из всех секретных и дал зеленую улицу. Я не разделял его идейные взгляды, считая их варварскими, но старательно делал вид, что полностью погружен в создание нового компонента. Свиридов, видя мое усердие, часто интересовался ходом работы и подгонял меня, требуя конечного результата.

Мне было не по душе ставить массовые эксперименты, и я отчаянно тянул время, пытаясь придумать альтернативное решение. В моей голове возникали идеи создания блокирующих компонентов, временно воздействующих на мозг, и не причиняющих вреда испытуемому. Однако простая проверка тут же раскрыла бы мои хитрости, поскольку руководству требовался надежный результат. От меня бы вновь потребовали ответственной работы и скорей всего выдвинули бы обновленные условия. Я был готов уже вовсе отказаться от сотрудничества, ставя под удар свое и Женькино благополучие. И снова брался за работу, понимая всю безвыходность ситуации. Пока я терзался муками совести, Женька проводил дни в санитарном боксе, и размышлял над своей ролью в мировой истории.

«Я абсолютно совершенно ничем не занимаюсь, — жаловался он, возвращаясь вечером в нашу конуру, — каждое утро Иван Иванович отводит меня в помещение, выложенное синим кафелем, и вручает ржавое ведро, предлагая навести чистоту на вверенном объекте. Там все стерильно, Прохор. Первое время я честно тер и мыл все, до чего мог дотянуться, но для чего я делал все это, по-прежнему осталось для меня загадкой»

Я никак не комментировал Женькины стенания, поскольку догадывался, что хитрый Свиридов, просто придерживает моего друга в качестве гарантии, что я не начну фокусничать, минуя высокие распоряжения.

Однажды утром в мою лабораторию просочился господин руководитель и елейным голосом затянул привычную речевку о трудовых свершениях.

«Прохор, — закончив торжественную часть, серьезно проговорил он, — назавтра назначено начальное тестирование вашего препарата, я прошу как следует подготовиться к процедуре, поскольку к обеду мне нужно оформить отчеты. Действуйте, любезный.»

Понимая, что отсрочить неизбежное, скорей всего, не удастся, я принялся компоновать необходимые препараты, способные вызвать ожидаемый эффект. Это занятие потребовало максимум сосредоточенности и задержало меня на рабочем месте до самого утра. Я рассчитывал, что в случае удачного эксперимента мне позволят остаться трудиться в лаборатории и дальше, а с моим Женькой ничего не случится. Возможно, центру исследований по-прежнему будут нужны грамотные специалисты.

Иван Иванович сдержал обещание и поутру аккуратно появился в дверях, приглашая на тестирование. Я забрал подготовленные образцы и направился следом за руководителем, ожидая оказаться в каком-нибудь боксе, набитом дикими тварями. Свиридов долго вел меня по полутемным коридорам, пока наконец не остановился возле массивной железной двери, которую открыл при помощи биокода. За дверью скрывалось обычное помещение, ничем не

отличающееся от множества остальных в этом здании. Никакие твари, обращенные и отчаянные добровольцы за дверью нас не ждали, и я вопросительно уставился на руководителя, требуя пояснений. Тот не торопился делиться планами, сбросив личину добродушного энтузиаста, увлеченного прогрессивными идеями. Его лицо приобрело напряженно-выжидательное выражение, лишённое всяческих эмоций. В коридоре послышались торопливые шаги и вскоре пространство наполнилось такими же безэмоциональными сотрудниками, облаченными в серые халаты. Вошедших было всего пять, они бесшумно рассредоточились вдоль стен и замерли в ожидании. Какова была их роль в предстоящем мероприятии, мне оставалось только гадать. Скорей всего они были приглашены в качестве охраны, поскольку явились налегке. Иван Иванович подошел к железной двери и закрыл ее при помощи все того же биокода, оставляя всю группу изолированной от внешнего мира. Я немного по-другому представлял процедуру тестирования, и поэтому с большим интересом ждал, что еще покажет мне непредсказуемый господин руководитель. Внезапно противоположная стена, казавшаяся мне совершенно непроницаемой, плавно съехала набок, впуслав в помещение еще одного участника. Этот персонаж был одет в просторные больничные штаны и выглядел испуганным, хоть и старательно пытался скрыть непрошенную эмоцию.

«Приступайте, любезный, — холодно проговорил мне Свиридов, отходя на полшага.»

Мое лекарство было рассчитано на преобразование тварей, и к людям не имело никакого отношения. То, что передо мной был незараженный, я понял это с первого взгляда, и покачал головой, идя в отказ.

«Приступайте! — прикрикнул Свиридов, незаметно кивая присутствующим лаборантам»

Я глубоко вздохнул и ввел препарат вошедшему, перебирая в голове все возможные последствия. Человек безразлично отошел назад, получив дозу и замер, ожидая распоряжений.

«Каково время воздействия вашей разработки? — бросил Свиридов, не сводя глаз с испытуемого.»

«На вторые сутки к нему вернется пропорциональное строение, исчезнет агрессия, а еще через пару дней возможно проявится интеллект, — издевательски произнес я, понимая, что никакого отношения к возрождению человеческой популяции данный эксперимент не имеет.

«Я спрашиваю вас о втором компоненте, внедренном вами дополнительно, — зло уточнил Иван Иванович, уловив мою интонацию.

«Этого я не знаю, — честно признался я, — препарат должен пройти несколько стадий проверки, и прежде всего на тва...»

«Я не спрашивал у вас подробностей, Моськин! — совершенно нехарактерно рявкнул Иван Иванович, обрывая меня на полуслове. Ваше дело состряпать зелье, и не афишировать его назначение!»

Я послушно замолчал, наблюдая за испытуемым. По моим подсчетам, она не должна была навредить незараженному, однако всегда присутствует элемент риска. Мужик продолжал стоять неподвижно еще некоторое время, прислушиваясь к внутренним ощущениям, и вдруг резко вытянувшись, протяжно взвизгнул, имитируя крик твари. Свиридов вздрогнул и вопросительно посмотрел в мою сторону. Я пожал плечами, не зная, как прокомментировать увиденное. Возможно, сейчас с ним произойдет обратная реакция, и

превратит его в дикую тварь, а возможно, он просто умрет от непроверенного препарата. Мужик решил придерживаться второй версии и, взвизгнув еще раз, тяжело рухнул на пол и затих. Я рванулся к лежащему телу, тщетно отыскивая пульс, однако до конца провести анализ состояния пациента мне не удалось. Озверевший Свиридов грубо отбросил меня ногой и сделал знак лаборантам, распахнул дверь темницы.

«Утилизируйте его! — приказал он и, повернувшись ко мне, отчетливо заявил. — вы убили его, Моськин. Вы сделали это на глазах пятерых свидетелей. И вы за это ответите!»

Глава 11.

Своей вины я не отрицал, поскольку, пойдя на поводу одержимых фанатиков, нарушил все принятые нормы и правила, стремясь доказать свою гениальность.

По окончании страшного опыта, Свиридов вытолкнул меня за дверь и уничтожив все следы преступления, поволок меня обратно в лабораторию. Я был уверен, что цугундер неизбежен, однако Иван Иванович и не думал ставить в известность власти и руководство. Его люта злоба была вызвана моей неумелостью и провальными результатами.

«Отныне Моськин, вы не имеете права покинуть эту лабораторию, пока не предоставите мне нормального препарата, способного сохранить популяцию, а не косить ее! — прошипел руководитель и развернувшись, вызывающе хлопнул дверью, закрывая ее на все замки.

Я конечно мог поспорить с любезным миротворцем, что руководствовался прямо поставленными задачами, и придерживался именно тех целей, что озвучил мне господин Свиридов. То, что он решил изменить ход эксперимента, не поставив меня в известность, никак не доказывало мою вину, ту, которую он увидел в моих действиях. Однако все эти соображения я мог сколько угодно повторять самому себе, поскольку господин Свиридов не желал слушать покаянные речи.

Обновив данные, я потерянно уставился на аккуратно расставленные ингредиенты. Создавать преступный препарат в мои планы не входило, и я решительно отказывался принимать участие в чудовищном эксперименте. По всему получалось, что в задачу центра ставилось обеспечить поголовно все население новой суперспособностью выполнять команды, не раздумывая и не анализируя. Под гуманной личиной избавления от напасти процедуре подвергались все, вне зависимости от состояния и настроения. Пока я ставил перед собой высокие задачи саботажа, в проеме двери снова замаячила устрашающая фигура Ивана Ивановича.

«Забыл вас предупредить, — знакомым елейным голоском изрек он, — пока вы работаете над обновленным зельем, ваш маленький друг продолжает трудиться на благо здравоохранения. И не важно, что он не приносит никакой практической пользы и только расходует бюджет. Но как только вы, мой дорогой, сворачиваете научную деятельность, милейший Евгений Викторович навсегда прощается с нами. Не думаю, что эта новость вас слишком шокировала, но я не люблю недосказанностей. Всего доброго, Прохор Степанович, удачной работы!»

Новость меня не шокировала. К чему-то подобному я был готов и хорошо понимал, что все мои революционные мысли останутся всего лишь мыслями.

Мой браслет был надежно спрятан в архивах центра, и лишал меня возможности связаться с Женькой. Впрочем, думаю, что у всех сотрудников был весьма ограниченный доступ к внешнему миру, учитывая специфику заведения. Своему непосредственному руководству я тоже не мог послать весточку, сидя в совершенной изоляции целые дни. К слову, по окончании рабочего дня я продолжал оставаться в лаборатории, получая через небольшое окошко горсть концентрата в качестве суточного пайка. Начальство навещало меня само, причем находило для посещений самое разнообразное время, не придерживаясь графика. Я старательно торчал над пробирками, пытаюсь вывести универсальное противоядие, не вызывая настороженности и демонстрируя полную готовность к сотрудничеству. Идиллия длилась до того дня, пока в моей голове не появилась любопытная идея. Сначала я не принял ее всерьез и только посмеивался, озвучивая ее раз за разом и не видя в ней практического смысла. Спустя несколько дней она перестала казаться мне глупой, а еще через сутки я разглядел в ней рациональное зерно.

Все началось с того, когда я обнаружил, что сотрудники лаборатории умеют произносить членораздельные звуки. Один из тех, кто обеспечивал меня обедом, как-то не выдержал и, ссыпая мне в ладонь принесенный корм, поинтересовался.

«Почему ты не уходишь отсюда? Неужели ты настолько заинтересован в успехе своей работы? — голос сотрудника звучал отстраненно, но где-то в оттенках интонации угадывалась заинтересованность.

Я не стал делиться своими секретами, вскользь упомянув о поставленных целях и намеченных результатах. Сотрудник едва заметно хмыкнул и снова заговорил.

«Мне больше не кажется вся эта затея продуктивной. Когда-то я думал, что спасаю человечество, теперь и сам в это не верю. Над чем ты работаешь?»

И снова осторожность подняла голову, мешая откровенности, к которой так располагал незримый собеседник. Вполне возможно, что Иван Иванович перестраховывается и теперь проверяет степень моей искренности, подсылая ко мне шпиона. Но еще с большей вероятностью можно было говорить о моей паранойе, подпитывающейся одиночеством и ответственностью. Я не стал отвечать и только неопределенно хмыкнул.

«Я никому не расскажу, — улыбнулся гость, — да и некому в общем-то рассказывать. Тут каждый сам по себе. Только один Свиридов рвет жопу за общее дело, остальным насрать.»

«А кроме Свиридова никто не рвет жопу за общее дело?» — усмехнулся я.

Собеседник неожиданно весело засмеялся, продолжая скрываться за непроницаемой дверью.

«Мне кажется, что он просто не наигрался в секретных агентов, — без затей отозвался он, — хотя ему ежедневно звонят из столичного Центра исследований чрезвычайностей и подробно спрашивают о чем-то. Возможно, он и правда крутой.»

Голос собеседника внезапно замер и исчез, а где-то в глубине коридора послышались тяжелые уверенные шаги. Рабочий день уже закончился, но это не останавливало вездесущего руководителя наведываться ко мне. Как-то раз он притащился в лабораторию даже ночью, желая поинтересоваться результатами. Шаги остановились возле моей двери и подождав немного двинулись дальше, не пожелав наносить визиты вежливости.

Разговор с кормильцем немного ободрил меня, а та самая мысль снова толкнулась в

мозгах, напоминая о своем незримом присутствии. На следующий день я дождался появления Ивана Ивановича и объявил о готовности испытать новое средство. Господин Свиридов настороженно оглядел меня с ног до головы, пытаясь найти подвох и уточнил:

«Все готово? Осечек не будет?»

Я покачал головой, вкладывая в этот жест всю уверенность.

«Отлично, Прохор Степанович, — отстраненно пробормотал он, — просто отлично...

Испытания проведем завтра, подготовьтесь.»

До самого утра я переставлял с места на место свои приготовленные пробирки и сотый раз перечитывал давно выученные наизусть формулы. В этот раз было бы неплохо действительно обойтись без осечек.

Утром на пороге появился Иван Иванович. В этот раз он подготовился к испытаниям основательно и нарядился в костюм химической защиты, преследуя неизвестно какие цели. Повторив все движения в точности до жеста, мы вновь оказались возле тяжелой двери, открывающейся пальцем Ивана Ивановича. Меня уже не удивляла пустая комната и стая дюжих молодцов, заученно рассредоточившихся по помещению. Я некрепко сжимал в руке пробирки и ждал, кто на этот раз предстанет перед нами. Загерметизировав комнату, господин Свиридов усилием воли сдвинул стену, впуская очередного страдальца.

Испытатель вошел в комнату, а я едва сдержал изумленный возглас, поскольку в этот раз на алтарь науки был брошен мой Женька.

«Мне нужны гарантии, — усмехнулся Свиридов, глядя на мою реакцию, — надеюсь, вы все рассчитали так как надо, господин Моськин?»

Вероятно, Женьке не сказали о предстоящем мероприятии, поскольку на его рожице отчетливо читалось изумление, которое могло бы поспорить с моим. Я коротко кивнул, уверенный в своих силах и только невысоко приподнял свои пробирки.

«Приступайте, — привычно озвучил Свиридов знакомую команду и отошел назад.

Я достал приготовленный шприц и показательно медленно набрал в него содержимое одной из пробирок. Я прилагал все усилия, чтобы мои руки не дрожали, а лицо сохраняло отрешенно-равнодушное выражение. Сейчас на карту было поставлено наше благополучие, наше будущее и наша жизнь. Приготовив инструмент, я резко развернулся и изо всей силы всадил иглу в надменную рожу Ивана Ивановича, не успевшего заменить презрительное выражение на какое-то другое. Женька негромко вскрикнул, а дюжие молодцы едва заметно зашевелились, отлипая от стен. Свиридов зашатался, и тяжело рухнул к моим ногам, сраженный ударной дозой моего тщательно скомбинированного препарата.

Лаборанты продолжали ждать команды, тупо созерцая развернувшуюся перед ними картину.

Я, не дожидаясь оваций, подтащил тяжеленную тушу к запертой двери и приложил кривой палец к красному светящемуся окошку.

Темница распахнулась и я, сделав едва заметный кивок головой, предложил коллегам покинуть мрачные своды. Те отмерли и бодро зашевелились, бросая настороженные взгляды на поверженного кумира.

«Он спит, идиоты, — пояснил я, желая разрядить обстановку, — он продрыхнет до следующего обеда, а пробудившись, не вспомнит ничего. Займитесь обычными делами, может создадите эликсир бессмертия.»

Закончив речь, я схватил обалдевшего Женьку за руку и потащил по мрачным коридорам, молясь про себя, что правильно понял своего недавнего собеседника,

таскающего мне химические харчи.

Преодолев значительное расстояние, я достиг какой-то лестницы, ведущей куда-то вверх. Мне было неизвестно, сколько сотрудников трудятся в лаборатории, насколько серьезно здание обеспечено охраной, и даже о путях отступления я был осведомлен крайне поверхностно.

«Если мы не будем ломиться через коридоры, как лоси, — переводя дыхание проговорил Женька, — то привлечем меньше внимания. И возможно, нам удастся отыскать входную дверь»

В его словах была изрядная доля истины, однако мой бушующий адреналин не позволял совершать размеренные движения, имитируя неспешные прогулки. В считанные секунды я взлетел по лестнице, увлекая за собой податливого Женьку и оказался на крыше. Отсюда разворачивался весьма живописный вид, наслаждаться которым нам катастрофически не хватало времени.

«Что будем делать, Женья?» — светски проговорил я, прислушиваясь к возможному грохоту погони. За нами никто не гнался, мало того, создавалось впечатление, что кроме тех пятерых лаборантов и дрыхнувшего ученого в здании вообще никого нет.

«Главное, успеть свалить отсюда до следующего обеда,» — усмехнулся Женька и, пробежавшись по периметру, призывно замахал мне рукой.

«Смотри, Тихон, тут пожарная лестница, — ткнул он куда-то вниз, — высота тут небольшая, успеем спуститься до того, как нас обнаружат, как ты думаешь?»

Выбор перед нами открывался небольшой, и я, не раздумывая, перелез через невысокое ограждение, нащупывая ногами шаткие ступеньки. Здание было высоким, но мы скатились на землю за считанные секунды, вероятно поставив какой-нибудь мировой рекорд. Пожарная лестница привела нас во внутренний двор, к счастью, огороженный невысоким забором, выполненным в виде острых железных прутьев. Пока мы преодолевали препятствия, скача по крышам и заборам, я никак не мог отделаться от мысли, что за видимой легкостью исполнения задачи кроется подвох. Сейчас мы вырвемся на свободу и тут же будем схвачены борцами за безопасность или какими-нибудь еще представителями силовых организаций. Однако нам везло. Страшное секретное здание осталось позади, а за нами так никто и не погнался.

По случаю напряженной обстановки в городе улицы были почти пусты, и нам без труда удалось добраться до каких-то посадок, призванных исполнять роль городского сада. Только когда наши взмыленные тушки отыскивали себе пристанище в виде парковой скамейки, пришло понимание, насколько мы привлекаем внимание в своих ярко-зеленых костюмах.

«Если сотрудники этой сверхсекретной организации всерьез озадачатся нашими поисками, — вздохнул Женька, с отвращением оглядывая свою робу, — то лучше примет и не сыскать. Всякий, способный видеть, в красках расскажет им о наших маршрутах»

Проблема становилась очевидной. В нынешних условиях с одеждой, как, впрочем, и с другими необходимыми предметами быта, возникала напряженность. Магазины и торговые точки больше не работали, а идти на воровство благородный брат позволить себе не мог, оставив это неблагодарное занятие дикарю Варвару. Я стащил с себя отвратительную синтетическую шкуру и с негодованием отбросил в сторону, демонстративно прощаясь с научной деятельностью.

«Штаны придется оставить, — с грустью резюмировал я, а Женька весело заржал.

«Видимо научная деятельность не хочет так просто тебя отпускать, Тихон, — заявил он,

выворачивая зеленый кошмар наизнанку и бросая его на землю. — сейчас мы придадим ему вид заношенной страшной одежды, и больше никто и не глянет в нашу сторону.»

Я в который раз подивился Женькиной рассудительности и неожиданно улыбнулся. Я был не один. Больше не один. Нас окружала не самая радостная действительность и никто не мог сказать с уверенностью, что еще припасла нам судьба, однако именно в эту минуту я почувствовал себя неоправданно счастливым.

Глава 12.

«Эй, парень, с тобой все в порядке?» — раздался сверху чей-то обеспокоенный голос.

Я приподнял голову, и, обернувшись, увидел прямо перед собой взъерошенного толстяка, одетого в потертую рабочую куртку и неожиданно нарядные и новые брюки. Я на всякий случай сдержанно улыбнулся и со всей любезностью оозвался: «Да, все в порядке, не беспокойтесь», отчаянно вспоминая причину, по которой я встретил утро под садовой скамейкой. Толстяк, покружившись рядом, на всякий случай задал мне какие-то уточняющие вопросы и торопливо засеменял прочь вдоль заросшей аллеи.

Я с усилием поднялся на ноги и уставился на омерзительно-зеленые синтетические штаны и бирюзовые тапки, служащие моим единственным нарядом. Понимание того, что я делал здесь в таком виде, пришло ко мне не сразу. Вначале я выдержал неравный бой с лютой головной болью, преодолел попытки организма избавиться от лишней химической дряни, видимо ставшей моим ужином, и только после этого вспомнил, чем закончился прошлый вечер.

Трое суток подряд мы с Женькой скитались по окраинам городских задворков, пытаюсь отыскать место для очередного пристанища. Местные, опасаясь стремительных рейдов групп реагирования и незапланированных визитов диких тварей, наотрез отказывались не только предоставлять нам ночлег, но и просто вести с нами любые беседы. На третий вечер, Женька, падая от голода, рискнул переступить врожденное благородство и временно побыть Варваром. Он приказал мне сидеть тихо и не высовываться, а сам отправился к ближайшему стихийному рынку, в надежде добыть нам пропитание. На то, чтобы проявлять всякого рода активность, у меня попросту не хватало сил, и я послушно присел на ту самую скамейку, под которой утром обнаружил меня обеспокоенный толстяк. Ближе к ночи Женька притащил нам честно украденные концентраты и маленькую бутылочку с алкоголем. Так, во всяком случае, ему сообщил какой-то барыга, обменяв ненужное пойло на одну коробку концентрата. Я подозревал, что алкоголем деляга обозвал разбавленную водой очередную химическую дрянь, призванную туманить мозги. Однако сияющий вид Варвара-Женьки не позволил мне критиковать его добычу. Сам Женька ничего пить не рискнул, благоразумно напомнив мне о его давней особенности выпадать из реальности от любого вида дури и некоторых лекарств. Я же не стал спорить и теперь маялся дичайшими головными болями и временной потерей координации. Сам виновник торжества почему-то отсутствовал, и мне пришлось в одиночку сражаться с космическим похмельем, с непривычки поработившим мое сознание и желудок.

Проблевавшись, я принял светский облик и, присев на скамейку, принялся обдумывать наши с Варваром дальнейшие шаги. Мои первоначальные задумки принять активное участие в разработке и внедрении в жизнь вакцины, возвращающей тварям человеческий облик, разбились о суровую реальность. Слишком много преград выросло на моем гуманистическом пути к спасению человечества. К тому же я здорово засветился во всех научных центрах, чтобы снова начинать легальную деятельность. Махнув рукой на общее благо, я всеерьез озадачился бытовыми проблемами, казавшимися мне ближе и родней.

Возвращаться в столицу именно сейчас не имело смысла, как не виделось разумным и наше дальнейшее пребывание в провинции. Самым оптимальным решением я посчитал снова вернуться в горы, однако прежде чем принять окончательное решение, было бы неплохо повидать моего Варвара Женьку.

Мои неторопливые раздумья были прерваны появлением приятеля, вернувшего меня в реальность суетливым требованием немедленно убираться прочь.

«Уходим, Тихон, — испуганно шептал Женька, стягивая меня со скамейки, — или как мне к тебе обращаться? Прохор? Скорее, бежим!»

Не дав мне выяснить подробности, приятель рванул вдоль аллеи, не оборачиваясь и не ожидая моих решений. Я бросился следом, по пути строя самые фантастические гипотезы Женькиного переполоха. Промчавшись весь парк, миновав поросший сорняком склон и вырвавшись, наконец, за пределы города, Женька резко притормозил и, согнувшись, восстанавливая дыхание, то и дело, оглядываясь и прислушиваясь.

«В чем дело, Женя? — выдохнул я, стараясь, чтобы в моем голосе прозвучало максимум серьезности и негодования.

Варвар снова замер, и убедившись в безопасности и полном отсутствии погони, потерянно пробормотал.

«Нам больше нельзя здесь оставаться, иначе группа реагирования найдет нас, и кто знает, что случится с нами на этот раз.»

Эта ремарка ни разу не прояснила ситуацию, заставив меня повторить свои вопросы.

«Я отправился на тот самый рынок, где затарился вчера, — виновато заговорил Варвар, — я рассчитывал, что мне удастся раздобыть нам что-нибудь на завтрак, кто же знал, что именно в это утро солдаты безопасности решат прочесать район»

«Затарился?» — со значением уточнил я, а Женька недовольно скривился.

«У меня нет денег, Прохор, — в тон мне отозвался он, — а если бы они и были, то не принесли бы сейчас пользы. Никто не рассчитывается купюрами, все торговцы предпочитают натуральный обмен. Мне сегодня обменивать было нечего, как, впрочем, и вчера, и я незаметно воспользовался случаем, и коробки были уже у меня в руках, но тут меня заметил тот боец. Он поднял крик, как будто бы я делал что-то незаконное. Прохор, никто не смотрит сейчас на воровство как на страшное преступление. Гораздо опаснее оказаться обращенным или дикой тварью. Но он погнался за мной. Мне удалось оторваться, однако, он запомнил меня, это очевидно. Нужно уходить, Тихон!»

Слушая весьма аргументированное объяснение Варвара, я ловил себя на мысли, что воровство тут, действительно, не при чем. Скорей всего, господин Свиридов, придя в себя после неудавшегося эксперимента, объявил нас в розыск, и теперь нам действительно нужно торопиться.

«Ну вот все и разрешилось, — непонятно проговорил я и неожиданно улыбнулся растерявшемуся Женьке, — мы, разумеется, уйдем, только у меня одна просьба, Женя. Определись, какое из двух моих имен тебе нравится больше и не выбешивай меня своими разноплановыми обращениями.»

Женька смутился и застенчиво пробормотал.

«Прости меня, Тихон, я снова тебя подвел. Ну кто же знал, что...»

Мне некогда было рассматривать морально-этические составляющие Женькиных проколов. Меня тревожила другая идея — как нам снова добраться до гор, привлекая как можно меньше внимания. Учитывая мое участие в сомнительных экспериментах господина

Свиридова, а также его влияние на местные власти, нам очень повезет, если нам удастся без потерь добраться хотя бы до другого населенного пункта.

«В наказание за твое поведение, пойдешь пешком до следующего поселка, — имитируя праведный гнев, заявил я, — если будешь упрямитесь, сдам тебя властям. Чтобы уберечь местных от твоего разрушающего влияния, я пойду с тобой, но не рассчитывай на мою поддержку в случае чего!»

Очевидно, неведомый вирус, скосивший однажды Женьку, лишил его обычного восприятия сарказма в речи собеседника. Он грустно потупился и едва слышно пробормотал:

«Как скажешь, Тихон.»

Я только усмехнулся и с отвращением оглядел свои зеленые доспехи.

«Было бы намного эффективнее, если бы ты, мой любезный, вместо омерзительных харчей, раздобыл нам нормальную одежду, — почти искренне проговорил я и неожиданно замер, услышав Женькину реплику.

«Я раздобыл, — прошептал он, отчаянно пытаюсь оказаться полезным, — пойдём, Тихон, тут недалеко»

И не дожидаясь аплодисментов, Женька скатился в овраг и нырнул под раскидистый куст. Утренние пробежки не прибавили мне энергии, а раскалывающаяся голова помешала по достоинству оценить Женькины приобретения. Как выяснилось, хозяйственный брат успел не только засветиться на рынке, но и с пользой провел первую часть предрассветного времени. Он, пользуясь сумерками, пробрался на какой-то склад, призванный обеспечивать местных дорожников рабочей формой и стянул оттуда пару комплектов. В нынешних условиях это было лучшим вариантом, поскольку ядовито-зеленая медицинская одежда слишком привлекала внимание.

Комплекты оказались немного не по размеру, но это было все же лучше, чем ничего. Переодевшись, я усмехнулся своим воспоминаниям о времени моего мажорства, когда не в тон подобранные носки рождали во мне эстетическое неудобство. Женька косился на меня, ожидая реакции, вновь превращаясь в зашуганного парня. Я дружески кивнул и пополз обратно наверх, поддерживая сползающие штаны.

Единственным доступным средством передвижения для простых обывателей пока оставался железнодорожный транспорт. Такие услуги, как такси, автобусы и маршрутки давно перестали существовать как вид, но даже то, что осталось, было нам с Женькой недоступно. Появление тварей здорово осложнило жизнь, вызвав среди законников и силовиков небывалую тягу к разного рода проверкам. Конечно, оставались частники, но они требовали деньги, про которые так пренебрежительно отзывался мой противоправный друг. Женька выдвинул предложение шлепать до гор пешком, но был резко раскритикован. Сейчас мы еще больше напоминали бродяг, облачившись в серо-коричневую одежду, но к удивлению, никто даже не смотрел в нашу сторону и пальцами не указывал. Большая часть горожан одевалась с подобной небрежной изысканностью и я, вспомнив о приличиях, от души поблагодарил Женьку за хлопоты.

«Ладно, тебе, Тихон, — смиренно отозвался он, — самому тебе не выжить в таких условиях. Удивительно, как ты вообще продержался сотню лет, сорок из которой посвятил бродяжничеству»

Я собирался что-то ответить нахальному брату, но не успел, поскольку был сбит с ног неизвестно откуда появившейся дикой тварью. В этих краях их появление случалось часто,

но фиксировалось где-то за пределами города. Твари боялись показываться на глаза суровым бойцам безопасности, и нападали исподтишка по одиночке. От неожиданности я не сразу сообразил, что надо мной нависло слюнявое чудовище, готовое разорвать мне глотку. А когда сообразил, чудовище странно всхрипнуло и тяжело обвалилось сверху, заливая мою новую одежду вонючей кровью. Оцепенение прошло, и отбросив тушу в сторону, я с изумлением увидел ошарашенные глаза Женьки, который сжимал в руках окровавленный кухонный нож. Вероятно, тоже позаимствованный им на местном рынке.

«Поднимайся, Тихон, — пропыхтел он, делая попытки сдвинуть меня с места, — сейчас сюда сбегутся группы реагирования. Тварь появилась близко к крупному городу, и это вызовет интерес властей.»

Я мог бы поспорить с Женькой, вспоминая столичных тварей, свободно разгуливающих по улицам, но не стал, послушно поднимаясь на ноги.

Наш путь, непродуманный и спонтанный, вел нас через какие-то поля, украшенные редкими посадками, в которых мы проводили ночи. Деревушки, то и дело вырастающие на нашем пути, казались заброшенными, но мы не рисковали заходить на их территорию, опасаясь тварей. Женька, правда, предложил как-то заночевать в одном из заброшенных домов, после того, как целый день мы тащились под морозящим дождем, по колена проваливаясь в жидкую грязь. Дом, который мы облюбовали для очередного ночлега, выглядел наиболее добротно, имел крышу, а его стены казались относительно целыми. К нашему удивлению, в доме сохранились некоторые бытовые вещи, довольно целые и годные к употреблению. А возле одной стены были свернуты в рулоны несколько матрасов, которыми мы воспользовались в качестве постели. Впервые за несколько ночей я спал в почти человеческих условиях и на какой-то миг в моей голове родилась идея остаться здесь подольше. Очевидно, Женька обладал уникальной особенностью читать мои мысли, поскольку тут же отозвался из темноты:

«Может, в этом доме все же кто-то живет, как ты думаешь, Тихон? Не может быть, чтобы в нынешних условиях осталось без присмотра хоть что-то, возможное пригодиться в хозяйстве.»

В ответ на Женькины сомнения, во дворе послышался невнятный шорох, а следом до нас донеслись приглушенные голоса. Речь была быстрой, взволнованной, но непонятной из-за расстояния. Потом хлипкая дверь распахнулась, и на пороге единственной комнаты показалась внушительного вида фигура, согнувшаяся под тяжестью ноши, неразличимой в темноте. Женька вцепился в мою руку, призывая молчать, однако, надеяться на скорое исчезновение непрошенных гостей не приходилось. Тот, который пришел первым, похозяйски расположился возле стены, с шумным вздохом вытягивая ноги и отваливаясь на спину.

«Захар, — пробормотал он, обращаясь к кому-то, оставленному за дверью, — волокни сюда остальное, вроде бы все тихо. Завтра к рассвету нужно будет рвать когти, пока чертовы вояки не пронюхали!»

Упомянутый Захар послушно загромыхал остальным, чем бы оно не было, с грохотом опуская на пол явно тяжелые коробки.

«Осторожно, чертов сын! — весьма добродушно отозвался первый, — не хватало еще сломать! Тут тонкая техника, нужно довести в целостности.»

Мне было удивительно, как в таком невеликом пространстве Захар и его компаньон до сих пор не разглядели нежданных визитеров. Мы с Женькой буквально слышали их

кряхтение и ощущали неуловимые потоки воздуха, создаваемые их перемещениями. Правда наши матрасы были уложены в небольшой нише, образованной неким выступом и стеной, и вероятно, занятые хозяева просто не рассчитывали никого тут обнаружить. Наконец, все приготовления к предстоящей поездке были завершены, и неизвестный Захар предложил приятелю перекусить.

Тот удовлетворенно хмыкнул.

«Погляди там, все тихо?» — бормотнул он и принялся чем-то шуршать в принесенном мешке.

Захар вышмыгнул за порог, и видимо обошел дозором весь периметр разрушенного двора, поскольку вернулся через несколько минут, сообщая обстановку.

«Все тихо, да и кто забредет в эту глушь в здравом уме? Сюда даже твари не рискнут сунуться!» — бодро отрапортовал он и присел рядом с первым. Тот недовольно пробормотал что-то об излишней самонадеянности и предложил включить свет.

«Сидим тут, как в жопе негра, — беззлобно поделился он наблюдениями, — запали фитиль, что ли!»

Фитилем оказалась обычная лампочка без абажура, подвешенная к потолку, и она весьма уверенно осветила небогатое убранство домика, наконец обнаружив наше присутствие.

Глава 13.

«Доброй ночи, — пробормотал Женька ошарашенному хозяину избушки, который в замешательстве уставился на нас»

«Здрасти, — машинально ответил тот и сурово нахмурился. — вы кто такие и чего делаете на частной территории?!»

Добродушная интонация, звучащая в темноте пару минут назад, сменилась гневным раскатистым рыком, если такой вообще можно себе представить. По-другому я никак не мог охарактеризовать тональность, которую решил использовать первый в беседе с нахальными постояльцами. Женька принялся что-то говорить про ненастную погоду, про грязь за окном, но суровый великан не пожелал выслушивать скучные объяснения.

«Выметайтесь отсюда, уроды! — прорычал он, с отвращением пиная Женьку ногой, — нашли место и время предаваться своим... Вы, грязные уроды, способные только предаваться своим...»

Не найдя точного определения нашим занятиям, великан снова отвесил Женьке пинка, и только тут до меня дошло, что Женька до сих пор цепляется за мою ладонь, сидя на моем матрасе.

Стряхнув Женькину руку, я поднялся на ноги и как можно убедительнее проговорил, вкладывая в интонацию всю мужественность, на которую был способен.

«Мы зашли сюда, спасаясь от дождя, а ваши фантазии оставьте при себе, любезный! Мы сейчас уйдем, разумеется, и оставим вас чахнуть над контрабандой. Не тратьте ваши интеллектуальные возможности на всякую ерунду, придумывая определения посторонним

людям, о которых вы не имеете никакого представления. Займитесь лучше решением насущных проблем»

Я тоже мог быть грубым и даже мог врезать хаму, однако тот, уловив оттенки, презрительно отвернулся, потеряв к нам интерес. Моя отповедь была услышана Захаром, и тот настороженно пробормотал, обращаясь к компаньону:

«Их никак нельзя отпускать, дядя! Возможно это разведчики или секретные агенты!»

Недалекий Захар, воспитанный на низкопробных шпионских сериалах, сделал свои выводы и посеял сомнения в праведной душе дяди.

«Вообще-то мы космические пираты, — не удержался Женька, прислушиваясь к дискуссии, и тут же отхватил очередного леща от насторожившегося дяди. Тому показались справедливы замечания Захара, и он ловко скрутил Женьку, обращаясь ко мне.

«Вот мы и займемся решением насущных проблем, — прогудел он, подталкивая Варвара к двери, — и прежде всего избавимся от непрошенных любителей совать нос в чужие дела!»

Угрожающая интонация не позволяла сомневаться в озвученных планах, и я сделал попытку отбить Женьку из медвежьих объятий, однако был остановлен невежливым ударом подоспевшего Захара. Некоторое время мы обменивались весьма болезненными пинками, но весовые категории были явно неравны и Захар, умаявшись отражать мои атаки, все же сумел вырубить меня пудовым кулаком.

Я пришел к себе от резких неровных толчков, подбрасывающих меня на жестком железном полу. В первую минуту я никак не мог сообразить, где оказался и почему все вокруг ходит ходуном. Из состояния неопределенности меня выдернул верный Женька, сидевший в шаге от меня.

«Похоже, нас взяли в заложники, — пафосно изрек он и тяжело вздохнул, — сохраняй спокойствие, Тихон и иди на контакт с захватчиками. Не выбешивай их своими умными репликами!»

«Тебя покусал Захар? — на всякий случай поинтересовался я, выслушав версию о заложниках, — только он мог придумать подобное объяснение. Где мы, Женька?»

Мой изрядно побитый друг охотно рассказал мне о скоропалительной загрузке тяжелых коробок в грузовой фургон, о словах первого о необходимости не спускать с нас глаз, о готовности вспыльчивого Захара снова врезать нам за любое отклонение от озвученных правил. Правила гласили сидеть тихо, внимания не привлекать, и если все мы сделаем правильно, то возможно нас отпустят через пару-тройку суток. А прямо сейчас мы сидим в кузове грузовика, который везет нас в неизвестном направлении.

По всему выходило, что мы стали невольными свидетелями чего-то незаконного и крайне опасного, раз доморощенные бандиты взвалили на себя труд присматривать еще и за нами. Рассмотреть, что содержали в себе таинственные коробки не представлялось возможным. Кузов грузовичка был поделен на два отсека, отгороженных друг от друга сеткой. В одном болтались мы с Женькой, а в другом, том, что был поменьше и находился ближе к кабине, аккуратно был сложен драгоценный груз. Коробок было около пятнадцати, или чуть больше, и все они имели размер небольшого лампового телевизора, имеющего популярность в далеких восьмидесятых годах прошлого столетия.

Как нам удавалось проезжать блок посты, не подвергаясь при этом строгому обыску, оставалось загадкой, учитывая в целом чрезмерную активность разных проверяющих структур. Женька то и дело пытался выдвинуть очередную теорию заговора, за что неизменно получал от меня в дыню. С меня было достаточно и того, что его стараниями я

был зачислен грозными захватчиками в ломотные ряды нетрадиционных граждан.

«Уймись, Женя, — наконец не выдержал я, — скажи спасибо, что горе-преступники оказались не настолько храбрыми, чтобы сразу не открутить нам бесполезные башни прямо в полузаброшенном домике. Так у нас остается шанс сбежать. А может и раскрыть страшную тайну коробок. Подумай об этом!»

Я не мог с уверенностью сказать, сколько времени мы провели в дороге, поскольку остановок наше путешествие не предполагало, а перерывов на обед запланировано не было. Женька наконец-то затих, кое-как уютившись на жестком полу. Внезапно мне стало жалко бедолагу, выхватившего за последние пару суток больше сотни незаслуженных ударов от всех, кому не лень было отточить на нем мастерство боевых искусств.

Я неловко потянулся к нему, с интересом рассматривая солидную гематому, расползающуюся под глазом, и неосознанно принялся растирать ее холодными пальцами, почуяв в себе врачебное призвание. За этим занятием застал меня Захар, незаметно припарковавшись и распахивая двери кузова.

«Да хватит уже! — рявкнул он, пинками выталкивая пассажиров на улицу. — выметайтесь!»

Стоило нам спрыгнуть на землю, как требовательные стражники приказали перетаскивать коробки в некое подобие катера, мирно качающегося на волнах. Как оказалось, Захар привез нас к заливу, о названии которого я мог только догадываться. Я, понадеявшись, что наша миссия на этом закончилась, бодро раскидал коробки и кивнув Женьке, направился было прочь, однако у Захара на этот счет были другие планы.

«Поторапливайтесь, — прикрикнул он, обращаясь куда-то наверх. — скоро стемнеет. Мы свяжемся с вами, как только будет возможность!»

И тут же обернулся в нашу сторону.

«Думаю, вы согласитесь со мной, Прохор Степанович, что море и свежий воздух предпочтительнее душных подвалов лабораторий. К тому же, там проводят исследования и ставят опыты далеко не всегда на отловленных тварях. Поэтому, я предлагаю вам сделку. Вы присматриваете за нашим товаром, а мы никому не рассказываем, где видели однажды недобросовестного лекаря. Итак, что скажете, Прохор?»

Я хотел было возмутиться, изобразив оскорбление наглой клеветой, однако Захар неуловимо кивнул на мою руку, где все еще был вживлен опознавательный чип.

«Информация о вас, Прохор Степанович передана во многие новостные источники, и за вас полагается неплохая награда. Однако, мы люди справедливые и тоже против массовых опытов. Мы преследуем другие идеи, к тому же нам нужны грамотные помощники. Соглашайтесь, Прохор, на берегу, так сказать.» — безжалостно добавил Захар и, уверенный в моем решении, развернулся, направляясь к грузовичку.

Женька, присутствующий при разговоре, только хлопал глазами, растеряв привычную тягу к фантастическим гипотезам. Хитрец Захар оказался не так уж прост, как увиделось мне в самом начале знакомства. Он весьма ловко надавил на больное и вынудил меня согласиться. Скорей всего, к Свиридову он и его суровый приятель не имеют никакого отношения, однако я рисковать не хотел, поэтому двинулся в сторону сходней, увлекая за собой Женьку.

Катерок, перевозивший секретный груз в неизвестном направлении, был небольшим, но вместительным. Кроме нас, коробок и капитана, на борту маячил матрос, выполняющий все остальные функции полноценной команды. Захар был прав, ночь обрушилась на землю

слишком стремительно, чтобы я успел разобраться в выбранном катером направлении. Некоторое время мы плавно раскачивались по волнам под ровное гудение движка, после чего резко сбавили ход и воткнулись в берег, оповещая о завершении путешествия. Все тот же матрос помог нам перегрузить коробки на берег и, махнув нам на прощание, вновь скрылся на палубе. Женька обалдевшим взглядом обозревал оставленный груз, за которым мы якобы, должны были присматривать и неожиданно изрек:

«Какого хрена мы вообще должны нянчиться с этими коробками, Тихон? Давай сложим их куда-нибудь и рванем отсюда подальше. Или ты настолько проникся угрозами Захара?»

Я был склонен согласиться с озвученным предложением, поскольку никаких внятных распоряжений от странного типа мы так и не получили. Недалеко от берега, начисто лишённого причала, высился весьма добротный дом, чем-то отдаленно напоминающий тот, где нам посчастливилось встретиться с нашими невнятными шантажистами. «Интересно, — промелькнуло в голове, — на что рассчитывал горе-шантажист, оставляя нас одних в обществе дорогого груза? Неужели в их недалеких мозгах не возникла простая мысль о нашем бегстве или каком-нибудь другом виде неповиновения? Господин Свиридов может катиться лесом, раз не сумел поймать нас прямо у себя под носом.»

Женька, не дожидаясь моих вердиктов, круто развернулся, и зашагал прочь, оставляя коробки сиротливо валяться у воды. Я догнал его за домом и уже начал строить планы дальнейшего пути, когда мой попутчик резко притормозил, указывая мне на что-то впереди. В наступившей темноте я сумел различить неясные очертания чего-то высокого и круглого, издали напоминающего башню.

«Это не башня, — разочаровал меня Женька, — это маяк. И знаешь, что это значит?»

«То, что впереди маяк, очевидно? — уточнил я, приготовившись выслушать от Женьки очередную страшилку. Ожидания оправдались, и мой фантазийный приятель тут же выдвинул очередную версию очередной жопы, в которую нам удалось попасть.»

«Я читал, — рассудительно начал Женька, — что такие маяки чаще всего устанавливают на каком-нибудь острове, и приглашают специально обученного человека присматривать за его работой. Этот человек так и называется, маячносмотритель. Правда, звучит жутковато? Он отрезан от мира и цивилизации на целый год. Сейчас такой нужды нет, чтобы торчать на маяке безвылазно. Человечество придумало особые карты, оснащенные ультразвуком, способным указывать берега и мели.»

Женька замолчал, довольно вывалив на меня потоки ненужной информации, а я двинулся дальше, привычно забывая начало Женькиной истории. Пройдя в темноте довольно длительное расстояние, я предложил сделать привал и продумать дальнейший маршрут. У меня не было под рукой моего браслета, способного указать нам местоположения, а по особенностям роста мха я так и не научился определять стороны горизонта. До рассвета мы просидели под раскидистыми деревьями, выбирая дорогу. По нашим слепым задумкам, нам предполагалось двинуться на юг, учитывая наш свободный бездомный статус. Там мы рассчитывали отыскать себе пристанище и тихо-мирно переждать страсти по моим поискам.

«Возможно, ученые найдут способ локализовать напасть и без твоего участия, — предположил оптимистичный Женька, будучи не в курсе планов великих умов.»

С первыми лучами зари мы отправились дальше, но много не прошли, снова оказавшись на берегу. Нельзя сказать, что мы, сбившись с пути, повернули обратно. Обнаруженный ранее маяк высился теперь с другого бока, а вместительный домик у воды отсутствовал. Я не желал мириться с Женькиной версией об острове, однако потратив еще несколько часов на

пустые блуждания, был вынужден все же принять ее. Женька встряхнул головой, отгоняя пугающие мысли, и едва слышно проговорил, не отрывая глаз от побережья:

«Чертов Захар, перехитрил...»

Нам ничего не оставалось делать, как вернуться к берегу, где были брошены коробки и дом. Дом, к слову, оказался очень уютным, если сравнивать его с расщелиной в скале и склонами оврагов, где мы ночевали последние месяцы. В нем имелась всего одна комната, поделенная на зоны. Возле окна громоздился рабочий стол, видимо, выполняющий функцию и обеденного тоже. А возле противоположной стены разместились пара кроватей, накрытых синтетическими пледами. Там же торчала печка, наполовину разобранный и отслуживший свой рабочий срок, поскольку не имела трубы. В целом, при наших скромных запросах, домик мог бы вполне устроить нас обоих, если бы не одно «но». Захар и его приятель, поселив нас на острове, делали нас весьма заманчивой приманкой для господина Свиридова, если тот изъявит желание вернуть меня в свою лабораторию. Ну и, разумеется, если Захар расскажет ему, где нас отыскать.

«Давай обустриваться, Женька, — вздохнул я, — что толку мусолить давно понятные факты. Если до сих пор безумный ученый остается в неведении относительно меня, значит, Захар, действительно, рассчитывает на нашу помощь. Так давай поможем ему, раз нет других вариантов.»

Обустройство не заняло много времени, гораздо больше усилий нам пришлось приложить, размещая в тесноте комнаты все коробки, привезенные с большой земли. Любопытный Женька то и дело поглядывал на осторожно расставленный груз, пытаясь угадать, что же скрывается внутри. Все они были герметично залиты прочным пластмассовым покрытием, не позволяющим удовлетворить его любопытство.

Домик, ставший отныне нашим очередным пристанищем, очень отдаленно напомнил мне мою хижину, сорок лет назад навсегда оставленную мной на азовском побережье. Все мои записи, травы и снадобья были утеряны, а мои настойчивые попытки пополнить необходимые запасы прямо на острове, потерпели сокрушительное фиаско. Из всех трав здесь рос лопух и что-то еще, весьма далекое от медицины. Во всяком случае, мне эти сорняки были незнакомы.

Чем заниматься на этом острове, как проводить дни, не имея под рукой даже клочка бумаги, я не мог себе придумать. Женька в первые часы деловито обшарил уголки дома, разыскав внушительные запасы концентрата, но это было все, что припасли для жильцов домика рачительные хозяева. Кроме того, меня угнетало отсутствие прямых указаний относительно груза. Если под фразой «присматривать» Захар имел в виду буквальный процесс, то для чего он так настойчиво вез нас сюда, когда убедился, что мы никому не расскажем про его тайну, будучи в бегах?

Бездействие угнетало меня. Всю неделю после нашего прибытия, я напряженно прислушивался к визиту непрошенных гостей, однако водная гладь оставалась пустынной, а наше настороженное одиночество никто не нарушал. Женька выглядел бодро и постоянно напоминал мне о плюсах, заботливо найденных им в сложившейся ситуации.

«Нам с тобой все равно некуда было податься, Тихон, — справедливо сказал он однажды, в ответ на мое раздраженное молчание, — скоро зима, а ни у тебя, ни у меня нет нормального жилья, да и источников дохода тоже нет. Как мы прожили бы, скитаясь по миру? Это какой-никакой дом. И еще, здесь гарантированно нет диких тварей, а это, согласись, дает сразу десяток плюсов, и к тому же позволяет нормально выспаться по

ночам.»

Женька был прав. За всеми хлопотами я и думать забыл про вселенскую катастрофу, разыгрывающуюся на большой земле. Я улыбнулся, соглашаясь с уживчивым соседом, и отправился на прогулку. Теперь, не находя себе практического занятия, я часто гулял по острову, рассматривая небогатую природу окрестностей. Однажды, во время одной такой прогулки, мое внимание привлекли очертания странного силуэта, появившегося на горизонте. Почти три недели мимо не проходила ни одна лодка, не говоря о крупных торговых и пассажирских судах. Странным силуэтом оказался тот самый катер, который привез нас на остров, а сейчас рождавший у меня своим появлением возможные сюжетные ходы. Чаще всего в мои размышления влезал эпизод о возвращении господина Свиридова, решившего довести свой эксперимент до финала. Катер приближался, тревога моя росла, и к моменту, когда посудина бодро воткнулась носом в берег, я почти смирился со своей невеселой участью. С борта, минуя скучные трапы, спрыгнул Захар, и увидев меня, приветливо взмахнул рукой.

«Я знал, что вы примите мое предложение, Прохор Степанович! — вместо приветствия проговорил он, — поверьте, то, что сейчас твориться в мире, гораздо хуже того, что я предлагаю вам. Как ваш друг? Здоров?»

Сейчас Захар ничем не напоминал того придурка, с которым мы познакомились почти месяц назад. Он выглядел так же неотёсанно, но в его словах, а главное в интонации, сквозил интеллект человека, читающего не только смешные комментарии в соц. сетях.

Не тратя время на светские беседы, Захар потянул меня к домику, за три недели заботливо обустроенному хозяйственным Женькой. Захар коротко кивнул моему приятелю, в замешательстве застывшему посередине комнаты при появлении гостя.

«Это Захар, Женья, — напомнил я, — он пока не собирается сдавать нас властям. Во всяком случае, я на это рассчитываю»

Визитер был лишен эмоциональной основы, поэтому на мои реплики реагировал слабо. Первым делом он направился к установленным нами коробкам, тщательно осматривая каждую из них. Видимо, мы все же хорошо присматривали за ними, поскольку никаких гневных реплик со стороны Захара не услышали. Он еще немного покрутился по комнате и наконец заговорил.

«Эту разработку держат в строгом секрете, — непонятно начал он, а Женька, имеющий тягу ко всему необычному, тут же насторожился, — я не имею права обнародовать принцип ее работы, однако вынужден доверить вам весьма ответственное задание. Эти установки необходимо запускать раз в три дня в строго определенное время. Если этого не сделать, то итог всей нашей деятельности может свестись к нулю. Это в самом оптимистичном варианте. О самом негативном финале лучше даже не думать. На вас, Прохор, возлагается несложная, но очень ответственная миссия. Вы справитесь без труда, ваши официально зарегистрированные интеллектуальные показатели превышают общепринятые нормы в разы, и это искренно меня радует, поверьте. Я рассчитываю на вас, Прохор.»

В похожем ключе Захар изъяснялся еще некоторое время, вызывая у Женьки эмоциональный коллапс. Наконец, запасы дифирамб и од в мой адрес закончились, и наш гость решил перейти к практической части нашего вечера. Он переставил коробки в каком-то одному ему известном порядке, и без сожаления расчехлил каждую из них, весьма варварски надрезав по контуру. Нашим глазам открылись прочные прозрачные ящики, внешне напоминавшие мне древние аккумуляторы, только вместо электролита в них

плескалась разноцветная искрящаяся жидкость, похожая на ртуть. На каждой коробке сбоку был приделан рычажок, который необходимо было повернуть в рабочее положение, чтобы активизировать установку.

«Это безопасно для человека, — опроверг мои не озвученные опасения Захар, — будь он обращенным или незараженным, установка для него не опаснее информационного браслета. Однако для диких тварей она представляет серьезную проблему. Как вы понимаете, Прохор, я и так рассказал вам больше, чем следовало. Запомните главное, пока установка в действии, вам не стоит опасаться диких существ. Их попросту не станет, если они попадут под воздействие всех работающих устройств. Но для ее эффективности необходимо запустить одновременно все пятнадцать устройств. Полная активация должна занять не более полутора минут, именно за это время запустится коллективная система.»

Научив нас работе с хитрыми коробками, немногословный Захар пожелал нам удачи и легко запрыгнул на катер, оставляя нас предаваться раздумьям.

«Получается, наука не стоит на месте? — восторженно заговорил Женька, когда катер скрылся за горизонтом, — возможно, что скоро появится альтернативная возможность вернуть тварям человеческий облик. Так, Прохор Степанович?»

«Не так, Евгений Викторович, — зло пробормотал я, — ты не понял, что эта установка не возвращает тварям их прежний облик, а попросту уничтожает их? Это открытая война, Женька, и в ней нет ничего от гуманизма и высоких целей.»

Руководствуясь оставленной Захаром схемой запуска, мы каждое третье утро, ровно в восемь часов принимались щелкать рычажками, активизируя аппараты. Я мог объяснить себе принцип их работы, но только в том случае, если кроме этих пятнадцати где-то размещены еще несколько таких же. То, чем я занимался, противоречило моим убеждением и вызывало стойкое неприятие, однако выражать протесты открыто я не находил в себе решимости. Женька, смирившись с участием дикарей, принимал деятельное участие во всей этой затее, просыпаясь за пару часов до намеченного времени и тщательно отслеживая минуты. Его, видимо, здорово развлекали подобные досуговые мероприятия. А я часто ловил себя на мысли, что избавившись от одних экспериментов, я тут же вляпался в другие, и было непонятно, что из этого представляло большую опасность. Я, как мог, убеждал себя в необходимости подобных разработок, что остальное человечество только выиграет от стремительного уничтожения неадекватных существ, но убеждения таяли и сменялись досадой. Захар больше не навещал нас, и почти два месяца мы были предоставлены сами себе. Зима все смелее напоминала о своем скором визите. С моря дули ледяные ветра, выстужая и без того промозглый дом, и нам приходилось по ночам забираться под синтетические одеяла прямо в одежде дорожников, от времени превратившейся в изношенные тряпки. Женька делал попытки реанимировать печку, но все, что у него получалось, это разводить огонь в обломках кирпичей и наполнять комнату удушливым смрадом. Я опасался, как бы наши опыты с обогревом дома не помешали слаженной работе установки, но она исправно гудела, искрясь и играя таинственной жидкостью.

Однажды, наблюдая за дружным гудением, я почувствовал знакомую ломоту в суставах и с неудовольствием подумал о том, что домик к зиме совершенно не подготовлен, что скоро придут настоящие холода, и что простуда неминуема. В этот раз я решил пораньше завершить свою околонучную деятельность и, передав Женьке бразды правления, забрался под одеяло. Печка грела только своими боками, никак не справляясь с ледяным воздухом, и мне пришлось подтянуть койку ближе к нелепому сооружению. Женька с тревогой следил за

моими манипуляциями, но комментировать не решался, опасаясь вызвать мое неудовольствие. Когда я наконец, нашел себе максимально удобное положение и закрыл глаза, до меня донесся обеспокоенный голос:

«Что с тобой, Тихон? Не вздумай заболеть.»

Естественно, я болеть не планировал, однако моя голова тяжелела, мысли мешались в густую кашу, и вместо ободряющих реплик, у меня вышел полустон-полувсхлип: «Постараюсь, Женя».

Сквозь сон я слушал, как возиться мой приятель, смешивая для меня кипяток, и пытаюсь напоить пустой водой. При лучшем раскладе, я несомненно оценил бы заботу и старания, однако сейчас эта возня вызвала у меня только глухое раздражение. Я, дождавшись, пока заботливый братец приволочет мне очередной стакан кипятка, с удовольствием выплеснул его прямо на Женькины ноги и грубо прорычал, закутываясь в одеяло: «Отлепись от меня, тупое животное!»

Женька негромко выругался, стряхивая обжигающую жидкость, и внимательно уставился на меня глубокими темными глазами.

«Что с тобой, приятель? — снова пробормотал он и, не дождавшись ответа, принялся щелкать рычажками.

На утро я почувствовал прилив сил, но вместе с ним пришло знакомое уже состояние вселенского недовольства. Я с остервенением откинул отвратительную тряпку, служащую мне одеялом, и гневно уставился на проснувшегося Женьку. «Как же достала его рожа, — вертелась мысль, стремительно заполняя всю голову. — я знаю его почти сотню лет. Нет, меньше. Сколько же я его знаю?!»

Почему-то этот вопрос сделался приоритетным, и я, не удержавшись, задал его Женьке. Тот, обрадовавшись возможности поболтать, тут же погрузился в воспоминания, озвучивая самые щемящие подробности нашего знакомства.

«Лучше бы ты сдох прямо тогда, — неожиданно вырвалось у меня, — к чему я возился с тобой столько времени, а, Женька? Для чего? Для того, чтобы ты, через столетие затрачивал меня своим присутствием?! Пошел вон!!!»

Женька подскочил с кровати, уставившись на меня, словно желая убедиться в моей искренности. Я был довольно искренен. Присутствие Женьки раздражало, как раздражало присутствие всего, чего касался мой взгляд.

«Чего ждешь?! — заорал я, хватая обалдевшего брата за плечи. — живо, прочь!!!»

И распахнув дверь, выбросил легкого Женьку на улицу. Это мероприятие не вызвало у меня усилий, и я успел удивиться, насколько невесомым показался мне брат. Едва за ним захлопнулась дверь, я тут же забыл про него, продолжая раскидывать по комнате все, что попадалось мне под руку.

«Чертов стол! — рычал я, выхватывая краем сознания предмет мебели, — старая грубая развалина! К черту!»

С этими словами я приподнял над полом предмет моей ненависти и с грохотом обрушил вниз, разламывая его пополам. Коробки, представляющие собой установку, каким-то чудом остались неповрежденными, и я с почти религиозным благоговением посмотрел на блестящий ряд загадочных устройств.

«Я несу за вас ответственность, — проникновенно поведал я коробкам и в бешенстве пнул одну из них ногой.»

Скорей всего на меня так действовало вынужденное заточение на острове, абсолютная

бездеятельность и полная неустроенность. Когда-то я придерживался своим собственным придуманным правилам, гласившим, что если проблема не имеет решений, то это не моя проблема. Я успешно жил с этим убеждением целое столетие, но прямо сейчас готов был отказаться от привычных постулатов. Проблема не имела решений, но продолжала оставаться моей проблемой. «Как мне выбраться из этой задницы?» — тревожила единственная мысль, и я продолжал вымещать злобу на ни в чем не повинных предметах, попадающихся мне под руку. В бешенстве я раскидывал вещи, заботливо сложенные хозяйственным Женькой, и не находил в себе силы обуздать это бешенство. Мне на глаза попала Женькина койка, уродливая и громоздкая. Я без сожаления подхватил ее и, приподняв над полом, с удовольствием разбил об стену. Откуда во мне бралось столько энергии, оставалось для меня загадкой, которую я, впрочем, не слишком стремился разгадывать. Разрушив все, что оставалось целым, я дернул на себя хлипкую входную дверь, намереваясь продолжить неумеренный вандализм за пределами жилища, но неожиданная мысль остановила меня. «Там, за порогом, меня поджидает обозленный брат, наверняка решивший отомстить мне за все мои проделки» — подумалось мне. Я обернулся и с удивлением оглядел результаты свои трудов. От некогда аккуратной комнатки, так заботливо обустроенной моим братом, остались пугающие руины. «Женька наверняка расстроится, увидев крушение своих дизайнерских усилий, — пронеслась в голове еще одна мысль, и я раздумал покидать спасительные стены. Возможно, мне стоило бы прямо сейчас заняться наведением порядка, а потом пригласить изгнанного приятеля обратно, дав ему возможность согреться и оценить старания, но из всего задуманного я смог только пихнуть ногой обрывок какой-то тряпки и тяжело обрушиться на пол, погружаясь в неглубокую дремоту.

Глава 14.

Ледяной ветер, разрывающий в клочья все живое, никак не способствовал долгим прогулкам, однако насквозь замерзший Женька продолжал упрямо бродить вдоль берега. В его растревоженной голове барахтались разные мысли, одной из которых была мысль о том, что их невольное заточение на острове только началось, что сроки их пребывания не оговорены, и если так будет продолжаться дальше, то наступит день, когда невоздержанный Тихон попросту прибудет незлобивого Женьку, привычно посчитав его причиной всех несчастий. Когда-то давно, в прошлой жизни, Женька уже сталкивался с подобным явлением, и был хорошо осведомлен о всех возможных последствиях проявления необузданного характера избалованного брата.

«Годы скитаний и лишений не избавили Тихона от чудовищного эгоизма и стремления к комфорту и удобствам. — раздраженно думал Женька, содрогаясь от холода, — чертов мажор! Пойду, расскажу ему об основных правилах совместного проживания с живыми людьми.

Приняв смелое решение, Женька круто развернулся и направился в сторону их временного жилища, надеясь образумить заигравшегося мажора. В домике царила безмятежная тишина, из-за плотно закрытой двери не доносилось ни звука, и Женька

облегченно выдохнул.

«Ну вот все и разрешилось, — подумал он, поднимаясь по ступенькам, — Тихон, сорвав накопившееся раздражение, утомился и теперь, наверняка, репетирует покаянную речь. Что ж, пойду послушаю!»

С этими мыслями Женька решительно потянул на себя непрочную дверь и шагнул на порог.

Картина, открывшаяся Женьке, заставила того замереть на месте и негромко, но выразительно выматериться. Повсюду были раскиданы обломки мебели, обрывки ткани, клочки неясного происхождения, но не это вызвало у Женьки гамму многих эмоций. Напротив распахнутой настежь двери, вжавшись в угол, сидел Тихон, уткнув лицо в прижатые к груди колени. Его одежда в беспорядке была разорвана и разбросана по всей комнате, а некогда стройное накаченное тело украшали неестественно вывернутые длинные мускулистые ноги и уродливые лапы с острыми кривыми ногтями. Перед Женькой сидела классическая тварь, обладающая всеми характеристиками, присущими этому виду. Завершая образ, тварь должна была вызвать у Женьки страх и отвращение, однако не вызвала ни того, ни другого. Вместо этого, жалостливый Женька только потерянно прошептал, не веря увиденному:

«Тихон, что с тобой?»

То, что сидело перед ним, Тихоном быть не могло, однако в ответ послушно пропищало что-то непонятное и тоскливое. Тварь наконец-то подняла морду от уродливых коленей, и на Женьку глянули ослепительно синие глаза, оставшиеся такими же яркими и неожиданно ласковыми. Подобное сочетание рождало странную эмоцию, дать определение которой Женька затруднялся. В груди противно защемило, и Дергачев, повинувшись порыву, шагнул к непонятному существу, в которое превратился его красавец брат.

Тот с готовностью приподнялся и, вытянувшись в полный рост, заслонил собой значительную часть полезного пространства в комнате. Тварь была огромна, внезапно развившаяся мускулатура и вытянувшиеся конечности, превращали ее в великана, однако, по-прежнему не вызывали страха. Тварь протянула лапу к Женьке, обхватывая когтистыми пальцами его тощую шею, однако на этом проявление агрессии завершилось, толком и не начавшись. Она слегка сдавила Женькино горло и тут же отпустила, отступив на шаг назад. При этом она издала какой-то неясный звук, похожий на взвизгивание. Растерянный Женька не сразу сообразил, что однажды с Тихоном уже происходили подобные превращения, и что такого второй раз произойти больше не может. Ученые всего мира в один голос твердили о спонтанной возможности твари вернуть себе прежний человеческий облик, но такие случаи были крайне редки. О повторных обращениях речи не велось вообще. Во всяком случае, за пять лет не было зафиксировано ни одного случая таких изменений. Пока Женька предавался околонульным размышлениям, пытаясь объяснить случившееся, Тихон продолжал выжидательно наблюдать за эмоциями своего соседа, то и дело приподнимая уродливую лапу и делая попытки снова ухватить Женьку за горло.

«Что мне со всем этим делать?» — озвучил Женька самую насущную мысль, с отчаянием припоминая, что все снадобья, препараты и прочий инвентарь остался где-то далеко, что на острове, кроме Тихона, тварей не обнаружено, а значит противоядие приготовить не удастся. Тихон, проявляя основы воспитания, тактично отреагировал на заданный вопрос вежливым повизгиванием, при этом продолжая тянуть к собеседнику уродливые клешни. Что он хотел этим сказать, Женька не знал, и на всякий случай

отодвинулся подальше от нависающей твари. Обычно высокий Тихон сейчас казался Женьке огромным, хотя на самом деле его нынешний рост ненамного превышал рост Тихона-человека. Пытаясь прийти в себя от обрушившейся катастрофы, Дергачев не придумал ничего лучше, чем начать уборку в разоренном жилище. Он, не обращая внимания на присутствие в комнате самого опасного существа на планете, по уверениям все тех же ученых, разумеется, принялся собирать обломки чужого имущества. Тихон, неловко переминаясь с ноги на ногу, негромко взвизгнул и подхватил с пола обрывок ткани, в котором Женька опознал часть мажорских штанов. Тихон кое-как свернул тряпку и поднял следующую, демонстрируя готовность к сотрудничеству. Женька негромко усмехнулся и включил тварь в рабочую группу. Совместными усилиями к вечеру комната приобрела почти привычные черты, если исключить разломанные пополам кровать и рабочий стол. Тихон с видимым сожалением хрюкнул и объединив обе части стола в единое целое, протянул Женьке, предлагая полюбоваться на результат. За весь период уборки тварь ни разу не проявила и сотой доли той агрессии, которую проявил утром Тихон, ломая мебель. Женьке даже показалось, что без эмоциональное чудовище испытывает подобие раскаяния, осторожно складывая обломки в аккуратную кучу. Стараясь не слишком развивать эту теорию, Женька оттащил собранный мусор за стены дома, и озадачился новой проблемой. Наступало время ужина, и от пережитых волнений в Женьке разыгрался лютый аппетит. Чем угощать тварь, он придумать не мог, припоминая об их особенностях жрать людей. Однако Тихон продолжал вести себя так, как если бы оставался полноценным человеком, никак не демонстрируя желания сожрать своего приятеля или как-то по-другому причинить ему вред. Устав переживать, Женька достал из запасов коробку с концентратом и, прослушав занудные сведения о пользе жратвы, принялся молча поглощать содержимое коробки. Тварь внимательно следила за каждым его движением и неожиданно сама потянулась к коробке, стоящей в ящике.

«Ты проголодался? — уточнил Женька, еще не придумав как ему вести диалоги. Он не воспринимал обратившегося Тихона как чудовище, однако и полноценным человеком считать его было преждевременно. Однако Тихон в ответ коротко кивнул и оскалил вытянувшуюся пасть, пуская тягучие слюни. Вероятно, этим он хотел продемонстрировать высшую степень дружелюбия. Женька кивнул тоже и, стараясь не смотреть на омерзительную картину слюней и торчащих клыков, вернулся к прерванному обеду. Тихон старался как мог, заталкивая в пасть желеобразный концентрат, однако все равно после его трапезы повсюду валялись обслюнявленные ошметки. Женька, морщась от отвращения, принялся снова наводить порядок, однако был прерван Тихоном. Тот, осторожно отвел Женькины руки от отвратительной жижи, и неожиданно аккуратно собрал все сам, после чего насухо вытер остатки обрывком штанов. Поведение твари озадачивало. Так быть не должно, убеждал себя Женька, не вполне осознавая, чего он вообще ожидал от преобразившегося брата. Ему почему-то казалось, что логичнее было бы сейчас в панике метаться по острову, спасаясь от разъяренного монстра, пытающегося его сожрать. Предстоящая ночь тоже не вносила уверенности в полной безопасности. Тихон, не сумев починить Женькину койку, любезно предоставил ему свою, настойчиво придвигая уцелевшее спальное место к самым Женькиным ногам. Обалдевший от происходящего Дергачев послушно улегся, не слишком рассчитывая встретить рассвет в добром здравии. «Будь что будет, — фатально решил он, — я в любом случае, не знаю, как все исправить.»

Тихон решил побить все рекорды по проявлению заботы и участия и неловко набросил

на Женьку разорванное пополам покрывало, а сам растянулся на полу. По понятным причинам, эта ночь обещала быть для Женьки бессонной. Вопреки своим первоначальным решениям, Дергачеву отчаянно не хотелось подвергаться нападению злобной твари, тем более среди ночи. Стараясь не производить шума больше, чем это возможно, Женька присел на кровати и уставился на развалившегося на полу Тихона. Обычно беззвучный мажор, негромко всхрапывал во сне, пуская неизменные слюни, но это было единственным проявлением его ночной активности. Он продрях всю ночь, как обычный человек, а на утро, сладко потянувшись, распахнул глаза, уставившись в потолок, после чего резко вскочил на ноги и вытянул перед собой уродливо-длинные конечности. Женька, так и не сомкнувший глаз целую ночь, только удивлялся вполне человеческой реакции Тихона. Тот будто только что обнаружил изменения, произошедшие с его организмом, и сейчас с видимым беспокойством осматривал себя, ворочаясь во все стороны. Убедившись в пугающей реальности, Тихон сел на пол, подтянул к груди ноги и неслышно заскулил. В его мягком повизгивании Женька отчетливо слышал растерянность, и его сердце затопило небывалой жалостью.

«Все в порядке, Тихон, — глуповато прокомментировал он, не зная, как реагировать, — ты выздоровеешь. Всему свое время.»

На столь невнятное ободрение Тварь совершенно по-человечески усмехнулась, поворачивая к Женьке слюнявую морду. Аккуратно подстриженные волосы странным образом отросли за ночь и теперь лезли в глаза, свешиваясь спутанными прядями. Даже в облике монстра Тихон обладал некоей привлекательностью. «Красавица и чудовище в одном лице,» — невесело заключил Женька и вдруг вспомнил, что сегодня как раз то время, когда нужно запускать чертову установку. Тихон, видимо, тоже об этом вспомнил, но к работе не торопился. Он продолжал сидеть на полу, бросая на свои лапы взгляды, полные отвращения. Коробки терпеливо ожидали участия, призывно выстроившись в ровные ряды. Наконец, Тихон со вздохом поднялся, распрямляясь во весь свой внушительный рост, и сделал шаг к установке. Женька с изумлением наблюдал за явными проявлениями человечности и его разрывало когнитивным диссонансом. Тварь, пытающаяся заняться научной деятельностью, не вписывалась в привычные нормы, тварь, запускающая устройство собственной ликвидации, и вовсе взрывала мозг. Внезапно Женька подскочил на месте, осененный следующей мыслью. Захар говорил, что работающие установки безопасны только для людей, тварям они несут полное уничтожение, а значит и его Тихону грозит опасность. Женька бросился к коробкам, наполовину запущенным ответственным ученым, и с силой оттолкнул коллегу, лишая того возможности продолжить запуск системы. Тихон со снисходительным недоумением оглянулся, снова издав слабый взвизг. Женька, не реагируя на реакцию твари, поворачивал рычажки в нерабочее положение, молясь про себя, чтобы недозапуск никак не отразился на здоровье его персонального чудовища.

Отключив все, Женька обернулся и торопливо забормотал объяснения, которые, впрочем, в озвучке не нуждались. Тихон сам помнил об опасности и только слюняво усмехался, наблюдая Женькину суету.

«Уии, ии, виии,» — низким басом выразил Тихон благодарность приятелю и снова уселся, приваливаясь к стене.

В домике повисла напряженная тишина. Возможно, именно в эту минуту, ученые и представители силовых ведомств подсчитывали убытки от незавершившегося эксперимента по уничтожению диких. Возможно, что в следующие выходные к ним на остров пожалует

делегация обозленных граждан и утопит безответственных сотрудников в небывалом презрении. Или просто разорвет на части, вымещая гнев. Дергачеву, в целом, было все равно, как проявит себя научное сообщество. Нарушать планы великих умов и вмешиваться в дела науки стало привычным времяпровождением Тихона и Женьки, и больших сожалений не рождало. Тварь, передохнув от проделанной работы, снова поднялась и размеренно зашагала по комнатке, старательно обходя расставленные коробки. Женька настороженно следил за выверенными движениями, пытаясь уловить малейшие изменения в настроении чудовища, однако, тварь вела себя сдержанно, корректно, и, если бы не уродская морда и не устрашающие конечности, Женька мог бы поклясться, что сейчас перед ним маячит Тихон, решая свою очередную научную головоломку. Женьку немного смущало полное отсутствие одежды у преображенного ученого, но вносить корректировки в его внешний вид Женька откровенно боялся. Несмотря на благодушное настроение, тварь продолжала оставаться тварью и расслабляться не позволяла. Наконец, тварь замерла и, круто развернувшись, что-то забормотала на своем наречии, негромко повизгивая и взмахивая лапами. При этом она сводила с Женьки ослепительно синих глаз, сохранивших осмысленное выражение. О чем нелепое существо пыталось поведать ошарашенному Дергачеву, можно было только догадываться по неожиданно мягкой, располагающей интонации. В заключении своего выступления, тварь протянула к Женькиному лицу когтистую лапу и провела по шее скрюченными пальцами. Женька, не выдержав подобного испытания, тут же развернулся и скрылся за дверью, оставляя своего соседа в одиночестве.

«Если он сейчас надумает разнести дом, — размышлял Женька, направляясь к берегу, — мое присутствие только осложнит ему задачу и снова вызовет гнев. Я не поверю, чтобы откровенно дикое существо проявляло столь открытую симпатию к своей возможной добыче»

Дергачев вспомнил, как в первые месяцы знакомства с мажором, старательно избегал его общества, испытывая необъяснимую робость от одного только присутствия надменного парня. Сейчас тяга к общению тоже стремилась к нулю, но уже по другим причинам. В сумерках Женька вернулся в дом, в глубине души мечтая, что его Тихон, наигравшись в тварь, вновь вернет себе прежние очертания. Ожидания не оправдались. В совершенно темной клетушке Женька едва не наступил на скрюченное тело, привычно вжавшееся в угол. Никаких изменений с тварью не случилось. Она продолжала оставаться нелепой и уродливой, подтягивая к себе страшные лапы и пуская слюни прямо на пол. Появление Женьки вызвало у существа эмоцию, отдаленно напоминавшую радость встречи. Оно подскочило на ноги и протянув к Дергачеву обе лапы, крепко прижало к себе легкую Женькину тушку. Женька смутился проявления откровенно человеческих чувств и неловко вывернулся из весьма внушительных объятий. Тварь с видимым сожалением отпустила Дергачева, при этом издав негромкое урчание, отразившее досаду.

С этого дня между ними установились дружеские отношения, выразившиеся в частых обнимашках, инициатором которых всегда выступала слюнявая тварь. Женька с нетерпением ждал дня, когда существу надоест проявлять симпатию, и оно решит перейти к той части программы, где обозначит наконец свою дикую сущность. Однако тварь в пугающе узнаваемом образе Тихона продолжала демонстрировать чудеса любви и привязанности, чем вызывала у Дергачева желание хорошенько врезать прилипчивому соседу.

«Когда ты был человеком, — однажды не выдержал Женька, — то демонстрировал меньше дружеских эмоций, чем сейчас»

Тварь внимательно выслушала отповедь и угрожающе зарычала, вскинув вверх обе лапы.

С момента преображения Тихона прошло больше недели, и за все это время секретная установка ни разу не приводилась в действие. После третьего прогула Женька уже не сомневался, что на их пороге вскоре появятся гости. Каждое утро Дергачев выходил на берег, и, ломая глаза, вглядывался в горизонт. Тот оставался девственно чист, никакие гости к ним не спешили, однако, чем дольше длилось ожидание, тем крепче становилась уверенность в неминуемой расплате за самоуправство. Как-то в предрассветных сумерках Женька снова выполз из домика, и застыл возле воды, разглядывая морские просторы. Тварь мирно дрыхла на полу, привычно пуская обязательные слюни, а Женьку терзала бессонница. Дергачев мог смириться с вечной безалаберностью ветреного брата, с его рассеянностью и несдержанностью в эмоциях. Однако смириться с его покладистостью и сговорчивостью Женька был не готов. Тварь не пропускала ни одного случая, чтобы продемонстрировать свое расположение к Дергачеву. Это настораживало и раздражало, но как это прекратить, Женька не имел понятия. Присев на ледяные камни, Дергачев принялся анализировать поведение твари и едва не пропустил появление на горизонте едва заметной точки. Точка приближалась, приобретая очертания знакомого катера и когда ему до берега оставалось считанное расстояние, Женька наконец-то сообразил, что долгожданные гости все же прибыли.

Рванув в дом, Женька изо всех сил принялся трясти тварь за плечи, приводя в чувство.

«Поднимайся, Тихон, — бормотал Дергачев, бесполезно вытрясая из крепко спящей твари всю душу, — беда, Захар решил проведать наше пристанище. Просыпайся, Тихон, не валяй дурака!»

Женька справедливо полагал, что знать Захару о преображении Прохора Степановича вовсе не обязательно. Но для того, чтобы сохранить это в тайне, тварь нужно было надежно спрятать. Наконец, Тихон заворочался, потягиваясь и смешно потирая сонные глаза уродливыми лапами.

«Иии? Уррр, иийй!» — неразборчиво пробормотал он и приподнялся на локтях.

Женька уже слышал размеренный рокот движка, сквозь распахнутое настежь окно до него доносились приглушенные отрывистые голоса команды, и от отчаяния он не знал, как быстро и безболезненно донести до любителя поспать весь масштаб неминуемой трагедии.

«Спасайся, Тихон, пожалуйста, — бормотал Женька, — Захар с минуту на минуту будет здесь. И если он увидит тебя в таком виде, он убьет тебя. Прошу тебя, поторопись!»

«Прохор Степанович! — раздался под окнами раскатистый баритон раннего гостя, — Евгений Викторович! Вы живы?!»

Женька растерянно обернулся на замершего брата, уверенный, что видит его последний раз и едва слышно пробормотав: «Прощай, дружище...», шагнул за порог.

Захар бодро шагал по тропинке, направляясь к их дому, и заметив на пороге Женьку, приветливо взмахнул руками. В его поведении не угадывалось ни капли раздражения или недовольства, и Женька успел подумать, что может все еще обойдется.

«Приветствую, Евгений Викторович! — радостно оповестил Захар, — не ждали? Нс сейчас нет никакой возможности наладить бесперебойное общение, поэтому прошу меня извинить за спонтанный визит!»

Женька остановился в паре шагов от двери, с тоской представляя, что будет, когда радостный Захар решит поздороваться с Прохором Степановичем.

«Я к вам с добрыми вестями, Евгений! — тем временем продолжал гость, — наши

совместные усилия принесли плоды! Да еще какие! За пару месяцев мы уничтожили гнилое племя, Евгений Викторович! Ни одной твари в радиусе десятков тысяч километров. Это успех. Наши зарубежные коллеги, использующие похожие установки, наравне с нами тоже достигли финальной победы. Все, Евгений Викторович, спешу вас поздравить, мир возвращается в прежнее русло. Тварей больше нет. Это несомненно радует. Научное сообщество разработало препарат, способный блокировать вирус, и сейчас готовится массовая вакцинация.»

Захар говорил что-то еще, но Женька представлял себе его реакцию, когда перед ним предстанет яркое опровержение восторженных речей.

«Мне все же интересно, — никак не мог успокоится Захар, — как вы поняли, что действие установки пора прекратить? Впрочем, учитывая уровень интеллекта Прохора Степановича, это и не удивительно. Такой грамотный ученый может делать все по наитию, не нуждаясь в указаниях. К слову, где же он? Позвольте и с ним поделиться радостными известиями!»

Женька хотел было сказать, что скромняга Прохор может вполне обойтись и без радостных известий, но неугомонный Захар уже распахивал хлипкую дверь домика.

Женьку не могло обмануть восторженное добродушие Захара. За его располагающей интонацией скрывалась готовность безжалостно косить всех, кто посмеет встать на пути к великой цели избавления человечества от дикой напасти. Захар представлял собой еще один вид одержимого фанатика, и у Дергачева не оставалось сомнений, что его несчастного Тихона сейчас постигнет участь всех уничтоженных тварей. Непрошенный гость распахнул дверь и с радостным возгласом шагнул внутрь, неожиданно обрывая себя на полуслове. Женька зажмурился, ожидая неминуемого, однако Захар тут же вновь показался на пороге.

«Где же Прохор Степанович? — игриво поинтересовался он, — ну, признавайтесь, где же он может быть в столь ранний час?»

Дергачев на всякий случай заглянул в комнатку и обнаружил полное отсутствие там дикой твари. Даже сопливые следы на полу волшебным образом куда-то исчезли.

«Могу предположить, — размеренно завел Женька, отчаянно придумывая правдоподобную причину, — что Прохор пошел прогуляться. Да, именно так. Он часто совершает ранние прогулки по острову и возвращается ближе к обеду. Он, знаете ли, ученый и не любит, чтобы в его научные размышления вмешивались посторонние»

Захара вполне устроила такая версия, и он кивнул кому-то, приглашая подойти.

«Мы с коллегами приехали за установкой, — объяснил он присутствие дюжины незнакомцев, — сегодня мы свернем нашу деятельность, а позже вернемся за вами, друзья! Пора возвращаться на большую землю!»

Добры молодцы резво просочились внутрь домика и так же стремительно вернулись назад, утаскивая громоздкие коробки на катер. Пока они занимались погрузкой, Женька молился про себя о чрезмерной занятости Захара, о катастрофической нехватке времени на долгие прогулки по острову, о скорейшем сваливании дружной команды с ледяного острова. Молитвы были услышаны, и благостно настроенный Захар в который раз озвучил свои поздравления и направился к катеру.

«Возможно, где-то и остались единичные особи, но массовые облавы и слаженная работа групп реагирования не оставит им ни малейшего шанса! — объявил он, отчаливая от берега.

Когда суэта улеглась, а катер скрылся за горизонтом, Женька обессиленно рухнул на

землю, и обхватив руками голову, негромко застонал. То, что поведал ему Захар, можно было принять на веру. У Тихона нет шансов, и эти несколько дней до очередного визита катера, всего лишь отсрочка.

Тварь не появлялась, и вызывала этим у Женьки оправданное беспокойство. Остров был не слишком велик, и, учитывая зимнее время, совершенно лишен всякой буйной зелени. При внимательном осмотре любой желающий мог без труда отыскать не только внушительных размеров тварь, но и обычного некрупного человека. Однако, сколько бы Женька не вглядывался в прозрачные очертания посадок, следов твари не обнаруживал.

Тварь вернулась ближе к обеду, ровно в то время, которое Женька обозначил любопытному Захару.

«Уиийй,» — расслышал за спиной Женька и обернувшись, воткнулся взглядом в знакомое уродливое тело, переминавшееся с ноги на ногу в паре шагов.

«Где ты был? — потерянно пробормотал Женька, помня о повторном визите Захара, — тварей больше нет, а те, что остались, безжалостно уничтожаются.»

Тварь кивнула, соглашаясь и снова заурчала, протягивая к Женьке когтистые лапы.

«Хватит, Тихон, — устало выдохнул Женька, — придумай лучше, как нам спастись с острова, не имея лодки, одежды, еды. Как выбраться в условиях ледяного ветра, и не попасть под раздачу? Тихон, Захар считает тебя самым умным из всех ученых современности. Придумай что-нибудь. У тебя есть пара дней.»

Глава 15.

В свое предыдущее воплощение я был лишен возможности по достоинству оценить всю степень уродства моего обновленного облика, поскольку вместе с привычной привлекательностью во мне растворилось умение анализировать и наблюдать. Тогда снисходительная природа оставила в мое распоряжение самые низменные инстинкты и этим, вероятно, спасла меня от полного помешательства. Мое второе преображение позволило мне в полной мере насладиться ситуацией и впасть в безграничное отчаяние. Мой рассудок, аналитические способности, моя память и научные знания остались при мне, я лишился только привычного облика и дара человеческой речи. Кроме явных социальных проблем и бытовых неудобств, мое спонтанное обращение рождало еще одну, самую главную тревогу. Облик твари мог вызвать у Женьки самые разные реакции и стремления, вплоть до желания моего физического уничтожения, поэтому моей первостепенной задачей становилось налаживание дружеских контактов. С этим выходили сложности. Настороженный Дергачев никак не желал мириться со страшным соседом и при первой же возможности сбегал на ледяной ветер, бродя по берегу до самой темноты. Когда это случилось в первый раз после моего обращения, я искренне думал, что уже к следующему утру на острове соберутся все желающие поглазеть на последнего представителя всемирного зла, после чего дружно его уничтожат. От страха я совсем перестал соображать, и даже понимание полной невозможности осуществить данные планы не мешало мне с тревогой прислушиваться к шуму за окном. Женька вернулся один, и я, пользуясь случаем, решил продемонстрировать ему высшую степень дружелюбия. От моих стараний Женька напрягся

еще больше, однако открыто тревогу не продемонстрировал и даже попытался сделать вид, что не произошло ничего, выходящего за рамки. Дергачев был прав, мало эмоциональный я редко проявлял участие и расположение, будучи человеком, поэтому мои неловкие потуги сделать это в образе твари, неизменно пугали и настораживали.

Мой новый образ почему-то мешал мне совершать ставшие привычными пешие прогулки по острову. Я панически боялся покидать спасительные стены домика, при этом осознавая, что на пустынном острове некому оценить мою обретенную красоту. Мое добровольное затворничество продолжалось ровно до того дня, когда перепуганный Женька растолкал меня и сообщил о прибытии фанатичного Захара и его коллег. За все время пребывания на острове, ни я, ни Женька ни разу не задавались вопросом, а кто же собственно такой, этот неведомый Захар. У меня, разумеется, рождались некоторые версии, имеющие как откровенно криминальную основу деятельности загадочного парня, так и подчеркивающие его несомненную принадлежность к тайному научному ордену, призванному избавить мир от скверны. Но, по независящим от меня причинам, ни одну из них я внятно озвучить не мог, продолжая визжать и скулить, нагнетая тоску на своего соседа по хижине. Женька своими соображениями не делился, озабоченный более насущными проблемами. Находясь в моем непрезентабельном обществе, несчастный брат совсем перестал спать, целыми ночами вглядываясь во тьму и прислушиваясь к звукам. Я, как мог, внушал Женьке, что совершенно безопасен, а когда однажды утром увидел неподдельное беспокойство на его осунувшейся рожице, мое сердце сделало скачок, и я пообещал себе выполнить любое его требование. От меня требовалось всего ничего — как можно быстрее скрыться с глаз одержимого борца с мне подобными. Остров не баловал изобилием мест, где можно было надежно укрыть мое внушительное тельце, и мне пришлось приложить некоторые усилия, чтобы за пару минут придумать себе убежище. Единственным подходящим местом на всем острове я посчитал старый маяк, давно переставший выполнять свои прямые функции. Ужом выскользнув через крохотное окошко, о назначении которого я мог только догадываться, я опрометью бросился к старинной башне, молясь про себя, чтобы Женька как можно дольше продержал за приветственными речами нетерпеливого Захара. В заброшенной башне было темно и сыро. Мне удалось втиснуть свою монструозную тушу в некое подобие предбанника и замереть в неподвижности, прислушиваясь к внешним звукам. Помимо фантастического уродства, мое тело приобрело по-настоящему звериное чутье, позволяющее на значительном расстоянии расслышать оттенки милой беседы, завязавшейся между хозяином и гостями. О причине появления Захара я догадался уже в момент пробуждения и был несказанно рад, что его визит не продлится слишком долго. Вероятно, революционно настроенного Захара удовлетворил правдоподобный Женькин рассказ о моем досуге, и когда катер скрылся с глаз, я решил приготовить Женьке сюрприз. Проторчав в тесной сырой башне до обеда, я, согласно озвученной версии, появился в поле зрения потерянного приятеля ровно в полдень. Женька действительно, удивился, но только не моей пунктуальности, а моей способности остаться живым после визита столь категорично настроенных вояк. Теперь неоспоримая принадлежность Захара к силовым структурам не вызывала сомнения, но и не радовала. Мне действительно предлагалось мало шансов спастись, как оставшись на острове, так и покинув его пределы. Верный Женька готов был составить мне компанию в любом начинании, однако я не был готов подвергать его очевидному риску. Я мог бы временно «погибнуть», утонув в бушующих волнах, и тогда фанатик Захар увез бы Женьку на большую землю, оставив меня в покое. Я даже попытался

донести до приятеля эту самую справедливую мысль, но Женька так ничего и не понял из моего непрерывного пицания. Беспокойный брат до самой ночи бормотал мне о необходимости покинуть остров, о полной неспособности исполнить задуманное, и в каждом его слове звучало отчаяние. Мое обострившееся зрение позволило мне рассмотреть на расстоянии нескольких километров очертания другого похожего острова, по всей вероятности, такого же заброшенного и необитаемого. Я несколько раз протягивал кривую клешню, ставшую моей правой рукой, в направлении новой находки, однако туповатый приятель, только качал головой, тяжело вздыхал и хлопал глазами, выражая полную покорность судьбе и непонимание. Пока сумерки полностью не погрузили остров во тьму, мы с Женькой обменивались тоскливыми взглядами, не находя общего языка и теряя нить беседы. Мое почти звериное обличие обнаружило в себе еще одно преимущество. В отличие от абсолютно продрогшего Женьки, одетого в не продуваемую дорожную робу, я совсем не чувствовал холода. Если бы не вынужденная необходимость спасти приятеля от неминуемого обморожения, я мог бы проторчать на берегу до рассвета. Однако Женька сам предложил мне укрыться в доме.

«Ты совсем замерзнешь, Тихон, — обеспокоенно проговорил он, бросая на меня смущенные взгляды, — тебе нужно подобрать какую-нибудь одежду. Вот только где ее отыскать на чертовом острове? Я мог бы поделиться с тобой хотя бы курткой, но боюсь, она будет тебе маловата.»

Женькины хлопоты вызвали у меня искренний здоровый смех, выразившийся в виде дружеского повизгивания и взрыкивания. Приятель резко замолчал и, не говоря больше ни слова, направился к дому, снова расценив мои эмоции как проявление угрозы.

Захар обещал вернуться на остров через несколько дней, однако с первыми лучами нового дня на горизонте вновь замаячил его приметный катер. Я увидел его первым, поскольку в эту ночь так и не смог сомкнуть глаз, терзаясь нерадостными мыслями. Обострившееся чутье подсказывало мне, что за высокими идеями Захара все же скрывается что-то незаконное, хоть и вполне легальное. Структуры не станут тянуть и уничтожат все следы своей благой деятельности в короткие сроки. Опасения подтвердились скорой встречей. В этот раз пришла моя очередь будить измотанного переживаниями Женьку, чтобы сообщить ту же новость. Женька подскочил, в считанные секунды приходя в себя и горестно закачал головой, сокрушаясь о неминуемом финале.

«Что будем делать, Тихон? — пробормотал он, — Захар одержим, он не станет слушать мои заверения в твоей покладистости и мягкости нрава. Для него не существует злых и добрых тварей, для него они все равны. Думай, Тиша, у нас есть несколько минут.»

Я решил не дразнить одержимого Захара своим грустным видом и спрятался в доме, отправив Женьку встречать надоевших гостей.

В этот раз Захар приехал тоже не один, но прихватил с собой немного поменьше сопровождающих. Вместе с ним на берег сошли двое верзил, одетых с пролетарской небрежностью и щегольским шиком. В первую минуту мне показалось, что они оба обнесли магазин модной одежды, по пути заглянув в бутик «Все для работы на городской свалке». Вдоволь налюбовавшись на стиль и имидж вновь прибывших, я решил все же прислушаться к их беседе. Захар был немногословен и менее любезен, чем в первую встречу, а его сопровождающие и вовсе обошлись невнятными приветственными жестами.

«Собирайтесь, Евгений Викторович, да поживее! — донесся до меня знакомый голос Захара, — у нас к вам несколько вопросов, но их мы зададим вам немного позже. И скажите

Прохору Степановичу, чтобы поскорее возвращался со своих утренних прогулок. С ним мы тоже желаем побеседовать!»

Сейчас об интонацию любезного Захара можно было сломать ногу, насколько жестко прозвучали его слова про Прохора Степановича. Женька что-то пробормотал ему в ответ, но мне было все равно, что именно хотел поведать ему мой друг. У меня не было желания вести беседы с Захаром, а в такой тональности особенно. Я подумал, что не нужно никуда ехать, раз можно послушать страшные вопросы прямо сейчас. Не придумав появления торжественней, я без затей вышел на ступеньки и со всей любезностью поклонился ошарашенному гостю. Захар быстро взял себя в руки, но я успел заметить полное смятение, украсившее его перекосившуюся рожу.

«Кто вы? — от неожиданности заговорил с тварью на «Вы» обычно нетолерантный Захар, — что вы делаете на острове и как сюда попали?»

Я с удовольствием удовлетворил бы его любопытство, подробно ответив на каждый из его вопросов, однако из всех слов, доступных мне прямо сейчас, было слово «уууй». Оно не отражало в полной мере моего отношения к Захару и его приспешникам, но немного добавляло оттенки. Им я и воспользовался, пытаюсь завести беседу. Женька только ахнул, а Захар изумленно уставился на моего приятеля.

«Что это такое? — едва сдерживая гнев, поинтересовался он, — вы скрыли от нас важную информацию, не поставив в известность о наличии дикой твари на острове. Где Прохор Степанович?! Что тут вообще происходит?! Вы поддерживаете с тварями контакт?!»

Формулировки вопросов наводили на мысль о всемирном заговоре, в котором Захар подозревал растерявшегося Женьку.

Женька покачал головой, видимо собравшись рассказать всю правду, но я опередил его, грозно клацнув зубами. Захар, растеряв весь апломб, рванул к катеру, возможно, чтобы вернуться обратно к нам, прихватив какое-нибудь устрашающее оружие, а возможно, чтобы покинуть опасный остров навсегда. Я не дал возможности довести любую задуманную Захаром идею до финала, рывком запрыгнув ему на плечи и сбив его с ног. Это получилось у меня неосознанно, видимо дремавшие тваринные инстинкты все же подняли во мне голову. Сопровождающие только успели невнятно крикнуть, видимо доказывая свою готовность сложить головы за общее дело. И я охотно предоставил им эту возможность, свернув им их бесполезные шеи в считанные мгновения. Таким образом, за последние десять минут у нас с Женькой появилось три трупа, призрачная надежда покинуть ненавистный остров на катере, и абсолютно реальная возможность провести в тюрьме остаток бесконечной жизни.

Мой покойный старший брат всегда осуждал меня за неспособность продумывать до конца свои решения, действия и поступки. Возможно, окажись Филипп сейчас рядом с нами в эту минуту, он в который раз убедился бы в своей правоте. Я растерянно смотрел на учиненный бардак и мучительно долго соображал, как теперь выкрутиться из глубокой жизненной передрыги без потерь. На катере, судя по всему, оставалась команда, а с большой земли наверняка отслеживались все перемещения по высокочастотным картам. Беззвучно и незаметно скрыться с места преступления никак не получалось, и я откровенно загрустил.

Замерший в неподвижности Женька, только вращал глазами, не находя слов. Когда слова все же нашлись, он первым делом негромко выругался, а после пробормотал, не сводя взгляда с валяющихся на берегу борцов за общее дело:

«Тиша, когда я предлагал тебе подумать, я немного не это имел в виду.»

Я не стал дальше выслушивать осуждения чрезмерно правильного брата, галопом рванув

к катеру. Мне нужно было убедиться в точном количестве свидетелей моей несдержанности. К моему несказанному удивлению, свидетелей не оказалось вовсе. На борту углового суденышка не оказалось ни капитана, ни многопрофильного матроса, ни остальных членов группы поддержки. Катер был пуст и необитаем. Я обежал все закоулки, заглянув даже в трюм и сортир, и, не обнаружив никого, с борта сделал Женьке знак рвать когти.

Щепетильный Женька, взобравшись на борт, несколько раз напомнил о моем христианском долге придать земле безвременно почивших, но натолкнувшись на мой суровый взгляд, настороженно примолк. Я без труда оттолкнул небольшую посудину от берега и легко перемахнул невысокий леер, по дороге придумывая, что со всем этим делать дальше. Женька, находясь во власти глубокого психологического коллапса, все еще пялился на меня огромными темными глазами, вероятно впервые столкнувшись с апофеозом моего неадекватности.

Времени на праздные созерцания катастрофически не хватало. Нам нужно было за весьма короткое время продумать маршрут, освоить навыки вождения морских катеров, и по возможности быстро исчезнуть с радаров. Мой опыт управления плав. средствами сводился к нечастым морским прогулкам на арендованных яхтах, и я очень надеялся воскресить в памяти все свои давние умения. Метнувшись в рубку, я в замешательстве уставился на красочную, украшенную разными кнопками приборную доску. Никаких привычных ключей и штурвалов я не обнаружил, но, повинаясь порыву, воткнул кривой палец в ярко красную кнопку, торчащую в центре панели. Катер вздрогнул, затрясся и медленно поплыл вдоль высокого берега. Я принялся нажимать на все рычаги, под неумолчные причитания любопытного Женьки, внимательно наблюдавшего процесс обучения. Наконец, сообразив, как подчинить себе нелепое существо, я победно взвизгнул и гордо выпрямился, демонстрируя собой образ бравого моряка. Женька только ахал, глядя на бурлящие за бортом волны, на невзрачный интерьер присвоенного суденышка и на его страшноватого капитана.

«Ты уверен, что мы движемся в правильном направлении? — обеспокоенно вопрошал он, видно, совершенно забыв о моих речевых способностях. Я не был уверен ни в чем. На всякий случай, начиная знакомство с управлением сложной техники, я первым делом со всей силы хватил по монитору, отражающему движение нашего катера, и теперь не мог с точностью сказать, в какой точке моря мы сейчас находимся.

Катер бодро тарахтел по волнам, оставляя далеко позади наш остров и унося нас в открытое море. Тот клочок суши, что виделся мне с острова, оказался всего лишь отмелью, без признаков растительности, и для длительного проживания был непригоден.

Неожиданно подвернувшаяся возможность покинуть остров дополнилась массой новых проблем, первой из которых, была проблема выбора нашего нового места обитания. Нам бы несказанно повезло отыскать какой-нибудь малонаселенный островок, на котором отсутствуют средства связи и любые признаки цивилизации. Поскольку швартоваться у большой земли грозило нам серьезными неприятностями. Однако на нашем пути не встречалось таких островков. И никаких не встречалось. Кроме того, мы вероятно сбились с курса, поскольку и берега большой земли тоже не желали появляться в поле видимости. Женька, следя за показаниями оставшихся в живых приборов, только хмыкал, горестно покачивая головой. Его знания морского дела стремились к нулю, к тому же моего верного спутника по-прежнему напрягало мое нестабильное общество. Я был готов поклясться, что больше никогда не стану проявлять немотивированную агрессию, но даже если бы мне это и удалось, Женька никогда не поверил бы мне.

Наконец, слева по курсу замаячили неясные очертания береговой линии. Я, радостно взвизгнув, развернул нашу посудину и выжал из нее все возможное, чтобы поскорее оказаться на суше. У меня постоянно выпадало из памяти, что теперь я персона нон грата в любом населенном пункте, а мои недавние прегрешения и вовсе не рассматривались мной как серьезное преступление. Пока я управлялся с неожиданно послушным катером, Женька позволил себе помародерствовать по каютам в поисках пропитания и вещей. Концентраты суровые представители борцов за здоровье нации не употребляли вовсе, предпочитая питаться высокими идеями, а вот к разного рода форменным нарядам были неравнодушны. Женька отыскал в одной из кают весьма годный китель, внушительного размера и парадные легкие штаны. Все это призвано было изображать летнюю морскую парадную форму и было мало пригодно для северных краев в зимний период. На все мои возражения, Женька только ругался и убеждал меня воспользоваться хотя бы тем, что есть.

«Мне надоело пялиться на твой голый зад! — в сердцах бросил он и прибавил несколько непечатных фраз, — Тихон, ты рулишь к цивилизации, как думаешь, что сделают с тобой местные, увидев твое незабываемое уродское тело?»

Я нехотя натянул на вытянутые кривые ноги широкие штаны, оценив преимущества. На какого великана шилась эта форма, сказать было невозможно, потому что при моем внушительном нынешнем росте и развитой мускулатуре, парадные шмотки висели на мне мешком. Изобретательный Женька развил свою дизайнерскую мысль еще дальше и протянул мне широкий синтетический шарф, предлагая замотать вытянутую морду.

«Так ты будешь иметь призрачную возможность дойти до какого-нибудь ночлега прежде, чем тебя разорвут на куски, — справедливо заметил Женька, придиричиво оглядывая мое новое обличие, — разумеется, при условии полного и безоговорочного молчания!»

Последнее его замечание не вызвало во мне много переживаний. За последние пару десятков лет я и вовсе научился обходиться без навязчивого общества себе подобных, и вполне охотно мог провести в одиночестве значительное время. Приближающийся берег казался обитаемым, на это указывали громоздкие постройки, отчетливо различимые на побережье. Вероятно, мы двигались в направлении грузового порта, поскольку самым распространенным видом прибрежной архитектуры являлись крепкие бревенчатые здания, похожие на склады. Женька посоветовал мне держаться подальше от людских скоплений, и я, расслышав в его замечании здравые ноты, развернул катер к утесу, нависшему сбоку от промышленных построек. Один его край уходил далеко в море и создавал собой подобие бухты, где я и рискнул пришвартоваться.

Промозглая северная погода опустошила местные пляжи и позволила нам кинуть якорь в нескольких метрах от берега, не привлекая постороннего внимания. Я не был уверен, что когда-нибудь нам случится снова воспользоваться услугами безотказной посудины, но на всякий случай, запомнил его координаты, без сожаления покидая гостеприимный борт.

Берег встретил нас огромными серыми камнями, беспорядочно накиданными вдоль береговой линии, ледяным ветром и полным отсутствием местного населения. Последнее обстоятельство порадовало больше всего, поскольку даже приблизительно никто из нас не мог сказать, куда именно забросило нас провидение на этот раз.

«Не похоже, чтобы это было очередным островом, — со знанием дела заявил Женька, оглядываясь по сторонам. — только странно, что эта набережная выполнена в таком несовременном стиле»

Мне некогда было наблюдать за архитектурными направлениями, поэтому я не сразу сообразил, что наблюдательный Женька имеет в виду. На его настойчивые призывы познакомиться с окрестностями, я отозвался неохотно, а когда поднял, наконец голову, то от удивления едва снова не заговорил по-человечески. Прямо передо мной высилась грубо сколоченная лестница, выполненная из цельных неструганных бревен, а по бокам этого нелепого сооружения торчали высокие подпорки с привязанными к ним короткими палками с просмоленной паклей на конце.

«Может, тут у них проходил какой-нибудь праздник?» — растерянно пробормотал Женька, озвучивая мою первую мысль. Мысль не имела под собой прочной основы. Праздники, как и разные другие развлечения давно уже не проводились в городах по причине решения других, более значимых проблем. Женька, пожал плечами и осторожно ступил на первую ступеньку, вопросительно оглядываясь в мою сторону. Я коротко кивнул, давая добро, и ободренный Дергачев бодро потрусил наверх, с любопытством рассматривая примитивные факелы, развешанные по всей длине лестницы. Я последовал за ним, гадая про себя, куда может вести подобное сооружение. Моему воображению рисовались милые беседки, выполненные в похожем стиле и имеющие популярность среди праздных гуляк. Однако никаких беседок я не увидел, добравшись до самой последней ступеньки. Монструозная лестница привела нас на некое подобие городской площади, тоже выложенной из почти плотно подогнанных бревен. В самом ее начале высился довольно просторный помост, видимо призванный служить сценой, а периметр площади был обозначен невысокими деревянными сваями, вбитыми прямо в землю. Женька только хмыкал, с любопытством рассматривая все вокруг и совершенно забывая о грозивших нам неприятностях. Эйфория разрушения и уничтожения к этому моменту окончательно покинула меня, сменившись сокрушающим раскаянием и откровенным страхом неминуемой расплаты. Мне хотелось сказать Женьке, что нам необходимо как можно скорее отыскать менее приметное место и не мозолить глаза любопытным горожанам. Однако любознательный брат никак не желал покидать загадочную площадь, продолжая пялиться на страшный помост.

«Куда мы попали?» — наконец прошептал он, и мне стало понятно, что за воспоминания пробудил в моем спутнике открывшейся пейзаж. Почти так же выглядело место той самой показательной казни, чуть не ставшей для Женьки заключительным аккордом. Я, не теряя лишних слов, схватил Женьку за плечо и поволок прочь, возвращая к

действительности. Действительность поражала многими несоответствиями и вызывала много вопросов. Самым приоритетным из которых мог бы стать вопрос о полном отсутствии каких-либо зданий. На всем протяжении нашего пути не встречалось ни одной высотки, ни одного магазинчика, пусть и закрытого. До эпидемии такие торговые точки были чуть ли не самым основным украшением любого населенного пункта. Последние события внесли коррективы в экономику, однако полузаброшенные здания все еще продолжали радовать своими облезлыми стенами местные пейзажи. Во всяком случае, в тех городах и поселках, куда заносила меня злая судьба, первое, что бросалось в глаза, были именно они. Сейчас же нас преследовали разросшиеся деревья, все еще покрытые пожухлой листвой, и деревянные прилавки, рядами выстроившиеся вдоль довольно широкой дороги.

«Я понял, — неразборчиво пропыхтел Женька, все еще находясь в плену моего цепкого захвата, — здесь у них местный рынок, но сегодня не базарный день, поэтому никого нет!»

Я был склонен согласиться с самой очевидной версией увиденного, однако не успел, поскольку прямо из-за очередного прилавка нам навстречу вынырнула местная жительница в компании огромной плетеной корзины. Последнее время становилось все сложнее проследить любые модные направления в одежде, поскольку модным считалось то, что удавалось добыть в честной борьбе на каком-нибудь торжище. Поэтому внешний вид барышни меня удивил не слишком, и ее многослойный наряд, состоящий из бесчисленного числа юбок, накидок и платков, вызвал только глухое сожаление о тоскливых временах. Тетка с видимым любопытством уставилась на нас и что-то неразборчиво пробормотала, прижимая к себе неудобную ношу. Любезный Женька тут же воспользовался случаем и, подключив все свое нарастаченное обаяние, обратился к незнакомке.

«Я прошу прощения, — начал он, демонстрируя воспитание, — подскажите нам, уважаемая, как называется ваш городок? Мы с приятелем путешествуем по миру, так сказать, с целью пополнить багаж научных знаний, и немного заблудились и будет очень любезно с вашей стороны оказать нам столь необходимую помощь.»

Видимо вынужденное безмолвие и отсутствие удобного собеседника незримо подкосили моего приятеля и открыли в нем невиданные запасы словоблудия. Тетка обалдело хлопала выцветшими глазками, прислушиваясь к учтивым речам. Наконец, Женька иссяк и выжидательно уставился на незнакомку.

«Так городок наш Нордсвилл, это всякая собака знает, — решила поддержать светскую беседу горожанка, — тут у любого спроси, каждый ответит, что Нордсвилл. Другого тут нет и не придвидится!»

Получив такой исчерпывающий ответ, Женька уставился на меня, припоминая, где мог слышать такое название. Я ничем не мог помочь приятелю, поскольку тоже впервые слышал о Нордсвилле. Женька поблагодарил незнакомку, продолжавшую прожигать нас любопытным взглядом и заговорил снова, боясь упустить приятную собеседницу.

«Станьте нашим добрым ангелом еще раз, уважаемая, — со всей любезностью, на которую был способен, снова запел Женька, — где в вашем милом поселении можно отыскать приличную гостиницу? Или хостел, ну на самый крайний случай, гостевой дом?»

При этом Женька так призывно улыбался и корчил всякие любезные гримасы, что я стал всерьез опасаться за моральную устойчивость грубоватой барышни.

«Так это, — забормотала она, отчаянно краснея, — тут вот недалече постоялый двор, там хромой Гурвин всем заправляет, хотя, как поговаривают, вместо него там Марта все дела решает, а он только для остратки появляется. Ну да и не мудрено, Марта еще с времен

первого причастия та еще стрекоза была. Все им крутила как хотела. А Гурвин-то и рад!»

Внезапно разговорившаяся горожанка весьма выгодно отличалась от всех барышень, что приходилось встречать мне до этого. Ее речь, внешний облик, манера держаться в обществе посторонних навевали мысли о махровом средневековье и вызывали недоумение. Возможно, мировые катаклизмы наложили отпечаток на незамутненное сознание провинциалов и превратили их в совершенных недотеп. Женька еще раз поблагодарил добрую фею за своевременную помощь, и поспешил откланяться.

Упомянутый постоялый двор и в самом деле оказался поблизости, всего в паре кварталов от местного рынка. Милая барышня не обманула, временное пристанище напоминало трактир, а его хозяином действительно оказался кривой мужик, облаченный в кожаный камзол.

«Приветствую, дорогие гости! — восторженно прогудел он и широко улыбнулся, демонстрируя ряд совершенно гнилых зубов, — с чем пожаловали в наши края?»

Женька снова поклонился и на всякий случай повторил вступительную речь, правда в этот раз избегая чарующих улыбок.

«Так заходите, чего уж! — гостеприимно раскинул руки огромный хозяин, — три монеты за двоих весьма божеская цена. Не то, что у Гостомысла в его харчевне за пять монет. Там только помои жрать, а у меня и стол приличный, и крыша не дырявая. Проходите, всего три монеты за двоих!»

Женька помотал головой, пытаясь собрать в стройный ряд рассыпающиеся мысли и решительно шагнул на порог, незаметно подталкивая меня за собой. О каких трех монетах велась речь, никто из нас так и не понял, но от голода сводило кишки, а обещанная недырявая крыша рождала весьма заманчивые картины долгожданного отдыха.

Из-за могучей спины Гурвина выглянула вертлявая бабенка, неизвестно, когда оказавшаяся возле дверей.

«Проходите, — пропищала она, сверкая темными глазками, — через пару минут подадут горячее. И всего за три монеты.»

Загадочные три монеты не давали мне покоя, и я сделал Женьке знак разузнать, о какой валюте идет речь.

«Так знамо о какой, — разом включая настороженность, прогудел хозяин, — тута вовсе три валюты, золотая, серебряная, медная. Другой нету. Так вот я, к примеру, завсегда в серебре беру, не то, что жадюга Гостомысл, тот даром, что пять монет требует за постой, так еще и в золотой валюте. Так что, в обиде не останетесь!»

Я невесело усмехнулся и сделал вид, что подсчитываю наличку. Что это за монеты, и где они имеют хождение не возникало даже предположений, поскольку в мире давно все пользовались единой электронной системой расчета. В довольно частых случаях используя ее печатный эквивалент, но и в этом варианте речь всегда шла об электронных деньгах. Ни про какие монеты население не слышало уже несколько десятков лет. Ну, кроме, пожалуй, жителей Нордсвилла.

Решив отложить расчеты на потом, я предложил сначала подкрепиться, а уж после озадачиться проблемой финансов. Я весьма выразительно уставился на Женьку, транслируя ему в мозги очередные задачи, и тот, в который раз продемонстрировав природное обаяние, любезно согласился немедленно приступить к приему пищи. Нашему вниманию всего за три монеты было представлены блюда, с легкостью удовлетворившие бы аппетит роты голодных солдат. На резных деревянных подносах высились куски жареного мяса, а холщовыми

полотенцами были стыдливо прикрыты огромные ломти домашнего сыра, свежего хлеба и высокие кувшины темного душистого пива. Вечно голодный Женька только удивленно крикнул, окидывая взглядом поле гастрономического изобилия.

«Тихон, — восторженно прошептал он, — врежь мне так, как ты умеешь. Я, вероятно, сплю, и поэтому, прямо сейчас желаю убедиться, что химические концентраты не исчезли из моей жизни навсегда!»

Я глухо усмехнулся, все еще пряча морду под синтетическим шарфом, и нехотя выполнил щемящую просьбу единственного брата. Женька пискнул и неосознанно дал мне сдачи, все же убедившись в реальности происходящего.

С непривычки мы смогли осилить только едва ли третью часть принесенных харчей, чем вызвали откровенное сожаление хозяйки.

«Вы, что ли хворые? — участливо забеспокоилась она, поглядывая на мою замотанную рожу, — или наши угощения вам не приглянулись?»

Помня об отношении населения к занедужившим, я отчаянно замотал головой, а Женька тут же уверенно отозвался:

«Мы совершенно здоровы, не беспокойтесь. А угощение очень вкусное, просто с дороги хотелось бы немного отдохнуть. Долгий путь и все такое...»

Марта недоверчиво оглядела нас еще раз и остановив на мне внимательный взгляд, все же уточнила:

«А вот этот молчаливый красавчик точно здоров?»

Женька призвал на помощь все свое самообладание и как можно убедительнее заявил, от волнения повышая голос:

«Совершенно здоров, просто устал с дороги. Как, впрочем, и я. Мы будем вам признательны, если вы покажете нам нашу комнату. За три монеты.»

Марта кивнула и нехотя потянулась за полотенцем, смахивая на пол крошки со стола. Я бодро поднялся, тщательно следя за тем, чтобы мои лапы не попадались на глаза насторожившейся хозяйке, и выразил готовность немедленно отправиться спать. Женька повторил мой маневр, в нетерпении сжимая кулаки.

Комната под недырявой крышей оказалась весьма вместительной, но нереально темной, поскольку крошечные окошки были тщательно затянуты мутной пленкой, в последствии оказавшейся обычным бычьим пузырем. В целом, подобные интерьеры вызывали мало недоумения, учитывая полное отсутствие производства промышленных и продовольственных товаров. Последние лет пять многие использовали всякие подручные средства, обустроивая свой быт. Однако, несмотря на весьма правдоподобные объяснения увиденному за последние пару часов, у нас с Женькой продолжали возникать вопросы, которых с каждой минутой становилось все больше.

«Как ты думаешь, Тихон, — негромко заговорил Женька, приподнимаясь на широкой дубовой кровати, — что за странный город, этот Нордсвилл? Здесь даже харчи сохранились. И люди какие-то странные? Когда я жил в горах, там только и разговоров было, что о тварях, обращенных, вакцине и тому подобных проблемах. Здесь же за все время ни слова не было сказано о всемирной напасти. Что не так с этими людьми?»

Женька замолчал, уставившись в потолок, и некоторое время не произносил ни звука. Его настороженные расспросы пробудили в моей голове новые сомнения. А что, если господин Свиридов все же изобрел ту самую сыворотку, подчиняющую сознание и провел очередной опыт. Поведение местных нельзя назвать агрессивным, они слишком

доброжелательны для послушных исполнителей чужой воли, однако их общая одинаковость неизменно отсылает к смелым опытам Ивана Ивановича. Под неторопливое течение околонуточных идей мое сознание затуманилось, и я постепенно погрузился в состояние легкой дремоты, превратившейся в крепкий здоровый сон.

Среди ночи нас разбудили загрохотавшие крики, шум сдвигаемой мебели, звон разбившихся глиняных кувшинов. Спросонок я живо представил себе визит групп реагирования, прочесывающих местность в поисках тварей. Внезапно возникшая в голове картина согнала остатки сна и подбросила меня на кровати. Женька давно уже не спал, настороженно прислушиваясь к грохоту и кидая на меня нечитаемые взгляды.

«Что там происходит? — пробормотал он, заметив мое пробуждение, — на облаву вроде не похоже. Что-то случилось, Тихон»

В моей голове, как по команде, возник длинный список причин, по которым мне не следовало бы попадаться на глаза властям, и решение сбежать из гостеприимного трактира обозначилось само собой.

«Уууиии, еаа,» — оповестил я приятеля о своих планах и потянулся к синтетическому шарфу. Наша комната располагалась под самой крышей, и если воспользоваться общей паникой, развернувшийся внизу, можно попробовать уйти через чердак. Женька уже давно научился разбираться в моих невнятных завываниях и без возражений поддержал идею побега. Благодаря моим новым сверх способностям мне без труда удалось преодолеть неровные скаты трактирной крыши, и уже спустя десяток минут мы с Женькой неслись по темным улочкам ночного Нордсвилла. Женька то и дело оборачивался, рискуя свернуть себе шею, и прислушивался к шуму возможной погони. Однако, грозные разборки не торопились покидать пределы ночлежки. Возможно, brave солдаты безопасности все еще крушат простенький интерьер трактира, отыскивая ненавистных тварей. То, что охота объявлена именно на них, ни у меня, ни у Женьки не вызывало сомнений. По словам ныне покойного Захара, подобные рейды были не редкость даже в таких незамутненных провинциальных городишках. Промчавшись мимо притихших невысоких домов, мы уткнулись в прочный забор, выложенный из камня. Что скрывалось за столь внушительным ограждением, оставалось только догадываться, и возможно было чистым безумием соваться на неизведанную территорию, однако у нас не оставалось выбора. По обеим сторонам узкой улицы толпились частные дома, а страх преследования гнал нас, подталкивая в спину. Женька подпрыгнул, цепляясь за неровный край ограждения, и ловко перебросил свою худую тушку в чужой двор. Я привычно повторил его маневр, с удивлением обнаруживая, что двор, где мы оказались, вовсе не частный, и в целом на двор не похож. То, что открылось нашему взору, скорее являлось местным кладбищем, о чем красноречиво говорили торчащие повсюду каменные силуэты надгробий. Женька с суеверным ужасом засобирался обратно, явно не желая оставаться ночью в таком неприглядном месте. Если бы я умел говорить, то наверняка убедил бы загрохотавшего брата, что круче места для укрытия придумать невозможно, что недалекие вояки, несмотря на внешнюю храбрость, побоятся сунуться на погост, и что до утра мы в полной безопасности. Но говорить я не умел, а мои настойчивые повизгивания звучали крайне неубедительно. Покружившись по местности и еще раз удостоверившись в правильности первоначальных выводов, мы все же рискнули сделать небольшой привал. Тем более, что сразу найти выход из скорбного места у нас не получилось. Женька, утомившись переживать, со вздохом присел на одно из каменных оснований и пристально всматриваясь в мою искаженную морду, проговорил:

«Ты идиот, Тихон. А в образе чудища идиот вдвойне. Начерта ты приволок нас на этот погост? Скорей всего тут где-то поблизости бродит сторож, и сейчас он обязательно сбежится на шум. Как ты объяснишь ему свое нахождение здесь? Скажешь, что пришел навестить дядюшку? Так ты и этого не скажешь. Ну промычи мне, как нам выбраться из очередной жесткой ситуации, а?»

Я с искренним изумлением слушал Женькины откровения, не в состоянии напомнить ему, что он первый перелез через стену, а что касается сторожа, то тот наверняка не станет поднимать панику, поскольку давно привык ко всякого рода явлениям. Вместо долгих объяснений, я присел рядом с приятелем и машинально принялся обрывать растения, украшавшие чей-то вечный приют. Внезапно меня привлек очень знакомый запах, источаемый сорванной травой. Каково было мое изумление, когда в растении я узнал редкую лекарственную траву, способную творить чудеса в области медицины. Я, повинувшись порыву, набил карманы безразмерных штанов ценным растением и на всякий случай огляделся по сторонам. Почти каждое надгробие было обсажено лекарственными травами, которые давно уже считались редкими и имели баснословную ценность в кругах практикующих врачей. Увидев перед собой благую цель, я богохульно принялся обносить могилы, с жадностью пихая в карманы лекарственные образцы. На все Женькины ошарашенные взгляды и реплики я только многозначительно взрыкивал, предлагая ему заткнуться. Когда мои запасы пополнились, я удовлетворенно выдохнул и снова занял место возле обалдевшего брата.

«Ты чего это, Тихон? — едва слышно проговорил он, — чего ты ползал тут по грязи? Придумай лучше, как нам свалить отсюда. Местные пейзажи вызывают оторопь и романтике не способствуют. Я хочу домой, Тихон. Отвези меня хотя бы в горы. Там, разумеется, у меня и дома-то никакого нет, но там я привык. Знаешь, последние лет пятнадцать я жил на склонах и вполне был доволен жизнью.»

Пока Женька предавался тоскливой ностальгии, позади нас послышались чьи-то размеренные шаги. Мое живое воображение мигом нарисовало пугающие иллюстрации к эпизодам зомби апокалипсиса, сопроводив их разными звуковыми эффектами. Поэтому, когда перед нами возник скрюченный дед, явно живого происхождения, я испытал нечто вроде разочарования.

«Кто вы такие и чего тут делаете? — очень равнодушно прошамкал он, а в моей голове прозвучала Женькина реплика о покойном дядюшке.

«Мы заблудились, — без затей озвучил Женька, — пришли навестить родственников, но не нашли их надгробий. Помогите нам выбраться отсюда.»

Дед еще больше скрючился, видимо так пытаясь четче осознать услышанное и недоверчиво уточнил:

«Они что же, прямо тут проживают?»

«Кто? — озадачился Женька.

«Ну, родственники эти ваши, — охотно проговорил дед, — к которым вы пришли?»

Женька уставился на неясного собеседника и с сомнением повторил:

«Они умерли давно, разумеется.» — в речи Женьки зазвучала неуверенность, а я подумал, насколько точны наши выводы относительно погоста.

Дед с пониманием кивнул и сделал знак следовать за ним. Мы бодро приподнялись с насиженных мест и пошлепали за загадочным проводником, осторожно обходя сровнявшиеся с землей старые могилы. Дед своим совершенно безучастным видом странным образом располагал к разговору и любопытный Женька, не удержавшись, весьма смело

поинтересовался:

«А что, в вашем городке справились с эпидемией? Каков процент заболеваемости?»

Женька умело жонглировал привычными фразами, последние пять лет наводнившими все средства массовой информации, однако для деда они прозвучали будто бы впервые.

«Заболеваемости? — переспросил он, — ну было пару случаев, конечно. Прошлой зимой Иннокентьевна слегла, думали все, кранты. Ну да ничего, оклемалась. Сейчас вот бегают, скандалы учиняет. Покоя от нее нет!»

Женька вопросительно оглянулся на меня и ничего уточнять не стал, опасаясь вызвать ненужные вопросы. Дед, погрузившись в события прошлой зимы, принялся перечислять другие напасти, никак не связанные с всемирной эпидемией, подробно останавливаясь на проблемах подвоза питьевой воды и постройке нового склада для леса.

«Совсем от рук отбились, ироды, — сокрушался он, — то у них пьянка, то свадьба, а сарай-то недостроенный стоит. Зима на носу, а куда лес сгружать?!»

«А твари? — пошел ва-банк любопытный Женька, — они у вас появлялись?»

Дед снова хмыкнул, с трудом переключаясь с бытовых реалий на мировые проблемы.

«Ну так и зимы еще не было толком, — рассудительно заявил он, — все твари с наступлением холодов сбегаются, только держись. Прошлой зимой мне корову загрызли, единственная кормилица была. Мужики, те, что помоложе, облаву устраивали, отстреливали целыми выводками, да толку-то. За лето наплодятся и по-новой! Волки звери лютые, но умные. За то и уважаю!»

По всему выходило, ни о каких преображенных тварях, терзающих целый мир, в Нордсвилле не слышали, а самой страшной проблемой для местных жителей являлись стаи волков. Конечно, сделанные выводы требовали подтверждения, и слова старого деда принимать на веру не стоило, но Женька ободрился и тем, что уже услышал. Весь его вид говорил о желании продолжить беседу, но впереди показались очертания кладбищенских ворот и разговор пришлось прервать. Дед кивнул нам, прощаясь, но на минуту задержался и с интересом посмотрел на меня.

«А с тобой что приключилось? — все так же равнодушно пробормотал он, — странный ты какой-то. Зубы болят?»

Я весьма правдоподобно закивал, а дед, загадочно усмехнувшись, знаком приказал подождать его у ворот.

«Что происходит, Тихон? — забормотал Женька, как только дед скрылся за высоким надгробием, — вероятно сюда эпидемия просто не дошла. Если ты прямо сейчас кого-нибудь тут покусает, то станешь основателем проблем, поинтересней недостроенного сарая».

Дед вернулся и протянул мне сморщенный пучочек какой-то травы, аккуратно перетянутый толстой шерстяной ниткой.

«Пожуй на больном зубе, боль и отпустит, — напутствовал он, разворачиваясь, чтобы уйти обратно за высокое надгробие. В свете изложенных новостей я без смущения продемонстрировал деду уродливую конечность, забирая угощение, а дед снова притормозил, вспоминая траву от очередного моего недуга. Видно, сразу на ум ничего не пришло, и он наконец-то оставил наше блистательное общество насовсем.

«Пойдем отсюда, — вполне обыденно проговорил Женька, косясь на гербарий, — пожуй, Тихон, хуже не будет.»

Я просунул под широкое забрало сморщенное лекарство и с удивлением обнаружил, что

оно состоит из нескольких растений, одно из которых показалось мне знакомым. Именно такую траву я собирал нынче ночью, оскверняя чье-то вечное пристанище.

Торчащие из пасти слюнявые зубы, здоровые и крепкие, мешали мне по достоинству оценить вкус и пользу предложенного угощения. Сожрав пучок, я сыто рыгнул и невнятно прогудел:

«Я скучаю по тому времени, когда мог, не стесняясь, жрать коньяк, заедая его бесполезными нарезками.»

После чего испуганно остановился и повторил еще раз:

«Я скучаю по тому времени, когда...»

«Я тебя понял, Тихон, — тут же отозвался Женька, — надеюсь, это не единственная фраза, которую ты научился произносить.»

Осенний внезапной мыслью, я сдернул с морды синтетические вериги, и в то же мгновение откуда-то сбоку раздался испуганный возглас. От неожиданности я повернулся к источнику звука и вызвал истерический припадок у довольно молодой женщины, случайно оказавшейся поблизости.

«Надень шарф обратно, Тихон, — угрожающе прошипел Женька и принялся успокаивать разволновавшуюся мадам. Она не слишком поддавалась Женькиным красочным объяснениям моей сказочной внешности. На все его рассказы о нападении на меня стаи диких волков, женщина только шумно вздыхала и прижимала к лицу дрожащие ладони.

«Ох, вот ведь, горе какое! — повторяла она, не сводя с меня настороженных глаз, — покоя нет от этой напасти. Прошлой зимой целыми стаями приходили из леса, могли и человека загрызть!»

Женька сочувственно кивал и попутно выяснял у милой горожанки, где возможно отыскать недорогой ночлег двум измотанным странствиями путникам.

«У нас нет ни единой монеты, — проникновенно признавался Женька, — но мы можем отплатить за ночлег какой-нибудь работой по дому. Я умею готовить, еще неплохо плотничаю, хорошо считаю, а мой друг разбирается в медицине.»

Разрекламировав наши немногочисленные умения, Женька вызвал у незнакомки искреннее сострадание, и она, немного успокоившись, вполне доброжелательно произнесла:

«Я живу тут неподалеку. И у меня действительно найдется для вас домашняя работа.»

Глава 17.

В Нордсвилле все оказывалось неподалеку. По счастливому стечению обстоятельств, милая барышня, представившаяся нам Тихомирой, жила напротив кладбища в приземистом уютном домике. Во всех трех комнатках царил тот идеальный порядок, что сопровождает очень аккуратных хозяек, живущих без мужа. Дом основательно требовал ремонта, и мне становилось понятно, почему добросердечная леди так легко согласилась принять на постой двух незнакомых мужиков. Тихомира любезно усадила нас за идеальной чистоты стол, гостеприимно размещая на его внушительной поверхности разнообразную снедь. Истосковавшийся по нормальной еде Женька только потрясенно взмахивал руками, оценивая изобилие настоящих харчей. Тихомира, сдержанно улыбаясь, бросала на Женьку заинтересованные взгляды, рождая во мне глухое недовольство. В любой другой ситуации я без труда бы завоевал ее внимание, оставив Женьку за бортом, однако сейчас, неисправимый бабник всюду пользовался случаем, расточая миловидной хозяйке ласковые улыбки. К моменту завершения торжественной части, Тихомира была сражена наповал Женькиным обаянием, оставив на мою долю несколько сочувствующих взглядов и глубоких вздохов.

В наше распоряжение была предоставлена одна из трех комнат, скромно обставленных самодельной мебелью, изрядно потрепанной временем. Когда за гостеприимной хозяйкой закрылась дверь, я не удержался и мстительно пробубнил, не до конца освоив вербальные премудрости:

«Ты делаешь успехи, Варвар-завоеватель. Возможно после того, как ты продемонстрируешь хозяйственной Тихомире свое столярное мастерство, она позволит тебе похвастаться и другими умениями!»

Женька самодовольно хмыкнул и доверительно сообщил:

«Кажется, ты прав, мой звероподобный друг. Думается, мне и не придется напрягаться с тесаками и рубанками!»

Моя внутренняя дикая тварь, с таким трудом укрощенная и затихшая, вновь зашевелилась в глубинах подсознания, поскольку я, не дав развить Женьке чудесные мысли, угрожающе зарычал, скаля зубы. Бродяга тут же напрягся и вполне миролюбиво закончил:

«Да вот только я не собираюсь разводиться тут шашни. К тому же Тихомира не в моем вкусе»

Наутро ответственная хозяйюшка решила заполировать произведенное раньше впечатление, и, дождавшись нашего пробуждения, пригласила к богато накрытому столу. Того, что было призвано служить нашим завтраком, нам с лихвой хватило бы дней на десять, а если включить режим экономии, то неделю мы могли бы питаться только пирогами, заботливо поданными к чаю вместе с кувшином домашних сливок, неизменным куском домашнего сыра и чего-то такого, чему я не знал названия.

Женька, не забывая мою ревнивую реакцию на проявление всякого вида ухаживаний, держался степенно и в разговоры не лез. Тихомира, усевшись напротив, тут же принялась жаловаться на горькую судьбу, ненароком перечисляя все то, что могло бы пойти в уплату нашего долга. Жалостливый Женька, не выдержав хозяйственного натиска, вставлял

уточняющие вопросы, косясь в мою сторону и отслеживая реакцию. Сегодня его неисправимый кобеляж больше не выбешивал меня, и я благосклонно вызвался помочь ему чинить стену сарая, ставшую первым номером нашей хозяйственной программы.

«Ты поправишься, Тихон, — начал миротворец Женька, едва мы остались один на один с покосившейся стенкой, — речь к тебе уже вернулась, значит и остальное тоже сможет восстановиться. К слову, если не демонстрировать твою жуткую пасть, тебя можно назвать весьма привлекательным. Тихомира просто не до конца оценила все твои скрытые достоинства.»

Подобные ободрения звучали слишком жалостливо, чтобы вернуть мне прежнюю уверенность, и я переключил Женькино внимание на более насущные дела. До самого обеда мы провозились на заднем дворе, восстанавливая руины сарая. Тихомира время от времени навевалась к нам, останавливаясь в нескольких шагах и придирчиво оглядывая результаты нашей неторопливой работы. В таком режиме мы провели несколько дней, неизменно каждое утро отправляясь во двор исполнять разные поручения. Женщина держалась с нами приветливо, однако к откровенным разговорам не стремилась, поэтому для нас стало большой неожиданностью появление однажды утром пары детишек-погодок. Тихомира возилась с обедом в доме, и поэтому мы стали первыми, кто попал в поле зрения любопытной детворы.

«Привет, — довольно решительно обратился к нам карапуз лет пяти, — вы с мамкой живете?»

Женька весело хрюкнул, а я решил промолчать, не уверенный в красоте звучания собственной речи.

«Мы помогаем ей по хозяйству, — уточнил мой приятель, незаметно подмигивая мне, — а вы откуда тут взялись?»

«Нас бабушка выгнала, — охотно объяснила девчонка, выглядевшая немного постарше, — сказала, чтоб обратно уматывали, а то мамка новых хахалей завела. Вот мы и вернулись. Вы к ней надолго?»

Женька пожал плечами, становясь серьезным.

«Пока не выгонит,» — отозвался он, прилаживая доску к забору.

«Значит ненадолго, — резюмировала девочка и презрительно скривилась. — ее прошлый хахаль три недели продержался. А кто вы такие?»

Девчонка сообщала интригующие подробности так естественно, как будто в Нордсвилле считалось доброй традицией менять мужиков каждую пару недель. Во мне заговорил шкодливый пацан, и я решил наглядно объяснить странной девчонке, кто на этот раз поселился в доме их матушки. Откинув с морды неизменный шарф, я «приветливо» улыбнулся, чем вызвал у девчушки бурю неподдельного восторга. Мальчишка же попросту зажмурился, выражая полное нежелание поддерживать со мной дружеские отношения.

«Ух, ты, — искренне восхитилась она, — чудище! А ты чего такой? Я на ярмарке осенью видала громадную собаку, всю черную и пасть у нее такая же была. Ты тоже собака?»

Я замотал шарф обратно и только кивнул. Хулиганский азарт прошел, когда я вспомнил, что отныне я вынужден вызывать только такую реакцию у всех, кто не побоится глянуть в мою сторону. Дети еще некоторое время переминались с ноги на ногу, поглядывая на новых гостей, после чего направились к дому.

«Вот так, друг мой Женька, — подвел я итог состоявшимся переговорам. — милая

хозяйюшка превратилась в обычную любительницу погулять, а заодно и подлатать пошатнувшееся хозяйство. Пойдем обедать, приятель, забор готов.»

Женька коротко кивнул и, сложив инструмент, зашагал к дому. Тихомира снова радовала нас разносолами, старательно демонстрируя скромность воспитания и кроткость нрава.

«А что же детвору не позвали, хозяйюшка? — поинтересовался нетактичный Женька, — тут на всех хватит.»

Тихомира, не меняя смиренного выражения милого личика, только махнула рукой.

«Наиграются, сами прибегут, — равнодушно отозвалась она, — видать к трактиру помчались, на пожар глядеть.»

«На пожар? — тут же заинтересовался Женька, — в трактире?»

Мне на память пришли события недельной давности, с шумными разборками и битьем посуды, состоявшимися в упомянутом трактире. Не удержавшись, я решил впервые подать голос.

«В трактире у Гурвина?» — глухо проговорил я, прилагая к изложению фразы все усилия.

Тихомира вздрогнула от непривычного звучания и кивнула.

«Гурвин жадный и злой человек, — неожиданно произнесла она, — у него много недругов. Последнее время его оставили в покое, забыли про его существование. Но неделю назад его главный соперник в ночлежном деле снова объявился. Гурвин ему монет должен, да все никак не отдаст. Вот конкурент и злиться. Ночью к нему заявился, драку учинил. Мебель поломал, посуду побил. Да и поделом!»

Местные разборки конкурирующих организаций не вызвали во мне никаких эмоций. Во все времена люди топили друг друга, пытаясь выжить в условиях жесткого бизнеса, поэтому и Гурвин, и его взыскательный собрат по цеху оставил меня равнодушным.

Жизнь в Нордсвилле постепенно возвращала нам размеренное и неторопливое восприятие действительности. Время, проведенное в провинциальном городишке можно было сравнить с переваренным киселем, вязким и безвкусным. Через пару дней после пожара в трактире милая Тихомира известила нас о закончившихся домашних делах и намекнула на скорое расставание.

«У семейства ежей недавно крыша обвалилась, — сообщила она нам шокирующую новость, прощаясь у порога, — вы можете помочь им, я думаю, они не откажут.»

Женька, едва сдерживая ржач, с трудом уточнил адрес несчастного семейства и поблагодарив за приют, уверенно зашагал прочь.

«Пойдем, поживем у ежей, — пробормотал он, отыскивая нужную улицу, — кем бы они не оказались. А когда мыотремонтируем здесь весь город, пойдем обживать новые территории.»

Загадочное семейство к ежам не имело никакого отношения. Хозяин, огромный плечистый мужик, настороженно выслушал наши предложения, и нехотя посторонился, пропуская в дом.

В день знакомства мы узнали от любезной госпожи Ежихи, что подобная практика проживания давно принята в благородных семействах и ничего, кроме уважения, не вызывает.

«А всякие нездоровые фантазии оставьте при себе, молодые люди, — наставительно объявила матрона в ответ на наши двусмысленные комментарии.»

Конечно, вместо того, чтобы таскаться по чужим дворам, нанимаясь на работу, мы могли бы заночевать в какой-нибудь канаве, а наутро стащить пару кусков пирога на местном рынке. Однако давние отголоски воспитания диктовали нам свои условия, не позволяющие скатываться в маргинальную бездну. К тому же мне начинало нравиться шокировать наивных граждан своим нестандартным видом. Мы с Женькой давно приняли обнадеживающую мысль о полном неведении местных о мировых катастрофах и катаклизмах, и уже без опасения демонстрировали пугающие последствия незнакомого им недуга. Господин Еж, впервые увидев мои чудовищные лапы в сочетании со слюнявой мордой, долго шептал слова молитвы и взмахивал руками, ограждая себя от потусторонней скверны. Потом, немного пообвыкнув, на второй день уже с видимым, почти научным интересом разглядывал мою пасть, норовя влезть в нее грязными пальцами.

«Как же тебя так угораздило? — сокрушался он, не отводя от страшной рожи любознательных глазок, — такой молодой и такой уродливый, бедолага!»

Главе Ежей было незнакомо чувство такта, впрочем, он и не скрывал свою невоспитанность, неустанно повторяя о простоте местных нравов и открытых людях. Весь второй день мы провели с Женькой, латая прохудившуюся крышу, то и дело прыгая вверх-вниз, и мечтая о крепком здоровом сне. Даже мое почти звериное здоровье сдавалось под натиском требовательного Ежа, неизменно появляющегося во дворе контролировать нашу работу, и время от времени угощать весьма сытным не то обедом, не то очередным завтраком.

«Силы должны восстановиться, — наставительно повторял он, пичкая в нас куски прожаренного мяса и домашнего сыра, — иначе не будет слаженной работы!»

Когда, наконец, с крышами было покончено, добросердечный хозяин снова пригласил нас к богато накрытому столу. Что говорить, в Нордсвилле пожрать любили. С каждого края необъятной обеденной мебели свисало по внушительному куску копченого мяса, а центр стола украшали обязательные пироги с разными начинками. Женька только вздохнул, незаметно хлопая себя по отожравшимся бокам.

«Тихон, я не хочу обидеть хозяев, но неужели это их ежедневный рацион? — прошептал он, наклоняясь к моей слюнявой морде, — всего этого мне хватило бы на год. Я больше не могу столько жрать, сотвори нам какое-нибудь чудо, избавляющее нас от непрерывного жрача.»

Чудес я сотворять не умел, но стоило нам в который раз сесть за стол, как за окном послышались чьи-то испуганно-обозленные крики и отчетливый топот сотен ног. Так во всяком случае, показалось мне, когда взволнованный Еж распахнул входную дверь, знакомясь с ситуацией. В Нордсвилле явно произошло что-то выходящее за привычные рамки. Обычно тихий городишко был наводнен местными жителями, большинство из которых были вооружены факелами, а оставшиеся многозначительно перебрасывали из руки в руку топоры и лопаты. Вся толпа целенаправленно двигалась к ежиной норе, выкрикивая оскорбительные слова, правда, не понятно, кому адресованные.

«Я сотворил тебе чудо, — хмыкнул я, наблюдая за толпой, — вряд ли социально активный Еж возобновит прерванную трапезу и не примкнет к народному восстанию»

Когда решительно настроенные граждане приблизились ко двору ежиного семейства на расстояние нескольких метров, мы с Женькой отчетливо расслышали угрожающее:

«Сжечь колдуна! Сжечь! Долой! Прочь из нашего города, грязный урод!»

Женька негромко хмыкнул и повернувшись ко мне в пол-оборота, негромко

прокомментировал:

«Похоже, пришли по твою душу, Тихон. Чудо ты уже сотворил, а что касается твоей красоты...»

Я только недовольно рыкнул, привычно реагируя на Женькины приколы, однако дальнейшие события, показали, что в его словах есть доля истины.

Самый смелый из восставших, или самый обозленный, решительно вышел вперед и грозно проорал, обращаясь к Ежу:

«Зови сюда грязное чудовище, да поживее, любезный! Если не желаешь увидеть, как исчезает в огне твое жилище!»

Еж, не вдаваясь в подробности, послушно подтолкнул меня на крыльцо, демонстрируя готовность слиться с толпой и не желая народного осуждения. Я на всякий случай, угрожающе зарычал, и вполне по-человечески поинтересовался причиной столь живого интереса к моей персоне.

«Ты сжег трактир, а теперь и домик несчастной Тихомиры! Ей и так здорово досталось, когда прошлой зимой ее мужика растерзал лютый волк. Так ты, уродище, не постеснялся лишиться несчастную ее последнего имущества!»

Эту непонятную отповедь озвучил все тот же активист, угрожающе потрясая увесистым топором, а я вполне справедливо уточнил, когда я мог поджечь этот самый дом, если два дня подряд скакал по крыше господина Ежа? Однако местные отличались не только простотой нравов, но и невероятной упертостью. Вбив однажды себе в голову единственную идею, они были готовы сложить за нее головы. Ну или предать казни ни в чем не повинного человека. Или дикую тварь. Или кого угодно, лишь бы остаться при своем.

«Мы уйдем! — прорычал я, вкладывая в слова всю убежденность, на которую был способен, — мы не желали зла никому из местных, и все что произошло, это просто случайность!»

«Ты злой колдун! — тут же раздалось в ответ, — бедняга Потапыч, после разговора с тобой сломал ногу и теперь проклинает тебя, тварь!»

Мне не был знаком Потапыч, к тому же я не вел ни с кем душевных бесед до встречи с Ежом, но я привычно не стал спорить с упертыми гражданами, и рванул вглубь двора, рассчитывая уйти огородами. Женька резво метнулся за мной, разгадав мой замысел. Туповатые нордсвилцы неловко зашевелились, меняя дислокацию, но пока до них дошел мой коварный план, мы с Женькой бодро неслись в сторону леса, до краев наполненного дикими тварями, рвунами все живое на куски.

Глава 18.

«Тихон, — переводя дыхание пробормотал Женька и тяжело рухнул под елку, — что с тобой не так? Как ты умудрился выбесить самых мирных и безобидных граждан? Где еще мы отыщем подобное поселение, жители которого способны кормить до отвала только за то, что ты кое-как латаешь им дырявые крыши и криво сбиваешь покосившиеся заборы?»

Граждане Нордсвилла не казались мне такими уж безобидными, учитывая их решительное желание предать меня очищающему огню.

«Они просто необразованные и наивные, — пробормотал я, в глубине души надеясь, что

не ошибся в определении, — им не знакомы всякие теории и схемы, они видят только то, что видят, не желая размышлять. Дура Тихомира часто оставляла свою печку без присмотра, уставляя ее всякими кипящими плошками и кастрюлями, и украшая полы на кухне плетеными из сухой соломы ковриками. А жадина Гурвин достал своего кредитора вечными отмазками и отсрочками. Про Потапыча я не скажу ничего, поскольку даже представления не имею, о ком идет речь. Но уверен, что мое вмешательство в его неуклюжесть минимально.

Женька вежливо выслушал мои научные выкладки и уточнил, где я рассчитываю провести грядущую ночь.

«По словам все тех же недалеких и необразованных, — занудно завел Женька знакомые песни, — в этом лесу водятся негостеприимные твари-волки, жрущие людей и наводящие ужас на все живое. А за пределами этого леса тебя поджидают нордсвилцы. Решай, Тихон, куда нам податься в этот раз?»

Выбор действительно был невелик, но я не собирался сдаваться просто так. Единственно, что вызывало у меня сожаление, было отсутствие теплых вещей. Я мог еще перекантоваться даже на снегу, обладая суровой жесткой шкурой, покрытой щетиной. А вот Женька, имеющий в арсенале только вытертые дорожные штаны и такую же куртку, подвергался серьезной опасности. В город путь был нам закрыт, поэтому все, что нам оставалось, отдаться на милость местных волков и отыскать себе подобие берлоги. Женька с грустью поднялся и обреченно поплелся за мной следом, равнодушно поглядывая по сторонам.

«Тихон, — проговорил он, спустя час бесцельного блуждания по раскисшим тропинкам, — давай вернемся к берегу, там возможно у нас остался наш катер. В нем мы сможем переждать непогоду, и снег, и нашествие волков в компании нордсвилцев. Я устал и хочу спать. Не забывай, мы с самого рассвета чинили нору неблагодарному Ежу.»

За всеми хозяйственными хлопотами я совсем забыл о существовании нелепой посуды, оставленной нами у берега. В Женькиных словах угадывался здравый смысл, исключая тот факт, что берег, как впрочем, и набережная, и сам катер, находились на территории Нордвилла, а туда, как известно, нам был путь закрыт.

«Ты же можешь передвигаться совершенно бесшумно, — напомнил мне Женька, — в этом твое преимущество. Давай проберемся ночью, или ранним утром, пока еще все спят. Ты заметил, что нордсвилцы отчаянные сони, начинающие день ближе к обеду?»

Я этого не заметил, но пообещал обдумать Женькино предложение сразу после того, как мы избавимся от прилипчивых горожан, решивших устроить крестовые походы в нашу честь. Мои замечание были подтверждены усиливающимся шумом, доносящимся со стороны города. Неугомонные нордсвилцы, разобравшись наконец, в наших задумках, снарядили отряд, и прямо сейчас он двигался в направлении страшного леса.

«Уходим, Женька, — повторил я ставшую привычной фразу, подтягивая измотанного брата за собой.

Лес, через который мы ломались, казался нам бесконечным. Отовсюду нам под ноги лезли обломанные ветки, переплетенные самым замысловатым образом, сухие листья и молодая поросль, в беспорядке проклюнувшаяся из земли. Мои невосприимчивые лапы легко преодолевали суровые испытания, а вот Женьке приходилось несладко. Сбегаая с острова, никто из нас не озаботился проблемой обуви, впрочем, у нас не было большого выбора. Мы могли либо сбежать босиком, либо стянуть тяжелые кирзовые сапоги с

валяющихся по берегу трупов. Второй вариант привлекал не сильно, и мы остались без сапог. Теперь Женька расплачивался за свою излишнюю сентиментальность, сбивая в кровь босые ступни. Миновав значительную часть неведомого леса, мы решили притормозить, тем более, что трусоватые аборигены давно прекратили погоню, не рискнув соваться в опасные заросли. Женька, почуяв остановку, незамедлительно рухнул на землю и едва справляясь с дыханием, пробормотал: «Тихон, нет ли у тебя какой-нибудь тряпки, я ног не чую. И это не фигура речи.»

Тряпки у меня не было, но были растения, набранные на нордсвилльском кладбище. Среди них я отыскал одно, способное заживить любую рану в считанные часы. Но для этого мне необходимо было заварить чудо-снадобье. Это вызывало проблему. Среди густых веток и стволов вряд ли я сумею осуществить задуманное. Я неловко обтер с Женькиных лап наполовину свернувшуюся кровь и негромко присвистнул. Ну, я так думал, что присвистнул, на самом деле у меня вышел весьма уверенный взрык. Женька испуганно поднял на меня уставшие проваленные глазищи и едва слышно выдохнул: «Берегись, Тихон!»

Я интуитивно метнулся вбок, перекатываясь на живот и заслоняя собой тощую Женькину тушку. Сделал это я несомненно, очень вовремя, поскольку в ту же секунду над нашими головами просвистела вполне себе настоящая пуля. А следом за ней раздался отборнейший мат автора выстрела.

«Вы чего тут делаете?!» — возмущенно проорал охотник или кем был появившийся человек, крепко сжимающий в руках старинное ружье.

Я не рискнул оборачиваться, чтобы не спровоцировать ненароком незнакомца выпустить в меня еще парочку патронов, а вот Женька, выбравшись из-под моей внушительной туши, со всей любезностью отозвался.

«Мы заблудились, — покаянно объяснил он наше появление, — и теперь совершенно не имеем представления, как выйти к цивилизации.»

Охотник, выслушав пояснение, важно кивнул и степенно поведал нам, что никакой Цивилизации поблизости не предвидится, а есть только Нордсвилл, но до него нужно пройти несколько километров, двигаясь на восток. В словах мужика была изрядная доля правды, но видимой пользы она нам не добавила. По всему выходило, что Нордсвилл единственный населенный пункт на всем видимом пространстве.

«Впрочем, — доброжелательно добавил он, — могу предложить вам дождаться рассвета в моей сторожке, а после двинуться в путь. Вам здорово повезло, что вы взяли немного влево. На другой стороне водятся злые твари. Сейчас они не очень активны, но с наступлением холодов выходят к жилью.»

Я продолжал лежать, уткнувшись мордой в землю, и Женька, видя мое замешательство, вежливо поблагодарил охотника и предупредил, что второй скиталец немного страшноват.

«Он безобидный и очень добрый, но генетическая мутация сотворила с ним злую шутку, — проникновенно вещал Женька, косясь в мою сторону, — не бойтесь его, он не причинит вам зла»

Охотник с любопытством уставился на меня, и я рискнул явить ему свой чудный лик.

«Ох, ты ж, твою душу! — весьма эмоционально отозвался он и перекрестился, — как ты говоришь, звали ту бабу?»

«Какую бабу?» — недоуменно переспросил Женька.

«Ну, что с ним это сотворила? Мутация? Она немка, что ли? Любовница? Ревнивая поди! Ну да бабы все дуры, а мы опосля страдаем за их коварность!» — охотник оказался

весьма романтичным и, поведав сокровенное, тут же проникся ко мне неземной любовью.

Его сторожка разместилась в очень живописной части непролазного леса. Над ее справной бревенчатой крышей заботливо склонялись тяжелые ветки каких-то особо крупных деревьев, а перед крепкой дверью расстился ковер из жухлой листвы и травы.

«Я-то считай, всю жизнь в лесу живу, — разоткровенничался мужик, с жалостью поглядывая в мою сторону, — в городе последний раз был прошлой зимой, когда нашествие волков одолело Нордсвилл.»

Продолжая бормотать, он принялся хлопотать на некое подобие кухни, ставя на огонь странного вида чайник, больше напоминающий котелок, и извлекая откуда-то ставшие привычными куски сыра и пирога. Наблюдая за его размеренными движениями, я невольно подумал, а кто ему напек столько пирогов, раз он безвылазно торчит в лесу почти год.

«Так я сам, — охотно отозвался мужик на мои невысказанные мысли, — а чего мне еще тут делать? Я продуктов себе с прошлой осени привез, вон в подпол складываю припасы. Вот от нечего делать и стряпаю себе. Не хуже бабы наловчился!»

Упомянув коварных баб, он опасливо покосился в мою сторону и в миг перевел беседу в деловое русло.

«Что слышно в большом мире? — заботливо поинтересовался он, — как там великий ледник? Помню, много горя принес он рыбакам, захватив собой все побережье. Ну, да это дело прошлое, конечно, справились с ним, и следа не осталось!»

Женька многозначительно кивнул, подтверждая информацию, и на его рожице отчетливо проявилось недоумение. О каком леднике шла речь, если в последние пятнадцать лет растаял последний арктический айсберг, продержавшийся рекордно долгое количество времени. Вероятно, одичавший лесник совсем потерял связь с реальностью, или с ним делятся новостями нордсвилльцы, видящие мир под особым углом.

Пока разговорчивый хозяин выяснял события большого мира, вода в котелке забурлила, и я, порывшись в широких карманах, извлек пучок засохшей травы, собранной на местном кладбище. Лесник, наблюдая за моими манипуляциями, только снисходительно хмыкнул, в свою очередь выуживая из собственных запасов целые пласты свалевшихся растений.

«Выбрось этот мусор, — хмыкнул он, — я угощу вас самым настоящим, лучшим во всей округе, чаем из трав, способных поднять на ноги даже после встречи с лютыми тварями»

Разумеется, добродушный хозяин имел в виду волков, стаями атакующих мирное население, однако при его словах Женька завозился, бросив на меня тревожный взгляд. Эти движения заставили меня обратиться к делам насущным, и я приступил к зельеварению. Вероятно, гостеприимного охотника обидело мое равнодушие относительно его приглашения выпить с ним чайку, поскольку он, не говоря ни слова, вышел за дверь, утаскивая с собой волшебные снадобья. Женька неловко подтянул к себе израненные ступни, обхватывая их ладонями.

«Потерпи, Женья, — хотел сказать я, но вместо ставших уже привычными слов, снова издал визгливый пронзительный звук. Женька вздрогнул, но больше никак не отреагировал. Наконец, вода в котелке выкипела, оставляя на самом дне вываренную зеленую жижу, концентрирующую в себе все полезные лечебные свойства. Я аккуратно нанес получившуюся мазь на ободранные Женькины ноги, и неожиданно перед моими глазами возник давний эпизод моей врачебной практики, когда я, спасая от обморожения одного неловкого типа, так же бинтовал ему кровавые лапы. Почему-то именно эти воспоминания пробудили во мне желание пополнить запасы жизненной энергии, но только не с помощью

глупых химических концентратов или домашних пирогов. Мне захотелось почувствовать вкус настоящего живого человеческого мяса. Я, как мог, гасил в себе опасные порывы, доводя до конца медицинские процедуры, однако, когда были наложены последние штрихи, моя звериная сущность подняла голову, и я злобно оскалился на замершего Женьку. Не дожидаясь, пока мои инстинкты возьмут надо мной верх, я приподнял обмазанного зеленой жижей Женьку, и словно тряпичную куклу, вытолкал его за дверь, не в состоянии внятно произнести ему: «Беги!»

Глава 19.

Женька, неуклюже вывалившись из охотничьей сторожки, больно ударился о торчащую из земли корягу и настороженно замер. Он уже успел привыкнуть к новому образу брата, а вновь обретенная способность Тихона извлекать из себя человеческую речь и вовсе внушила расслабившемуся Дергачеву мысль о грядущих счастливых переменах. И вот теперь, вместо того, чтобы по праву наслаждаться этими самыми переменами, Женька опасливо прислушивался к звукам, доносившимся из сторожки. Вдруг крепкая бревенчатая дверь распахнулась, и на пороге показался Тихон. Его некогда яркие синие глаза заволкло мутной пеленой звериного желания уничтожить, а слюнявая пасть изрыгала весьма красноречивое рычание. Женька не стал взывать к здравому смыслу и напоминать Тихону об основах воспитания, его собственные инстинкты вопили ему о нависшей опасности и предлагали поскорее скрыться из поля видимости твари, которая окончательно поглотила его несчастного брата.

Женька резво вскочил на едва подлеченные ноги и рванул в заросли, не дожидаясь активных движений со стороны чудовища. Тварь немного постояла в дверях, давая Женьке фору, после чего призывно взвизгнула и заторопилась следом, боясь упустить из вида ускользавшую добычу. Тварь ломилась сквозь причудливо переплетенные ветви, с хрустом разламывая попадавшиеся на пути молоденькие деревца, и продолжала рычать и разбрызгивать в негодование слюни. Ей не составляло труда отыскать Женьку в незнакомом лесу по хриплому дыханию, со свистом вырывающемся из загнанных легких, по кровавым следам, оставленным израненными Женькиными ногами, по едва уловимым запахам и звукам, недоступным простому человеческому существу. Однако тварь не торопилась. Женька слышал шум погони, и даже видел мелькающую в зарослях внушительную фигуру, и с минуты на минуту ждал неминуемого захвата, который тварь решила отложить на неопределенное время. Женькины силы заканчивались, разбитые ноги не позволяли продолжить сумасшедший кросс, а сгустившиеся лесные сумерки лишали возможности ориентироваться на чужой территории. Женька сбавил обороты, переходя на быструю ходьбу, пока наконец и вовсе не остановился, сгибаясь пополам и выплевывая легкие в надрывном кашле. «Если тварь решит сожрать меня прямо сейчас, — мелькнула безразличная мысль, — она знает, как меня найти».

С этим очевидным решением Дергачев тяжело рухнул рядом с повалившимся гнилым стволом и закрыл глаза. На него навалилась странная апатия, лишаящая воли и пробуждающая в Женьке небывалого фаталиста. Спать, само собой, Женька не собирался, продолжая прислушиваться к вязкой тишине, навалившейся со всех сторон. Тишина пугала больше, чем самые громкие звуки, и не позволяла расслабиться. Из тревожного оцепенения Женьку вывело отчетливое понимание постороннего присутствия. Дергачев вскочил на ноги и, развернувшись, уставился на замершее в паре шагов неведомое существо, которое

настороженно оглядывало его пронзительно-желтыми глазами и скалило пасть. Обалдевший от погони Женька не сразу опознал в загадочном пришельце обыкновенного волка, в сравнении с одичавшим Тихоном, показавшимся ему мирным и совершенно домашним.

«Приветствую», — глупо пробормотал Женька, забывая о неоднократно озвученных историях о диких облавах на серых хищников.

Волк угрожающе взрыкнул, и внезапно неподалеку засветились еще несколько десятков таких же желтых внимательных глаз. В темноте Женька смог различить неясные очертания внушительных серых туш, медленно стягивающихся к своему вожаку. Они двигались совершенно бесшумно, уверенно и неотвратно, сжимая ошарашенного Дергачева в тугое кольцо. Варвар попытался отыскать лазейку среди непрерывного светящегося круга, однако быстро понял, что благодаря отточенным и слаженным движениям серых хищников, такой лазейки не будет.

«Видно, наивные нордсвилыцы были не так уж наивны, опасаясь матерых обитателей дикого леса, — размышлял Женька, обреченно глядя на замерших в шаге от него настороженных животных. — что ж, зато я теперь избавлен от нападков дикой твари.»

Волк считывал с Женькиного лица все его мысли, поводя мордой и тоже прислушиваясь. Варвар потерял счет времени, ожидая неминуемой смерти, и поторапливал матерого вожака к решительным действиям. Наконец серый хищник прислушался к Женькиным просьбам. Он прижал крупное тело к земле, не сводя с Женьки желтых глаз, и резко оттолкнулся сильными лапами, бросаясь на легкую добычу. Его мощная туша плавно взмыла над поваленными сухими ветками, и волк бесшумно метнулся в миллиметре от Варвара, видя перед собой другую цель. Женька негромко выдохнул и машинально обернулся, провожая глазами сильного соперника. Серая стая мгновенно расступилась, пропуская вожака, и тот растворился в темноте, увлекая за собой остальных. Что привлекло волчью стаю, Женька догадался спустя несколько минут, когда из-за спутанных зарослей раздалось знакомое испуганное визжание поверженной твари и победный звериный рык грозного вожака. Некоторое время из темноты доносился невнятный шорох, хруст веток и сытое рычание, потом все смолкло, оставляя Женьку дорисовывать страшные картины разыгравшейся драмы. Выверенные смелые действия диких обитателей дремучего леса не оставляли одинокой твари никаких шансов, делая ее своим нынешним ужином. Женька был спасен. Во всяком случае, до следующей организованной вылазки серых охотников. Когда в темноте растаяли последние отголоски развернувшейся баталии, к Женьке наконец-то пришло осознание, кто именно спас его от нападения серой стаи. Варвар, не задумываясь больше ни минуты, ринулся к зарослям, от отчаяния не замечая ни сухих веток, ни коряг, торчащих из земли, ни чернильной темноты лесной ночи. Его гнала вперед единственная мысль — увидеть тварь.

«Они выносливые и очень сильные, — повторял про себя Женька, пробираясь через бурелом, — они обладают чудовищной регенерацией. Тихон рассказывал мне о ножевых и огнестрельных ранах, затягивающихся в считанные минуты.»

В Женькином понимании волчьих зубы не являлись серьезной проблемой для живучих тварей, и он отчаянно надеялся, что тварь сумела отбиться от десятка озверевших голодных волков.

«Что тебе стоило, Тихон? — бормотал как молитву Женька, — ты все можешь, почему бы тебе самому не растерзать парочку хищников!»

Темнота милосердно скрывала от перепуганного Женьки истинную картину трагедии. В

густых зарослях Женька сумел разглядеть только пугающие черные пятна крови, разбрызганные по земле и обрывки ткани, некогда бывшей широкими штанами от парадной капитанской формы. Женька до рассвета ползал среди веток и сучьев, в надежде отыскать останки нелепой твари, попавшей в поле видимости голодных хищников. Однако ничего, кроме уже обнаруженного, найти не удалось, и Женька только потерянно вздохнул, в который раз прощаясь со своим персональным чудовищем.

События прошедшей ночи образовали в Женькиной голове абсолютный вакуум, мешая обозначить для себя следующий шаг. Рассветный час привел за собой уверенный морозец, призвавший Женьку ускорить ход. Варвар бесцельно двигался в неопределенном направлении, слепо тычась в стволы и сучья, то и дело выраставшие на пути. После многочасового бесплодного блуждания Женьку вынесло на некое подобие поляны, окруженной редкими высокими деревьями.

«Возможно где-то неподалеку рыскает та самая стая-убийца, — мелькнула равнодушная мысль, — может быть, она уже успела проголодаться?»

Надежды на скорую встречу не желали оправдываться, напрасно Женька вслушивался в звенящую тишину, ожидая расслышать шорох сильных лап. Холод и усталость упрашивали Женьку сделать привал и отдохнуть, однако Дергачев понимал всю опасность такого сна и упрямо тащился дальше.

«Эй, сударь! — раздался сбоку узнаваемый голос, — куда же вы сбежали на ночь глядя?»

Женька поднял голову и с изумлением уставился на того лесника, что гостеприимно предлагал попить лучшего в округе чая всего лишь несколько часов назад. Как выяснилось из недолгой беседы, мужик-отшельник совершал ежеутреннюю прогулку, осматривая окрестности на предмет варварства и хулиганства. Что конкретно имелось в виду суровым охранником, Женька так и не понял. На его дилетантский взгляд нападение стаи волков и гибель твари тоже можно было бы отнести к некоему виду хулиганства и варварства. Однако, судя по безмятежному виду сытого охотника, эти события остались за пределами его осведомленности.

«Пойдемте, сударь, — любезно прогудел он, — нынче мороз, стаи диких тварей становятся активными. Не дело провоцировать их нападение!»

С этими словами заботливый страж лесных угодий поволок Женьку обратно, в уютную и теплую сторожку.

Там, возле весело гудящей печки, лесник принялся делиться с Женькой разными местными новостями, совершенно забывая про существование Женькиного страшноватого спутника. Когда наконец, с новостями было покончено, лесник все же поинтересовался у притихшего гостя:

«А ваш болезный приятель решил оставить вас? Куда же он подался в эту пору? Нынче в лесу пропадешь, или мороз задушит, или дикие твари.»

Женька не стал уточнять, что его болезный приятель сам обратился в дикую тварь и был растерзан в мороз голодной сворой. Вместо этого он попросил лесника вывести его к какому-нибудь жилью. Женька надеялся добраться до цивилизации и податься к горам, раз теперь его верный попутчик больше не мог сопровождать его в этом бесцельном путешествии. Лесник покачал головой, и с готовностью предложил Женьке собираться, подарив ему напоследок свой личный тулуп.

«В знак нашей дружбы!» — пафосно заявил он, доведя гостя до знакомой дорожки,

ведущей в Нордсвилл.

Натянув весьма своевременную обновку, Женька неторопливо двинулся к городишку, размышляя над тем, как сейчас встретят его местные жители. В какой-то момент в его голову забралась отчаянная мысль отомстить недалеким горожанам за своего Тихона, погибшего отчасти и по их вине. Потом эта мысль сменилась более декадентской, заключающей в себе идею сдаться на милость воинственно настроенным обитателям. Однако оба эти направления негодились, и Женькины переживания оказались совершенно беспочвенными, поскольку отходчивые нордсвилльцы даже и не помнили, за кем охотились пару дней назад, обвиняя во всех неудачах. Впрочем, осторожный Дергачев на глаза не лез, стараясь держаться скромно и незаметно, и возможно поэтому уже к вечеру ему удалось добраться до неструганных бревен нордсвилльской набережной. В его основные задачи входило отыскать спрятанный катер, и на этом основные задачи заканчивались, поскольку управлять внушительной посудиною Женька не умел. Оказавшись на берегу, Женька, ежась под порывами сырого ветра, уверенно зашагал в сторону бухты, где почти месяц назад они с Тихоном предусмотрительно оставили чужое украденное имущество. Обойдя берег вдоль и поперек, Женька в изумлении вглядывался в суровые волны и катера не находил. Возможно, в Нордсвилле существовала береговая охрана, которая умыкнула бесхозную лоханку в какой-нибудь штрафной порт, и сейчас, чтобы получить его обратно, требовалось доказать право собственности. Это было бы самым логичным объяснением, которое намекало попроситься с катером навсегда. А заодно попроситься и с отчаянной идеей покинуть негостеприимный Нордсвилл. Бесцельные хождения пробудили в Женьке лютый голод, который в его положении можно было унять, прибегнув к давно испытанному способу воровства. Дергачев снова поднялся по бревнам вверх, огляделся и решил подчиниться своему внутреннему варвару, который потянул его в сторону городского рынка, в этот раз весьма оживленного и многолюдного. На тесно расставленных прилавках громоздились корзины с домашней снедью, начиная от огромных гусиных яиц и заканчивая художественно выполненной домашней выпечкой. Женька с грустью вспоминал свои набеги на предгорные деревушки, когда утягивал у зазевавшихся граждан горсти химических концентратов, заботливо таская добычу рассеянному ученому. Тогда полудикий Варвар видел в тихом грустном парне объект неустанной заботы, природу которой никак не мог себе объяснить. Воспоминания сделали Женьку отрешенным и невнимательным, мешая сосредоточиться на главном.

«Эй, сударь! — раздался весьма доброжелательный голос, — всего пара монет серебром и копченая курица ваша! Ну ежели совсем голодный, могу отдать за три медных!»

Сговорчивость местных торговцев обезоруживала, однако в Женькином кармане не было ни гроша, и терять время на пустые сделки не было смысла. Варвар аккуратно сложил товар обратно, и медленно побрел вдоль рядов, равнодушно поглядывая на предложенный ассортимент.

«Теряю хватку», — огорченно думал он, понимая, что для себя одного он ни за что не рискнет стащить ни куска.

В самом конце торгового ряда он натолкнулся на знакомую фигуру, замотанную в немислимое количество тряпок и лоскутов.

«Приветствую вас, сударь!» — заговорила она, и Женька с изумлением узнал в женщине Тихомиру, у которой колдун Тихон силой мысли сжег последнее пристанище. Тихомира будто бы и не помнила давних обид, продолжая удерживать Женькино внимание.

«Как поживаете? — вела она светскую беседу, не отводя от Женьки ласковых глаз, — избавились, наконец, от своего страшного попутчика? Я всегда говорила, что случайные проходимцы, цепляющиеся в сопровождающие, до добра не доведут. Поговаривают, то чудище разорвали злые стаи. Так удачно сложилось, что он ушел в лес тогда. И я очень рада, что вам удалось сбежать от него!»

Женька, растаявший от ласковой интонации Тихомиры в самом начале беседы, снова напрягся, услышав местную версию их появления в Нордсвилле. Вот почему горожане так снисходительно отреагировали на его повторное появление. Дело вовсе не в их забывчивости и всепрощении. Дело в их желании верить в самые нелепые сплетни и сказки. Впрочем, в этот раз до нордсвилльцев дошли весьма проверенные слухи. Женька снова вздохнул, и, не желая продолжать беседу, двинулся дальше, расставаясь с идеей теплого ночлега. Тихомира говорила ему что-то еще, торопливо семеня за своим недавним работником, но вскоре отстала, поняв бесполезность затеи.

Дорога привела Женьку к знакомым стенам местного кладбища, за которыми они с Тихоном скрывались от мнимой погони.

«Довольно! — мысленно рявкнул Женька сам себе, обрывая возникшие вновь грустные воспоминания, — будь мужиком! Тихон был обречен с той минуты, когда обрел страшный облик твари. Рано или поздно его растерзали бы, если не волки, то представители групп реагирования.»

Однако прозвучавшие мысленные призывы только растравили и без того щемящие эмоции, и Женька не сдержал глубокий вздох. По-хорошему, ему сейчас нужно было бы обратиться к более насущным проблемам. Например, к вопросу о предстоящем ночлеге. Когда-то, в прошлой жизни, Женька без труда находил себе пристанище, невзирая на погоду. Правда, тогда его окружала щедрая природа южного края, а зимние холода больше напоминали погоду поздней осени где-нибудь в средней полосе. Нынешний мороз не давал возможности вольготно расположиться под каким-нибудь кустом и дожидаться рассвета. Женька, собравшись с последними силами, тяжело перелез через высокую каменную стену и вновь оказался у старых надгробий. Сюда пронизывающий ветер соваться не рисковал, да и в целом, от высоких надгробий шло призрачное тепло. Во всяком случае, так впечатлительный Дергачев убедил себя в очевидном и правильном выборе предстоящей ночевки. Однако осуществить смелую задумку Женьке помешали негромкие шаги, медленно, но уверенно приближающиеся к высокой ограде кладбища. Шаги принадлежали сторожу, и мистического страха не вызывали. Сторож наконец-то подошел к непрошенному гостю и подслеповато щурясь, беззлобно проговорил: «Ты чего ж безобразничаешь, мил человек? Это не место для прогулок, любезный. Убирайся-ка подобру-поздорову, пока я не призвал на помощь темные силы!»

Последнее заявление вызвало у Женьки искренний интерес, вместо ожидаемой паники, и он, едва усмехнувшись, уточнил:

«Темные силы? Как вы это делаете?»

«Желаешь знать? — тут же отреагировал дед, — ну так пойдем, познакомлю со своими приятелями!»

Такая сговорчивость немало удивила любопытного Дергачева, и он, повинувшись научному азарту, двинулся следом за сторожем.

Место обитания темных приятелей оказалось обычной сторожкой, представляющей собой сырую бревенчатую избу.

«Заходи, коль не боишься,» — хозяин невзрачного жилища усмехнулся и гостеприимно распахнул перед Женькой дверь. Женька, само собой, не боялся больше ничего, повидав на своем веку и не такие ужасы, поэтому бесстрашно вошел в низкую темную комнатушку, все убранство которой представляла широкая деревянная лавка и печка в углу.

Дед усадил Женьку на лавку, а сам принялся разжигать в печке огонь. Провозившись с дровами довольно продолжительное время, сторож обернулся и со значением кивнул, предлагая подождать.

«Сейчас явятся, — заявил он уверенно, — как раз об эту пору приходят, ни разу не опаздывали!»

Женька понимающе кивнул и принялся ждать пунктуальных друзей кладбищенского сторожа. Огонь медленно разгорался, наполняя приятным теплом сырое помещение, и погружал уставшего и замерзшего Женьку в состояние полудремы. Наконец, возле порога раздался неясный шорох, дверь неслышно распахнулась, и в низком проеме показалась длинная худая фигура, не имеющая лица. Так, во всяком случае, показалось Женьке, когда он с изумлением поднял глаза на ночного гостя. Гость заколыхался, словно раздумывая над необходимостью посещения, и наконец, несмело просочился внутрь, заслоняя собой все свободное пространство. Дед, словно и не замечал пришедшего, продолжая с интересом рассматривать своего первого гостя, из плоти и крови. Почему-то особый интерес деда вызывали босые Женькины лапы, покрытые грязью и едва свернувшейся кровью, сочащейся из глубоких порезов. Женька помотал головой, желая отогнать видение, но оно только четче проявило размытые очертания, превращаясь в фигуру вполне материальную. Гость вежливо поклонился и изящно присел рядом с Женькой, небрежно закидывая ногу на ногу. Никаких приветственных разговоров незнакомец решил не заводить, а просто молча раскачивал худой ногой, обутой в странного вида башмак. Посиделки затягивались, Женька невежливо зевнул, и не дожидаясь ответных реплик и жестов от полуночного визитера, погрузился в крепкий здоровый сон.

Наутро Женькина голова звенела и искрилась, стоило ее обладателю сделать хотя бы одно лишнее движение. Дергачев сладко потянулся, распрямляясь после неудобного сна, и виновато поглядел на деда.

«Я прошу прощения, — бормотнул он, — неловко вчера получилось. Я надеюсь, ваши темные гости не слишком обиделись на мое явное к ним невнимание?»

Женька, наученный горьким опытом общения с учеными экспериментами своего брата, давно понял, что хитрый дед, надергав с надгробий всяких корешков, устраивает себе спиритические сеансы, вызывая галлюцинации с помощью чудо травы. Тактичный Дергачев не стал разочаровывать деда научными разоблачениями, и поблагодарив за предоставленный ночлег, медленно поплелся к выходу. Женька надеялся, что бодрящий морозный воздух вернет ему ясность мыслей и свежесть идей.

Глава 20.

Отогревшийся в кладбищенской сторожке Женька почувствовал интерес к жизни и снова отправился к берегу. Дедова веселая трава, кроме разрывающей головной боли, пробудила очередную несбыточную идею, и до самой набережной Женька размышлял над вопросом, где бы ему отыскать смельчака, способного доставить его на большую землю.

«Наверняка, — рассуждал Дергачев, — в этом богом оставленном городе есть профессиональные рыбаки, владеющие какими-нибудь лодками. Может, кто-нибудь согласиться за «здорово живешь» переправить меня к берегам оставленной цивилизации».

Мысли были слишком сырые, не имеющие под собой устойчивой материальной базы, но они были лучше воспоминаний и сожалений, и Женька старательно удерживал каждую из них. На берегу было пустынно и солнечно. Новый день выдался ясным и морозным, разогнавшим всех местных обитателей по домам. Женька снова обошел набережную, без интереса рассматривая грубоватые украшения прибрежных пейзажей. Простоватые нордсвилльцы придерживались весьма примитивных решений в благоустройстве своего города. То тут, то там торчали из земли неотесанные пеньки, видимо изображавшие собой парковые скамейки, а возле бревенчатой лестницы художественно топорщилось не спиленными сучками поваленное дерево. Возле этого арт объекта Женька разглядел фигуру какого-то местного, внимательно рассматривающего морские дали. Внешне мужик напоминал тех самых рыбаков, на которых возлагал надежды оптимистичный Женька. Он был высок, крепок, а нескладное грубоватое лицо украшала шикарная окладистая борода непонятного цвета. Женька смело подошел к незнакомцу и вежливо поздоровался.

«Приветствую, — хрипло отозвался мужик и едва заметно усмехнулся.

Как перейти к основной теме беседы скромный Женька отчаянно не знал, и поэтому только в замешательстве переминался с ноги на ногу, поглядывая на равнодушного рыбака.

«Наверно, в этих местах рыбалка хорошая? — наконец исторг из себя Женька и про себя подумал, что суровый мужик сейчас пошлет его лесом и покинет ослепительное общество оборванного бродяги. Однако немногословный собеседник поднял на Женьку мутные глаза и неохотно пробормотал:

«Рыбаки нынче в море уходят, пока лед не встал. С берега ловить, только время терять.»

«Я тоже как-то работал на рыболовецком судне, — издали начал врать Женька, лоя на себе изумленные мутные взгляды местного, — мы тогда рыбы немеряно поймали тралом. Я бы не отказался снова оказаться на подобном траулере.»

Мужик с недоумением уставился на пристава, явно не понимая и половины из сбивчивой Женькиной речи. Он сдержанно кивал и только усмехался в бороду. Когда спустя еще пару десятков трогательных историй про разные способы ловли рыбы, Женька наконец-то замолчал, мужик длинно сплюнул на землю и так же хрипло проговорил:

«Ну я за всю жизнь ни одной рыбы не поймал этим, как его, тралом, так что извиняй браток.»

После чего поднялся с насиженного бревна и медленно потянулся вверх, приволокивая ногу. Женька только шумно выдохнул, жалея о потраченном впустую времени.

На следующий день мужик появился снова, но теперь, вместо бесполезного созерцания серых просторов, он внимательно наблюдал за Женькой. Тому некуда было податься, и поэтому варвар вынужденно торчал на берегу, ожидая неизвестно чего. Попав под пристальное внимание псевдорыбака, Женька отчаянно жалел о проявленной откровенности. Вероятно, суровый нордсвилец заподозрил чужака в лихих замыслах, и поставил перед собой цель вывести не в меру разговорчивого скитальца на чистую воду. В течении трех дней абориген нес вахту, сидя на поваленном бревне, исчезая только с наступлением сумерек. Женька больше не делал попыток поддержать беседу, закрепить дружеские отношения, и в целом не проявлял никакой активности, замерзая под ледяным ветром и не ставя больше перед собой никаких задач. Иногда он поднимался в город и

бродил по узеньким улочкам, чтобы спустя пару часов снова спуститься к набережной. На четвертый день абориген не ушел, продолжив настороженное сидение на бревне. Когда за горизонтом скрылись последние солнечные лучи, он едва заметным жестом подозвал Женьку и, по-прежнему разглядывая горизонт, хрипло пробубнил:

«Я давно за тобой наблюдаю. Ты чужак в этих краях, и мне непонятно, чего ты задумал.»

На этом мужик решил закончить свое выступление, а Женька, утомившись от бесполезных ожиданий, мгновенно согласился с Хриплым.

«Я хочу уехать с этого чертового города, — признался он, забывая про осторожность, — только не знаю, как. Сюда я попал морем, но сейчас не могу воспользоваться той же дорогой...»

Абориген выслушал Женьку, поднялся, и сделал знак следовать за ним. Выбор у варвара был небольшой, и он послушно потянулся за хромым нордсвилцем. Тот шел неторопливо, но уже через пару десятков шагов обогнал Женьку на значительное расстояние. Запыхавшийся варвар только удивлялся способности местного передвигаться быстро и бесшумно, несмотря на большую ногу. Наконец, пройдя вдоль всего благоустроенного берега, они свернули к бухте, уходящей вглубь нависающих скал. Там, у обрывистого берега качался на волнах тот самый катер, безуспешно разыскиваемый Женькой на протяжении недели.

«Корабль не мой, — честно предупредил абориген, — но и ничей похоже. У местных спрашивал, никто толком ничего не сказал про владельцев. Видать, штормом прибило.»

Женька только присвистнул, в очередной раз поражаясь наивности местных граждан. Там, откуда сбежал Женька, давно бы присвоили бесхозную посудину, оформив левые документы, да еще бы выставили на продажу. Нордсвилец ловко перепрыгнул через наваленные горой прибрежные камни, и по-кошачьи, быстро и бесшумно, проскочил довольно опасный участок, отделяющий относительно ровный берег от импровизированного причала. Перекинув широкую доску на борт, абориген мигом очутился на палубе, вопросительно оглядываясь на своего неуклюжего спутника. Тот не мог продемонстрировать чудеса ловкости по причине весьма громоздкой одежды, невыгодно отличающейся от наряда самого аборигена. Нордсвилец был одет в широкую домотканую куртку, отороченную натуральным серым мехом, и широкие штаны из похожего материала. Женька, собрав в кучу все свое умение преодолевать препятствия, грузно перемахнул через каменную гору и, кое-как уцепившись за выступ, вскарабкался на крутой берег. Приложенные старания лишали его невеликих запасов энергии, и Женьке понадобилось некоторое время, восстановить утраченное. Нордсвилец терпеливо ждал, не спуская с Женьки внимательных глаз. Когда Женька все-таки попал на борт катера, абориген едва заметно выдохнул и принялся ловко подтягивать якорную цепь, не прилагая для этого значительных усилий.

«Куда ты собрался? — завершив манипуляции, поинтересовался нордсвилец»

Его речь была грубой, отрывистой, а голос будто выстудили северные соленые ветра, однако Женьке было приятно слышать в его интонации явную заинтересованность.

«Я хочу попасть на юг», — в тон собеседнику отозвался Женька и замолчал.

«Зачем? — тут же отреагировал тот, — на юге можно нарваться на тварей, куда опаснее диких волков. Там, по рассказам, живут огромные желтые чудовища, с острыми когтями, способные растерзать жертву в считанные секунды»

Женька давно понял, что загадочные нордсвилцы измеряют опасность дикими тварями, и в данном случае речь идет вовсе не о преобразенных. На столь разумное

предостережение Женька только махнул рукой. Там, куда он собирался попасть, не водились желтые чудовища, в описании которых варвар без труда опознал не то львов, не то тигров. Нордсвилец странно усмехнулся, и уверенно зашагал в рубку, оставив Женьку одного. В поведении аборигена варвар видел много несоответствий. Из того, что стало известно ему о нравах и обычаях местных жителей, Женька делал вывод, что сложные технологии были недоступны горожанам, а самым замысловатым приспособлением, которым пользовались местные, можно было назвать печку, протапливаемую дровами. Ну и, возможно, какие-нибудь простые ткацкие станки, позволяющие создавать весьма неплохие предметы одежды. Откуда огромный нордсвилец осведомлен о способах управления сложной посудиной? О том, что навыки вождения не были для него загадкой, Женька понял, когда катер медленно, но уверенно отчалил от скал и вышел на открытое пространство. В какой-то момент в Женькину голову закралась мысль о группах реагирования, о подсланных шпионах, и о неминуемом наказании за проделки несдержанного брата. Мысль была здравая, но немного несвоевременная, поскольку назад дороги у Женьки не было. Катер бодро уходил от странного Нордсвилла, и очень скоро очертания берега слились с горизонтом. Суровый капитан больше не заводил душевных разговоров, настороженно вглядываясь в горизонт, и вгоняя Женьку в панику.

«Что я наделал?! — запоздало думал Женька, — наверняка, большая земля вычислила нахождение катера по приборам или ультразвуковым картам, и теперь научному сообществу нужно немного набраться терпения, чтобы предать справедливому суду несговорчивых коллег.»

Женька не рассматривал прегрешения одичавшего Тихона как отдельный вид преступления, и честно готовился нести наказание за них двоих.

Через несколько часов непрерывного хода впереди показались неясные контуры какого-то берега, больше напомнившего Женьке тот самый остров. Катер развернулся и, сменив курс, направился к суше.

«Отдохнем немного, — проговорил капитан, сбавляя ход и ставя посудину на якорь. — утром двинемся дальше. На юг, как ты и просил.»

Женька послушно кивнул, глядя, как в сотне метров проступают очертания берега.

«Что это за место? — поинтересовался Женька, чтобы разбавить гнетущее молчание, — это остров?»

«Карты говорят, что остров, — охотно согласился капитан, — но это всего лишь отмель, она необитаема, нет причин знакомиться с ней ближе»

Речь нордсвилца неуловимо изменилась, оставив прежним только хриплый негромкий голос. От наигранной неотесанной простоты произношения не осталось и следа, а лексикон пополнился весьма современными терминами и понятиями.

«Кто вы такой? — не удержался Женька, устав строить предположения, — откуда так хорошо знаете морское дело?»

Капитан только мотнул головой, решив оставить Женькин интерес без внимания. На ночь Женька спустился в тесную каюту, оставляя немногословного попутчика заниматься своими делами. К слову, тот просидел в рубке до рассвета, не меняя позы, и когда с первыми солнечными лучами, Женька пришел пожелать ему доброго утра, капитан неловко встряхнулся, возвращаясь к действительности.

«Приветствую», — прохрипел он и снова погрузился в раздумья.

На третий день пути капитан позвал Женьку в рубку и равнодушно познакомил

пассажира с нерадостными перспективами.

«До южных краев нам не дойти, — прохрипел он, — топливо заканчивается, ровно, как и запасы харчей. Придется искать новое место стоянки.»

Запасы харчей представляли собой остатки концентрата, и никак не напоминали нордсвильские разносолы, однако невзыскательного капитана не тревожило скучное однообразие. Он, казалось, и вовсе был равнодушен к пище. За все время хода Женька ни разу не видел, чтобы его попутчик чем-то питался, спал, или как-то проявлял бытовую активность. Он вообще не покидал рубку, вызывая у хозяйственного и аккуратного Женьки множество вопросов.

«Кто вы такой? — снова не выдержал Женька, поднявшись как-то к капитану. — вы же не нордсвилец, так?»

«Так, — сразу же согласился капитан, — разумеется, я не нордсвилец. Мне показалось, ты сразу это понял.»

«Тогда кто ты?»

«Ох, Женька... — невесело рассмеялся капитан, а Женькино сердце пропустило удар, — ты всегда был чрезмерно наблюдательным. Теряешь хватку, приятель.»

Капитан немного помолчал, а потом продолжил, не отрываясь от созерцания бурлящих волн за бортом.

«В тот вечер, когда я выкинул тебя из охотничьей сторожки, опасаясь за свою несдержанность, я внезапно понял, что совершил непростительную ошибку. Я спасал тебя от своей внутренней звериной сущности, тут же подвергая другой опасности. Я совершенно забыл про голодные волчьи стаи, рыскающие по лесу. Я хотел тебя остановить, но тварь, захватившая мое сознание, позволила мне только издать угрожающий рев. Ты ожидаемо сбежал, а мне ничего не оставалось делать, как рвануть за тобой следом. Я не собирался тебя жрать, разумеется. Я хотел в случае необходимости защитить тебя от нападков серых хищников. И нет, они не разорвали меня, как ты понимаешь. Они почти совсем не причинили мне вред, наградив только весьма болезненной царапиной, укусив за ногу. Разорвав их вожака, я решил скрыться с глаз, внушив тебе мысль о своей гибели. Мне нужно было усыпить бдительность нордсвильцев и беспрепятственно покинуть город. Я преступник, Женья. Мои прегрешения огромны, и вряд ли я когда-нибудь сумею отмолить себе прощение. Чтобы обзавестись одеждой, я загрыз местного жителя, неосторожно попавшегося мне на пути. Очевидно горожане списали его гибель на проделки серых стай, но мне до сих пор сняться его глаза, Женька. Моя внутренняя тварь тогда притихла, возвратив мне рассудок, но тем серьезнее мой грех. Я отрастил себе бороду, нарядился в украденный костюм и принял облик благообразного горожанина. Правда я не рискнул появляться в многолюдных местах, ограничивая ареал обитания берегом моря. Я знал, что однажды ты тоже появишься там, в надежде сбежать. Ты раньше делился со мной планами, и мне нужно было только набраться терпения и дожждаться тебя. Вот в целом вся история, Женька. Я все еще чудовище, и не гарантирую мирной покладистости на длительное время.»

«Ты поправишься, — машинально проговорил Женька, пытаясь осознать услышанное, — обязательно.»

Глава 21.

Поделившись с Женькой своей невеселой историей, я теперь отчаянно жалел о своем

порыве. В мои первоначальные планы входило сохранить инкогнито так долго, насколько это было возможно, и в идеале никогда не раскрывать свою тайну никому. Даже Женьке. Особенно Женьке. Мне без труда удалось провести недалеких жителей провинциального Нордсвилла. Они поверили в мои обстоятельные рассказы о долгих скитаниях в чужих землях по торговым делам и, в свою очередь, поделились со мной шокирующей историей о пришедшем колдуне, спалившем полгорода и уничтожившем мирное население в радиусе десяти километров. В их приукрашенной версии я с трудом опознал в герое самого себя, настолько художественно было преподнесено исполнение. Ободрившись успехом, я стал увереннее перемещаться по улицам, но всегда продолжал придерживаться правила не лезть на глаза без особой нужды. Отточив мастерство перевоплощения на наивных нордсвилльцах, я искренне рассчитывал сохранить личину торговца-отшельника до возвращения к цивилизованным краям, и возможно, остаться им до конца времен. Однако, Женькино неумное любопытство, выражавшееся больше в мимике, чем в озвученных вопросах, не оставило мне шансов. Узнав неприглядную правду о любимом брате, Женька замкнулся, и старательно сохранял дистанцию, внимательно отслеживая любое изменение в моем настроении. Я, к счастью, больше не замечал в себе пугающих порывов, ограничиваясь привычным сдержанным недовольством в самых редких случаях. То, что я рассказал Женьке про запасы топлива и провизии, было истиной. Нам негде было пополнить стремительно опустошающиеся топливные баки и коробки с чудовищным концентратом. Патриархальный Нордсвилл остался далеко позади, а в современных условиях топливная заправка требовала множество формальных процедур, подтягивающих за собой неудобные вопросы.

Мы барахтались в суровых северных волнах, подыскивая себе очередной приют, однако видимое глазу пространство, как, впрочем, и ультразвуковые карты, радовать пристанищем не спешили. Женька изредка поднимался ко мне в рубку, замирая в дверях, и отчаянно делал вид, что безумно интересуется панорамой бурного моря. На самом деле в его настороженных проваленных глазах отчетливо читался обыкновенный страх. И что-то подсказывало мне, что этот страх никак не был связан с его собственным благополучием.

«Все нормально, — в который раз отзывался я на его появление, — со мной все в порядке. Я чувствую себя человеком.»

Однако эти бодрые уверения немного грешили против истины. Человеком я себя давно уже не чувствовал. Убийцей — да. Вором — само собой. Уродливой нечистью — разумеется. Всем, чем угодно, кроме человека. И Женька каким-то образом понимал это, улавливая мое состояние одному ему известным способом.

На пятый день наших странствий удача усмехнулась нам двоим и указала на маленький клочок суши, робко обозначившийся впереди.

«Тихон, — беспокойно бормотал Женька, тыча рукой в темнеющую полосу, — рули туда. Может нам повезет, и там нас тоже встретят домашними пирогами!»

Нам не повезло, и пирогами нас никто встречать не собирался. Мало того, неясные очертания пустынного берега никак не желали раскрывать гостеприимные объятия нашей уставшей посудине. Мы сделали несколько кругов вдоль побережья, рассчитывая обнаружить порт или на крайний случай, какую-нибудь пристань. Однако неровная полоса продолжала оставаться дикой и необитаемой.

«Все к лучшему, Тихон, — проговорил Женька, окончательно убедившись в заброшенности побережья, — возможно, мы лишились домашних разносолов, но и группы реагирования тоже не заинтересовались нашим прибытием»

Я бросил якорь в возможной доступности от берега и предложил Женьке обследовать территорию. Пока я изображал в Нордсвилле торгового скитальца, мне удалось раздобыть крохотную лодчонку, выдолбленную из цельного куска дерева твердых пород. Лодочка вмещала одного не слишком крупного пассажира и предназначалась для частных нужд, однако я приспособил ее как плав. средство и включил в спасательное оборудование катера. Усадив слабо сопротивляющегося Женьку в довольно крепкую лодку, я воспользовался преимуществом дикой твари и добрался до берега вплавь, совершенно не ощущая холода.

Берег казался необитаемым только на первый взгляд. Спустя пару километров вглубь побережья мы натолкнулись на весьма современное здание, напоминающее обычный жилой многоквартирный дом. Огороженная территория двора и очертания припаркованных автомобилей только подтвердили возникшую теорию, и вызвали на Женькиной рожице гримасу сожаления.

«Нам не повезло дважды, Тихон, — пробормотал он, кивая на вполне современную архитектуру, — тут живут люди, а значит им наверняка знакомы текущие события. Придется рискнуть.»

Я на всякий случай проверил свой опознавательный чип, и плотнее просунул уродливые лапы в глубокие карманы. С недавних пор я пользовался толстыми перчатками из натуральной кожи, украденными мной с нордсвилльского рынка. Однако в нынешних условиях такая непозволительная роскошь могла бы вызвать много вопросов. Вряд ли мы вновь попали в сказочный город, где все еще знают, что такое натуральные продукты.

В сказочный город мы не попали, поскольку невдалеке зазвучали знакомые команды пресловутых групп реагирования. Женька метнулся в какую-то подворотню и, прижавшись к стене, шумно вздохнул.

«Тихон, — проговорил Женька, в замешательстве оглядываясь по сторонам, — как ты думаешь, может все же будет лучше нам вернуться в Нордсвилл? Чем бы он не был. Там, во всяком случае, уничтожают только диких волков»

«Колдунов они там тоже уничтожают, — с сожалением констатировал я, — и что-то подсказывает мне, что милый Нордсвилл мы с тобой уже не отыщем. На картах он не обозначен, да и в целом кажется ненастоящим. Мы снова ошиблись, сбежав отсюда. Ничего не поделаешь, Женя. Покойный Захар убеждал тебя в полном и безоговорочном искоренении вселенского зла. Эпидемия идет на убыль. Тварей больше нет.»

На мои оптимистические слова Женька только вздохнул, не решаясь напомнить мне о моей принадлежности к проклятому виду.

Наше присутствие на пустых улицах могло привлечь ненужное внимание, и мы, собрав все наше отрешенное равнодушие и нацепив его на уставшие рожи, неторопливо двинулись дальше. К счастью, вездесущие борцы за чистоту нации рассеялись в пространстве, и нам ничто не помешало добраться до хлипкого одноэтажного строения, на котором красовалась мутная вывеска «Гостевой дом». Я не был уверен, что господин Свиридов в компании с соратниками одержимого Захара прекратили мои поиски, забыв обо мне навсегда. Наоборот, я ожидал, что мое появление в любом городе вызовет радостную эйфорию и обеспечит мне надежную крышу над головой до конца моей бесконечной жизни. Где-то в глубине души я был готов к такому повороту и даже желал подобного итога. Однако на мои попытки снять нам комнату и тем самым обозначить свое присутствие, Женька в панике замотал головой.

«Не смей, идиот! — срываясь на крик, заговорил он, оттаскивая меня от обшарпанных дверей ночлежки, — пожалуйста, Тихон. Не делай глупости. Я найду нам приют, обещаю,

только не лезь никуда. Поклянись мне!»

«Женя, я устал таскать на себе груз вины. Любое зло должно быть наказано, пора покончить с этим», — в эту минуту я был абсолютно искренним и готов был подписаться под каждым своим словом. Однако Женьку своей покаянной речью я не убедил.

«Пожалуйста, Тихон, — бормотал он, волоча меня по дороге, — ты знаешь, что послужило причиной всех твоих преступлений. Ты и так наказан своим вечным уродством и вынужденным одиночеством. Не торопись обвинять себя в том, в чем нет твоей вины. Я помогу тебе.»

Искать съемное жилье в условиях всеобщей настороженности мне казалось бесполезным занятием. Никто из жителей не был согласен предоставлять кров никому, опасаясь заразы, облав и диких штрафов за несоблюдение строгих предписаний. Женька обегал половину города, осторожно выясняя, кто из горожан был готов за любую плату предоставить нам крышу над головой. Оказалось, никто к этому готов не был. На город катилась ночь, захватившая власть зима давала знать о себе ясным морозным небом и пронизывающим ветром, а мы с Женькой продолжали брести по темным закоулкам, рискуя попасться на глаза бойцам охраны. Наконец, пройдя всю цивилизованную часть жилых районов, мы вышли на окраину, к посадкам. Там, по склону пологого оврага росли крохотные частные домики, привычно погруженные в непроглядную тьму. Женька, оставив меня скучать под деревьями, решил предпринять последнюю попытку вызвать у граждан сострадание и готовность принять постояльцев. Спустя целую вечность до меня донеслось негромкое:

«Пойдем, Тихон, я нашел идеальный вариант!»

Идеальным вариантом Женька называл покореженную временем летнюю неотопливаемую кухню, любезно предоставленную нам скрюченной старушкой-хозяйкой, жившей у самого подножия оврага. Она даже не взглянула на своих постояльцев, равнодушно прощамкав в качестве назидания что-то о примерном поведении и отсутствии любого шума.

«Будете безобразничать, вызову похоронную группу!» — многозначительно пообещала она, имея в виду группу охранения.

Женька клятвенно пообещал сохранять полное спокойствие и принялся обустриваться в нашем новом жилище. Пока он по-хозяйски размещал любезно предоставленную старухой небогатую кухонную утварь, я успел узнать, что город имеет трехзначное цифровое обозначение, является провинциальным и насчитывает чуть больше полумиллиона жителей. Обо всем этом общительный Женька успел выяснить у осторожной хозяйки, привычно представив нас вынужденными переселенцами. Такое уважаемое звание сейчас ни у кого не вызывало много вопросов, поскольку беспокойное население постоянно мигрировало из города в город.

Когда с новосельем было покончено, Женька растянулся на скрипучей койке и негромко поинтересовался, обращаясь в темноту.

«Что дальше, Тихон?»

Я мог бы рассказать ему о своих смелых задумках снова попытаться вывести противоядие, используя его в сугубо личных целях, однако, вспомнив об утерянных записях и снадобьях, только молча пожал плечами. Все мои припасы лекарственных трав остались в нордсвильском лесу, на поле битвы с серой стаей. Не дождавшись моего ответа, Женька приподнялся на узком ложе и протянул мне горсть сухих веточек, извлеченных из кармана.

«Вот, возьми, Тихон, — пробормотал он, — может быть тебе пригодится состряпать из

этого какое-нибудь очередное снадобье»

Запасливый Женька вручил мне собранные с нордсвильского кладбища лекарственные травы и с чувством исполненного долга тут же засопел, утомившись долгой дорогой.

Я не планировал задерживаться в провинциальном трехзначном городе надолго, все еще храня в душе мечту о южном побережье. Однако особые обстоятельства вынуждали меня вносить корректировки в свои планы. Теперь, кроме масштабного розыска моей преступной персоны научными сообществами и силовыми структурами, мне грозило уничтожение со стороны бдительных групп реагирования. Несмотря на бодрые уверения разных информационных средств, в мире все еще возникали очаги массовых заражений, и отряды-чистильщики, как их называли в народе, без стеснения расправлялись с всемирным злом. Женька умолял меня не высовываться, ежедневно запирая меня в тесной клетушке и отправляясь на добычу пропитания. И я был склонен придерживаться его советов и наставлений. Наша хозяйка тоже ежедневно шмыгала мимо летней кухни, так же исчезая на весь день. Нас она никогда не навещала, на лезла с расспросами, и в целом старалась не напоминать о своем присутствии. Это была очень удобная хозяйка. Женька таскал мне местные новости, заботливо отбирая из всех самые позитивные. Однако, с каждым его визитом в большой мир, таких известий становилось все меньше. Последняя новость, рассказанная им, вообще не несла никакого позитива.

«Группы реагирования теперь получили доступ к частным жилым помещениям, — рассказал мне Женька, вернувшись с очередной вылазки, — нам повезло, что домик старухи стоит на самой окраине. Группы шерстят многоэтажки, места массовых скоплений и коттеджные поселки. Я думаю, что про овражное поселение они даже не догадываются»

Овражное поселение было слишком громким определением для десятка разбросанных по склонам домишек, и, возможно, в Женькиных словах была изрядная доля истины.

Мои дни были наполнены пустым созерцанием однообразных пейзажей за низким окошком кухни и механическим подсчетом мельтешений старухи по двору.

Однажды, выпроводив Женьку за харчами, я занял привычный пост у окна, но кроме унылых серых деревьев, так ничего и не увидел. Старуха не появлялась, а ее вечно распахнутая в хату дверь была плотно закрыта. Не имея в своем арсенале других развлечений, я принялся размышлять о причине отсутствия хозяйки, и за этими раздумьями меня застал Женька. Он приволок нам полные карманы сухого концентрата и был невероятно горд добычей. К слову, это была первая удачная вылазка за неделю.

«Пойди к старухе, — попросил я, — пусть нальет стакан кипятка. Эту гадость невозможно жрать на сухую.»

Однако, выполнить мою просьбу Женька не успел, поскольку старуха сама объявилась на нашем пороге. Она настороженно оглядела нашу каморку и, вызывающе подняв острый подбородок, попросила спирта. Мне показалась странной ее просьба, но я не стал вдаваться в подробности и сказал, что спирта нет. У нас действительно не было ничего, что можно было бы назвать лекарствами. Ну, кроме тех засушенных трав, что любезно собрал для меня Женька на нордсвильском кладбище. Старуха молча развернулась и пошлепала обратно, разом став ниже ростом. Теперь просить кипятка было бы невежливо, и мы обошлись сухомыткой. После роскошных нордсвильских харчей, унылые концентраты казались нам отравой, а мысль о скоропалительном отъезде из странного города все чаще получала определение тупой и непродуманной.

«Мы дураки и идиоты, — пробормотал Женька, сплевывая вязкую смесь прямо на

пол, — подумаешь, стаи волков! Давай вернемся, Тихон, по ком мы скучали в цивилизованном кошмаре?»

Справедливые рассуждения были вновь прерваны появлением старухи. В этот раз она держалась более приветливо и даже немного заискивающе.

«Сынок, может найдется у вас какая-нибудь ранозаживляющая мазь?» — неожиданно прошамкала она, обращаясь ко мне, и беззубо улыбнулась.

«Что с вами случилось? — хрипло поинтересовался я, продолжая держать морду за домотканым шарфом. Старуха, ни разу не слыша раньше мой голос, вздрогнула и попятилась. Однако, нужда в медицинском вмешательстве остановила ее, и заставила протянуть мне сухую сморщенную ладонь, расчерченную поперек глубокой свежей царапиной. Я уже видел однажды такие увечья. Ими обычно награждали дикие, вступая в неравные схватки с людьми. Старуха видно, что-то прочитала по моим глазам, и мгновенно спрятала руку.

«Поцарапалась о гвоздь,» — бормотнула она и сделала попытку уйти.

«Подождите, — снова прохрипел я, вспоминая о волшебных травах, — принесите мне кипятка, я помогу вам»

«Ты не поможешь ей, — глухо проговорил Женька, едва старуха скрылась за порогом, — ей досталось от твари, теперь дело времени, когда еще одним чудовищем станет больше.»

Я не стал комментировать Женькины наблюдения, и дождавшись свою пациентку, принялся готовить ей лекарство. Старуха выжидательно следила за моими движениями, ворочая мутными пронзительными глазками и размеренно покачивая головой. Когда вода выкипела наполовину, я собрал зеленую жижу в ладонь и обмазал порез. Плотные кожаные перчатки здорово мешали процедурам, но я не находил в себе решимости продемонстрировать свое уродство.

«Завтра из ее хаты раздастся визг обращенной твари и соберет к себе взвод чистильщиков, — уныло прокомментировал Женька, когда хозяйка скрылась за дверью, — твое вмешательство бесполезно, Тихон. Этим ты не протопчешь себе дорожку в рай!»

Женькины ремарки пробудили во мне давно забытое бешенство, и я, забывая об осторожности, вскочил на ноги и приподнял над полом диванного критика.

«Заткнись! — прорычал я, стискивая худое Женькино горло, — чтобы сделал ты на моем месте, а, варвар-миротворец?!»

После чего с силой отшвырнул его в сторону и пнул лапой. Женька тут же подскочил и вместо того, чтобы отвесить мне сдачи, заполошно пробормотал:

«Пожалуйста, успокойся. Тихон, приди в себя. Хрен с ней, с бабкой! Пусть делает, что хочет, ты сам не забывай о группах реагирования.»

Разбуженная во мне тварь не желала прислушиваться к голосу разума, и продолжала бушевать.

Я не стал озвучивать все мысли, толпившиеся в голове, а решил ограничиться очередным пинком, адресованным беспокойному брату.

«Отвали от меня, — рывкнул я напоследок и наконец, затих. Тварь медленно успокаивалась, складывая оружие, и вскоре меня терзали знакомые муки раскаяния.

«Прости меня, Женья, — пробормотал я, — мое поведение недопустимо.»

Вопреки Женькиным прогнозам, наутро из бабкиной хаты ничего не доносилось, а ближе к обеду, живая и невредимая, хозяйка помахивала перемотанной клешней, снова

обивая наш порог. На этот раз она пришла к нам не одна. Рядом топталась в смущении невысокая тетка, искоса поглядывая в мою сторону и все порываясь уйти. Бабка то и дело хватала ее за руку, и видно собиралась с мыслями, чтобы озвучить, наконец, причину своего появления. Мне надоело наблюдать эти многозначительные кривляния, и я, постояв немного в дверях, развернулся, чтобы уйти.

«Подождите, — раздалось за моей спиной, — мне говорили, вы знаете толк в медицине. Мне нужен ваш совет, доктор.»

Так высокопарно меня давно уже никто не называл. Последнее мое звание, подаренное мне вспыльчивым воякой, носило весьма презрительный оттенок, и мне неожиданно стало любопытно, что хочет сейчас от меня вежливая незнакомка.

В нынешних суровых реалиях все мало-мальски значимые медицинские учреждения переквалифицировались в научные лаборатории, поднявшись на борьбу с мировой катастрофой. Те, кто нуждался в лечении, были вынуждены обращаться к знахарям и целителям, поэтому мои профессиональные рекомендации были восприняты нежданной гостьей как истина в первой инстанции. Она долго благодарила меня за оказанное внимание и обещала приходить еще.

С этого дня началась моя врачебная практика. К нашему порогу потянулись занедужившие граждане, таща свои проблемы и щедро делаясь наболевшим со странным доктором, замотанным до самых глаз в шерстяные тряпки. В течение двух недель я отвечал на многочисленные вопросы, выслушивал бесконечно повторяющиеся жалобы, и раздавал весьма грамотные советы, приводя в восторг своих скромных посетителей. Женька настороженно относился к моим деяниям, видя в том очередной подвох. Его вечная тревожность вызывала во мне только снисходительное хмыканье, а осознание собственной нужности возвращало уверенность и радость бытия.

Пациенты тянулись ко мне нескончаемой вереницей, развлекая меня трогательными историями о вывихнутых лапах и свернутых шеях. Я, с почтительным вниманием поддерживал с ними светские диалоги, вырастая в своих собственных глазах. Больные благодарили меня горстками сухой дряни, аккуратно завернутой в обрывки бумаги, иногда разбавляя подношения подарками в виде бытовой утвари. Когда количество ложек, чашек и синтетических цветастых тряпок превысило опасный уровень и завалило все горизонтальные поверхности в нашей комнате, я решил прикрыть лавочку. Женька, узнав о моем плане, только облегченно вздохнул.

«Ты здорово рискуешь, принимая у нас незнакомцев, — проговорил он, — они, хоть и выглядят как неотесанная деревенщина, но наблюдательности им не занимать. Твоя замотанная рожа могла бы вызвать интерес не только у слабого пола»

Здесь я с удовольствием согласился бы с благосклонным братом. Вот только у прекрасных дам я больше не вызывал никаких эмоций, кроме благодарности за изящно срезанный мозоль, или грамотно вправленную клешню. А что касается остальных, тем было откровенно насрать, кто именно вылечит им геморрой. Среди моих пациентов не нашлось ни одного, кто явился бы сторонником политических и научных дрызг.

Выпроводив за порог всех своих пациентов, я откровенно заскучал. Моя прерванная карьера вынудила Женьку снова бродить по окрестностям, воруя харчи, и собирать местные новости. А я продолжил свое бездумное сидение у окна. Паника в городе, вызванная больше деятельностью групп реагирования, чем проделками тварей, совершенно не касалась сонных окраин, и мое настороженное оцепенение постепенно сменилось привычным безразличием

и отрешенностью. Если не смотреть в зеркало слишком часто, думал я, можно представить, что все позади, а дальше меня ожидает размеренная полуголодная жизнь, без тревог и потрясений. Однажды мое одиночество было разбавлено появлением очередного пациента, видимо не осведомленного о прекращении практики.

«Здесь, что ли, доктор живет?» — просунул в дверь нечесаную голову неожиданный посетитель.

Я коротко кивнул и с любопытством уставился на визитера. На вид ему было около сорока, но нелепый наряд из рваной нейлоновой куртки и застиранных штанов неопределенного цвета прибавляли ему добрый десяток лет. Мужик неловко протиснулся внутрь и грузно рухнул на мою койку. Хозяйка не стала баловать нас разнообразием мебели, и мне приходилось вести прием, пользуясь тем, что имелось в наличии.

«Ты и правда доктор?» — еще раз уточнил мужик, рассматривая мою замотанную рожу. Я снова кивнул и приготовился выслушивать его жалобы. Однако осторожный гость не торопился делиться сокровенным, готовя для меня новые вопросы.

«А в какой области ты специализируешься?» — выяснял подробности моей биографии настырный мужик.

Я рассказал ему, что имею высшее медицинское образование, знаю фармацию и хирургию, разбираюсь в неврологии, а также владею навыками составления препаратов растительного происхождения. Мужик важно кивал, не сводя с меня почтительного взгляда. Мне, в целом, были безразличны его оценочные суждения, но его искренний интерес располагал и подталкивал к откровенности. Я коротко рассказал ему об обширной практике и все же решил выяснить, что привело его ко мне. Пациент долго собирался с мыслями, и, наконец, решился. Он медленно поднялся с моей койки и, подойдя вплотную, заговорчески прошептал:

«Тут вот какое дело, приятель. Я, знаешь ли сам и не пришел бы к тебе. Вот только один человек уж больно заинтересован в том, чтобы все были здоровы, счастливы и благополучны. Ну он — то и уговорил меня заняться этим вопросом.»

Странные слова посетителя настораживали, но мне было интересно дослушать до конца его загадочные откровения.

«Так значит ты и есть фармацевт, хирург, невролог и ученый, который разбирается в химических снадобьях, так? — с этими словами визитер резко сдернул с меня домотканый шарф и удовлетворенно кивнул, рассматривая мою рожу. — я так и думал, Прохор Степанович. Извиняй приятель, тебе придется пройти со мной.»

От неожиданности я не сразу подобрал подходящие случаю слова, продолжая молча пялиться на визитера. Выходит, Женькины опасения были справедливы, мелькнула случайная мысль, и следом за ней я ощутил весьма болезненный укол в плечо, любезно предоставленный мне вежливым посетителем. Перед моими глазами замелькали темные пятна, контуры предметов потеряли четкость, и я безвольно и неловко рухнул на пол, выпадая из реальности.

Сознание возвращалось ко мне постепенно, короткими эпизодами, наполненными фантастическими картинками. Я видел себя то в центре цветущего луга, освещенного ярким солнечным цветом, то проваливался в глубокие снежные сугробы, то стремительно неся по тугой трассе на своем верном «монстре», оставившем меня много лет назад. Потом картинка разбавилась осознанием неудобной позы, которую я, как ни старался, никак не мог изменить. Я распахнул глаза и с неудовольствием обнаружил, что ни луга с цветами, ни тугой трассы поблизости не было. Я сидел на бетонном ледяном полу, крепко прикрученный к стене короткой цепью, создававшей мне неудобства. Меня окружали скучные бетонные стены и низкий потолок с узким зарешеченным окошком, сквозь которое проникал тусклый дневной свет. О назначении этого нелепого помещения я мог только догадываться, и первое, что пришло в мою гудящую голову, была мысль о промышленном складе. Мысль не стала приоритетной, и вскоре ушла, сменившись другой, более актуальной. То, что осталось в моей памяти до погружения в нирвану, говорило мне о серьезности намерений моих похитителей, о решительности их идей, и о моей незавидной участи. Я мог бесконечно долго перебирать варианты причин моего похищения. Люди Свиридова, равно как и соратники убиенного Захара в равной степени могли интересоваться моей тоскливой персоной. К ним могли легко присоединиться борцы за чистоту нации, и в самом невероятном случае, ими могли стать мстительные нордсвилльцы, выследившие меня в моем спонтанном пути. Размышления прервались острой необходимостью изменить позу, в которой застало меня мое пробуждение. Я неловко приподнялся на ноги, больно выворачивая скрученные конечности, и попытался немного пройтись. Прогулка не обещала быть длительной и приятной, однако и того, что мне удалось, вполне хватало восстановить кровообращение. В окошке стремительно темнело, а сквозь бетонные стены начинал просачиваться холод. Моя невосприимчивая шкура позволяла мне продержаться в ледяном мешке значительное время, однако я не был уверен, что она спасет меня от длительного сидения на бетонном полу. Лапы нестерпимо болели, однако я был готов потерпеть, лишь бы не видеться со своими тюремщиками. Которые, к слову не спешили радовать меня своим обществом, сохраняя интригу. Пока у меня оставалась возможность, я рассматривал темницу, отыскивая в ней приметы, выдающие ее назначение. В наступавших сумерках я едва смог разглядеть дверь, слившуюся с серой стеной, и ржавую трубу, протянувшуюся вдоль потолка. Это были все ориентиры, и они мне не говорили ровным счетом ничего. Махнув рукой на все предпринятые попытки, я снова присел, ежась от холода. Вероятно, мое беспмятство длилось дольше, чем я думал, поскольку я откровенно замерз и изрядно проголодался, прохладжаясь под низкими сводами. Неожиданно до моего слуха донесся едва уловимый звук, в котором я с отвращением узнал поступь своих завоевателей. Мне не хотелось заводить долгих бесед, и в целом, я не был настроен на свидание, однако шаги приближались, а вместе с ними неотвратимо близилась нежеланная встреча. За дверью что-то зашуршало, и вскоре серое полотно нешироко приоткрылось, впуская посетителя. К этому моменту в камерке полностью наступила ночь, окошко слилось с темным потолком, и я не рассмотрел своего гостя. Тот, не тратя усилия на торжественную часть, торопливо подошел ко мне и деловито звякнул моей цепью, возясь с замком. Когда оковы спали, визитер резко рванул меня за лапу, приподнимая с пола.

«Шевелись, Прохор Степанович, — раздался в темноте знакомый голос, — у нас не так много времени.»

«Возможно, мое заточение повлияло на восприятие, и я стал принимать желаемое за

действительное», — подумалось мне, когда я наощупь брел к темному провалу приоткрытой двери. Когда страшный подвал остался позади, поменявшись на непроглядный коридор с такими же бетонными стенами, я рискнул поинтересоваться у своего провожатого:

«Где мы и куда направляемся?»

«Слишком много вопросов, Прохор Степанович, — нервно отозвался тот, — я не готов пока озвучить ответ ни на один из них. Наберись терпения, мой дорогой!»

Мы шли довольно долго, я успел заскучать от долгой дороги, и когда где-то впереди показался тусклый отсвет выхода, мной овладела пугающая мысль избавиться от сопровождающего и рвануть на свет. Я старательно гнал ее из головы, однако она продолжала расти и крепнуть.

«Не вздумай, — донеслось до меня из темноты, — ты и так наделал глупостей больше, чем следовало.»

Я подивился способности моего попутчика читать мысли и подумал о своем последнем свидании с барышней, в красках воскрешая в памяти самые интимные нюансы.

«Прекрати, Прохор Степанович! — тут же отозвался попутчик, — не пытайся казаться хуже, чем ты есть. К тому же мы почти пришли.»

С этими словами мой спутник распахнул еще одну дверь и грубо втолкнул меня в еще одну каморку, мало чем отличающуюся от предыдущей. За тем исключением, что в ней, кажется присутствовала мебель. Провожатый тщательно закрыл за собой дверь и повозившись в кармане, щелкнул фонариком. С непривычки меня ослепило, а перед глазами запрыгали веселые черные клочки. Проморгавшись, я с изумлением уставился на своего тюремщика, в котором опознал своего родного брата Женьку.

«Как тебе удалось меня отыскать? — вместо тысячи слов благодарности прохрипел я, — и все же, где мы?»

«Говори, как можно тише, Тихон, — прошипел он, странно хмурясь. — и не делай лишних движений. Я возможно, расскажу тебе о текущих событиях чуть позже. А сейчас, прошу последний раз, сядь и не двигайся. А главное, не издавай звуки, Тихон, это в целях твоей безопасности!»

Загрузив меня распоряжениями, Женька погасил фонарик и скрылся за дверью, вновь оставляя меня в полной темноте и одиночестве. Я пошарил лапами по стене, отыскивая место для посадки, и послушно присел на такой же ледяной бетонный пол, расслабленно откидываясь на спину. Сейчас я почувствовал себя в относительной безопасности, во всяком случае, обозленный и резкий Женька виделся мне менее опасным, чем все мои возможные преследователи вместе взятые.

Просидев рекордно долгое время в полной тишине и неподвижности, я почувствовал настоятельную необходимость размяться, и сделал попытку встать. Одновременно с моими намерениями дверь приоткрылась, и на пороге вновь показался Женька. В этот раз он вернулся не с пустыми руками. Аккуратно опустив на пол свою непонятную ношу, Женька негромко вздохнул и присел рядом со мной, все так же освещая пространство маленьким фонариком.

«Нам придется побыть здесь некоторое время, — пробормотал он, едва шевеля губами, — ни о чем пока меня не спрашивай, Тихон. Но слушай то, что я буду говорить тебе.»

Голос Женьки несколько не напоминал мне его обычный, мягкий и немного напевный, выдававший в нем уроженца южных краев. Сейчас он звучал глухо и отрывисто, а сам

Женька буквально излучал неприкрытую ненависть. На кого она распространилась, я никак не мог сообразить, но то, что это была именно она, угадывалось без слов.

То, что приволок Женька с собой, оказалось довольно вместительной кожаной сумкой, очень похожей на мою, оставленную в столичных высотках месяца четыре назад. Брат не позволял мне даже притронуться к ноше, тщательно охраняя добытое добро. В полном молчании мы просидели с ним до рассвета, а с наступлением утра я разглядел на осунувшейся Женькиной рожице небольшую ссадину.

«Где это тебя угораздило? — прошипел я, помня о предостережении.

«Нигде, — грубо бросил Женька, не достаивая меня вниманием, — помолчи, очень тебя прошу!»

Брат больше не исчезал, проводя с моей компании все дни, и все также не подпуская меня к сумке. Наконец, по прошествии недели или около того, Женька снова скрылся за дверью, а когда вернулся, то жестом приказал мне подниматься.

«Уходим, Тихон, — прошептал он, пристально глядя на мою рожу, — и да, не забудь вещи.»

Для чего он вводил все эти ограничения, я так и не понял, но, не желая бесить и без того нервного приятеля, я поднялся, и протянул лапу к кожаной сумке. Сумка и в самом деле оказалась моей. С ней я прошел несколько тысяч километров и почти за полсотни лет сумел привыкнуть к неизменной своей ноше. Каким образом она оказалась сейчас у Женьки было самой загадочной загадкой из всех остальных. Даже обнаружение места моего вынужденного заточения я мог объяснить простой Женькиной наблюдательностью. Брат, видимо стал свидетелем моего похищения и выследил дорогу до подвала. Это-то как раз вопросов у меня не вызывало. После пункта о внезапно обретенной сумке, меня мучили вопросы о нашем таинственном перемещении по бетонным коробкам и обязательном молчании, и неподвижности в течении нескольких часов подряд.

Женька вел меня по заброшенным промышленным зонам, уверенно перелезая через бетонные заборы, и минуя полуразрушенные своды покинутых цехов. Наконец, наш замысловатый путь завершился возле насквозь проржавевшей двери, ведущей в некое подобие погреба. Женька решительно потянул на себя дырявую створку и шмыгнул на едва держащуюся лестницу, ведущую в подземелье. Он молча скатился до самого низа, и свернув в полутемный коридорчик, направился дальше, уводя меня от дневного света. Наконец перед нами выросла еще одна дверь, маленькая и относительно крепкая. За ней обнаружилась тесная комнатка, без окон, где, по всей видимости предстояло пожить нам некоторое время.

«Располагайся, Тихон, — наконец проговорил Женька, возвращая себе прежнюю интонацию, — теперь это твой дом. Ну и мой, по всей вероятности. Согласен, комфорта тут маловато, но согласись, это лучшее место, учитывая сложившиеся обстоятельства.»

Я осторожно поставил сумку на железную панцирную сетку и вопросительно уставился на брата.

«Может сейчас ты объяснишь мне, что означали твои военно-патриотические игры? — не сдержал я любопытства»

«Это не игры, Тихон, — неожиданно серьезно проговорил он. — мне бы не хотелось бы возвращаться к этим событиям, но ты должен их знать. Господин Свиридов, как оказалось, не так прост, каким мог показаться в первую встречу. За ним стоит столичный центр по чрезвычайным исследованиям, и это они вынуждены отправлять ему ежедневные отчеты по разработке новых препаратов. Иван Иванович немного поторопился, раскрывая тебе тайные

цели Центра, о чем сейчас отчаянно жалеет. Все то время, пока мы прохладжались на необитаемом острове, а после утрашали Нордсвилл своим пребыванием, он не переставал искать тебя. Я не могу сказать с уверенностью, что для него было приоритетней — уничтожить тебя, или снова включить в рабочую группу. Одно могу сказать наверняка — ты по-прежнему нужен ему. Ему повезло, своей безудержной медицинской деятельностью ты обозначил свое пребывание, и Свиридов немедленно воспользовался этим. Он отправил своего человека, но не учел твоего нового облика и открывшихся вместе с ним возможностей. То снадобье, которое привез тебе в подарок твой неожиданный пациент, было рассчитано на людей. На тварь оно подействовало особым образом. Тебе несказанно повезло, Тихон, что я вовремя вернулся и застал вас до того, как на подмогу к твоему гостю подтянулось подкрепление.»

Женька надолго замолчал, заставляя меня снова озвучить свои вопросы.

«За время моих скитаний по городу в поисках жратвы, — задумчиво продолжил Женька, — я отыскал немало заброшек, и всерьез подумывал перебраться в одну из них. Чтобы спрятать тебя, я выбрал самую дальнюю и неприметную из всех. Когда группа поддержки людей Свиридова, почуяв неладное, подтянулась к летней кухне, мы с тобой были уже далеко. Снадобье действовало именно так, как рассчитывал господин Свиридов. Ты полностью подчинялся командам, только исходили они от меня. Мне пришлось привязать тебя, чтобы ты не наделал глупостей снова, Тихон. Ну а потом, я продолжил свои, как ты их назвал, военно-патриотические игры, чтобы запутать следы. И еще мне удалось стащить твою сумку, которую Свиридов, видимо, берёт нежнее и бережнее, самого дорогого из всего сущего. Там все твои реактивы и записи. Я не знаю, как эта сумка оказалась у твоего гостя. Скорей всего, он хотел, чтобы ты, не отходя от кассы, вновь принялся за разработки. А может хотел надавить на больное, взяв ее в заложники. Кто знает... он теперь вряд ли расскажет о своих планах.»

«Не расскажет? — тупо повторил я, и нехорошее предчувствие заворочалось в моей голове, — почему?»

«Ты придушил его, — просто отозвался Женька и скривился от отвращения, — ты сделал это в тот момент, когда гость всадил тебе сыворотку. Я успел насладиться зрелищем. А еще я успел спасти тебя от расправы. Справедливой расправы, Тихон. Скажи мне, что заставляет меня тоже становиться преступником, покрывая твои грехи? И если ты сделаешь это убедительно, я и дальше буду зарывать твоё дерьмо, скрывая тебя от закона. Но если твои слова не достигнут моего понимания, нам придется расстаться, дружище.»

Я молча слушал Женьку, не находя не только убедительных слов, но и просто любых слов, способных оправдать мои поступки. Я не помнил ни минуты из того, о чем говорил мне Женька, но и того, что я слышал, было достаточно, чтобы самому сдаться в руки правосудия.

«Зря ты притащил меня сюда, Женя, — наконец прохрипел я, глядя на свои изуродованные лапы. — и да, ты прав, я не знаю таких слов.»

Женька негромко усмехнулся и, оставив на койке небольшой сверток с концентратом, вышел за дверь.

Глава 23.

Заброшка, которую Женька отыскал для Тихона, располагалась недалеко от берега и

была идеальным местом для незаметного существования в течение довольно длительного времени. Группы реагирования никогда не появлялись в подобного рода местах, слепо исполняя приказы высокого начальства. Очередное Женькино смелое решение оставить Тихона самому разгребать наваленные проблемы стало неактуальным, стоило Дергачеву переступить порог погребца. В его крови продолжал бушевать огонь справедливости и гуманизма, однако с каждым шагом желание вернуться к несчастной твари становилось все отчетливее. Женька еще долго перемалывал только что озвученные Тихону условия, и не заметил, как очутился у самого моря, нехотя выбрасывающего тяжелые волны на галечный берег. Женька присел на сырой валун и закрыл глаза. Все, что происходило сейчас с ним, казалось ему большим кошмаром, но что сделать для того, чтобы проснуться, Женька придумать не мог.

«Скучаем, мил человек? — вывел Женьку из состояния горестных раздумий знакомый голос. — чего пригорюнился, аль беда какая случилась?»

Дергачев поднял голову и в изумлении уставился на старого знакомца, втихую балующегося спиритическими сеансами. Кладбищенский сторож понимающе усмехнулся, и легко присел рядом, как будто такие вечерние встречи были самым обычным делом.

«Вы как тут?» — пробормотал Женька, тут же расставаясь с мыслью о призрачности загадочного Нордсвилла.

«Пришел, что ж удивительного? — просто отозвался дед и тяжело вздохнул. Весь его вид говорил Женьке, что пришел дед не просто так, что с ним тоже случилась какая-то беда, и что прямо сейчас Женька станет свидетелем новой страшилки, и возможно с участием темных дедовых приятелей. Однако дед продолжал сохранять интригу, и не торопился расставаться со своими тайнами. К Дергачеву снова вернулась мысль о странном Нордсвилле, и он, не удержавшись, озвучил ее кладбищенскому сторожу.

«А что, Нордсвилл и правда существует? — поинтересовался нетактичный Женька, а дед только качнул головой.

«А почему бы ему не существовать? — обыденно пробормотал он, выныривая из тягостных раздумий, — существует же ваш дикий мир, так почему бы не быть Нордсвиллу? Я помню еще те времена, когда вместо большого города на его месте ютилось всего паратройка избушек. Я тогда вернулся с западных склонов, да и остался там. Много лет я прожил, не покидая тех земель, я не сторонник долгих скитаний.»

Дед замолчал снова, погружаясь в воспоминания.

«Нордсвилл считался самым зажиточным городом, — наконец озвучил дед спустя продолжительную паузу, — да только видать, недолго ему осталось. Дикие твари совсем одолели, пробираясь к самым домам и уничтожая случайных прохожих. Нет против них управы, сколько ни бейся!»

В словах деда звучало столько отчаяния, что добросердечный Женька сам проникся посторонней бедой.

«Неужели ничего не помогает? — изумился он, — ведь это всего лишь волки, они грозные и опасные, но это только животные. Взрослое население города вполне смогло бы справиться с напастью, устроив пару тройку хороших облав.»

На эти вполне справедливые замечания сторож с нордсвилльского кладбища только пожал плечами.

«Так-то оно так, мил человек, да и не так. Против этих зверюг даже я оказался бессилен, — грустно поведал дед сокровенное, а Женька весело рассмеялся, неожиданно

вспомнив дедову траву. Учитывая почтенный возраст древнего старца, а также его невеликую комплекцию, вряд ли он вообще смог бы оказать должное сопротивление грозной напасти.

Дед мельком взглянул на веселящегося Женьку и назидательно проговорил:

«Зря смеешься, мил человек. Думаешь, я старый и хилый? Ладно, это твое право. Да вот только когда ты в последний раз вспоминал про свои обмороженные кровавые лапы, а, мил человек?»

Дед говорил, не меняя интонации и тональности, однако Женька отчетливо уловил досаду и обиду, прозвучавшую между строк. В самом деле, с той самой веселой ночи, проведенной в кладбищенской сторожке, Женька ни разу и не глянул на некогда израненные ступни, навсегда забывая о терзающей боли. До этого дня другие заботы занимали лидирующие строчки, и мешали оценить собственное здоровье.

«А ведь и правда, — потерянно проговорил Дергачев, уставясь на совершенно целые и здоровые стопы. — я и не заметил. Не до того как-то было. Но спасибо, если вы приложили к этому руку. Как вы это сделали?»

Но скромняга сторож не пожелал делиться рецептами. Вместо этого он достал из кармана знакомый пучок растений и с сомнением принялся рассматривать его сморщенные ингредиенты.

«Ты вот не веришь моим словам, мил человек, — наконец проговорил он, — тогда погляди, что творится нынче на улицах Нордсвилла»

С этими словами странный Женькин собеседник принялся проводить таинственные манипуляции, в результате которых от скрюченного пучочка повалил густой белый дым, мягко обвалакивая Женькино сознание.

«Опять дед за свое, — решил Женька, с интересом вглядываясь в размытую картинку, внезапно проявившуюся в белых клубах. Изображение было нечетким, смазанным, однако, чем сильнее клубился дым, тем ярче виделось изображение. Вскоре вниманию бродяги предстала весьма пугающая сцена, включающая в себя эпизоды нордсвильских улочек и колышущегося серого моря, в котором изумленный Женька узнал страшную стаю. Стая медленно и целенаправленно текла к одному из нордсвильских домов, просачиваясь внутрь. Картинка была без аудио сопровождения, однако и того, что она транслировала, вполне хватало, чтобы вызвать ужас и панику.

«Что это? — прошептал Женька, выныривая из густых клубов. — как вы это делаете?»

Похоже, эта фраза легко заняла бы первое место в конкурсе самых популярных фраз в разговоре со сторожем.

«Тут надо бы спросить, не «как», а для «чего», мил человек. — сокрушенно и внезапно равнодушно отозвался дед. — да только вот в этом нет больше проку. Я и не рассчитывал, что ты сможешь помочь в нордсвильской напасти. Хоть в тебе и есть знание. Но, видно, я ошибся, мил человек, ты не тот, кто мог бы нам помочь»

Дед снова замолчал, а обескураженный Женька задумался над его словами, произнесенными с отчетливым разочарованием. О каком знании говорил полусумасшедший кладбищенский сторож? Почему он увидел в неприметном Женьке источник избавления от серых стай? Женька не был даже охотником, не говоря уже об обладании особыми навыками в борьбе с природными катаклизмами. В конце концов, Женька пришел к выводу, что дед попросту свихнулся от своих народных зелий и сейчас просто теряет связь с реальностью. Дергачев хотел было откланяться и уже поднялся, чтобы уйти, но в тот же момент за его

спиной раздались тяжелая решительная поступь. От нордсвилльской напасти, так виртуозно преподнесенной загадочным дедом, Женьку перебросило в реальность, и он с тоской подумал о полуночных рейдах групп реагирования. Сейчас он корил себя за неосмотрительность, за излишнее любопытство и мечтал оказаться прямо сейчас в ржавой заброшке своего обезображенного брата. «Впрочем, с этими мечтами, скорей всего придется расстаться,» — с горечью подумал Женька, опасаясь ненароком выдать убежище своего личного чудовища.

Шаги замерли и остановились совсем близко. Женька мог без труда различить хриплое дыхание и негромкое фырканье, в котором узнал отличительные признаки присутствия твари. Не успев придумать, что было бы предпочтительнее, визит силовиков или появление диких, Женька смело развернулся, приготовившись принять бой. Однако, к его великому облегчению, тварь оказалась хорошо ему знакомой и не вызвала много опасений. Вероятно, Тихон, истосковавшись в одиночестве, решил предпринять весьма смелую попытку ночной прогулки.

«Возвращайся обратно, — прошипел ему Женька, в тайне опасаясь ночных облав, — ты чего тут?»

Однако Тихон, периодически теряя способность внятно излагать мысли, только визгливо фыркнул, отступая в тень. Дед, молча и без особого интереса наблюдая эту сцену, продолжал извлекать из пучочка белый дым, видимо делая это автоматически. Дым разрастался, захватывая собой часть побережья, однако больше он ничего не демонстрировал, а только мешал нормально дышать и бесполезно набивался в легкие. Тихон, тоже попав под влияния чудо-травы, отчетливо фыркнул снова, и неожиданно внятно произнес:

«Что ты тут делаешь, Женька? Сам говорил не бродить по ночам, тем более, вездесущие группы могут ради разнообразия заглянуть и в наши богом забытые края.»

Женька хотел было рассказать Тихону о внезапной встрече, и собрался представить ему старого знакомого, но, обернувшись, с изумлением воткнулся взглядом в совершенно пустой валун, на котором минуту назад сидел кладбищенский дед.

«В Нордсвилле совсем беда,» — только и сумел пробормотать он, и понимая, что несет ерунду, потерянно замолчал.

Тихон снова негромко усмехнулся и уверенно ухватил Женьку сильной рукой.

«Уходим, Женька,» — пробормотал он и направился в сторону своей заброшки. Женька послушно поволокся следом, косясь на сильную ладонь, сжимающую его плечо. В ней не было ничего особенного, ладонь как ладонь, но Дергачев никак не мог отвязаться от мысли, что выглядит она весьма необычно. Он уже привык к кривым отросшим когтям и искривленным уродливым пальцам, и поэтому сейчас не с первого раза сообразил, что не видит перед собой ни когтей, ни искривленных пальцев. Осененный внезапной мыслью, Женька резко затормозил, и развернув к себе лицом своего попутчика, изумленно уставился на едва различимые в темноте тонкие и правильные черты, которые уже начал забывать.

«Что с тобой? — проговорил Тихон и осекся на полуслове, прислушиваясь к своему голосу. В нем сейчас не было пугающей хрипоты, визгливых нот, и в целом он звучал тихо и приятно, так, звучал всю его долгую жизнь до момента обращения.

В Женькиной голове мелькнула мысль о дедовой траве, но мгновенно пропала, поскольку Тихон тоже почувствовал внезапные изменения. Он недоверчиво рассмотрел тонкие аккуратные пальцы, ощупал обросшее лицо и, не произнося ни слова, рванул к своей

заброшке.

Женька едва поспевал за стремительно ускользящим в темноту братом, про себя гадая, в какой именно момент его обезображенный брат вернул себе прежние очертания. По всему выходило, что всему виной дым, в клубы которого так неосторожно влезла уродливая тварь.

«Ты снова красавец,» — потерянно проговорил Женька, когда они ввалились в тесную комнатку и запалили одинокий фонарь, едва ли освещавший сотую часть невеликого пространства. Женька принялся заплотом рассказывать Тихону все подробности ночного свидания, боясь упустить детали. Он опасался, что Тихон посмеется над его рассказами, приняв их за всплеск нездорового Женькиного воображения, однако тот с искренним вниманием выслушал все, что касалось появления на берегу кладбищенского сторожа. Когда же Дергачев перешел к той части повествования, где упоминались странные видения, Тихон прервал его и задумчиво проговорил:

«Я знаю, что творится в Нордсвилле, Женька. Я видел это в белом дыму. Я видел, как волки проникают в жилища и терзают в клочья ни в чем не повинных граждан. Но, знаешь, что обратило на себя мое внимание? Это были волки, несомненно, но я видел не волков. Это были люди, Женька. Преображенные люди. Я понял это по особенностям строения их уродливых туш, и еще, я видел, как сквозь их серые морды отчетливо проступают человеческие лица. Похоже, Нордсвиллу и правда нужна наша помощь»

Глава 24.

Тварь визжала и царапалась, стараясь ухватить Женьку за ногу. Тот изо всех сил уворачивался от кривых когтистых лап и с тоской вспоминал утро нынешнего дня.

На рассвете они с Тихоном выбрались из своей каморки, отправляясь на еженедельную охоту. Так они оба стыдливо называли грабительские вылазки к заброшенным торговым точкам, где пополняли свой продовольственный запас. Тихон, волшебным образом вернувший себе прежнюю красоту, уже не демонстрировал пренебрежительного «фи» в адрес Варвара, чей облик время от времени приобретал хозяйственный Дергачев. Высокие задачи требовали решительных мер, как говаривал когда-то незабвенный друг детства, и Женька, придерживаясь этого справедливого постулата, наловчился утаскивать из-под носа тоскливых продавцов торговых павильонов коробки с концентратом. Вообще-то, с недавнего времени было принято на законодательном уровне честно обменивать разные бытовые предметы на крохотные емкости со жратвой. Это считалось нормальной практикой и приравнивалось к правилам этикета. Деньги давно вышли из употребления, навсегда потеряв свою ценность, и совестливые граждане таскали в торговые точки всякий ненужный хлам, еще сохранившийся в стремительно разоряемом хозяйстве. Дергачев не придерживался этикета, отчасти потому, что таскать на обмен ему было совершенно нечего, а жрать нестерпимо хотелось. Тихон первое время тяжело и осуждающе вздыхал, наблюдая за вороватым братом, но, смирившись с суровой необходимостью, постепенно втянулся в процесс и теперь с видимой охотой составлял Женьке компанию в незаконных нападениях на продуктовые ларьки. В условиях тотальных проверок и участвовавших нападений диких, им невероятно везло всякий раз возвращаться в свой подвал целыми, здоровыми и нагруженными недельным запасом отвратительного месива, именуемого едой. Последнее утро выдалось откровенно неудачным во всех отношениях. До торгового павильона магазинные ворюги протоптали дорогу, которую могли преодолеть с закрытыми глазами. Она всегда была пустынна и тиха, поскольку брала свое начало от необитаемых заброшек. Однако именно сегодня на пути Женьки и Тихона выросли brave бойцы охранения и проявили неумное любопытство в отношении правомерности перемещений по территории подведомственного объекта. Так или почти так сопроводили свое появление огромные туши, облаченные в невзрачную серую робу. Женька ничего не понял из столь занудного приветствия и, вежливо кивнув, ловко вывернулся из захвата. Стараясь не прислушиваться к тут же озвученным репликам, Дергачев помчался по улице, петляя между стихийно накиданных свалок. Тихон не стал бросать приятеля и рванул за ним, оставив обалдевшую охрану тупо пялиться им вслед. Потерявшие деловую хватку стражи безопасности, спустя вечность бросились было следом, однако внезапно возникшие в переулке твари вынудили их сменить маршрут и уделить внимание представителям новой расы. К слову, за последний месяц активность тварей возросла, и приобрела пугающие оттенки. Если раньше нахальные, но осторожные уродцы могли по одиночке нападать на зазевавшихся граждан и торопливо расправляться с ними на месте, то теперь они предпочитали делать собственные продовольственные запасы, похищая соотечественников и утаскивая их в укромные уголки. Эта информация долгое время никем не воспринималась серьезно и периодически обростала

совсем уж неправдоподобными нюансами. Поэтому Женька не верил в сплетни и слухи, продолжая держаться от диких подальше и таская в кармане неизменный нож. Оторвавшись от преследователей, беглецы решили отложить неправомерные действия до более благоприятных времен и вернуться на побережье. Тихон весьма аргументированно донес до разочарованного Дергачева свое видение ситуации и тут же был сбит с ног неожиданно появившейся тварью. Та крепко вцепилась Тихону в спину и угрожающе зарычала. Женька привычно всадил в уродца свое оружие, однако тварь не оценила оказанного внимания, и, огрев легкую добычу по голове огромной лапой, ловко скрутила ей руки и поволокла по улице. Женька пару секунд смотрел вслед резво удаляющейся твари, после чего подавив нарастающую панику, рванул следом, выручать брата. Тварь перемещалась быстро и стремительно, а свою ношу и вовсе не рассматривала как нагрузку. Женька сумел пару раз пырнуть обнаглевшую тварь ножом, но видимого успеха не добился, поскольку та, достигнув какого-то жилого дома, ловко нырнула в подвал, утаскивая безвольно болтающегося Тихона с собой. Женька прыгнул следом и тут же был схвачен другой тварью, притаившейся в сумраке лестницы. Это обстоятельство немало удивило Дергачева, но развить эмоцию не успело, поскольку тварь несильно приложила очередную добычу по голове и лишила Женьку способности к анализу.

Женька очнулся в сером сыром подвале, куда запасливая тварь сгрузила свой будущий ужин. На Женьку со всех сторон нависали сырые, покрытые влажной плесенью, ледяные стены, а рядом, на бетонном полу, в неудобной позе валялся Тихон. Он был без сознания, но видимых повреждений и ран не имел. Женька торопливо принялся трясти за плечи невезучего добытчика, пытаясь вернуть его в действительность.

«Очнись, Тихон, — бормотал Женька, тормоша безвольную тушку, — пора вались отсюда, пока не вернулись твари.»

Тихон бессистемно мотал головой, и было непонятно, соглашается он с озвученным предложением или выражает готовность поторчать в подвале еще немного. В разгар реанимационных мероприятий, дверь в подвал распахнулась и на пороге показалась тварь. Она тяжело подошла к добыче и наклонилась, пуская тягучие слюни прямо на пленников.

«Уии! — рывкнула она, — rrr, urrrr!»

Женька поморщился от нестерпимого смрада, исходящего их тюремщиком и приготовился достойно встретить смерть, так, как полагается героям. Он был уверен, что дикое существо, не раздумывая, разорвет сначала его, а потом Тихона, и на этом их бесцельное существование наконец-то прекратиться. Однако захватчик продолжал рычать, брызгать слюной, демонстрируя превосходство, но жрать не торопился. Обмазав щедушных найденышей липкими слюнями, тварь гордо удалилась, напоследок взрыкнув что-то в высшей степени надменное и презрительное. Женька тут же воспользовался приоткрывшимися возможностями, и, не зная других способов, с размаху вlepил Тихону звонкую пощечину. Так однажды в детстве его привела в чувство суровая воспитательница, когда он слишком долго проторчал на жаре и потерял сознание от теплового удара. Способ и правда, оказался действенным. Тихон недовольно завозился, возвращаясь к реальности и недоуменно уставился на Женьку, как только окружающий мир прогрузился до конца.

«Чего ты? — пробормотал он, — ты решил сменить дислокацию? Где мы, Женья?»

«Тебя схватила дикая тварь, — торопливо сообщил Женька шокирующие подробности, — она закрыла нас в подвале. Но она действовала не одна. Они, как мне кажется, научились работать в команде. Нам нужно выбираться отсюда, Тихон, чем скорее,

тем лучше. Пока они не вернулись, что бы дожрать нас»

Очевидно, несдержанная тварь перестаралась, вырубая тощую добычу, поскольку пришедший в себя Тихон, продолжал крутить головой и выпадать из действительности.

«Схватила тварь? — нудил он, явно не доверяя Женькиным новостям, — давно всем известно, что дикие никогда не отпускают своих жертв, тут же разрывая их на куски. Во всяком случае, я сам...»

Околонаучные лекции были прерваны грохотом, донесшимся из-за плотно закрытой темницы. Женька, шатаясь, подскочил на ноги, и оглядевшись, обнаружил приоткрытое окошко, под самым потолком. Очевидно, тварям еще рано объявлять мировое господство, подумал Женька, оценивая силы. Их коллективный разум еще слаб и кое-где дает осечки. Размеры окна вполне позволяли протиснуть наружу обеих пленников одновременно, и, мысленно усмехнувшись, Женька не с первого раза, забрался на узкий подоконник.

— Поднимайся, Тихон, — воззвал он с высоты, — довольно прохладиться, приятель. Скорее, сюда!»

Тихон, едва держась на ногах, кое как доковылял до стены и, собрав силы, неловко повис над полом. Нетерпеливый Женька крепко уцепился за руку приятеля и с усилиями затащил его на подоконник.

— Так-то лучше, — пропыхтел он, переваливая тяжелого Тихона на улицу, — бежим, дружище! Сегодня твари останутся без обеда!

Дом, где недалёковидные похитители прятали свой несостоявшийся ужин, располагался на не слишком оживленной улице, одним своим краем упирающимся в пустующие склады. Добравшись до полуразрушенных строений, Женька предложил немного отдышаться и сделать привал, поскольку старания твари по дезактивации пленников даром не прошли. Голова кружилась и болела, а ноги совсем отказывались выполнять прямые функции. Кроме того, прямо сейчас в мозгах раздавались отвратительные звуки, напоминающие непрерывный гудящий звон. Если бы Женька описал свои симптомы Тихону, тот наверняка бы диагностировал брату надвигающийся инсульт, поэтому Женька благоразумно молчал, самостоятельно справляясь с надоевшими звуками. Тихон озвучил симптомы сам, при этом некрасиво кривя тонкое лицо.

— Женька, эти непрерывные звучания сводят меня с ума, — доверчиво поведал он и неожиданно толкнул Женьку за один из уцелевших гаражей. Дергачев рухнул в раскисшую жижу и тут же понял, что, инсульт пока им не грозит, поскольку из ближайшей подворотни, прямо на них надвигалось серое марево, издающее те самые пронзительные звуки. В первую минуту Женька не сразу понял, что колыхающаяся туча имеет составляющие элементы, при ближайшем рассмотрении, оказавшиеся обычными дикими тварями. Все они, тесно сомкнув ряды, двигались в едином порыве, как сказали бы дикторы советского телевидения. Каждая тварь пронзительно взвизгивала, передавая вокальную эстафету следующему участнику. Таким образом, возникало непрерывное единое визжание, отдаленно напоминающее пение.

— Они поют? — потрясенно ахнул Женька, все еще не замечая главного.

— Это единственное, что тебя удивило? — тут же отозвался Тихон и задумчиво добавил, — твари всегда были одиночками. Они видели в себе подобных соперников, врагов, добычу, черт знает кого, только не соратников. Что с ними произошло?

Скоординированный отряд замер, дойдя до гаражей, и резко оборвал занудное пение. В разом наступившей тишине было слышно, как колотится барабаном Женькино сердце. Тихон негромко усмехнулся, продолжая задумчиво пялиться на вокальный коллектив. Твари

замерли, словно ожидая чьего-то приказа, мерно покачиваясь и глядя прямо перед собой. Очевидно, что негласный приказ все же прозвучал, поскольку серое марево шевельнулось, завибрировало и потекло в сторону одного из гаражей. Там оно обволокло плотным кольцом ржавое строение и без видимых усилий приподняло его над землей. Все, что делали твари, казалось нелепым и бессмысленным, однако, все же в каждом движении угадывалось значение. Правда, что оно несло в себе, это значение, оставалось за гранью понимания. Твари легко перевернули старый гараж, уложив его на бок и наполнив двор скрипом и металлическим лязгом. Женька был уверен, что адский грохот немедленно выгонит на улицу обозленных жителей и заставит от души навалить распоясавшимся нелюдям за самоуправство. Однако акт вандализма прошел без постороннего вмешательства и ажиотажа не вызвал. Твари так же бессмысленно развернулись и, повинувшись очередной установке, утекли обратно в подворотню.

«Что это было? — прошептал Женька, цепляясь за рукав Тихона, — не думал, что когда-нибудь скажу такое, но прямо сейчас я с большим удовольствием понаблюдал бы, как твари гоняются за добычей, чем слушать и видеть то, что увидел и услышал только что».

Тихон предпочел оставить Женькины наблюдения без комментариев и потянул его к подвалу.

«Сегодня, Женя, мы тоже остаемся без ужина, — грустно констатировал он, торопливо перебегая от подворотни к подворотне, стремясь достичь побережья, — предлагаю не рисковать и уснуть голодными. Но целыми.»

На Тихона происшествие с тварями не произвело ровным счетом никакого впечатления. С того памятного дня, когда к нему вернулась его кожаная тетрадка с записями, он целыми днями копался в своих формулах, по сотому разу перечитывая давно выученные наизусть стройные ряды цифр. Женька не видел в подобном времяпровождении практического смысла, поскольку опытов Тихон не проводил и наблюдениями не делился. Вернувшись в подвал, Тихон ожидаемо достал тетрадку, и потеряв интерес к миру в целом, погрузился в изучения. Женьке не раз приходило на ум, что ученый подобным образом стремиться отвлечься от реальности, и прячется за своими цифрами, как за ширмой.

«Тихон, — рискнул озвучить Женька вполне нейтральное соображение, — как ты думаешь, настанет ли такой день, когда мы с тобой обзаведемся собственными домами, разведем во дворе кошек, сядем у камина и придем к выводу, что жизнь удалась и жалеть не о чем?»

Тихон нечитаемым взглядом уставился на романтично настроенного брата и коротко отозвался:

«Не знаю, Женя.»

После чего уставился в окошко. Постепенно его отрешенно-задумчивое выражение на лице сменилось настороженным вниманием, и он нехотя продолжил начатую мысль.

«Но, если ты хочешь поразмышлять о насущном, можешь начинать прямо сейчас. — говорил он, не отрывая взгляд от происходящего не улице, — Правда вместо камина могу предложить весьма качественный пожар, а кошек заменит тебе свора...»

Тихон оборвал свою мысль и стремительно покинул тесную каморку, привлеченный событиями, развернувшимися за окном. Женька попытался остановить рассеянного ученого и напомнил ему о диких, о группах реагирования, о ночных проверках и комендантском часе, однако последние предостережения услышали только сырые стены, Тихона в каморке не было. Женька с любопытством всунулся в окно тоже, но кроме чернильной тьмы ночи не

сумел разглядеть ничего занимательного.

Глава 25.

Огненные всполохи плясали в закопченном окошке, рожденные огромным стихийным кострищем, разожженном на пустыре между заброшенных зданий. В его слепящем отсвете я видел силуэты, постепенно трансформирующие в весьма знакомые очертания, с кривыми лапами и вытянутыми мордами. Дикие твари, образуя тесный неровный круг, хаотично двигались перед разгоравшимся огнем, то и дело взмахивая неестественно вывернутыми лапами. В их ритуальном танце не было слаженности и четкости жестов, однако всем своим нестройным хороводом твари наводили на мысль о проведении некоего обряда. Был ли этот обряд направлен на привлечение стратегической удачи в мировом господстве, или дикие подобными плясками отмечали окончание рабочего дня, оставалось за гранью моего понимания. Однако, в целом, танец завораживал, заставляя забыть о чрезмерно близкой опасности. Твари то расходились, вскидывая конечности в хаотичном порядке, то, столпившись в кучу, дружно исчезали в пламени, чтобы через минуту снова превратиться в непрерывный хоровод. При этом они не забывали взвизгивать, знакомо сливаясь в омерзительную какофонию. Внезапно, их бестолковое кривляние замерло, хоровод рассыпался, а твари одна за другой обрушились на землю, становясь на четвереньки и обретая непривычные для себя силуэты. Их уродливые тела вытягивались, покрываясь густой серой шерстью, отчетливо различимой в угасающих отсветах. Когда последняя тварь опустилась на четвереньки и приняла полное сходство с диким животным, серая стая задрала вытянутые морды вверх и протяжно завывала, наполняя ночную тишину тоскливым звучанием.

«Ты чего тут делаешь столько времени?» — раздался за моей спиной знакомый голос и вернул меня к реальности. В какой именно момент исчез костер и серая стая, я сказать затруднялся, а спрашивать о том Женьку почему-то не захотел. Я послушно развернулся и втиснулся в сумрак подвала. Женька шмыгнул следом и уселся на топчан, наблюдая за мной. В первые дни моего чудесного обращения в прежнего Тихона, молодого и красивого, Женька то и дело вскакивал среди ночи, отслеживая возможные изменения моего чарующего обличия. Мне всегда казались излишними столь открытые беспокойства, но я, ценя заботу, неизменно притворялся крепко спящим, позволяя Женьке как следует рассмотреть мою рожу на предмет новых повреждений и возможных преобразований. Нынешней ночью подобный фокус не пригодился, поскольку ночное бдение лишило меня последних сил и погрузило в здоровый крепкий сон, к счастью, без сновидений.

Из состояния нирваны меня выдернул настойчивый стук в окно. Я распахнул глаза, привыкая к сумраку, и прислушался. Мой беспокойный друг крепко спал, уткнувшись лицом в грубо сколоченные доски своей лежанки и на стук не среагировал. Стук повторился, а я внезапно ощутил неосознанное желание увидеть непрошенных гостей. Все мои мысли о внезапных проверках, поисковых отрядах, о совершенных мной преступлениях и осторожности разом исчезли, уступив место некой цели, которую необходимо достичь. Наскоро приведя себя в порядок, я выскользнул за дверь, рассчитывая увидеть на пороге бравых бойцов за безопасность. Однако, не увидел никого. Подвал был погружен в предрассветные сумерки, а на видимом глазу пространстве не просматривалось ничего,

кроме темноты. Побродив по окрестностям, я собрался вернуться обратно, как вдруг заметил прямо перед собой неясную колышущуюся тень. Обычно подобные явления вызывали у меня снисходительную усмешку и были больше по душе моему чрезмерно впечатлительному Варвару, верящему во всякую хрень. Однако нынешняя тень странно интриговала и требовала от меня детального изучения. Я двинулся следом за ускользящим силуэтом и не заметил, как подошел к самой кромке воды, оказавшись на берегу. К слову, пока я гонялся за невнятным привидением, мне не встретилось ни единого признака прогоревшего кострища, затеянного дикими. Немало подивившись этому факту, я остановился и неожиданно расслышал хриловатый старческий голос, прозвучавший из темноты.

«Приветствую тебя, Прохор! Или мне лучше называть тебя Тихон? А может, тебе по нраву будет прозвище Заяц?» — все эти вопросы задавал мне кладбищенский сторож, сидящий на сыром поваленном бревне в нескольких шагах от меня. Последняя его ремарка вызвала во мне недоуменное замешательство. Зайцем некоторое время звала меня матушка за мое детское пристрастие к огромной мягкой игрушке, подаренной мне Филом на какой-то праздник. Об этом прозвище знал только я, ну, возможно, ныне покойный Фил, а нордсвиллский дед никак не мог быть осведомлен о столь интимных подробностях моей младенческой жизни.

«Называйте меня как хотите, — невежливо буркнул я, — чего вы делаете тут в такую рань?»

Дед невнятно хмыкнул, уходя от прямого ответа, и продолжая пристально рассматривать мое лицо. Весь его вид напомнил мне старичка-пенсионера, степенно прогуливающегося вдоль побережья в ожидании раннего завтрака. Наконец старый знакомый сделал мне знак присесть рядом. От деда тянуло сырым осенним туманом и лесным болотом, и мне почему-то пришла мысль о скорой и неминуемой простуде, о преклонном дедовском возрасте и о не слишком своевременных прогулках по утреннему зимнему побережью.

«Есть вещи пострашнее банальных соплей, — неожиданно проговорил дед, не сводя с меня глаз, — вот скажи мне, Заяц, как ты провел нынешнюю ночь?»

Во мне шевельнулся шkodливый мальчишка, мигом изобразивший в моей голове весьма игривые картинки. Дед только ухмыльнулся в ответ на мои попытки поддразнить приставалу.

«Ты паялился всю ночь на танцы диких тварей, Заяц, — отозвался он, спустя непродолжительную паузу, — это и радует, и огорчает меня. Всему свое время, мой мальчик, всему свое время.»

Знакомая и давно забытая интонация, сопроводившая знакомую и давно забытую фразу, пробудила во мне странные ощущения. Мне нестерпимо захотелось оказаться в загородной резиденции под высокими березами и снова услышать сдержанный и размеренный голос старика Филиппа Ивановича, укоряющего меня за бесполезность и никчемность моего существования.

«Все может очень скоро измениться. — тут же отреагировал дед на мои размышления, — Твари захватили ваш мир, и это не так весело, как может показаться на первый взгляд»

Мне никогда не казалось присутствие тварей в моей жизни чрезмерно веселым фактом, к тому же говорить о мировом господстве тварей было, на мой взгляд, преждевременно. Но даже такую глубокую мысль я не успел донести до нордсвилдского сторожа.

«Это случиться не сегодня, — по-прежнему отвечая на мои мысли отозвался дед, — и не завтра. Но это случиться обязательно, если ты не перестанешь валять дурака, так, как делал это всю свою долгую никчемную жизнь»

С этими словами дед поднялся с сырого бревна и медленно побрел вдоль побережья, с трудом переставляя старые ноги в нелепых уродливых башмаках.

«Твое время еще не пришло, Тихон Филиппович, — отчетливо проговорил дед, обернувшись ко мне, и растворился в предрассветных сумерках».

«Женя, какого хрена ты треплешь языком, рассказывая первому встречному историю моей жизни? — рывкнул я, возвратясь в каморку после утреннего randevu, — ты ночевал однажды в избушке нордсвиллского кладбищенского сторожа и наверняка поделился со старым наркоманом эпизодами моей биографии, о которых я и сам давно уже ничего не помню!»

Вывалив на ошарашенного Женьку все свои претензии, я резко замолчал и задумался. В моих необоснованных обвинениях со всех щелей торчали нестыковки, и первой из них была история о моем детском прозвище. Женька не мог знать о таких незначительных эпизодах моего детства. К тому же, дед и сам мог наблюдать танцы тварей, блуждая в темноте, а его щемящие фразы просто совпадения. Многие старики говорят с размеренной интонацией, повторяя давно заезженные слова и композиции. И все же, что-то в поведении деда настораживало. Я всегда был далек от разного рода мистических проявлений частной жизни, поэтому принялся рассматривать вопрос с научной точки зрения. На мой профессиональный врачебный взгляд, дед слишком увлекся поеданием веселящих кореньев, а его непонятные словоформы явились отражением параллельной реальности, в которую тот время от времени погружался. Успокоив свое разыгравшееся воображение, я рухнул на жесткое ложе и показательно захрапел, демонстрируя крайнюю степень усталости.

Я продрых до обеда, и после пробуждения мне уже не казалось слишком таинственной предрассветная встреча, а слова нордсвиллского деда виделись мне проявлением старческого слабоумия. Нынешние реалии могли спровоцировать еще и не такой бред, мне часто приходилось слышать от обывателей весьма смелые призывы и горячие речевки. Единственное, что продолжало вызывать во мне тревогу, было поведение Тварей. Слаженность их действий была неосознанная, бессмысленная, но это настораживало больше всего. Мне в голову приходили кое-какие соображения, сырые и не имеющие твердой основы, но они мешали мне жить, и я рискнул убедиться в их ошибочности. Дождавшись, пока привязчивый Варвар скроется с глаз, решая свои бытовые вопросы, я резво покинул каморку и направился в город, проводить сравнительно-поведенческий анализ.

Город встретил меня хаосом и беспределом, впрочем, вызванным поведением вполне разумных людей. Местные, наконец-то возмущившись деятельностью диких и бездействием сильных и значимых, затеяли организовывать стихийные отряды по отражению натиска тварей. В их действиях было мало слаженности, а всю свою энергию мало подготовленные в вопросах стратегии и тактики граждане тратили на громогласные призывы объединяться, рушить и созидать. Конкретики в призывы не вносилось, и я, постояв возле одного такого сборища, медленно направился дальше, изучать обстановку. Пройдя по настороженным улицам довольно длительное расстояние, я выхватил краем глаза темное размыто пятно, стремительно увеличивающееся в размерах. Мне навстречу плыло марево, уверенно и целенаправленно. Оно было точно таким же, какое мы с Женькой наблюдали возле гаражей. Толпа не имела вожака, идейного лидера, руководителя, который бы указывал путь. Так же

не было и пути. Мареву колыхалось бесконтрольно, но держалось в единой куче, не распадаясь и не проявляя иной активности. Зрелище выглядело жутковато, особенно в тот момент, когда стихийная масса неожиданно дружно остановилась и принялась раскачивать фонарный столб. Не было похоже, что это было конечной целью их маршрута. Столб появился на их пути случайно, и я мог бы сказать, что пробудил в тварях волну гнева. Однако это определение не отразило бы истинную сущность акта вандализма. Твари расшатывали столб нехотя, без особого интереса, но действовали слаженно и дружно. Вырвав с корнем ни в чем не повинный фонарь, толпа бросила его в сторону, и поплыла дальше, совершенно игнорируя мое присутствие. В конце улицы твари натолкнулись на другую толпу, более организованную и состоящую преимущественно из разумных людей. Обозленные граждане активно выместили весь скопившийся гнев на представителях новой расы, и чем закончилось мероприятие я так и не узнал, хоть и очень хотел. Увлеченный развернувшимися баталиями, я потерял бдительность и не заметил, как стал объектом пристального наблюдения одного из бойцов охраны. Он, не сводя с меня пристального взгляда, что-то быстро сообщил по радиации и скрылся в бронированной технике. Постороннее внимание я заметил слишком поздно, но постарался скрыться с глаз до того, как это станет неактуальным.

Вечером в дверь нашего подвала раздался уверенный стук. Гостей мы не ждали, но я был уверен, что нечаянный визит тесно связан с моей незапланированной встречей с представителями власти и закона. Бросив равнодушный взгляд на замершего Женьку, я решительно поднялся и распахнул дверь.

Глава 26.

«Моськин Прохор Степанович?» — донесся до Женьки глухой голос визитера. Тихон важно кивнул и отступил на шаг, пропуская в тесное помещение весьма внушительную фигуру серого цвета. Гость проигнорировал проявленное гостеприимство, и, не сдвигаясь с места, так же неэмоционально прогудел:

«Вы пройдете с нами, Прохор Степанович, сопротивляться не советую, проявлять агрессию тоже. Собирайтесь!»

Тихон советам внял, но время на сборы решил не тратить, и коротко кивнув Женьке, шагнул за порог.

Только когда за ним захлопнулась дверь, до Женьки наконец-то дошло понимание всей глубины развернувшейся трагедии. За всеми бытовыми хлопотами Дергачев совсем забыл, что его невоздержанный брат все еще преступник, совершивший массовое убийство, поправший основы родного законодательства и проигнорировавший святыне постулаты общего дела. Озвучив себе все эти грустные, но, увы, очевидные факты, Женька навсегда оставил надежду увидеть когда-нибудь Тихона живым и свободным.

Оглядевшись в опустевшей комнате, Женька заметил оставленную Тихоном, намеренно или случайно, кожаную тетрадку. «Надо бы ее спрятать понадежнее,» — мелькнула мысль, и Женька немедленно приступил к ее реализации. В их подвале был вырыт довольно глубокий подпол, неизвестно с какими целями. Туда-то и запихал хозяйственный Дергачев драгоценный артефакт, тщательно прилаживая тяжелую дверцу. Исчерпав идеи по спасению невезучего брата, Женька уселся на топчан и привычно уставился в стены, обдумывая

ситуацию. Ему отчаянно не хотелось оставаться в одиночестве, которое в одночасье обрушилось на обалдевшего варвара. Только теперь он понял, что несмотря на свою невоздержанность, вспыльчивость и отрешенность, Тихон был единственным родным ему человеком, и расставаться с ним никак не входило в Женькины планы.

«Почему это, «был»? — вызывающе пробормотал Женька и решительно поднялся на ноги, — он и есть. Надо бы попробовать вытянуть его из лап закона и порядка. Он не виноват, что придушил всех этих людей, поскольку не отвечал за свои поступки и действия! А что касается сомнительных опытов, то я поступил бы так же, окажись на его месте!»

Провозгласив аргументированно приправленную фактами речь, Женька снова сел и тяжело вздохнул. Он совершенно не имел представления, с какого бока приступать к реализации смелых решений. По сути, Женька и сам мог бы считаться правонарушителем, поддерживая и укрывая опасного преступника Тихона. Так не придя ни к какому итогу, Женька отправился на побережье.

Морские волны всегда возвращали Женьке душевное равновесие, и способствовали принятию правильных целей и задач. Дергачев внимательно всматривался в серые просторы и терпеливо ждал, когда же эти самые цели наконец-то обозначатся в его взлохмаченных мозгах. Арест Тихона произошел настолько стремительно, что не до конца воспринялся Женькой как вид уголовного наказания. Временами ему казалось, что к Тихону заглянул его давний приятель и пригласил побухать к себе на дачу.

«Наверняка серый тип увез его в столицу, — нехотя забрела еще одна мысль, — там Тихона закроют в какой-нибудь лаборатории, выясняя его принадлежность к обращенным, а после предадут строгому суду. И еще неизвестно, чем все закончится»

От переживаний у Женьки разыгрался зверский аппетит и позвал в город, к продовольственным ларькам. На улицах по-прежнему властвовал беспредел и массовая истерия. Спонтанно организованные группы горожан невнятно выкрикивали лозунги, которые придумывались на ходу, группы реагирования старались не принимать близко к сердцу выражения народного недовольства, а группы тварей предпочитали отсиживаться в подворотнях и на глаза не лезли. Женька благополучно миновал большую часть пути и даже сумел обзавестись заветной коробкой, но на этом его везение закончилось. Покидая обворованный павильон, Женька заслушался складно сочиненными лозунгами и не заметил, как прямо перед ним выросло качающееся серое марево. Замерев, Женька резво развернулся и сделал попытку отступления, однако с тыла его поджидала еще одна организованная толпа уродливых чудовищ. Оба отряда медленно, но неумолимо двигались на обалдевшего Дергачева, продолжающего прижимать к себе нечестно добытый ужин. Когда расстояние между воинственно настроенными тварями сократилось до минимума, Женька сделал последнюю, отчаянную попытку вырваться из захвата, рванулся вбок и тут же был схвачен одним из наиболее ловких представителей новой расы. Тварь больно вцепилась Женьке в руку и крепко прижала к мускулистой груди легкую добычу. Ровно так же минуту назад Женька удерживал свой, по всей видимости, несостоявшийся ужин, сжимая в руках заветную коробку. Тварь победно взвизгнула и приподняла Женьку над землей, демонстрируя трофей остальным. Те, оценив по достоинству тощего человечка, плотнее сомкнули ряды и закачались в некоем подобие танца, издавая при этом протяжные слаженные звуки. Тварь-добытчица зашвырнула Женьку в центр внезапно образовавшегося круга и присоединилась к остальным, резво подхватывая простые движения. Женька распластался на асфальте, плотно прижавшись к земле и вынужденно прислушиваясь к навязчивым звукам. Твари то

сходились, плотно сжимая свой хоровод, то растягивались на максимальное расстояние, впрочем, не выпуская свою негаданную жертву на свободу. При этом каждая из танцующих не забывала подвывать и взвизгивать, вгоняя несчастного пленника в состояния транса. На Женьку накатывали нестерпимые удушливые волны отвратительного смрада, от которого мутилось сознание. Он был уверен, что твари обязательно растерзают его на кусочки, как только им надоест кривляться.

«Лучше бы сожрали меня сразу, — барахталась единственная мысль в затуманенных Женькиных мозгах, — вместо того, чтобы проводить надо мной гастрономические обряды»

Дергачев молился, чтобы сознание покинуло его и лишило возможности наблюдать это безумие. Однако твари продолжали топтаться и раскачиваться, их тоскливые взвизгивания все еще проникали в Женькины уши, а неминуемая расправа откладывалась, нагоняя на Женьку тоску.

«Сожрите меня уже! — хотел было заорать он, устав задыхаться в вонючем кольце, однако слова обретали небывалые размеры и привычно застревали в горле, как бывало у Женьки в минуты сильных душевных потрясений. Наконец, милостивая природа сжалилась над Дергачевым и погрузила его в состояние анабиоза, накрыв спасительной темнотой.

«Парень, очнись! Эй, парень! — расслышал Женька призывный шепот, проникший в сознание словно сквозь толщу воды. Женька послушно распахнул глаза и уставился на склоненное над ним обеспокоенное незнакомое лицо. Человек, настойчиво добивавшийся Женькиного внимания, облегченно выдохнул и попытался усадить бедолагу, грубовато рванув того за плечи. От резкого движения у Женьки закружилась голова, однако он сделал вид, что с ним все в порядке и даже несмело улыбнулся. Такие мелочи, как легкое недомогание, не шли ни в какое сравнение с тем, на что настроился перепуганный Женька, оказавшись в тесном кольце тварей. Незнакомец кивнул и исчез с глаз, предоставив Женьке оглядеться и оценить обстановку. Вокруг громоздились плотно наваленные в кучу картонные коробки, в которых Женька не с первого раза угадал подобие баррикад. Искусственно возведенная преграда отделяла тесный закуток, в котором сидел Женька от остального мира, шумного и озлобленного. Как выяснилось позже, это место считалось точкой сбора участников повстанческих битв, разворачивающихся на улицах города. Они, участники, отражали нападения твариных куч, то и дело возникающих в городе. Обо всем этом Женьке поведал вернувшийся мужик, который представился Трофимом, руководителем и идейным организатором отрядов сопротивления. Он же рассказал Женьке, как пробирался к родным краям, как потерял в дороге семью и всех своих приятелей, как добрался до побережья и решил мстить. В его словах звучало озлобленное отчаяние, и, возможно поэтому, Женька не стал делиться с Трофимом своими соображениями относительно бесполезности его затеи. Такие спонтанные решения, построенные на идее мести, не могли привести ни к чему, кроме бессмысленной резни. Женька только согласно кивнул, и неожиданно для себя самого, попросился в отряд. Трофим сумел сагитировать чуть больше сотни добровольцев, готовых резать тварей без суда и следствия, отслеживая их в подворотнях. На долю Дергачева выпало менее кровожадное, но более ответственное задание от разом оживившегося вожака. В условиях тотального отсутствия средств связи и полной невозможности отследить обстановку, не покидая убежища, Женьке предстояло разведать местность и выяснить места скопления представителей новой расы.

«Раз власти не решаются раз и навсегда расправиться с уродами, нам придется взять на себя решение этих задач!» — провозгласил Трофим, выпихивая Женьку за наваленное

ограждение.

Дергачев еще не разу не выступал в роли разведчика, да и в целом, был далек от военных премудростей, поэтому, не меняя образа, двинулся вдоль улиц, просто поглядывая по сторонам. Теперь его бдительность возрастала в разы, поскольку новая встреча с тварями в его ближайшие планы не входила. Пройдя несколько кварталов и не заметив ни одного чудовища, Женька собрался повернуть обратно, но неожиданно наткнулся взглядом на невысокого сторбленного старца, в одиночестве сидящего на уцелевшей скамейке. Его безмятежный вид напомнил Женьке мирные времена, и Дергачев, повинувшись порыву, смело подошел к горожанину и присел рядом.

«Не боитесь гулять в такое время?» — не придумав ничего более значимого, поинтересовался Женька, приглядываясь к старцу. На самом деле, горожанин стариком не был, он был просто пожилым, однако в его глазах отражалось многое знание, прибавляющее ему года.

«Не боюсь, — просто отозвался он, тут же проявляя интерес к собеседнику, — а Вы? Что понесло на улицу Вас, учитывая такое беспокойное время?»

Прохожий говорил немного вызывающе, однако его интонация не смутила Женьку, и он охотно рассказал о своем желании узнать о тварях все, что возможно.

«Мне любопытно, где они собираются, чтобы так организованно колыхаться по улицам? — усмехнулся Женька, вспоминая Трофима и его задание. — какие преследуют цели и откуда возникает такое их количество. Я слышал, что в мире уничтожены все особи.»

«Нигде не собираются, — охотно откликнулся старец, — и кто вам сказал, что они уничтожены? Их стало больше, чем разумных людей, популяция растет, но то, что они организованно шляются по дорогам, в том Вы ошибаетесь. Я часто наблюдаю за ними и прихожу к выводу, что разума в них нет, их действия неосознанны. Вы видели, как они едва не разорвали прохожего, случайно оказавшегося на их пути?»

Женька этого не видел, но отчетливо вспомнил странные вонючие танцы и неопределенно кивнул.

«Так вот, юноша, — размеренно продолжил старик, — они долго кружились над ним, а потом утекли обратно в подворотню. Я уверен, их кто-то позвал. Где вы видели тварь, так легко расстающуюся со своей добычей?»

Дед замолчал, поглядывая на молчаливого собеседника, не слишком ожидая от него реакции. Их беседу прервала одинокая особь, внезапно возникшая в начале улицы. Женька подскочил со скамейки и рванулся в сторону, приглашая собеседника следовать за ним. Однако горожанин продолжал неподвижно сидеть, ничем не выражая тревоги.

«Вы так и будете торчать тут, дожидаясь, когда тварь растерзает Вас? — от волнения Женька едва не выругался, наблюдая, как невозмутимо старец машет седой башкой, идя в отказ. Махнув рукой на несговорчивого упрянца, Женька едва успел скрыться за гаражами, когда резвая уродина поравнялась со скамейкой. На беду, Дергачев где-то выронил нож, и вряд ли мог прямо сейчас помочь деду отогнать мускулистое чудовище. Он на всякий случай огляделся и, заметив обломок какой-то металлической конструкции, вооружился им. Тварь за это время вплотную подобралась к безумному старикану, и Женька, не раздумывая, размахнулся, целясь твари в голову. Тварь недовольно взвизгнула, почуяв удар и послушно развернулась к нарушителю спокойствия. Ее глаза продолжали оставаться бессмысленными, однако в ее движениях отсутствовала заторможенность, и ничего не помешало одиночке вцепиться в Женькино горло. Дергачев беспорядочно молотил по непробиваемой туше,

стараясь дезактивировать тварь, но та будто бы не замечала оказанного внимания, продолжая сжимать тощую тушку своего противника. От нехватки кислорода перед Женькиными глазами запрыгали пятна, и он во второй раз за сутки приготовился погибнуть героем. Неожиданно тварь замерла, разжала кривые лапы и пронзительно завизжала, крутясь на месте. Женька, не удержавшись на ногах, рухнул на ту же скамейку, не в силах отвести глаз от стремительно набирающей обороты верещащей твари. Он хотел было обратить внимание деда на новый финт, однако только пораженно вскрикнул, уставившись на своего невольного соседа по скамейке. Тот не переставая крутил скрюченными пухлыми пальцами, придавая твари ускорение. От усилий на его одутловатом лице выступил крупный пот, а сморщенный рот слегка приоткрылся. Наконец, Тварь без сил рухнула к его ногам, дергаясь в конвульсиях и закатывая глазки. Когда чудовище затихло, дед раздражающе медленно поднялся, и двинулся прочь, забывая про своего спасенного зрителя. Женька на автомате поплелся следом, подстраиваясь под неспешный дедов шаг.

«Как вы это делаете?» — потрясенно проговорил Дергачев, когда валяющаяся в беспомощности тварь осталась далеко позади.

Старик уже обрел способность размеренно дышать, и смог вновь продолжить прерванный разговор.

«Долгая история, юноша», — усмехнулся он и снова замолчал, а у Женьки закрались подозрения.

«Так это вы управляете ими? — прошептал он, неосознанно оглядываясь. Наивное любопытство вызвало негромкий дребезжащий смех деда, странно прозвучавший в пустоте сумерек.

«Я не смогу удержать такую свору, юноша, — отсмеявшись, проговорил он, — даже и пытаться не стоит. Но пара-тройка особей спляшет под мою дудку, в том я уверен. Быстро передвигаться я уже не в силах, и это, получается, мое единственное оружие против распоясавшихся чудовищ.»

Женька восхищенно выдохнул, вновь припоминая выходы кружащейся твари. Неплохая способность, думал Женька, продолжая плестись за стариком, так можно заставить их свернуть себе шеи, не прибегая к оружию. Внезапно дед остановился и вскинул на Женьку выцветшие зеленоватые глазки.

«Это плохая способность! — запальчиво выкрикнул он, а Женька вздрогнул, припоминая, когда он успел озвучить собственные мысли. — это чудовищная способность, и по-хорошему, я должен был позволить твари растерзать меня. Вот только мужества не хватило.»

Едва слышно добавил дед и тяжело вздохнул.

«Мне пора возвращаться, — пробормотал Женька, не зная, как продолжить диалоги, — да и вам тоже. Уходите, пока новые встречи не лишили вас последних сил.»

В огороженную подворотню Женька вернулся с наступлением ночи. Трофим с видимым интересом выслушал отчет разведчика, и понимающе усмехнулся, когда Женька упомянул встречу со странным дедом.

«Это безумный старец, — пробормотал он, — местная знаменитость. Живет неподалеку, часто гуляет, ему сам черт не брат. Я видел однажды, как на его глазах тварь-одиночка придушила сама себя. Да, парень, она так и сделала. Схватила себя за горло кривыми клешнями и без чувств рухнула на землю. Черт знает, как он это делает.»

К обеду следующего дня в их закуток, который Трофим пафосно обзывал штабом, стали

стекаться члены его отряда. Все они держались степенно и строго, едва слышно переговариваясь между собой, и пряча за пазухой самодельное оружие. Трофим раздавал распоряжения, озвучивал задачи, которые сводились к одному — уничтожить как можно больше диких тварей. По наблюдениям, организованные толпы чудовищ появлялись не чаще пары раз за три дня, и сегодня, видимо, наступало время их очередной вылазки. Воинственно настроенный Трофим вручил Женьке остро отточенный нож с длинным лезвием и включил нового воина в особую группу. В чем заключалась особенность этой самой группы, Женька так и не понял, но нож охотно взял, занимая место среди остальных. Группа покинула укрытие и направилась прочесывать подворотни, места наиболее вероятного скопления диких. Женьке в пару достался высокий плечистый верзила, то и дело сплевывающий на землю длинную слюну и негромко матерящейся. Группа миновала уже целый квартал, но хитрые твари так и не пожелали продемонстрировать свою активность. Когда до конца территории оставались считанные метры, откуда-то сбоку раздалось знакомое визжание, сливающееся в одну чудовищную песню. Отряд напрягся, приготовившись отразить нападение, однако твари не торопились проявлять агрессию. Они продолжали петь, громко, слаженно и отвратительно, вгоняя присутствующих в некое подобие транса. Женьке было уже знакомо такое состояние, когда у разумного существа оставалось единственное желание — лечь и сдохнуть. Видимо, остальные тоже ощутили таинственное влияние песнопений, поскольку замерли в неподвижности.

«Режьте им глотки! — неожиданно заорал верзила, выпадая из дремотного кокона, — А ну! живо!»

Этот нехитрый призыв вернул отряду чувство реальности, и бравые воины рванули навстречу кольшущемуся мареву. Нескольких тварей удалось обезвредить, не прилагая усилий, однако другие не пожелали сдаваться без боя. Как по команде, они протянули кривые лапы к смельчакам и ловко скрутили первым пяти их бесполезные шеи. Женька во все глаза смотрел на самое нелепое побоище, которое доводилось ему наблюдать. Со стороны казалось, что повстанцы сами предложили диким расправиться с ними, просто подойдя поближе. Твари действовали размеренно, четко, будто и в самом деле слушая чьи-то команды. Расправившись с первой половиной безрассудных горожан, твари синхронно развернулись и в три прыжка достигли оставшихся. Женька устал уже подводить итоги своего бесконечного существования, прощаясь с ним третий раз за последнюю пару суток. Тварь, нацелившаяся на Дергачева, цели не достигла. Вместо того, чтобы перегрызть последнего из особой группы, она принялась терзать своих собратьев, ловко вонзая кривые когти в их могучие шеи. Твари, потеряв обозначенную цель, бессмысленно качались, ожидая своей участи. Так продолжалось до того момента, когда им поступил новый приказ свыше, и все они разом исчезли, утекая в подворотни.

Оставшись один, Женька с суеверным ужасом рассматривал обезображенные тела поверженных соратников и качал головой, пытаясь отогнать кошмар. Все происходящее никак не вязалось с тем, что стало давно привычным, хоть и откровенно пугающим.

На место побоища тут же сбежались группы реагирования, действующие более слаженно и профессионально. Они не обратили внимание на ошарашенного Женьку, принимаясь прочесывать местность, переговариваться по рациям и всячески демонстрировать боевую активность. Женька круто развернулся и со всех ног помчался к Трофиму, надеясь убедить безумца разогнать свои отряды и больше не толкать неподготовленных граждан на явное самоубийство.

«Трус!!! — вопил Трофим, когда Дергачев донес до него итог провальной вылазки. — как ты мог допустить гибель целого отряда!? Они обязаны были уничтожить их, а ты должен был проследить за исполнением приказа! За неисполнение ты приговариваешься к казни! Негодяй!»

Пока обезумевший вожак выкрикивал проклятия и угрозы, к Женьке пришло понимание, что Трофим и правда безумен. Личные трагедии не оставили без следа его пошатнувшуюся психику, превратив несчастного мужика в одержимого фанатика. Сколько таких фанатиков встретил уже Дергачев за последнее время, а сколько еще предстоит ему встретить подобных одержимых?

«Прекрати! — рявкнул Женька, прерывая гневные речи. — в твоих словах нет истины, Трофим. Это ты отправил людей на верную смерть. Они не военные, и никогда ими не были. Откуда им знать о тактике ведения боя? Да и о каком бое может идти речь, когда мы воюем с дикими неуправляемыми существами?! Их действия нельзя предугадать, а следовательно, твои партизанские отряды бессмысленны. Оставь этих людей в покое!»

Трофим молча слушал Женьку, и на его лицо напоздало осмысленное понимание всей бесполезности затеи.

«Ты прав, — пробормотал он, разом растеряв прежний апломб, — я не военный. Я художник. Когда-то я рисовал картины и оформлял разные общественные мероприятия и детские праздники. Я и сам вижу всю безрассудность моих стремлений, но я не мог поступить иначе. Твари разорвали мою семью, у меня на глазах, когда мы переходили очередной участок в горах. Я должен был пойти с этими людьми тоже, возможно тогда...»

Женька послушал еще немного, и махнув рукой, отправился прочь, надеясь, что у Трофима хватит мозгов не повторять прежних ошибок.

По дороге к побережью Женька продолжал воскрешать в памяти страшные подробности недавней трагедии. Неожиданно перед глазами возник любопытный эпизод, вызвавший у Женьки много вопросов. Ему припомнилась последняя тварь, решительно расквитавшаяся со своими сородичами. Рассмотрев задачу со всех сторон, Женька пришел к пониманию, что действия диких логике неподвластны и с этой мыслью втиснулся в опустевший подвал.

Глава 27.

Представитель власти и закона, так решительно впихнувший меня в неудобную военную технику, напомнившую мне старый добрый уазик, первую часть пути не произнес ни слова, оставляя мне непаханое поле для тревог и размышлений. В закопченные окошки грозной боевой машины мне виделись мелькающие редкие посадки и бескрайние просторы, широко раскинувшиеся по обеим сторонам асфальтированной трассы. Я был уверен, что суровый страж везет меня в столицу, предать справедливому суду за совершенные мной преступления. Я был готов понести любое наказание, поскольку и сам устал таскать в себе непроходящее чувство вины. То, что мой спонтанный арест был произведен при таких странных обстоятельствах, наводило на многие мысли. То ли суровый охранник был убежден в моей покладистости, то ли у него напрочь отсутствовало чувство самосохранения. Везти в одиночку убийцу через бескрайние поля мог только очень смелый или очень глупый человек. Мне ничего не стоило прирезать его где-нибудь в степи и, вышвырнув бесчувственное тело в кювет, рвануть в неизвестном направлении. Признаться, меня не раз

посещала подобная мысль и однажды настолько овладела моим сознанием, что я с большим трудом подавил в себе желание придать ей материальное воплощение. Военная техника не была оснащена оповестительными приборами, камерами слежения и другими подобными приспособлениями, какими любят украшать свой профессиональный быт представители сильных и значимых. Пока мы катились среди равнин, мой водитель изредка поглядывал в мою сторону, не заводя дружеских бесед. Жесткие сиденья выносливой лошадки отбили в моем нежном организме все, что смогли, и теперь вызывающе поскрипывали в такт движению.

«Куда мы едем?» — наконец не выдержал я неизвестности.

«Мне приказано доставить Вас в целости и сохранности», — тут же четко, по-военному отозвался охранник и снова впился взглядом в дорогу.

«Кем приказано?» — не отставал я, понимая всю бесполезность подобной беседы. Мой попутчик явно получил указание придерживаться строгой секретности и теперь старательно выполнял поставленные задачи. Он ожидаемо промолчал, снова вгоняя меня в панику. Я не боялся наказания, ответственности, да, впрочем, я уже ничего не боялся. Меня тревожила необходимость исполнять новые правительственные постановления в ущерб собственным принципам, а также беспокоили рычаги воздействия на мое чувствительное сердце и гибкую совесть. Единственным способом повлиять на мое решение был и оставался мой единственный родной человек, оставленный в заброшенном подвале на побережье, и я безмерно переживал за его благополучие.

Чем дальше мы продвигались на север, тем стремительнее менялась погода. Где-то в середине нашего пути зарядил мелкий занудный дождик пополам со снегом, подул ветер, и в целом зимняя погода решительно напомнила о себе. На трассе тут же образовались снежные вихри, безжалостно оседающие на лобовуху и мешающие обзору. Водитель нелитературно выругался, и снизил скорость. Потом машина вошла в густую полосу тумана, а потом под колесами захлопала раскисшая снежная жижа. Моя невзрачная одежда, позаимствованная хозяйственным Женькой в очередном торговом павильоне, мало спасала от внезапно понизившейся температуры, а ноги в невнятных башмаках выбивали звонкую дробь, пытаюсь согреться. Военная техника, призванная проходить любые преграды без стопа и скрипа, неожиданно забуксовала и остановилась. Стражник несколько раз газанул, зарывая машину в липкую грязь, и снова выдав порцию ненормативной лексики, распахнул дверцу.

«Где мы, черт возьми?» — гневно поинтересовался он, вываливаясь наружу. Вопрос прозвучал риторически, но я, учитывая открывшуюся картину, мог бы предположить, что мы заехали в лес. Над нами со всех сторон нависали тяжелые лохматые кроны высоких деревьев, а под ногами чавкала раскисшая грунтовка. В какой момент опытный и ответственный водитель сбился с пути, вероятно не мог сказать и он сам, поскольку только невнятно ругался, оглядываясь по сторонам. Я с готовностью ждал минуты, когда буду вынужден покинуть относительно комфортную сидущку, качественно отбившую мне задницу, и буду допущен к спасательным процедурам вытаскивания военной техники из глубокой грязи.

«Прохор Степанович! — наконец-то дождался я, — вылезайте, помогите подтолкнуть машину!»

Наши совместные усилия к желаемому результату не привели. Военная машина все глубже уходила в колею, ложась на высокое брюхо, а мы, по уши угваздавшись в жидком месиве, лишились последних сил.

«Необходимо разведать местность, — решительно произнес мой сопровождающий, —

подойдите ближе, Прохор Степанович. Я вынужден принять меры.»

С этими словами мой безымянный друг вытянул из кармана самые настоящие тяжелые наручники и приветливо помахал ими перед моим носом. Я не собирался бороться с ним за право месить грязь в незнакомом лесу и послушно подошел к дверце. Водитель ловко прикрутил меня к стойке и, пригрозив на прощание жестокой расправой в случае неповиновения и бегства, скрылся с глаз изучать местность. Я уселся на железную приступку и принялся терпеливо ждать результатов разведки. Стражник, видимо, решил основательно подойти к поставленной цели и в течение долгих минут хлюпал по лужам в доступном радиусе. Потом пытливый ум потянул его дальше в заросли, и вскоре до меня донесся его почти испуганный крик.

«Прохор Степанович! Скорее сюда!»

Мой ответственный друг, видимо, совсем забыл, что выполнить его пожелание я могу, только прихватив с собой тяжелую военную технику, чего я сделать не мог и не собирался. Поэтому призыв остался без ответа, а до меня донеслись новые звуки. Теперь в них отчетливо слышалось рычание, визг и сытое чавканье. Выключив разыгравшуюся фантазию, я как мог разогнал из воображения пугающие картины и с видимым нетерпением начал вглядываться в темную глушь. Своего водителя я так и не дождался, зато мне навстречу неслышно вышел огромный дикий волк с измазанной в свежей крови густой шерстью. Он хмуро окинул меня желтым взглядом и несмело взрыкнул. От неожиданности я резко поднялся со своего наместа и, гневно рявкнул, вкладывая в интонацию всю озлобленность, на какую был способен.

«Пошел прочь!»

Волк, только что сожравший настоящего сурового стража безопасности, испуганно прижался к земле и едва слышно заскулил, отползая назад. Я был уверен, что серый разбойник проигнорирует мои посылы и сожрет и меня тоже, но волк только полз, прижимая уши и продолжая скулить. Когда его серая туша скрылась с глаз, я резко рванул руки, скованные железными браслетами и внезапно разорвал железные оковы. Подивившись необычной силе, я шагнул прочь от военной техники, прочно засевшей в грязи, и отправился искать людей.

По всему выходило, что исполнительный охранник привез меня в леса средней полосы, которые, как я искренне надеялся, все же имеют свое завершение. Раскисшая дорога вела меня в дикие джунгли, ни разу не намекая на присутствие человеческого жилья или иного вида признаков цивилизации. Когда мои ноги, увязнув по колено, настойчиво потребовали привала и передышки, я прислонился к ближайшему дереву и попытался вспомнить премудрости ориентирования на местности. Из всего пришедшего на ум, мне могло бы пригодиться знание о полной неподвижности в процессе ожидания помощи из вне.

«Ты все же пришел ко мне, Заяц», — неожиданно раздался за моей спиной скрипучий знакомый голос, и, обернувшись, я увидел в шаге от моего дерева кладбищенского сторожа, неизвестно каким волшебным образом оказавшегося поблизости. Не сказать, чтобы я сильно удивился этой встрече, учитывая непоседливость наркоманского деда и его любовь к разного рода нестандартным прогулкам.

Я собрался было ответить, что вовсе не планировал навещать его, что встреча вышла случайной, но тот, не пожелав слушать мои невнятные приветствия, мотнул головой, приглашая следовать за ним. Вдвоем все веселей, думал я, шлепая по грязи и стараясь не отставать от бодро удаляющейся дедовой фигуры. Через неопределенное время мы выползли

на сравнительно твердую поверхность и уперлись в знакомый каменный забор, как по волшебству выросший перед нами. Забор я видел в Нордсвилле, именно через него мы перемахнули с Женькой, спасаясь от несостоявшейся погони. В этот раз ничего перелезть мне не пришлось, поскольку гостеприимный дед, ловко обходя лужи, повел меня вдоль каменной стены до распахнутых настежь ворот. Каким образом в средних широтах очутился дед-наркоман со своим кладбищем и каменным забором, мне оставалось только гадать, но я слишком вымотался дорогой, чтобы строить правдоподобные объяснения. За воротами я увидел приземистую избушку, ставшую конечной целью нашей прогулки.

В тесной комнатке было мало мебели и свободного места, большую часть которого занимала внушительная печь. Дед приветливо кивнул в сторону широкой лавки, приглашая меня присесть, а сам занялся печкой. Я, вспоминая Женькины рассказы, приготовился гонять чертей и встречать сатану, однако, шло время, огонь в печке разгорался, а никаких непрошенных гостей на пороге не появлялось. И никого не появлялось. Я медленно отогревался в неожиданно уютной келье, с любопытством оглядывая тощего хозяина приземистого домика. Тот больше не проявлял активности, в свою очередь рассматривая своего гостя. Так мы просидели довольно долгое время, пялясь друг на друга. Вскоре это занятие мне откровенно надоело, и я заскучал, придумывая, как половчее выпросить у деда про обратную дорогу. То, что сильные и значимые не оставят теперь меня в покое, я не сомневался, и попутно строил планы более надежного укрытия, чем побережье в крупном населенном городе. Наше уютное молчание было прервано негромким стуком во входную дверь. Хозяин резко привскочил с места и бодро шагнул к порогу, распахивая дверь перед нечаянным гостем. Тощая дедова фигура, заслонившая проем, помешала мне рассмотреть визитера, поэтому, когда, посторонившись, дед пропустил в домик моего Женьку, я от неожиданности поднялся с широкой лавки и только захлопал глазами, не находя слов.

«Женя?! — наконец-то исторг я из себя первую фразу, — ты как тут?»

Но нежданный гость молчал, пошатываясь от усталости. Только теперь я заметил, что некогда крепкая рабочая роба висела на Женьке клочками, сквозь которые отчетливо проступали размытые бурые пятна. Я, не тратя времени на выяснение обстоятельств, обхватил изрядно похудевшее тельце и усадил на лавку, попутно стаскивая порванные лохмотья.

«Как ты нашел меня, дружище? — бормотал я, осматривая повреждения, — и, главное, как понял, что искать нужно именно здесь?»

Все мои невнятные вопросы улетали в пустоту, Женька только едва заметно качал головой и старался удержаться в вертикальном положении. По результатам осмотра я с ужасом понял, что раны, сплошь покрывающие тщедушную фигурку, оставлены волчьими зубами, а молчание приятеля я расценил, как болевой шок. Оставив Женьку сидеть, я обернулся к сторожу за помощью, но домик был пуст, а невнимательный хозяин, видимо снова отправился на прогулку. Махнув рукой на политесы, я распахнул дверь, намереваясь добраться до захоронений, возле которых когда-то отыскивал лечебные травы. Женьке необходима помощь, и чем скорее она будет оказана, тем лучше.

От волнения я совсем потерял связь с реальностью, совершенно забыв, что по дороге от побережья к столице никак не может оказаться Нордсвиллского кладбища с его лечебными снадобьями. Вероятно, лесной домик просто очень похож на кладбищенскую избушку, а вездесущий дед имеет несколько адресов обитания. Размышляя подобным образом, я бродил по утоптаным дорожкам, не различая в темноте окружающие пейзажи, и только когда

наткнулся на внушительного вида каменную плиту и ободрал об нее себе ногу, до меня дошло понимание, что кладбище, сторожка и дед те же самые, а я невероятным образом очутился в загадочном Нордсвилле. Нащупав знакомые растения, я хаотично насовал полные карманы разных видов трав и корешков, и ободрившись, отправился обратно, оставляя составление логических цепочек и повторение законов физики, географии и психологии на потом. Женька терпеливо ждал меня в сторожке, равномерно покачиваясь из стороны в сторону, и продолжая молчать. Прямо сейчас я не нуждался в его подробных отчетах о путешествии и привычных страшилках, я сосредоточил свое внимание на медицинской стороне проблемы. Когда снадобье было сварено, остужено и приведено в боевую готовность, я зачерпнул из полученной жижи полную ладонь и принялся втирать в израненную Женькину кожу целебную смесь. Я был неплохо осведомлен о лечебных свойствах нордсвиллских трав, однако мои старания оставались без видимого результата. Женькины раны продолжали кровоточить, а он сам едва удерживал ускользящее сознание.

«Чертов дед! — в раздражении думал я, — неужели он не заметил, насколько печально выглядит его гость? Чего его снова понесло куда-то?»

То, что неугомонный старец отправился за помощью, я не рассматривал даже как гипотезу. Пока мы блуждали с ним по лесу, я не заметил ни единого признака человеческого жилья, а учитывая морозную зимнюю погоду, не было похоже, чтобы сторож отправился собирать для Женьки медицинские травы. Пересмотрев состав смеси, я принялся стряпать новое, улучшенное зелье, добавив в его состав новые компоненты. Однако ни первое, ни второе лекарство не помогало моему измученному приятелю. Женьку откровенно мутило, из приоткрытого рта на пол стекали слюни, и я очень опасался возможных осложнений. Наконец, оказав самую необходимую, но, увы нерезультативную помощь, я оставил беднягу в покое, уложив его отдыхать, а сам вышел за порог.

«Если не провести прямо сейчас ряд процедур, — топорщилась в голове единственная мысль, — Женька погибнет от инфекции или банальной потери крови. Как мне избавить его от неминуемой гибели, не имея под руками ничего, кроме чертовых корешков, от которых мало толка?!»

Я поднялся на ноги, ощутив в себе прилив адреналина, и решительно шагнул обратно в домик. Женька продолжал лежать, вытянувшись в струну, и это был очень пугающий симптом. Не имея других идей, я обхватил липкое тело руками и осторожно провел ладонями по израненной коже. «Давай, Варвар! — мысленно обратился я к нему, — однажды у тебя получилось, должно получиться и в этот раз!»

Женька никак не отреагировал на мой призыв. Раны продолжали кровоточить, а Женькино дыхание становилось резким и прерывистым. От отчаяния я забормотал то самое заклинание, слышанное от целительницы, не до конца осознавая его эффективность. Мои ладони горели огнем, а моя собственная кровь бешено стучала в висках, перекрывая мое негромкое бормотание. Сколько времени я провел в молитвах и просьбах, я сказать не берусь. От усталости мое сознание выдавало мне замысловатые картинки, одной из которых явилось видение полностью зарубцевавшихся Женькиных ран. Я был врачом и понимал, что это всего лишь отголоски моего утомленного воображения, попытка принять желаемое за действительное. Однако кожа моего дорогого пациента приобретала прежнее, ровное и целое обличье, без единого повреждения, дыхание восстанавливалось, а напряженная поза, удерживающая несчастного Женьку несколько часов, наконец-то ушла, сменившись расслабленным состоянием крепко спящего здорового человека. Убедившись в полной

Женькиной безопасности, я мешком повалился на не струганные доски пола и меня накрыло спасительной темнотой. Когда я наконец-то открыл глаза, больше не чувствуя в себе напряжения и усталости, перед моими глазами возник все тот же дед. Он с отеческой заботой склонился над моим распластанным телом и негромко поинтересовался моим самочувствием.

«Я нормально, — недовольно буркнул я, все еще злясь на старого наркомана, — что с Женькой?»

«С ним все в порядке, — тут же отозвался тот и едва заметно усмехнулся, — он справился. Вы справились»

Я, услышав хорошие новости, тут же поднялся и с изумлением огляделся вокруг. Лавка и жарко натопленная печка были на месте, на месте был и дед, а вот следов присутствия моего приятеля я не обнаружил.

«Где он? — поинтересовался я, все еще оглядываясь, — он еще слишком слаб, чтобы разгуливать по морозу. Ему нужно восстановиться.»

Дед негромко засмеялся и покачал головой. Весь его вид выражал полное довольство и умиротворенность, и было непохоже, что он скрывает от меня страшные известия. Эта недосказанность родила во мне обоснованное негодование, и я, не справившись с эмоциями, резко поинтересовался у почтенного старца, где его носило в то время, пока я возился с приятелем.

«Вы же понимаете толк в медицине, — никак не мог успокоиться я, — так какого черта не помогли мне, хотя бы советом?»

«Ты справился и сам, мой мальчик, — примирительно проговорил он, — все это ты знаешь и без меня. У тебя многие способности, но мало знаний. Ты слишком нетерпелив и заносчив, но это идет тебе на пользу, Тихон. Женя, кем бы он ни был, передает тебе свою благодарность.»

«Кем бы он ни был? — озадаченно переспросил я, — что это значит? Где он?»

Слова старика наводили на разные мысли и мешали прийти к определенному выводу. На мои недоуменные вопросы дед хрипло рассмеялся и шагнул к двери.

«Заходи!» — крикнул он за порог, приглашая в домик невысокого мужика, смущенно переминающегося в дверях.

«Вот, Тихон, это твой «Женя» — не отпуская со сморщенной рожи насмешливую улыбку провозгласил дед и подтолкнул ко мне незнакомого мне человека.

Я только молча пялился на бледного крепкого парня с всклокоченными огненно-рыжими волосами. Дед, наблюдая за моим потерянным видом, покачал головой.

«Знакомься, Тихон, это Богша. Он имел неосторожность попасться на глаза диким волкам. — все еще усмехаясь проговорил старец, — он пришел ко мне за помощью, поскольку, как ты справедливо заметил, я знаю толк в медицине. Я дал тебе возможность проявить себя, и я не ошибся. Ты и правда много умеешь, мой мальчик. Много знаешь. Но этого недостаточно.»

«А Женька? — пробормотал я, — где он сейчас и что с ним?»

«Я не знаю, где твой Женька сейчас, — покачал головой дед, — но скажи мне, Тихон, стал бы ты прикладывать столько усилий, чтобы спасти Богшу, а не Женьку? Ты всегда был эгоистичен и вряд ли твои способности проявились бы в борьбе за жизнь незнакомца. Женька дал тебе силы, и ты достойно воспользовался ими. Богша благодарит тебя, и просит принять в качестве подарка.»

Парень, внимательно прислушиваясь к словам старца, принялся рыться в карманах широких штанов, вытаскивая из их недр маленький предмет, издавна принятый мной за кисточку для рисования.

«Это волчий хвост, — пробормотал Богша неожиданно высоким резким голосом, — я думаю, он подойдет тебе, Лекарь!»

Богша, не дожидаясь моей реакции, решительно шагнул в мою сторону и, слегка поклонившись, надел мне на шею лохматый амулет. После чего снова поклонился и вышел за порог. Я впервые присутствовал при подобной инаугурации и поэтому не сразу подобрал подходящие случаю слова. А когда подобрал, Богша вероятно сумел уже добраться до дома.

«Он прав, Тихон, — кивнул старец, наблюдая за моей реакцией, — амулет отражает твой мир. Но ты еще слишком слаб. Ты еще не готов.»

Последние слова дед пробормотал будто бы для себя и, потеряв ко мне интерес, погрузился в полудрему.

Мне стало скучно наблюдать за сопением кладбищенского сторожа, просиживая в его избушке целый день, поэтому я, стараясь не шуметь, выскользнул за дверь. Мне нестерпимо хотелось обратно, на побережье, но больше всего, я хотел убедиться, что с моим настоящим Женькой все в порядке.

За стенами дедовой избушки царил предрассветный полумрак, и я несколько раз наткнулся на пни и коряги, беспорядочно торчавшие из самой земли и вылезавшие в самых неподходящих местах. Из моего прошлого посещения загадочного города Нордсвилла, в памяти осталось воспоминание широкой базарной площади и домика Тихомиры, расположенного напротив городского кладбища. Однако сейчас, сколько бы я ни шел, никаких площадей и домиков мне на пути не встречалось. Надо мной нависал непроглядный лес, а под ногами хлюпала неизменная грязь, смешанная с мокрым снегом. Вероятно, Нордсвилл умеет менять свое местоположение, или же здесь существует сразу несколько кладбищ. Так размышлял я, наобум продвигаясь через непроглядную лесную мглу, пока наконец не понял, что заблудился.

«Чертов лес! — думал я, ломаясь через спутанные ветки, — куда, интересно скрылся Богша, так трогательно посвятивший меня в Лекари?»

Ни о каких поселениях, дорогах и прочих признаках цивилизации говорить все еще было рано. Я упрямо полз через кусты и деревья, пока позади не расслышал весьма характерное взрыкивание. Перед глазами почему-то мелькнуло и исчезло напряженно-ответственное лицо государственного человека, сопровождавшего меня еще совсем недавно. Я резво обернулся и встретился взглядом с представителем враждебного племени. Прямо передо мной стоял огромный мохнатый хищник, злобно скаливший на меня острые блестящие клыки. Мой оборонительный арсенал был слишком невелик, для того, чтобы с достоинством отразить нападку голодной зверюги. При мне не было даже приличного ножа, а все мое оружие составляла пара рук, весьма сильных. Но это было все, чем я мог порадовать дикую тварь. Волк угрожающе зарычал, придвигаясь ближе и припадая к земле, готовясь к прыжку.

Я выпрямился во весь рост, зачем-то протягивая вперед обе руки и гневно рявкнул, обращаясь к суровому противнику:

«Пошел прочь!»

Очевидно, в прошлый раз сытый зверь просто не нуждался в моем невнятном обществе и безропотно подчинился грозному приказу. Сейчас из его приоткрытой пасти капали

голодные слюни, а оскалившиеся клыки как бы намекали на желание пожрать прямо в эту минуту. Исчерпав рычаги воздействия, я шагнул ему навстречу, повинувшись негласному приказу, прозвучавшему в подсознании. Внезапно волк замолчал, встряхнулся, как мокрый кот, и потрусил в сторону, пробивая широким лбом дорогу в зарослях. Отбежав от меня на расстояние, не позволяющее рассмотреть его внушительную тушу, он остановился и коротко взвизгнул, приглашая следовать за ним. Это было весьма безрассудным решением, но я шагнул в темноту, нашаривая взглядом серые очертания. Волк дождался меня и снова отошел, останавливаясь. Так мы передвигались, привыкая друг к другу, пока наконец впереди не замаячили очертания жилых домов. Волк еще раз взрыкнул, прощаясь со мной, и скрылся в густых зарослях. Как оказалось, суровая тварь вывела меня к поселению со стороны леса в том самом месте, куда мы три месяца назад бездумно вломились с Женькой, спасаясь от разъяренных нордсвилльцев.

Передо мной расстилались невеликие просторы провинциального городишки. Я узнал ту самую торговую площадь, где верный Женька пытался воровать харчи, увидел сгоревший и наполовину восстановленный дом Тихомиры, словом, я действительно, был в Нордсвилле. Но как я сюда попал, по-прежнему оставалось для меня загадкой.

Мое появление осталось почти незамеченным местным населением. Отчасти по причине полного отсутствия на улицах горожан, напуганных выходками злобных серых тварей, если принимать на веру слова все того же кладбищенского сторожа. Я брел по опустевшим улицам, ежась от пронизывающего ветра, и многие мысли заползали в мои растревоженные мозги. Первая, и главная мысль была о необходимости выбраться из этого заколдованного места, отыскать Дергачева и рвануть вместе с ним к южным горам. Следом за ней приходила следующая, в деталях рассматривающая невозможность осуществления первой. Сейчас со мной не было катера, Женьки, денег и теплых вещей, а где-то на другом краю густого дикого леса одиноко скучала военная машина, увязшая в грязи. Возможно, ее уже обкусали серые хищники, или она рассыпалась на детали, во всяком случае, мне она была бесполезна.

«Сударь, что вы делаете здесь в это время? — услышал я взволнованный хриплый голос, принадлежавший сурового вида мужику, облаченного в овчинный тулуп. — на рассвете твари наиболее опасны, а зимой они не стесняются пробираться даже на улицы. Уходите, сударь, пока не поздно!»

Я последовал бы его напутствиям с большой охотой, если бы знал, куда мне идти. Мужик с пониманием кивнул и с истинно нордсвилльским гостеприимством пригласил меня дожидаться ясного дня в его избушке.

«Пойдемте, сударь, — торопливо бормотал он, увлекая меня за собой, — днем твари более осторожны.»

Из его невнятного бормотания я узнал так же и о том, что за последние несколько недель серые твари резко поумнели, и стали действовать сообща.

«Как будто они заранее продумывают свои вражеские вылазки, — жаловался мужик, — на людей нападают, днями соседа моего едва не загрызли. До сих пор оклематься не может, все ему волки мерещатся!»

Я понимающе кивнул и неожиданно сам для себя попросил разрешения взглянуть на бедолагу.

«Да чего на него глядеть, сударь, — сокрушенно отозвался мужик, — лежит, никого не узнает. В Нордсвилле-то лекарей отродясь не было, кто ему поможет? Дед-отшельник

только в травах разбирается, да к нему бояться люди ходить, потому как колдун он. Так-то сударь!»

За разговорами мы добрались до избышки добросердечного горожанина, а я снова повторил свою просьбу. Во мне проснулся научный азарт, к тому же мне действительно было любопытно посмотреть на пациента.

Мужик коротко вздохнул и повернул в сторону соседнего домика.

«Эй, хозяйюшка! — окликнул он, бесцеремонно вламываясь в открытую дверь, — Как твой мужик? Жив еще, или помер?»

Я уже отвык от изысканности манер и нравов местных граждан и только усмехнулся, когда на столь искреннее внимание из окна высунулась заспанная тетка, обмотанная множеством платков.

«Да жив! — радостно оповестила она, — в одной поре. Лежит и дрожит. А как ему не дрожать, когда от собственной шкуры одни лохмотья остались, будь неладны эти зверюги!»

Я протиснулся в полутемное помещение и на вопросительные взгляды хозяйюшки попросил взглянуть на больного.

«Возможно, я смогу ему помочь», — пробормотал я и услышал в ответ:

«Да то вряд ли, сударь! Ему уж никто не поможет. Само провидение отвернулось от нас!» — привычно заголосила тетка, легко впадая в состояние теток-плакальщиц.

Перестав слушать недалекую горожанку, я смело шагнул в комнату и разглядел изрядно покалеченного пациента. Его увечья чем-то напоминали раны Богши, но были глубже и запущеннее.

«Приложил бы ты столько усилий, чтобы спасти Богшу, а не Женьку?» — прозвучал в голове скрипучий старческий голос, и я решительно откинул тяжелое одеяло раненого. В моих карманах сохранились запасы лечебных растений, и я попросил хозяйку вскипятить мне воды. Пока я возился с приготовлениями, больной лежал в беспамятстве, только время от времени тяжело вздыхая. Когда месиво из травы было готово, я повторил знакомые процедуры, обмазывая глубокие раны и повторяя про себя заклинания, слышанные от целительницы. Раны не спешили затягиваться, и мои усилия ни к чему не приводили. Силы таяли, а горожане, с любопытством наблюдающие за мной, только качали головами, убеждаясь в собственных словах. Бессонная ночь, лесные блуждания и мое несвоевременное вмешательство в частную жизнь чужих мне людей рождали во мне досаду на самого себя. «Ну что ты за человек? — раздался в голове голос Женьки, — Что с тобой не так?»

И словно по команде вместо обросшего заскорузлого мужика я увидел на кровати худого израненного Женьку, и в моих жилах заструился огонь. Я обхватил ладонями тощую фигуру и вкладывая в интонацию всю убежденность, забормотал те самые молитвы и просьбы, что подняли на ноги Богшу. Я не могу сказать с уверенностью, сколько времени я провел за околонуучными процедурами, впадая в состояние отрешенности и анабиоза. К реальности меня вернули изумленно недоверчивые вопли собравшихся поглазеть на мои манипуляции. Я открыл глаза и уставился на ровную, здоровую, но невозможно грязную кожу лежащего передо мной высокого жилистого мужика. Тот изумленно пялил вполне осмысленные мутноватые глазки на своего врачевателя и мотал головой, отказываясь верить в свое исцеление.

«Ох, ты ж, ну надо же! — заполошно верещала тетка, тоже не до конца осознав радостный финал, — вот ведь, как же так?»

Ее интонация никак не давала полной картины охвативших ее эмоций. В какой-то

момент мне показалось, что она разочарована результатом и с большей охотой продолжила бы причитания над растерзанным умирающим супругом. От приложенных усилий у меня кружилась голова и подкашивались ноги, но я нашел в себе силы поинтересоваться у исцеленного:

«Как вы себя чувствуете?»

Мой голос звучал привычно, негромко и мягко, однако мужик резко вскинулся на кровати и, вонзив в меня кривой тонкий палец, истошно заголосил:

«Тварь! Помогите! Дикая тварь!!»

Его вопль был подхвачен всеми присутствующими, и дополнен новыми нюансами. Тот самый мужик в тулупе, что любезно согласился предоставить мне ночлег и внимательно следивший за моими движениями во время реанимационных мероприятий, подключился к общему хору и рявкнул:

«Это колдун! Бейте его!»

Сговорчивых нордсвиллцев не нужно было уговаривать дважды. Хозяюшка ловко двинула мне под ребра трудовым крестьянским кулаком, открыв дорогу остальным, и мне с большим трудом удалось выскользнуть на улицу, уворачиваясь от пинков.

Я несся по пустым дорогам и давал себе самые страшные клятвы никогда, ни при каких обстоятельствах не вмешиваться в чужие дела и, самое главное, никому не оказывать разного рода помощь. Особенно тем, кто в ней не слишком нуждается.

«Что с тобой не так, Тихон?» — рефреном звучал в голове голос Женьки, и я был склонен согласиться с его риторическими высказываниями.

Глава 28.

Мне снилась Настя, моя давняя подружка, хитрая и продуманная, решившая однажды переиграть меня на моем же поле. У нее тогда мало что получилось из задуманной махинации, нам пришлось расстаться, но время от времени я вспоминал ее милое личико и иногда видел ее во сне. Она целовала меня, уговаривая начать все сначала, а я только мотал головой, уворачиваясь от слюнявых поцелуев.

«Довольно, Анастасия! — пробормотал я и открыл глаза. Надо мной нависала мохнатая серая морда и с видимым любопытством тыкалась мокрым носом в мои губы. От неожиданности я зажмурился, а когда снова открыл глаза, морда переместилась вбок и приняла облик огромного серого хищника, терпеливо ожидающего моего пробуждения. В один миг в моей голове воскресли события прошлого дня. Спасаясь в который раз от разъяренных горожан, я не придумал ничего лучше, как укрыться в диком лесу, еще не до конца выяснив собственные предпочтения. Что для меня выглядело более привлекательно — быть растерзанным озлобленными нордсвиллцами или дикими стаями серых? Выбрав второй вариант, я ловко нырнул в непролазные заросли, и, оставив позади гневные вопли, обессиленно рухнул в сухие кусты. Проспав до середины следующего дня и оставшись целым, я был разбужен серым хищником, почтительно сидевшим в шаге от меня. Дождавшись моего возвращения в мир реальности, он коротко взрыкнул и скрылся в густых

переплетениях веток. Я основательно продрог и безумно хотел жрать, однако возвращаться в негостеприимный Нордсвилл решил не торопиться. В моей голове еще барахтались слабенькие идеи возвращения в мой привычный мир, с группами реагирования, другими тварями, угрозой ареста и моим Женькой. Последнее обстоятельство выглядело наиболее весомой причиной возвращения, и я решил рискнуть. Военная техника возможно не до конца распалась на составляющие элементы и все еще ждала моего внимания. С этой обнадеживающей мыслью я поднялся на ноги и, запахнув остатки синтетической куртки, двинулся вглубь леса. Я шел по наитию, руководствуясь подсказками внутреннего голоса, поскольку, даже приблизительно не имел представления, где сейчас нахожусь.

Мои бесцельные блуждания вывели меня на окраину леса, и я снова оказался на границе с городом. В этот раз обычно пустынный город таковым не был. На улицах то здесь, то там толпились встревоженные граждане, непрерывно переговаривающиеся между собой. Их монотонные беседы сливались в один непрерывный гул, в котором слышалась откровенная тревога. В первую минуту я подумал, что жадные до впечатлений нордсвиллцы собрались, чтобы учинить расправу над колдуном, то есть мной. Но, как выяснилось в дальнейшем, моя скромная персона не имела никакого отношения к намечающимся мероприятиям. Полянка, откуда я наблюдал развернувшуюся картину, имела небольшое ландшафтное преимущество, поскольку находилась на возвышении. Оттуда было хорошо видно, как горожане, обсудив насущное, внезапно зашевелились и образовали одну тесную кучу, ошестинившуюся разного вида оружием, преимущественно вилами и лопатами. Вскоре мне стали понятны стратегические маневры граждан. С северной стороны леса прямо на город текло серое море, неумолимое и огромное. В наступающих сумерках серые стаи, слившиеся в единый поток, казались огромным животным, разумным, жестоким и опасным. Жители растерянно замерли, ожидая неизбежного, и мне внезапно стало жалко этих недотеп. При всей их недалекости, туповатости и примитивности, нордсвиллцы были обычными людьми, откровенно пасующими перед надвигающейся бедой. Мне ничего не угрожало, я мог свободно покинуть территорию обреченного города, серым стаям я был неинтересен. Однако я не мог просто стоять и наблюдать, как мохнатое чудище душит в неласковых объятиях несчастных обывателей. Правда и остановить это течение я тоже не мог. Во всяком случае, я был убежден, что сложу буйную голову вместе с остальными, если просто сделаю попытку снова вмешаться в ход истории. Я спустился со склона и медленно двинулся навстречу потоку. «Что я теряю? — малодушно думал я, вглядываясь в колышущуюся массу, — моя жизнь надоела мне до чертей, а так, я может сумею разорвать пару-тройку хищников и умру героем»

Эта мысль настолько ободрила меня, что я расправил плечи, ускорил шаг и уже через несколько минут мог отчетливо различить некоторые черты серых угрюмых морд. В этом непрерывном движении угадывалось размеренное, продуманное действие, оно завораживало своей слаженностью и на какое-то мгновение я отчетливо различил в широколобых оскаленных рожах людские черты. Возможно, тут сыграло роль мое не в меру разыгравшееся воображение. Женька наверняка посмеялся бы над моими попытками воссоздать мыслеобразы, и обозвал бы меня романтическим прагматиком. Мысль о Женьке обожгла мое сознание. Выходит, я больше не увижу его вечно настороженную рожицу и не услышу его мудрых наставлений и предостережений? Выходит, что так, подумал я, теперь уже отчетливо различая в темноте густую шерсть и слыша редкие взрыкивания. Серая стая замерла, остановившись в нескольких метрах от меня, и уставилась на внезапно возникшее

на пути препятствие тысячей ярких желтых глаз. И вновь в мохнатых мордах мелькнули заострившиеся угловатые черты представителей высшей расы.

«Женька был прав, — с усмешкой подумал я, — я слишком прагматик, чтобы верить в чудеса. Чудес не бывает, я утверждаю это, как ученый, врач и с недавнего времени почетный Лекарь города Нордсвилла»

Последняя мысль вызвала во мне смешанные эмоции, а в крови снова пробежали знакомые обжигающие искры. Я поднял вверх обе руки и, повинувшись внутреннему голосу, грозно рявкнул, обращаясь к серой массе:

«Пошли прочь!»

Масса, замершая в неподвижности, резко колыхнулась, заворчала, но призыву не вняла. Я не мог сказать даже приблизительно, сколько диких серых хищников сейчас стояло передо мной. Пожалуй, всех их для одного меня будет многовато, мелькнула мысль и тут же сменилась другой. Я, играя в гляделки с серой стаей, давно не слышал за спиной беспокойных переговоров, доносившихся до меня во время моего недолгого пути с полянки. Быстро обернувшись, я с нескрываемым изумлением и беспокойством обнаружил совершенную пустоту. Там, где несколько минут назад толпились жители, вооруженные вилами, лопатами, собственной решимостью, сейчас не было никого. Воспользовавшись краткой заминкой, решительная толпа сбежала, лишив меня даже призрачной поддержки. Возможно, храбрые вояки рванули к побережью, возможно пересекли экватор, а возможно скрылись за крепкими стенами местного кладбища, считающегося у местных обитателей колдуна. Времени на предположения у меня оставалось мало, стая ждала моих решений, а может, просто раздумывала, стоит ли связываться с тощим одиночкой?

«Пошли прочь! — на всякий случай повторил я, ни на что уже не надеясь. К моему несказанному удивлению, море колыхнулось и попятилось назад, двигаясь так же слаженно, степенно и с достоинством. Я было подумал, что научился управлять коллективным разумом, но это были мои преждевременные выводы. Стая готовилась к нападению, расчищая место для маневра. Вожак, стоящий ко мне ближе всех, гневно рыкнул и, прижавшись к земле, плавно взмыл вверх, целясь сильными лапами в мои плечи.

«Эх, Женька», — мелькнула последняя разумная мысль, и в моей крови всколыхнулось пламя поглощающей ненависти и силы. Я перехватил тяжелую тушу и, изо всех сил вцепившись в плотную шкуру, рванул ее в разные стороны. Я никогда не отличался могучим сложением, а сильным был в рамках разумного, однако мне удалось лишить серое чудовище способности к дальнейшим действиям. Разорванный волк глухо взвизгнул и рухнул к моим ногам мертвым. Я и сам не ожидал таких потрясающих результатов и некоторое время тупо пялился на поверженного врага. Это была маленькая победа, не дающая мне ровным счетом никаких гарантий, однако и она порадовала меня, влив в мои вены новую порцию силы и отваги. Я решил драть волков так долго, насколько хватит моих сил, а потом тупо сдаться на съедение большинству.

«Лучше попробовать и сдохнуть, чем сидеть сложа руки и сдохнуть все равно», — снова прозвучал в голове знакомый голос. Женькины цитаты заряжали меня небывалой энергией и давали заряд бодрости покруче самых крутых препаратов. Я выхватил из толпы еще одну особь и без затей расправился и с ним тоже, отшвырнув бесчувственную тушку в сторону. С каждой новой победой во мне росла уверенность, что все еще обойдется, что я сильный и смелый, а значит разорву всех на части!

Моя уверенность недолго продержала меня в сильных руках. Как оказалось, примерять

роль супергероя мне было еще рановато, поскольку от приложенных усилий в голове мутилось, а руки предательски дрожали, не желая справляться с поставленными целями.

«Посторонись, браток!» — неожиданно раздался рядом со мной чей-то голос. Голос принадлежал рослому сильному мужику, выхватившему из визжащей и рычащей своры очередного зверя. Я на мгновение подумал, что нордсвиллцы набрались храбрости и вернулись, решив составить мне компанию, однако присмотревшись, я понял, что круто ошибся. Мужик, стоящий рядом со мной, был плохо подготовлен к битве, поскольку не имел оружия, а также одежды. Его шкура была покрыта длинными полосами свежих ссадин и порезов, а рожа была неестественно вытянута. Подивившись странному соратнику, я все же приободрился, почувствовав поддержку и с новыми силами принялся терзать обнаглевших волков. Те нападали со всех сторон, обходя со спины, и получалось, что мы с мужиком сейчас находились в самом центре бушующего и рычащего серого океана. Вскоре я выхватил краем глаза еще одну фигуру, не слишком вписывающуюся в общую картину. Справа от меня ниоткуда появился еще один воин, такой же безоружный и голый. «Откуда они взялись?» — промелькнула очевидная мысль, и внезапно я заметил следующего представителя высшего разума, за ним еще одного. Их становилось все больше, а серое море мелело, превращаясь в несмелые потоки, и вскоре не осталось никого, кто еще несколько часов назад пытался загрызть мирных, но туповатых нордсвиллцев. Меня окружали окровавленные, исчерченные глубокими порезами и царапинами запыхавшиеся представители сильной половины человечества. Все они были весьма легко одеты и вызывали у меня много вопросов.

«Славно потрудились!» — прогудел один из них, оглядывая поле битвы. Я был склонен согласиться с ним, решив подсчитать поверженных врагов. Все вокруг было усыпано клочками серой шерсти, обрывками чего-то непонятного, но ни одной разорванной туши не было видно.

«Где же трофеи? — переводя дыхание пробормотал я, опираясь руками в колени, — мы разорвали целую стаю, где же она?»

Мои соратники молча оглядывали полученные увечья, и до меня постепенно стал доходить истинный смысл завершившегося сражения. Все, кто сейчас окружал меня, и есть стая. То есть, она была стаей, до того момента, пока я не разорвал первого обращенного. Вот почему их популяция росла как на дрожжах. Вот почему никто не мог отыскать растерзанных и погибших. Они обращались в тварей и увеличивали популяцию. Что-то подобное происходит и в моем мире, только вместо волков, мир душат уродливые чудовища. Этим так же объясняется фривольный вид моих однополчан. Тому, что сейчас происходило на моих глазах, я не мог отыскать рационального объяснения, а ведь я все-таки был ученый. Обращенные некоторое время толпились рядом, с удивлением оглядывая свои изменившиеся тела, после чего медленно побрели прочь, оставляя меня в одиночестве. Их поведение не было похоже на поведение победителей, в их размеренных движениях все еще чувствовалось присутствие серых, но я был убежден, что спустя определенное количество времени каждый из обращенных будет привычно гонять женушку, требуя на завтрак запеченную баранину. Я проводил глазами удаляющихся особей, мой бушующий в крови адреналин утих, уступив место странной апатии. Я спас Нордсвилл, появилась в голове интересная мысль, а значит, могу считаться героем. Негромко усмехнувшись, я тоже решил покинуть поле сражения. От усталости я едва передвигал ноги, а перед моими глазами мелькали размытые очертания только что закончившейся битвы. Наконец, мой организм не выдержал нагрузок, я остановился и, прислонившись к какой-то опоре, закрыл глаза.

«Ты справился, мой мальчик, — прозвучал надо мной скрипучий голос, — возвращайся в свой мир и не держи зла на нордсвиллцев. Уж такие они, пустоголовые и необразованные. Не они являются решающим фактором в этой истории. Впрочем, они сыграли свою роль и сыграли неплохо. Прощай, Тихон, дальше ты сам.»

«Но ведь на серые стаи устраивалось столько облав, — пробормотал я, не открывая глаз, — ведь не все же волки уходили целыми и здоровыми. Почему же они продолжали оставаться дикими тварями?»

«Ты разве не понял, Тихон? — усмехнулся все тот же голос, — ты обладаешь Знанием, но Знание без силы так же бессмысленно, как опасна сила без Знания. Ты обрел и то, и другое и сумел этим воспользоваться. Люди Нордсвилла сложат о тебе легенды, но ты про это не узнаешь, мой мальчик. Возвращайся, тебя ждут в твоём мире.»

Голос замер, а я разлепил сонные веки, пытаюсь понять, прозвучал ли этот диалог в моем кратком сне или вездесущий дед добрался и до мест боевой славы? Он предложил мне возвращаться, и я был склонен принять его предложение. Отлепившись от необструганного столба, служащего опоркой торговому прилавку, я направился в сторону леса, припоминая, что именно там я оставил тяжелую военную технику. На землю плавно скатилась самая настоящая морозная зимняя ночь, а моя разорванная куртка, натянутая на голое тело, мало спасала от ночного холода. К тому же, местные мероприятия основательно вымотали меня и мне требовался отдых. Я больше не рисковал проситься на ночлег к местным, не доверяя их скоропалительным выводам, но я теперь стал необычным, так сказал мне дед, поэтому мог рассчитывать на провидение.

Пройдя немислимое по своей продолжительности расстояние, я различил впереди темный предмет, не вписывающийся в лесной пейзаж. Махнув рукой на осторожность, я кое-как пролез через переплетенные ветки и уткнулся в многострадальный уазик, намертво вмерзший в колею. Его плачевное состояние не позволяло надеяться на сиюсекундное путешествие, однако в качестве ночлежки он вполне мог сгодиться. Я влез на обледеневшее сиденье, и замотавшись в остатки лохмотьев, тотчас же заснул.

Мое возвращение домой нельзя было назвать чрезмерно комфортным. Реанимационные мероприятия, направленные на возрождение не убиваемой техники, привели к содранным в кровь ладоням и добавили моим синтетическим доспехам несколько дыр. Махнув рукой на чудо военной промышленности, я двинулся вперед пешком, надеясь на удачу. Сейчас мороз и ветер значительно подкорректировали дорогу, и она больше не казалась мне непроходимой. Легко преодолев пяток километров, я выбрался на асфальтированную трассу и осмотрелся. По обеим сторонам весьма современной дороги раскинулись занесенные снегом бескрайние поля, мне оставалось только выбрать для путешествия нужное направление. В условиях всевозможных ограничений и тотального контроля надеяться на частный транспорт не приходилось, не говоря уже о том, чтобы каким-то чудесным образом дожидаться на пустынной трассе транспорт пассажирских перевозок. Я медленно брел вдоль асфальта, вспоминая незамутненное время, когда при подобных обстоятельствах легко можно было поймать попутку и с ветерком прокатиться до любой точки. Мои счастливые воспоминания внезапно разбавились ощущением чужого присутствия. На всем видимом глазу пространстве не было ни души, однако ощущение не проходило, а только добавлялось подробностями. Теперь я отчетливо слышал легкие шаги и едва заметное сопение, природа которых оставалась для меня загадкой. Трасса делала крутой поворот, уводя меня от заснеженных просторов к некоему поселению, обозначенному целой улицей крепких

кирпичных домиков. Шаги и сопение стихли, а им на смену пришли обычные звуки жилого района. Сказочный дед, прощаясь со мной в Нордсвилле и оправляя меня восвояси, совершенно не подумал о естественных потребностях моего организма. Я мог продержаться без еды рекордно долгое количество времени, однако незапланированная битва и полубессонные ночи сделали меня наглым, голодным и злым. Забывая про осторожность, я решительно постучал в ближайшую избушку и тут же был встречен пронзительным забористым ругательством. Следом за ним в проеме двери показалась довольно высокая худощавая женщина чуть старше среднего возраста. Она осеклась на полуслове и смущенно пробормотала, пряча глаза:

«Ох, приношу свои извинения! Я подумала мой алкаш вернулся. А вы кто такой будете-то?»

Я не стал делиться фактами своей биографии, ограничиваясь кратким «Мне нужно попасть в город ***»

Женщина понимающе кивнула и махнула рукой куда-то в сторону трассы, которую я только что покинул.

«Вон по той дороге вроде бы можно попасть, — неуверенно произнесла она, — мы-то сами давно уже никуда не ездим. Раньше у нас по селу автобус бегал, да с нынешними временами разве наездишься!»

Мне нестерпимо хотелось жрать, но теперь, уведя разговор в другое русло, мне было неловко просить у осторожной хозяйки химической отравы. Сама она делала вид, что не замечает моих насущных потребностей. В нашу бесполезную беседу всунулся упомянутый алкаш, внезапно показавшийся в шаговой доступности.

«Ты чего тут трешься? — гневно поинтересовался он, приближаясь к родной хате, — а ну пошел прочь, пока я подкрепление не позвал. Чего тебе надо?! Снова за свое принялся, фраер?»

Супруга тут же скрылась в доме, оставив сурового отца семейства выяснять скучные подробности. Тот явно принял меня за кого-то другого, и решил продолжить тупые разборки. Поняв, что дружбы не выйдет, я приветливо кивнул, не желая провоцировать вспыльчивого аборигена, и двинулся дальше, шатаясь от внезапно охватившей слабости. Улица давно кончилась, а настырный абориген все никак не мог выяснить, с какой целью я появился в его краях. Мужик был явно не в себе, то и дело выкрикивая оскорбления и норовя задеть меня корявыми кулаками. Наконец, я не выдержал, и, развернувшись к нахальному приставале, зло прошипел: «Ты чего примотался ко мне? Ты всех прохожих так достаешь?»

«Кроме тебя тут отродясь никого не было, — тут же отозвался мужик, растеряв былую уверенность, — последний раз группы эти рейд учиняли, всю улицу прошерстили. Тварей этих ищут, будь они неладны. Будто мы у себя на ночлег этих чудищ оставляем! А ты кто таков? Не первый раз тебя тут вижу. Не из этих будешь, из проверяющих? Мы тут с такими долго не церемонимся!»

В голосе собеседника снова зазвенели злые ноты, а движения приобрели утраченную задиристость. Он был откровенно пьян, а значит, к конструктивному диалогу неспособен. Кое-как отвязавшись от настырного типа, я двинулся дальше, про себя примериваясь к месту ночлега. Поселение было совсем небольшим и располагалось возле искусственных посадок, в которых я отыскивал себе сухое и относительно уютное пристанище. Мое недавнее обращение принесло мне множество преимуществ, в число которых входила полная невосприимчивость к резким перепадам температуры. Конечно, я тоже испытывал

дискомфорт, валяясь на снегу под ледяными порывами ветров, но просидеть под густым кустом ночь считал вполне приемлемым. Тяготы перехода быстро перенесли меня на ту сторону реальности. Во сне я снова был на побережье, в заброшенном подвале, и Женька рассказывал мне красивые истории о вечном и главном, то есть о финансах. Неожиданно его голос приобрел незнакомую хрипоту, стал низким и прокуренным, а в поведении засквозила несвойственная быдловатость. Он с силой толкнул меня к стене и я, больно ударившись о ее неровную поверхность, распахнул глаза. В неясном свете ночи я различил несколько темных фигур, осторожно крадущихся в мою сторону.

«Вот он, фраер, — донесся до меня все тот же хриплый голос из моего сна, — шпион. Заходи слева, Влас, похоже он тут один. Надо от него избавляться по-тихому, пока не донес.»

Я действительно был тут один, но это обстоятельство не давало наглцам большого преимущества. Я, стряхивая остатки сна, поднялся на ноги и непарламентски поинтересовался у гостей о причине визита. В одном из смельчаков я узнал недавнего алкаша в компании еще троих или четверых ему подобных. Почему незнакомый путник вызвал у маргиналов столько негативных эмоций, я понять не мог, а непрошенные гости не пожелали вводить меня в курс дела. Вместо этого один из них грубо столкнул меня на землю, наваливаясь сверху всей тушей и нанося мне беспорядочные удары кулаком.

«Чертов проныра! — бормотал мой противник, навешивая мне лещей, — все вынюхиваешь, ищейка, стукач.»

Остальные не стали стоять в стороне и тоже подключились к процессу, вымещая на мне страх и неопределенность. Я кое-как отбивался, имея плохие шансы, а мои неокрепшие после битв с волками руки все никак не могли по достоинству ответить на озлобленные выпады. Мне все еще казались несерьезными их нападки, в них я видел отчаянные попытки взрослых людей скрыть собственные комплексы и слабость и расценивал это как банальное хулиганство. Так я думал до тех пор, пока один из нападавших не выхватил из-за пазухи вполне настоящий остро отточенный нож.

«Ты ничего не сможешь доказать, тощий ублюдок, — прошипел он, беспорядочно тыча в воздух опасным оружием. — нас не было в поселке, когда твари зарезали вашу охрану. Это сделали они, приятель, мы к этому не имеем никакого отношения. Они зарезали их, ножами. Они сделали это!»

Речь местного становилась бессвязной, слова слипались в кучу и из его заполошного пьяного полупризнания я понял одно — парни прикончили охранника безопасности, и теперь неумело пытаются свалить ответственность на диких. А во мне видят свидетеля их неосмотрительных действий, шпиона и черт знает кого, но они смертельно напуганы и пытаются замести следы.

«Нападение на представителя закона грозит серьезными последствиями, приятель, — проговорил я, отчаянно надеясь, что здравый смысл еще не до конца покинул горе-преступников. — а твари не могут резать ножами, придумай что-нибудь поубедительней»

«Не слушай его, Влас! — истерично заорал его поделльник, теряя над собой контроль. — режь его!»

Влас послушно размахнулся, нацеливаясь мне в живот, а я успел подумать о бессмысленности нападения. «Так они ничего не решат, а только добавят себе проблем», — мелькнула мысль, и в ту же минуту из темноты метнулась серая тень, сбивая с ног моего несостоявшегося убийцу. Влас выронил нож и неловко развернулся, пытаясь сообразить, что

помешало его маневру. Остальные, забыв про корпоративную этику, рванули в разные стороны, признав в моем спасителе огромного волка, сильного и решительного. За секунду серый хищник растерзал несчастного мужика, угрожающе взрыкивая, и тут же скрылся в зарослях. Молниеносно развернувшиеся события еще не достигли моего понимания, а я уже несся через посадки, стремясь оказаться как можно дальше от места трагедии. Общая неопределенность, страх и бесконтрольность превращала людей в озлобленных дикарей и без обращения, развязывая им руки и пробуждая древние инстинкты. Когда посадки сменились очередными бескрайними просторами, я наконец сбавил обороты и остановился, переводя дыхание. «Как мне добраться до побережья?» — толкалась единственная мысль. Интерес ко мне сильных и значимых больше не беспокоил меня. Гораздо сильнее меня тревожила судьба моего Женьки. Учитывая обстановку, я вообще не мог гарантировать, что когда-нибудь увижу его в добром здравии, поэтому, махнув рукой на предосторожности, решил ускорить свое путешествие. По мере моего продвижения к цивилизации на моем пути появлялись покинутые фермы, ржавеющие остовы сельскохозяйственной техники, пустующие ангары. Я был готов арендовать любой трактор, способный к передвижению, поскольку мои собственные способности шевелиться стремились к нулю. Однажды мне повезло, когда в какой-то деревушке я обнаружил весьма годное транспортное средство, принадлежащее местному жителю. Сам хозяин даже слушать не стал о моей перевозке куда-то за пределы его колхоза.

«Нет, мил человек, и не проси, — прошамкал старик, — нынче-то времена какие! Не твари, так люди порешат! Мы с моим семейством уже год за порог не высовываемся. Да тут и все такие»

С разумными доводами старика я согласился без вопросов, однако дальше мое воспитание, хорошие манеры, тихий нрав, и прочие положительные качества начисто растворились в бесконтрольном желании увидеть единственное родное лицо, пока не стало слишком поздно. Слова деда подтолкнули меня на весьма решительные действия, и я, легко оттеснив хозяина от его приземистой колымаги, ловко запрыгнул внутрь, запуская двигатель. Дед засуетился, забегал, смешно взмахивая руками и причитая.

«Я привезу тебе машину обратно, — пообещал я, в нетерпении давя на газ, — обещаю и клянусь. Не держи на меня зла, у меня особые обстоятельства!»

Глава 29.

Я не был уверен в технических возможностях дедова устройства, однако, пропрыгав по промерзшему асфальту все положенное расстояние, ржавое недоразумение вкатилось на знакомые улицы приморского городка. Мое вынужденное отсутствие заняло, по моим подсчетам, чуть больше двух месяцев, однако я не с первого раза узнал некогда оставленную территорию. На прежде аккуратных пустых улицах высились горы из мусора и обломков домашней мебели, и в этих кучах отчетливо угадывались очертания самых настоящих баррикад. По обочинам громоздилась военная техника, а вооруженные до зубов солдаты охраны, настороженно просматривали территорию. Я предусмотрительно оставил верную лошадку на самой окраине, а до знакомых улиц решил прогуляться пешком. Теперь я проявлял больше осторожности, стараясь привлечь к себе как можно меньше внимания. Прокравшись вдоль стен до тупиковой улочки, ведущей к заброшкам, я шмыгнул в подворотню и тут мое везение закончилось. Прямо на асфальте сидели представители новой расы и выжидательно пялились перед собой. Они не проявляли активности, не общались, не решали стратегических задач, но в их настороженном молчании угадывалась работа мысли. Их было около десятка, но мне хватило бы и одной твари, чтобы покинуть грешный мир, настолько я устал от длинной дороги. Твари меня не замечали, позволив мне воспользоваться моментом и скрыться с глаз. Я мог бы это сделать, но одна из сидящих повела мордой и уставилась на меня мутными глазками. Тварь коротко взвизгнула и поднявшись на ноги, решительно шагнула ко мне. Мне на память почему-то пришла моя эпичная схватка с серыми стаями, и я, усмехнувшись, почувствовал почти научный интерес. «Хватит ли моих сил справиться с этим видом противника?» — вот в общем-то и все, что интересовало меня в данную минуту.

Тварь вскинула вверх лапы, а по моим жилам промчалось обжигающее пламя, дающее энергию. Повинуясь охватившим эмоциям, я с силой вцепился твари в горло и, прикладывая остатки усилий, свернул ей шею. Тварь всхрапнула и тяжело свалилась к моим ногам.

«Так-то, девочки, — пробормотал я, потеряв интерес к экспериментам, — так будет с каждой!»

Твари не могли проявлять эмоции, но готов поклясться, что сейчас на их слюнявых рожах отразилось недоумение. Поверженная тварь не спешила к возрождению. И к преображению тоже не стремилась. Она просто бесцельно валялась передо мной, перекрывая мне дорогу. Я перешагнул бесчувственную тушу и зашагал к побережью, думая о том, что сражаться с волками было куда интересней и продуктивней.

Подвал был пуст и необитаем. По некоторым признакам я догадался о полном отсутствии в нем жильцов. До темноты я прождал Женьку, и утомившись ожиданием, незаметно погрузился в состояние полудремы.

На рассвете меня разбудило неуверенное шарканье, раздавшееся за моим порогом. Я приподнялся на лежанке, прислушиваясь к шорохам. Это не было похоже на явление представителей силовых структур. Те, наверняка, не стали бы стесняться, и давно бы уже наполнили своим присутствием мою тесную каморку. Женька тоже мог бы легко справиться с нехитрым замком. Шорох повторился, а мое дремлющее природное любопытство

заставило распахнуть дверь.

На земле сидела скрюченная фигура, облаченная в разорванные тряпки, и дрожала. Фигура была рослой и казалась сильной, но даже в предрассветных сумерках угадывалось, что она основательно изранена и очень устала. На мое появление гость отреагировал едва слышным стоном и сделал попытку приподняться.

«Кто вы? — пробормотал я, втягивая непрошеного визитера внутрь комнатки, — и что с вами произошло?»

Впрочем, на последний вопрос я мог ответить и сам. Уличные баталии частенько приводили к подобным результатам, учитывая всеобщую озлобленность. Мои предположения оправдались.

«Я не помню, как очутился у складов, — невнятно проговорил незнакомец, — все, что осталось в моей памяти, это обрывочные эпизоды долгих шестивий и выполнения нелепых приказов»

Речь гостя была вежливой и выдавала в нем образованного человека, однако его объяснения не вносили ясности. Гость неловко зашевелился, усаживаясь на лежанке, и я заметил сквозь его разорванную одежду глубокие порезы.

У меня больше не было при себе моих препаратов, а травы, собранные в Нордсвилле, не могли полностью излечить весьма серьезные повреждения. Человек делал все возможное, чтобы казаться бодрым, однако с каждой минутой его сил оставалось все меньше, а гримасы боли проявлялись все чаще.

«Разрешите, я посмотрю, — пробормотал я, — я врач, возможно я смогу вам помочь»

Человек с готовностью скинул страшную робу, и моим глазам открылось отвратительное зрелище. Его кожа была сплошь покрыта кровоточащими ранами, очень напоминающими укусы и царапины диких животных. Раны гноились, и моему пациенту требовалось серьезное медицинское вмешательство. Вряд ли мое простое научное любопытство исцелило бы несчастного. Однако, человек нуждался в помощи, и я не мог теперь просто так выставить его за порог. Почувствовав под кожей знакомые огненные искры, я неосознанно протянул к ранам раскрытые ладони и едва слышно забормотал давнее заклинание. Слова рождались в голове сами по себе, и звучали вне моего желания. Постепенно кожа моего пациента светлела, глубокие порезы затягивались, а рваное дыхание несчастного выравнивалось. В этот раз мне удалось завершить процедуры, не теряя сознания и сохранив при себе способность по достоинству оценить полученный результат. Мой пациент крепко спал, демонстрируя мне чистую зарубцевавшуюся кожу без следа воспаления. Мои ладони горели огнем, а собственное дыхание с шумом вырывалось из легких, как после многочасовой пробежки, но я был доволен результатом. «Очень удобно, — с усмешкой подумал я, — можно сэкономить на препаратах и снадобьях»

Незнакомец проспал до вечера, а с наступлением темноты я наконец-то узнал весьма интересную историю.

Мартын, как звали моего гостя, работал в частной клинике, когда мир охватила страшная эпидемия. У парня были неплохие интеллектуальные показатели, и его, как и многих его коллег, отправили в одну из строго засекреченных лабораторий работать над противоядием. Это не было для меня шокирующим фактом, поскольку пять лет назад растерявшиеся ученые готовы были сотрудничать с каждым, кто имел отношение к медицине. Мартын честно трудился до конца прошлого года, не приходя, впрочем, к значительным результатам. Зимой в стенах лаборатории поползли слухи о новом препарате,

качественном и действенном, способным остановить массовую истерию и вернуть человечество к прежней жизни. До изолированных от общества сотрудников донесли идею протестировать препарат и дать подробный отчет о проведенном мероприятии. Мартын, так же, как и остальные коллеги, однажды собрались в просторном зале и приготовились к торжественному введению препарата. Однако вместо ожидаемой капсулы с лекарством, прибывшие из столицы коллеги предложили участникам занять места вдоль стены и важно удалились. Вскоре испытуемые расслышали неясный гул, потрескивание, которое очень быстро прекратилось. Спустя несколько минут в зал вернулись столичные коллеги и вручили каждому добровольцу прозрачные безвкусные таблетки. Участники теста были уверены, что противоядие укрепит иммунную систему и не вызовет в организме никаких побочных явлений. Так, во всяком случае, утверждали разработчики лекарства. Мартына закрыли в изолированной камере и принялись наблюдать. Поначалу старательный сотрудник не замечал в себе явных изменений, продолжая оставаться бодрым и крепким. Однако, спустя пару недель с ним стали происходить чудеса. Его конечности стали менять привычную форму, а лицо вытянулось и приобрело устрашающие очертания. В конце второй недели на Мартына из зеркала смотрела классическая дикая тварь. Никаких других изменений с Мартыном не произошло. Его разум продолжал оставаться ясным, память крепкой, а отчаяние, охватившее несчастного парня, нельзя было описать словами. Мне были знакомы описанные симптомы. Что-то похожее испытывал я сам во время своего повторного обращения. Мартына продолжали держать в изоляции, и тот был уверен, что отныне его жизнь будет тесно связана с непрозрачными стенами его научной темницы. Так думал Мартын до того дня, пока в его сознании не появились пугающие перемены. Он стал выпадать из реальности, начисто забывая целые куски прожитого. Однажды он оказался в темном коридоре в компании десятка себе подобных, но каким образом произошло перемещение, Мартын вспомнить не мог, а спросить не сумел, растеряв вербальные способности. Оставаясь в здравом уме, парень припомнил семейный анамнез, в частности своего деда, четыре года отваливавшегося в психушке, и пришел к выводу, что сошел с ума. Такие провалы становились все чаще, но теперь в его голове зазвучали голоса. Это не были спонтанные, лишенные смысла голоса. Это были четкие, осознанные приказы, послушаться которых Мартын не находил в себе решимости. Следующее его возвращение в реальный мир состоялось на какой-то незнакомой улице, где он оказался все в той же неприглядной компании похожих на него самого диких чудовищ. Голоса продолжали терзать сознание Мартына, заставляя подчиняться непонятым командам, в основе которых лежала одна единственная идея — истреблять и уничтожать. В один из редких моментов просветления Мартын увидел перед собой высокого светловолосого человека, уставшего и жутко худого. И в тот же миг в его голове прозвучало отчетливое «Уничтожить». Повинуясь приказу, Мартын поднялся и двинулся навстречу незнакомцу. Никаких личных эмоций незнакомец не вызывал, он рассматривался Мартыном только как объект цели. Что было потом, он помнит крайне смутно. Последнее, что врезалось в память были обжигающая боль и животный неосознанный страх. Потом Мартын очнулся возле железной ржавой двери.

Рассказ предрассветного гостя возродил во мне множество соображений, ни одно из которых пока не оформилось до конца в моем сознании. Это были только догадки, слабые и сырые, но одно я понял отчетливо — тварь, которую я придушил в подворотне, волшебным образом воскресла и вернула себе человеческий облик вместе со своим редким именем.

Мартын быстро встал на ноги, совершенно забыв о полученных повреждениях. И это не

было результатом загадочного воздействия извне, в том я видел целиком только свою заслугу. Мой новый знакомый оказался общительным и веселым парнем, с удовольствием рассказывающим мне о своей жизни до катастрофы. Из его непрерывного трюндежа я выяснил, что родился он в Греции, куда однажды приехала его бабка вместе с его отцом, тогда еще десятилетним мальчишкой. На историческую родину Мартын вернулся уже взрослым. Тут женился, и начал строить карьеру врача.

«Я решил продолжить семейную традицию, — с гордостью поведал он, — мой дед владел частной клиникой, а мой отец был первоклассным хирургом. Я уверен, Прохор, что когда-нибудь все это закончится, и я смогу продолжить ставить на ноги пациентов.»

Я был рад за Мартына, однако меня в данную минуту тревожил совсем другой вопрос. Мне было интересно, что стало за эти два месяца с моим Женькой, и смогу ли я когда-нибудь увидеть его снова.

Глава 30.

Местная знаменитость, способная укрощать диких силой мысли, проживала в обычной многоэтажке, на последнем этаже. Женька, днями просиживая в единственной комнатухе загадочного старца, часто припоминал обстоятельства своего вынужденного новоселья и горестно усмехался. С момента ареста его Тихона Женька ежедневно ожидал визита сильных и значимых, уверенный, что те не упустят возможность призвать к ответу подельника и соучастника почти государственных преступлений. В его подвал никто не приходил и вопросов не задавал, однако, тревога не исчезала, а только крепла с каждым днем. Однажды Женька рискнул прогуляться до города и пополнить запасы продовольствия. На его пути то и дело возникали группы реагирования, вереницы военной техники и стихийно организованные отряды сопротивления, но никто из них не видел в Женьке достойного объекта для внимания. Возле самого павильона, заброшенного и почти полностью разграбленного, бравый боец охраны, завидев редкого горожанина, нехотя направился в его сторону. Возможно этот порыв был вызван банальной проверкой, а еще вероятнее, не имел к Дергачеву никакого прямого отношения. Однако перепуганный Женька сам выдал свое замешательство разом побледневшей изменившейся рожей и этим заинтересовал бдительного стражника. Тот, на ходу доставая рацию, что-то неразборчиво пробормотал, и вдруг резко притормозил, отбрасывая сложную технику в сторону. В глазах бойца отразился самый настоящий ужас, и он, забывая про намеченное, резво помчался в противоположную сторону, оставляя Дергачева терзаться вопросами и предположениями. Женька заозирался по сторонам, пытаясь отыскать причину паники, и неожиданно натолкнулся взглядом на стоящего за его спиной знакомого странного деда, привычно перебирающего толстыми скрюченными пальцами. Заметив Женькино внимание, старец кивнул и проделав пару замысловатых пассов, потрусил в сторону подъезда одного из домов. Женька неосознанно рванул за ним, справедливо полагая, что лишнее внимание представителей закона к его персоне сейчас ни к чему.

Квартира, куда привел его старец, была неухоженной и требовала основательного

ремонта. Однако ее хозяин будто и не замечал рваных серых обоев, покрытых жирными пятнами, сгоревших розеток и некрасивых желтоватых потеков на потолке, говорящих о дырявой крыше.

«Обживайся, приятель, — прошамкал старец, равнодушно кивая на продавленную мебель, — не стоит привлекать внимания борцов за чистоту нации долгими прогулками.»

В словах неаккуратного хозяина было много истины, но Женька все никак не мог поверить в искренность этих слов.

«Вы не боитесь приглашать в гости незнакомцев? — с усмешкой поинтересовался он, — вдруг я опасный преступник или убийца. Время сейчас не слишком располагает к внезапным знакомствам.»

«Не боюсь, — отозвался старец, — я вижу людей и знаю, о чем они думают. Тот боец, что так решительно проявил социальную ответственность, желал набрать побольше очков и выслужиться, арестовав тебя за нарушение комендантского часа. У него в личном деле накопилось слишком много выговоров, и ему требовался реванш.»

Женька только захлопал глазами, поражаясь осведомленности незнакомца.

«Впрочем, — мысленно усмехнулся Женька, — Трофим упоминал о частых прогулках местного чокнутого, а это верный способ обзавестись нужной информацией.»

«Кто вы такой?» — забывая поблагодарить деда за участие, пробормотал Женька.

Дед, пыхтя и отдуваясь, присел на единственный диван рядом с гостем и неразборчиво проговорил:

«Они называют меня сумасшедшим, да я и сам склонен согласиться с такими определениями. Довольно сложно, приятель, всю жизнь провести в одиночестве и остаться в здравом уме. Так уж сложилось, что с самого детства я был один. Как думаешь, сколько мне лет?»

Неожиданная смена темы не позволила Женьке подключить свою обычную тактичность, и он, не раздумывая, выдал первое, что пришло в голову.

«Семьдесят пять? — наобум пробормотал он»

Дед неожиданно звонко расхохотался и согласно кивнул.

«Почти, — успокоившись проговорил он, — столько было бы моей матери, доживи она до этого безумного времени. Мне пятьдесят, но неуклюжесть прибавляет мне года, а вечная неустроенность делает меня ворчливым и нудным»

Дед, рассуждая о превратностях судьбы, никак не желал представляться своему вынужденному постояльцу, сохраняя интригу. Женька называл его чокнутым и подыскивал подходящий момент свалить на побережье. Однако старец навязчиво удерживал Дергачева, целую неделю запрещая тому покидать стены квартиры и подходить к окнам. Последнее ограничение казалось Женьке лишним и надуманным, и он целыми днями пялился на улицу, наблюдая за стремительно меняющимся пейзажем. Твари все чаще появлялись на улицах и устраивали молниеносные облавы на зазевавшихся граждан, действуя грамотно и внося в свои действия логичную рассудительность. Группы реагирования не успевали реагировать и только подтягивали громоздкую технику, перекрывая доступ к жилым районам. Дед как ни в чем не бывало ежедневно уходил на улицу и торчал среди стихийных отрядов, выведывая новости, которыми охотно делился с Женькой по вечерам.

«Жители напуганы, а группы бездействуют, — пробормотал дед, вернувшись с разведки, — последнее обстоятельство вызывает недоумение, и способствует нарастанию паники. Чего они ждут? Пока твари были относительно новым явлением, их не трогали,

надеясь вернуть им человеческий облик. Сейчас они демонстрируют наличие интеллекта и становятся реальной угрозой. Их опять не трогают. Неизвестно, по какой причине.»

Дед бормотал так целыми вечерами, нагоняя на Женьку тоску. Тому нечего было сказать в противовес, поскольку обстановка откровенно напрягала, но и поддерживать дедово бесконечное нытье было не вмоготу. По одной ему известной причине, дед отчаянно не желал расставаться с Женькой, всеми силами стремясь удержать непрочное внимание беспокойного постояльца. Женька несколько раз порывался покинуть гостеприимного деда, возвратясь на побережье, однако тот пугал скорыми переменами и запрещал даже думать о всякого рода перемещениях.

Перемены и в самом деле наступили. Проснувшись однажды среди ночи от оглушающих визгливых звуков, Женька с ужасом разглядел в неясном свете ночи темные колышущиеся толпы уродищ, синхронно двигающиеся вдоль ночных улиц. Обычно твари собирались стаями по десять-пятнадцать особей и в большинстве своем пели песни. Иногда набрасывались на горожан и утаскивали их в подворотни. Сейчас их количество превышало сотню, а уродливые лапы сжимали обломки металлических труб, поблескивающих под редкими фонарями. В чем заключалась цель ночного рейда, оставалось вне понимания Дергачева, но больше отсиживаться в квартире чокнутого старикана Женька не пожелал. Выскользнув на лестницу и несясь по крутым ступенькам вниз, Дергачев даже приблизительно не мог сказать, чем вызвано ночное шествие и чем планирует завершиться. Стараясь не попадаться на глаза демонстрантам, Женька рванул в сторону заброшек, надеясь, что до побережья не дошло это безумие.

«Возможно мне удастся вырваться отсюда», — думал Варвар, мчась по темным переулкам. Он почему-то был уверен, что там, за пределами города, твари еще придерживаются прежних правил поведения или вовсе уничтожены. Внезапно на пути выросла темная громающая колонна, стремительно приближающаяся к его одинокой замершей фигурке. Женька успел метнуться вбок, скрываясь в тени стены и тут же был схвачен цепкими руками неведомого противника.

«Спокойно, приятель — прозвучал незнакомый голос, — зря ты бродишь по улицам в такой неподходящий час.»

Женька обернулся и увидел высокого сильного парня, в темноте показавшегося шуплому Женьке настоящим великаном.

«Ты кто такой? — пробормотал Дергачев, вырываясь из некрепкого захвата, — сам-то что дома не сидишь?»

Незнакомец не принадлежал к силовым структурам и выглядел обычным прохожим, однако что-то в его поведении напомнило Женьке о партизанских отрядах Трофима.

«Дома меня никто не ждет, — просто отозвался тот, — и тут у меня небольшое дельце. Нужно решить кое-какие вопросы.»

Женька прислонился к холодной стене и пробормотал:

«Помощь нужна?»

«Вряд ли приятель, — усмехнулся собеседник, — мне дано задание разузнать кое-какую информацию об одном человеке. Если сможешь мне помочь, милости прошу!»

В Женьке снова зашевелилось беспокойство, однако он смело вскинул голову и уточнил:

«О каком человеке?»

Незнакомец не торопился раскрывать все секреты, но и отпускать Женьку тоже не

планировал. Он присел на корточки и пригласил Женьку составить ему компанию.

«На самом деле я и сам не знаю, кого ищу, — наконец признался он после непродолжительного молчания, — время такое, брат, все кругом засекречено и таинственно. Я знаю только внешние данные этого человека и догадываюсь о том, что он важен для решения государственных вопросов. Раз такие значимые люди им интересуются, значит, он не так уж прост.»

Женькино сердце заколотилось у горла, а дыхание в волнении сбилось.

«И как же он выглядит? — стараясь голосом не выдать охватившей его паники, поинтересовался он. — или это тоже большой секрет?»

«Пойдем, — проговорил незнакомец, игнорируя Женькин интерес, — не нужно привлекать лишнее внимание»

Чьего внимания опасался странный парень, понять было сложно, поскольку ночные улицы были пусты и безмолвны, если не считать отдаленного визжания тварей, растворившихся в темноте. Путь, предложенный великаном, пролегал знакомым маршрутом, ведя мимо многоэтажек к заброшенным складам. Великан молчал, искоса поглядывая на Женьку и рождая у последнего отчетливое желание немедленно скрыться с глаз. Выбрав подходящий момент, Дергачев ловко вывернулся из крепкой руки своего сопровождающего и, не доходя до заброшек несколько метров, рванул в темноту, рассчитывая исчезнуть от греха подальше. Речи незнакомца были слишком настораживающими, чтобы принять их с полным безразличием.

«Эй, куда?! — запоздало отреагировал великан и сделал попытку броситься следом, но Женькины умения растворяться в пространстве были достойны книги рекордов. Погасив в себе порыв пересечь границу города прямо сейчас, Женька все же решил выяснить, не вернулся ли Тихон, к тому же знаменитая кожаная тетрадка все еще оставалась в непрочном тайнике заброшенного подвала.

С легкостью преодолев оставшееся до побережья расстояние, Женька остановился у обрушенной стены склада и с усилием всмотрелся в прозрачную тьму. Подвал, а также прилегающая к нему территория оставались пустынными и казались нетронутыми. Дергачев собрался уже покинуть наблюдательный пост и все же воплотить в жизнь свою первоначальную задумку, однако его внимание привлекла размытая тень, промелькнувшая в шаге от проржавевшей двери. В первую минуту Женька подумал о Тихоне, однако силуэт был слишком велик для исхудавшего брата, а копна кудрей, отчетливо различимая в темноте, безжалостно добивала Женькины иллюзии. Тень ненадолго замерла, видимо, прислушиваясь, и без труда просочилась внутрь Женькиного пристанища.

«Чертов дед! — с досадой выругался Женька, — если бы не его навязчивое гостеприимство, случайные бродяги хрен отжали бы у меня такой удобный подвал.»

Лишение крова не так напрягло Женьку, как растревожила полная невозможность добраться до важного артефакта, спрятанного в подполе. Дергачев с тоской переминался с ноги на ногу, подыскивая подходящий предлог вновь оказаться в подвале. От тяжелых размышлений его отвлек знакомый отвратительный звук, решительно приближающейся к побережью. Теперь однообразное визжание было разбавлено грохотом подручного оружия, которым были вооружены дикие. Оружием служили им обломки арматуры, палки, доски и дубины, подобранные по дороге. Силовики, запустив технику, пытались окружить потерявших совесть неандертальцев и с наименьшими потерями прекратить бесчинства. Однако все их усилия приводили к еще более активным действиям со стороны тварей. Те без

стеснения набрасывались на тяжелую технику, правда, не причиняя ей особых повреждений. Женька метнулся к разрушенному складу, который только что покинул, и вжался в стену, надеясь, что твари не заметят его присутствия. Те прошли мимо, держа курс на заброшенный подвал. С особым остервенением они обрушили на ржавые стены свои палки и копыта, выламывая дверь и разбивая вдребезги крохотное окошко. Крыша недавнего Женькиного убежища была покатой и одним своим краем почти касалась земли. Одна из тварей решила вспомнить беззаботное детство, и взобралась по железной горке, тяжело стуча лапами по ржавым листам. Двое других ее соратниц тут же подхватили веселую забаву и составили ей компанию. Очень скоро от некогда относительно ровного ската остались смятые покореженные руины, а довольные трудами дикари с визгом перекинули свое внимание на все еще закрытую дверь. Не добившись желаемого, твари замерли, к чему-то прислушиваясь, и внезапно изменили траекторию разрушения, направившись обратно к городу. Женька, махнув рукой на осторожность, в два прыжка оказался у двери, и решительно рванул ее на себя. Дверь ожидаемо не поддалась, плотно застряв в проеме, однако из-за нее до Женьки донеслись вполне различимые голоса. Дергачеву вспомнилась осторожная тень, просочившаяся внутрь, и он, забарабанив по железу, обратился к обитателям:

«Эй! Есть кто живой?»

«Помоги приятель! — донесся до Женьки знакомый голос великана, от которого Дергачев так виртуозно смылся несколько минут назад, — дверь заклинило.»

Женька отыскал на земле оброненный тварями кусок арматуры и продолжил начатое ими дело. Вскоре под воздействием обоюдных усилий дверь поддалась и со скрежетом вывалилась наружу. Следом за ней показалась внушительная фигура недавнего Женькиного безмянного знакомого, а еще спустя пару минут Женька увидел еще одного обитателя разрушенной кельи. Им оказался высокий худой парень, в котором потрясенный Дергачев узнал своего арестованного брата.

«Прохор? — в целях конспирации прошептал Женька и тут же был утоплен в сильных костлявых объятиях, распахнутых перед ним.

«Женька, — услышал он знакомый негромкий голос, — как же я рад тебя видеть, дружище! Видишь, что осталось от нашего жилища? Теперь придется искать новое пристанище!»

Эта проблема не казалась Женьке нерешаемой, и он беспечно взмахнул головой, высвобождаясь из цепких рук.

«Фигня вопрос! — грубовато прокомментировал он, сияя от радости, — я знаю, где нам пересидеть пару дней. Рассказывай, как тебе удалось...»

Женька не успел донести свой неосторожный вопрос до Тихона, поскольку был прерван весьма ощутимым толчком в ребра.

«Потише, приятель, — прошипел ему прямо в ухо Тихон, — называй меня Прохор и ни о чем не спрашивай»

«Знакомься, дружище, — уже более отчетливо произнес он, поворачиваясь к стоящему рядом великану, — Мартын. Мой новый приятель и нечаянный пациент. Я озадачил его решением своих проблем и кажется вызвал тем самым массу неудобств»

«Я искал этого заморыша целую неделю, — прогудел Мартын, — а когда нашел, то тут же упустил. Прохор, я говорил тебе, что я врач, а не сыщик. Что ж, он сам решил найти тебя, надеюсь, теперь ты не в обиде»

Женька только хлопал глазами, поражаясь собственной недогадливости, помноженной

на осторожность.

«Нужно уходить, — прервал его переживания Тихон, — твари вернуться, как только поймут, что оставили без участия разумных людей. Они исполняют четкие приказы, правда не до конца понятно, от кого они исходят. Зато я с уверенностью могу сказать, что перед чудовищами стоит весьма отчетливая задача — уничтожать. Не будем облегчать им ее выполнение.»

С этими словами Тихон направился к берегу, не дожидаясь, пока его спутники составят ему компанию. Из невнятных разъяснений ученого брата Женька понял только то, что возле воды влияние диких снижается в разы. В чем истинный смысл этих выводов, Женька понял спустя несколько минут, когда решительно настроенные уродливые отряды вернулись обратно. Тихон, не тратя время на научные выкладки, принялся накидывать вдоль воды тонкие ветки, обломки коры и всякий хлам, создавая некое подобие баррикады. Мартын послушно подтаскивал строительный материал, воздерживаясь от комментариев, а Женька ничего не делал, а только терялся в догадках и тоже с вопросами не лез. Когда хлипкое сооружение было возведено, Тихон поджег его с двух сторон, удовлетворенно поглядывая на свою рабочую группу. Твари нерешительно замерли, опасаясь подходить ближе, но при этом продолжая вопить и стучать палками. Огонь разгорался, обволакивая все вокруг едким вонючим дымом, от которого слезились глаза и перехватывало дыхание. Женька с тревогой оборачивался, наблюдая, как кольцо огня постепенно отрезает их троих от тварей и остального мира. Позади плескались волны залива, впереди искрилось пламя, а между ними в нерешительности замерли три фигуры, ожидая развития событий. Как оказалось в дальнейшем, нерешительных фигур было только две. Тихон весьма ловко поддерживал огонь на протяжении всей линии, и периодически замирал, уставившись в пламя яркими синими глазами. Время от времени он поднимал вверх руки и раскрывал обе ладони навстречу огненным всполохам. Мистически настроенный Женька был готов уже встретить потусторонних духов, способных укротить диких, вывести их из огненного кольца и вернуть рассудок его научному брату. «Вероятно, внешние события все же повлияли на утонченное сознание моего Тихона, — расстроено думал Женька, внимательно следя за непонятными и пугающими действиями бывшего избалованного мажора, — к тому же неизвестно, чем там занимались с ним силовые структуры, держа под арестом. Тихон так и не рассказал мне, как ему удалось избежать наказания. Может, они его завербовали?»

О чем думал огромный Мартын оставалось неизвестным, но судя по выражению его толстого лица, направления его размышлений совпадали с Женькиными. Тихон, не обращая внимания на производимое впечатление, продолжал метаться вдоль оглушительно потрескивающего кострища, протягивать к нему руки и периодически замирать, пялясь в огонь. Твари бесновались по ту сторону огненной линии, но уходить не спешили. Спустя бесконечное количество минут, растянувшихся для Женьки в целое столетие, из костра повалил густой белый дым, подгоняемый с моря легким ветром. Дым накрыл беснующихся тварей, а Тихон, не дожидаясь развязки, сделал знак своим приятелям следовать за ним. Мартын, Женька и сам ученый легко преодолели огненную преграду, попросту перепрыгнув за ее границы, и понеслись вдоль кромки воды, оставляя тварей корчиться в белом дыму.

«Веди нас, Женька, — переводя дыхание, пробормотал Тихон, оборачиваясь на бегу, — ты говорил, что знаешь, где нам перекантоваться пару дней!»

На самом деле у Женьки был только один вариант относительно безопасного убежища. Загадочный старец, упрямо сохраняющий свое инкогнито, с большой охотой ютил у себя

Женьку, но будет ли он доволен прибавлением в семействе, о том Женька сказать не мог. Выбора не было, к тому же ночь давно закончилась, и лезть на глаза группам реагирования не было никакого желания.

Глава 31.

Мой незапланированный обряд, вызванный скорее голосом подсознания, чем осознанными действиями, стал результатом истории, рассказанной Мартыном. Рассказ Мартына значительно прояснил текущую ситуацию. Нынешние твари не были порождением неведомого вируса, а стали результатом чьего-то не слишком удачного эксперимента. Упоминание моим нечаянным коллегой загадочного гудения и потрескивания наводило на мысль о таинственных установках покойного Захара, и моем последующем спонтанном преображении. Это было все, о чем я мог говорить с уверенностью, но и этого было достаточно, чтобы принять меры. Мои внезапно обретенные способности ненадолго остановили решительность искусственно созданных уродищ, и позволили нам скрыться от их пристального внимания. Женька не обманул, у него действительно оказалось припрятано весьма комфортное убежище в виде современной однокомнатной квартиры на самом последнем этаже. Хозяином однушки оказался почтенный старец, толстый, неуклюжий и абсолютно безобидный. К тому же оставшийся совершенно безразличным к нашему внезапному появлению.

«Располагайтесь, — отрешенно прошамкал он, пропуская в тесную прихожую незваных гостей, — шикарных апартаментов не предложу, но крыша над головой и крепкие стены это уже кое-что, при нынешних реалиях»

Апартаменты нам были не нужны, а неуютность и откровенная запущенность дедова жилища играло нам только на руку. Мы трое сами не являлись образцом и эталоном опрятности, поэтому весьма органично вписались в интерьер. Дед исчезал на целый день, бесстрашно бродя по разоренным улицам и давая нам возможность вести душевные беседы без постороннего присутствия.

«Где ты отыскал себе нового лучшего друга?» — с усмешкой поинтересовался я, а Женька поведал мне весьма любопытную историю, упомянув невероятные способности старца.

«Он может на расстоянии управлять тварями и думаю, что он от меня скрывает многие таланты, — убежденно проговорил Женька, вызываяще задирая вверх тощую рожу. — кто-то же диктует этим уродам приказы.»

Мартын подался вперед всем своим огромным телом, услышав Женькин вердикт, а я внезапно вспомнил одно происшествие, стоившее мне немалых хлопот полвека назад.

«У этого многогранного деда есть какое-нибудь имя?» — проговорил я, оставляя мелькнувшее соображение при себе.

«Это очень скрытный дед, — заговорчески прошептал Женька, — он рассказал мне только про свое тотальное одиночество, неудавшуюся жизнь и не слишком сохранившуюся страшную внешность. Про имя и другие факты биографии этот деятель предпочел умолчать. И еще, он ни разу не попался в руки группам реагирования, а уж они-то наверняка должны были знать про его удивительный дар. Он же прямо на их глазах закручивает тварей в спирали, разворачивает охранников вспять и нисколько не боится попасть под раздачу. Очень странный дед, не находишь?»

Разговорить деда оказалось непосильной задачей. Вечером он снова замаячил в тесном пространстве, пересказывая новости. Одной из которых было сообщение о появлении нового партизанского отряда, обосновавшегося на побережье.

«Люди совсем потеряли инстинкт самосохранения, — с горечью поведал нам хозяин клетушки, — ну куда им против диких. На это и созданы специально обученные люди. А то что может сделать кучка людей, едва вооруженных палками и железками? Пусть и разумных, и сильных? Против тварей не попрешь!»

«Откуда вы знаете про отряд? — поинтересовался я, сохраняя в голосе нейтральные ноты, — откуда вообще вы черпаете всю эту информацию?»

Мой вопрос прозвучал не случайно. Все местные горожане, сохранившие тот самый инстинкт самосохранения, сидели по домам, предпочитая лишней раз не высовываться из квартир, а по территории перемещались по строго отведенным маршрутам, охраняемым и относительно безопасным. Бродяги и случайные переселенцы не в счет. Те вообще стараются держаться от всех на расстоянии и в душевные беседы не вступают. Единственным источником информации, проверенным и правдивым, могли считаться те самые группы реагирования, по мнению деда, самые бесполезные и никчемные. На мой вполне конкретный вопрос я получил весьма размытый ответ, из которого не понял ровным счетом ничего. Женька многозначительно глянул в мою сторону, а следующую ночь активно дул мне в уши все свои соображения по поводу неблагонадежности нашего арендодателя.

«Нужно уходить, Тихон, — едва слышно шептал он, воткнувшись в мое ухо, — дед связан с силовиками, ясно, как белый день, а я дурак, что притащил тебя к нему. Давай завтра сбежим, Тихон, прошу тебя, подумай об этом»

Но я в этот момент подумал о другом. Меня крайне заинтересовало упоминание деда о вновь созданном партизанском отряде. Скорее, не столько о нем, сколько о месте его дислокации. Мне настоятельно требовалось повидаться с кем-нибудь из этих партизан и выяснить одну любопытную идею. Едва дождавшись утра и того момента, когда хозяин снова отправиться бродить, выискивая новости, я выскользнул на улицу, пригрозив Женьке расправой, если тот вздумает двинуться за мной.

До побережья я добрался без усилий, и сразу же направился к месту проведения торжественного обряда. Там мне открылось весьма печальное зрелище обугленных веток и тряпок, но никаких партизанов я не нашел. Побродив вдоль прибоя, я успел подумать о бесполезности затеи, как вдруг до меня донеслось едва слышное бормотание. «Ну конечно! — разом обозначилась единственная здравая мысль за утро, — никто не будет сидеть на открытом берегу, поджидая аудиенции!» Я пошел на звук и очутился на заброшенном складе, от которого осталось полстены и неглубокий погреб. В этом самом погребе я разглядел очертания фигур, нормальных человеческих фигур, обмотанных в рванину.

«Кто ты такой?» — мгновенно среагировала на мое появление одна из них. Рослый крепкий мужик настороженно приподнялся и застыл в воинственной позе, не сводя с меня пронзительных глаз.

«Прохожий, — неопределенно отозвался я, — можно сказать, местный. А вот откуда вы здесь взялись? Еще вчера я считал эти места полностью заброшенными»

Я старался придать голосу все оттенки досужего любопытства и ничем не выдать своей научной заинтересованности. Однако мужику было безразлично мое любопытство, как и появление в целом. Он пожал плечами и неопределенно объявил:

«Да вот хрен его знает, прохожий. Еще несколько дней назад мы с приятелями грузили товар в приморском доке. Работа не Бог вещь что, но за нее платили этими чертовыми коробками с химической дрянью. Не то, чтобы я был в восторге от всего этого, но другого найти не мог, так-то, прохожий. Так было до того дня, пока группы реагирования не решили прочесать доки. Как они сказали, в целях безопасности и профилактики. Пока они шерстили там, нас согнали в бытовку и приказали не высовываться. Мы проторчали там почти час, слушая гул и треск каких-то механизмов. А после я ничего не помню, приятель. Очнулся я на берегу среди нескольких моих коллег, те тоже ничего внятного сказать мне не могли. Видать группы безопасности посчитали нас неблагонадежными и каким-то образом избавились от нашего присутствия в доках.»

Мужик помолчал, словно раздумывая, и неожиданно решившись, прибавил:

«Вон, только нашего приятеля потрепало знатно. Шкура лохмотьями висит, а кто, за что, и, главное, когда с ним это сотворил, он сказать не может. Лежит и молчит. Ну так, а что мы можем, прохожий? Больницы закрыты, лекарства никакого.»

Я попросил разрешения взглянуть на беднягу, узнав в рассказе грузчика почти точное изложение истории Мартына. Грузчик представился мне Терентием и протолкнул внутрь тесного пространства. Коллега Терентия и в самом деле серьезно пострадал, и причина его увечий мне была, к сожалению, ясна. Такие следы оставляют уличные баталии, драки и нападения с применением всякого подручного оружия. Остальные «партизаны» тоже имели повреждения, но видно, этому досталось больше всех. Мне было нечем помочь пациенту с точки зрения современной медицины. Моя знаменитая сумка со снадобьями осталась в разрушенном подвале и возможно, снова исчезла. Однако я мог попытаться прибегнуть к своим новым умениям. Я попросил остальных сочувствующих оставить нас с пациентом наедине, поскольку мне отчаянно не хотелось афишировать свои способности первым встречным. Те нехотя поднялись и потянулись за стену, негромко переговариваясь между собой. Я тем временем, уложил внушительного вида больного на спину и осторожно провел над его израненной шкурой раскрытой ладонью. По кончикам пальцев промчались искры, пробуждая во мне теплую энергию. Я снова услышал в голове знакомые слова таинственного заговора и ощутил небывалую легкость всех своих движений. Я на какое-то время выпал из реальности, а когда снова пришел в себя, передо мной лежал уставший, измотанный, но совершенно целый пациент, погруженный в крепкий сон.

Моя теория подтверждалась. «Партизаны», появившиеся на побережье, еще вчера бродили по улицам в устрашающем облике диких и уничтожали все, повинуюсь негласным приказам. Человеческий облик вернул им белый дым, который я создал из нордсвиллских корней, сжигая их в кострище. Этот способ мне подсказал кладбищенский сторож, вернув мне самому привычное обличье. Кажется, я нашел вариант избавление от напасти, думал я, выбираясь из подземелья. «Партизаны» терпеливо ожидали меня снаружи, неловко переминаясь с ноги на ногу и ожидая распоряжений. Их преображенное сознание все еще не возвратило себе способность мыслить самостоятельно, и толпа бывших диких нуждалась в установках. Я не умел командовать толпой, и в целом, старался держаться подальше от вопросов власти и управления, однако люди выжидательно смотрели на меня, увидев во мне нового лидера.

«Сегодня ночью твари снова выйдут на улицы, — произнес я первое, что пришло в голову, — нам будет необходимо ограничить их перемещение. Ваша задача отрезать их от внешнего мира, загнав в огненные кольца.»

Я не видел в своих приказах практического смысла, поскольку твари не реагировали на обычные кострища, однако я должен был чем-то озадачить растерянных великанов. Те мудро покивали головами и решили дожидаться ночи, обживая заброшки.

«Я приду сюда ближе к ночи», — пообещал я, и повернул в сторону города, делиться с Женькой новостями.

Женька с Мартыном сидели на продавленном дедовом диване и вспоминали былое. Болтливый великан рассказывал любознательному Женьке о своем детстве, проведенном в южных краях, о своей бабке, научившей Мартына вести собственный бизнес, о чокнутом дедушке, видевшим призраков. Женька только вздыхал, качая головой.

«Перед смертью бабка наказала мне молиться за грешную душу раба божьего Иннокентия», — поделился Мартын сокровенным и осекся на полуслове, заметив меня в дверях.

«В чем же так провинился дед Иннокентий? — не удержался я, вклиниваясь в стройное Мартыново повествование, — раз так отчаянно нуждался в отпущении грехов?»

Мартын замотал головой, не желая раскрывать семейные секреты.

«Она старая совсем была, бабка, — пробормотал он, — а под старость их всех тянет подводить итоги и мостить себе дорожку в рай. Не обращай внимания, Прохор, это просто воспоминания».

Я в свою очередь поделился более актуальными событиями, рассказав Женьке и Мартыну о своем знакомстве с «партизанами».

«Я уверен, что остальные блуждающие толпы диких имеют похожее происхождение, а если мои предположения верны, то можно попытаться очистить город от чудищ, придав их очищающему белому дыму. — проговорил я и внезапно замер, почувствовав на себе пристальный взгляд. Наши дружеские беседы притупили чувство бдительности, и никто из нас не заметил появление в квартире четвертого слушателя. Чокнутый дед внимательно наблюдал за нами из дверного проема, едва заметно поводя толстыми пальцами. Заметив наше внимание, он встряхнулся, и, придав голосу старческую рассудительность, многозначительно прошамкал:

«Оставайтесь дома, молодые люди, — посоветовал он, — нет ничего более безрассудного, чем вступать в неравные схватки с безумными тварями!»

После чего неслышно проник в захламленную кухню готовить обед. Естественно, никто не собирался прислушиваться к словам полубезумного деда. С наступлением темноты Женька решительно поднялся и, кивнув мне головой, потянулся в прихожую. Меня ожидали на берегу обращенные грузчики доков, и я не мог разочаровать их своим невниманием. Мартын решил пойти с нами за компанию. Возле самой двери Женька вдруг застыл истуканом и неестественно выгнувшись, попятился назад.

«Что с тобой? — вскинулся Мартын, рассмотрев в Женькином поведении симптомы неведомой болезни. При всех своих высоких интеллектуальных показателях, Мартын так и не разобрался в истинных дедовых способностях, видя в рассказах Женьки слишком художественное изложение историй. Женька никак не отреагировал на заботливый интерес Мартына, продолжая извиваться в замысловатых пируэтах.

«Прекратите! — рявкнул я, оборачиваясь к старцу. Я тоже кое-что мог, и без усилий нейтрализовал бы умельца, однако мне не хотелось прямо сейчас затевать эзотерические битвы, демонстрируя небывалые способности. Дед что-то уловил в моем голосе и бессильно повесил руки вдоль толстой туши.

«Сидите дома, — упрямо повторил он, — послушайте голоса разума!»

Исчерпав все рычаги воздействия на несговорчивых квартирантов, дед тяжело прошелся по комнате, то и дело останавливаясь и предаваясь раздумьям. По всему было заметно, что он хочет донести до нас какую-то мысль, однако всякий раз его что-то останавливало, и он продолжал свое тревожное перемещение. Женька, обретя прежние навыки вербального общения, недовольно проговорил:

«Мы очень благодарны вам за приют, однако торчать в четырех стенах безвылазно мы не можем. Это рождает неудобство и вам, и нам. Вынужден попрощаться с вами, любезный. Не задерживайте нас!»

Дед не удостоил Женьку внятным ответом, вновь ринувшись к входной двери.

«Сидите здесь! — грозно рявкнул он, выпадая из образа старичка-добрячка, — не высовывайтесь и не подходите к окнам!»

После чего шагнул за порог и захлопнул дверь, отрезая нас от внешнего мира. На некоторое время в комнате повисла глухая тишина.

«Что он задумал?» — пискнул Женька спустя продолжительную паузу и сделал безуспешную попытку открыть дверь. Та была намертво вжата в косяк и усилиям не поддавалась.

«Чертов дед, — пробормотал Женька, возвращаясь к дивану, — надо было его как-нибудь нейтрализовать.»

И снова в моей голове промелькнули события полувековой давности.

«Женя, — пробормотал я, — как именно дед управлялся с дикими тварями? Что он делал при этом?»

Женька вопросительно уставился на меня и, не желая развивать дискуссии, принялся перечислять алгоритмы дедовых номеров.

По мере развития сюжета, перед моими глазами возникали неяркие эпизоды с участием толстощекого карапуза, играющего в аварию на заднем сидении моего монстра. Погасив внезапно возникшие аналогии, я покачал головой.

«Собирайся, Женька, — пробормотал я, — попробуем взломать дверь»

Однако наши усилия негодились, поскольку дверь открылась сама по себе. Ну, не совсем сама. Ей помогли brave бойцы охранения, стремительно ворвавшиеся в тесное пространство и повалившие обитателей каморки на пол, зачитывая при этом постановления.

Все произошло слишком быстро, чтобы я смог придумать какую-нибудь приветственную речь непрошеным гостям. Они резво стащили нас троих с лестницы и запихали в неудобное железное нутро военной машины. В этот раз арест был произведен по всем правилам, с озвучиванием оснований и надеванием железных браслетов. Рассчитывать на то, что техника собьется с пути и увязнет в грязи сказочных поселений, а наших конвоиров разорвут злые волки, не приходилось. Женька потерянно оглядывался на меня, и на его бледной роже читалось раскаяние. Мой чрезмерно чувствительный братик снова увидел в случившемся свой косяк и теперь был готов терзаться муками совести до конца своих дней. В этот раз дорога показалась мне совсем короткой. Через минут десять неторопливого хода машины остановились, и нас выволокли к высокому серому зданию, не имеющему опознавательных знаков. Это могла быть суперсекретная лаборатория, здание мэрии или городская тюрьма. Его серым стенам подходило любое применение и определение. Внутри здания было тихо, темно и прохладно, а широкие коридоры казались бесконечными. По обеим сторонам одного из них располагались неприметные двери, в одну

из которых суровые конвоиры запихали меня одного. Женька и Мартын остались с сопровождающими, и мне была неясна их дальнейшая судьба.

В темном кабинете стоял громоздкий стол, за которым восседал худощавый высокий человек, облаченный в ядовито-зеленый медицинский костюм. Внешний вид хозяина кабинета никак не вязался с общим суровым интерьером и пафосностью заведения. Человек в костюме поднялся и выйдя из-за стола остановился в шаге от своего гостя.

«Оставьте нас, — бросил он конвоирам и нечитаемым взглядом окинул мою тощую фигуру. — вы все такой же, господин Моськин. Упрямый и своевольный. Что ж, быть таким ваше право.»

Несмотря на нейтральное содержание вступительной речи, в голосе человека сквозила неприкрытая злоба, приправленная ненавистью. В хозяине я узнал своего коллегу, одержимого идеей всеобщего блага, господина Свиридова. Теперь я не так был уверен, что Иван Иванович предложит мне сотрудничество и осыплет преференциями. В том я не ошибся.

«Вы встали на пути огромной организации, Моськин, — продолжил тем временем Свиридов, едва сдерживая рвущееся наружу желание растерзать меня немедленно, — вызывать к вашему здравому смыслу нет нужды, поскольку такового у вас попросту нет. Вы могли бы стать могущественным и значимым лицом, Моськин. Я давал вам шанс стать именно таким. Я хотел сотрудничества и искренней дружбы. Вам же больше по душе ваши собственные эксперименты. Вы разгадали мой замысел, браво, Моськин. Те твари, что крушат этот несчастный город и в самом деле результат огромной научной работы, сделанной лично мной. Вы мешаете мне, разрушая то, чего достиг я. Я научился управлять этими чудовищами, внушая им свои собственные мысли. Они станут незаменимыми воинами, сильными, тупыми, исполнительными и практически неуязвимыми. Это ли не прорыв в науке, а, Моськин? Впрочем, будем справедливы. Вы тоже приложили к этому руку. Или свои гениальные мозги, что точнее. Помните вашу кожаную тетрадку с записями? Весьма любопытными, я бы сказал. Вы ставили опыты на каком-то бродяге, заставляя его плясать под вашу дудку. Как же я ржал, читая ваши ремарки под записями наблюдений над несчастным бомжом! Моськин, вы от души повеселили меня. Но эти же рецепты пригодились мне, когда я решил придать им более практическое направление. Я много раз порывался найти вас и сказать вам спасибо. Я честный человек и ценю гениальность. Однако разные непредвиденные обстоятельства мешали нашему randevu. Я был снисходителен, пока вы не лезли в мои дела. Какого черта вы разрушили мой гениальный план, вернув этим недоумкам их человеческое обличие? Ну что вам с того? Вы же не остановитесь, Моськин? Вы так и будете лезть со своими гуманистическими идеями? Я по глазам вашим вижу, что не ошибся. Что ж, Прохор, мне искренне жаль расставаться с вами. Вы ведь могли сочинить мне еще какие-нибудь фокусы с человеческим сознанием. Но и того, что вы оставили мне в наследство, хватит, чтобы прославить несколько поколений моих последователей. Прежде чем расстаться навсегда, скажите мне что-нибудь, проявите хоть какие-нибудь эмоции, мой сдержанный друг!»

Свиридов откровенно кривлялся, озвучивая мне то, что я уже знал, или о чем догадывался. Я понимал, что подобными откровениями господин Свиридов весьма доходчиво знакомит меня с моей дальнейшей незавидной судьбой. Этот человек раскрыл последние карты, и это не есть проявление безграничного доверия. Это конец. Конец моего бесконечного существования. Вместе с этой мыслью в мою голову просочилось лютное

разочарование таким итогом, а по моим венам заструился знакомый огонь. Он обжигал, искрясь и наполняя меня невероятной силой. Я с удивлением поднял ладони и уставился на кончики пальцев, через которые лилось тепло. «Что со мной?» — пронеслось в голове, а господин Свиридов в волнении поднялся со своего кресла.

«Что с вами, Моськин? — продублировал он мою мысль, — почему вы так странно смотрите на меня? Прекратите немедленно, Моськин! Я говорю это вам, прекращайте! Прохор! Пожалуйста, остановитесь! Как вы это делаете?! Стойте же, черт возьми!»

Свиридов на глазах менял свои очертания, растворяясь и вновь обретая четкие контуры. Его перекошенное лицо ясно говорило мне о невыносимых страданиях и нечеловеческом страхе, однако я ничего не мог поделать с этими метаморфозами. Я мог только направлять на него потоки энергии, льющейся с моих ладоней, и от этого воздействия господину Свиридову было явно не по себе. Наконец, силы мои иссякли, а у моих ног лежало неподвижное тело горе-ученого, рискнувшего воспользоваться моими разработками в корыстных целях. Перешагнув поверженного врага, я рывком распахнул дверь и вышел в прохладный коридор. Странное поведение моего организма подкосило запас моих сил, меня хватило только на то, чтобы гордо пройти по темному коридору, минуя посты охраны, и выбраться на свет.

Глава 32.

Долгожданный арест, так нежно лелеемый Дергачевым последние три недели, наконец состоялся, но предполагаемого облегчения не принес. Когда Тихон в компании рослых бойцов скрылся за невзрачной дверью, Женька снова почувствовал себя сиротой. Сейчас он готов был принять любое наказание, любую кару, лишь бы Тихон вновь оказался на свободе. Внутренний Женькин голос опровергал любые оптимистичные сценарии этой поездки, видевшейся Дергачеву финальным аккордом этой истории. Конвоиры проводили Мартына и Женьку чуть дальше и отвели им совсем небольшую комнату, где не было даже мебели.

«Где мы? — прогудел Мартын, тяжело приваливаясь к косяку, — что за шутки, Женья? Кто такой этот Прохор?»

Женька мог бы рассказать о всех исследованиях, опытах и разработках, проводимых Тихоном за последнюю сотню лет, однако все слова привычно растаяли в памяти, оставив барахтаться только одно слово. Оно не давало покоя взлохмаченным Женькиным мозгам и это слово было «Трындец». Женька был убежден, что без вмешательства толстого старца тут не обошлось и клялся себе всеми клятвами успеть придушить урода, до того, как их самих вздернут на рее за непослушание.

Проторчав в неудобной камере бесчисленное число времени, Мартын и Женька были выпущены на свободу. Женька не верил своему счастью, ожидая подвоха, а огромный Мартын громко возмущался беспределом и несправедливостью.

«Радуйтесь, что вас не казнили за измену и уголовщину», — наконец не выдержал их сопровождающий, распахивая перед ними дверь на улицу.

От озвученной фразы Женька похолодел, а Мартын только презрительно усмехнулся. На дворе стояла глубокая ночь, таившая в себе разные сюрпризы. Цели были не обозначены, маршруты не определены, и избалованный удобствами Мартын принялся снова упражняться в ненормативной лексике.

«Пойдем к побережью, — потерянно проговорил Женька, не видя других направлений, — с толстым старым стукачом разберемся завтра.»

Мартын только тяжело вздохнул и поплелся следом.

«А все-таки, кем был этот Прохор? — с долей интереса прогудел он, когда серое здание скрылось из вида. — уж теперь-то можно рассказать, а приятель?»

Очевидно, огромному Мартыну было чуждо чувство привязанности и родственной любви, и Женька, устав таскать в себе груз вины и ответственности, монотонно забормотал:

«Прохор мой брат и гениальный ученый. Он много чего знает, он очень умный и грамотный. Правда когда-то давно он отдавал предпочтения веселым пьянкам на дачах у приятелей, а эксперименты ставил просто от скуки. С той поры много изменилось, я считал его без эмоциональным черствым эгоистом, а у него, как оказалось, отзывчивое огромное сердце. Эх, да что там говорить! Он хороший друг. Как-то он раскрыл преступление одного своего лучшего друга, но властям не сдал, оставив того терзаться муками совести. Тихон, то есть Прохор, говорил мне тогда, что провидение накажет Кешу пострашнее, чем это сделало бы правосудие. Так оно и вышло. Господин Шварц, не выдержав терзаний, сошел с ума и загремел в дурку. Все же справедливо, я считаю. А как думаешь ты, Мартын?»

Однако Мартын, видимо, ни о чем таком не думал, вылупив в немом изумлении крохотные глазки на рассказчика.

«Господин, кто? — пробормотал он, — Шварц? Что же он такого сотворил?»

«Ну да, давний приятель Прохора, — легко отозвался Женька, погружаясь в воспоминания, — у него была клиника для наркоманов. Ну вот он и воспользовался ситуацией, избавился от ненужного свидетеля, вколыв ему ударную дозу наркоты. Свидетель отъехал, а господин Шварц закопал его у себя на даче. Я тогда работал у него смотрителем, вообще-то я и нашел тогда тело. А Тихон, то есть Прохор, дело раскрыл, но Кешу сдавать не стал. Они дружили потом еще. Ну после того, как Кешу подлечили и выпустили. Ты чего замер? Страшная история? Это ты еще дачу эту Кешину не видел. Вот уж где ужас!»

Вместе с потоком давно неактуальной информации Женьку отпускал накативший страх за Тихона. Сейчас, рассказав давнюю страшилку, Женька был убежден, что все обойдется, что он снова когда-нибудь увидит блудного брата. Однако, на Мартына история Женьки произвела куда более сильное впечатление, чем мог рассчитывать рассказчик.

«Я видел похожую дачу, — пробормотал едва слышно Мартын, — кажется, я видел именно такую, как ты рассказал. Старая заброшенная монструозная дача с облупившимися стенами и обваленной лепниной. Мы с Ксюшей пытались придать ей благопристойный вид, но махнули на все это рукой, посчитав нецелесообразным. Но, видно ты рассказываешь мне о совершенно другой даче, очень похожей на резиденцию моего деда. Тоже, к слову, лечившегося в дурке и владевшего клиникой для наркоманов. Моя бабка рассказывала мне, что дед заболел от чрезмерной нагрузки и проблем на работе. Ни о чем криминальном, к счастью, речи не велось. А ведь как удивительно может повториться история, согласишься, Женька?»

К этому моменту Дергачев сумел обрести душевное равновесие и легко согласился с Мартыном, посчитав свои откровения слишком смелыми.

«Конечно, — послушно кивнул он, — Прохор никак не мог быть другом детства твоему деду, это просто забавное совпадение, Мартын».

Так за разговорами они добрались до побережья и уткнулись в покореженный остов знакомого подвала. О ночевке в полураздавленных стенах не могло идти и речи, но больше никаких приютов Женька не знал, а Мартын настойчиво бубнил о желании сию секунду завалиться спать.

«Эти веселые приключения выматывают похлеще самых продуктивных рабочих дней, — вещал он, — по-хорошему, мне стоит вернуться в столицу. Там все же меня ждет семья и работа. Ксюша наверно очень переживает из-за моего отсутствия. Как ты говоришь, звали приятеля твоего Тихона-Прохора?»

Такой резкий переброс темы заставил Женьку напрячься, и он, собрав все свои отпущенные природой актерские способности, безразлично проговорил:

«Я могу ошибаться, Мартын. Все же это был приятель Прохора. Помоги мне лучше вскрыть эту чертову дверь. Тварей пока еще никто не отменял, а разрушенный подвал, все же какое-никакое укрытие»

В подвале было темно, неудобно, а еще в подвале кто-то был. Чужое присутствие угадывалось уже на пороге, и ни Женька, ни Мартын не спешили забираться внутрь.

«Кто здесь? — прогудел великан с улицы, — отзывайся вражина, или я откручу тебе твою бесполезную шею!»

Вражина завозился и отозвался знакомым голосом Тихона.

«Заходи, Мартын, моя шея мне еще пригодиться!»

Женька, устав проявлять разного рода эмоции в последние пару суток, молча обнял Тихона и, протиснувшись на свою лежанку, опасливо покосился на потолок. Тихон выглядел обычно, никаких следов насилия и морального унижения не демонстрировал, а в его поведении не было ничего, выходящего за рамки.

«Куда же возят его с такой периодичностью?» — подумал Женька, вновь теряясь в предположениях.

Наутро они не досчитались Мартына. Великан свалил на рассвете, не утруждая себя долгими прощаниями, когда Женька и Тихоном крепко спали.

«Пора убираться и нам из этого города, — сонно пробормотал Женька, потягиваясь на лежанке. — давай не будем дожидаться твоего следующего ареста. Я задолбался строить версии твоего спасения»

«Его не случится, — уверенно отозвался Тихон, — мне нужно завершить тут одно дельце, но мне нужна твоя помощь, Женька. От качества исполнения зависит успех предприятия!»

Женька негромко выдохнул, смиряясь с участью. Как выяснилось, ничего криминального и незаконного в этот раз совершать было не нужно. От Женьки требовалось разжечь на берегу костер и поддерживать его так долго, как это будет необходимо. Больше Тихон ничего объяснять не пожелал и предложил Женьке немедленно приступить к исполнению. Дергачев за всю свою жизнь нажег столько костров, что подобное задание выглядело в его глазах детской забавой. Он послушно натаскал к берегу веток, палок и обрывков всего, что было способно гореть и сделал знак Тихону о начале операции. Ученый брат важно и серьезно качнул головой и направился в сторону города, ничего не объясняя.

До самого вечера Женька прыгал возле огромного кострища, подкидывая в огонь ветки и рисовал в голове разные сценарии дальнейших событий. Среди множества вариантов, однако, не оказалось ни одного, способного даже отдаленно отразить то, что развернулось на берегу на самом деле. С наступлением сумерек до Женьки донеслось едва различимое визжание, в природе которого ошибиться было невозможно. Визжание нарастало, приближаясь, и вскоре Женька сквозь огненное марево сумел разглядеть огромную темную тучу, плавно, но неумолимо движущуюся к побережью. На Дергачева шла лавина, в темноте показавшаяся бескрайней. Что делать дальше Женька не знал, как не знал о причине появления диких. Он продолжал забрасывать в огонь горючее, которого оставалось не так уж и много, и от бессмысленности своего занятия только вздыхал.

«Почему Тихон не удосужился рассказать мне о своей задумке? — гонял он одинокую мысль, — если нам повезло сбежать от толпы диких в прошлый раз, нет гарантии, что получится и сейчас. Можно было сбежать и пораньше, до их визита»

Твари тем временем вплотную приблизились к костру, принявшему по истине устрашающие размеры, и замерли, не решаясь переступить огненную границу. Некоторое время они мерно колыхались на одном месте, пока откуда-то сбоку не показалась знакомая фигура ученого брата. Твари, увидев человека, только равнодушно повели мордами, не делая попытки привычно уничтожить доступную жертву. Тихон так же, как и в прошлый раз, вытянул вперед раскрытые ладони и замер, пристально глядя в огонь. Твари терпеливо покачивались в такт бушующему пламени и тоже чего-то ждали. Огонь, так заботливо поддерживаемый ответственным Женькой, не спеша терял свои формы, превращаясь в редкие искры, а его место занял знакомый белый дым, поглотивший стоящих тварей.

«Уходим, Женья, — внезапно позвал Тихон, оказавшись в шаговой доступности, — скорее, сейчас наше присутствие не обязательно»

Женька был уверен, что Тихон, наигравшись в бой скаута, поведет его к границе города, однако таинственный ученый и тут обманул его ожидания. Вскоре перед ними замаячили знакомые очертания городских высоток, в одной из которых Женька узнал дом старого стукача.

«А что? — промелькнула игривая мысль, — было бы не плохо высказать толстому барабану все претензии. Молодец, Тихон, здорово придумал»

Взлетев на последний этаж, Тихон распахнул незапертую дверь и втолкнул Женьку в тесную клетушку.

Дед был там и даже будто обрадовался Женькиному появлению.

«У, старый дятел, — злобно подумал Женька, — будем надеяться, что он не созвал в этот раз бойцов охраны для очередного ареста»

«Приветствую, Женья, — усмехнулся дед, неловко поднимаясь с дивана, — я рад, что вам с Тихоном удалось сбежать. Искренне рад. Моих сил было недостаточно, чтобы удержать всю эту банду.»

«Удержать? — изумился Женька, — да ты сам сдал нас властям, старый гамадрил! Скажешь, нет?»

Дед не успел ничего ответить, потому что вместо него ответил Тихон.

«Скажу, нет, Женья. Господин Бурмистров, действительно, делал все возможное, чтобы спасти нас. Прежде, чем ты навешаешь ему новые ярлыки, послушай недлинную историю, Женья.

Около тридцати лет назад, когда никто и подумать не мог, какая напасть обрушится на

человечество, мальчик Женя Бурмистров вступил во взрослую жизнь. Его законное пребывание в муниципальном интернате подошло к концу, и ему отныне предстояло самостоятельно пробивать себе дорогу в жестоком мире. Ему не повезло с самого начала. Он не был сиротой в прямом смысле этого слова, его мать была жива и здорова, поэтому отдельного жилья Женя от государства так и не дождался. Рассматривая варианты решения возникшей проблемы, Женя ввязался в некую аферу, вполне законную, но имеющую последствия. Он женился. Его избранница оказалась дочкой майора полиции и была избалована вниманием ухажеров. Однако толстяк Женька почему-то оказался первым в списке претендентов и вскоре счастливо обживал новую территорию. Супруга любила его, или делала вид, во всяком случае их семейная жизнь ничем не омрачалась. Кроме тех весьма частых случаев, когда высокопоставленный тесть навещался к молодым в гости. Папенька был не воздержан в высказываниях и постоянно давал понять Женьке, что тот не слишком подходящая партия для его утонченной дочурки. Женька терпел, улыбался, сглаживал углы, но однажды его ангельское терпение дало трещину. Во время очередного папенькиного визита, Женька в бешенстве сжал кулаки, реагируя на очередную издевку подвыпившего майора. Нет, он не распускал руки. И даже пальцем не притронулся к тестю. Однако тот, неловко схватившись руками за горло, некоторое время покривлялся, задыхаясь, после чего тяжело рухнул к ногам обалдевшей дочурки. Та ничего не поняла, подняла крик и дальше начались все те скучные процедуры, которые можно опустить за ненужностью. Одно можно упомянуть. По результатам необходимых процедур, медики пришли к выводу, что без постороннего вмешательства не обошлось. Майор был задушен, а единственным подозреваемым становился Бурмистров. Его супруга обила все пороги, доказывая непричастность Жени к жестокому продуманному убийству представителя власти и закона. Так звучало обвинение, а учитывая печальную биографию полусироты и откровенную нелюбовь к нему убиенного, Женькины шансы отделаться легким испугом были крайне малы.

Однако везде есть хорошие люди, нашлись они и в отделении, где некогда трудился майор. Женьке предложили выбор — либо мотать срок, либо бить в барабан. Тюрьма пугала Женьку до дрожи, и он выбрал второе предложение. Долгие тридцать лет господин Бурмистров отрабатывает свою свободу, сдавая всех и вся, отчаянно жалея, что однажды вообще родился на свет. Любящая супруга оставила милого, и с тех пор Евгений Тихонович коротает вечера в одиночестве. Последним заданием Бурмистрова стал поиск и обязательная сдача особо опасного преступника и рецидивиста, поправшего все человеческие законы, Моськина Прохора Степановича. Евгению Тихоновичу не пожалели красок, расписывая прегрешения господина Моськина, но важные и значимые не учли одной особенности своего коллеги. Точнее, они о ней попросту не знали. Бурмистров умел читать мысли. Он видел людей насквозь и уже при первой встрече с преступным элементом знал про него все то, о чем сам Моськин предпочитал молчать. Именно поэтому Бурмистров так настоятельно рекомендовал своим постояльцам не покидать его скромного жилища и не афишировать своего присутствия. Он хотел усыпить бдительность силовиков и при благоприятном стечении обстоятельств отправить Моськина за пределы города. О существовании «опасного» господина Евгений Тихонович знал уже тогда, когда непосредственный Дергачев попытался спасти неуклюжего деда от нападков дикой твари. При желании он мог в первый же день привычно настучать любому из бойцов охраны, однако он предпочел помочь, почти насильно удерживая своих постояльцев от неминуемого ареста. В целом все, Женя. Дед не

виноват, что не успел воплотить задумку. За его квартирой уже было организовано наблюдение, и арест квартирантов был делом времени. Бурмистров сумел ускрестись только благодаря прежним заслугам.»

Тихон замолчал, а Женька не находил слов, во все глаза пялясь на толстяка Евгения Тихоновича Бурмистрова, прожившего такую нелепую скучную жизнь.

«Прости меня, Женя,» — пробормотал Дергачев, а дед неожиданно по-доброму заулыбался.

«Я не держу зла на тебя, Женька. И ни на кого не держу. Так уж сложилось. А моя мать умерла до того, как моя жизнь покатила под откос. Выходит, она и не узнала, какую блестящую карьеру состряпал ее сын.»

«Прости меня, Женя — снова повторил Дергачев, — и Варвару тоже прости. Она всегда была душой, с этим ничего не поделаешь.»

«Уходите из этого города, — прощамкал дед, возвращая себе привычный облик, — диких тварей, тех, что создал безумный ученый, больше нет. А остальные тоже исчезнут со временем. Всему свое время.»

Бурмистров что-то невнятно забормотал, подталкивая к порогу поздних гостей. Тихон коротко кивнул старцу и вытолкнул за дверь совершенно обалдевшего Женьку.

«Как ты узнал про все это? Ни за что не поверю, что дед сам рассказал тебе все это.» — повторял Женька, торопливо скатываясь по ступенькам.

«Конечно нет, Женя, — неожиданно звонко рассмеялся Тихон, — такое никогда никому не расскажешь. Однако не забывай, братик, мы все же одна чокнутая семья, а я ведь тоже кое-что умею. Я прочитал эти откровения в его голове. Такая информация здорово мешает жить, особенно когда таскаешь ее долгих тридцать лет. Не смотри на меня так, приятель, твои фантазии мне не интересны, однако впредь старайся думать не слишком громко, дружище!»

Глава 33.

Женька ворочался на жестком ложе, уворачиваясь от пугающих настойчивых кошмаров, являвшихся к нему каждую ночь. Преступному Варвару казалось, что серые тени, мельтешащие вокруг, сейчас набросятся на него и утащат в неведомое, вершить суровый суд за грабежи и насилие. Подобные видения мешали жить, пробуждая в несознательном Женьке тщательно убаюканную совесть.

«Пора убираться отсюда, — сквозь полудрему донесся до него знакомый голос, — нас ждут горы и ущелья, к тому же я не уверен до конца, что мои недавние проделки останутся без внимания»

Слова Тихона немного взбодрили Варвара, выдирая из липкого сна, и направили мысли в новое русло. Последнее время выдумщик Тихон слишком заигрался, и по мнению Дергачева, ему давно пора бы умерить свои преступные порывы. Однако, миротворец Женька опасался касаться в разговорах с отрешенным братом таких скользких тем. Очередной спонтанный арест и последующее возвращение в подвал вызвали в Тихоне загадочные перемены, на которые даже наблюдательный Женька не с первого раза обратил внимание. Первые дни Тихон оставался привычно задумчивым, спокойным и сдержанным, таким, каким был на протяжении последней сотни лет. Однако шло время, дни складывались в недели, и в поведении брата все четче угадывались несоответствия. Иногда, во время их нечастых бесед Тихон странно замирал, словно прислушиваясь к внутренним ощущениям, потом его отпускало, но начавшиеся диалоги оставались незавершенными. Он все реже составлял компанию своему Варвару в грабительских облавах, предпочитая проводить время в одиночестве. Как-то во время очередной вылазки за продовольствием Женька неосторожно оступился и раскрыл себе ногу до самого бедра. Порез был глубоким, болезненным и в пару минут выключил Женьку из общественной жизни. Тихон не присутствовал при очередном грабеже и только невнятно выругался, увидев в дверях вернувшегося хромающего Женьку. Варвар был уверен, что ученый брат тут же примется составлять лекарственные снадобья, возвращая Женьке бодрый вид. Однако тот молча уложил Женьку на топчан и, осторожно стащив испорченные штаны со своего пациента, уставился на чудовищную рану. Так он простоял некоторое время, не предпринимая ничего, и Женька, почувствовав нарастающую тревогу, негромко пробормотал:

«Тихон, приготовь какую-нибудь мазь, что ли»

Однако, посыл остался не принятым, Тихон продолжал пялиться на кровоточащую рану, что-то беззвучно шевеля губами, очевидно матерясь. Женьке надоело валяться без дела, тем более, что нога продолжала требовать участия, а ужин, по понятным причинам, откладывался на неопределенный срок. Варвар, кряхтя, сделал попытку подняться, однако тут же был остановлен ожившим Тихоном. Тот уложил Женьку обратно на топчан и, едва касаясь, провел раскрытой ладонью по рваному порезу, не переставая бормотать про себя что-то невнятное. Перед Женькиными глазами замелькали разноцветные круги, голова странно потяжелела, и он заснул, так и не дождавшись от Тихона реанимационных мероприятий.

Утро нового дня началось для Женьки с бодрой приветственной реплики Тихона.

«Как самочувствие, Женья?» — с явным, почти научным любопытством озвучил тот очень нехарактерную для себя фразу. Тихону никогда не было настолько интересно Женькино здоровье, чтобы начинать день беспокойством о его физическом состоянии.

«Нормально», — отозвался Варвар и вдруг вспомнил, с чем вернулся вчера вечером с продовольственных вылазок. В недоумении он опустил глаза на израненную конечность, чтобы полюбоваться на едва заметную белую ниточку длинного шрама. Женька потрогал пальцами результаты врачебных трудов и вопросительно уставился на своего лекаря.

«Что произошло?» — в изумлении проговорил он, силясь вспомнить, сколько времени провел, валяясь в забытии. Такие порезы должны приобретать заживший вид спустя месяц нудных процедур, а никак не на следующее утро.

«Все хорошо? — снова уточнил Тихон, — ничего не беспокоит?»

Женька помотал головой, прислушиваясь к ощущениям и присел на доски своей лежанки. Даже при всем мастерстве и знаниях Тихон никак не смог бы залечить его ногу за такое рекордно короткое время.

«Выдохни, приятель, — снова обозначился Тихон, — я применил суперсовременную методику. И скажи уже что-нибудь, а то я буду считать, что ты не доволен результатом.»

Женька снова кивнул и потянулся к единственным штанам, потерявшим былую привлекательность и целостность.

«В чем я буду ходить? — вместо благодарности, пробурчал он, мысленно прощаясь с вышедшей из строя главной деталью гардероба, — Тихон, сотвори мне еще одно чудо, сделай мне новые штаны»

Тихон важно поднялся с пола, выпрямился и, взмахнув руками, забормотал заклинание: «Feci quod potui, faciant meliora potentes!» (Я сделал, все что смог, кто может, пусть сделает лучше), после чего вытащил откуда-то из-за спины относительно новые синтетические брюки и торжественно вручил их обалдевшему Женьке, не знакомому с латынью.

С этого дня Женька старался держаться подальше от загадочного брата и лишь изредка интересовался степенью его гастрономических нужд.

Очередное утро встретило Дергачева новыми планами, озвученными неугомонным приятелем. В подвале они прожили почти полгода, и первые недели осторожный Женька тщательно прислушивался к внешним звукам. Женька хорошо помнил о незваных визитерах, время от времени навещавших их скромное пристанище, с целью утешить Тихона на очередные разборки. Сам виновник такого пристального внимания оставался на удивление спокойным и в какой-то степени равнодушным, продолжая ковыряться в своих неизменных записях. Со временем Женькина тревога улеглась, и он принялся обустроить полуразвалившийся подвал, придавая ему обжитой вид. Сейчас, учитывая полувоенную обстановку на улицах городишка, стащить пару-тройку необходимых в быту предметов не являлось для Женьки большой проблемой. Повсюду возникали спонтанные свалки, призванные изображать подобие баррикад и оградительных сооружений. Из них-то и заимствовал ухватистый Женька то потертое кресло, то переломанную столешницу. Тихон только кричал от удивления, когда после очередного набега, Женька пополнял их скромный быт очередным барахлом.

«Прекращай уже, — кривился брезгливый Тихон, наблюдая очередное бытовое приобретение, — на черта нам три вонючих кресла? И как ты собираешься воспользоваться столом, у которого нет ножек?»

Однако Женька видел в том особый сакральный смысл, позволяющий не слишком пристально задумываться о пугающих реалиях. Теперь, когда их подвал представлял собой смешение всех стилей и направлений интерьерного дизайна и выглядел даже уютно, Женьке отчаянно не хотелось покидать насиженное гнездо.

Тихон мало проникся Женькиными страданиями, решительно забрасывая в изрядно потрепанную сумку немудреные пожитки.

«Собирайся, Женья, — сурово повторил он, — довольно испытывать судьбу!»

Женька только вздохнул и двинулся на выход, мысленно прикидывая их дальнейший маршрут. Как оказалось, пешие прогулки, о которых с таким неудовольствием думал теперь Дергачев, временно откладывались. Тихон уверенно вел приятеля окраинами к границам города и внимательно всматривался в окрестности. Сейчас группы реагирования не так часто лезли в глаза, и бродягам удалось незаметно пробраться на широкую дорогу, ведущую к северу.

«Тихон, — настороженно пробормотал Женька, наблюдая за приятелем, — ты говорил о горах и море? Они ждут нас на юге, а это северное направление, куда мы идем?»

Тихон не пожелал раскрывать все свои задумки, пристально таращась по сторонам. Наконец, спустя продолжительное время, он отыскал что-то темное и громоздкое, спрятанное в кустах.

«У меня осталось одно незавершенное дельце», — доверительно сообщил Тихон и резво зашагал к предмету поисков. Темнеющим в зарослях предметом оказался древний автомобиль, чудом уцелевший и даже сохранивший свои технические характеристики. Тихон уверенно распахнул заедающую дверцу и неловко протиснулся внутрь тесного салона, приглашая Женьку последовать его примеру.

«Ну надо же! — восхитился тот, усаживаясь на сиденье, — оказывается ты все продумал, и нам не придется бить ноги, тащась до ущелий пешком!»

С этой минуты авторитет Тихона в глазах Женьки возрос в разы, и он периодически поглядывал на всемогущего брата, привычно подбирая слова для диалога. Тихон упрямо гнал уродливое существо по разбитым дорогам, никак не реагируя на Женькины восторги. Когда перед ними замаячили широкие поля, изрезанные вдоль и поперек грунтовыми дорогами, Женькины восторги поутихли, а после появления в поле видимости полузаброшенного поселения, сменились откровенным недоумением.

«Куда мы едем? — с искренним любопытством озвучил Женька самый популярный вопрос последних суток, — что это за место? На горные ущелья не похоже. Чего ты снова задумал?»

Тихон притормозил возле одного из домиков, надежно укрытого от посторонних глаз низкой ржавой крышей и таким же железным забором. При его появлении в мутном окне мелькнуло чье-то лицо, и мгновение спустя в калитке показался хозяин невзрачного жилища.

«Ты кто таков?» — видимо по привычке озвучил дед, и тут же потрясенно взмахнул руками, узнав наконец-то в ржавой колымаге свою угнанную вечность назад ласточку.

«Приветствую, — без эмоций проговорил Тихон, выползая на божий свет, — я обещал привезти вам вашу машину. Она молодец, отлично справляется! Спасибо! К сожалению, кроме этого, мне нечем отблагодарить вас за заботу, денег у меня нет, а все мое имущество уместилось в небольшой дорожной сумке. Если вы сможете предложить мне какой-нибудь альтернативный способ оплаты, я рассмотрю предложения!»

Дед потерянно таращился на вернувшееся к нему ржавое барахло, явно не улавливал ни слова из произнесенной Тихоном речи и в целом имел весьма растерянный вид. В прошлое их спонтанное свидание дед запомнился Тихону куда более уверенным и адекватным, несмотря на столь настойчивое вмешательство нетерпеливого странника в настороженную жизнь. Вероятно, дед по-своему понял довольно вежливое обращение и, смущаясь, пробормотал, глядя куда-то в сторону:

«Ну ежели наша хибарка устроит вас, то милости прошу!»

Женька только весело фыркнул, услышав альтернативу, и выхватил от Тихона откровенно гневный взгляд.

«Мы согласны, — расслышал он негромкий голос приятеля, — дорога слишком утомительна, действительно, небольшой отдых был бы как нельзя кстати.»

Дед, суетясь, засеменял в дом и с порога оповестил домочадцев о внезапно нагрянувших гостях. На звук выполз заспанный увалень, чуть старше сорока, и почесывая брюхо, обратился к вошедшим:

«Вы кто такие?»

Очевидно в деревушке это была самая распространенная форма приветствия, и Тихон, негромко усмехнувшись, поведал щемящую историю воссоединения семейства и верной ласточки, безотказно выполнившей свое главное предназначение. Увалень напрягся, пытаясь уложить в голове только что полученные данные, и видимо, потерпев фиаско, только махнул рукой.

«Ну что ж проходите, раз пришли», — прогундел он, скрываясь в дверях единственной комнатки.

Дед тем временем накрыл стол, с присущим деревенским гостеприимством оставив неширокую поверхность мисками с разбавленным химическим порошком. После чего громко хлопнул в ладоши, залихватски ударив себя по коленям, и приготовился исполнить что-то в высшей степени веселое и развлекательное. Однако быстро передумал и, почесав проплешину заскорузлой рукой, враз сделался серьезным.

«Присаживайтесь, гости дорогие!» — поклонился он по-старинному и отступил на шаг, приглашая занять места у тарелок.

Женька никогда не оставался в стороне от возможности подхарчиться нахалюву и тут же бодро уселся на предложенную табуретку. Тихон последовал его примеру и, когда дорогие гости вооружились ложками, дед тоже присел у края, склонив в умилении помятую временем рожу. Тихон попытался завести светскую беседу, интересуясь у деда местными новостями.

«Ваши края производят впечатление мирных и спокойных, — вещал он, закидывая в рот полные ложки химической дряни, — дикие не тревожат вас своим вниманием?»

Дед, точно также как и увалень несколько минут назад, напрягся, наклоня лохматую голову и внимательно рассматривая собеседника, важно кивнул, старательно подбирая слова для ответа. Было заметно, что такое простое упражнение дается хозяину с трудом, и приходится прилагать значительные усилия, чтобы подобрать нужные фразы. Наконец, фразы подобрались, и дед торжественно приподнялся со своей скамейки.

«Тут нынче град прошел, соседям крышу побило, да еще Потап в город поехал, сено на харчи сменять, так ограбили по дороге. Все сено растащили. А куда ж им теперь, семейство-то, ажник, пять душ, прокорми-ка их. А Матвевна днями совсем плоха стала, неровен час, помрет. — обстоятельно отчитался дед, солидно раскачиваясь в разные стороны, — а так

ничего, помаленьку. Вашими молитвами.»

Тихон прервал аудиенцию, коротко кивнув, а Женька тут же подумал о легкой умственной отсталости их случайных арендодателей. Заводить собственные диалоги Женька не рискнул, и, добрав кашу, засобиравшись прочь, подтягивая Тихона за собой. Ему было откровенно скучно находиться в обществе такого странного типа, и он решил сократить общение до минимума.

«Благодарствую, люди добрые, за заботу неустанную, да внимание милостивое, — напевно затянул Дед, наблюдая за торопливыми сборами. Тихон коротко кивнул, а Женька размашисто отвел руку и сломался пополам, отвешивая земной поклон. За что был бит невоздержанным братом, стоило им оказаться на улице.

«Не стыдно, Женья? — укоризненно проговорил тот, выписывая Женьке леща, — они оба неполноценные, неужели не заметил? Чего ты устроил показательные выступления? Идиот!»

Женька и в самом деле почувствовал неловкость от столь неуместного проявления эмоций и надумал было вернуться, принести извинения, но тут его порывы были прерваны появлением еще одного местного.

«Приветствую вас, люди добрые! — так же протяжно и напевно проговорил местный и тоже поклонился. Мужик явно не имел никакого отношения к только что оставленному семейству, однако вызвал похожее недоумение. «Издеваются они, что ли? — мелькнула у Женьки весьма здравая мысль, — какого хрена они тут расшаркиваются перед нами, будто мы явились к ним с правительственной миссией?»

Тихон решил не реагировать на приветствие и направился вдоль узкой улицы, рассчитывая попасть на дорогу и продолжить путь уже пешком. Однако незапланированная остановка сместила тщательно продуманный график перемещений и заставила задуматься о ночлеге.

«Я не пойду ночевать к этим непонятным людям», — тут же озвучил Женька свое окончательное решение, на что вечно сдержанный брат тут же ощетинился.

«Ночевать на улице мы всегда успеем, — задумчиво изрек он, погасив порыв озвучить все возникшие соображения, — не забывай про град, побивший крышу соседям, а что касается их гостеприимства, то только нордсвиллские люди способны поспорить с местными в умении встречать гостей. Расслабься, Женька, давай попросимся на ночлег еще разок, может нам повезет нарваться на нормальных людей»

Пройдя все поселение насквозь, Тихон решительно подошел к одному из домов и негромко постучал.

«Хозяюшка! — проговорил он, невольно копируя местную интонацию, — на ночлег не пустишь?»

В этот раз хозяйшкой оказался огромный кряжистый мужик, видимо способный заломать любого, кто посмеет перечить его словам. Женька только негромко пискнул, разглядывая в наступивших сумерках необъятную тушу.

«А чего не пустить, — неожиданно стоворчиво отозвался тот, — заходите, гости дорогие!»

Домик, где обитал великан, отличался опрятностью, чистотой, однако тоже не вызывал положительных эмоций.

«Что не так с этой деревней?» — думал Женька, разглядывая древние диваны и сколоченные вручную скамейки. На фоне этих допотопных элементов довольно забавно

смотрелись модные пару десятков лет назад светильники, загорающиеся от щелчка, а также валяющиеся по лавкам разряженные информационные браслеты и разломанные биометрические чипы.

Мужик тем временем, степенно прошелся по комнатам, раскидывая по полу плетеные циновки, видно призванные исполнить роль спального места негладаным постояльцам.

«Милости просим! — знакомо поклонился он, широко поводя рукой в сторону тощих подстилок, — располагайтесь!»

Любезность сельчан, учитывая текущие события, превышала все допустимые пределы, вызывая в Женьке оправданную тревогу, однако усталость скоро взяла свое, и через минуту он сладко сопел, уткнувшись рожицей в жесткое ложе.

Глава 34.

Среди ночи меня разбудил весьма уверенный пинок в бок, и следом за ним в чернильной темноте зазвучал неразборчивый жаркий шепот. В первую минуту я никак не мог припомнить причины и обстоятельства, вынудивших меня оказаться на бревенчатом полу незнакомой хаты. Постепенно память подкинула недавние сюжеты, а я получил возможность разобрать содержание полуночного Женькиного бормотания.

«Погляди, Тихон, — шипел Женька, от волнения срываясь в фальцет, — чего это с ним?»

Я обернулся в сторону протянутой Женькиной руки и едва удержался, чтобы не присвистнуть от удивления. В темном проеме межкомнатной двери маячил неясный силуэт, огромный и неподвижный, в котором, присмотревшись, я различил гостеприимного хозяина тесной избушки. Какую цель преследовал великан, торча в центре комнаты в абсолютной темноте, я спросонок не смог предположить даже гипотетически, поэтому обратился за подсказкой к Женьке.

«Давай сбежим, Тихон, — решил не отступать от привычных правил мой приятель, никак не реагируя на мои уточняющие вопросы, — я думаю, погода вполне позволяет переночевать на улице.»

В Женькиных словах угадывался здравый смысл, однако я по старой доброй традиции вновь почувствовал необходимость изучить явление и неслышно поднялся. Первое, что пришло мне в голову, была версия о чрезмерно осторожном гостеприимном хозяине, приглядывающим за своими постояльцами. Однако, подойдя поближе, я понял, что предположение не выдерживает критики. Огромный мужик никак не отреагировал на движение, продолжая слепо пялиться в темноту, и не подавал признаков активности. Правда, немного прислушавшись, я различил едва заметное бормотание, наполненное неясным содержанием. Возможно, мужик страдал неизученной формой парасонмии, а может просто валял дурака. В любом случае, спать в его хате как-то сразу расхотелось. Покрутившись возле странно замершей туши, я принял решение уйти по-английски. На мое предложение Женька только согласно закивал и рванул на улицу, осторожно обходя странного мужика.

«Давно он так стоит?» — поинтересовался я, оказавшись на улице.

«Я и заснуть толком не успел, — принялся делиться наблюдениями Женька, — просто поднял голову и увидел его. Мне думается, эту деревню догнало какое-то несчастье, а возможно это поселение — загородный филиал какого-нибудь дурдома, как ты думаешь?»

Я предпочел оставить Женькины рецензии без ответа, поскольку мой научный интерес угас, заменив его острой необходимостью покинуть странное место с не менее странными обитателями. Предраассветные сумерки топили деревушку в темном мареве, не позволяя насладиться местными красотами, однако даже такие неясные очертания вызывали беспокойство. Когда на нашем быстром пути вновь показался железный забор нестабильного семейства, Женька потянул меня за рукав, указывая глазами на возвращенную технику и намекая снова воспользоваться ей, теперь уже без разрешения. Похоже, мой Варвар неуклонно скатывался на преступное дно, забывая о врожденной порядочности и приобретенном уважении к законодательству.

Наконец, провидение сжалилось над нами, послав в качестве бонуса невнятное устройство, поравнявшееся с нами спустя пару километров. Из приоткрытого окошка выглянула радостная рожа и со всей любезностью поинтересовалась нашим маршрутом.

«При всем моем уважении, прошу воспользоваться моей скромной техникой! Мы всегда рады посодействовать добрым людям в решении важных и неотложных вопросов!» — оповестила рожа, ознакомившись с нашими невнятными планами. Речь водителя показалась мне немного приукрашенной, гротесковой, однако не в нашем положении было придирааться к семантике, и мы, поблагодарив любезного незнакомца, втиснулись на сиденья. Водитель направлялся до города, носящего трогательное название 22, и бывшего когда-то ближним Подмосковьем. Сейчас, с учетом изменения территориальных границ, этот город был едва ли не вторым по значимости после столицы. На всем протяжении недолгого пути водитель развлекал нас страшилками про диких, украшая свои мало художественные рассказы небывальными подробностями.

«Говорят, твари были придуманы, чтобы поработить человечество, — поделился он самым сокровенным, — да ведь так и есть! Вот вы, молодые люди, отличаете тварей от обычных людей? Эх, им бы всем имена дать! Там, наверху, только и делают, что привлекают внимание к проблеме, а проблема-то надуманная! А им бы только привлечь внимание! А я-то вот дело всегда говорю! Вот видели вы когда-нибудь тварей? А если даже и так, то где гарантия, что то, что вы видели, является истинными тварями? Нет никаких тварей, и не было никогда! И все тлен, и суета.»

Знакомя нас со своими околону научными наблюдениями, водитель странно кривил рожу и встряхивал головой, пытаясь вспомнить содержание только произнесенных фраз. При этом он то и дело вскидывал руку, акцентируя наше внимание на своих нетленках.

«Видно текущие события здорово подкосили обывателей» — подумал я, глядя, как обалдевший от обилия информации мужик, в волнении крутил головой по сторонам, странно выкручивая пальцы и демонстрируя нам фиги. Гнетущая тематика его путевых бесед резко сменилась безудержным весельем, выразившимся в глуповатом хихиканье. Внушительного вида мужик весело посмеивался, бросая на нас странно-игривые взгляды, и приглашал разделить его бессистемные восторги.

Женька опасливо оглянулся в мою сторону, явно желая побыстрее избавиться от загадочной компании. Наконец впереди показались многоэтажки, что напомнило нам о завершении муторной поездки. Водитель не взял с нас никакой оплаты, горестно махнув рукой и снова вернувшись к песне о бесправности простых смертных. Мне откровенно надоела его биполярочка, и на его предложение заглядывать в гости, я отговорился срочными делами и поспешил откланяться.

В главном и значимом городе царил хаос и запустение. Привычный к подобным

картинам маленьких провинциальных городов, я с искренней досадой рассматривал потускневшие витрины некогда крупных торговых центров, выполняющих в нынешних реалиях роль централизованных пунктов выдачи экстренной гуманитарной помощи нуждающимся гражданам. Также, как и в столице, улицы топорщились зданиями всевозможных исследовательских и научных центров и нагоняли тоску. Несмотря на бодрые новости, просачивающиеся в эфир, картина никак не отражала радужные перспективы, а только добавляла негатива пустотой улиц. Неподготовленный Женька только ахал, глядя на суровые вывески и вереницы военной техники, рассредоточенной по проспектам и площадям.

«Где же народ? — изумленно повторял он, — для чего мы вообще приехали сюда, Тихон? Что нам тут делать?»

На эти незамысловатые вопросы я тоже не знал ответа. Я мог бы предложить какому-нибудь научному центру свои услуги по внедрению новых технологий в области медицины, однако, вспоминая свой прошлый опыт, решил не вмешиваться в ход истории. Кто знает, над чем сейчас трудятся в серых стенах и какие цели ставят перед собой? Мои альтруистические порывы немного поутихли, я желал мирной и спокойной жизни, насколько это было возможно в создавшихся условиях. Пока я размышлял о насущном, в мои мысли ворвался удивленный голос и разрушил стройную цепочку идей.

«Прохор! — услышал я и, оглянувшись, с изумлением увидел спешащую ко мне невысокую стройную фигурку, показавшуюся мне смутно знакомой, — вы не помните меня?»

Когда фигурка поравнялась с нами, я без труда узнал девушку Настю, сотрудницу столичного Центра по изучению чрезвычайных ситуаций. Ее внешний облик претерпел существенные изменения, и вместо аккуратного делового костюма на Насте болтался необъятный рабочий комбинезон, явно приобретенный по случаю, а изящные ножки украшали нелепые башмаки из пенополистирола.

«Как дела, Настя? — улыбнулся я, демонстрируя воспитание, — как ваши успехи в изучении таинственного и загадочного?»

Настя насупилась и гневно взмахнула головой, не оценив мой интерес.

«Я больше не работаю в чрезвычайке, — хмуро поведала она, — я уволилась оттуда полгода назад. А если быть совсем точной, то попросту сбежала и нисколько о том не жалею!»

Я сочувственно кивнул, а моя новая знакомая неожиданно предложила:

«Пойдемте, Прохор, сейчас все еще опасно бесцельно бродить по улицам, несмотря на бодрые новости!»

Долгая дорога настойчиво требовала передышки, Настя решительно не желала слышать никаких возражений, и нам пришлось принять ее очень своевременное приглашение. Мои ожидания вновь оказаться в каком-нибудь секретном подвале или на безопасном чердаке не оправдались, поскольку итоговой целью нашего маршрута на этот раз явилась вполне обычная квартира на девятом этаже неприметной высотки.

«Я теперь живу в этом районе,» — поведала нам барышня очевидные факты и принялась ковыряться в допотопном замке.

Скромный коридор подъезда, а также простая некрашеная дверь квартиры никак не вязались с той картиной, что открылась нам минутой позже. За невзрачными воротами скрывался огромный светлый холл, выложенный настоящими мраморными плитами, а

следом за ним открывался вид на широкую лестницу с резными перилами и массивными мраморными балясинами. Настя, не обращая внимания на наш откровенно обалдевший вид, легонько подтолкнула меня, приглашая проходить и тщательно прикрыла дверь, запираясь на все замки.

«Это служебная квартира, — буркнула она, перехватив мой изумленный взгляд, — моя собственная осталась в столице, это не существенно»

Второй уровень не в меру шикарной квартиры представлял собой немного гротесковое зрелище, поскольку совмещал в своем интерьере все стили и решения современного дизайна. Мебель, отделка, разные мелочи буквально вопили о баснословных ценах и полнейшей безвкусице, и я невольно подумал о целях и задачах новых Настиных работодателей. Женька только вздыхал, рассматривая нелепые нагромождения и тяжелую лепнину, нависающую над изящным металлическим столиком со стеклянной столешницей.

«Тихон, где же трудится твоя подружка и почему она носит такой уродливый наряд?» — бесшумно вопрошал он, пока хозяйка готовила нам угощение, кружась по первому этажу.

«Я рада, что снова увидела тебя, — сообщила хозяйка, возвратясь к нам с шикарными разносолами, среди которых я даже рассмотрел консервированное мясо, считающееся деликатесом. — мне кажется, ты самый адекватный из всех, с кем мне приходилось сталкиваться в последнюю пару месяцев»

Воспев мне хвалебную оду, Настя лихо разлила по бокалам искрящийся алкоголь, в котором я с изумлением узнал настоящий коллекционный коньяк, и снова в моей голове заструились разные вопросы. Женька, привычно принявший настороженную позу, вообще не произнес ни звука, за все время, проведенное нами в обществе загадочной врачевательницы и исследовательницы. Я был уверен, что в современных реалиях даже научно-исследовательские центры, лелеемые и уважаемые, были вынуждены придерживаться режима строгой экономии. Мне в целом, была неинтересна судьба моей случайной знакомой, однако основы воспитания требовали поддержать видимость беседы, и я вежливо поинтересовался, на кого нынче трудиться неугомонная барышня.

«Когда ты сбежал, — начала от Потопа свое повествование наша собеседница, — тогда, из подвала, тот Центр прямо взорвался идеей отыскать тебя и включить в рабочую группу. Им в руки попались твои записи, которые были тщательно изучены и даже заимствованы для новых изобретений. К чести нашего тогдашнего руководителя, он был готов указать в разработках твое имя, если ты согласишься сотрудничать с нами. Они искали тебя, Прохор. Долго и настойчиво. А потом в нашу контору заявился новый сотрудник, якобы предложенный Всемирной Ассоциацией Научных Исследований. Он тут же принялся внедрять и разрабатывать, горя праведным желанием уничтожить непоправимое зло, захватившее мир. От его мельтешения кружилась голова и ломило виски, но его терпели, поскольку выгнать не имели права. Мой начальник однажды не выдержал чрезмерной активности и нагрубил этому незаменимому сотруднику, чего, в принципе, не должен был делать. Сотрудник обиделся и ушел, прихватив все твои научные труды, Прохор. О том мы узнали слишком поздно, и когда подняли тревогу, активиста простыл след. Розыскные мероприятия, рейды и облавы не дали результата, а ВАНИ долго удивлялась вопросам о незаменимом и значимом пройдохе, о котором слышала впервые. Через пару недель мой руководитель, понял, что знатно облажался, упустив сразу двух зайцев. Я увидела того «ставленника» считанное число раз, однако именно меня обвинили в заговоре и устроили самую настоящую травлю. Поначалу она проявлялась незаметно и заключалась в невнятных

замечаниях и придирках, но придирки множились, недовольства росли, и в один прекрасный день руководитель Центра прямым текстом пригрозил мне вполне реальным сроком за разбазаривание государственной информации. Если ты в курсе, Прохор, это сегодня очень серьезное преступление, мне не хотелось бы попасть под статью. Доказательств моей причастности у него естественно не было, но то, во что превратилось мое существование в Центре, представить нетрудно. И я сбежала. Теперь я не имею к ним никакого отношения, Прохор.»

Рассказ Насти получился жалостливый и очень складный, но он не давал ответа на мой главный вопрос. Однако наша гостеприимная хозяйка ловко перевела тему на отвлеченные предметы и решительно не желала возвращаться к прерванной беседе. Когда коньяк был уничтожен, а мясо съедено до костей, я решил закончить рандеву и бодро поднялся, благодаря Настю за взваленные хлопоты.

«Не стоит, Прохор, — пробормотала она, равнодушно пожимая плечами, — и мой тебе совет, не торопись. Завтра будет новый день, там и решим.»

Что собиралась решать новым днем чрезмерно деловая мадам, осталось за кадром, но в чем-то она была права. Мы с Женькой оказались в чужом городе, без денег, жилья и перспектив, а за окном сгущались сумерки. Предложение девушки встретить рассвет в комфортных условиях показалось мне как нельзя кстати, и я нехотя присел обратно, тщательно выражая полное смущение незапланированными обстоятельствами.

На ночь Настя отвела нам широкий гостиный диван на втором уровне необъятного жилища, и, пожелав нам спокойной ночи, отправилась вниз. Полночи Женька выдвигал мне разные варианты Настиной занятости и, остановившись на ожидаемой гипотезе о тайном шпионаже, счастливо засопел, утыкаясь в мягкие подушки.

«Только у агентов национальной разведки могут случиться такие шикарные хоромы, — пробормотал он, нисколько не смущаясь своего полудетского предположения. Женька был очень далек от нюансов современных реалий, и я не мог его винить за это.

Утро встретило нас тишиной, темнотой и полным отсутствием гостеприимной хозяйки на территории апартаментов. В окна едва заметно протискивался рассвет, наполняя огромный зал невнятными очертаниями и предлагая нам тоже начинать новый день.

«Доброе утро, Настя! — на всякий случай проговорил я, спускаясь по монструозной лестнице в нижнюю гостиную. Ожидаемо, ответа я не получил, и побродив по комнатам, двинулся в столовую, варить себе химическую бурду, которая в этой жизни заменяла мне кофе. Настиная кухня была нашпигована всякими модными приспособлениями, многие из которых стали для меня настоящим откровением. На полупрозрачной столешнице громоздилось устройство, с виду напомнившее мне многофункциональную кофе машину, однако оно было призвано угощать печеньками и разного рода яствами, достаточно было засыпать внутрь растворимого химического порошка.

«Тихон, давай выбираться отсюда, — привычно занудил Женька, вопреки своим принципам впервые решив проигнорировать нормальный завтрак. — мне кажется странной эта Настя. Я ни за что бы не оставил у себя в съемной квартире малознакомых людей, к тому же одних. Почему она уверена, что мы не ограбим ее и не разломаем здесь все?»

Идеи грабежа не оставляли Женьку не на минуту, и я начал всерьез опасаться, что мой распоясавшийся братец больше никогда уже не примет свой прежний облик законопослушного гражданина. Однако его опасения были обоснованы, и я без труда согласился с его предложениями. Во мне были живы воспоминания о моих собственных

прегрешениях, и я старался как можно меньше привлекать к себе чужое внимание.

Наши планы побега остались планами, поскольку мудреный замок Настиной квартиры закрывался кодовой комбинацией и на беззвучное исчезновение шансов не оставлял.

«Теперь ты понял, почему она такая смелая? — хмыкнул я, бесполезно сражаясь с хитрым изобретением, — даже если бы у нас в планах первым пунктом стояло обнести этот музей, дальше прихожей дело бы не пошло. Расслабься, Женька и получай удовольствие от шикарных условий нормального существования. Кто скажет, где в ущельях мы отыщем что-то подобное»

Расслабиться никак не получалось, поскольку сама территория наводила на пугающие мысли, а Настины задумки продолжали оставаться неясными, и мы тупо просидели в гостиной, ожидая возвращения продуманной девицы. Настя вернулась ближе к вечеру, измотанная и понурая.

«Приношу извинения за то, что заставила вас поскучать,» — буркнула она, скрываясь в ванной. Больше никаких объяснений мы от нее не дождались, а беспокойный Варвар нашел в Настиных словах неопровержимое доказательство собственных ночных опасений.

За ужином она правда немного приоткрыла таинственную завесу своей деятельности, рассказав о новом изобретении, над которым трудится все мировое сообщество. Добровольно лишённые источников информации, мы с изумлением узнавали весьма шокирующие факты. Неведомая инфекция, постепенно сошедшая на нет, оставила после себя сдачу, наградив переболевших и обратившихся граждан заторможенным сознанием и неадекватным восприятием действительности. Пока подобные факты были зафиксированы в весьма ограниченном числе, и касались преимущественно жителей окраин, однако власти всерьез обеспокоились проблемой распространения новой заразы и нагроутили научный мир новыми задачами. Настя рассказывала о новостях, сохраняя полупрезрительное выражение измотанного трудовыми буднями миловидного личика, как будто в том, что она говорила, не было ничего выходящего из общего привычного ряда событий. Позже, когда Настя оставила нас, отговорившись усталостью, Женька напомнил мне о странных обитателях деревушки, где осталась наша верная ржавая лошадка.

«Заряди браслет, Женя, — пробормотал я, — узнаем новости из первоисточника».

Я рассчитывал услышать размеренный суровый голос, отрывисто вещающей о начале новой мировой катастрофы и приготовился к новому витку советов и распоряжений. Каково было мое удивление, когда вместо привычного перечисления пунктов, которые следует соблюдать, до меня донеслось весьма фривольное сообщение о полном ахнунге, разбавленное обязательным пожеланием всех ознакомленных с текущими событиями валить лесом. Женька, наконец-то вспомнивший о хороших манерах, только хмыкал, отказываясь верить услышанному.

«Как они вообще допустили такие речи в эфир? — бормотал он, вспоминая о жесткой цензуре и тщательной фильтрации всего, что было призвано служить новостями. — может, это какая-нибудь альтернативная волна?»

Последнее предположение не выдерживало никакой критики. Информационная волна была единственной, все прочие источники были изъяты из обращения и подвергнуты ostracism. Мне было даже интересно послушать что-то такое, что стало для меня давно забытым и нереальным. Данные, полученные от Анастасии совпадали с тем, что слышали мы, ну, во всяком случае, своим смысловым наполнением. Способы донесения, разумеется, немного отличались. Во мне снова шевельнулся задремавший ученый, и я решительно

двинулся вниз, игнорируя основы приличия.

Настя сидела в столовой, оперевшись на согнутые руки и незаметно покачивалась из стороны в сторону. Возможно, таким образом она пыталась обрести утраченную силу и зарядиться энергией. А может, просто решила примкнуть к рядам занедуживших.

«Не спится?» — пробормотал я наудачу, не рассчитывая на задушевные беседы.

Настя помотала головой и подняла на меня покрасневшие глаза.

«Ох, Прохор, — едва слышно выдохнула она, — все, что мы делаем, бесполезно. Безумие прогрессирует и вряд ли мы сможем так быстро остановить его. Наша лаборатория считается независимой и секретной, впрочем, сейчас нет ни одной, которая не носила бы такого почетного звания. Так вот, сотрудники, которые составляют основной штат, жонглируют теми составляющими, из которых состряпано противоядие. Они просто не в состоянии создать что-то кардинально новое, но продолжают корчить из себя невероятно умных и значимых. Я говорила тебе то же самое про сотрудников Центра изучения чрезвычайных ситуации, я ошибалась, Прохор. Если сравнивать интеллектуальные показатели, то мой предыдущий босс просто гуру медицины в сравнении с нынешним. Ты слышал, что научным сообществом пересмотрены нормативы умственного и эмоционального развития и внесены корректировки? Теперь умным считается тот, кто умеет складывать в пределах первого десятка и может отличить треугольник от синего цвета.»

Я ничего такого не слышал, поскольку весь последний год сознательно не обращался к своему браслету. Откровения Насти шокировали, а мне снова захотелось вернуться в строй. Я еще помнил таблицу умножения и мог переходить улицу на зеленый свет, я мог бы принести пользу обществу.

«Насколько независима ваша лаборатория?» — вскользь поинтересовался я, стараясь не выдать любопытства больше, чем следует.

«Очень независимая, — усмехнулась Настя, — настолько, что она не зарегистрирована ни в одном научном реестре. Она создана профессионалами, которые разочаровались в своей государственной практике. Такими, как я. Там очень небольшой штат, но они казались мне очень грамотными, когда я впервые оказалась в их компании. Сейчас я уже так не скажу, наверно.»

Настя снова замолчала, а я подумал о том, что активная девушка в курсе моей причастности к медицине и науке, и вполне могла бы предложить составить им компанию. Однако, Настя предпочитала молча рассматривать стены и предаваться унынию. Я не стал напрашиваться, и пожелав ей спокойной ночи, отправился наверх.

Глава 35.

Женька откровенно скучал, находясь в вынужденной изоляции. Его пугал интерьер пафосного жилища новой знакомой, сама же знакомая не производила на приземленного Женьку никакого впечатления. Узнав о ее принадлежности к ученой братии, Женька потерял к теме интерес, справедливо видя в симпатичной барышне очередную одержимую.

«Как можно настолько глубоко погружаться в науку? — думал он, прислушиваясь к негромким беседам Тихона и Насти, — тем более, что по ее же словам, особых результатов это погружение не приносит»

Вечерние брифинги были нечастыми, скорее это был просто повод для Тихона оправдать свое присутствие в чужом доме, и попытка принести хоть какую-нибудь пользу, делясь советами. Настя почему-то не желала расставаться со скромными постояльцами, аргументируя тем, что очень боится жить в таких огромных хоромах в одиночестве. Как-то вечером она, после трехдневного отсутствия показалась на пороге с девчушкой лет шестисеми, худенькой и невероятно застенчивой.

«Моя нянька, которая присматривала за Соней, больше не желает нести ответственность за чужого ребенка, — объяснила Настя свое решение, — так она заявила мне, когда я заехала навестить Соню. Прохор, не мог бы ты сегодня присмотреть за ней, пока я буду на работе? К следующему дню я постараюсь определить ее в группу надзора. Очень тебя прошу, Прохор, выручи.»

У Насти была странная манера вести диалоги. Она как будто и вовсе не замечала присутствие в квартире еще одного жильца, всегда обращаясь только к Прохору. Женька даже не мог бы сказать с уверенностью, что придирчивая Настя знает его имя. Варвар не обижался на такое отчетливое игнорирование. Ему было достаточно и того, что Настя не гонит его прочь и иногда кормит обедом. Впрочем, Женька с удовольствием бы и вовсе сбежал из нежданного пристанища, ощущая их общую с Тихоном ненужность и неуместность присутствия. Однако, отзывчивый Прохор Степанович конечно же согласился стать нянькой, оговорив точное время, ограничив его до пары суток.

«Не дольше, Настя, — заявил он, — я не знаток детской психологии.»

Настя очень серьезно кивнула и пообещала, что уже завтра Сони тут не будет. Отвратительно пугающие своим названием группы надзора были созданы в период эпидемии как раз для таких случаев и собирали под свое крыло детей разных возрастов. Тихон, послушав подробный отчет об условиях набора в группы, еще раз напомнил Насте о паре суток и, пожелав удачного дня, грустно обернулся к Женьке.

«Что делать, приятель, — покаянно пробормотал он, — мне приходится соблюдать эти чертовы условности и правила, иначе я не могу. К тому же жить в человеческих условиях куда предпочтительней ночевок в оврагах»

Женька решил никак не комментировать такое расплывчатое объяснение, переключив все внимание на нечаянную подопечную.

«Привет, — кивнул он девчушке, продолжавшей неподвижно стоять в дверях. — давай знакомиться. Ты — Соня, твоего нового няньку зовут Прохор, а я Женя и не имею к процессу воспитания никакого отношения!»

Соня никак не отреагировала на Женькины приветствия и неловко протиснулась в гостиную. В ее поведении, жестах и мимике присутствовала та самая скованность, которая громче всяких слов говорила об одиноком житье, об отсутствии навыков общения и целом списке комплексов, терзающих заторможенную воспитанницу.

«Присядь, Соня», — вспомнил о возложенных обязанностях Прохор и решил продемонстрировать опекуновское мастерство. Девочка неловко опустилась на край антикварного дивана, выполненного в стиле барокко, и снова замерла.

«Очень удобная воспитанница, — тут же подумал Женька, — во всяком случае, нам не придется ломать голову, чем ее занять до прихода матери.»

Суперсекретная лаборатория, где трудилась неугомная Настя, видимо, имела ненормированный график, поскольку ни вечером, ни с наступлением ночи Анастасия так и не появилась, а Тихон заметно занервничал.

«Настя оформляет ребенка в группу надзора, — заявил он, больше обращаясь к самому себе, — как раз после окончания рабочего дня, раньше, видимо никак не получалось»

Пока Тихон присматривал за девочкой, Женька с любопытством наблюдал за Тихоном и не переставлял удивляться пышной палитре эмоций, то и дело возникающих на утонченном лице.

«Что не так с этой девочкой? — озадачился однажды нянька, оставив подопечную на произвол судьбы и поднявшись наверх, — она сидит неподвижно третий час подряд и не похоже, чтобы у нее в планах было что-то круто поменять. Я не смог выжать из нее ни слова, хоть и очень старался. Женя, расскажи мне, где я ошибся?»

Женька с удовольствием рассказал бы, что недалёковидный брат ошибся в тот момент, когда согласился присматривать за Соней, но поглядев на его потерянную рожу, только пожал плечами.

«Как бы ты чувствовал себя в компании незнакомых людей, если бы тебе было семь, и ты был бы девчонкой?» — справедливо поинтересовался Женька, в тайне не разделяя собственных объяснений. Он еще помнил свою собственную дочку, без особого стеснения врывавшуюся к Женьке в самые неподходящие моменты и забрасывающую терпеливого отца лавиной вопросов, пожеланий и предложений. Впрочем, убеждал он себя, все дело в характере. Вероятно, несчастная Соня просто не знает, как поддержать светскую беседу, по причине застенчивости.

Когда ветреная Анастасия не явилась к следующему утру, Тихон основательно напрягся, а к обеду был готов оставить свой пост, наплевав на приличия и воспитание. Соня продолжала висеть, не двигаясь с места, и не желая издавать любые звуки. На все попытки Тихона впихнуть в упрямую барышню ложку разведенной химической бурды, она только крепче стискивала зубы и ожидаемо шла в отказ.

«Пойдем, Женька, — заявил Тихон на исходе вторых суток, — свою миссию я выполнил. А Соня, обладая такими суперспособностями, вполне просидит еще черт знает сколько времени, без особого вреда для организма.»

Девочка внимательно слушала гневную отповедь Тихона и продолжала сохранять выбранную однажды позу и завидную невозмутимость. Женька уже давно готов был оставить загадочную обитель, поэтому без вопросов двинулся на выход, припоминая про себя озвученную Настей кодовую комбинацию выхода. Однако, стоило Женьке приоткрыть входную дверь, как тут же до них донесся негромкий гул, в котором обновленный Тихон отчетливо расслышал обрывки разговора. В беседе речь шла о гражданке Анастасии Алексеевне, а точнее, об ее постояльце, полулегально поселившимся в ее казенных апартаментах. Негромкая беседа не позволяла уловить все нюансы, однако одно было предельно ясно — нежданные визитеры отчаянно желали видеть несговорчивого ученого, и какую роль в этом сыграла Настя, оставалось невыясненным. Тихон мышью шмыгнул обратно в квартиру, увлекая за собой Женьку и вопросительно уставился на приятеля.

«Что будем делать, друг Женя? — едва слышно проговорил он, — милая Настенька необдуманно проявила сострадание, а возможно, сделала это вполне сознательно, но в любом случае, по мою душу сейчас поднимаются важные и значимые, кем бы они не были. Решай быстро, дружище, что будем делать? С моей биографией мы живо обеспечим Анастасии Алексеевне почетное место в уютных стенах цугундера, или же поспособствуем росту ее карьеры. Все зависит от поставленных ей целей.»

Впрочем, при обсуждении с Женькой подобных вопросов, ответ был очевиден и без

длительных прений. Тихон, интуитивно почуяв согласие на побег, рванул вглубь огромной гостиной, и, повинувшись порыву, сгреб в охапку заторможенную Соню, никак не проявившую эмоций по поводу такого грубого вмешательства в ее неподвижность. Через пару минут все трое уже взбирались по непрочной железной лесенке, ведущей на чердак. Женька был уверен, что их спонтанные перемещения быстро станут достоянием гласности, и в любом случае важные и значимые сообразят, что квартира была обитаема минуту назад. Опасения, к счастью, не оправдались, и вскоре они галопом неслись по железной крыше, изредка притормаживая и отыскивая пути отступления. Такие пути обнаружались в самом краю невозможно длинной многоэтажки, протянувшейся через всю улицу. Тихон ловко скатился по похожей лестнице, крепко прижимая к себе невесомое Сонино тельце, а Женька без затей прыгнул вниз, минуя скучные приспособления. Когда все трое оказались на пустынной улице, а бушующий в венах адреналин немного угас, Женька с любопытством поинтересовался, что дальше намерен делать его чрезмерно чувствительный брат.

«На кой черт ты прихватил эту Соню? — недовольно пробормотал он, осторожно оглядываясь по сторонам. — можно подумать, что в твоём ослепительном обществе девочка останется в полной безопасности. К тому же, как ты мог сделать какие-то выводы из пары фраз, случайно подслушанных на лестнице. Мало ли Анастасий Алексеевич проживает в подъезде? Не забывай, что средства связи отключены, свой информационный браслет ты можешь выкинуть, если не хочешь снова наслаждаться чарующими звуками дивного русского мата, льющегося из эфира»

Женька долго еще упражнялся в риторике, стараясь не выходить за рамки выбранной тематики, пока терпеливый Тихон не прервал красноречие грубоватым пинком.

«Прекрати, Женья, — глухо проговорил он, — если наша Настя не при чем, то уже сегодня мы об этом узнаем, вернувшись в квартиру. А что касается Сони? Может случиться, мы сумеем отыскать ее мать раньше, чем спецслужбы отыщут мою сиятельную персону».

Возможно в словах Тихона таилось здоровое зерно, и Женька даже согласился принять участие в спасательной операции по возвращению в семью мало эмоциональной Сони. Дождавшись вечера, Женька поделился с приятелем тщательно разработанным планом.

«Я пойду один, — заявил он на все возражения Тихона, — мои документы в относительном порядке и меня за последние полгода ни разу не арестовывали. Подожди меня где-нибудь, не привлекая внимания. Я быстро.»

Женька ухватил за руку несопротивляющуюся девочку и уверенно зашагал вдоль нескончаемой улицы, отыскивая знакомый подъезд. Вокруг царил успокаивающая тишина, и Женька, не заметив подозрительных посторонних, смело шагнул в сумрак подъезда. Соня послушно волоклась следом, однако в середине одного из пролетов, она нехарактерно заупрямилась и потянула назад своего добровольного сопровождающего.

«В чем дело, Соня? — недовольно пробормотал Женька, нехотя притормаживая, — мы идем домой. Сейчас ты увидишь маму, ну а если этого не случится, то сможешь продолжить свое сидение в комфортных условиях»

Однако Соня упрямо тащила вниз несговорчивого сопровождающего, проявляя при этом небывалую упертость. Женьке откровенно надоела загадочность странной Сони, и он малодушно поклялся себе сегодня же избавиться от настырной девчонки. Пока он строил себе удобные планы, над его головой раздался весьма характерный шум, какой производят невоспитанные силовики, обыскивая чужие дома. Женька круто развернулся и хотел было рвануть обратно, но был остановлен грубоватым окриком.

«Приказываю остановиться! — рывкнули сверху, — предъявите документы!»

И в ту же секунду перед Женькой возник обладатель сурового голоса. В его профессиональной принадлежности сомневаться не приходилось, и Женька запоздало пожалел о собственном упрямстве. Он раздражающе медленно приподнял руку с живленным в кисть чипом и собрался познакомить представителя власти со своими метрическими данными. Женька отчетливо представил себе, чем может закончиться для него этот вечер и не сдержал глубокого вздоха. Силовик спустился еще на пару ступенек, горой возвышаясь над тщедушным Женькой, и вдруг замер, плавно раскачиваясь в разные стороны. Его стальные злые глазки заволкло мутью, и он, потеряв к Женьке всякий интерес, медленно осел на ступеньки. Соня подтолкнула Женьку, предлагая сбежать, и тут уже Варвар решил последовать предложению. Они резво неслись по ступенькам, стараясь не прислушиваться к шуму, раздававшемуся за их спиной. К счастью, громкие вскрики и непечатные фразы не имели к беглецам никакого отношения и адресовались коллеге, решившему круто сменить имидж.

Тихон терпеливо дожидался финала истории в условленном месте и мало удивился, увидев Женьку в компании неотвязной Соны.

«Что теперь? — отдышавшись, прохрипел Женька, еще не до конца осознав свой свободный статус, — уходим, Тихон, прошу тебя. Кто знает, сколько еще времени спецслужбы будут кудахтать над невезучим коллегой?»

Город был им незнаком, к тому же его центральная часть, где они оказались по велению случая и Анастасии Алексеевны, совершенно не была приспособлена к ночевкам под луной. Город был поделен на аскетичные улицы, не имеющие признаков озеленения, при этом каждая из них была набита военной техникой. Идея добраться до горных ущелий стала видится Женьке призрачным миражом, а размеренная жизнь плавно превращалась в несбыточную мечту. Придав себе респектабельный вид, Тихон и Женя степенно двинулись вдоль самой слабоосвещенной стороны какого-то проспекта, крепко держа за руки отрешенную Соню. Если бы сейчас их моцион был разбавлен другими прохожими, то возможно нелепый вид всех троих мало бы привлек внимание представителей охраны порядка. Но трио двигалось в гордом одиночестве и естественно не могло остаться за кадром.

«Приказываю остановиться! — снова прозвучало над ухом, а Женька словил Де-жавю. — предъявите документы!»

Тихон остановился и, не желая провоцировать конфликты, со вздохом потянулся к свисающему рукаву, демонстрируя полную готовность к сотрудничеству. Однако его маневр был прерван знакомым Женьке показательным выступлением силовика. Тот, словно придерживаясь заранее отрепетированного сценария, резко замер и отрешенно закачался, забыв об озвученной просьбе. Ему на смену оживилась Соня, довольно крепко ухватив за руки своих опекунов и решительно разворачивая их к ближайшему перекрестку. Женя, помня об алгоритме побега, снова воспользовался предоставленной возможностью, а Тихон рванул просто за компанию, мало что поняв. Когда перед беглецами промелькнуло несколько внушительных строений, вероятно бывших очередными Центрами, а перед глазами замелькали долгожданные посадки, Тихон рискнул остановиться, вероятно вспомнив о слабенькой девчужке, все еще остающийся на его попечении. Соня не пожелала принимать поблажки и решительно потянула всех дальше. Наблюдая за ее уверенной поступью, Женька хрипло пробормотал, обращаясь к приятелю:

«Ей можно верить, Тихон. Делай, как она говорит»

Преодолев немыслимое по своей протяженности расстояние, Соня, наконец, решила притормозить и милостиво разрешила опекунам сделать привал.

За все время их пробежек странная Соня не произнесла ни звука, успешно манипулируя двумя взрослыми. Непонятная девчонка не стала отступать от выбранного образа и дальше, усевшись под раскидистым кустом и вновь принимая отрешенный вид. Женька не сомневался, что странные зависания силовиков дело рук милой Сонечки, однако озвучивать свои предположения прагматичному Тихону все же не рискнул, опасаясь вызвать потоки насмешек.

Глава 36.

«Прохор! Какими судьбами?!» — раздался над моей головой удивленно-восторженный голос, а я ощутимо напрягся, перебирая в памяти варианты приветствий сотрудников спецслужб. Не обнаружив среди перечня протокольных фраз ни одной похожей, я рискнул обернуться. Прямо передо мной высился огромный силуэт моего недавнего пациента Мартына, покинувшего нашу компанию еще на побережье.

«Утренние прогулки по свежему воздуху? — продолжал гудеть он, тщательно не замечая наш помятый вид, — это приветствуется ученым сообществом, приятель! Но все же, что ты делаешь здесь, вдали от своего уютного подвала?»

«Продолжаю скрываться от закона, — мог бы ответить я, но, вспомнив о своем воспитании и манерах, а также о банальной осторожности, вежливо отозвался, — гуляю по свежему воздуху, Мартын. И я рад тебя видеть, хотя и удивлен, что ты забыл в этой провинции?»

Мартын раскатисто захохотал, вибрируя всей внушительной комплекцией, после чего наигранно сурово проговорил:

«Никогда никому не говори такое даже в шутку, Прохор! — наставительно объявил он, — это не провинция. Город 22 можно назвать второй столицей, поскольку здесь сосредоточены самые значимые объекты и Центры. А я всегда жил в этом городе, до всей той истории с научными опытами. Тогда меня позвали в столицу, работать над проектами, ну а остальное ты знаешь. Я решил осесть здесь и теперь тружусь в лебедях.»

Наша нежданная встреча состоялась на территории небольшого парка, окруженного со всех сторон густыми кустами. К моменту появления Мартына мы трое уже успели принять относительно достойный облик и действительно напоминали ранних прохожих. Женька за все время беседы не произнес ни слова, настороженно приглядываясь к старому знакомому, а Соня и вовсе не выпадала из анабиоза.

Мартын светски расспрашивал меня о планах и целях, привычно игнорируя Женьку, однако мои невнятные ответы остались за пределами его понимания.

«Ты же кое-что смыслишь в медицине? — не отставал толстяк, — а нынче любые знающие мозги очень востребованы. Так почему же ты не работаешь в своей области? Если желаешь, могу посодействовать.»

Заманчивое предложение могло бы мне пригодиться, случись оно месяцем раньше, когда у нас была крыша над головой, однако сейчас я был вынужден отклонить заботу и

участие неугомонного Мартына.

«Ерунда, дружище! — пугающе знакомо протянул он, — какие счета между старыми приятелями?! Вы трое можете пожить у меня, тем более моя Ксюша сейчас уехала к своим дальним родственникам отдыхать и поправлять здоровье.»

Интонация толстого Мартына неувовимо перенесла меня в эпоху моей беззаботной молодости, той, настоящей молодости, которая бывает у каждого. Тогда у меня были друзья, так же легко решающие любые проблемы, и я неожиданно согласился, поддавшись внезапной ностальгии. Женька только мысленно покрутил пальцем у виска, явно осуждая меня за непродуманное решение, но вслух ничего не сказал, ухватывая за руку отрешенную Соню.

Мартын жил в типовой многоэтажке рядом с парком. Его квартира значительно проигрывала в пафосности Настиным хоромам, однако выглядела более обжитой и уютной. Женька долго крутился по небольшой комнате, предоставленной добряком-хозяином в наше личное пользование, и возмущался моей недальновидностью.

«Как ты не понимаешь, Прохор, — стратегически шептал он, поглядывая на закрытую дверь, — сейчас, чтобы устроиться на работу официально, необходимо пройти километры проверок и предоставить тонны рекомендаций. Ты, со своим пугающим анамнезом, погоришь в ту минуту, когда представишься будущим работодателям. Не похоже, чтобы успешный Мартын трудился в какой-нибудь ночлежке»

Мартын трудился не в ночлежке, однако место его работы очень ее напоминало. Хотя бы тем, что официально медицинское учреждение принимало на постой всех, кто в том очень нуждался. Так, во всяком случае показалось мне, когда я, минуя проверки и рекомендации, явился под своды государственной многопрофильной клиники. Эти своды располагались в здании бывшего банка и пугали своим полным несоответствием с возложенной миссией. Повсюду искрились искусственные мраморные плитки, а потолок щерился осколками зеркального покрытия, местами обвалившегося. Банком это здание было лет тридцать назад и с тех пор немного потускнело, но сотрудников муниципального учреждения это нисколько не смущало. По широким коридорам озабоченно сновали люди в ядовито-зеленых одеждах, волоча за собой мудреные устройства с трубками и никелированными ящичками.

«Нам выделили помещение для приема пациентов, — завел ознакомительную беседу Мартын, после соблюдения всех поверхностных формальностей моего включения в штат, — все нормальные клиники отданы под исследования. Впрочем, ты и сам в курсе всех событий, Прохор»

На первый взгляд, пациенты, толпившиеся в коридоре, не выглядели смертельно больными, для этого у каждого из присутствующих был слишком цветущий вид. Пробивной Мартын, изо всех сил стараясь оказаться полезным, выбил мне маленький закуток, видимо когда-то исполнявший роль курилки, где мне предстояло осматривать посетителей. В свете текущих событий, власти озаботились профилактическими мерами и теперь в приказном порядке каждый из жителей обязан был пройти обследование и получить «зеленую карточку».

Первым моим пациентом оказался спортивного вида парень, приблизительно моих нынешних лет, с весьма высокими интеллектуальными показателями, указанными в его чипе. Однако, несмотря на эти обнадеживающие факты, парень так и не смог мне внятно сказать ни о роде своей деятельности, ни просто назвать свое имя. На все мои вопросы он

только глупо хихикал, то и дело вскидывая голову. Физически он был здоров, как лось, однако его умственное состояние вызывало оправданную тревогу.

«Сделайте томографию и пройдите тесты», — посоветовал я ему, на что парень громко расхохотался, почти сгибаясь пополам и хлопая себя по коленкам. Он веселился до тех пор, пока вошедшая медсестра не увела его в коридор. Когда я поделился с Мартыном своими первыми впечатлениями от врачебной практики, тот только вздохнул.

«Последнее время таких загадочных пациентов становится все больше. У меня только за неполные три дня на сотню принятых пришлось пятнадцать неадекватных. Это настораживает, но пока их диагноз не подтвердился, я склонен списать это на нервную обстановку в мире в целом и в городе в частности»

Внезапно я вспомнил о странных сообщениях, услышанных мной совсем недавно и рассказал Мартыну о весьма фривольном послании, обращенном к гражданам.

«Я тоже пару раз наталкивался на подобное непотребство, — скривившись, поделился Мартын, — это пиратские волны, увы, сейчас и такое можно услышать. Куда катится мир!?!»

Мартын был слишком молод и хорошо воспитан, чтобы знать о до цензурном времени, когда из эфира лилось и не такое. Я не стал разочаровывать чрезмерно рафинированного интеллигента ностальгическими рассказами и только невнятно пробормотал, вспоминая ночные Настины откровения:

«Видимо не случайно Ученое сообщество пересмотрело интеллектуальные нормативы, учитывая рост общей неадекватности»

«Пересмотрело нормативы? — недоуменно переспросил Мартын, — когда пересмотрело? О чем ты говоришь? Последние семь лет утвержденные показатели не менялись ни на дюйм. Будь внимателен, Прохор, такие вещи надо знать. Ты врач, а это обязывает!»

Мое неосторожное высказывание еще долго возмущало чрезмерно правильного коллегу, а я дал себе очередную клятву впредь следить за своим языком. Уже вечером, сидя в Мартыновской комнатке в компании верного Женьки я снова рискнул озвучить спорные данные, в этот раз своему приятелю.

«Я в этом мало что понимаю, Прохор, — проговорил Женька, — последний раз я сталкивался с такими процедурами, устраиваясь на работу к Свиридову. Однако моих знаний явно не доставало, чтобы занять почетное место в научной лаборатории. Может, браслет внесет немного ясности в скандальные известия?»

В этот раз мне без проблем удалось отыскать в информационной сети нужные факты, которые, действительно, опровергали Настины страшилки о полной человеческой деградации.

«Твоя Настя просто пошутила, — хмыкнул Женька, глядя на мое изумленное лицо, — вероятно, сейчас стало модным таким образом проявлять симпатию к недогадливым кавалерам, намекая на их заторможенность.»

Пока мы предавались околонучным анализам, Соня пыталась адаптироваться к новому месту проживания. Деликатный Мартын избегал заводить долгие разговоры с нашей подопечной, видя ее излишнюю застенчивость, но как-то за ужином, когда Соня в очередной раз не пожелала составить нам компанию, все же не выдержал.

«Послушай, Прохор, — задушевно начал он, наклоняясь ко мне, — это не мое дело, приятель, но твоя дочка выглядит немного странно. Не хочешь провести ей диагностику?»

Женька весело хмыкнул, а я едва сообразил промолчать о причинах появления моей

«дочки».

«Она нормальная, Мартын, — тщательно имитируя обиду, произнес я. — просто такой характер. Не обращай внимания»

Мои ежедневные обязанности погружали меня самого в состояние анабиоза, и я прилагал много усилий, чтобы не впасть в нирвану от монотонности действий. Ко мне приходили граждане, которым не требовалась никакая помощь, они просто молча сидели на стуле, а я выявлял физические отклонения в их состоянии. Большинство пациентов отличались крепким сложением и богатырским здоровьем и, получив мое заключение, без затей выплывали в коридор, уступая место следующим гражданам. Мартын трудился в противоположном крыле и редко навещал меня во время рабочего дня. Поэтому его незапланированное появление на моем пороге вызвало во мне много вопросов, учитывая его совершенно растерянный вид.

«Проход, — необычно смущенно проговорил он, осторожно прикрывая за собой дверь, — не скажешь ли мне, как выглядит формула аминокислотной кислоты?»

«Неважно выглядит, а тебе зачем? — усмехнулся я, подозревая подвох, — сомневаешься в моей компетенции? $\text{NH}_2 \text{CH}_2 \text{COOH}$, но, на мой взгляд, $\text{C}_2\text{H}_5\text{OH}$ звучит привлекательней.»

Мартын моего искромётного юмора не оценил, рассеянно пробормотал слова благодарности и скрылся за дверью, бросая на меня нечитаемые взгляды. Вечером, когда хозяйственный Женька пригласил нас ужинать, Мартын отговорился отсутствием аппетита и предпочел отсидеться в своей спальне. Я плохо знал нового приятеля, возможно такие перепады настроения были для него характерны, поэтому особой тревоги у меня не вызвали. На утро Мартын, обычно раньше меня укатывающийся в свою клинику, в замешательстве топтался на пороге, явно поджидая меня.

«Я решил немного прогуляться пешком, — заявил мне он, натягивая неизменную зеленую шкуру, — составишь мне компанию?»

Мартын выглядел настолько потерянно, что мне ничего не оставалось делать, как молча кивнуть. На самом деле, мой новый знакомец изрядно выбешивал меня своими околонучными соображениями, в каждом из которых желая видеть личные нетленные перлы. При всей своей положительности, Мартын был крайне занудлив, но он был единственный, кто предоставил нам кров и работу, поэтому приходилось его терпеть. Нынешнее утро в корне отличалось от остальных предыдущих уже тем, что за весь неблизкий путь важный эскулап не произнес ни слова, стараясь держаться на шаг позади меня. Когда впереди замаячили блестящие стены клиники, мой попутчик приостановился и снова устроил мне показательную проверку.

«Скажи мне, Проход, в каком соотношении применяют закись азота с кислородом при общих анестетиках?» — поинтересовался он, напряженно и сосредоточенно глядя в мою сторону и отчаянно силясь что-то припомнить. Очевидно, тотальная проверка моих знаний и умений тут была не при чем, просто Мартын подстраховывался, освежая данные. Такое объяснение немного взбодрило меня и я, удовлетворив его запрос, пожелал ему удачного дня. Мартын был хорош в мелких дозах.

Однако рассчитывать на расставание было немного преждевременно, поскольку приятель, забывая о собственных обязанностях, потянулся следом за мной. Некоторое время он мялся в нерешительности, а потом, опасливо косясь на стены, негромко проговорил:

«Проход, случалось тебе хоть раз забыть то, что хранилось в твоей памяти годами и казалось неизменным?»

Я живо вспомнил веселые попойки, в которых принимал деятельное участие, и не сдержал веселого хмыка.

«Много раз, Мартын. Особенно когда выпадал случай звонко провести какие-нибудь выходные. Почему ты спрашиваешь? Тоже забыл, как тебя зовут?»

Однако Мартын, вернув на свою рожу бодрое выражение, оптимистично заявил о необходимости больше отдыхать и меньше жрать химическую дрянь.

К обеду мне стало не до Мартыновских проблем. Я продолжал встречать граждан, однако именно сегодня они решили превзойти сами себя в виртуозной демонстрации неадекватности. Первый же пациент, желая познакомиться с доктором, пять раз представлялся, всякий раз озвучивая новые варианты имен. Когда мне надоело слушать его кривляния, я проверил его биометрический чип и нашел там шестой вариант имени. На мои стандартные вопросы о его самочувствии, он принялся рассказывать мне байки о жуткой непогоде, мешающей ему жить и, разумеется, не был забыт и ужасный град, обрушившийся на голову страдальца. Кое-как выяснив, что больной здоров, я вытолкнул его за порог, приглашая следующего. Тот про град не сказал ни слова, зато красочно описал небывалой красоты северное сияние, виденное им в окно, после чего неподвижно замер, уставившись на меня. Когда осмотр подошел к завершению, мой пациент широко улыбнулся и размашисто поклонился, отводя в сторону руку. Выпроводив последнего нуждающегося, я закрыл дверь и, найдя блестящую поверхность, принялся рассматривать свое отражение. Возможно, моя внешность претерпела пугающие изменения, раз каждый первый из моих пациентов считал возможным от души покривляться передо мной во время приема. Я продолжал оставаться прежним, на мне не выросли рога, ничего в моем облике не давало повода к насмешкам, и мне было не понятно, чем вызваны все эти показные гримасы, демонстрируемые гражданами города 22.

Женька никогда не расспрашивал меня о проведенном рабочем дне, мастерски научившись определять мое настроение по мимическим гримасам и интонации. Однако нынешним вечером его необыкновенно озаботило состояние моих пациентов и вопрос о нашем дальнейшем пребывании в чужом жилище.

«Ты сюда навеки поселился?» — гундел он, недовольно откидываясь на спинку дивана. В чем-то я его понимал. В клинике доктора Шварца, как шутливо обзывал нашу богадельню юмористичный Мартын, места для деятельного Женьки не нашлось, и он целыми днями просиживал в четырех стенах, присматривая за Соней. Учитывая полное отсутствие необходимости в тщательном уходе и опеке над чрезмерно беспроблемной девицей, Женьке попросту нечем было заняться. Его кулинарные способности, то, что могло бы считаться его гордостью в прошлой жизни, сейчас сводились к банальному разведению химической бурды остывшим кипятком и нагоняли тоску. Я не спешил расставаться с гостеприимным Мартыном Мартыновичем по разным причинам. Одной из которых продолжала оставаться неотвязная Соня, так неосторожно взятая мной под опеку и присмотр. К слову, она так и не научилась поддерживать беседу, придерживаясь обета показного молчания.

Пообещав Женьке уладить эти вопросы в максимально короткие сроки, я наутро отправился в клинику, рассчитывая узнать что-нибудь об Анастасии Алексеевне из общей базы, обязательной в любом государственном учреждении. Обычно оживленное и шумное здание сегодня решило удивить меня полным запустением. Несмотря на довольно поздний час ни на крылечке, ни в светлых коридорах я не нашел ни одного посетителя, а привычная дежурная, выдававшая мне ключи, ныне отсутствовала. Побродив по притихшему заведению,

я решил навеститься к Мартыну, пожелать ему удачного дня и узнать, как давно в городе 22 закончились больные. Кабинет приятеля был закрыт, в других царила пугающая пустота, и я решил немного прогуляться по окрестностям. Возможно, в муниципальной клинике затеяли какой-нибудь общественно-массовый сбор мусора, и все сотрудники сейчас найдутся на территории. Стоило мне появиться на ступенях, как на меня в ту же минуту налетела внезапная Соня, неизвестно каким образом оказавшаяся в другом районе города.

«Ты что здесь делаешь? — удивился я, не сразу вспомнив об особенностях молчаливой девочки. — почему Женя тебя отпустил? И кстати, где он?»

Ожидаемо, Соня не произнесла ни звука, а только ухватила меня за руку и настойчиво подтолкнула к парковой дорожке. Обычно бездеятельная и отрешенная, сейчас она просто искрилась необходимостью уволочь меня подальше от загадочно опустевшей клиники. Я, наплевав на обязанности, решил ей немного подыграть, и шагнул следом, продолжая задавать вопросы. Соня только резко дергала мою руку, указывая направления и во мне шевельнулось неясное предчувствие чего-то вышедшего из ряда вон. Я поддался настойчивым просьбам и послушно двинулся за настырной девчонкой.

Глава 37.

Женька распахнул глаза и с отвращением подумал о еще одном нудном дне, проведенном в бездействии. Его свободолюбивая натура восставала против любых запретов и ограничений, не заключающих себя в законодательные рамки. Он нехотя поднялся, прислушиваясь к привычной тишине опустевшей квартиры. Обычно к этому часу удачливый Тихон в компании чрезмерно доброжелательного Мартына уже отчаливал в клинику, ставить на ноги недужных граждан. К слову, Женька очень настороженно относился к такому нехарактерному радушию со стороны их нового знакомца. Жизненный Женькин опыт, почерпнутый из сотни прожитых лет, подсказывал ему, что совершенно безвозмездно-альтруистичных людей не существует в принципе. Каждый из ныне живущих стремится во всяком проявлении добра отыскать для себя выгоду. Почему-то Мартын тоже не являлся для осторожного Женьки приятным исключением. Тот факт, что сладкоречивый толстяк неожиданно явился прямым потомком господина Шварца только усиливал Женькины подозрения и к задушевному доверию не располагал.

Потоптавшись в комнате, Женька решил немного проветриться и внезапно натолкнулся на хозяина жилища, почему-то в столь поздний час продолжавшего оставаться дома.

«Доброе утро», — пробормотал Женька, не зная, как вести себя в обществе ученого типа. Тип счастливо заулыбался, и тут же предложил гостю немного развеяться, объясняя порыв хорошей погодой и радужным настроением. Женька, истомившись скучать в одиночестве, нехотя согласился, уверенный, что ему предстоит прогулка до клиники. Мартын выволок гостя на улицу и гостеприимно распахнул дверцу потрепанной иномарки, видимо доставшейся ему по наследству.

«Всегда удобнее путешествовать с комфортом», — объявил он, запуская двигатель. Тот простуженно фыркнул, крякнул и затарахтел всеми своими натруженными железными кишочками.

Женька с любопытством поглядывал по сторонам, предполагая, что за следующим поворотом обнаружится здание клиники. Однако мимо пролетали улицы, мелькали длинные многоэтажки, а долгожданная клиника все еще оставалась вне досягаемости. Когда автомобильчик вырулил на широкую трассу, Женька напрягся и все же поинтересовался конечной точкой маршрута.

«Я забыл вам сказать, — озабоченно пробормотал Мартын, всем корпусом оборачиваясь к пассажиру, — что наша прогулка нацелена на исполнение весьма скучного, но необходимого обязательства. Моя супруга Ксения сейчас отдыхает у родственников, а я вынужден ее навестить. Я подумал, что в любой компании такая скучная поездка станет гораздо интересней. Прошу меня простить за столь спонтанное решение»

Женька был не в обиде, однако оставленная без присмотра Соня вызывала беспокойство.

«Соня никуда не денется, — уверенно заявил Мартын, — она очень самостоятельная девочка, и вполне просидит пару-тройку часов в одиночестве. Тем более, в моей квартире нет ничего, что могло бы навредить такому спокойному ребенку.»

Мартын говорил складно, и Женька почти поверил в искренность его намерений. Родственники Мартыновой благоверной проживали в той самой деревне, куда Тихон и Женька приезжали возвращать кармические долги. Это, вероятно, было самое ближайшее поселение к городу 22, поскольку они действительно добрались до него меньше чем за час при небольшой скорости.

«Подождите меня здесь, — попросил любезный доктор, останавливая колымагу возле одного из дворов, — я мигом, только проверю, как там Ксения»

Женька коротко кивнул, думая о том, что сегодняшний день получается весьма и весьма насыщен разными приключениями. Мартын выкарабкался из тесного салона и, тщательно прикрыв дверцу, тяжело взобрался на высокое крыльцо.

Женька поискал глазами знакомые избушки, но все они будто были сделаны по одному шаблону, и наблюдательный Варвар никак не мог сообразить, проходили они с Тихоном этими улицами или нет. Миг, который внимательный супруг обещал посвятить дражайшей половине, давно истек, плавно превратившись в пару часов, и Женька откровенно заскучал. Его живое воображение рисовало ему весьма красноречивые картинки затянувшегося свидания, от которых Женька почувствовал неловкость. Желая разбавить возникшее впечатление, он выполз из машины и сладко потянулся. За два часа сидения в неподвижности ему настоятельно требовалась разминка, которая тут же выразилась в небольшой прогулке. Женька не спеша прошелся вдоль улицы, с интересом поглядывая на резные крылечки одинаковых домиков, и не заметил, как добрался до самого последнего, маленького и явно необитаемого. Развернувшись, Женька направился обратно, но тут же в смятении остановился. Там, где несколько минут назад стояла невзрачная иномарка господина Шварца, теперь сияла пустота. Женька прибавил шаг, надеясь, что ошибся, однако, чем ближе он подходил к месту недавней стоянки, тем отчетливее убеждался в очевидном. Машины не было. Домик, где якобы обитала неведомая Ксения, был на месте, соседние дома, деревья и всякие хозяйственные постройки — тоже, а машины не было. Доктор Шварц не мог бесшумно раствориться в пространстве вместе со своей громогласной

телегой, в том Женька не сомневался. На всякий случай он поднялся по ступенькам высокого крылечка и вежливо постучал. На звук выглянула бойкая старушонка, подозрительно рассмотрела гостя и ехидно поинтересовалась:

«Тебе кого тут?»

«Я прошу прощения, — затянул вежливый Женька, — не у вас ли проживает Ксения Шварц?»

Старуха ощутимо напряглась, припоминая, когда могла слышать про таинственную Ксению и помотала головой.

«Тебе кого тут?» — снова спросила она, а Женька снова испытал знакомый эффект де жа вю. На всякий случай он повторил свой вопрос, почти зная, что услышит в ответ. Интуиция его не обманула, и когда бабка в четвертый раз поинтересовалась предметом Женькиного интереса, он поспешил откланяться.

«Интересно, — думал он, медленно бредя по улице, — найдется ли в деревушке хоть один, кто сможет без затей отреагировать на обычные вопросы? И куда подевался Мартын?»

Обойдя несколько улиц и так и не отыскав пропажу, Женька пришел к выводу, что нетерпеливый доктор попросту забыл про своего попугайчика и уехал обратно в свои лебедя, оставив утомившуюся подружку поправлять здоровье и дальше.

Не найдя другого способа, привычный к долгим переходам Варвар, решил отправиться до города пешком, поскольку рассчитывать на возвращение за ним рассеянного доктора особо не приходилось. Женька выбрался на знакомую трассу, и не торопясь двинулся в сторону второй столицы, надеясь к полуночи добраться до цели. Дикие сейчас уже практически не встречались, их популяция снизилась до считанных единиц и опасности не несла. В этот раз удача отвернулась от несчастного скитальца и в его долгой дороге не встретилось ни одной попутки с сострадательными гражданами на борту. Доковыляв к ночи до стройных высоток цивилизации, Женька облегченно выдохнул, припоминая, в какой стороне располагался дом забывчивого Мартына. Долгая дорога измотала Женьку, и все приветственные фразы, и выражения, что приготовил он господину Шварцу в пути, рассеялись в единственном актуальном желании поскорее лечь спать. Привычно припаркованная возле подъезда иномарка рассеянного доктора отсутствовала, и в целом, ничего не напоминало об обитаемости квартиры доктора Шварца. Женька решил не испытывать судьбу и без затей уселся на широкие ступеньки крылечка в ожидании рассеянного хозяина.

Глава 38.

Мы неслись по пустым улицам больше часа, рискуя привлечь к себе закономерный интерес бойцов охраны. Соня, несмотря на свой хилый вид и мелкий рост, шустро перескакивала бордюры и пересекала перекрестки, волоча меня в ей одной ведомом направлении. Я легко мог бы отделаться от настырной девчонки, усадив ее в каком-нибудь кабинете опустевшей клиники, и заняться своими производственными обязанностями. Однако что-то подсказывало мне о необходимости подчиниться желаниям обычно отрешенного ребенка. Соня миновала последнюю парковую зону, отделяющую административную часть города от промышленных предприятий, и мы оказались на территории огромного завода, ныне пустующего. Ловко нырнув под высокие своды какого-то цеха, девчушка остановилась перед плотно закрытой дверью, вделанной прямо в стене производственного помещения и выжидательно уставилась на меня.

«Что, Соня?» — негромко произнес я, но мой голос, отразившись от стен, весело запрыгал по сбитому бетонному полу. Соня резко прыгнула в мою сторону и залепила тощей ладошкой мой рот, призывая молчать. Мне было откровенно непонятно, какую цель преследовала малышка, приглашая меня посетить заброшенные катакомбы, и я запоздало вспомнил слова Мартына о Сониных странностях и необходимости диагностики.

«Пойдем домой, милая, — снова прошептал я, наклоняясь к ее лицу, — нам нечего тут делать. Тут скучно и нет игрушек»

Мои слова вызвали на осунувшемся личике гримасу отвращения, и Соня вызывающе ткнула тонким пальчиком в закрытую дверь. Было непохоже, чтобы ей часто пользовались, насколько ржавыми выглядели петли, однако Соня продолжала настаивать на немедленном ее открытии. Я послушно потянул на себя тяжелую створку и неожиданно дверь поддалась, демонстрируя мне совершенно темный коридор с едва угадываемой лестницей. Соня бесстрашно шагнула внутрь, продолжая тянуть меня за собой. Я, устав от ее игр, резко подхватил ее в охапку и, захлопнув дверь обратно, развернулся к выходу.

«Достаточно, Соня! — строго сказал я, забывая добавить в интонацию мягкости, — идем домой, мне нужно работать!»

Девочка в одно мгновение вернула себе прежний отрешенный вид и безвольно повисла в моих руках. Я потратил весь световой день, отыскивая обратную дорогу, поскольку странная Соня перестала реагировать на действительность и впала в протрацию. Когда мне наконец, удалось добраться до квартиры доктора Шварца, на пороге меня ждал сюрприз в лице моего доброго приятеля. Женька, привалившись к порогу, сладко спал, свесив голову на скрещенные руки.

«Просыпайся, Женя», — негромко произнес я, вытягивая из кармана запасные ключи.

«Тихон? — неразборчиво проговорил Женька, взглядываясь в сумрак, — который час? Что ты тут делаешь?»

Возвращаться в чужое жилье решительно не хотелось, отсутствие Мартына и события в клинике наводили на разные размышления, однако у нас на руках висела Соня, в прямом и переносном смысле, и мне было неловко оставлять девочку на произвол судьбы.

«Не поверишь, Тихон, — прошептал мне Женька, когда безвольная Соня была уложена спать, — куда меня сегодня занесла нелегкая. Кстати, где Мартын?»

Женька в красках поведал мне удивительную историю прогулки до ближайшего поселения, затеянной неугомонным господином Шварцем. В рассказе Варвара не было бы ничего удивительного, учитывая безудержное стремление Мартына везде оказаться полезным, за исключением последнего эпизода. Мне показалось странным, что ответственный доктор проявил исключительную забывчивость в отношении гостя. Скорей всего, продуманный приятель ставил перед собой другую цель, о которой я только мог догадываться. Покинув утром клинику, я остался в полном неведении того, что на самом деле произошло в муниципальных стенах. Возвращение в сегодняшнее утро напомнило мне мое собственное приключение, и я вновь почувствовал в себе почти научный интерес.

«Как думаешь, Тихон, — привычно прочитав мои мысли, оживился Женька после моего краткого изложения событий, — что на самом деле скрывала собой та дверь? Не может быть, чтобы замороженная девица оттаяла только для того, чтобы сгонять через весь город к невнятной заброске. Есть у тебя какие-нибудь мысли по этому поводу?»

Женькин интерес подогрел мой собственный, и я решительно поднялся, забывая про поздний час.

«Собирайся, Женья, — произнес я прежде, чем во мне включился здравый смысл, — мне любопытно, почему Соня так настойчиво тянула меня в подвал?»

Наше путешествие по ночным улицам города 22 осложнялось полным незнанием местности, и мы то и дело забредали в переулки и подворотни, рискуя наткнуться на отряды охраны. Нам везло, на всем протяжении нашего пути по центральным улицам, только однажды до нас докатилось эхо переговоров, ведущихся в соседнем квартале. Женька ощутимо напрягся, прикидывая способы отступления, а я мысленно выругался, не видя в деятельности охранных отрядов практического смысла. Шум стих, открывая нам возможность двигаться дальше. Административные районы давно остались позади, сменившись бескрайними нагромождениями серых зданий, призванных изображать промышленные объекты. Все они были похожи один на другой, как братья-близнецы, и я совершенно не представлял, в каком именно решительная Соня отыскивала загадочную дверь.

«Может, ну его, Тихон, — расслышал я не в меру рассудительный голос своего Женьки, — девочка с левой резьбой, мало ли, что взбредет в ее нестабильную голову. Ты же не думаешь обшаривать тут все подряд?»

На это у меня не оставалось времени. На город 22 катился рассвет, и наше пребывание в промышленной зоне без особого на то разрешения могло обернуться для нас солидным штрафом. Нынче вместо денег, законодатели предлагали искупать грехи исправительными работами, а я не привык к чрезмерному физическому труду на чужое благо.

Оглядев всю прилегающую территорию, я неожиданно воткнулся взглядом в весьма внушительные очертания самого дальнего сооружения, возвышающегося над остальными широкими кирпичными трубами.

«Я нашел, — негромко оповестил я Женьку и услышал его обреченный вздох. — Женья, мне интересно. Если боишься, можешь подождать меня тут»

Женька никогда ничего не боялся, если дело касалось его одного. Однако, мое непосредственное участие в сомнительных мероприятиях всегда вызывало у него оправданную настороженность. В этот раз он пресек на корню свои воспитательные навыки и молча поволокся следом, невнятно ругаясь по дороге. Когда перед нами показались те

самые величественные своды старого цеха, я приободрился и ткнул пальцем в ту самую дверь, о которой так настойчиво рассказывал Женьке всю ночь.

«Что ты рассчитываешь там увидеть? — с сомнением пробурчал Женька, — каморку папы Карло?»

«Не знаю, — честно признался я, — может быть и ничего»

После чего распахнул дверь, открывая нашему вниманию лестницу, ведущую вниз.

«Тихон, — ввернул наблюдательный приятель, — дверь ржавая, но она не скрипит. Похоже ей часто пользуются. У тебя есть при себе нож?»

У меня при себе имелось куда более внушительное оружие, но Женька о нем даже не догадывался, и я коротко кивнул, приглашая заняться делом.

Лестница, несмотря на свой пожилой вид, была довольно крепкая и длинная. Мы спускались уже больше получаса, и мне стало казаться, что у подножия нас поджидают австралийские кенгуру. Наконец, через утомительно-долгое время мы уперлись в еще один вход. В этот раз он представлял собой обычное каменное перекрытие, отделяющее лестницу от широкого коридора, слабо освещенного редкими лампочками.

«Это военный бункер, — зашептал Женька, попутно знакомя меня с содержанием всех прочитанных им шпионских романов, — возможно, это секретные склады. Во всяком случае, нам это не интересно, и мы уходим, Тихон!»

Тут Женька круто ошибался. Интерес мой возрос в разы, и я смело направился дальше, рассматривая металлические двери, то тут, то там появляющиеся по обеим сторонам длинного коридора. Наконец мы вышли к единственной открытой двери, за которой я с изумлением обнаружил знакомые коробки. Точнее, коробка была там одна, но имела внушительные размеры, и она была включена. Я узнал гудение и потрескивание, издаваемое устройством, а также узнал искрящуюся жидкость, переливающуюся внутри всеми цветами радуги.

«Коробки для уничтожения тварей! — не сдержал научного восторга непосредственный Женька и знакомо вцепился в мою руку, — но ведь они все уничтожены. Я имею в виду тварей. Ну и коробки уже не актуальны, или нет?»

Помещение, где располагалось таинственное устройство было пустым. Никто не присматривал за гудящим сооружением, никто не гнал прочь посторонних, и это казалось непонятным.

В ответ на мои размышления в широком коридоре раздались уверенные шаги человека, видящего перед собой цель. Я едва успел вытолкать Женьку из тесного помещения и скрылся за распахнутой дверью. Укрытие было ненадежным, и любой, кто не поленился бы повернуть голову, мигом обнаружил бы тех самых шпионов, о которых с упоением вспоминал Женька всю последнюю неделю. Шаги приближались, и вскоре я сумел различить негромкие голоса, взволнованно обсуждающие научные проблемы.

«Увеличьте дозировку и обеспечьте бесперебойную работу устройств, — требовательно и сердито вещал один голос — установка не дает нужных результатов, и мы вынуждены пересмотреть ваши расчеты. Вы должны уяснить себе, что от результата этого эксперимента зависит многое! Если ваши фокусы выйдут из-под контроля, мало не покажется!»

«Вы сами знаете, что нам нужно. Препарат, блокирующий сознание, работает при непосредственном воздействии на объект, Мартын Мартынович, — тут же отозвался другой голос, а я ощутимо напрягся, услышав знакомое имя. — то, что мы внесли изменения в его работу, не гарантирует результат. Разработка не предусматривает массовое применение,

необходимы корректировки, а еще больше необходим тот гений, и если бы он согласился сотрудничать...»

«Делайте, то, что я говорю вам». — оборвал на полуслове коллегу нетерпеливый Мартын, и решительно захлопнул дверь, входя в лабораторию. Оставшись в пустом коридоре, мы с Женькой, не сговариваясь, рванули обратно к лестнице, понимая, что если попадемся, то задержимся здесь на неопределенное время.

«О чем они говорили? — едва справляясь с дыханием, бормотал Женька, перескакивая ступеньки, — над чем они работают?»

Мартын много раз упоминал мне о своей давней работе в секретной лаборатории и участии в разного рода опытах, но ни разу не рассказывал о своей сегодняшней деятельности. В нынешних условиях ученое сообщество было помешано на любых изучениях, которые тут же объявляло секретными. Однако некоторые фразы о блокировке сознания, вскользь оброненные коллегой Мартына, заставляли меня насторожиться. Я тоже однажды изобрел такой препарат, он тоже работал при непосредственном воздействии на объект и в массовом применении не употреблялся.

«Сейчас все над чем-то работают, — проговорил я, не отпуская от себя мысль о препарате, — если Мартын вернется сегодня домой, возможно он поделится наболевшим.»

Мартын и правда решил провести окончание рабочего дня в родных стенах. Однако горестями делиться не спешил, внимательно рассматривая Женьку, будто видя его впервые. Женькина злость на Мартына миновала, а сделанные ночью открытия и вовсе вогнали застенчивого Женьку в состояние ступора.

«Я приношу свои глубочайшие извинения, приятель, — наконец проговорил господин Шварц, — в том, что вынужден был оставить Вас вдали от цивилизации, однако неотложные дела не позволяли медлить ни секунды. Я рад, что вам удалось благополучно добраться до дома. Искренне рад»

В искренность слов Мартына я не верил, вероятно также, как и Женька, судя по скривившейся рожице, однако он решил не раздувать всемирной проблемы из уже завершившегося приключения.

«Всякое бывает», — миролюбиво протянул он, давая понять, что все прошло и в обсуждении не нуждается.

«Что с клиникой, Мартын?» — решил я поддержать нейтральную беседу, однако одно мое упоминание благотворительного заведения вернуло на сытую рожу приятеля озлобленно-озабоченное выражение. Кое-как справившись с эмоциями, он горько вздохнул и поведал щемящую историю про недофинансирование проекта, про полное оскудение науки и нехватку грамотных специалистов.

«Ты же понимаешь в медицине, Прохор? — снова озвучил он знакомую фразу, а я подумал о грядущем новом предложении. — на то, чтобы содержать такую прорву пациентов, необходимы знания и средства, а также желание. Ничего этого у ученого сообщества нет и в помине. Они работают на опережение. Иными словами, клинику прикрыли!»

«Из чего же ты собираешься строить семейный бюджет?» — невзначай поинтересовался я, впрочем, не слишком рассчитывая на Мартыновскую откровенность. Ее я и не дождался. Наш новый приятель вскользь упомянул шабашки и закрыл тему.

Ночью наша ночлежка была разбужена невероятной силы воплями. Спросонок я сразу вспомнил слоновьи стада, в панике перемещавшиеся по диким прериям, однако уже через

пару минут был вынужден пересмотреть выводы. Так визжали не слоны. Так визжала маленькая Соня, причудливо извиваясь на узенькой кровати. Мартын, подскочивший на пару минут раньше, растерянно наблюдал за Сониными кривляниями и боялся пошевелиться, ожидая моего решения.

«Что с ней?» — повторял он, оглядываясь в мою сторону. Я мало что мог объяснить, поскольку уже и думать забыл о наличии в моей жизни странной девочки. Очевидно, у нее все же был определенный диагноз, о котором рассеянная Настя забыла нам упомянуть. Внезапно Соня застыла в самой нелепой позе и обессиленно рухнула на постель. При этом ее визги прекратились, и подушки она достигла в состоянии глубокого сна. Мартын на этот раз не стал строго судить меня за невнимание к «дочери», вместо этого он резво закрутился по комнате, натягивая на разожравшуюся тушу зеленые медицинские доспехи. На его роже застыло испуганно-потерянное выражение, природу которого я затруднялся объяснить.

«Поедем со мной, Прохор! — уже на пороге заявил он, решившись на это приглашение в последний момент, — Женя может подождать нас здесь. Тем более девочке нужно наблюдение»

Я был склонен согласиться с влиятельным доктором и, кивнув Женьке, шагнул в сумрак подъезда. Я был уверен, что Мартын повезет меня в какую-нибудь клинику и притащит оттуда врача для Сони, однако, приятель гнал свою развалюху по пустым улицам, минуя все действующие лечебницы. Когда мы выскочили на проспект, я стал узнавать дорогу, а уже через пару километров понял, что за маршрут разработал Мартын.

«Поклянись мне, что ни одна живая душа не узнает об этом месте, — нехарактерно для себя пробормотал Мартын, тяжело выгружаясь из повозки, — у меня не остается выбора, приятель, и мне нужна твоя помощь!»

Я, разумеется дал десяток клятв, не упоминая о том, что пара живых душ уже знает о секретной лаборатории с неясными целями. Мартын уверенно потрусил в уже знакомый мне цех и распахнул ту самую дверь, о которой я впервые узнал от заполошной Сони. Пока мы спускались по бесконечной лестнице, Мартын скороговоркой поведал мне об очередной научной разработке, призванной оградить человечество от напасти.

«Научное сообщество опасается рецидивов, — непонятно бормотал он, скатываясь в недра заброшки, — перед нами стоит задача купировать возможные симптомы»

Я ни слова не понял из его речи, но вежливо покивал, терпеливо ожидая озвучивания моих собственных целей и задач пребывания в супер секретном месте. Как только мы достигли дна, нам навстречу выскочил взъерошенный не то лаборант, не то очередной профессор и заголосил:

«Мартын Мартынович, установка вышла из-под контроля, препарат...»

«Успокойтесь, — оборвал коллегу Мартын, — я привез вам специалиста, и он поможет нам остановить распространение повторных симптомов вируса «Г»

«Что? — не понял коллега, — какого вируса? Установка...»

«Того вируса, что обращает людей в тварей!» — со значением проговорил Мартын, а я едва сдержал смех. Недогадливый коллега наконец-то догнал и важно кивнул, с надеждой глянув в мою сторону.

Мартын вел меня знакомыми тропами, приближая к жужжащей коробке. Он перестал давать мне детские объяснения, полностью сосредоточась на предстоящей задаче.

«Профилактический препарат содержит формулу, воздействующую непосредственно на объект, — врал мне Мартын, до последнего цепляясь за свои секреты, — ты химик, Прохор,

помоги нам подкорректировать состав, чтобы его эффективность возросла при бесконтактном воздействии. Мы несколько десятков раз перекраивали эту формулу, однако видимого результата не достигли. Тот, кто разработал ее, был настоящим гением, однако его сейчас с нами нет, и мы просто не знаем, как изменить воздействие.

«Как вы поняли, что результатов не достигли?» — любопытно спросил я, протягивая время.

«Не все ли равно! — рявкнул Мартын, выходя из образа озабоченного проблемами мира добряка-доктора, — помогите нам, Прохор и не задавайте лишних вопросов!»

«Как же звали того гениального ученого?» — снова вклинился я в гневную отповедь. Я тоже относил себя к разряду гениев, и мне было обидно слышать о конкуренте.

«Вы издеваетесь, Прохор? — медленно протянул Мартын, — я позвал вас не для знакомства с легендами ученого мира. Просто помогите нам. Вы знаете, как менять дозировку?»

Я молча ждал, а Мартын, понимая, что попросту теряет время, недовольно бросил, желая поскорее отвязаться от меня:

«Создателя препарата звали Свиридов Иван Иванович, теперь вам полегчало? Вряд ли вы в своем подвале даже слышали про такого. Ну же, приступайте, если бы я знал, как это сделать, я не стал бы вам даже упоминать это светлое имя. Прохор, живет, время работает против нас. Установку никак нельзя останавливать, иначе беда неминуема»

«Хорошо, — согласился я, — давайте формулу.»

Мартын запустил программу на мониторе, и я с изумлением узнал в мелькающих цифрах записи своих собственных разработок. Подслушанные обрывки вчерашней беседы только подтверждались озвученной формулой. Хитрец Свиридов объявил себя автором всех моих разработок и создал себе последователей. Вот только беда была в том, что сказочный препарат вовсе не купировал неведомые симптомы, в чем так трогательно пытался убедить меня Мартын. Сторонники и последователи все еще тщились подчинить своей воле сознание выздоровевших граждан и применяли для этого те же методы, что были призваны служить благим целям.

Я послушно внес корректировки, исключив из состава действующие компоненты и приказал запустить обновленную версию. Мне не хотелось, чтобы мои ученые выкладки в корне изменили историю.

«Каков радиус действия вашей установки?» — на всякий случай поинтересовался я, понимая, что очень скоро Мартын выяснит степень оказанной мной помощи, и вряд ли наша стремительно возникающая дружба пройдет это испытание.

Мартын оставил без ответа мой интерес, напряженно вглядываясь в мелькающие показатели.

«Все выяснится уже утром, — будто обращаясь к самому себе, проговорил он, — если это не даст нужных результатов, придется пересмотреть формулу еще разок»

«Не даст, — хотелось сказать мне, — поскольку сейчас нечем воздействовать на сознание.»

Однако я молчал, пытаюсь осознать то, чему стал невольным свидетелем. Вести дальнейшие расспросы, выяснять, кто нынче стоит за всем этим, и какова итоговая цель этих недоэкспериментов, значило навлечь подозрения и подвергнуться вынужденной изоляции. Растерявшийся Мартын и так сказал мне достаточно, чтобы я в дальнейшем мог рассчитывать на повышенный интерес к собственной персоне со стороны каких-нибудь

спецслужб. Если сейчас, сыграв дурачка, я оставлю все, как есть, и выскочу сухим из воды, вряд ли у меня снова появится возможность беззвучно проникнуть в лабораторию. То, что исследования продолжатся, в том я не сомневался, как не сомневался и в том, что результаты эксперимента все же уже есть. Граждане, подвергшиеся воздействию, хоть и не стали выполнять чужие команды, но часть мозгов уже растеряли. В том я убедился, общаясь с жителями деревушки и со своими пациентами. Даже сам Мартын однажды испытал на себе волшебные свойства установки, теряясь в пространстве и времени.

«Я мог бы присматривать за установкой, — наудачу проговорил я, надеясь, что мой благородный порыв именно так и рассмотрится. — все равно клинику закрыли».

Мартын как-то странно посмотрел на меня и застыл в раздумьях. Монотонное гудение установки органично сливалось с видимым мозговым усилием моего научного друга, и я неожиданно подумал, что проницательный Мартын уже разгадал мой коварный план.

«Прохор, — доверительно проговорил он, и я понял, что поторопился в выводах, — я благодарен тебе за оказанную мне помощь, тогда, на побережье, и ценю твое участие. Я делаю все возможное, чтобы достойно оплатить тебе свой долг, однако то, что ты просишь... Это правительственное задание, и я не вправе вносить несанкционированные новшества и принимать решения.»

В словах приятеля звучало столько пафоса, что я невольно приосанился и, задрав вверх подбородок, понимающе кивнул. Что ж, мелькнула быстрая мысль, поищем другие способы остановить это безумие. Мартын проводил меня до двери и приказал под страхом смерти молчать о том, чему я стал свидетелем.

«Не подводи меня, — попросил он, подталкивая к выходу, — я рассчитываю на твою сознательность»

Моя сознательность нынче вопила мне как можно быстрее придумать способы уничтожения установки и своей собственной разработки. Я не знал, насколько далеко шагнули секретные опыты, и сколько организаций стоит за всем этим. Скорее всего, в одиночку мне не осилить столь масштабную задумку.

«Эй, Тихон...»- прозвучал за спиной знакомый голос. В шаге от меня стоял верный Женька и терпеливо дожидался моего появления.

«Ты что тут делаешь? — изумился я, уже заранее зная ответ. — и почему оставил Соню одну?»

Женька махнул рукой, не видя в последнем вопросе большой проблемы.

«Она спит, — равнодушно проговорил он, — а я пришел просто на всякий случай. У меня, знаешь ли, осталось не так много братьев...»

Я негромко рассмеялся чрезмерной Женькиной романтичности и сам того не замечая, поведал о секретной установке и целях, преследуемых безумными последователями безумного гения. Женька ничего не знал о судьбе господина Свиридова, как не знал о моем участии в этой самой судьбе, поэтому тут же засыпал меня вопросами, на которые я едва успевал отвечать.

«Твои разработки?! — взвизгнул Женька, узнав о моей только что завершившейся миссии, — когда ты успел, Тихон? Неужели во время работы в секретной лаборатории Свиридова?»

«Не совсем, — хмыкнул я и решил, что пришло время раскрыть Женьке все карты. — помнишь мою хижину на побережье? Наверняка помнишь. Я купил ее для того, чтобы испытать там свою созданную формулу по блокировке человеческого сознания. Мне нужно

было уединенное место и объект для исследований. Я встретил тебя и решил, что лучшего экземпляра не стоит и искать. Да, мой любезный, я использовал тебя в научных целях и даже был немного горд тем, что мой препарат получился и начал работать. Позже, я увидел в тебе друга, верного и надежного, но до этого опробовал на тебе свой препарат. Я забыл про него, иногда возвращаясь к своим записям, но больше никогда не применял его на практике. Свиридов, узнав о моих способностях в области медицины, решил завербовать меня в свою команду. Когда этого не случилось, он выкрал мои записи. К нему попали все те разработки, что не покидали меня в течение полувека. Легко разобравшись в их основах, Свиридов принялся экспериментировать. Он создал целый штат преданных сотрудников и решил использовать мои знания в корыстных целях. То, над чем работает сейчас Мартын и коллеги, призвано блокировать волю ничего не подозревающих граждан и научить их плясать под нужную дудку. Это отвратительно, Женя. Это отвратительно вдвойне, потому что я сам невольно приложил к этому руку. На самом деле, никто из сотрудников нынешней лаборатории не разобрался до конца в компонентах, и они были вынуждены пригласить на выручку стороннее лицо. Установка работает, Женя, но сейчас она безвредна. Я убрал из формулы активные ингредиенты. Однако очень скоро они поймут, что я мало чем помог им, и кто знает, как они поступят в этом случае.»

Женька слушал меня, открыв рот. Та часть моих откровений, где я поведал ему о его собственной роли в науке, осталась в стороне. Женька давно простил меня за мои фокусы, а вот нынешняя роль моего препарата вызвала в нем определенное беспокойство.

«Уничтожь его, Тихон! — прошептал он, — мир едва оправился от одной напасти, и не готов к новым испытаниям. Для чего они затеяли все это? Люди сошли с ума?»

«Еще нет, но к этому идет, — согласился я, — и первыми стали Свиридов и его сторонники. И ты прав, дружище, пора принимать меры.

Глава 39.

Мои решительные цели бодро пробуксовывали, снова столкнувшись с реальностью. Я взял с Женьки честное скаутское слово, что он ничем не выдаст Мартыну своей осведомленности, и пока мы добирались с ним до квартиры, он раздавал мне торжественные клятвы и обещания, попутно выдвигая самые нелепые идеи по спасению человеческого интеллекта. На пороге квартиры мы немного притормозили, прислушиваясь к внутреннему шуму. Соня привычно безмолвствовала, и мы, дружно выдохнув, шагнули в полумрак помещения.

«Что с ней было, Тихон? — прошептал Женька, — форма эпилепсии?»

«Не думаю, — как можно равнодушнее отозвался я, — но с уверенностью могу сказать, что Мартын именно по ее неадекватному поведению определил неисправность установки. Иначе, для чего он так рисковал бы, открывая мне «государственные» тайны? К слову, не думаю, что правительство сильно в курсе этих задумок.»

Мои рассуждения были прерваны новым Женькиным восклицанием, в этот раз

содержавшим только изысканные литературные обороты.

«Соня сбежала, — завершил он творческий пассаж и потянул меня в комнатушку, где обычно спала девочка. Ее кровать была аккуратно заправлена, а одежда, на ночь сложенная на стуле, категорически отсутствовала.

Этого не хватало, мелькнула мысль. Где нам искать эту ненормальную, учитывая ее особенности поведения? До самого утра мы проторчали с Женькой на кухне, и ни разу мой свободолюбивый друг не упомянул в длинном перечне озвученных вариантов решений идею побега. Мартын вернулся к утру, хмурый, нервный и злой. Я приготовился получать пряники и мысленно прощался с обретенной свободой, однако Мартын продолжал безмолвствовать. Женька, верный данному слову, отчаянно делал вид, что вообще не в курсе происходящего и только шумно вздыхал, сетуя на чрезмерную производственную нагрузку. Когда Мартыну надоело ломать комедию, он жестом предложил мне прогуляться, попросив Женьку ждать нашего возвращения дома. Исчезновение Сони никак не отозвалось в сострадательной душе доктора, и он только махнул рукой на озвученные новости. Мне подумалось, что Мартын давно уже понял, что Соня не имеет ко мне никакого родственного отношения, а может и вовсе забыл про это недоразумение, озадаченный собственными переживаниями.

«Прохор, — обратился он ко мне, едва мы оказались в парке, — ты вызываешь доверие, и надеюсь, что я не ошибся в выводах. То, что я сказал тебе там, в лаборатории, немного грешит против истины, однако тоже имеет весьма важное значение. Я хочу предложить тебе немного поработать у нас. Неофициально. Я проведу тебя как стороннего специалиста, не упоминая имени, но постараюсь выбить для тебя все возможные преференции.»

Я верил и не верил в собственную удачу. Такого легкого способа вновь попасть в стены лаборатории, я не озвучивал себе даже в качестве мечты, и поэтому, не раздумывая согласился, решив рассмотреть плюсы и минусы немного позже.

От прежней жизнерадостности Мартына остались невнятные отголоски, он продолжал хмуриться и выпадать в астрал, забывая про мое присутствие.

«В чем будут заключаться мои обязанности?» — вернул я его не грешную землю. Я не рискнул лезть с подробными вопросами о деятельности лаборатории в целом, поскольку и без них был хорошо осведомлен о многих нюансах. Мне нужно было максимально правдоподобно сыграть преданного фаната общего дела, чтобы не привлекать лишнего внимания. Мартын с готовностью озвучил несуществующие цели и задачи, пригласив меня примкнуть к рядам, после чего, наконец, перестав кривляться, рассказал о моей роли в предлагаемом фарсе. Мне вменялось наблюдать работу коробки и время от времени изменять состав формулы, увеличивая степень воздействия активных компонентов. Вероятно, ни Мартын, ни его соратники ни черта не смыслили в химии, поскольку мое ночное вмешательство уже должно было насторожить их всех.

«Есть одно условие, Прохор. — спустя паузу, озвучил Мартын, — установка работает непрерывно, а, соответственно, действие препаратов подвергается такому же неустанным контролю. Тот, кто был обязан следить за этим, не справился, и теперь ты заступаешь на его место. Не подведи меня, Прохор.»

С начала следующего дня моя деятельность была заключена в строгие рамки контроля за жужжащей коробкой. Мне было откровенно скучно поддерживать в рабочем состоянии дорогостоящее оборудование, впустую сотрясающее воздух. Я активизировал соединения, которые не несли ни вреда, ни пользы и с упоением разбазаривал чей-то бюджет. Иногда в мою голову забредали воспоминания о моем приятеле Иннокентии Шварце, в свое время

много средств тратившего на собственные развлечения и поддержание определенного статуса. Мне казалось удивительным, что у такого эгоистичного стяжателя вырос такой одержимый внук. Однажды я не выдержал и при очередном свидании с Мартыном поделился своим наблюдением.

«Мне кажется, — начал я очень нейтрально, — твой дед гордился бы таким увлеченным наукой потомком. Он наверняка тоже был гениальным ученым.»

«Он был пьяницей и убийцей, — без затей отозвался Мартын, вызвав у меня недоумение, — бабка рассказывала мне о его массовых попойках с такими же лодырями и алкашами. Правда, дед устраивал все таким образом, что эти оргии казались сказочно respectable и важными встречами. Но суть оставалась прежней — собрать побольше богачей, напоить всех до состояния невминоза и спеть пару-тройку разудалых песен. Отвратительно, на мой взгляд. Хорошо, что дед уже умер. А что касается его увлеченного наукой внука...»

Мартын замолчал и снова погрузился в раздумья.

Теперь, когда я почти безвылазно торчал в лаборатории, у меня появилась реальная возможность изучить принцип действия хитрой установки. То, что жужжало передо мной прямо сейчас, являлось связующим звеном между подобными устройствами, разбросанными по разным точкам. Именно поэтому Мартын так трепетно следил за исправным состоянием ведущей коробки. Иногда он отпускал меня домой и сам занимал мое место, неотрывно пялясь в светящееся окошко монитора. Я трудился во славу чьих-то амбиций целую неделю, тщательно заправляя коробку безвредным составом и привыкая к мысли, что возможно это и есть самый эффективный способ борьбы со злом. Я наивно рассчитывал, что, когда великие умы наконец-то поймут бесполезность своих затей, проект вынужденно приостановится и все будет хорошо. Так было до того дня, когда я прибыл к исполнению обязанностей раньше обычного и стал свидетелем любопытного диалога.

«Должен признаться, любезный Мартын Мартынович, — гудел из моей рабочей кельи чей-то незнакомый и надменный голос, — я крайне разочарован вашей деятельностью. Вы впустую провели полгода, внушая мне весьма феерические итоги эксперимента. Однако я не вижу даже сотой доли того, что вы обещали мне. Увы, я вынужден прибегнуть к крайним мерам, так как я, в отличие от вас, любезный, человек слова.»

«Но послушайте, — прозвучало в ответ неуверенно и тихо, — я пересмотрю формулу еще раз. Я убежден, что достаточно изменить дозировку...»

«Довольно, Мартын! — рявкнули в ответ, — вы говорили мне то же самое уже несколько раз и ни разу ваши обещания не совпали с реальными показателями. Что мне с того, что какой-нибудь дед Прокоп вместо того, чтобы привычно угрюмо пялится на односельчан, теперь радостно лыбиться, отвешивая поклоны?! Я ожидал не этого, Мартын. Разговор окончен, готовьте бумаги!»

В лаборатории что-то глухо шваркнулось на пол, и в ту же секунду дверь распахнулась, выпуская на волю маленького тщедушного типа, едва доросшего внушительному Мартыну до плеча. Следом за ним в коридоре показался красный и потный Мартын, делающий последнюю попытку убедить грозного начальника в прогрессивности затей. Тот, даже не обернувшись, решительно зашагал к лестнице, бросив на меня мимолетный, но очень угрожающий взгляд.

«Твои услуги больше не требуются, Прохор, — пробормотал потерянно мой приятель, неотрывно глядя вслед удаляющейся фигуре, — впрочем, мои тоже. Заказчик недоволен и

разозлен.»

«Кто он такой?» — с усмешкой поинтересовался я, так и не увидев в человечке грозного противника.

«Это человек Свиридова, — махнув рукой на конфиденциальность пробурчал Мартын, — его правая рука. И часть головы. Весьма могущественный и значимый бизнесмен и много кто еще. Он весьма далек от науки, однако от одного его слова зависит судьба не только этого проекта, но и любая другая судьба. Поверь мне, Прохор, он много чего умеет и может. Однажды он...»

Мартын снова замолчал, наверно подыскивая слова, наиболее точно передающие значимость неведомого сморчка. Слов не было, и Мартын решил перевести тему.

«Поехали, Прохор, — предложил он, — может быть, я еще успею.»

Мы выбрались на поверхность и бодро втиснулись в разваливающуюся Мартыновскую иномарку. Куда приятель решил отвезти меня в этот раз, я решил не уточнять, предвкушая сюрпризы. Машина резво неслась по проспектам и улочкам, Мартын хранил молчание, а я жалел о том, что нынешние условия не позволяли мне рассказать Женьке о моих изменившихся планах. Просто на всякий случай. Мы успешно миновали жилые кварталы и выкатились на трассу. Когда мимо пронесли покосившиеся сараи и железные крыши крохотных домишек, я наконец-то догадался, что Мартын везет меня в знакомое поселение, где отдыхает от праведных трудов его благоверная. Остановив иномарку у одного из домов, Мартын попросил меня ждать его в машине, а сам резво взлетел на высокое крыльцо. На пару минут он скрылся в сумраке низкого коридора, и тут же появился снова, растерянно озираясь по сторонам. Такое выражение я уже наблюдал сегодня утром, когда Мартын Мартынович выслушивал гневные тирады правой руки Свиридова.

«Что случилось?» — поинтересовался я, когда Мартын рухнул на сиденье и устался в лобовуху. Весь его вид говорил мне о полном отрешении от всего мирского и сущего, и немного настораживал.

«Негодяй... — неожиданно зло прошептал он, — сволочь... Прохор, садись за руль, иначе я просто разобью машину вдребезги»

Я послушно пересел на водительское кресло, все еще не решаясь уточнять детали. Мартын рассказал мне все сам, когда мы выехали на трассу, ведущую в город. Как выяснилось, его Ксюша не столько нуждалась в отдыхе, сколько испытывала острую необходимость на время исчезнуть с радаров. Всему причиной было ее мгновенное преобразование из миловидной женщины в дикую тварь. Сейчас, когда массовая истерия пошла на убыль, власти издали указ о полной и принудительной изоляции тех, кто имел неосторожность принять облик диких. Сейчас повторные случаи обращения фиксировались нечасто, за последний месяц их было зарегистрировано всего пару сотен раз, и ученый мир решил перестраховаться, а заодно еще раз изучить возможные побочные эффекты повторных обращений. Мартын, будучи врачом, прекрасно понимал, что подобная изоляция ничто иное как симбиоз обычной тюрьмы и псих лечебницы и отчаянно не желал для Ксении такой участи. Он спрятал супругу в провинции, тем более, что она сохранила за собой способность логически мыслить и контролировать свое поведение. Невнятный тип, на которого работал в то время несчастный Мартын, прознал о подпольных гешефтах и пригрозил Мартыну разоблачением. Тогда, насмерть перепугавшийся доктор рассказал ему о засекреченной Свиридовской разработке, о которой узнал случайно и которую хранил в строжайшей тайне. Тип, воодушевившись перспективами, принялся строить планы мирового господства не без

участия Мартына и хитрой установки. О которой ему тоже поведал все тот же Мартын. Тип вложился в проект и ждал результатов, но случилось то, что случилось, и теперь несчастная Ксения во власти беспринципного жадного стяжателя. Мартын едва сдерживал рвавшиеся наружу эмоции, проявляющиеся то в гневных непарламентских выражениях, то в бессильных слезах. Я терпеливо выслушал приятеля, и внезапно почувствовал, как по моим венам промелькнул знакомый огненный поток. Он исчез так же неожиданно, как и появился, оставив во мне странное чувство.

«Мы подумаем, что можно сделать, Мартын», — обнадеживающе пробормотал я, ощущая за собой знакомое чувство вины.

Глава 40.

Женька терпеливо ждал, когда, наконец, Тихон перейдет к той части своей ученой деятельности, где решится судьба его много значимого препарата. В то, что давнее изобретение может сыграть какую-то решающую роль в мировой истории, Женька верил не до конца, все еще видя в химических забавах брата несерьезные развлечения. Варвару казалось, что для того, чтобы совершить переворот в науке необходимо часами просиживать в какой-нибудь засекреченной лаборатории, рассматривать в сложных приборах изменения молекулярных структур и постоянно фиксировать увиденное в огромных тетрадах, рядами выстроенных в прозрачных стеллажах. Тот неоспоримый факт, что именно благодаря тем самым несерьезным развлечениям, он в компании того же Тихона второе столетие не может завершить свое земное существование, почему-то не убеждал Варвара в гениальности рассеянного брата. Тихон неизменно возвращался в квартиру Мартына, молча закидывал в глотку жуткое варево, именуемое ужином, и так же беззвучно отправлялся спать, чтобы на следующий день все повторилось с точностью до мгновения. Целую неделю Женька с тоской наблюдал за перемещениями Тихона, не решаясь вклиниться в упорядоченную систему, пока однажды отлаженная схема не рухнула самостоятельно. В один из дней с наступлением сумерек Тихон домой не вернулся, чем вызвал в эмоциональном Женьке волну паники. Прождав того до полуночи, Женька рискнул нарушить данное слово оставаться бесшумным и незаметным и покинул безопасные стены, отправившись на поиски дорогой пропажи. Его путь лежал через город к промышленной зоне, где с недавнего времени трудился Тихон. Женька, будучи не в курсе всех нюансов ученой деятельности, мог только предполагать, что конкретно делает его брат в секретной лаборатории. «Возможно, — думал Женька, пробираясь темными улицами, — именно в эту минуту коварная установка вместе с таинственным препаратом претерпевает необратимые изменения, и уже к утру мир будет избавлен от грозных экспериментов».

С трудом отыскав в ночной мгле знакомые очертания, Женька замер, не зная, что ему делать дальше. Тихон взял с него самое честное слово, что никто никогда не узнает о Женькиной осведомленности, что Женька ни при каких обстоятельствах не засветится в радиусе километра от секретных заброшек, и уж, разумеется, никогда не попытается еще раз проникнуть в таинственные коридоры. За этим перечнем ограничений Тихон скрывал свое беспокойство о Женькином благополучии, отчетливо предполагая, чем может закончиться такой интерес. Варвару не хотелось подводить брата, однако его собственная тревога не

позволяла оставаться в стороне. Женька некоторое время нерешительно переминался перед огромным цехом, взвешивая все «за» и «против», и в конце концов, пришел к выводу просто подождать до утра.

«Возможно в лаборатории возникли непредвиденные обстоятельства, не позволившие отлучиться вовремя», — уговаривал себя Женька, подыскивая надежное убежище. Ему на глаза попалось небольшое углубление в стене, когда-то, вероятно, игравшее роль склада или гаража, или бог знает, чего, но это углубление вполне позволяло скрыться от лишних глаз на некоторое время. Женька ловко втиснулся в проем и, усевшись на небольшой выступ, замер в ожидании. Чего конкретно он ожидал увидеть в заброшенном цеху, Варвар сказать не мог, однако продолжал пялиться на ржавую закрытую дверь, едва просматривающуюся в темноте. Полночь давно миновала, за ней в огромное помещение неторопливо просочился рассвет, а тайная дверь продолжала оставаться закрытой. Женька пошевелился, разминая конечности, и, оценив непродуктивность ожидания, неслышно приподнялся на ноги.

«Чертов быт! — невнятно пробормотал он, — как было удобно пользоваться обычными мобильниками, когда это необходимо!»

Женькины стенания были в чем-то оправданны. С началом грозной эпидемии все средства связи и коммуникаций тщательно контролировались соответствующими структурами и на частные переговоры был наложен строжайший запрет. Информационные браслеты последний год и вовсе выполняли эстетическую функцию, бесполезно болтаясь на запястье и транслируя в мозги только тщательно отфильтрованные государственные новости. Прошмыгнув на улицу, Женька настороженно огляделся, и совершенно бесшумно пересек прилегающий пустырь. Где ему искать его Тихона, оставалось открытым вопросом, ответов на который Варвар не знал. За период пребывания в образе твари Женька научился быстро и неслышно перемещаться по местности и сейчас воспользовался полезным умением. За считанные минуты он прошарил всю прилегающую территорию, в надежде отыскать хоть что-то, объясняющее отсутствие ученого брата. Со стороны пустырь казался абсолютно необитаемым, и, если бы не случайная экскурсия, Варвар даже и не подумал бы о близком расположении чего-то секретного и опасного. Потратив на бесцельные поиски полдня, Женька рванул обратно к Мартыну, в тайне надеясь увидеть Тихона в добром здравии. Ожидания не оправдались. Квартира была пуста, и не было похоже, чтобы там кто-то был последние пару часов. Совершенно растерявшись, Варвар медленно спустился к подъезду и присел на ступеньки. Тревога медленно перерастала в панику и грозила накрыть не в меру эмоционального бродягу с головой. Он слишком часто терял Тихона, чтобы согласиться потерять его еще раз. Из тягостных раздумий его выбросил увесистый пинок по ноге. Женька вскинул голову и с искренним изумлением уставился на тоненькую девчущку, в которой не с первого раза узнал сбежавшую Соню. Варвар давно перестал удивляться всему, чему становился свидетелем, поэтому просто приветливо улыбнулся нехарактерно оживленной барышне. Она, сохраняя упорное молчание, ухватила Женьку за рукав и решительно потянула к себе. Он послушно поднялся, ожидая конкретики. Соня настойчиво приглашала Женьку прогуляться.

«Ну что ж, пойдем проветримся, — нехотя согласился Варвар, засыпая на ходу, — действительно, что-то я засиделся»

Расспрашивать своенравную девчонку о ее длительных перемещениях и спонтанных побегах было бесполезно. Соня за неделю отсутствия не поменяла своих привычек хранить загадочность и таинственность в присутствии посторонних. Женька вяло тащился по пустым

улицам проснувшегося города и больше не задумывался об охранных отрядах, пропавшем Тихоне и своем собственном сомнительном присутствии вне спасительных стен Мартыновской квартиры. Изредка им навстречу появлялись прохожие, торопливо семенящие по тротуарам и придерживающие руками сопроводительные таблички. У Женьки такой таблички не было, и за это нарушение его могли закрыть на принудительные работы. Однако от переживаний и усталости Варвар совершенно перестал соображать и равнодушно поглядывал по сторонам, терпеливо ожидая окончания странной прогулки. Маршрут, выбранный Соней, был незнаком Варвару. Он тянулся вдоль домов, изредка пересекаемый пустынными перекрестками, и где находилась его конечная точка, было неясно. Полуденное солнце решило побить рекорды по мощности освещения и теперь плавало Женькины мозги, добавляя в его сонное состояние много заторможенности. Соня привела Женьку к оврагам, отдаленно напоминающих те, что они с Тихоном оставили в приморском городе с трехзначным обозначением. Они спустились по крутым склонам, прошли вдоль тальвега довольно длинное расстояние, и неожиданно нырнули в заросли кустов, оказавшись перед высокой, неизвестно откуда взявшейся бетонной стеной. Она казалась монолитной и длинной, потому что, чтобы обойти ее внушительные контуры потребовался почти час торопливого шага.

«Соня, я устал и хочу спать, — едва слышно пробормотал Женька, не особо рассчитывая на ответ, — пойдём домой, девочка. Ты задолбала своими загадками!»

Соня ожидаемо не ответила, продолжая тянуть своего спутника вдоль серого полотна. Наконец, она резко притормозила и решительно ткнула тоненькой ручкой в едва заметный проем, теряющийся на общем фоне. Женька, приглядевшись, различил обычную дверь, металлическую и плотно закрытую. Соня нетерпеливо дернула Женьку за рукав, призывая к активным действиям, и Женька послушно нажал на невидимую преграду. Дверь немного сопротивлялась усилиям, но все же приоткрылась, демонстрируя Женьке почти узнаваемую широкую железную лестницу, ведущую вниз. Не раздумывая ни секунды, Женька оттолкнул Соню, приказав ей возвращаться, а сам шагнул на первую ступеньку. В этот раз дорога до дна показалась ему еще длиннее той, что вела в секретную лабораторию со стороны промышленной зоны. Потратив на спуск рекордно долгое количество времени, Женька оказался в совершенно темном коридоре, прорытом прямо в земле и не имеющим прочных стен. Скорее, коридор был похож на нору гигантского крота или ежа, и выглядел настораживающе. Женька, пожалев об отсутствии фонарика, смело двинулся вперед, не видя еще перед собой итоговой цели. Вполне возможно, что нора приведет его в тупик, он заблудится в хитросплетениях ходов и сдохнет от нехватки кислорода. А возможно, пропел в голове возмущенный голосок, это дорога в засекреченную лабораторию, о которой знает только невероятная Соня. Женька полз по постепенно сужающемуся проходу, натываясь в крошечной темноте на неровные выступы и корни деревьев. Пока, наконец, не рухнул на колени, по причине резко снизившегося земляного свода. В какую-то секунду у Женьки мелькнула малодушная мысль повернуть обратно, пока он не застрял тут навечно, но в ту же минуту прямо перед ним мелькнул неясный огонек. Он ослепил Женьку своей внезапностью, и Варвар не сразу сообразил, что вылез в тот самый коридор, в самом конце которого располагалась тайная комната с не менее тайной жужжащей коробкой.

Коридор был пуст, но это безмолвие не могло обмануть наблюдательного Женьку. Теперь ему казалось, что со всех углов на него наведены камеры слежения и какие-нибудь еще сверх секретные приспособления, в мгновение вычисляющие появление шпиона.

Протиснувшись на вполне сносный бетонный пол, Женька осторожно поднялся и, понадеявшись на удачу, не спеша двинулся вперед. Двери, встречающиеся ему на пути, казались одинаковыми, и в какую из них необходимо было вломиться, чтобы спасти человечество, Женька не имел ни малейшего понятия. Наконец, коридор изменил свое прямое направление и открыл перед Женькой еще один коридор, резко завернув вправо. Это направление тонуло во мраке, но тоже имело двери.

«Идиот, — мысленно пробормотал Женька семейное заклинание, в этот раз имея ввиду самого себя, — какого черта я вообще подписался на эти походы, не зная ни цели, ни задачи? Тихона здесь может и не быть, а вот какая-нибудь охрана может появиться в любую минуту»

В ответ на эти разумные размышления за Женькиной спиной раздались торопливые, но весьма уверенные шаги, и на Женьку обрушилось что-то тяжелое, лишившее его связи с реальностью.

«Прости меня, Женя, — ворвался в сознание едва слышный взволнованный голос, — не рассчитал. Поднимайся дружище, не время сейчас»

Женька послушно пошевелился, открыл глаза и едва сдержал радостный возглас, потому что прямо над ним склонился грязный, лохматый, но живой и невредимый Тихон. Он же Прохор Степанович Моськин, ученый, предатель, убийца и любимый брат.

«Тише, Женя, — прошептал он, зажимая Женькин рот прохладной ладонью, — нас могут услышать и тогда миссию можно считать проваленной»

В чем заключалась цель миссии, Тихон решил не оповещать, вернувшись к прерванному занятию и оставляя Женьку приходить в себя. Из-за склоненной спины Тихона Женька сумел разглядеть некое приспособление, из недр которого торчали оборванные проводки, и слабо помаргивали лампочки. Тихон, вероятно, чинил какое-то устройство, устанавливая свой собственный рекорд, настолько быстро летали его тонкие пальцы над разобранным аппаратом. Бросив работу на полпути, Тихон решительно поднялся, и что-то пряча в карман, приказал Женьке пошевеливаться.

«Уходим, приятель, — пробормотал он, выскакивая в коридор. — нужно успеть, пока не вернулся дежурный лаборант и пока у охраны пересменка. У нас есть пара минут.»

Тихон собрался уводить Женьку старой дорогой, по которой ежедневно в течение недели бегал наблюдать за жужжащей коробкой. Однако едва сделав шаг к лестнице, Тихон замер, прислушиваясь к шагам сменившейся охраны.

«Опоздали, Женька! — с досадой выдохнул ученый, — я плохо знаю местные достопримечательности, поэтому не скажу, где нам спрятаться быстро и надежно!»

Женька не стал тратить драгоценное время на скучные подробности, молча потянув Тихона за собой. Он был невероятно горд принести брату хоть какую-нибудь пользу в деле выполнения загадочной миссии. Промчавшись вдоль темного коридора, Женька вильнул влево, увлекая Тихона следом, и с трудом отыскал тот самый тайный вход, ведущий в нору. Рослый и мускулистый Тихон едва протиснулся в узкий лаз, без вопросов следуя Женькиным инструкциям. Женька ловко прополз самый опасный участок тайного пути, молясь про себя, чтобы Тихон нашел в себе суперспособности стать мельче и подвижнее. Когда нора немного увеличилась в размерах, а Тихон смог даже встать на ноги, на Женьку обрушился град вопросов, на которые тот не всегда мог подобрать нужный ответ.

«Позже, Тихон, — бормотал он, переводя дыхание, — тут место не слишком располагает к долгим беседам»

Выбравшись к оврагам, Женька вытолкнул брата наружу и плотно закрыл за собой тайную дверь. Теперь со стороны казалось, что два невероятно грязных оборванца просто просочились сквозь бетонную стену. К счастью, к таким выводам приходиться было некому, склоны оврагов были пустыми, и не нашлось ни одного прохожего, кто мог бы засвидетельствовать это таинственное появление.

«Что за миссию мы выполняли, Тихон? — пробормотал Женька, начиная мечтать о горячем душе и теплой кровати, — надеюсь, все прошло успешно?»

Светский тон и оборванный вид Варвара вызвали у Тихона неконтролируемый ржач, помешавший ему по достоинству отблагодарить Женьку за невероятно своевременное появление в таинственных катакомбах. Вместе с истеричным смехом Тихона покидало то чудовищное напряжение, что держало его на протяжении последних трех дней. Проржавшись, Тихон крепко обнял Женьку, благодаря за все, и озвучил новую часть их неоконченной миссии.

«Мы не вернемся к Мартыну? — с явным разочарованием переспросил Женька, — но почему?»

«Не вернемся, Женя. И нам здорово повезет, если мы покинем этот город до заката нынешнего дня. Не будем терять время, мой друг!» — почти торжественно заявил Тихон.

Глава 41.

Озвучивая Женьке открывающиеся перспективы, я несколько не преувеличивал. Теперь я был крайне опасным попутчиком, и по-хорошему, моему Женьке стоило бы навсегда отречься от моего нестабильного общества. Я вмешался в дела значимых и влиятельных, и сделал это сознательно, полностью отдавая себе отчет о последствиях.

По дороге в город Мартын поведал мне о многих вещах, среди которых был рассказ о значимом сморчке, и его роли в мировой истории. Как выяснилось, сморчок, в миру Игнат Бражников, проникшись духом всемирного горя, профинансировал создание чудо установки, придуманной в одном из научных центров. Хитрый воротила присвоил все права и лицензии, милостиво разрешив ученым разработать и собрать прибор, помогающий воздействовать на организм любого существа на расстоянии. Благородные порывы Бражникова закончились после знакомства с одержимым Свиридовым. Тому тоже требовалось финансирование безумных проектов и разработок, и он весьма успешно убедил бизнесмена в их необходимости. Правда оставив за собой право воспользоваться тем самым хитрым препаратом, коварно стянутым у меня. Осведомленность моего толстого приятеля немного удивляла и настораживала, однако познакомить меня со своими информационными источниками Мартын не успел, поскольку возле въезда в город мы были остановлены дорожным патрулем. Я с видимым неудовольствием приготовился к процедуре знакомства и возможным штрафам в виде исправительных работ. Но ничего этого не случилось. Патруль,

минуя торжественные стадии приветствия, бесцеремонно вытолкнул Мартына из салона, и опрокинув на землю, невнятно зачитал полномочия. После чего увез господина Шварца в синие дали. Про меня грозные стражи порядка даже не вспомнили, и я воспользовался возможностями, покинув негостеприимный пост.

«Но что ты делал в лаборатории? — прервал мои занимательные истории нетерпеливый Женька, — и почему ты считаешь, что перешел сморчку дорогу? Ты же просто работал там, следил за установкой. Не твоя вина, что из их задумок ничего не вышло? Разве нет?»

«Да, Женя, так оно и было», — решил согласиться я, увлекая приятеля в сторону трассы. Нам было, действительно, необходимо скрыться подальше, пока господин Бражников не сложил два плюс два.

Наши бесцельные странствия теперь заиграли яркими красками и увидели цель. До южных гор нам было не добраться по многим причинам. Пешком преодолевать тысячи километров я готов не был, к тому же у меня снова появлялось незаконченное дело в значимом городе 22.

Вдоль трассы северного направления широко раскинулись густые заросли запущенных посадок. Сейчас, в условиях жестких проверок, контроля и коллективного помешательства никто не следил за зелеными насаждениями, и это играло нам на руку. Женька, почуяв свободу, ловко нырнул под густые ветки и принялся шарить по окрестностям, отыскивая нам ночлег. Последнее время я часто ловил себя на мысли, что некогда дикое обличье навсегда отвратило аккуратного Женьку от любых признаков цивилизации. Он весьма комфортно чувствовал себя в дикой природе, и в чем-то я его понимал. Выбрав себе наиболее удобное местечко, Женька растянулся прямо на земле и мечтательно проговорил:

«Представь себе, Тихон, что все это безумие однажды закончится. Наука направит себя в нужное русло, и всякие эксперименты будут приносить только пользу. Веришь ты в такие сюжеты?»

Я не был готов принять подобные сказочные идеи, поскольку прекрасно видел, на что нацелены нынешние разработки.

«Я уверен в этом», — сказал я и задумался. Женька взрослый и сильный мужик, способный выжить в самых критических условиях. Если я оставлю его в этих посадках, он некоторое время будет искать меня, разумеется, но, не отыскав, расстанется с этой мыслью и начнет новую жизнь. Он слишком праведен, чтобы пускаться в дикие авантюры. Я не в праве рисковать. Пожалуй, я так и сделаю. Придя к такому выводу, я потянулся и мгновенно провалился в крепкий здоровый сон.

Среди ночи я был разбужен невнятным шорохом, в котором различил отчетливо слышимые шаги. Подскочив с жесткого ложа, я, ломая зрение, уставился в темноту и сумел в ней различить едва заметную тень. Тень не вызывала опасений, а только мерно покачивалась, призывая составить ей компанию. Я шагнул навстречу ночному гостю и тут же расслышал знакомый голос.

«Ты неплохо справляешься, мой мальчик. Не отступай, Тихон, не будь идиотом. — в знакомой интонации я услышал своего старшего брата, и, понимая всю нелепость ситуации, все же уточнил:

«Как ты тут оказался, Филипп?»

И в то же мгновение из-под елок раздался сухой кашляющий смех кладбищенского деда.

«Это не Фил, разумеется, — проговорил он, тщательно копируя родной голос, — но ты прав, мое появление вызывает много вопросов. Я просто проходил мимо и решил заглянуть.

Ты делаешь слишком много движений и не видишь самого главного, Тихон. Если ты ошибешься сейчас, это станет твоей последней и самой непоправимой ошибкой, мой мальчик.»

Дед негромко усмехнулся, глядя в темноте на мое изумленное лицо, и снова засмеялся.

«О чем вы? — на всякий случай уточнил я, теряя нить повествования. — я же неплохо справляюсь, разве нет?»

Однако загадочный дед решил оставить свои ребусы без отгадки, вместо этого он крепко схватил меня за руку и повел обратно под елку, как маленького.

«Спи, Тихон, набирайся сил, — усмехнулся дед и, порывшись в кармане, вытянул из его недр сморщенный пучок нордствиллских наркоманских трав, от которых тут же за клубился белый дым. Мои глаза закрылись, и до рассвета я проспал без снов и видений.

«Доброе утро, Тихон, — услышал я с первыми лучами и тут же вспомнил о своем решении оградить Женьку от неприятностей. Я должен был сделать это незаметно, не вызывая лишних вопросов, и лучший способ я уже проспал.

«Что ж, — мелькнула мысль, — подожду до другого раза»

«Что мы намерены делать дальше? — активничал Женька, — твоя миссия в городе 22 выполнена?»

Она была выполнена частично. Когда я рискнул пробраться в лабораторию с целью изъятия собственной формулы, я наивно предполагал, что, выводя из строя дорогостоящее оборудование, я стопорю работу безумного проекта хотя бы на время. Однако при первом же вмешательстве в мудреный механизм, я понял, что коробка, исполняющая ведущую роль, не одна. Где-то на территории города существует идентичная лаборатория, в данную минуту исправно работающая, хоть и не в полную силу. Моя задумка значительно сместила нормы и графики, но не уничтожила ее деятельность. А значит, моя задача усложнилась в разы. Легально проникнуть за стены второй лаборатории шансов не было по многим причинам, первой из которых была моя полная неосведомленность о расположении близнеца. К тому же, мне было любопытно выяснить судьбу Мартына. Его недосказанная повесть о секретных разработках, случайно попавших в его уши, наводила на многие вопросы, ответы на которые мне хотелось бы получить.

Женька терпеливо ждал моего вердикта относительно грядущего дня, и мне ничего не оставалось делать, как озадачить его самым мирным поручением.

«Женя, раздобудь нам харчей, — попросил я, чувствуя в них настоятельную необходимость, — Мартын совсем избаловал нас своим гастрономическим вниманием, мы теряем навыки воровства»

Женька, не видя в моих словах подвоха, с готовностью поднялся, настрого приказав мне сидеть в посадках и никуда не отлучаться.

Спустя пару минут я получал сказочную возможность избавить Женьку от своего томительного присутствия и осуществить ночную затею без шума и скрипа. Как только Женькины шаги затихли, я поднялся с неудобной лежанки и торопливо двинулся в противоположную сторону, боясь передумать. Брат оставался в счастливом неведении моих настоящих планов, пусть и дальше считает, что я рассеянный негодяй, трусливо сбежавший от его сиятельной персоны. Мой путь лежал в сторону города, где я надеялся раздобыть нужную мне информацию. Сейчас я отчаянно жалел, что не вытряс из Мартына последнее, что могло бы мне подсказать о местонахождении еще одной шарашки. Я сомневался, чтобы прагматичный доктор не был осведомлен в этих вопросах. В городе царила все та же

пугающая тишина, разбавляемая завываниями внешних оповещений. Граждане предпочитали сидеть по домам, хотя в чем заключалась эта мера предосторожности, мне оставалось невдомек. Твари больше не тревожили своим присутствием мирное население, почти полностью исчезнув. Случайные обращения были скорее исключением, чем правилом, и тоже большой угрозы не несли. Однако город безмолвствовал, погребенный под лавиной проверок и контроля. Мне удалось добраться до административного района, когда я все же привлек к себе чье-то внимание.

«Парень, — расслышал я неуверенный голос, — послушай, ответь мне, как называется этот район города?»

Возле меня стоял какой-то дед, облаченный в серую рабочую робу. Его сморщенное лицо выражало полное недоумение, будто он только что попал на улицы города 22.

«Точное название я не скажу, не знаю, — отозвался я, — это административная территория, тут располагаются все значимые объекты. Куда вам надо попасть?»

Дед пошамкал губами, пробуя на вкус полученные данные, и снова забормотал.

«Чего ты мне только что сказал, а, парень? — с тревогой поинтересовался он, — я ничего не понял. Какой административный объект? Что это за зверь?»

Я мог бы списать странные вопросы на проявление старческого слабоумия, однако перед глазами тут же возникло толстое лицо моего недавнего приятеля, потерянно рассказывающее мне об украденном составе, блокирующем сознание. Выходит, если старик не придурится, установка продолжает вмешиваться в мозги граждан, превращая их в кашу, а значит, мои догадки справедливы и требуют вмешательства.

Мой случайный попутчик назвал мне адрес, о существовании которого я имел смутное представление, и попросил проводить его. Мы бодро двинулись вдоль улицы, отыскивая нужный дом, и за время нашего недолгого пути дед еще несколько раз уточнил у меня название района города. Когда наконец мы с ним достигли цели, дед радостно засмеялся и предложил мне составить ему компанию за обедом. Жрать я хотел сказочно, но мне было неловко вламываться в чужое жилище.

«Ну как знаешь, — разочарованно протянул мой новый знакомец, — у меня от голода всегда в голове мутиться. А под вечер гул какой-то раздастся, думаю, что помру скоро. Так ты точно не хочешь пожевать чего-нибудь? Мне тут на днях внучек консерву приволок. Говорит, де котес.»

«Что говорит? — переспросил я, — де котес?»

«Ага, — с готовностью отозвался старик, — де котес. Черт знает, что это такое. Кошачье мясо, видать.»

Внезапная мысль про консерву остановила меня, и я еще раз уточнил у древнего старикана.

«А где работает ваш внучок?»

«А черт его знает, — равнодушно махнул рукой пенсионер, — чегой-то все изучают. Наука какая-то. Хрен его поймет!»

Таинственный «де котес» вызвал у меня много вопросов. Чем-то подобным угощала нас Анастасия Алексеевна в недолгий период нашего проживания в ее хоромах. Разговорить старика не вызывало труда, поскольку одинокий дед с готовностью реагировал на любой произнесенный мной звук. Я, махнув рукой на приличия, напросился в гости с целью побольше разузнать об ученом внуке, и месте его работы.

Дед суетливо закивал и потрусил на второй этаж, по пути доставая из кармана

допотопные ключи. Со стороны не было похоже, что бы дед испытывал серьезные проблемы с головой, хоть время от времени он выпадал в астрал, интересуясь обыденными вещами.

«Внучек! — позвал он меня с кухни, — вот скажи мне, чегой-то это такое?»

В этот раз таинственным объектом оказалась доисторическая микроволновка, появившаяся в продаже лет сорок назад. Еще в тот период, когда настоящая натуральная еда доживала последние дни. Я запустил программу, греющую нам обед, и уселся напротив, приготовившись уточнить про внука.

«Да кто его поймет, — со вздохом пожаловался дед на ближайшего родственника, — вот раньше-то как было? Все дни письма подружкам писал, а нынче? Чуть свет, все в свою амбулаторию торопится»

Дед еще долго возмущался невнимательным внуком, подкладывая мне то самое консервированное мясо, являющееся деликатесом. Из неразборчивого дедова повествования я извлек единственный факт. Где-то в районе километра располагалась та самая «амбулатория», в которую стремился внук, успевая добраться из дома за десяток минут пешком.

Вероятно, это была обычная клиника, а может очередной научный центр, каких было множество. Я вежливо поблагодарил деда за угощение и плодотворную беседу и откланялся.

Вернувшись на жаркие улицы, я озадачился еще одной проблемой. Я не мог затеряться в толпе, по причине ее отсутствия, я не мог поинтересоваться у редких прохожих адресом, по той же причине, поэтому медленно побрел наугад, поглядывая по сторонам. Дед жил в спальном районе, окруженном со всех сторон типовыми многоэтажками, ни одна из которых даже близко не напоминала общественное учреждение. Наконец, спустя пару часов бесцельных поисков, я наткнулся на миловидную девушку, торопливо пересекающую дорогу.

«Прошу простить мою навязчивость, — принялся упражняться в красноречии откровенно задолбанный я, — не подскажете, где тут поблизости можно отыскать какую-нибудь лечебницу? Клинику? Что угодно, что имело бы отношение к медицине?»

«Что случилось? — тут же насторожилась она, — вы заболели?»

Болезнь в нынешних условиях было опасно для здоровья, и я, помня об этом, невнятно отговорился несуществующим дедом, выпадающим из реальности.

«И ваш тоже? — непонятно обрадовалась девушка. — я думала, что это только наша беда»

За короткое время я узнал, что девшкин дедушка время от времени демонстрирует чудеса неадекватности, принимаясь петь песни, приплясывать и хлопать в ладоши. При этом он вызывающе декламирует частушки и анекдоты весьма скабрёзного содержания. На мои уверения в обыденности явления, девушка возмущенно поведала, что в недалеком прошлом дед преподавал в мед колледже, а в свободное время посещал шахматный кружок.

«Вы не поймете, — убежденно говорила она, — потому что не были знакомы с ним. Еще год назад это был самый серьезный и вдумчивый человек. Что с ним случилось, никто не может понять. Обследования не выявляют никаких отклонений. Да он и не старый еще. В прошлом году ему исполнилось семьдесят лет.»

Я на мгновение представил своего старика-отца, выступающего с матерными частушками на семейных посиделках и неожиданно весело заржал, не удержав эмоции.

«Простите, — отсмеявшись, пробормотал я, — кое-что представил. Не обращайтесь внимания. А больше никто из ваших знакомых не жаловался на похожие симптомы?»

Девушка задумалась, перебирая в памяти возможные проявления, и наконец сообщила,

что не далее, как позавчера ее отец, сорокалетний здоровый лось, вылил в окно тарелку с обедом, после чего убрал невымытую посуду в одежный шкаф. И все время улыбался, не реагируя на внешние раздражители. Скоро это прошло, но очень напугало домочадцев.

«И нет, это не наследственное, — опередила собеседница мои предположения, — они с дедом не кровная родня. А что касается клиник, то до ближайшей нужно ехать в другой район города. Ближе ничего нет. Вот такое неудобное размещение.»

Поблагодарив отзывчивую гражданку, я еще немного побродил по окрестностям и в задумчивости присел на одну из скамеек. Жаркое летнее солнце скатывалось за верхушки многоэтажек, окутывая двор приятной прохладой. Невнятные воспоминания семейных вечеров окрепли, возвращая мне давно забытые подробности, я припомнил старину Фила с его нравоучениями, на смену которому тут же вклинился наркоманский дед.

«Если ты ошибешься сейчас, это станет твоей последней и самой непоправимой ошибкой, мой мальчик.» — прозвучал в голове его скрипучий голос. Я помотал головой, отгоняя видения и прислушался. Где-то неподалеку включилась какая-то станция, напомнившая мне древние насосные установки, снабжающие водой целые городские районы. Я послушал невнятное гудение, и внезапно расслышал среди монотонного гула легкое потрескивание. Мое повторное преображение оставило мне почти звериное чутье, тонкий слух, невероятную выносливость и умение спать на снегу. Последнее мастерство в данную минуту было неактуальным, а вот тонкий слух пригодился. Я напряг внимание и отчетливо проследил траекторию возникновения загадочного потрескивания. Таинственные звуки доносились из стоящей неподалеку трансформаторной будки, качественно обвешанной разными предупреждающими табличками. Я негромко хмыкнул, обнаружив источник и снова уселся на лавку.

«Обычная будка с электричеством, — пришла грустная мысль, — за такими мы в детстве играли в шпионов, утыкивая намагниченными стрелами металлические стены трансформатора»

При мысли о шпионах я снова грустно вздохнул и тут же подскочил, осененный новой идеей. Будка имела все признаки трансформатора, однако ее стены были выложены из старого раскрошенного временем красного кирпича. Я протиснулся ближе и услышал тот самый шум, что сопровождал работу ведущей коробки на промышленных заброшках. Нашарив в кармане свинченную с предыдущего устройства пластинку, я шмыгнул в сторону, присматриваясь к строению. Оно не имело дверей, окон, а в качестве вентиляции пользовалось узенькой металлической решеткой, прикрученной под самой крышей. Обойдя будку несколько раз, и убедившись в полной невозможности попасть внутрь, я принялся изучать окрестные территории. Вид бродящего без видимой цели взрослого обросшего мужика неизменно привлек бы стороннее внимание, и я решил разработать стратегию покорения засекреченного объекта. Пока я выстраивал стройные схемы, на улице совершенно стемнело, и вскоре должны были появиться патрули и группы охраны. Однако, вместо них мимо меня прошмыгнули две неясные тени, не заметив моего присутствия. Их появление не привлекло бы никакого внимания, если бы не обрывок разговора, услышанный мной.

«Сегодня заморыш грозился навестить, — едва слышно пробормотала первая тень, — если снова облажаемся, уволит.»

«Ага, — тут же отозвался коллега, — Дураков нашел, втирает про великие идеи, а сам мутит чего-то.»

Я, напрягая зрение, бесшумно скользнул следом, стараясь не выпускать из поля видимости тощие тени. Те миновали будку, направляясь в сторону соседнего дома. Возможно, они просто возвращались домой после рабочего дня, однако меня не покидала мысль, что это именно те, кто был мне нужен. Войдя в слабый ореол света, тени превратились в высоких худощавых парней, по виду чуть старше меня нынешнего. Оба они были одеты в невзрачные серые куртки и такие же неприметные штаны, однако из-под распахнутых воротников отчетливо просматривались ядовито-зеленые медицинские чехлы. Убедившись в правильности своих выводов, я тенью метнулся к дверям подъезда и притаился за распахнутой дверью. Сотрудники уверенно шагнули в полутемный холл парадного и скрылись во мраке. Я, не таясь, вошел следом, ориентируясь на звук удаляющихся шагов. Дорога привела меня к подвальной двери, за которой что-то крякало, булькало и шипело. Я приоткрыл тяжелую створку и на меня пахнуло теплым влажным запахом, какой бывает в питерских парадных. Выкрашенные в угрожающе зеленый цвет стены и широкие трубы, причудливо изогнутые вдоль стен, говорили о канализационном предназначении таинственной двери, но те двое проникли именно сюда, не оставив мне выбора. Протокнувшись сквозь тесное пространство, я очутился в совершенно непроглядном коридоре, узком и длинном. В отличие от той норы, через которую вел меня бесстрашный Женька, коридор имел бетонные стены и потолок, не вызывающий особой тревоги. Если сморчок Бражников попадает в святая святых к установкам этими же тропами, наша встреча неминуема, подумалось мне, и я решил отложить визит до более подходящего времени. Идея посетила меня немного не вовремя, поскольку в подъезде раздались уверенные шаги человека, направляющегося к тому самому канализационному отсеку. Спрятаться в нешироком пространстве мне было негде, однако я понадеялся на темноту и уверенность Бражникова в собственной безопасности. Вжавшись в стену, я проследил, как мимо просквозила невысокая тощая фигура, скрываясь в сумраке. Не желая дольше испытывать судьбу, я рванул к выходу, прикидывая, как незаметно и беззвучно выполнить свои смелые задумки.

Бражников проторчал на секретном объекте до самого рассвета. Я терпеливо контролировал его перемещения, сидя на скамейке с видом загулявшего прохожего. Пока я прожигал взглядом подъездную дверь, в моей голове возник план. Как только господин бизнесмен отправится решать свои финансовые вопросы, я под видом нового сотрудника просочусь на территорию и дальше стану действовать по обстоятельствам. План был сырой, нестыковки торчали из всех щелей, но ничего другого в мою голову не зашло. Решив придерживаться задуманного, я наконец-то увидел тощую вертлявую фигуру, важно и поделовому покидающую неприметный подъезд неприметного дома. Следом за ним на божий свет выползли знакомые мне фигуры сотрудников, и я посчитал, что лучшего времени для выполнения миссии придумать невозможно.

Пока я собирался с мыслями, к дверям подошла стройная девушка, облаченная в такой же невзрачный наряд, что и предыдущие фигуры, из чего я сделал вывод, что вижу перед собой новую сотрудницу. Так было даже лучше, мелькнула игривая мысль. С барышнями во все времена я легко находил общий язык и понадеялся, что и в этот раз осечки не произойдет. Приободрившись, я незаметно оглядел свои рваные и грязные доспехи. В сегодняшних реалиях такое убожество считалось даже преимуществом, и я решительно направился следом за сотрудницей. Она уверенно преодолевала все знакомые мне препятствия, и когда мы с ней добрались до неширокого коридора, я немного притормозил,

поскольку дальнейший путь был мне незнаком. В какой-то момент у меня мелькнуло желание познакомиться с барышней и скрасить свой путь до рабочего места, но я вовремя прервал идею кобеляжа, посчитав ее неуместной. Девушка шла, будто не замечая своего преследователя, не оглядываясь и не останавливаясь. Мои способности перемещаться быстро и бесшумно пригодились мне и в таких спорных условиях, и до заветной двери мы добрались без приключений. Пространство, где была установлена секретная коробка, значительно проигрывало в размерах промышленному, однако и тут было все создано по правилам и говорило о серьезности намерений. В помещении кроме меня и девушки не было ни души, чему я внутренне порадовался. Барышня, продолжая игнорировать мое очевидное присутствие, зажгла в камерке неяркий свет и наконец-то обернулась в мою сторону.

«Какого черта ты лезешь не в свое дело, Прохор?» — голосом Насти спросила девушка, и в мой живот уткнулось подобие длинноствольного пистолета. Я мало разобрался в огнестрельном оружии, но с уверенностью мог сказать, что прямо сейчас моя жизнь болталась на волоске.

«Однажды я позволила тебе исчезнуть из моей жизни, — непонятно проговорила Анастасия Алексеевна, продолжая держать меня на прицеле, — в другой раз я уговорила их оставить тебя в покое. Они послушались меня с условием, что больше никогда не услышат о тебе ни звука. Я пообещала, уверенная, что в тебе обнаружится хоть грамм здравого смысла. Однако ты продолжал активничать и неизменно рушил наши планы. Ты расправился с человеком, способным обеспечить тебя могуществом на долгие столетия, а сейчас ты...»

Настя замолчала и медленно опустила грозное оружие, словно сказанные слова лишили ее последних сил.

«Они это кто?» — тупо переспросил я совсем не то, что хотел.

«В нашу первую встречу, там, в моей казенной квартире, я очень неосторожно поведала тебе о своей деятельности и озвучила возможные последствия. То, что ты слышал, абсолютная правда. Свиридов ставил перед собой чудовищную цель, но он хотя бы знал, что он делает. Он был по-настоящему гениальным ученым. А Бражников пытается пожинать его лавры, не имея никакого представления о науке. Чего ты хочешь, Прохор? Ты не победишь эту армию. За Бражниковым стоят слишком серьезные люди, и, если они узнают, кто вмешался в их очередную затею...Прохор, я не смогу спасти тебя еще раз. Пожалуйста, уходи. Я не хочу, чтобы ты...Уходи, Прохор!»

«Твой гениальный Свиридов пользовался плодами чужого труда, Анастасия Алексеевна, — резче, чем планировал, произнес я, — а я только пытаюсь забрать то, что по праву считается моим. Я не знаю, что пообещали тебе эти самые они, кем бы они не были, но я доделаю все до конца. То, что запланировал. Не мешай мне, Настя. Я тебя не боюсь»

С этими словами я выдернул из гудящей коробки торчащие провода и поддел заднюю стенку хитрого устройства. Коробка вздрогнула, всхлипнула, и в комнате повисла зловещая тишина. У меня было не так много времени, к тому же я не был уверен в полном отсутствии другого персонала в данную минуту. Я не стал долго церемониться, с корнем вырвав из блестящих кишков серую пластинку. Именно на ее гладкой поверхности хранилась вся информация, однажды помещенная в установку. Не обращая внимания на гневные Настины вскрики, я тщательно примотал к внутренней стенке маленькую коробочку и отрегулировав настройки, решительно направился к двери. Я был уверен, что Настя не рискнет воспользоваться длинноствольным ружьем, если принимать во внимание ее недавнее выступление. Милая Настя в своей трогательной речи забыла упомянуть, что совсем недавно

сдала меня в очередной раз со всеми потрохами своим важным и значимым, и, если бы не мой тонкий слух, ей сейчас бы не пришлось так неумело и неискренне врать. Я несся по узкому коридору, то и дело ловя себя на мысли о совершенной недальновидности чрезмерно активной и деятельной гражданки. Когда передо мной показались неясные очертания двора, я нащупал в кармане кнопку и резко надавил. В первую минуту не произошло ничего особенного. Повсюду стояла та настороженная тишина, которая обычно предвещает какую-нибудь бурю. Бурю я не планировал, а вот качественный взрыв ожидал. И когда тихое летнее утро разорвалось сотней децибелов, я ловко опрокинулся на землю, сбитый с ног мощной взрывной волной.

Глава 42.

Слова Тихона о немедленном и безоговорочном исчезновении из города, родили в Женькином сердце обоснованную тревогу. Он не рискнул расспрашивать брата о причинах такого неудобного решения, однако по нахмуренному ученому лицу и без вопросов было понятно, что его неугомный Тихон снова вляпался в очередное приключение. Не обнаружив Тихона в посадках, Женька совершенно растерялся. Возвращаться в лебеда ему было категорически запрещено, а куда двигаться дальше, Варвар не знал. Поставив на землю только что утянутые из павильона коробки с провизией, Женька горестно вздохнул и примостился рядом.

«Ну чего ему не живется спокойно? — в сердцах думал Женька, по старой привычке вкрапляя в размышления непарламентские выражения, — на кой черт ему сдалось красть свои собственные расчеты? Вот уж непомерные амбиции!»

Женьке было откровенно страшно. Этот страх появлялся ниоткуда и был подкреплен невозможностью помочь Тихону. Просидев в зарослях до темноты, Женька принял решение вернуться в город. Что-то подсказывало ему, что ученый брат, наплевав на предосторожности, снова примется за свои фокусы.

Женька мог не опасаться лишнего внимания со стороны проверяющих и контролирующих структур. Его незамутненный вид просто вопил о его законопослушности и порядочности, несмотря на постоянные грабежи. Женька без труда преодолел часть пути, теперь уже сомневаясь в правильности выбранного решения. В городе ему делать было абсолютно нечего. Квартира, так любезно предоставленная им Мартыном, сейчас была неактуальна, по причине отсутствия хозяина, а где еще отыскать себе пристанище, не привлекая внимания, Женька не знал. Он очень устал от тревог и волнений, и в какой-то момент в его душу закралась робкая мысль послать Тихона к черту и заняться решением своих собственных проблем. «Чего я ношусь с ним, как курица с яйцом?» — прибилося очередное понимание, и мысли Женьки понеслись по кругу.

За ночь Женька умудрился добрести почти до того места, откуда, собственно и началось их с Тихоном приключение. Миновав заброшенные здания промышленных предприятий, Варвар вышел на окраину какого-то спального района, только-только готовившегося к новому дню. Женька без любопытства наблюдал за редкими прохожими, озабоченно мелькающими вдоль стен и крепко прижимающими к груди обязательные таблички. Внезапно уютную тишину летнего утра разорвал потрясающей силы взрыв, заставивший Женьку подпрыгнуть на месте. И тут же как по команде из всех подъездов посыпались

взволнованные граждане, озвучивающие один и тот же вопрос «Что произошло?»

Какой-то мужик, выскочивший во двор в одних трусах, с криками метался по двору, голося что-то о всемирном заговоре и нашествии диких тварей. Его заполошный вопль был легко подхвачен остальными, и уже через десяток минут окрестности напоминали территорию военных маневров. Ухватистые граждане тут же натаскали откуда-то разного барахла и принялись создавать на улице оградительные сооружения, видимо призванные защитить город от нашествия диких. Женька, повинаясь общему настроению тоже что-то таскал, укладывал и передавал, активно имитируя вселенскую озабоченность. Когда за полчаса городские дворы украсились внушительными кучами мусора, откуда-то издалека слышались предупреждающие сирены, разбавленные невнятными распоряжениями. Прибывшие к театру военных действий brave бойцы охраны, охладив воинствующий пыл местных граждан, рассказав о взорвавшемся неподалеку трансформаторе. Граждане разочарованно повздыхали и медленно разбрелись по домам, время от времени выкрикивая агитационные речевки и что-то бормоча себе под нос. Спустя час Женька остался во дворе в одиночестве, все еще не придумав себе дальнейший маршрут. Теперь, когда патриотический дух немного угас, а в город вернулась привычная сонная тишина, Женька даже жалел, что причина паники оказалась такой банальной.

«Скучаем?» — услышал Женька вежливый голос и быстро развернулся на звук. Владелец вежливого голоса подкрался совершенно беззвучно, и, если бы не его вполне материальное обличие, Женька наверняка бы подумал о мистической составляющей неожиданной встречи.

«Нет, мне не скучно», — нейтрально отозвался Женька и почувствовал тревогу. Так просто мало кто решался заводить разговоры на улицах, видя во всем подвох и провокацию. Незнакомец понимающе кивнул и решил продолжить беседу.

«Я мог бы немного развеять ваше одиночество и рассказать одну занимательную историю. Она наверняка должна вам понравиться. Впрочем, я по вашим глазам вижу, что в историях вы не нуждаетесь. Может пройдемся немного?»

Женька всегда недолго любил подобного рода знакомства, а уж манера ведения диалогов и вовсе выбешивала неприятельного Варвара. Однако отголоски воспитания еще напоминали о себе и требовали поддержать навязанный разговор.

«Я немного занят и не расположен к долгим прогулкам. И ни к каким не расположен. Прощу меня извинить», — как можно доходчивее проговорил Женька, с неудовольствием наблюдая, как скривилось лицо его нечаянного собеседника. Тот только усмехнулся, явно не поверив в Женькину чрезмерную занятость и, бесцеремонно ухватив совершенно обалдевшего Варвара под руку, решительно потащил к стоящей неподалеку неприметной серенькой машине.

«Прощу вас, не упрямитесь, — необычайно дружелюбно протянул тип, — все равно ваше согласие или несогласие не сыграет большой роли.»

«Где не сыграет?» — ошутимо напрягся Женька. Ему все еще не хотелось затевать потасовки и привлекать внимания посторонних, однако он остановился и резко выдернул руку из дружеского захвата.

Тип невнятно засмеялся и ничего не ответил, ловко подтолкнув Женьку к распахнутой дверце. Тот не удержался на ногах, и тяжело рухнул на продавленное сиденье потрепанной легковушки. Тип протиснулся следом, и в ту же минуту машина резво рванула с места, унося своих пассажиров в неизвестном направлении.

«В чем дело? — развернулся Женька к своему похитителю, — куда вы меня везете? Кто вы такие?»

Однако все вопросы растворялись в душном воздухе, никак не отражаясь на поведении незнакомца. Тот продолжал неподвижно пялиться в окна, больше не демонстрируя чудеса воспитания и бесед не поддерживая. Машина везла их длинными улицами, и Женька никак не мог угадать направление. Город был ему незнаком, а все мелькающие мимо дома были похожи друг на друга как близнецы. Возле одного такого дома машина притормозила, тип ловко выскользнул наружу, жестом приглашая Женьку следовать за собой. Они вошли в обычный подъезд, выглядевший как миллионы других подъездов, поднялись на четвертый этаж и остановились возле одной из квартир. Женька один раз попытался вырваться из-под опеки и сбежать, однако, тип только крепче вцепился ему в руку и коротко бросил:

«Не начинайте даже. Хуже будет!»

Квартира, в которую привел Женьку загадочный тип, тоже была обычной, маленькой однокомнатной клетушкой, скромно обставленной допотопной мебелью. Тип подтолкнул своего гостя к одному из вытертых кресел и отчетливо проговорил, обращаясь в пустоту:

«Присмотри за ним, дорогая. Но в этот раз, чтобы без фокусов. Не подведи нас!»

После чего тип решительно покинул территорию квартиры, показательно провернув в замочной скважине огромный блестящий ключ. Женька потерянно заозирался, рассчитывая обнаружить своего охранника в виде какого-нибудь мудреного устройства слежения, или огромной натренированной теткой, подрабатывающей сторожем, или на самый крайний случай, Женька был готов увидеть породистую собаку-убийцу. Но не увидел ничего из ожидаемого. Вместо всего этого перед ним стояла его недавняя знакомая, тощая малышка Соня.

«Соня?! — не сдержал эмоций потрясенный Женька, — что ты тут делаешь? И что это за место? Кто этот странный дядя, который привел меня сюда? Соня, ты умеешь говорить?»

Соня говорить, видимо, не умела, зато умела кое-что другое. Она шагнула к своему пленнику и, ловко развернувшись, всадила тому в плечо что-то острое и болючее. Женька тупо моргнул, его дыхание участилось, и он тяжело рухнул на пол, бесполезно взмахивая руками.

Сон, в который погрузила Женьку маленькая стервозная Соня, длился недолго, а когда закончился, то напомнил о себе только состоянием тяжелого похмелья и общим нежеланием совершать какие-либо движения.

Соня сидела напротив и знакомо отрешенно пялилась на скрюченную тушку своего подопечного. На ее лице не читалось не единой эмоции, а любая попытка Женьки разговорить суровую стражницу рассыпалась в пыль.

«Кто ты такая?» — в который раз спрашивал Женька и в который раз ответом служило равнодушное молчание.

«Ну и черт с тобой! — однажды отреагировал нетактичный Женька, устав демонстрировать дружелюбие, — вот дядя Прохор наверняка смог бы вызвать тебя на разговор. Хотя, нет. У него тоже ничего не получилось!»

Соня, без эмоций выслушивающая Женькины монологи, неожиданно вскочила на ноги и упрямо затрясла головой. При этом из ее широко распахнутых глаз покатались самые настоящие слезы, оставляя на худеньких щеках неровные дорожки.

«Ты чего? — испугался Женька, — что тебя обидело? Ну, прости, если что не так. Я отвык болтать с маленькими девочками, поэтому еще раз прошу прощения за грубость.»

Соня успокоилась так же внезапно, и снова уселась на кресло. Больше Женька не рисковал вести беседы с эмоционально нестабильной барышней и молча пялился в стены, ожидая неизвестно чего. Соня рассеянно наблюдала за гостем, то и дело поглядывая в окно. Как только в комнату стали просачиваться поздние летние сумерки, она решительно поднялась и ухватив Женьку за руку, упрямо потащила к двери. Вероятно, в ее мозгах снова наметились перемены, и Сонечке требовалась немедленная активность.

«Тип очень рисковал, назначая девочку моим охранником», — думал Женька, торопливо спускаясь по темной лестнице следом за Соней. Девочка вытянула его во двор и, не обращая внимания на вездесущих соседок-сплетниц, отважно выползших к скамейкам, потащила к перекрестку. Когда они миновали пару кварталов, Женька почувствовал необходимость отвязаться, наконец, от своей сопровождающей.

«Спасибо, девочка, что выпустила меня из этой квартиры. Хотя я бы наверно тоже смог это сделать и без твоего вмешательства. Но все равно, спасибо. У меня остались еще кое-какие дела в этом городе», — уверенно объявил Женька и глубоко вздохнул, вспомнив своего Тихона. Соня, внимательно слушающая Женькины откровения, на его последней фразе вдруг снова схватила его руку, и, мотнув головой, продолжила странную прогулку.

Они прошли довольно длительное расстояние, когда за их спиной раздалось недовольное:

«А ну, стой! Кто разрешил тебе сбегать, несносная девчонка!»

Соня резко дернулась, все еще не выпуская Женьку из цепкого захвата и смело обернулась на звук. Перед ними в паре метров стоял все тот же тип, только в нем больше не наблюдалось того навязчивого дружелюбия, что так выбесило Женьку в их первую встречу. Сейчас в его голосе сквозило презрительное недовольство человека, разочарованного неудавшимся незначительным дельцем.

«Возвращайся домой, Софья! А своего подопечного заведи с собой, да не выпускай его!» — тип озвучивал приказы и задания, от содержания которых в Женькиной голове взрывались фейерверки неадекватности. Соня настороженно прислушивалась к грозному типу и только качала головой.

«Я приказываю тебе, девочка,» — наигранно мягко повторил тип и неожиданно вытянулся в струну. Его голос сорвался на полувзвук, его глаза знакомо помутнели, а сам он размеренно закачался из стороны в сторону. Соня, понаблюдав за внезапными переменами, круто развернулась и рысью помчалась дальше, уводя за собой недавнего заключенного. Пробежав полгорода, удачно минуя посты охраны, Соня и Женька оказались у знакомых оврагов, куда всезнающая Соня однажды привела Женьку спасать Тихона. От всего происходящего у Женьки кружилась голова и отваливались ноги.

«Соня, если я прямо сейчас не сделаю привал, я сдохну, — поделился сокровенным Женька, а Соня решительно замотала головой. — я теряюсь от всех этих игр и событий, девочка. Мне бесконечно далеки всякие таинственные заговоры и интриги. Я не желаю власти, денег и славы. Единственное, чего хочу я прямо сейчас, это снова увидеть своего Тихона, и по возможности больше никогда не отпускать его. Он слишком туп и недалек и может попасть в беду, если я не буду где-нибудь поблизости. Но, как я понимаю, при всех своих многогранных способностях, ты не сможешь проделать этот фокус, девочка. В том вся беда»

Соня со всем вниманием прослушала отчаянную речь, покачала головой и снова поволокла Женьку по склонам. Овраги казались Женьке бесконечными, цель перемещения

— неясной, а Соня вызывала у Варвара единственное желание — привязать настырную девчонку к ближайшему кусту и мчаться вперед, по возможности не оглядываясь. Наконец, Соня притормозила возле густого разросшегося куста и победно обернулась на совершенно обалдевшего попутчика.

«Что, Соня? — пробормотал он, предвкушая долгожданный отдых, — привал?»

Соня помотала головой и приподняла тяжелые ветки. Там, под этими ветками безмятежно спал неугомонный Тихон, совершенно не реагируя на оказанное ему особое внимание. Соня метнулась к Женьке и приложила к его приоткрывшемуся рту тощую грязную ладошку, призывая к молчанию. Женька послушно кивнул и рухнул рядом, тут же проваливаясь в глубокий сон.

«Соня не совсем обычная барышня, — рассказывал Тихон Женьке на следующее утро, немало порадовавшись его внезапному появлению, — она, если можно так сказать, продукт очередных безумных опытов. Когда одержимая Настя поддалась уговорам господина Свиридова и встала под его знамена, ученый доверительно поведал ей о своей новой разработке, над которой, якобы, работал несколько лет. Настя, будучи слишком впечатлительной натурой, свято верила всему, что изрекал гений. Она даже согласилась достать для него первоисточник всего сущего и научного, то есть меня. Однако, к счастью, она вовремя сообразила, что за благородными порывами объединить научные усилия господин Свиридов скрывает обычную зависть и желание избавиться от конкурента. Вместо этого, она сложила на алтарь науки своего единственного ребенка, позволив Свиридову провести пробный эксперимент с моим препаратом. Негодяй не учел особенностей девочки и вместо послушной куклы получил весьма своенравную особу с рядом способностей. Сонины заторможенность и отсутствие вербальных навыков это единственное, чего добился Свиридов от своих опытов. Однако он не желал мириться с неудачами и продолжил исследования. В какой-то момент он успешно совместил Сонины способности и подчинение ее заторможенного сознания чужой воле. Кто увидит в слабенькой девчушке угрозу? Никто. Негодяй никак не мог придумать, как использовать навыки в корыстных целях, пока Анастасия Алексеевна не проявила чудеса милосердия и не приютила у себя двух оборванцев. Тут-то Сонины способности и пригодились. Правда господин Свиридов уже не мог оценить результаты своих трудов. Но у него оставались его продолжатели. Соня могла бы удерживать двух идиотов до того благоприятного времени, пока один из них не понадобится для чего-то более важного и значимого, чем обычное сотрудничество. Однако мое неискоренимое обаяние не позволило милой девчушке скатиться в бездну совершенного зла, и она, отчаянно делая вид, что выполняет особое задания, попросту валяла дурака, играя со всеми одновременно. Ее отец до последнего надеялся на ее помощь, видя в ней силу. Но он просчитался, разумеется. Соня никогда не любила его.»

«Отец? — искренно изумился Женька, — Свиридов был ее отцом?»

«Нет, разумеется, — весело засмеялся Тихон, — не Свиридов. Ее отец господин Бражников, тот самый бизнесмен и человек, который все может и умеет. К слову, ты когда-нибудь думал о том, что правильный и рассудительный Мартын так легко относился к Сониным перемещениям и исчезновениям? Нет? Ну, тут все просто. Хитрец Мартын был и курсе всей этой затеи с установками и экспериментами. Так же он знал и о существовании Сони.»

«Был? Почему, был? Что с ним произошло, а, Тихон? И откуда ты знаешь про Соню и Настю? Кто рассказал тебе?»

Тихон весело рассмеялся и бодро поднялся на ноги, приготовившись к новому дню и оставляя бесконечные Женькины вопросы без внимания.

«Пойдем, Женька. Зло приостановлено. Я больше не собираюсь повторять собственные ошибки, какими бы они не были. Возможно, теперь нам с тобой все же удастся добраться до южных гор. А что касается Мартына и его коллег, думаю, их не до конца законная деятельность еще себя проявит. Во всяком случае, я очень на это надеюсь!»

Глава 43.

По обеим сторонам неширокой асфальтированной трассы тянулось бескрайнее поле, кое-где поросшее редкими чахлыми кустиками. Когда-то эта пустынная дорога привела бы нас с моим верным спутником в гостеприимные Астраханские степи, украшенные нечастыми поселениями. В нынешней реальности степи названия не имели, как не имело цели и наше бесконечное путешествие. Изрядно наследив в важном городе 22, я был вынужден сократить до минимума свое пребывание там, и поэтому уже третьи сутки бездумно шлепал по раскрошившемуся асфальту в компании своего неизменного приятеля. Время от времени мимо нас проползали указатели, оповещающие, что где-то рядом прячутся невнятные деревушки, имеющие пятизначное обозначение. В мои планы не входило останавливаться ни в одной из них, поскольку я ставил задачу оказаться как можно дальше от лебедей, господина Бражникова и его околонучных преступных опытов, ставших основной причиной наших утомительных прогулок. Когда мы добрались до очередного указателя, информирующего, что до 5463 поселения остается пять километров, Женька умоляюще поглядел в мою сторону и предложил приобщиться к цивилизации.

«Я с ног валюсь, Тихон,» — неразборчиво пробормотал он, и, подтверждая собственные слова, тяжело опустился на землю, приваливаясь к указателю.

Трое суток непрерывной ходьбы кого угодно свалят, мелькнула запоздалая мысль, и я с готовностью согласился навестить 5463.

Цивилизация, к которой мы так настойчиво стремились, в поселении отсутствовала, поскольку сразу же от порога нас встретили изрытые ухабы и пара-тройка низеньких домиков с резными потемневшими ставнями. Побродив по окрестностям и не найдя ничего, что хоть как-то бы напомнило нам о гостинице или каком-нибудь постоялом дворе, Женька несмело предложил напроситься на ночлег к местным жителям. Мне отчаянно не хотелось обнаруживать свое пребывание, и когда вместо гостиницы, неугомонный Женька отыскал нам невнятную заброшку, я с радостью принял его выбор. Когда-то строение выполняло роль не то магазина, не то школы, судя по его внушительным размерам, но нынче это было просто обветшавшие стены, с кое-где обвалившейся штукатуркой и полное отсутствие пола. Стараниями все того же Варвара очень скоро полуразрушенный сарай приобрел весьма обитаемый вид. Женька натаскал откуда-то досок, обрывков пленки и обломков кирпичей и соорудил из всего этого некое подобие лежанки.

«Прошу, Тихон! — торжественно провозгласил он, приглашая меня испытать спальное место, — пользуйся, это все, что мне удалось придумать»

На самом деле, получилось у него довольно неплохо, и при определенных обстоятельствах мы могли бы остаться в этих катакомбах подольше. Тем более, что поселение явно демонстрировало все признаки очередной заброшки. За все то время, пока мы с Женькой изучали местные достопримечательности, нам на глаза не попало никого, кто мог бы быть принят нами за местного жителя. И вообще никого не попало.

«Кто ж будет жить в такой глуши? — справедливо озвучил Женька, растягиваясь на не струганных досках, — сюда даже дороги не ведут!»

В чем-то бродяга был прав. Глушь здесь была сказочная, и привыкнув к этой мысли, я

постепенно погрузился в сон. Половину ночи я бродил по живописным склонам южных гор и радовался наконец-то достигнутой цели, а во второй половине ночи в мои чудесные сны ворвались грубые звуки не то драки, не то разборок. С трудом разлепив веки, я напряженно прислушался к невнятному гулу, в котором отчетливо различил некоторые слова, а еще через минуту понял, что заброшенное поселение 5463 таковым не является.

«Женька, просыпайся, — прошептал я, — кажется, тут кто-то есть»

Приятель с неудовольствием приподнялся на самодельной лежанке и недовольно пробормотал, спросонок зажевывая целые фразы.

«Тихон, тут некому навещать нас, спи, давай не будем привлекать внимание своим интересом»

То, что я принял за разборы, было всего лишь обычным разговором, однако, сколько бы я не прислушивался к содержанию чужой беседы, так не смог уловить ни слова. Говорившие были настроены решительно, это отражалось в их резкой интонации, и когда на пороге нашей временной обители скрипнули доски, встречая непрошенных визитеров, я уже был готов к этой встрече.

«Да говорю тебе, тут он,» — донесся до меня отчетливый голос, и в поле зрения оказался невзрачный тип, в темноте показавшийся мне перекаченной обезьяной.

На вежливые политесы времени не хватило, поскольку решительно настроенные гости, наконец разглядев обитателей заброшки, решительно скинули с лежанки моего приятеля, при этом довольно ощутимо пихнув его ногой.

«Полегче, дружище, — предостерег я, поднимаясь, — ты не у себя дома!»

«Ты тоже, приятель!» — грубо оборвал меня пришелец и моментально перешел к активным действиям. Он одним рывком выкинул легкого Женьку за пределы нашей ночлежки, и я обнаружил, что на улице нас поджидала целая банда, плохо различимая в темноте. Я сумел насчитать около десятка скучающих отморозков, решивших немного развлечься. По каким-то неуловимым признакам я догадался, что миром решить проблему не удастся и смело двинул самому ближайшему, расчищая себе дорогу. Женька к этому времени окончательно пришел в себя, тоже приготовившись продемонстрировать умения кулачного боя. Маргиналы, оценив наши задумки, тут же образовали круг, оцепив нас со всех сторон и самый главный, глумливо ухмыляясь, затянул: «Ты, мужик, не нарывайся, а то хуже будет! Ты на нашей территории, и мы вправе сейчас сделать с тобой все, что угодно, за то, что нарушил границы чужой собственности!» После чего почему-то толкнул Женьку, отбросив его в темноту. Мне были откровенно непонятны мотивы, вызвавшие столь необоснованную агрессию. Никто из нас двоих и не думал покушаться на местные развалины, но отморозки, видимо почували в наших действиях апофеоз неуважения и мгновенно перешли к решительным шагам. Я мог бы обойтись несколькими приемами восточных единоборств, приглушая патриотический дух ночной встречи, однако помимо воли почувствовал, как по моим венам льется знакомый огонь. Я невольно вскинул руку, направляя поток энергии на самого активного и, видимо, главного из шайки.

«Убирайтесь!» — проговорил я на удивление тихо. Банда застыла в недоумении, главарь неловко замер, попятился и с явным ужасом пробормотал:

«Ты чего, мужик? Эй, завязывай придуриваться!»

Я не придуривался, а главарь почему-то рывком разорвал тесный кружок и скрылся в темноте, оставляя приятелей самостоятельно принимать решения. Остальные в замешательстве топтались на месте, видно, передумав бороться за исторические пенаты.

Постепенно невнятная бригада рассеялась в сумерках, что-то негромко обсуждая между собой и напрочь потеряв к нам интерес.

«Что это было, Тихон?» — настороженно и испуганно проговорил Женька, когда последние шаги растворились в ночи.

«Это были местные маргиналы, со скуки решившие немного развеяться, — охотно пояснил я, — к тому же большинство из них были накачены какой-то дрянью, возможно поэтому, драки не получилось. Но, Женя, предлагаю дождаться утра и покинуть это негостеприимное место. Кто знает, насколько ранимы местные патриоты, и когда им в голову придет снова пободаться за разрушенное здание.»

Женька внимательно выслушал мой столь обстоятельный рассказ и помотал головой.

«Это я понял, Тихон, — кивнул он, не сводя с меня странных глаз, — я спрашиваю о другом. Почему они ушли? Ведь было понятно, что драки не миновать. Что такого ты сказал им, что они так быстро послушались тебя? И почему этот вожак так странно себя повел?»

«Тебя это обидело? — усмехнулся я, — ты хотел, чтобы они остались подольше?»

«Нет, конечно, — совершенно растерянно проговорил Женька, — просто, странно все это.»

Я не желал рассказывать Женьке секреты своего мастерства. Я многое скрывал от него, предпочитая оставаться в его глазах сдержанным скромным ученым, поэтому неопределенно отозвался, озвучивая первое, что пришло в голову:

«Они были обдолбаны дурью, Женя, кто скажет, что происходило в их мозгах под ее влиянием?»

Мое не слишком убедительное объяснение немного сбавило Женькин интерес, однако до конца не убедило. Он по-прежнему продолжал пялиться на меня, теперь больше не насыпая мне неловких вопросов. Само собой, ни о какой ночевке речи больше не велось, до рассвета мы просидели в своей заброске, настороженно прислушиваясь к внешним звукам. Скучающая банда исчезла и затаилась, вероятно, поджидая другого, более благоприятного момента для демонстрации намерений. Когда с первыми лучами зари мы осторожно выползли наружу, я с нескрываемым удивлением обнаружил первого обитателя деревушки. Точнее, обительницу. По грязной расквашенной улице нам навстречу шла неопределенных лет тетка, бодро размахивая хозяйственной котомкой. Очевидно, среди трех избушек где-то прятался торговый ларек с концентрированной дрянью. Достоверно узнать об этом возможности нам не представилось, поскольку жительница, не дойдя до нас пары десятков шагов, внезапно изогнулась, отбрасывая в сторону свою сумку и неуклюже рухнула в грязь, причудливо извиваясь. В ее движениях я отчетливо рассмотрел признаки эпилептического припадка и, не раздумывая, поспешил на помощь. В моей врачебной практике я не раз сталкивался с подобным недугом и сейчас уже выстраивал алгоритм оказания первой неотложной помощи. Наклонившись над пациенткой, я обхватил руками ее плечи, фиксируя положение, и вдруг она затихла, неожиданно погружаясь в крепкий здоровый сон. Подобная реакция вызывала много вопросов и опасений, но, проверив ее пульс и послушав дыхание, я понял, что моя помощь уже не нужна. Селянка мирно и крепко спала, развалившись на жидкой грязи. Женька крутился рядом, придерживаясь дипломатического молчания, однако его изумленная рожа и без озвучки транслировала все теснившиеся в голове вопросы. Мы вдвоем перенесли пациентку на более подходящую для сна поверхность, и на всякий случай, постучались в ближайший домишко. На наши настойчивые стуки в окне показалась полуиспуганная физиономия, и тут же скрылась из вида, чтобы через секунду возникнуть на

крыльце.

«Помогите ей, — попросил я незнакомку из избушки, — женщина сейчас спит, ей нужен покой. Возможно у нее есть кто-то кто позаботиться о ней?»

Односельчанка коротко кивнула, без особого интереса оглядывая спящую, пообещала сообщить ее мужику, который нынче дома не ночевал, а с друзьями накидывался химической дурью. Я подивился чрезмерной осведомленности незнакомки и, распрощавшись, подтолкнул Женьку на главную деревенскую дорогу.

«Пойдем, Женя, — пробормотал я, — здесь все будет хорошо и без нашего участия. А ее мужик, возможно, был одним из наших ночных гостей»

Упоминание ночных пьяных разборок вернуло на Женькину мордашу настороженное выражение, не покидающее его до самой окраины. Нам оставалось сделать всего несколько шагов, чтобы оказаться за пределами странного поселения, когда позади нас раздался уверенный окрик. Мы не успели обзавестись в поселении друзьями, поэтому не сомневались ни секунды, кого именно увидим сейчас перед собой. Ночная банда привычно окружила нас тесным кольцом, а самый главный, и самый трусливый, как показала практика, без предисловий двинул мне под дых, желая восстановить пошатнувшееся реноме. От подобной наглости в моих глазах потемнело, а под кожей заструилось пламя. Больше я не желал таиться и притворяться, пора было поставить завравшегося придурка на место. Я протянул вперед раскрытую ладонь и направил поток энергии на странно дернувшегo главаря, мешая ему завершить начатый маневр. Главарь изогнулся, вытягиваясь, и снова сломался пополам, демонстрируя своим подельникам чудеса гибкости. Те, вместо того, чтобы выручать своего атамана, почти с научным интересом наблюдали, как корежит во всех направлениях их могучего и ужасного лидера. Бессонная ночь, проведенная в напряжении ожидания, а также полуголодные несколько дней, посвященные спонтанному переходу, лишали меня возможности расправиться сразу со всеми желающими. Мои силы стремительно таяли, и даже если мой Женька решит помочь мне, оторвавшись от созерцания любопытного и завораживающего зрелища, нам все равно не одолеть наглую толпу. Внезапно, одного из подельников-бандитов отпустило, и он, ловко наклонившись, прицельно запустил мне в голову обломок кирпича. Огонь разом погас, и ожившая толпа наконец-то сообразила, чем ей нужно заняться. Следом за первым обломком ко мне прилетел еще один, лишая меня твердой опоры, потом еще один, потом я сбился со счета, проваливаясь в пустоту. В глазах замелькали черные тени, тело обожгло нестерпимой болью, а озверевшие маргиналы взяли реванш, расправляясь с моей податливой тушкой. На какой-то миг в мое угасающее сознание просочилась мысль о моей вечной жизни и непонятном сожалении, потом перед глазами все закружилось, заплясало бешеной серой стаей, и я понял, что умираю.

Глава 44.

«Я сделал все, как ты просил,» — нервно проговорил Тарас, обращаясь к тщедушному невысокому человеку, сидящему за массивным резным столом в просторном светлом кабинете Научного Центра. Человек никак не отреагировал на сообщение, и Тарас рискнул

приукрасить повествование красочными подробностями.

«Я шел за ним двести километров, не останавливаясь ни на минуту. Это не человек, это машина, не знающая усталости. Я едва успел догнать его в каком-то невзрачном поселке с четырехзначным обозначением. Я приложил все усилия, чтобы выполнить твою просьбу. И я выполнил ее, а сейчас хотел бы услышать твой ответ!» — закончил Тарас и уставился на сидящего в кресле.

Тот коротко кивнул на столь эмоциональное выступление и задумчиво произнес, будто бы обращаясь к самому себе.

«Сумка, Тарас. Где она?» — озвучил он единственный вопрос, и Тарас ошутимо напрягся под пронзительным взглядом тусклых серых глаз. Он не видел никакой сумки, к тому же перед Тарасом стояли совсем другие задачи. Да и к чему его грозному заказчику старое чужое барахло?

«Мне была нужна его старая сумка, Тарас, — более эмоционально проговорил хозяин светлого кабинета. — именно это я ставил целью твоей чудовищно опасной экспедиции. Теперь мне интересно, какую же именно задачу выполнил ты?»

Сейчас в голосе тщедушного человека отчетливо звучали стальные ноты, заставившие Тараса разбудить в себе мастерство убеждения и красноречия.

«Я избавился от него, Игнат, — повышая голос на пару тонов, произнес он, — он больше не будет мешаться тебе под ногами. Но хочу заметить, сделать это было весьма затруднительно. Он дьявол, Игнат, безжалостный и дикий. И если кто-нибудь мне скажет, что он был гениальным ученым или что-нибудь еще в этом роде...»

Тарас ожидал, что Игнат Бражников, могущественный и великий Игнат, способный изменить ход истории одной незначительной гримасой, тут же облегченно выдохнет и назначит Тараса своим первым советником. Однако Игнат, вместо раздачи предпочтений, пугающе медленно поднялся с кресла и, наклонившись над массивным столом всем своим невзрачным корпусом, едва слышно прошипел:

«Что ты сделал? Повтори.»

«Я расправился с ним, — уже менее пафосно пробормотал Тарас, внутренне холодея, — мои парни... То есть я сам забил его кирпичами. Обломками кирпичей.»

Зачем-то уточнил он и наконец замолчал, осознав всю неправомерность своих действий.

Когда полмесяца назад Игнат Бражников вызвал к себе в кабинет верного Тараса и озвучил главную беду, обрушившуюся на его голову, у серого кардинала тут же обозначился план мести. Он прекрасно помнил, сколько труда и усилий было потрачено Великим Игнатом на создание тайной лаборатории, сколько предосторожностей было предпринято, чтобы не попасться под прицел силовым структурам и остаться в их глазах непогрешимым и могущественным. А еще Тарас хорошо помнил о перспективах, в туманных красках описанных господином Бражниковым. Но даже в такой неясной интерпретации Тарас сумел рассмотреть для себя массу выгодных моментов, и, когда никому неизвестный Прохор Моськин безжалостно ворвался в их гладкие планы, поклялся отомстить наглому выскочке. Тогда он невнимательно прослушал наставления Бражникова, посчитав, что в данных условиях их желания должны совпасть, и отправился вершить правый суд.

«Ты уверен, что покончил с ним? — вернул Тараса на грешную землю сухой равнодушный голос. — ты можешь мне поклясться в этом?»

Тарас снова приободрился, услышав в вопросе новые интонации, и уверенно кивнул.

«Он мертв, Игнат. Я в этом кое-что понимаю. А что касается его вещей, — рискнул добавить он, — я действительно не увидел при нем его сумки. И ничего не увидел. С ним был его недомерок, весьма своеобразный экземпляр, я бы сказал. Верный, отчаянный и невероятно смелый. Видел бы ты, как он убивался над растерзанным трупом, Игнат. У меня самого в груди защемило, когда я слушал его надрывные причитания.»

Игнат невнимательно ознакомился с весьма художественным описанием гибели своего противника и недовольно поморщился. При более благоприятных обстоятельствах он не отказался бы от сотрудничества с человеком-дьяволом, как красноречиво обозвал его верный Тарас. Амбициозный Свиридов наивно полагал, что далекий от науки Бражников не догадается об истинной, весьма незначительной, роли Ивана Ивановича в развитии научного прогресса. Игнат, всегда и во всем желающий видеть ясность, в первую же неделю их совместной работы выяснил, кто стоит за всеми разработками, и терпеливо наблюдал за потугами Свиридова казаться важным и незаменимым. Когда господин Моськин отправил зарвавшегося ученого на тот свет, Бражников испытал что-то вроде уважения к скромному Прохору, а когда тот вклинился в великие планы самого Игната, почувствовал досаду.

«Это был бы невероятный тандем, — мелькнула смелая мысль, в тот день, когда стараниями Моськина лаборатория взлетела на воздух, — да вот только как уговорить тихого гения примкнуть к рядам негодяев?»

На этот случай у Бражникова всегда находились весьма убедительные кадры, и на верного Тараса Игнат делал большие ставки. Однако, недалекий соратник круто подвел своего босса, навсегда лишив того возможности подружиться с Прохором, и теперь Бражников был вынужден пересмотреть заранее продуманные шаги и направления.

«Отдыхай, Тарас, — негромко обронил он, кивая на дверь, — я позову тебя, как только почувствую в том необходимость.»

Когда за растерявшемся Тарасом захлопнулась дверь, Бражников погрузился в натужные размышления. Ему еще никогда не попадались такие ребусы, которые он не мог бы решить. Гибель Прохора озадачила бизнесмена, однако она же запустила новый виток вариантов решения, один из которых подсказал Игнату добыть те самые научные записи и информацию, похищенную Моськиным из лаборатории. По словам дурака-Тараса, у Прохора оставался верный недомерок, у которого наверняка сохранились вещи покойного гения. Бражников коротко усмехнулся и приступил к разработке нового стратегического плана.

Гениальная идея догнала Бражникова к вечеру того же дня и вынудила прибегнуть к помощи еще одного верного соратника. Точнее, верной соратницы. Впрочем, такая высокая характеристика давно подвергалась сомнениям и самого Игната, и его ближайшего окружения. Нестабильная Соня, невнимательно выполняющая разные незначительные поручения чрезмерно занятого отца, большого доверия не внушала. Ее последняя миссия по удержанию того самого недомерка была с треском провалена, однако гнева со стороны акулы большого бизнеса не вызвала. Тогда господин Бражников даже не догадывался, насколько важным может оказаться тощий малыш в деле достижения высоких целей.

«Приветствую тебя, девочка», — торжественно проговорил Бражников, встречая на пороге кабинета дочь Софью. Игнат мало уделял внимания собственному ребенку, с головой погрузившись в проблемы финансов. Все заботы по воспитанию и обучению он возложил на плечи своей гражданской супруги Насти и благополучно забыл про обеих, пустив слух о собственном преображении. На самом деле продуманному Игнату было необходимо на время скрыться с горизонта, и лучшего способа самоутстраниться он не придумал. В тот

период к диким относились с уважением, вызванным страхом, и гонениям не подвергали. Продержавшись в изгнании пару месяцев, Игнат вернулся и заполировал могущество триумфальным созданием чудо коробки. На все сочувствующие реплики господин Бражников только усмехался, опровергая слухи. Когда он остался единственным опекуном нестабильной девочки, возросшие обязательства не слишком взволновали большого босса, и он все так же стремился извлечь из общения с малышкой какую-нибудь практическую выгоду.

«Помнишь дядю Прохора?» — без затей начал он, не имея ни малейшего понимания, как строить диалоги с малышами. Девочка заметно оживилась и согласно кивнула, искривив личико в подобие улыбки. Игнат удовлетворенно качнул головой и снова задумался. То, что родилось в его голове за полчаса до появления в кабинете Сони, теперь казалось ему глупым и нелогичным. Игнат старательно тасовал в мозгах придуманные фразы и наконец, выдал самое, на его взгляд, правдоподобное.

«Хочешь повидаться с его самым лучшим другом? Ты же ведь помнишь Женю? — проговорил Бражников, вкладывая в интонацию все дружелюбие и мягкость. — дядя Прохор его просил кое-что передать для тебя.»

На всякий случай добавил он и напряженно замер, ожидая реакции. Соня настороженно кивнула, явно почуяв подвох, но Игнат, увидев цель, решил не останавливаться.

«Я очень занят, девочка, — продолжал нестись на волнах идей господин бизнесмен, — поэтому не смогу забрать этот подарок. Ты сделаешь это сама, отправившись в путешествие. Ты же любишь путешествовать? С тобой поедет Тарас, он присмотрит за тобой. Но Жене ты ничего про него не говори, это расстроит его. Ты забереешь подарок и вернешься домой, поняла? Возможно, Женя не захочет отдавать тебе гостинец, но ты ведь знаешь, как заставить несговорчивого дядю подчиниться? Прохор очень расстроится, когда узнает, что его подарок тебе не достался. Без подарка не возвращайся, девочка. Понятно?»

Соня снова кивнула и, постояв немного, неловко двинулась обратно к дверям. Игнат только вздохнул, на мгновение ощутив себя конченным негодяем. Однако, эмоция быстро прошла, и могущественный босс снова вернулся к привычным делам.

Глава 45.

Женька молча паялился на неровный холмик сырого песка, перемешанного с комьями тяжелой глины. Дергачев потратил больше пяти часов, создавая последний приют своему дорогому другу, так нелепо и страшно погибшему от рук пьяных отморожков. Теперь, когда слезы высохли, и к Женьке вернулась способность трезво оценивать действительность, перед глазами вновь замелькали чудовищные картины жестокой и бессмысленной расправы.

«Неужели кривому уроду было так важно сохранить в глазах маргиналов свой невнятный статус? — толкалась в голове одинокая мысль, — Тихон никому из них не сделал ничего, за что мог бы заслужить такую чудовищную смерть»

Все произошло настолько стремительно, что понимание самого непоправимого пришло к Дергачеву со значительным опозданием. Он полночи прислушивался к отсутствующему дыханию растерзанного друга и упрямо продолжал разные реанимационные действия, о бесполезности которых догадался только к рассвету.

«Ох, Тихон, — потерянно прошептал Женька, опуская ладони на холодный холм, — прощай, дружище. Теперь уже навсегда.»

Смахнув набежавшие слезы, Женька решительно поднялся и уверенно зашагал прочь, отчаянно жалея, что они с Тихоном вообще решили заглянуть в это богом проклятое место.

Когда унылое поселение осталось далеко позади, Женька растерянно огляделся, выбирая новое направление. Последняя асфальтированная трасса, которая привела беглецов в населенный пункт № 5463, обрывалась у его границ, предоставляя возможность случайным путникам самим прокладывать себе дальнейшие маршруты. Женька был лишен тех немногих средств технического прогресса, что позволяли бы сделать это без усилий. Разряженный информационный браслет, принадлежавший его Тихону, продолжал оставаться бесполезной игрушкой, и сентиментальный Женька оставил его себе просто на память о любимом брате.

Перед Варваром расстилалось бескрайнее поле, кое-где украшенное чахлыми кустиками и одинокими корявыми деревьями. По ним Женька решил ориентироваться, двигаясь строго по прямой. Куда могла привести его нехоженная дорога, о том путник предпочитал не задумываться, старательно воскрешая в памяти картины южных краев.

«Раз нам с Тихоном не суждено вдвоем попасть на относительно безопасные склоны гор, — толклась в голове настойчивая мысль, — я пойду туда один. В память о неугомонном ученом.»

Женька старался ничем не выдавать своего горя, упрямо сохраняя образ сурового малоэмоционального мужика, чуждого переживаниям. Ему на очень короткий срок удалось поверить в свое железное спокойствие, ровно до того момента, пока перед ним вновь не замаячил знакомый насыпанный вручную страшный холм. Женька в замешательстве остановился, вглядываясь в очертания и, шумно выдохнув, помотал головой.

«Кругами хожу? — с усмешкой подумал он, — или меня водят черти? Как я мог снова оказаться там, откуда ушел несколько часов назад?»

Тихон не желал отпускать его, магнитом притягивая обратно, и Женька, повинувшись негласному приказу, послушно опустился на изрытую землю. Перед его глазами мелькали заключительные эпизоды жизни Тихона, и вызывали в Женьке мистический ужас. Когда Тихон в первый раз разогнал отморожков одним взмахом руки, Варвар поверил невнятному объяснению и списал все на чудесную дурь в мозгах местных маргиналов. Но вот какое зелье заставило повторно извиваться решительного главаря, Женька придумать не мог. В магические свойства ладоней ученого он откровенно не верил, хоть в целом вопросы мистики никогда не оставляли его равнодушным. Потом в затуманенные мозги ворвался эпизод о мгновенно зажившем рваном порезе, об исцеленной местной селянке, и обескураженный Женька почти вслух пробормотал:

«Кто ты, Тихон?»

Закопанный в сырой песок убиенный Тихон вряд ли ответил бы своему Варвару, да и в целом, вопрос прозвучал риторически. Но когда на Женькино плечо мягко опустилась чья-то

ладонь, а за спиной раздался едва уловимый шорох, Женька не выдержал и, подскочив на ноги, отчаянно выматерился. Вместе с непечатными фразами Варвара покидало невероятное напряжение, державшее его в цепких объятиях последние сутки. Немного придя в себя, Дергачев обернулся и с немым изумлением уставился на прозрачную фигурку, едва различимую в темноте. Прозрачной фигурка показалась Женьке только в первые пару минут. Присмотревшись, он отчетливо разглядел знакомый синтетический комбинезон, легкую болоньевую курточку и веселые хвостики спутанных волос. В шаге от совершенно растерявшегося Дергачева стояла невероятная Соня и кривила рожицу в некоем подобие улыбки. Столько потустороннего одновременно нежная Женькина душа принять не смогла, и потребовала решительных действий. Обрядов и заклинаний Женька не знал, магическими способностями, кажется, не владел, поэтому самым продуктивным способом избавления от сумеречных кошмаров посчитал обычное бегство. Впрочем, бегством в прямом смысле этого понятия Женькины демарши назвать было сложно. Варвар неторопливо развернулся, оставляя своего Тихона, и медленно побрел прочь, тщательно присматриваясь к выбранному маршруту. Он старался не задумываться о причинах появления среди необъятных полей и степей одинокой девчухи, и когда расслышал рядом с собой легкое шуршание, без затей поинтересовался:

«Ты настоящая? И если да, то что делаешь в этих богом забытых краях?»

Вместо ответа Соня крепко вцепилась в руку Варвара и прибавила шаг, немного обгоняя своего спутника и с видимым любопытством заглядывая ему в лицо. Женька мысленно махнул рукой на неотвязную попутчицу, переключая раздумья в новое русло. Теперь, когда перед ним со всех сторон тянулось темное бескрайнее пространство без единого признака человеческого жилья, а на землю опускалась теплая летняя ночь вопросы ночлега становились приоритетными. Женька мало что знал о местной фауне, а также сомневался в совершенной безопасности неизведанных территорий, однако усталость брала свое, требуя передышки. Соня, угадывая настроение своего спутника, упрямо тянула его куда-то вбок, продолжая сохранять молчание. Спустя час пешего пути перед Женькой замаячили очертания какой-то деревушки, Соня заметно приободрилась и прибавила шаг, а Варвар внутренне содрогнулся от вернувшихся воспоминаний.

«Нет, Соня, — пробормотал Женька, — о том не может быть и речи. Если хочешь, можешь попроситься там на ночлег, а я останусь здесь.»

В словах и интонации Варвара не было ничего смешного, однако Соня, не выпуская из цепкой ладошки сильную руку, безудержно захохотала. Она откровенно кривлялась, показательно складываясь пополам и хлопая по коленке свободной ручкой, и Дергачеву стало жутко. От присутствия Сони, от отсутствия Тихона и от неясных очертаний безмолвной деревушки, темнеющей впереди. Отсмеявшись, Соня вновь натянула на личико серьезную маску и решительно двинулась дальше к постройкам, увлекая Женьку за собой. То, что в темноте Женька принял за силуэты частных домиков, оказалось причудливо сложенными из природного камня надгробиями, а сама деревушка представляла собой какое-то не православное кладбище. Женька слабо разбирался в ритуальной культуре, однако столь фривольное поведение чрезмерно самостоятельной девчухи вызвало в нем неловкость.

«Соня, — назидательно проговорил Женька, гася мистический страх, — это не место для прогулок. Тем более не место для безудержного веселья. Давай подыщем себе для ночлега что-нибудь более подходящее.»

Взывать к здравому смыслу психически нестабильной барышни было бесполезно, а оставлять ее на произвол судьбы на территории захоронений — опасно. Соня грозила закатить очередную истерику, и Женьке ничего не оставалось, как снова пойти на поводу малолетней авантюристки. Довольствоваться самым крайним захоронением капризная Соня не пожелала, утягивая своего стоворчивого спутника вглубь мертвого города. Наконец одно из надгробий устроило Соню, и она силой втокнула Женьку за низкие стены страшного домика. Женька неловко втиснулся в тесное пространство, и тут до его обостренного слуха донесся шум двигателя. В темноте летней ночи, на открытом пространстве звуки свободно проникали на самые немыслимые расстояния, и вполне могло стать, что кто-нибудь из припозднившихся граждан просто торопиться домой, подгоняя ржавую иномарку. Женька вопросительно глянул на свою замершую попутчицу и собрался озвучить немного вопросов, как внезапно почувствовал на своей обросшей роже цепкую прохладную ладошку. Соня привычно заткнула Женьке рот, призывая к молчанию. Звук двигателя стал громче, он раздавался совсем рядом, и теперь Женька начал сомневаться в случайности его возникновения. Протарахтев некоторое время, машина затихла, а в ночи раздались невнятные голоса. Они то приближались, то становились почти не слышными, однако и Варвар, и Соня отчетливо ощущали чье-то чужое присутствие. Тот, кто сейчас бродил вдоль границы кладбища, явно кого-то искал, негромко выкрикивая невнятное имя. Соня продолжала удерживать Женьку от попыток издать хоть звук, несмотря на то, что он и без ее предостережений сидел как мышь и почти не дышал. Наконец голоса смолкли, а дребезжащий моторный гул постепенно растворился в темноте.

До утра Женька и Соня просидели на чьей-то могиле, сохраняя настороженное молчание, и только с первым солнечным лучом Соня разрешила своему попутчику подать голос.

«Я не знаю, кто это был, — пробормотал Женька в ответ на ее молчаливый вопрос, — и, сказать по правде, не желаю даже строить предположения. Нам повезло, что искатели не рискнули нарушать границы кладбища»

Соня медленно кивнула, не отрываясь, слушая каждое Женькино слово. После чего резво вскочила на ноги, чтобы продолжить путь. Варвар был склонен согласиться с ее предложением, поскольку ощущал себя крайне неудобно в окружении старых могил. Подхватив уцелевшие вещи Тихона, он неловко выбрался наружу и прищурился, ослепленный солнечными лучами нового дня. Третья подряд бессонная ночь делала Женьку заторможенным и неповоротливым, а не утихающая боль воспоминаний лишала желания искать новые цели. Соня снова вцепилась в Женькину руку и уверенно повела его прочь, ловко маневрируя среди монументальных памятников.

Глава 46.

«Что будем делать, босс?» — стараясь казаться равнодушным, бормотал один из верных людей Тараса, пока их старая иномарка прыгала по бездорожью. Это был справедливый вопрос, остающийся пока без ответа. Всегда внимательный и рассудительный первый

помощник могущественного вседержителя сейчас только хмурился, время от времени нервно стучая кулаком по выдавшей виды покореженной приборной панели. Всего пару месяцев назад он справедливо рассчитывал, что вместо этой ржавой рухляди его будет нести навстречу приключениям новенький внедорожник, купленный на честно заработанные капиталы. Однако прошлые планы приходилось пересматривать, а сбыча мечт временно откладывалась до лучших эпох. И то, в том случае, если они когда-нибудь состоятся. Тарас вместе со своим верным союзником вторые сутки прочесывали окрестности в поисках неугомонной девчонки и приснопамятной сумки, ради которой и была затеяна вся эта экспедиция. Тарас был уверен, что сумка вполне бы удовлетворила интересы высокого шефа, поэтому в данную минуту был готов пойти на самые крайние меры, чтобы влиятельный босс не порешил его в первую же минуту их очередного свидания. До которого, к слову, оставались считанные часы. Игнат Бражников всегда был человеком слова и не разменивался на авансы, поэтому просить отсрочки и выговаривать себе новые условия, Тарас считал пустой тратой времени.

«Этот недомерок не мог уйти далеко, — почти уверенно бормотал верный человек, рассеянно следя за дорогой, — последний раз я видел его возле поселка № 5463 день назад. Может быть пару дней. Я вообще был уверен, что верный оруженосец останется до конца времен охранять останки чокнутого гения. Соня, будь она неладна, нашла заморыша именно там. Почему Игнат прямо не обозначил цель, а привлек к работе эту свистушку? Что за театрализованные представления? На кой черт ему сдалось ветхое барахло этого умника? Все эти ученые с левой резьбой, по-другому не скажешь!»

Тарас коротко кивнул, невнятно соглашаясь с подельником. Отправляя на дело малолетнюю свистушку, Игнат знал, какую цель преследует. Обладающая многими способностями Соня была его гарантией неприкосновенности вещей Тихона, но недалекому Тарасу о том было знать необязательно. А уж откровенно тупому подельнику и подавно. Сейчас их первостепенной задачей было отыскать хоть что-нибудь из недлинного списка, обозначенного большим боссом. Ночной рейд на чужое кладбище здорово подкосил впечатлительного Тараса, изо всех сил пытающегося сохранить невозмутимость. С наступлением утра он лично обшарил каждое захоронение, в надежде отыскать внезапную пропажу. Это было единственное место, способное надежно укрыть любого, желающего спрятаться. И оно тоже не порадовало находками. Оставив непродуктивные поиски, Тарас переключил внимание на широкую степь. На совершенно ровном, как стол, пространстве невозможно было скрыться с глаз, не оставляя следов, однако куда бы не обращал свои настороженные взоры невезучий Тарас, повсюду натыкался на степной ковыль и невзрачные кустики.

«Провалилась она, что ли? — вслух озвучивал Тарас набегающие мысли, — ну куда могла деться маленькая девочка, без опыта длительных переходов и марш бросков?»

«Она настолько чокнутая, что вполне могла направиться с «подарочком» домой, не дожидаясь нас. — тут же отреагировал подельник, — ну а чем не вариант? Заблудиться на этом пространстве невозможно, даже если поставить такую цель.»

Проехав совершенно немислимое для пеших прогулок расстояние, Тарас обреченно вздохнул, вынужденно соглашаясь с верным человеком.

«Отправляемся назад, — отважно заявил он, — уверен, эта пигалица двинула домой, не дожидаясь внимания своих нянек. Чертова кукла!»

Машина медленно развернулась и покатила обратно, возвращая горе-

сопровождающих к суровому начальству.

«Смотри по сторонам, — хмыкнул Тарас, — может нам повезет, и мы отыщем эту дуру. Она слишком независима, чтобы придерживаться правил и манер. На кой черт Игнат пригласил нас присматривать за девчонкой, если она прекрасно справилась и без нас!»

Версия настолько понравилась Тарасу, что спустя несколько минут он уже свято верил в нее, склоняя на все лады ни в чем не повинную Соню, посмевающую послушаться высоких распоряжений. Он уже искренно ожидал через пару километров догнать своевольную барышню и приготовился озвучить ей поучительно-педагогические выкладки, по дороге репетируя самые трогательные фразы. Однако ни через пару, ни через пару десятков километров Соня так и не появилась, вогнав несостоявшегося воспитателя в откровенную панику. Он уже три раза представил себе сцену жесткой расправы обозленного босса над криворукими исполнителями, и ему отчаянно расхотелось покидать бескрайние степи.

«Может покружимся еще немного по территории?» — угадывая настроение босса, поинтересовался поделщик. Ему тоже не слишком хотелось выслушивать всякие недовольства и наравоучения, всегда завершавшиеся показательной поркой на конюшне.

«Покружимся» — угрюмо бормотнул Тарас и принялся кружиться, отчаянно протягивая время. Во время очередного витка им на глаза попало невнятное углубление, отдаленно напоминавшее склон оврага. Такое изменение ландшафта приободрило поисковиков и настроило на обнадеживающие мысли.

«Смотри, Тарас, идеальное место для ночлега и укрытия. Если мы не найдем там эту ненормальную, можешь на меня поссать!» — грубовато заключил пари поделщик, почти на ходу вываливаясь из салона.

Пугающие процедуры негодились, поскольку, едва спустившись по пологому склону, оба бандита наткнулись на весьма пасторальную картину. Под чахлым сухим кустом свернувшись в немислимый ком, крепко спал верный заморыш, а рядом, уложив голову на вожденную сумку, сладко сопела дорогая пропажа.

«Глазам не верю, — проговорил Тарас, резво катясь по склону, — сколько счастья сразу!»

Примитивное воображение жадного стяжателя снова проиллюстрировало радужные перспективы, в виде дорогой новой иномарки, выгодного местечка под солнцем и прочих предпочтений. Он оттолкнул верного и проверенного человека, не в силах сопротивляться древним хватательным инстинктам, и уцепившись в потрепанную сумку, резко дернул ее на себя. Разбуженная Соня вскочила на ноги и некоторое время хлопала глазами, возвращаясь в реальность. Ее уставший спутник продолжал сопеть, уткнувшись рожой в сухую смятую траву, а утомительные сопровождающие, забыв про манеры и воспитание, грубовато потребовали непослушной девчонке двигать за ними. На какое-то мгновение Тарас, движимый благородными порывами, подумал прихватить с собой и заморыша, просто на всякий случай, в качестве бонуса. Однако, оглядев его крепкую фигурку, быстро передумал, озадачившись другой, менее гуманной мыслью.

«Этот верный пионер еще надумает устраивать разборки и строить козни, разыгрывая вендетту. Не нужно, чтобы он проявлял лишнюю активность. Игнату он без надобности, а мне нужны гарантии.»

Эта мысль настолько прочно заняла все пустое пространство в голове отморозка, что он, не желая отпускать привлекательную идею, совершенно неосознанно вытащил из-за пазухи остро оточенный выкидной нож. Заморыш, почуяв, наконец, чужое присутствие,

зашевелился и приподнял голову, собираясь с мыслями. Пока он приходил в себя после долгого тяжелого сна, окрыленный удачей Тарас решил поиграться в вершителя судеб.

«Поднимайся, недомерок! Пришла пора расквитаться!» — грозно и надменно провозгласил он и тут же осекся, пораженный выражением помятой рожи верного заморыша. Непрезентабельный Тарас не мог вызвать столько эмоций на небритой роже храброго дворняжки, к тому же темные проваленные глаза были устремлены куда-то поверх головы бандита. Ужас, написанный на лице потенциальной жертвы, незримо передался и Тарасу, однако выяснить причину его возникновения незаменимый помощник господина Бражникова так и не сумел. Поскольку в ту же минуту его пронзило мощнейшим электрическим разрядом, плавящим кишки и выкручивающим непослушные конечности. Тарас хотел было заорать, притупляя невероятную боль и животный страх, но тоже не сумел. Он несколько раз дернулся, причудливо изгибая крепкое накаченное тело и замертво рухнул на сухую траву, так и не выяснив причину своей смерти.

Глава 47.

Я медленно брел по залитой солнцем широкой площади, с интересом разглядывая яркие прилавки, хаотично расставленные по огромному пространству. На каждом из прилавков аккуратными горками были разложены разные товары, призванные привлечь внимание самого взыскательного покупателя. Однако, кроме меня, любоваться на предложенный ассортимент было некому. Заманчивая ярмарка была пустынна и безжизненна и вызвала странные эмоции. Пройдя значительное расстояние по утопанной пыльной площади, я наткнулся на весьма нехарактерный для ярмарочных торжищ товар. На одном из высоких прилавков были выставлены блестящие прозрачные пузырьки, наполненные разноцветным содержимым. Присмотревшись, я узнал в искрящихся жидкостях обычные химические реактивы, при определенном соотношении дающие весьма интересные результаты. Кому на этом безлюдном базаре пригодились бы подобные продукты, оставалось загадкой, как было непонятно и то, каким образом я оказался в этом чудном месте. Следующая торговая точка радовала потребителей изобилием снеди, настоящей и весьма аппетитной. Вплотную к опасным химическим реагентам были разложены румяные горки печеных пирожков, булок и отлично прожаренного мяса, давно запрещенного экологическим сообществом. Последняя мысль вызвала новое замешательство, но я не успел как следует проникнуться непрошенной эмоцией, поскольку самым волшебным образом все изобилие товаров исчезло вместе с огромной площадью. Им на смену показалась узкая улочка, украшенная по обеим сторонам пыльной дороги одинаковыми домиками. Я с любопытством рассмотрел каждый из них и пришел к выводу, что они вполне пригодны для одинокого житья. Маленькие окошки были

завешаны чистенькими занавесками, крепкие двери плотно держались в проемах, а невысокие черепичные крыши весело переливались на солнце радугой оттенков. Я неторопливо шел мимо аккуратных избушек, представляя себе их обитателей и рисуя в голове самые мирные и уютные сюжеты. Одна избушка с крепкой синей крышей привлекла мое внимание и заставила немного притормозить. Симпатичный домик выгодно отличался от остальных широко распахнутой дверью и рождал неосознанное желание войти внутрь. На какую-то долю секунды во мне шевельнулась мысль об обязательном приобретении этой недвижимости в личную собственность, но тут же растаяла, сменившись мыслью о пустых карманах. Я немного постоял возле порога и решительно двинулся дальше, однако спустя пару шагов вновь оказался напротив открытой двери. Прогнав навязчивые сомнения, вызванные основами воспитания и хороших манер, я переступил порог и оказался в неожиданно просторном холле, светлом и чистом. Прямо передо мной раскинулась красивая лестница, выполненная в самом строгом классическом стиле и украшенная добротными резными перилами. Я был уверен, что домик едва вмещает пару небольших комнат, настолько скромным он казался мне с улицы. Ступени привели меня к длинному коридору, по обеим сторонам которого располагалось несколько просторных комнат, отдаленно напомнивших мне мою Алтуфьевскую гостиную. Все они были обставлены красивой и дорогой мебелью, освещаемой ослепительным потоком солнечного света, бьющего в панорамные окна.

«Как здесь поместилась вся эта красота?» — возникла очередная мысль, и следом за ней откуда-то сбоку раздалось негромкое:

«Все это создано любящим сердцем, мой мальчик. Иногда я задаюсь вопросом, как ты сумел вызвать своей неискоренимой отрешенностью столько теплоты в чужой душе?»

Я невольно вздрогнул и, обернувшись, с изумлением уставился на автора нетленного изречения.

В одном из глубоких кресел, перекинув ногу на ногу, вальяжно развалился мой брат, умерший пару десятков лет назад.

«Удивлен? — усмехнулся он, наблюдая за гримасами на моем лице, — я ждал тебя, Тихон, и очень скучал. И вот, дождался. Я рад видеть тебя, мой мальчик, безмерно рад.»

«Ты построил этот дом? — не зная, как начать диалог, пробормотал я вместо приветствия. — но зачем столько хлопот? Меня вполне бы устроила маленькая хибарка возле моря.»

Фил раскатисто расхохотался, закрывая ладонью молодое красивое лицо.

«Разумеется не я, — отсмеявшись, пробормотал он, — я уже ничего не смогу сделать для тебя, мой дорогой. Верный друг решил вложить в твой последний приют всю нерастраченную заботу о тебе. Это он построил такие хоромы, и, надо сказать, получилось у него весьма неплохо. Поздравляю, Тихон, впервые за полсотни лет ты снова становишься домовладельцем!»

Отказываясь понимать увиденное, я опустился в одно из кресел и уставился на Филиппа.

«А ты? Кто строил хоромы тебе?» — поинтересовался я и вдруг запоздало подумал о своем полном невмешательстве в благоустройство загробного существования вечного трудяги. Мои сомнения оказались обоснованы, поскольку с точеного лица Филиппа разом сошло благодушное выражение, сменившись знакомой и давно забытой деловой напряженностью.

«Пойдем, я познакомлю тебя с моим домом,» — без затей отозвался брат и легко поднялся из глубокого кресла.

Мы шли вдоль все той же неширокой улицы, минуя разноцветные домики, пока наконец не остановились возле одного из них, накрытого позитивной фиолетовой крышей.

«Проходи,» — просто пробормотал брат, распахивая передо мной крепкую дверь.

Я еще отчетливо помнил маниакальное стремление блистательного Филиппа Филипповича создавать вокруг себя зоны комфорта, удобств и благополучия, ревниво отбирая себе все самое лучшее, качественное и дорогое. И наверно поэтому сейчас не смог сдержать удивленный возглас, оказавшись в маленькой тесной комнатке, обставленной с примерным аскетизмом. Потусторонняя келья Фила чем-то очень отдаленно напомнила мне мою хижину, и я с усмешкой подумал о том, что за гранью мы с взыскательным братом поменялись местами, но почему-то это понимание не принесло никаких эмоций. Мне было откровенно жаль невероятного трудолика, вынужденного теперь ютиться в столь непрезентабельных условиях.

«Ты можешь жить у меня, — глупо пробормотал я, наткнувшись в темноте на колченогий стол, — в моем доме хватит места на всех»

«Ох, Тихон, ты сам не знаешь, насколько непродуманно твое предложение. Но ты всегда был таким, мой мальчик. Ты никогда не прислушивался к голосу разума.» — едва слышно выдохнул Фил, и неожиданно стены его хибарки сократили и без того невеликое пространство, опасно навалившись на меня сразу со всех сторон. Я попытался выбраться на улицу, бесполезно ворочаясь в душном пятачке, но от приложенных усилий сбивалось дыхание и выкручивало обжигающей болью непослушное тело. «Что происходит?! — билась в сознании одинокая мысль, — почему мне так больно?! Что не так с этим домиком?!»

Паника, поглотившее все сущее, придала мне сил, и я, отчаянно рванувшись, сделал невероятную попытку вдохнуть стремительно исчезающий воздух. От моих усилий рот наполнился пылью, песком, а глаза заволкло непроглядной серой дымкой. Приложив максимум стараний, я наконец-то вырвался из негостеприимного домика с подвижными стенами и навзничь рухнул в дорожную пыль. Сколько времени провел я, валяясь на пыльной дороге, сказать не берусь, но очевидно прошло несколько часов, пока осознание действительности вернулось ко мне. Ослепительное солнце исчезло, сменившись ночными сумерками, а сухая дорожная пыль успела превратиться в тяжелый сырой песок, перемешанный с комьями глины. Я, ощущая во всем теле невероятную слабость, неловко поднялся и с неудовольствием обнаружил, что мои ноги полностью покрывает внушительной слой сырой земли, а я сам с головы до ног усыпан щедрыми пригоршнями все того же сырого песка. Моя голова гудела и звенела, а конечности отказывались выполнять прямые функции. Проигнаровав неудобства, я все же поднялся на ноги и огляделся. Я рассчитывал увидеть веселые домики с разноцветными крышами, но вместо них передо мной раскинулось невероятной широты бескрайнее поле, украшенное чахлыми кустиками. И словно по команде, в мой гудящий мозг ворвались воспоминания последних мгновений моей жизни. Я отчетливо увидел, как пьяные отморозки безжалостно забрасывали меня камнями, норовя попасть в голову, слышал их озлобленные крики и помнил чудовищную боль, внезапно сменившуюся вселенским безразличием. Мое тело, отпустив, наконец, земные заботы, медленно погружалось в темный вязкий колодезь, становясь невесомым. Это были странные ощущения, непонятные и пугающие, но ускользающее сознание успело сообщить, что я умираю, и погасло навсегда. Я был мертв, это несомненно. Отморозки добились своей

цели и отправили меня к Филу в просторный дом, построенный для меня верным Женькой. Но почему же сейчас я снова стою на окраине поселения № 5463 и с ужасом воскрешаю в памяти недавние события, ставшие моим финалом?

Пока я приводил в порядок суетливые мысли, мое тело наполнялось жизненной энергией, возвращая мне силы и желание двигаться вперед. «Просторный дом подождет, — пришла итоговая мысль, — я должен поблагодарить строителя за приложенные старания!»

Отряхнувшись, я неторопливо двинулся в чистое поле, не видя пока перед собой конечной цели. Мои движения были еще немного скованы, а некоторые причиняли ощутимую боль, но я упрямо шел по изрытому бездорожью, мысленно усмехаясь своим новым супер способностям. Я потратил ночь на бесконечный переход, а утро нового дня встретил среди равнин и степей. У меня не было ни малейшего понимания, где конкретно я нахожусь, куда иду, и чего рассчитываю достичь в итоге. Я не был подготовлен к путешествию, поскольку мои немногие носильные вещи отсутствовали, деньги тоже, а изорванные тряпки, некогда бывшие моей одеждой, отчаянно просились на свалку. Внезапно мой слух был потревожен неясным гулом, в котором я с изумлением различил звук работающего автомобильного двигателя. Его источник был недоступен глазу, однако весьма уверенно перемещался в пространстве, уходя влево. Повинуясь шестому чувству, я двинулся на этот звук, забывая про осторожность. Возможно, меня подгоняло желание увидеть каких-нибудь живых людей, услышать нормальную человеческую речь, и снова почувствовать себя настоящим. Людей я и в самом деле вскоре увидел, но не могу сказать, чтобы это видение сильно обрадовало меня. На самом краю неглубокой расщелины я наткнулся на старую иномарку, резво вздрагивающую на холостых оборотах. Ни водителя, ни пассажиров я не заметил, зато расслышал невнятные голоса, смутно показавшиеся мне знакомыми. Беседа велась на повышенных тонах, и подойдя еще немного поближе, я увидел и автовладельцев, в которых узнал своих недавних убийц. Они стояли ко мне спиной, закрывая собой собеседников, однако и без дополнительных подробностей было понятно, что конченые ублюдки продолжают придерживаться давних традиций, угрожая расправой невидимому мне собеседнику. Один из них вытянул откуда-то остро отточенный нож и вызывающе взмахнул перед намеченной жертвой, при этом не стесняясь озвучивать свои противоправные намерения. У меня не было желания снова принимать участие в бандитских разборках, к тому же я не был уверен, что осилю повторное воскрешение, однако мои руки сами потянулись к преступникам, а по жилам пронесся огненный ураган. Я неосознанно раскрыл обе ладони, и мой недавний убийца неожиданно замер, отбрасывая в сторону грозное оружие. Его накаченная туша витиевато изогнулась, дернулась и замертво рухнула на землю, позволяя мне рассмотреть человека, которого я невольно спас своим спонтанным вмешательством. Очевидно, мое появление получилось чересчур эффектным, поскольку вместо слов благодарности, приветствия, и любых других слов, человек подхватил с земли мою потрепанную сумку и со всех ног рванул по склону. Мне пришлось приложить значительные усилия, чтобы догнать беглеца и, столкнув его на землю, донести до него пугающую мысль о своей живучести.

«Завязывай, Женька, — едва переводя дыхание, бормотал я, удерживая извивающуюся тушку приятеля, — я жив, это очевидно. Но спасибо за уютную могилку, мне там понравилось.»

Возможно, мое воскресшее сознание навсегда лишило меня дара убеждения, поскольку от моих слов Женька только сильнее дернулся, вырываясь из крепких объятий, и вновь

ринулся покорять пространства. Утомившись играть в догонялки, я отправил вслед стремительно удаляющейся тощей фигурке слабый разряд энергии, пытаюсь задержать приятеля. Видимо я еще не до конца научился управляться с необычным даром, поскольку Женька коротко взвизгнул и без сил рухнул в сухую траву. Пока я приводил в чувство несчастного Женьку, неотвязная Соня беспокойно отвешивала мне увесистые пинки, выражая тревогу за Варвара и негодование в мой адрес. За всеми хлопотами я не сразу заметил ее присутствие, и только когда Дергачев продемонстрировал мне первые признаки вернувшегося сознания, озадачился новой проблемой. Соня продолжала безмолвствовать, донося информацию невербальными способами, а мне хотелось знать о причинах ее нахождения в обществе моего приятеля. Моими стараниями Женька крепко спал, вольготно растянувшись на траве, а неугомонная барышня как умела, проявляла заботу о пациенте, внимательно отгоняя от его небритой рожи разных насекомых. Понаблюдав за щемящей картиной, я сделал попытку пролезть в Сонины мозги, чтобы узнать информацию из первоисточника. С некоторых пор эта процедура не вызывала у меня больших усилий, но, когда я оказался в святая святых Сониного сознания, я немало удивился. Вместо привычных потоков, меня встретила пугающая вязкая темнота. Никаких обычных девчачьих мыслей о принцах, куклах и тому подобной дребедени, ничего, что подсказало бы мне о настроении, мечтах и желаниях загадочной Сони. На какое-то мгновение я решил, что мой чудесный дар покинул меня, и на пробу я просочился в Женькину буйную голову. Однажды я поклялся, никогда не проводить подобные эксперименты с наивным и доверчивым братом, и никакие не проводить. Но я должен был убедиться в своем могуществе. Увиденная информация, наполняющая Женькину голову, обескуражила меня, вгоняя в краску, и я моментально выскользнул обратно, не желая становиться свидетелем весьма щекотливых откровений. Моя способность продолжала работать для всех, исключая таинственную девицу.

Пока мы загорали в степи, наступил полдень, а вместе с ним пришла необходимость подкрепиться. Моя сумка, заботливо прихваченная Женькой, была наполнена всяким рваньем, исполнявшим роль нашего парадного гардероба, моя неизменная тетрадка покоилась на самом дне, завернутая в лоскут, а вот заветного мешка с концентратом я не обнаружил.

«Я оставил его там, у твоей... Словом, я не стал забирать его с собой, — раздался за моей спиной неуверенный голос, — мне одному он был не нужен.»

От неожиданности я подскочил, обернулся и уставился на приятеля, внимательно рассматривающего мою непрезентабельную оболочку.

«Это на самом деле ты?» — снова поинтересовался Женька, и теперь в его голосе звучало спокойное равнодушие. Несчастный бродяга Варвар настолько утомился хоронить меня, что очередная подобная процедура, видимо больше не вызывала в нем душевного трепета.

«Так получилось, Женька, — неопределенно отозвался я, — но можешь ты расскажешь мне, что было нужно тому отморозку от тебя? Он снова решил воскресить свое реноме?»

Женька ничего не успел мне ответить, поскольку сразу же после моих слов активизировалась мутная Соня. Она резво подскочила на ноги и затрясла лохматой головой, что-то упрямо отрицая. При этом она не забывала взмахивать руками, топтать ногами и кружиться по часовой стрелке, пытаюсь донести до нас что-то важное.

«Вероятно тот тип из тех, кто не терпит недосказанности, — пробормотал Женька, следя за кривляниями Сони, — очень может статься, что он просто решил поставить

жирную точку в деле деревенских разборок.»

Глава 48.

Дорога через бескрайнюю степь превратилась для Женьки в настоящее испытание. Тихон, что шел теперь рядом с ним, больше не был тем Тихоном, которого знал Дергачев. Сейчас это был чужой, совершенно посторонний человек, от которого исходила невероятная энергия могущества и власти. Впрочем, это были только Женькины субъективные ощущения, рожденные подсознанием. Внешне Тихон остался прежним, высоким, сильным, красивым и невероятно умным. Вот только что-то изменилось в его взгляде, интонации и жестах, и в чем конкретно заключались эти перемены, Женька сказать затруднялся. То и дело оглядываясь на своего спутника, непосредственный Варвар ловил себя на мысли, что не слишком рад возвращению героя.

«Было бы куда спокойнее, если бы Тихон остался там, в неумело вырытой могиле и никогда бы не возникал в моей жизни, — металась в голове предательская мысль, которую Женька старательно отгонял. — я пережил бы расставание, оплакал и постарался забыть блистательного ученого, а теперь...»

Что значило это «теперь», было невдомек даже самому Варвару. Он боялся Тихона, боялся его глаз, его слов, его новых способностей. И решил при первой же возможности сбежать от него.

«Он врет мне, — убеждал себя Женька и изо всех сил старался поверить своим убеждениям, — это больше не Тихон. Нет, это не он.»

Игнат размеренно и не спеша спускался по неровным ступенькам, ведущим в глубокий подвал, о котором не знала не одна живая душа, обитающая на воле. Экспедиция по возвращению утраченных разработок с самого начала виделась могущественному боссу провальной и непродуктивной. Оправляя на поиски верных людей, Игнат был уверен, что, побродив по окрестностям, ходоки вернуться ни с чем, невнятно отчитаются перед грозным боссом и отправятся варить кофе и мыть коридоры научного центра. На другие сложные задачи и действия верные люди Игната были категорически не способны. Господин Бражник даже приготовил недоумкам разгромную речь, однако услышанные новости разом вытеснили из головы тщательно прорепетированные фразы.

Подельник верного Тараса вернулся один и прямо с порога ошарашил могущественного и великого весьма шокирующей информацией.

«Шеф, все пропало!» — озвучил он классическую фразу и затрясся в глубокой истерике.

Игнат с видимым любопытством просмотрел представление, усмехаясь актерскому мастерству туповатого исполнителя. После чего попросил конкретики.

«Он убил Тараса, Игнат! Он его убил, но как он это сделал?! Игнат, он этого не делал! Вообще! Но Тарас изогнулся и умер. Прямо на моих глазах. Это его рук дело. Он дьявол. Игнат, настоящий дьявол!»

Господин Бражников во всем любил точность и достоверность и поэтому, проигнорировав все, что с таким трудом донес до него поделщик, принялся уточнять.

«Тарас мертв?» — задал он первый вопрос, ответ на который не вызвал у поделки затруженний. Но дальше начались сложности.

«Его убил Женя? Так?» — снова озвучил очевидное Игнат.

«Не так, Игнат! Совершенно не так! Мы почти добрались до этой чертовой сумки, но тут появился он и ...»

«Кто появился?! — сухо рявкнул Игнат, утомившись наблюдать кривляния верного человека.

«Прохор, Прохор Моськин. Он появился из ниоткуда и руками убил Тараса. Просто ладонью. Я ни разу еще не видел такого способа, Игнат. Поэтому не спрашивайте, как он это сделал. Он стоял на расстоянии метров пяти и, просто протянув руку, заставил Тараса крутиться волчком.»

«Тарас клялся, что расправился с ним, разве нет?» — холодно обронил Игнат, начиная напрягаться от обилия загадочных новостей.

«Так и было, — охотно признал поделщик, — мы сами видели, как тощий недомерок зарывает его в землю, это так же верно, как я прямо сейчас вижу Вас, Игнат. Но он вернулся!»

Игнату не было жаль Тараса. За всю свою жизнь великий босс мало к кому испытывал сострадание, даже судьба придурковатой Сони в данном контексте не волновала его. Пропавшие записи и таинственное возвращение Прохора Моськина интриговало куда больше, чем обычная судьба обычных людей. Могущественный Бражников, имея в руках неограниченные возможности, мог бы намекнуть нужным людям, и уже завтра таинственный Прохор украшал бы своей персоной просторный Игнатов кабинет. Однако заполошный рассказ поделки пробудил в Бражникове давно заглохший дух соревнования и вынудил снова пересмотреть очевидные планы. В мистическую составляющую рассказа поделки Игнат не поверил ни на минуту. Скорей всего, трусоватый Тарас немного приукрасил собственную значимость, объявив мертвым слегка покалеченного в драке гения, а верный поделщик просто неплохой актер.

«Я сам отыщу этого Моськина,» — решил Игнат и прогнал поделки, погружаясь в раздумья.

Могущество Бражникова всегда строилось на связях, знакомствах, возможностях и финансах. Никогда еще тщедушный воротила не сталкивался с проблемами один на один, предпочитая подключать к решению множество сторонних лиц. Объявив себе столь смелый план, Бражников немного погорячился, переоценив собственные силы. И без затей отправился решать задачи старым проверенным методом. Все, что сумел нарыть господин Бражников на ученого гения, содержало проверенную, но настораживающую информацию о полном, тотальном одиночестве господина ученого. Он не имел семьи, друзей, родных, у него не было постоянной подружки, у него не было даже постоянного адреса. Это был очень странный ученый, но тем интереснее казалась поставленная задача неутомному господину Игнату. Единственным окружением непостижимого ученого можно было считать невзрачного маленького типа, иногда сопровождавшего Прохора Моськина в его весьма

частых перемещениях. Тип то появлялся, то исчезал с горизонта, но это был единственный человек, кого видели рядом с Прохором. Игнату позарез были нужны разработки гения, но, если вместе с ними ему удастся наладить контакт с самим ученым, это будет рассмотрено как приятный бонус. Так думал Игнат, подходя к массивной железной двери, расположенной в самом дальнем крыле секретного подвала. «Силой добыть записи, скорей всего, не удастся, — размышлял Игнат, ковыряясь в хитром замке, — поэтому нужно попробовать построить контакт на доверии.»

Бражников не был тонким психологом, но кое в чем разбирался, поэтому и решил навестить своего давнего знакомца, от греха закрытого в секретных катакомбах.

«Добрый день, Мартын,» — торжественно и сухо изрек большой босс, вплывая в невзрачную каморку, украшенную панцирной кроватью и единственным железным столом. Обитатель каморки давно уже и не рассчитывал покинуть ее сырые стены, поэтому очень напрягся, увидев на пороге важного и знаменитого.

«Я не сторонник долгих предисловий, Мартын, — тут же ввел в курс дела высокий гость, — поэтому сразу озвучу тебе задачу, от грамотного исполнения которой зависит... Впрочем, о вознаграждении мы поговорим позже.»

Толстяк Мартын с готовностью приподнялся, не веря собственному счастью. Проколовшись однажды, он целыми днями тасовал варианты искупления грехов перед большим боссом, но даже в самых смелых своих фантазиях не мог предположить, о чем конкретно будет просить его величественный босс. Уже сама формулировка вгоняла исполнительного Мартына в ступор, не говоря о ее содержании.

«Я немного знал Прохора, действительно, — осторожно отозвался Мартын на вопрос о глубине дружеских отношений, — мы общались в рамках профессиональных вопросов. Он врач и весьма неплохой»

Мартын решил не уточнять, при каких настораживающих обстоятельствах состоялось их знакомство и поэтому отделался общими фразами.

«Прекрасно! — почему-то обрадовался босс, — меня интересует именно этот аспект, Мартын. Прохор, действительно, гений, я успел убедиться в том, и сейчас мне необходимы некоторые его соображения, касающиеся научных вопросов. Словом, мне нужны его записи, Мартын. Все до единой. Если ты мне добудешь эту информацию, я выполню любую твою просьбу. Любую, Мартын. Но если ты снова сваляешь дурака, на мое расположение больше можешь не рассчитывать»

«Какие записи? — потерянно уточнил толстяк, теряя нить беседы, — что они содержат?»

«Все, Мартын, все до одной,» — ласково повторил босс и покинул темную келью.

На следующий день толстяк Мартын топтался возле широкого проспекта, щурясь на неяркое осеннее солнышко. Сейчас перед ним стояла весьма четкая задача с очень размытыми контурами. Игнат ни слова не сказал о нынешнем месте пребывания объекта, не обеспечил его необходимыми мелочами, включающими в себя деньги, транспорт и прочие плюшки, зато весьма отчетливо обозначил сроки исполнения. На все про все Мартыну давался месяц, по истечении которого на столе большого босса должны будут лежать вожеленные разработки. А если рядом будет маячить готовый к сотрудничеству Прохор Моськин, то шансы на победу и подарки возрастут у Мартына в разы. Ну а если все пойдет не по плану, о том Мартын старался не задумываться.

Последний раз толстяк видел Прохора пару месяцев назад, именно тогда мстительный

Игнат решил проучить прощтрафившегося исполнителя и закрыл Мартына в катакомбах. В условиях полнейшей невозможности пользоваться средствами связи, задача толстяка усложнялась, а обещанные преференции виделись весьма туманными. Мартын решил начать с информационной базы, от которой, как он подозревал, будет не слишком много толку. Прошерстив каждую графу бесконечной информационной бездны, Мартын откровенно приуныл. Все данные, касающиеся господина Моськина обрывались маем 2082 года, когда тот неосторожно засветился в Научном Центре разработок и технологий. С той поры неугомонный Прохор успел посетить приморскую провинцию, где и состоялось их спонтанное знакомство, после чего рванул в лебеда, и не факт, что прямо сейчас он находится именно там.

«Черт, черт, черт,» — грязно выругался интеллигентный Мартын и в бессилии жажнул пухленьким кулачком о бетонную стенку автобусной остановки. И в ту же минуту, как по волшебству рядом с ним остановилась раздолбанная колымага, из окошка которой высунулась веселая тощая рожа.

«Садись, подвезу!» — очень нехарактерно предложила она и приветливо распахнула пассажирскую дверцу. Последнее время граждане предпочитали чаще ходить пешком, во избежание недоразумений. Общественный транспорт давно уже стал достоянием истории, а частные извозчики запрашивали сказочные гонорары в виде консервированной вонючей дряни или химического растворимого порошка. Деньги перестали быть деньгами, во всяком случае, среди обывателей. Мартын от неожиданности протиснулся в салон и на всякий случай предостерег:

«Денег нет, корма тоже нет. А куда ехать, я не знаю.»

Удивив водителя вводными данными, Мартын замолчал, ожидая волшебного пинка под зад. Но приветливый водитель только рассмеялся, заводя мотор.

«Это ничего! — заявил он, — это случается. Я вот тоже не имею понятия, куда ехать, весь мир в моем распоряжении! Начальник выпер меня с работы, а я этому только рад! Подумаешь, исследовательский Центр! Найдем себе чего-нибудь попроще. Пойду в медиумы, как тетка моя. И ничего, даже в нынешний век умудряется дурить людям мозги. Любую фигню расскажет, любого человека отыщет и без браслета, и без базы. Во как!»

«Любого? — переспросил Мартын, упуская из вида часть про задуривание мозгов, — и что, вправду может?»

Мартыну сейчас все средства были хороши, и уже через полчаса он входил в подъезд обычной многоэтажки, где в одной из квартир проживала тетка-медиум.

В полутемной комнатке, за круглым магическим столом Мартына встретила обычная бабка, до самых глаз замотанная в синтетические шали и платки. Перед ней сиял разноцветными огнями стеклянный шар, а сбоку притулился странного вида кувшин. То ли он тоже обладал магической силой, то ли служил источником мистического вдохновения, подпаивая хозяйку волшебной дурью.

«Знаю твою беду, — без предисловий завела тетка знакомую песню. Честный Мартын не успел предупредить ее об отсутствии финансов, но раз тетка уже знала о его беде, решил пока помолчать. — вижу широкое поле, чистое и бескрайнее, ровное и необъятное, сухое и пустынное.»

Потом тетка резко замолчала, устав перечислять характеристики загадочного поля, и уставилась на растерявшегося толстяка.

«Зачем пришел? — рывкнула она, пугая резкой сменой интонации — злое дело затеял,

ничего не скажу тебе. Убирайся!»

Мартын торопливо поднялся, опасаясь, что шарлатанка раскроет все его секреты и сдаст властям, и вышмыгнул за дверь.

До самых дверей в голове Мартына крутилась странная присказка про неведомое поле, и когда он снова очутился на улице, то не задумываясь, объявил ожидающему его водителю.

«Везите меня в поле, чистое и бескрайнее»

Глава 49.

«Прохор, — негромко прошептал Женька, опасливо косясь на неотвязную Соню, — я очень устал. Давай немного отдохнем»

Мы шлепали по степи, не прерываясь на сон и обед, уже больше трех часов, все еще не обозначив себе конкретный маршрут. По моим задумкам, степь должна была скоро кончиться, и где-нибудь впереди нас обязательно ожидала цивилизация. Мой Женька то и дело останавливался, переводя дыхание, и бесстрашно двигался дальше, демонстрируя чудеса выносливости. Я несколько раз предлагал ему остановиться, передохнуть, но он испуганно вздрагивал всякий раз, когда я озвучивал свою очередную мысль. С момента моего возвращения Женька стал весьма настороженно относиться к моей компании, растеряв ту доверчивую открытость, которую я очень ценил в нем. В какой-то степени я понимал его и не осуждал за вынужденную предосторожность, но с каждым пройденным километром, подобная его реакция начала вызывать во мне глухое раздражение.

«Прекрати, Женя, — как-то не выдержал я его очередного кривляния, — верни мне того Женьку, которого я знал всегда. Веселого и открытого. Сторонись тех, кто действительно может причинить тебе зло. Я не из их числа, запомнил?»

Моя отповедь осталась за границами Женькиного понимания. Он по-прежнему чаще молчал, послушно плетясь где-то в стороне, и его неожиданное предложение об остановке впервые за много часов очень обрадовало меня.

«Обязательно, Женя, — как можно радушнее отозвался я, — видишь, впереди начались посадки? Среди них можно отыскать себе подобие ночлега»

Женька кивнул, привычно соглашаясь со мной, и ускорил шаг, увидев цель. Там, в посадках, мы удобно расположились прямо на корнях полусохших деревьев, когда до меня дошли очевидные факты.

«Женя, мы возвращаемся в значимый город 22, - произнес я, угадывая нашу пройденную ранее дорогу. — в том нет никаких сомнений, видишь указатель?»

Оказалось, мы прошли насквозь бескрайние просторы степей и вновь вышли к асфальту. Женька недоуменно пялился на широкую ленту цивилизованной дороги, но явно не проникался очередным открытием.

«Мне все равно, Прохор, — устало выдохнул он, — делай, что хочешь.»

Мне совершенно не понравился тон, каким Женька отозвался на мои наблюдения. Такой тон говорил о полной безнадеге и безысходности, и я только усмехнулся в ответ на его

ремарку.

«Все хорошо, Женя, — улыбнулся я, — в городе мы легче отыщем способ попасть к южным горам. В конце концов, там все еще остались весьма стоворчивые автовладельцы»

«И что ты им предложишь? — невесело усмехнулся Женька, — свое старое барахло? Денег все равно не осталось. И концентрата. Ничего нет, Прохор. И я не знаю, как можно изменить ситуацию»

«Есть мы, это главное, — немного пафосно проговорил я, — а что касается моего барахла, то я не расстанусь с ним за все блага мира. Запомнил, Женя?»

«А способы оплаты могут быть разными,» — помолчав немного, добавил я, а Женька многозначительно ухмыльнулся. На мгновение передо мной показался мой прежний приятель, веселый, остроумный и рассудительный. Показался и снова пропал под настороженной маской. Но даже на этот краткий миг я поверил, что все образуется.

Мои попытки заснуть этой ночью потерпели сокрушительное поражение. Несмотря на долгие переходы, невольную демонстрацию суперспособностей и прочие нагрузки, сон не шел ко мне, заставляя ворочаться с боку на бок и пялиться в темноту. Моя возня разбудила Женьку, и тот, приподняв голову, беспокойно замер, прислушиваясь к внешним звукам.

«Все в порядке, Тиша? — спросонок прошептал он, — не спится?»

«Все нормально, — отозвался я, — спи, Женька, отдыхай пока»

Однако, посыл не прошел, мой приятель присел и уставился на меня. Даже в темноте было заметно, сколько вопросов тесниться в его голове прямо сейчас, но я терпеливо ждал, когда хотя бы один прозвучит вслух. Наконец, Женька набрался решимости и пробормотал, наклоняясь к самому моему лицу:

«Ты же умер тогда, Тихон. Я очень внимательно прислушивался к твоему дыханию, я искал твой пульс и слушал твое сердце. Оно молчало, Тихон, а из твоей разбитой головы на землю вываливались твои гениальные мозги. Я не мог ошибиться, Тихон, ты был по-настоящему мертв! Как ты вернулся? Поверить в это не могу! Этого не может быть, Тиша, потому что этого не может быть никогда» — торопливо бормотал он, вглядываясь в мои глаза, словно именно в них скрывалась вся правда.

«Я видел Фила, Женька, — сокрушенно поведал я то единственное, что волновало меня больше всего, — ему плохо там, я знаю, о чем говорю. Я был в его крохотном домике, видел его нищее убранство и мне бесконечно жаль, что после стольких лет упорного труда, он добился того, что имеет. Я не придумываю, Женя, так оно и есть»

«Видел Фила?! — взвизгнул Женька, а Соня беспокойно заворочалась на своем жестком ложе, — как такое может быть? Он говорил с тобой?»

Я мог бы пересказать Женьке дословно наш разговор, но неожиданно где-то со стороны трассы раздался нарастающий гул автомобильного двигателя. Беседа была прервана, а Женька привычно вцепился в мою руку, отыскивая поддержку. Или пытаюсь оградить меня от опасности. Кто знает, почему он все время цеплялся за меня в период больших волнений? Гул приближался и, поравнявшись с нашим импровизированным биваком, неожиданно заглох. Тишина обрушилась настолько внезапно, что нам обоим показалось, что мы оглохли в одночасье. Потом в темноте раздались характерные звуки попыток оживить двигатель, захлопали дверцы, и до нас докатились невнятные голоса бедолаг, попавших в техническую ловушку.

Из их невнятного разговора становилось понятно, что к преступным элементам они не имеют никакого отношения, являясь всего лишь неудачливыми путешественниками.

«Может поможем им?» — предложил добросердечный Женька, снова забывая про осторожность.

Мне не слишком хотелось афишировать свое пребывание в пустынной посадке, однако Женькино желание творить добрые дела можно было потрогать рукой, а после отпинать ногами. Я нехотя вылез из-под приютившего нас куста и решительно направился к суетящимся путешественникам.

«Проверь топливо, Мартын!» — расслышал я в крошечной темноте, и с удивлением узнал в ответной реплике голос нашего общего приятеля.

«Да вроде все в норме, датчик показывает полбака, — послышался знакомый голос, а я с удивлением воскликнул:

«Мартын Мартыныч? Ты ли это?»

Невнятная темная фигура вздрогнула, замерев на мгновение, и неловко развернулась. В неясных отблесках фар, действительно, угадывалась толстая фигура господина Шварца, неизвестно, каким ветром занесенного в бескрайние степи.

«Прохор? — недоверчиво переспросил Мартын, рассматривая меня в темноте. — вот так встреча, дружище! Поверить не могу! Прохор! Какими судьбами? Прохор, это ты?»

Я никогда бы не подумал, что моя скромная персона вызовет у малознакомого толстяка столько восторга. Несмотря на наше довольно тесное общение, между господином Шварцем и мной так и не вспыхнула та искра, которая могла бы родить такое пламя эмоций.

«Невероятно, правда? — хмыкнул я, подходя ближе, — а мы вот путешествуем налегке, так сказать.»

У меня не было желания делиться с восторженным толстяком всеми событиями, какие обрушились на наши плечи в последние несколько дней, не говоря уже о моих проделках в вверенной мне лаборатории. Господину Шварцу, видимо, и не нужно было знать о моих текущих делах. Его радость вполне бодро подпитывалась одним моим присутствием. Мартын, разом забыв о намеченном ранее маршруте, принялся суетиться с заглохшей техникой, попутно озвучивая новые задачи.

«Ты просто обязан навестить меня, Прохор, — бормотал Шварц, нервно выдергивая из-под открытого капота какие-то детали. — я не приму отказа ни в коем случае. Иначе обижусь навсегда!»

В его чрезмерно дружелюбной интонации я расслышал знакомый голос Иннокентия и неожиданно согласился. «В конце концов, чего мы теряем? — думал я, помогая реанимировать старушку-машину, — выспимся в нормальных условиях и возможно, сумеем уговорить Мартына подбросить нас до южного направления.»

Общими усилиями сдохший движок всхрапнул, чихнул и мерно затарахтел, приглашая продолжить путешествие. Мы провозились на дороге чуть больше часа, и за все это время не в меру оживленный Мартын то и дело принимался восхищаться внезапностью встречи.

До самого города господин Шварц в красках рисовал мне открывающиеся перспективы совместного отдыха и своими дифирамбами немного притупил мое внимание. Мы давно уже катились по темным улочкам лебедей, но все никак не могли попасть на знакомый проспект, где жил наш эмоциональный друг.

«Мартын, ты переехал? — неожиданно подал голос молчавший до сих пор Женька. — тот парк, напротив которого ты жил, мы давно уже проехали»

Эта невинная реплика вызвала в Мартыне полное замешательство. Он разом сдулся, что-то неразборчиво пробормотал и надолго затих, сосредоточенно вглядываясь в дорогу. Я

подумал о семейных неурядицах, о происках Игната Бражникова и несчастной супруге Ксении, о судьбе которой мог только догадываться.

«И где ты сейчас живешь?» — никак не мог успокоится нетактичный Женька, не проникаясь душевной драмой господина Шварца.

Мартын ожидаемо молчал, а мне вдруг представился полуподвальный закуток, где вынужден был скрываться от вездесущего Игната невезучий приятель. Женька нетерпеливо заерзал, привычно видя во всем всемирный заговор, и неосознанно схватил мою руку, призывая к здравому смыслу. Машина продолжала резво катиться по мало освещенным дорогам, Мартын продолжал молчать, а мне стало любопытно, что сейчас происходит в жизни нового приятеля. На все мои вопросы тот партизански отмалчивался, отделяясь невнятными фразами, чем только приумножал мою любознательность. Отчаявшись дождаться от Мартына внятного ответа, я рискнул прибегнуть к незаконному, но крайне надежному способу и полез в его мозги. Эта процедура никогда не вызывала у меня особых затруднений, не стала проблемой и сейчас. В голове господина Шварца ворочались разные мысли, но все они были сбиты с маршruta самой главной мыслью, занимающей все информационное поле, и она мне активно не понравилась. Ознакомившись с содержимым мозгов коварного Шварца, я интуитивно вытянул вперед руку, и от посланного мной потока энергии, машину крутануло, выбрасывая на тротуар. Я еще не слишком хорошо управлялся с этими энергетическими лучами, и видно немного перестарался, поскольку водитель, в ужасе выкручивая руль, все-таки вписался в бетонное ограждение, выполняющее неясные функции. От удара машину подбросило и перевернуло на бок. Толстяк Мартын, глухо охнув, навалился на беднягу шофера, а мой Женька, цепляясь за воздух, самым непостижимым образом, вылетел наружу. Судьба Сони оставалась невыясненной, и когда мы все, кряхтя и переругиваясь, выползли, наконец, на свободу, оказалось, что барышня невежливо оставила нашу блистательную компанию, свалив в закат.

Находиться в обществе Мартына Мартыновича после обновленных данных становилось неудобно, и я, не желая выдавать тайны следствия, попытался закончить встречу на вежливой ноте. Женька облегченно выдохнул, разгадав мои маневры, а неосведомленный Мартын с удвоенной силой принялся уговаривать посетить его жилище.

«Старая рухлядь все-таки подвела нас, — сокрушался он, равнодушно поглядывая в сторону своего приятеля-шофера, — но это не должно стать поводом нарушать наши планы. До моего дома осталось совсем немного, предлагаю пройти пешком!»

«Мы вынуждены отказаться, — резче обычного отозвался я, не выдерживая роль, — переночуем в другом месте»

И не дожидаясь ответных реплик, гордо двинулся прочь, подтягивая за собой верного Женьку.

Как только место аварии скрылось с глаз, а отвратительные сирены набежавших патрулей перестали взрывать нам мозги, я оттащил Женьку в сторону и наклонившись, прошипел ему в ухо:

«Уходим, Женя. Мартын не так прост, как хотел казаться. Игнат взял его в соратники и приказал добыть записи моих разработок. Встреча на трассе значительно упростила Мартыну Мартыновичу обозначенную задачу, и негодяй собирался убить сразу двух зайцев, доставив на завтрак Бражникову вместе с разработками и гениального Прохора Моськина. Нам нужно поторопиться.»

Женька внимательно выслушал мои новости, даже не пытаясь узнать их источники, и

оглядев меня с ног до головы, потерянно пробормотал:

«Ну одного зайца негодяй, все же убил, Тихон. Скажи мне, где твоя сумка?»»

Глава 50.

«Почему Тихон не может быть таким, как все? — размышлял Женька, уныло плетясь вдоль ночных улиц. — ну, или почти таким,» — поправил он себя, неожиданно вспомнив о собственной необычности.

Потеря вещей настолько подкосила великолепного Прохора, что тот на мгновение вышел из привычного отрешенного образа и некоторое время весьма виртуозно выражал негодование, знакомя Женьку с новинками русского мата. Варвар в первую минуту тоже немного загрустил о пропаже, однако и здесь его внутренний оптимист отыскал массу жирных плюсов.

«Может быть теперь ученый мир оставит Прохора-Тихона в покое и даст ему возможность обустроить свой быт и наладить обычную жизнь рядового гражданина?» — думал Женька, не будучи осведомлен до конца об опасных задумках влиятельных и могущественных. Тихон однажды в мутных выражениях познакомил приземленного бродягу с основными тенденциями, но вся информация надежно растворилась в незамутненных Женькиных мозгах, не найдя там солидной опоры. Сейчас их путь был неясен и пролегал там, куда падал взор. Занятые каждый своими мыслями, они не заметили, как оказались на самой окраине города 22, неподалеку от знакомых склонов.

«Начнем с начала, Женя? — пробормотал немного успокоившийся Тихон, — наше бегство не вызовет эйфории у господина Бражникова, ровно, как не родит и безмерной грусти. Он достиг цели и наверняка не станет тянуть с реализацией. В сумке были все мои записи, а также та полезная информация, что хранилась некогда в волшебных коробках. Теперь дело недолгого времени вновь запустить установку, но теперь с куда большей эффективностью. Женя, я устал. Все, к чему бы не прикасались мои руки, превращается в угрозу всему живому. Фил был тысячу раз прав, называя меня идиотом. И еще он очень недоумевал, чем я мог вызвать в другом человеке столько теплоты и искренней любви? Я неудачник, Женя, пора это признать»

Самобичевание Тихона звучало настолько нехарактерно, что Женька даже растерялся. Он никогда не считал Тихона Русакова неудачником. Эгоистом — иногда, самовлюбленным сибаритом — время от времени, чертовым везунчиком — постоянно. Но «неудачник» было не то понятие, которое раскрывало бы истинное лицо гениального ученого.

«Прекращай, Тихон, — безразлично пробормотал Женька, всматриваясь в темноту, — лучше посмотри, что там валяется, на склоне?»

На склоне, действительно, темнел какой-то неопознанный предмет, очертаниями и размерами очень напоминающий потерянную кожаную сумку. Тихон резво подскочил, забыв про душевные терзания, и в два прыжка оказался возле загадочной находки.

«Женя, — негромко проговорил он, поднимая ее с земли, — это она. Но какого черта она делает здесь, в паре десятков километров от места трагедии?»

В волнении он вытряхнул содержимое драгоценной находки прямо на землю и принялся ворошить скомканное тряпье. Женька следил за меняющимся выражением на утонченном небритом лице, и ему можно было уже не озвучивать тот очевидный факт, что

тетрадка с записями в сумке отсутствует.

«Она пропала, — все же счел необходимым уточнить Тихон, — но все же это странно. Зачем Мартыну совершать столько лишних движений, возвращая сумку за пределы города? Кроме той тетрадки, в ней нет ничего ценного, ну разве что ее принадлежность к давно исчезнувшему модному бренду. Но это только повод сохранить ее, как исторический артефакт. Что скажешь, друг Женя?»

Но Женька настолько потерялся в событиях, что смог только невнятно развести руками и озвучить самое очевидное:

«Что тут скажешь, Тихон. Сумка с нами, давай порадуемся хотя бы этому»

Предаться восторгам им помешал шум, возникший на вершине склона, и мелькающий свет поисковых фонарей. В считанные минуты невезучие скитальцы были окружены плотным кольцом бойцов охранения и повалены на землю.

«Молчать и не двигаться!» — рявкнули сверху.

Женька послушно замер, косясь на своего приятеля, который тоже решил воспользоваться дельным советом. Вести беседу в подобном положении желания не возникало тоже, и под дружное пыхтение исполнительных вояк оба бродяги беззвучно были транспортированы в крытую машину. Женька пытался по внешнему шуму определить, куда в этот раз несет их нелегкая, и не определил. С ними сидел один из охранников, упрямо сохраняющий молчание и внимательно изучающий истоптанный пол кибитки. Тихон даже не пытался наладить с ним контакт, и даже старался как можно реже смотреть в его сторону, выражая тем самым высшую степень презрения. Машина внезапно остановилась, и суровый страж жестом предложил пассажирам выметаться прочь. Спорить с отрядом охранения было бессмысленно, вступать с ними же в открытые пререкания и лезть на рожон граничило с безумием, и Женька послушно спрыгнул на землю, припоминая покойного Захара.

Барвар не успел как следует рассмотреть высокое здание, возле которого им предлагалось сделать привал, поскольку ему на голову был сброшен синтетический мешок, отдающий химическими реактивами. По всей вероятности, Тихона постигла та же судьба, поскольку до Женьки донесся его негромкий неразборчивый голос, выразивший явное недовольство. После весьма утомительного, но недолгого пути их втокнули в какую-то дверь, и Женька получил возможность познакомиться с обстановкой воочию. Конечной точкой их маршрута стал просторный светлый кабинет с массивным столом и резным старинным креслом, в котором Женька не с первого раза разглядел маленького тщедушного человечка, показавшегося ему смутно знакомым. Человечек при виде вошедших, тут же оторвался от изучения каких-то бумаг и откинулся в глубоком кресле.

«Ну, что, Прохор, — вместо приветствия сухо проговорил он, — все дорожки ведут к свиданию, как пелось когда-то в старой песенке.»

Фривольный тон хозяина не смог обмануть насторожившегося Женьку. Тщедушный человечек источал злобу, нетерпение и искреннее любопытство, которое никак не мог скрыть за небрежностью жестов.

«Так вот ты какой, Прохор Моськин, — издевательски протянул он, подходя вплотную к Тихону. — а я тебя знаю. Это же ты помогал толстому недоумку устранять неполадки в работе моего приспособления. Согласись, весьма любопытная разработка, ты не находишь? Однако она не идет ни в какие сравнения с твоими изобретениями, Прохор Моськин. Я уже познакомился с некоторыми твоими исканиями. Ты чертовски умный. И тупой одновременно. Ты же не хочешь сотрудничества со мной? Нет? И ни с кем не хочешь? В том

твоя ошибка, Прохор. Быть одиночкой всегда нелегко. Быть гением-одиночкой невыносимо.»

Руки Тихона были туго стянуты за спиной, а его голова надежно спрятана под непроницаемым мешком, однако даже такой, беспомощный и безопасный, Тихон вызывал у человечка тревогу. В тощем хозяине Женька узнал того невнятного типа, что напрашивался на общение после взрыва трансформаторной будки, он же приказал невменяемой Соне приглядывать за Женькой в квартире, он же считался самым могущественным человеком в текущем отрезке времени и носил имя Игнат Бражников.

Тихон продолжал сохранять молчание, а Игнат, немного приободрившись, продолжил начатую мысль.

«Прохор, я предлагаю тебе дружбу, — разоткровенничался Бражников, — от такого не отказываются, поверь. Посмотри на себя, Прохор. Ты, несмотря на свою гениальность, был и остаешься никем. Однажды случайный барыга, решивший отметить удачную сделку в вокзальном кабаке, снял на ночь проститутку, которую нашел там же. И в результате пьяной оргии на свет появился ты. Все твоё детство и часть юности прошло за вонючими стенами того же кабака, где ты изо всех сил пытался не сдохнуть с голоду. Потом случилась эпидемия, ты обратился в тварь, но это не существенно, Прохор. Тогда это даже приветствовалось. Я никому не расскажу о твоих играх с законом на том этапе жизни. И спустя пять лет ты снова объявился, но теперь уже в образе ученого. Весьма неплохого, я бы сказал. Вероятно, у тебя были хорошие учителя, но о том мои источники не упомянули. Да оно и не нужно. Я сам узнаю все из первых уст, так сказать. Поведай мне, Прохор, как ты умудрился, живя в клоаке и имея чудовищную наследственность, сделать такие потрясающие открытия? Говори, не стесняйся.»

Женька, широко распахнув глаза, слушал откровения господина Бражникова, и не верил ни одному его слову. Источники, к которым обращался Игнат, безбожно наврали ему, выставив его Тихона в таком неприглядном свете. С его наследственностью было все в порядке, а его матушка была уважаемой женщиной, доброй и порядочной. Не говоря уже об отце, талантливом враче и удачливом бизнесмене. Тихон молча сжимал кулаки за спиной и никак не реагировал на невнятные инсинуации. Все же он добровольно натянул на себя отвратительную личину маргинала Моськина и создал ему имя.

Игнат оказался на редкость терпеливым и, полюбовавшись на молчаливого собеседника в ожидании ответа, запел снова.

«Ну что ж, это твое право, Моськин. Сейчас ты молод и силен, но придет время, когда ты будешь остро нуждаться в верных друзьях, теплом доме и стабильном доходе. Сейчас ты живешь, где придется, питаешься самым дешевым концентратом. Если ты сломишь свое непонятное мне упрямство, я дам тебе все, чего ты лишен, и немного больше. Ты сможешь носить настоящие вещи из натуральных материалов и есть вкуснейшую пищу, о существовании которой даже не догадываешься. И законники никогда не встанут на твоём пути. Подумай. Взамен этих предпочтений я предлагаю помочь мне, обнародовать свои разработки и перестать валять дурака.»

Игнат медленно подошел к Тихону и осторожно провел раскрытой ладонью по оборванным тряпкам, выполняющим роль одежды упрямого ученого. Тихон ошутимо напрягся, интуитивно отступив назад, а Бражников, не обращая внимания на столь красноречивую реакцию, также не торопясь, стянул с головы молчаливого собеседника непроницаемый мешок.

«Ты очень изменился за годы скитаний, — задумчиво пробормотал Игнат, вглядываясь в тонкие красивые черты, — подростком ты был весьма посредственен. Видишь, мне даже не пришлось покидать эти стены, чтобы разузнать о тебе все, что необходимо, Прохор Степанович Моськин. Иди, подумай над моим предложением.»

Место, где предлагалось господину Моськину обдумывать выгодные предложения, выглядело карцером, да по сути и было им. За все время аудиенции, господин Бражников ни разу даже не взглянул в сторону верного спутника гениального маргинала, поскольку считал, что отлично разбирается в людях. Невзрачный Женька не вызвал у Игната никаких эмоций и был включен им в ряды туповатого Тараса, безмянного подельника и иже с ними. Поэтому и в подземелье Женька отправился вместе с Тихоном, чему тот не переставал радоваться до тех пор, пока за ними не захлопнулась железная дверь.

«Что дальше? — прохрипел Тихон, когда за дверью стихли шаги их тюремщиков, — давай, Женька, сыпь идеями. Мои мозги отказываются рождать умные мысли. И любые другие тоже.»

Женька присел на ледяной цементный пол и, косясь на приятеля, едва слышно пробормотал:

«Зато теперь я знаю, кто ты такой, Прохор Степанович. А кстати, почему ты остановился именно на этом невзрачном типе? Что мешало тебе подыскать более приличный прообраз?»

«Я и сам не знал, кто он такой, — просто отозвался Тихон, опуская голову, — по криминальным сводкам он не проходил, коммуналку не задерживал, я посчитал, что этого достаточно. К тому же, выбор у меня был не слишком большой. Моськин хотя бы был тощим и белобрысым, поэтому у много значимого Игната и не вызвал много сомнений. Хрен с ним, Женька. Что будем дальше делать мы? Как нам выбраться из этого мешка?»

Женькины дальнейшие планы оставались туманными. Он не имел представления о запасах терпения и выдержки всемогущего воротилы, поэтому о сроках их пребывания в застенках не предполагал даже вариантов. Последний же вопрос и вовсе повис в воздухе. Судя по внушительного вида помещению, а также предпринятым по пути мерам предосторожности, бункер охранялся ревностно и шансов на побег не оставлял.

«Развязать тебе руки, Тихон? — озвучил Женька самое очевидное и решаемое, — или ты так и будешь сохранять гордую неприкосновенность?»

Тихон негромко усмехнулся и неловко протянул из-за спины покрасневшие кисти стянутых рук. Женька принялся колдовать над замысловатым узлом, почему-то припоминая странную гибель деревенского бандюгана, угрожавшего ему ножом и требующего расплаты. Тихон терпеливо ждал, сохраняя полную неподвижность.

«Как ты думаешь, куда делась Соня? — вне всякой связи с происходящим пробормотал Тихон, когда его запястья оказались на свободе, — это же дочка Игната, помнишь? Кстати, было странно увидеть ее снова с тобой там, на склоне. Где ты с ней пересекаешься?»

Обстоятельства встречи с невнятной девчонкой вновь вернули Женьке депрессивное настроение. Он отчетливо увидел перед собой страшный могильный холм и недовольно поморщился.

«Я не знаю, откуда она всегда берется, и, если честно, не сильно удивлюсь, если завтра утром ее заторможенная мордочка будет маячить прямо здесь,» — проговорил он и закрыл тему.

Глава 51.

Вопреки Женькиным ожиданиям, ни на завтра, ни через день Сониная рожица так нигде и не появилась, так же как не появились наши строгие тюремщики, стремящиеся узнать вердикт капризного ученого. Трое суток мы с Женькой проторчали в полной изоляции от внешнего мира, обходясь короткими фразами, не содержащими никакой смысловой нагрузки. Мы оба опасались вести задушевные беседы, помня о всемогуществе господина Бражникова и его неумеренном любопытстве. Женьке казалось, что в подобном молчании прошла целая вечность, и от тоски он то и дело принимался нарезать круги по нашей неуютной келье. Мне не было нужды спрашивать Женьку о его соображениях, поскольку я всегда мог узнать новости из первоисточника. Однако, даже сходя с ума от неизвестности, я ограничивал себя в подобных фокусах. После того несанкционированного проникновения в Женькино сознание, у меня больше не возникало желания копаться в его чересчур откровенных мыслях, от которых становилось неловко. Ожидая моего ответа, господин бизнесмен видно решил создать мне самые жесткие условия, после пребывания в которых мое решение станет очевидным. На четвертые сутки от голода перед моими глазами плясали разноцветные пятна, а тело отказывалось выполнять самые необходимые команды. В нашем милом закутке не предполагалось так же наличия самых элементарных удобств в виде какой-нибудь раковины с холодной водой и подобия сортира. Впрочем, последняя примета цивилизации вряд ли пригодилась бы нам, учитывая щедрость господина тюремщика. Мне нестерпимо хотелось пить, а за горсть концентрата я продал бы душу, однако врожденная гордость не позволяла мне идти на уступки. Неделью спустя Женька предпочел не подниматься с ледяного пола, продолжая безвольно валяться у стены, и я с тревогой заметил в нем первые признаки обезвоживания. Его речь стала невнятной, а дыхание едва протискивалось сквозь плотно сомкнутые посиневшие губы.

Вскочив на ноги, я решительно заколотил в массивную железную дверь, призывая своих тюремщиков.

«Откройте! Я согласен!»

Словно по волшебству, тяжелая дверь распахнулась, и на моем пороге появились безликие серые фигуры, в сопровождении которых мне предлагалось покинуть стены темницы. Женька, шатаясь и вздыхая, плелся сбоку, останавливаясь каждые несколько метров и переводя дыхание. Пока мы поднимались по полутемной лестнице, нам на глаза попалось несколько хитрых приспособлений, снабжающих обитателей огромного здания чистой питьевой водой. Я внимательно следил за тем, чтобы Женька не воспользовался этими благами цивилизации, и некоторое время у меня получалось сдерживать его порывы. Однако возле одного устройства я отвлекся и спустя минуту расслышал характерные звуки. Несчастный брат наглотался воды и теперь его выворачивало наизнанку. Наши сопровождающие в замешательстве замерли, не зная, что предпринять, а я, движимый неведомым инстинктом, просто обхватил извивающегося Женьку сильными руками, от волнения не придумав другого способа экстренной помощи. Женька, изрыгнув незначительную порцию воды, безвольно повис в моих руках, восстанавливая дыхание. Мне были необходимы соответствующие компоненты, чтобы составить для Женьки грамотное

лекарство, но все, что я мог сделать прямо сейчас, было моими попытками не позволить ему свалиться на пол, в лужу собственной блевотины. Мой невоздержанный приятель некоторое время поболтался в ласковых объятиях, после чего уверенно вывернулся и с непониманием уставился на меня.

«Отпусти меня, Прохор, — вполне разборчиво изрек он, — дальше я сам.»

Его молниеносное восстановление из умирающих немного смутило меня, но я, не придав этому большого значения, нехотя выпустил Женьку на волю и продолжил путь.

Могущественный Игнат ждал меня в своем кабинете, вальяжно развалившись в своем дорожном кресле. Увидев его тщедушную тушку, старательно демонстрирующую вселенское превосходство, я не сдержал усмешки. Перед моими глазами возник Фил, встречающий меня в моей потусторонней резиденции. Вот в ком действительно жило врожденное могущество и самодостаточность. Даже за гранью Фил умудрялся сохранять достоинство, не прилагая к этому никаких усилий. Игнат, уловив оттенки моего настроения, разом подобрался и, натянув на рожу гневливое выражение, сухо бросил:

«Итак, что ты надумал, Великий Прохор?»

Его интонация немного не дотягивала до того эффекта, на который была рассчитана, но я был невзыскателен. Согласно кивнув в такт его издевкам, я смиренно озвучил свое видение ситуации.

«Я согласен, Игнат. Но у меня есть несколько условий, обязательных к исполнению. — я тоже мог быть резким, и господин Бражников это отчетливо уловил. — вы не при каких обстоятельствах не должны отыгрываться на Евгении и манипулировать мной, используя этого человека. Он не имеет никакого отношения ни к науке, ни ко мне. Если подобное повторится хотя бы однажды, ярываю с вами все договоры. Это первое условие. И еще. Мне должны быть доступны возможности свободного перемещения в пределах города, без каких-либо ограничений. Если я почувствую за собой слежку, контроль или что-то подобное, я так же отказываюсь от любых совместных проектов. Я не преступник, чтобы меня содержали в клетке. Это все.»

Выслушав мои невнятные тезисы, Бражников от души заржал, хлопая себя по коленкам и утирая слезы счастья. У меня не было времени подготовить что-то более внушительное, однако эти пункты я считал основными и отступать от них не желал.

«Так и быть, — наигранно важно проговорил Игнат, — добрый дядюшка Гудвин принимает твои условия, железный идиот! Возвращайся с миром и к завтрашнему утру готовься к великим свершениям!»

«Что за странные условия, Тиша? — проговорил Женька едва мы оказались в обещанных Игнатом апартаментах, — мне казалось, Бражников и не заметил моего присутствия. Да и с чего он бы манипулировал тобой, используя меня? Ты мог бы попросить вечную молодость, власть над миром и кусочек торта, по-моему, Игнат согласился бы и на это.»

Условия были вполне обычными. При всей своей самоуверенности и мега возможностях господин Бражников не остановиться ни перед чем, с носорожьей грацией ломаясь к выбранной цели. Даже сейчас я сомневался в его искренности. А что касается вечной молодости, то я охотно бы поменял свою на возможность состариться и умереть за пару месяцев.

На следующее утро я, как и обещал, появился на пороге величественного кабинета, свершать великие дела. Бражников, не здороваясь, потянул меня по широкому коридору,

знакомя с территорией. Те секретные лаборатории, что взлетели на воздух моими стараниями, как выяснилось, давно требовали реконструкции, и я своими действиями только ускорил процесс. Единственно, чем остался недоволен Игнат, была необходимость вкладываться в ремонт поврежденных установок. Но и в том прагматичный босс сумел отыскать свои плюсы.

«Я усовершенствовал коробки, — доверительно прижимаясь ко мне, поведал большой босс. Он с радостью отечески приобнял бы меня за плечи, но, к сожалению, при его росте он мог бы только обхватить меня за пояс, чего я, разумеется, ему не позволил. — теперь радиус их воздействия увеличен, а мощность раздачи препарата превышает прежние показатели в пять раз. Ваша задача, Прохор, в свою очередь, усовершенствовать вашу формулу и направить ее воздействие на неокрепшие умы сограждан. Дурак Мартын думал, что таким образом у соотечественников вырабатывается иммунитет к пагубному вирусу. Но в чем-то он, действительно, прав. Дикое создание не сможет стать еще более диким, вы согласны со мной, Моськин?»

Я не был согласен с Игнатом, но мне нужно было время для обдумывания ситуации. В конце концов, мелькнула малодушная мысль, в целом мире у меня нет никого, ради кого я бы бодался с одержимым фанатиком. Никого, кроме Женьки, но ему я выговорил относительно безопасные предпочтения.

Через здание Центра была проложена секретная тропа, напрямик ведущая к первой секретной лаборатории, в которой отныне предписывалось трудиться мне. Теперь вместо одинокой кельи с ведущей коробкой нашему взору были представлены несколько помещений, усовершенствованных по последнему слову техники. А именно до краев уставленных прозрачными стеллажами с множеством пузырьков. В них, как я понял, хранились те самые ингредиенты, сочетание которых мне предлагалось совершенствовать. Прошлым вечером мы с Женькой немного поболтали о развитии образования и общем уровне науки и пришли к выводу, что граждане и без чарующей установки скоро сравняются в развитии с первобытными людьми. Интеллектуальные показатели взрослого развитого индивидуума в этом временном отрезке могли поспорить с умственным развитием семиклассника моего времени. Неудивительно, что я, со своим полученным в начале века высшим медицинским образованием, считался сейчас многогранным гением.

«Приступайте, Моськин — вернул меня к реальности Бражников, — от ваших стараний и результатов зависит ваше благополучие.»

Я согласно кивнул и приступил к обязанностям, в этот раз решив все сделать так, как надо.

«Пусть подавятся, — озлобленно думал я, смешивая препараты, — на кой черт Бражникову приспичило возиться с сонмищем неадекватных тел, способных только глупо щериться в ответ на любые фразы? Он просил результатов, будут ему результаты, пусть потом не обижаются!»

Мои секретные разработки по изготовлению нового состава заняли у меня считанные минуты, однако я не спешил запускать установку, все еще отыскивая в себе остатки гуманизма. Мир катился в ад и без нашего вмешательства. Сейчас никто не зарабатывал деньги привычным способом, производя, торгуя, предоставляя услуги. Сейчас граждане начинали свой день с очередей за концентрированным порошком, стекаясь за ним в центры выдачи, после чего расплзались по норам, жрать добычу и ждать следующего похода за жрачкой. За какие-то полгода люди превратились в зомби по доброй воле, и я не мог их за то

винить. Отряды охраны свято охраняли неизвестно кого от любых посягательств на проявление активности и самостоятельности. Эпидемия закончилась, а коллективное безумие только набирало обороты. Возможно от наших экспериментов появиться какой-нибудь практический толк.

Проводя в лаборатории весь световой день, я без проблем добирался до апартаментов и обнаруживал там живого и невредимого Женьку. Ему, как обычно, места в секретных подвалах не нашлось, и он привычно просиживал в полной прострации целые дни.

«Как работа, Прохор?» — равнодушно протянул он, избегая моего прямого внимания. Мои ответы не сильно интересовали его, и мне было понятно, что он не одобряет моего выбора. Игнат не обманул нас, ежедневно снабжая нормальными продуктами питания, о которых мы оба уже успели забыть. Вместо моих оборванных тряпок на мне красовался темно-синий деловой костюм, сшитый из добротной шерстяной ткани с малой долей синтетики. Что-то подобное я носил, работая в «РусФарме» жизнь назад. Женьке достались красивые строгие брюки и темная рубашка, которые ему бесконечно нравились. Похоже, это было единственное, вызвавшее симпатию в правильном Женьке. Однажды он не выдержал и гневно прошипел мне:

«Лучше бы мы скитались по полям, Тиша, подыхая от голода, чем заниматься тем, чем мы занимаемся!»

Мне откровенно надоели его кривляния, и я, тоже не удержав эмоции, отозвался, составив ответ из непечатных фраз:

«Ты ничем не занимаешься, любезный! Твоя совесть должна оставаться девственно чистой! И потом, тебе никто не запрещает снова скитаться по полям,» — неосторожно добавил я, обрывая разговор.

Я был уверен, что щепетильный приятель покинет меня в тот же вечер, однако прошел день, за ним еще, а мой Женька продолжал сидеть в комнате, разглядывая из окна красивые виды.

«Я уйду, Тихон, — сказал он, когда наш последний разговор надежно растворился в моей памяти. — я больше не могу потворствовать преступлениям. То, что делаешь ТЫ, недопустимо, Тиша.»

К слову, я ничего не делал. Больше ничего. Установка исправно гудела, раздавая содержимое контейнеров на бесконечное количество километров, я следил за ее работой, а Игнат, время от времени навещавший меня, рассказывал мне новости.

«Прохор! — то и дело восклицал он, прерывая поток пугающих фактов, — я не минуты не жалею, что включил тебя в штат. Ты гений, дружище, настоящий гений. Ты заслуживаешь всего самого лучшего, что в моих возможностях тебе предоставить. Показатели грамотности населения снизились почти на пятьдесят процентов, а знание точных наук свелось к нулю. Это прорыв, Прохор!»

Последние данные вызвали у меня оторопь. Мне было непонятно, что именно вызывает у Бражникова такие неподдельные восторги.

«Да как же ты не понимаешь? — сокрушался он, — я скоро смогу управлять этим быдлом, не ведая преград. Что может быть податливее тупого стада, Прохор? Только еще более тупое стадо. Это же незаменимые исполнители чужой воли, они не станут выяснять причины и копаться в морали. Я сказал — они сделали. Это ли не прекрасно?!»

От подобных откровений я похолодел, только что осознав, что натворил. В моих обновленных препаратах не было значительных изменений. Я для вида поковырялся в

разноцветных порошках, запустив практически идентичные по своему составу снадобья, искренне рассчитывая, что дело ограничится бессмысленными улыбками граждан и всплеском неконтролируемых эмоций, чаще положительных. Но то ли мощь установки повлияла на результат, то ли исходный материал для исследований претерпел изменения, но итог получился откровенно пугающим. Мы с Женькой жили в Центре уже больше двух месяцев, и за это короткое время данные, озвучиваемые Бражниковым, стремительно неслись к образовательному вакууму среди населения. Народ тупел, а негодяй Игнат уже не таясь, делился со мной планами по переустройству мира. Я несколько раз пытался внести изменения в уже существующие формулы, снижая долю активных компонентов, однако все, что я делал, только рождало эйфорию у Игната, выдавая устрашающие данные. В конце концов, наплевав на корпоративную этику и подписанные соглашения, я запустил через установку обычные витамины, совершенно безвредные и в какой-то степени, приносящие пользу. В таком режиме установка молотила неделю, возвращая к разумной жизни мирных обывателей. Так думал я, с тревогой ожидая поступления новых данных. Когда в самом конце трудовой недели ко мне ворвался Игнат, я приготовился к раздаче слонов и даже прорепетировал про себя ответную речь, однако, судя по всему, Игнат обнаружил для себя новые поводы для радости.

«Довольно, Прохор! — провозгласил он, — я добился потрясающих показателей. За последние три дня горожане потеряли способность к аналитическому мышлению, сохраняя в себе навыки подчиняться приказам извне. Их эмоциональный порог равен нулю, а значит, приказы не вызовут у них волну недовольства. Сделаем перерыв, дружище. Пусть чудо-техника отдохнет!»

Я послушно вырубил гудящее чудовище и растянулся в кресле, предвкушая заслуженный отдых. Сегодня я обрадую не в меру чувствительного Женьку, погасив, наконец, в его измученной сомнениями душе, оправданные тревоги. Так думал я, поднимаясь по длинной лестнице в наши апартаменты.

«Все кончено, Женья! — торжественно изрек я, появляясь в дверях, — ты можешь теперь спокойно выдохнуть!»

Однако радостные вести остались за гранью понимания моего эмоционального друга, поскольку комната была пуста.

Глава 52.

Игры, затеянные Бражниковым и легко подхваченные Тихоном, вызвали в Женьке волну негодования. Правда, поначалу эта волна не торопилась топить в своих потоках честную душу Варвара. Он откровенно наслаждался предоставленными Игнатом нормальными человеческими условиями житья, которые искренне считал для себя уже недоступными.

Вкусная еда, красивая целая одежда и чистая постель вызывали у Женьки настоящий восторг, которым он не уставал делиться с занятым другом. Тот, в свою очередь доносил до сознания приятеля итоги начавшейся работы над новыми установками. В первые дни Женьке был не до конца ясен весь глубинный смысл этой суперсекретной работы, и он даже немного гордился своим талантливим братом. Однако со временем до него стала доходить опасная составляющая проводимых экспериментов, а когда Тихон неосторожно пересказал содержание одного из отчетов господина Бражникова, Женька испугался.

«Неугомонный Тихон снова взялся за свое, — вертелась неотвязная мысль, — в этот раз его амбиции превысили все допустимые пределы, и этот Бражников еще! Мало ему могущества!»

Добираться до сознания упрямого брата и звать его к идеям гуманистических ценностей Женька не рисковал, поскольку даже не представлял себе какими словами доносить до ученого осла прописные истины. Женька снова чувствовал себя неловко в компании одержимых фанатиков, как про себя он называл Бражникова и Моськина. В какой-то момент мысль о собственной причастности к творившимся противоправным деяниям перевесила здравый смысл, и Женька покинул Центр. Варвар все еще очень отдаленно представлял себе степень разрушительной мощи секретной установки, поэтому сомневался в правильности своего выбора, однако присутствие во всем этом господина бизнесмена, делало всю задумку в целом априори преступной.

Его никто не останавливал, не спрашивал о цели появления в длинных коридорах, не просил предъявить метрические данные. Женька без проблем вышел на улицу и с наслаждением вдохнул свежий осенний воздух. Подаренная Игнатом рубашка и красивые брюки мало спасали Женьку от резко наступивших осенних холодов, однако возвращаться обратно тоже не возникало желания. Улицы были пусты и безмолвны, но это обстоятельство нисколько не удивило Женьку. Те два месяца, просиженные под светлыми сводами теплой горницы, он только и делал, что пялился на улицу, разглядывая окрестности. Самое оживленное время, по его наблюдениям, приходилось на раннее утро, когда многочисленные граждане сосредоточенно двигались в сторону Центров выдачи концентрата. К обеду оживление сходило на нет, и улицы погружались в дремоту. Вечерами никто не появлялся на улицах, кроме, пожалуй, бойцов охраны. И Женька немало удивился, когда, пройдя пару кварталов, наткнулся на одинокого прохожего, сосредоточенно и торопливодвигающегося по своим делам. Женька настолько соскучился по простому человеческому общению, что не удержался и окликнул незнакомца.

«Здорово, приятель!»

Однако фигурка не остановилась, не подняла голову и не поинтересовалась поводом чужого интереса. Она как ни в чем не бывало прошмыгнула мимо, оставив обескураженного Женьку без дружеской беседы.

Побродив по перекресткам, Женька откровенно заскучал. Его скоропалительные намерения в твердом и безоговорочном бегстве из преступного Центра, теперь казались ему глупыми и надуманными.

«Может, вернуться?» — мелькнуло в голове, запустив новую программу. Женьке отчетливо представились уютные картины вечерних разговоров с Тихоном, сытный ужин, нормальные условия и, грустно вздохнув, Женька повернул обратно. Правда уютные разговоры последнее время сводились к кратким переругиваниям и почти взаимным оскорблениям, но эту нервозность Женька списывал на напряженный график и небывалую

ответственность, возложенную на плечи брата. Картины ужина укрепили Женькину решимость, и он прибавил шаг, желая до темноты попасть в апартаменты. По дороге его обогнали несколько человек, в которых Женька с удивлением узнал обычных прохожих. Не бойцов охранения, не представителей патрульных служб, а обычных граждан, спешащих по неотложным делам. Эти картины напомнили Женьке то давнее время, когда горожане, закончив работу в офисах и предприятиях, наполняли вечерние московские улицы, обсуждая по телефону планы на вечер. Прохожие, встретившиеся Женьке сейчас, планы не обсуждали, по телефону не говорили, да и не было похоже, чтобы они только что покинули свои рабочие места. Их появление пробудило в Женьке любопытство, и он, от нечего делать, решил проследить за поздними гуляками. Держась на безопасном расстоянии, Варвар неслышно двигался по следам и невольно прислушивался к возможному разговору. Однако, как бы Женька не напрягал свой обостренный слух, до него не доносилось ни звука. Фигур было несколько, все они придерживались одного направления, но упрямо хранили гробовое молчание. Свернув в переулок, Женька увидел еще несколько прохожих, уверенно приближающихся к тем, первым. Когда молчаливая группа добавила в свой состав еще пяток участников, Женька ощутил беспокойство. Сейчас это была уже маленькая толпа,двигающаяся по вполне определенному маршруту. Люди шли медленно, словно поджидая остальных, но в их движениях не было прогулочной расслабленности, в каждом жесте Женька видел напряжение и волю. Постепенно к ним стали стекаться прохожие, появляющиеся из самых неожиданных мест. Люди выходили из подъездов домов, выныривали из подворотен, просто возникали из ниоткуда. И текли в одном направлении. Такие организованные шествия Женька видел лет пятьдесят назад, когда в его городе устраивались стихийные митинги в поддержку чего-нибудь или по случаю протеста. Но тогда толпа шумела, выкрикивая соответствующие лозунги, и было понятно, по какому поводу случилось мероприятие. Сейчас Женька терялся в определениях, поскольку ему было откровенно страшно находиться среди фатально молчащей бескрайней толпы людей. Людской поток подхватил его и понес с собой, лишая возможности незаметно выскользнуть и вернуться к своим делам. Впрочем, Женька хотел вернуться в Центр, и толпа принесла его к самому входу в высокое серое здание. От удивления Женька охнул, не успев даже предположить, что понадобилось такому количеству народа в обычном исследовательском центре. Он ожидал, что люди, потусив возле закрытых дверей, разбредутся восвояси, поскольку просто так проникнуть в здание не представлялось возможным. Но Женькины ожидания не оправдались. Толпа, не замедляя шаг, втекла в неожиданно распахнувшиеся двери и двинулась дальше, заполняя собой широкие коридоры Центра. Здание было огромным, а цели толпы могли варьироваться от самых невероятных, до самых очевидных, однако все возможные варианты тоже оказались не угаданы совершенно растерявшимся Женькой. Его последнее предположение касалось массового движения во славу обновленного состава концентрата, стремительно теряющего свои вкусовые качества. Однажды народ уже возмущался чем-то подобным, но до организованных шествий не доходил. Толпа поднималась по ступеням, минуя длинные коридоры, пока наконец перед ней не замаячили своды знакомого Женьке крыла, где обитал могущественный Игнат Бражников. Не доходя до святого святых пару метров, толпа резко замерла в ожидании. Женька покосился на стоящих рядом обывателей и вздрогнул от необычности картины. Глаза ходоков тускло мерцали в сумерках здания, не выражая ни единой мысли. Все, кто находился рядом, просто тупо сверлили пространство перед собой, и на все Женькины

попытки привлечь к себе хоть чье-то внимание, отвечали знакомой отрешенностью. Женька ужом проскользнул мимо застывших фигур, и, оказавшись в коридоре, рванул в сторону апартаментов. В то, что толпа ринется за ним, Женька не верил, и без проблем добрался до двери их с Тихоном кельи. Ученый брат был дома, он привычно перечитывал возвращенные ему записи, делая на полях новые пометки. На Женькино появление Тихон отреагировал весьма равнодушно, хотя и поинтересовался для приличия:

«Гулял, Женья?»

Женька изумленно таращился на приятеля, усиленно соображая, насколько не осведомлен его брат о текущих событиях. Оказалось, что намного. Тихон был вообще не в курсе того, что творилось в это время в коридорах Центра.

«Какие люди, Женья? — переспросил он, поднимаясь на ноги, — на сегодня все аудиенции закончены. Игнат никого не принимает.»

«Тиша, там не люди, там толпы людей. Странно, что ты не слышал, как они поднимались по ступенькам, — прошептал Женька, в панике оглядываясь на дверь. — я не спрашивал тебя, над чем конкретно вы работаете с Игнатом, но может, этот ажиотаж вызван как-то вашей деятельностью?»

«Возможно, — пугающе размеренно протянул Тихон и выглянул в коридор., - сиди тут, Женья. Не ходи за мной!»

Тихон выскользнул за дверь, а Женька последовал за ним. Ему до одури хотелось выяснить, что задумали все эти люди и почему решили навестить сотрудников центра на ночь глядя. Тихон торопливо шел мимо кабинетов, лабораторий и других важных помещений, стремясь попасть к Игнату. И по тому, как суетливо выглядели его движения, Женька догадался, что дело дрянь и Тихон заигрался. В коридорах царила оглушающая тишина, и на какой-то момент пришла обнадеживающая мысль, что граждане разошлись по домам, поняв неуместность своего позднего визита. Но граждане не разошлись. Женьке показалось, что их стало еще больше, хотя, конечно, это было далеко не так. На появление Тихона толпа не среагировала, и тому удалось прошмыгнуть к важному и значимому.

«Игнат, что происходит? — донесся до слуха Варвара обеспокоенный голос брата, — ты позвал всех этих людей?»

«Это мой эксперимент, Проша, — доверительно поведал благодушно настроенный босс, а Женька вздрогнул. Идеи любых экспериментов с давних пор вызывали в нем неприятие, не стали исключением и эксперименты Игната. — препарат работает, Прохор! Я не звал их в прямом смысле. Я приказал им, и они пришли. А сейчас я прикажу им уйти, и они уйдут. Выйди, полюбуйся, Проша!»

Женька едва успел шмыгнуть за угол, когда дверь важного кабинета медленно приоткрылась, и на пороге застыл Тихон в ожидании демонстрации могущества. Игнат, видимо, продолжал сидеть в своем кресле и на глаза не показывался, однако люди, стоящие на ступеньках, в пролетах и коридорах, медленно всколыхнулись, и, развернувшись, поплыли обратно, бесшумно и размеренно. Спустя несколько минут коридоры опустели, а Тихон, не желая обсуждать с Игнатом увиденное, направился к себе. Женька привычно скользнул следом, тоже не желая анализировать ситуацию. С него было достаточно того, что он уже видел. Добравшись до знакомой двери и не обнаружив там Женьку, Тихон резко дернулся, разворачиваясь, и наткнулся на любознательного брата, стоящего в паре шагов.

«Я приказал тебе сидеть тут! — прошипел он, вталкивая Женьку обратно в комнату, — какого черта ты поволокся за мной?!»

«Что вы затеяли? — вместо ответа, пробормотал Женька, — Тихон, это не игрушки. О каком препарате говорил Игнат?»

Но Тихон решил не афишировать и без того слитую информацию, устало опустившись в кресло. Он закрыл руками побледневшее лицо и размеренно закачался из стороны в сторону.

«Я был уверен, что у меня ничего не выйдет, — едва слышно прошептал он, продолжая прятаться за раскрытыми ладонями, — я ничего не изменял в своих формулах. Видно дело не в них. Установка стала мощнее, а значит ее эффективность возросла в разы. Все дело в ней. Но как остановить все это? Женя, я не знаю, как это остановить. Игнат одержим, и взывать к его добросердечности, мягкости и участию не имеет смысла. И ничего не имеет смысла. Женя, помоги мне... Зачем я вообще согласился на все это? Впрочем, вероятно и без моего участия все получилось бы. Возможно не так быстро, но зная формулу...»

Тихон бормотал что-то еще, но Женька больше не слушал его. Одно ему было понятно и без объяснений — его Тихон по уши в приключениях и его нужно спасать.

Глава 53.

Убедившись в совершенном успехе задуманного мероприятия, Игнат Бражников ежесекундно требовал от меня отчеты о работе установки.

«Не прекращай работу, Прохор, мы на пороге великих открытий, дружище! — лил он в мои мозги новые указания, — пересмотри дозировку, Проша, нам нужен гарантированный результат!»

Я очень смутно представлял, как господин вседержитель сможет воспользоваться состоявшимся открытием. В его ведении находились все действующие концерны по производству пищевого концентрата, а также Бражникову принадлежали несколько перерабатывающих предприятий, обеспечивающих население унылыми синтетическими тряпками, состряпанными из отходов. Больше в стране не производилось ничего, что могло бы поддержать подышающую экономику. Игнат трескался по швам от достатка и благополучия, и требовал добавки в виде мирового господства. Мне было интересно, в какой момент спецслужбы заинтересуются его нововведениями. На мой взгляд, трудно проигнорировать толпы скитающихся по городу обывателей, учитывая повсеместный жесткий контроль за всем живым и мертвым. Однако службы безмолвствовали, позволяя Игнату собирать под крыльцом стаи лишенных разума граждан. А еще мне было страшно. Так далеко в своих опытах я не заходил еще ни разу. Сейчас от моих препаратов было совсем мало толку. Я уже несколько дней не пополнял контейнеры, заставляя вхолостую напрягаться баснословно дорогое устройство. Параллельно с этим я пытался разработать противоядие, возвращающее гражданам здравый смысл. Игнату было разумеется, невдомек, над чем действительно трудится его единственный и незаменимый сотрудник. Во избежание утечки информации, Бражников разогнал весь свой штат, оставив в огромном здании нас троих. Думаю, Игнат с удовольствием выгнал бы и моего Женьку, однако остатки порядочности заставляли его придерживаться данных обещаний.

Женька мало разговаривал со мной, превратившись в безмолвную куклу, часами просиживающую у окна. Я запретил ему покидать пределы Центра, не рассказывая в деталях о причинах запрета. Думаю, Женька и сам догадывался о масштабах трагедии, поскольку в

один из наиболее молчаливых вечеров, он, не отрываясь от созерцания однообразных картин за окном, весьма равнодушно произнес:

«Мне интересно, Тихон, для чего Игнату такая уйма народу? Что он собирается вообще делать со всем этим?»

Я неопределенно хмыкнул, надеясь, что очень скоро игры господина Игната сойдут на нет. Мое противоядие было почти готово, мне оставалось провести с ним заключительную стадию тестирования. О том я не рассказывал даже Женьке, опасаясь неудачи.

«Тихон, эти люди для чего-то движутся в сторону Центра. Игнат соскучился по коллективу? Не мог бы ты узнать у него, просто, на всякий случай?»

Тут до меня стал доходить смысл Женькиных пассажей. Я оторвался от своих записей и тоже подошел к окну. На нас катилось людское море, огромное и безмолвное. Я и предположить не мог, что в городе 22 обитает столько жителей. Вся серая масса двигалась размеренно, степенно, будто, видя перед собой определенную цель. Я подумал, что Бражников, оттачивая мастерство, значительно расширил сферы своего влияния над безликой толпой. Во всяком случае, он знает, что делает, мелькнула следующая мысль и была тут же прервана нетерпеливым стуком в дверь. Кроме нас троих в здании не было никого, и я равнодушно отозвался: «Входи, Игнат. Ты делаешь успехи, посмотри, сколько народу пришло навестить тебя. Для чего ты их собрал в этот раз, а, Игнат?»

Ответ Игната мне очень не понравился. А еще больше не понравилась та интонация, которую он выбрал для этого самого ответа.

«Я не звал их, Прохор, — растерянно прошептал великий и могучий, с надеждой глядя на нас обоих, — я ничего им не приказывал и думал, возможно ты...»

Мне тоже было без надобности общество жителей города 22, и глядя на растерявшегося Игната, я почувствовал неуверенность. Толпа продолжала наседать, множиться и скоро ее серые контуры полностью заняли все открытое пространство перед воротами научного Центра.

«Иди, Игнат, выясни, что им надо», — пробормотал я, невежливо выставляя могущественного босса за дверь. На прошлой неделе подобное обращение с господином Бражниковым могло стоить мне свободы, здоровья, а возможно, жизни. Однако сегодня он безропотно подчинился и весьма бодро зашагал вниз по ступенькам. Женька только хлопал глазами, не находя подходящих слов для комментариев. Я рванул следом за Бражниковым, только не к входным дверям, а в застенки лаборатории. Возможно, отключив установку, я смогу сдержать настойчивые порывы граждан и разгону их по домам? Женька увязался следом, стараясь ничем не выдать нарастающего волнения. Я по его роже мог понять, что в происходящем он тоже не видит ничего положительного, поэтому время от времени приободрял его ничего не значащими фразами.

«Это рабочие моменты, Женья. Все дело в установке»

Женька ничего не понимал, но умно кивал, соглашаясь. Как выяснилось, установка здесь была не при чем. Ее гудение прекратилось, а безликая серая масса продолжала клубиться возле дверей. Ее пока сдерживали тяжелые стеклянные створки, однако я не думаю, что это совсем смогло бы остановить колышущееся море. Глядя через прозрачные двери на отрешенные погасшие лица визитеров, я ловил себя на мысли, что если бы все они орали, бесновались и били стекла, то не вызывали бы столько потустороннего ужаса, сколько рождали теперь своим безмолвием. Игнат растерянно оглянулся на меня и запоздало приказал выключить установку.

«Может быть какое-нибудь новое снадобье заставит их разойтись?» — наудачу пробормотал он, понимая, что говорит ерунду.

«На это нет времени, Игнат, — отозвался я, — лучше скажи, как нам выбраться отсюда, пока все они не сорвали с петель двери и не проникли на территорию?»

Игнат покачал головой. Из огромного здания не было запасных путей. Оно строилось с учетом полного и безоговорочного доверия к гражданам и было рассчитано на вполне мирные задачи. К тому же зашуганные жители никогда не проявляли агрессии, а дикие боялись столь открыто выражать протесты и недовольства. Пока мы обсуждали пустые цели, толпа зашевелилась, и немного приблизилась к дверям. Теперь нас разделяло только толстое пуленепробиваемое стекло, и это была не слишком прочная преграда.

«Уходим,» — наконец отмер Игнат и поволок нас за собой.

Мы на некоторое время могли бы затеряться в бесконечных коридорах Центра и тем самым выбить себе незначительную отсрочку, но кардинально решить пугающую проблему мы не могли. Оставалась надежда на то, что толпа передумает и самостоятельно разбередется по домам. Место, куда привел нас Игнат, располагалось на самом последнем этаже здания и имело вид оружейной комнаты. Ее стены, пол, потолок были обиты каким-то чрезвычайно прочным материалом, а расставленные вдоль стен железные шкафы хранили в себе неслабые запасы оружия.

«Это не поможет, — пискнул Женька, — их слишком много, и к тому же я не согласен стрелять в мирных жителей!»

«Это уже не мирные жители, — рявкнул Игнат, — это неуправляемая толпа зомби или как еще назвать это стадо?!»

«Ты сам его создал! — смело отозвался Женька, — тебе было мало твоего непомерного могущества, по твоему кивку решались важные вопросы, и где теперь твои подчиненные? Где прикормленные тобой силовые структуры?! Почему они не бросаются вытаскивать тебя из твоего же дерьма, наваленного просто от скуки?!»

Я с ужасом вслушивался в гневные Женькины фразы, понимая, что сейчас за него говорило отчаяние и злость за собственное бездействие. Однако Игнату некогда было разбираться в тонкостях Женькиной психологии. Он в целом все вопросы решал легко и бесппроблемно. Поэтому внимательно выслушав нахального недомерка, он равнодушно вытащил из открытого шкафа какое-то мудреное оружие и, не задумываясь, всадил в чрезмерно активного оппонента пол-обоймы. Женька всхрипнул, дернулся и мешком рухнул на пол.

«Пойдем, Прохор! — как ни в чем не бывало заявил Бражников, отбрасывая ружье обратно в шкаф, — я не готов выслушивать в свой адрес обвинительные речи невнятного заморыша!»

И не дожидаясь моей реакции, решительно шагнул в коридор.

Все произошло настолько молниеносно, что, когда за Игнатом захлопнулась дверь, я все еще не до конца понял, что случилось на самом деле. Мой Женька, захлебываясь в последних усилиях, слабо шевельнулся и замер, изогнувшись в неудобной позе.

Не веря ничему из того, чему я только что стал свидетелем, я бездумно наклонился к скрюченному окровавленному телу и, осторожно приподняв его с пола, прижал к себе. Сейчас со мной не было моих снадобий, не было времени и возможности возвращать храброго дворняжку к жизни, поэтому я просто сидел, укачивая потяжелевшее тело в дрожащих руках. Женька обмяк, затихая, а я подумал, что вот именно сегодня все и

закончится. К тому моменту, когда безмолвная толпа расправится с нами, Женька будет уже мертв. Все к лучшему. Осталось просто немного подождать.

За стенами бронированной оружейной комнаты пока еще царила непроницаемая тишина, возможно по причине качественной звукоизоляции, а может быть из-за потрясающего умения Игната Бражникова ладить с людьми. Последняя мысль обозлила меня, прогнав по венам знакомые искры. Я уже знал, предвестником чего они становились и приложил все усилия погасить в себе нарастающую злобу. У меня еще будет время расправиться с негодяем, думал я, глядя как деревенеют родные черты, заостряясь и принимая обличие безжизненной маски. Мое бесполезное бдение погружало в состояние странной дремоты, не рождая никаких эмоций, и когда до меня донесся неясный шум, я списал его возникновение на выверты сонного подсознания. Сон прошел, а шум продолжал нарастать, принимая совсем уже настораживающие контуры. Среди размеренного грохота разрушения я не слышал ни одного звука обычной человеческой речи. Все, что свершалось в коридорах Центра, происходило под аккомпанемент гробового молчания. Невнятный шум постепенно сменялся глухим грохотом, звоном и лязгом, и я уже с нетерпением ожидал того момента, когда безмолвная толпа наконец доберется до моего непрочного укрытия и растерзает мою бесполезную тушку. Без всякого сомнения, я заслужил такой финал и сейчас отважно гнал от себя нарастающую панику. Когда грохот перестал быть глухим, а от его размеренной непрерывности содрогнулись стены оружейной комнаты, я расслышал едва различимое бормотание. Очевидно, толпа все же обменивалась между собой какими-то репликами, подумалось мне. Иначе, чем еще объяснить такую невероятную слаженность действий. Ну, возможно, действия были не такие уж и слаженные, но они были настойчивыми, потому что в какой-то момент дверь оружейной всхлипнула и исчезла, отброшенная чьим-то сильным ударом. На пороге возник высокий сильный мужик, наряженный в серый рабочий комбинезон и взирающий на мир безжизненными глазами. Я наконец дождался финала этой истории, но почему-то больше не ощущал в себе недавнего смирения. Мое тело вопило о спасении, а безвольно повисшее на моих руках тело дорогого друга требовало отмщения. Ворвавшийся мужик не проникся моим настроением и, безэмоционально вырвав из моих рук Женьку, швырнул его на пол, приготовившись разделаться и со мной. Я снова был готов продавать дорого свою жизнь, и когда знакомое пламя обожгло мои вены, я только негромко усмехнулся. Раскрыв ладони, я направил потоки энергии на замершего противника, по сути являющегося обычным трудягой, еще месяц назад жившего обычной скучной жизнью и не помышляющего о всемирных заговорах и сражениях. Мысль об Игнате придала мне сил, и мужик только нелепо взмахнул руками, на секунду возвращая себе понимание происходящего. Разделавшись с одним из гостей, я приготовился отражать атаки остальных, и внезапно расслышал за своей спиной:

«Все же, как ты это делаешь, Тихон?»

Я решил, что ослышался, тем более на тоску и печаль у меня не оставалось времени. Воспользовавшись небольшой передышкой, я решил спрятать Женькино тело, чтобы позже похоронить его по-человечески. Развернувшись, я наклонился за бездыханным трупом, а наткнулся на сидящего живого и целого приятеля, со страхом и изумлением взирающего на белый свет.

«Женя? — с мистическим ужасом прошептал я, — что с тобой?»

Наверно в данной ситуации мне следовало бы задавать немного другие вопросы, но от неожиданности все правильные фразы застряли в глотке. Женька негромко ухмыльнулся и

как ни в чем не бывало, поднялся на ноги. Разорванная рубашка и запекшаяся на ткани кровь напомнили мне, что всего несколько минут назад мой Женька был непоправимо мертв, и я мог в том поклясться на чековой книжке, если бы имел таковую. Люди с тремя огнестрельными ранениями не могут бодро вскакивать на ноги и проявлять чудеса активности, во всяком случае не в первые сутки. Забыв о неминуемой опасности, поджидающей нас с минуты на минуту, я рванул Женькину красивую рубашку, открывая разорванные раны, странным образом затянувшиеся и покрывшиеся слоем свернувшейся крови.

«Ты чего? — недовольно пробормотал Женька, с сожалением рассматривая испорченный наряд, — откуда эти царапины? Что произошло? Куда делся Игнат?»

«Ты ничего не помнишь? — с изумлением пробормотал я, подыскивая логические объяснения, — совсем ничего?»

Женька напрягся, прислушиваясь к ощущениям, и неуверенно проговорил:

«Я помню Филя в просторной гостиной, он что-то сказал мне, вот только я не запомнил, что именно. Кажется, что-то про неискоренимый идиотизм.»

«Тогда он не сказал ничего нового,» — усмехнулся я, начиная что-то понимать. Я укачивал Женькин труп довольно долгое время, держа его на руках, в которых заключалась сила. Очевидно, мое знакомство с Нордсвиллскими травами подарило мне новые способности, а если вспомнить довольно бодрое восстановление селянки и излечение того же Женьки от обезвоживания, то все становилось на свои места. Эгоистичный Фил, оккупировав мой домик, перестал скучать по мне и Женьке, с завидной периодичностью выкидывая нас обратно, в грешный мир. Объяснения не тянули даже на троечку, но мне было приятно думать именно так. Пока я предавался околонучным рассуждениям, не сводя пристального взгляда с живого и бодрого приятеля, в коридоре послышались гулкие шаги, и нам пришлось переключиться на более животрепещущие проблемы.

«Нужно бежать, Тихон, — озвучил Женька свой фирменный способ решения всех задач, — вот только, куда? В здании нет запасных ходов, а твари, то есть люди, то есть черт знает кто, уже поднимаются по лестнице. Нам не спастись, Тиша.»

«В любом случае, где-то там нас ждет Филипп,» — хотелось сказать мне, но романтический настрой растворился в неожиданно охватившей злости. За нездоровые проделки негодяя Игната приходится расплачиваться нам, подумал я и поднял вверх обе руки, направляя ладони на текущую ко мне толпу. Я не рассчитывал на какой-то определенный итог. Моей энергии не хватит, чтобы справиться со всеми желающими, однако стоит попробовать. Тем более, я и сам еще не знал всех своих возможностей. Мои ладони горели огнем и временами мне казалось, что от боли и жара с них слезает кожа, но я продолжал посылать энергетические потоки, направляя их на безмолвную серую массу. Все они больше не стремились ко мне, молча колышась в самом начале коридора и как будто не решаясь сделать шаг вперед. Вдруг один мужик, стоявший ближе всех ко мне, непонятно завозился, словно стряхивая с себя налипшее оцепенение, и отчетливо произнес:

«Я приношу извинения за беспокойство, но не скажете, что я забыл на этой лестнице? И какого черта делаю здесь?» И следом за ним, словно по команде, вся безликая толпа зашевелилась, загалдела, заговорив разом, и с недоумением оглядываясь на учиненный повсюду разгром. Женька за моей спиной негромко охнул и тоже решил подать голос.

«Скажи им, Тиша, чтобы расходились, ты же теперь все можешь.» — испуганно и просительно прошипел он.

«Уходите,» — послушно повторил я, обращаясь к тысячной толпе. Мои силы таяли, и если до кого-то еще не дошли мои живительные потоки, то им наверно придется немного подождать. К моему искреннему удивлению, граждане оживились, и, развернувшись, степенно потянулись вниз, с недоумением оглядываясь. До моего острого слуха донеслись недовольные реплики о очередных испытаниях, но теперь они не вызывали во мне никаких негативных эмоций. Когда последний из восстановленных граждан скрылся с моих глаз, я не выдержал и со стоном повалился на прохладные ступени. Мое дыхание со свистом рвалось из глотки, а ладони я попросту не воспринимал, как часть организма. Женька ужом крутился возле меня, не зная, чем помочь, и поэтому то и дело присаживался на корточки и тревожно вглядывался в мое пылающее лицо.

«Поднимайся, Тихон, — шептал он, — пожалуйста, нужно уходить отсюда. Игнат может вернуться.»

Я не боялся Игната. И никого не боялся. И я действительно хотел бы в эту секунду оказаться за сотню километров от пугающего Центра, но пока мои способности не позволяли мне подобных фокусов.

«Ты прав, Женька, — поднимаясь, проговорил я, — здесь нам нечего больше делать.»

Наше неторопливое перемещение по разоренному холлу научного Центра было нарушено суровым окриком, раздавшемся за спиной. Обернувшись, я с изумлением рассмотрел среди валяющихся обломков внушительную фигуру представителя спецслужб. Очевидно, перепуганный Бражников все же призвал высшие силы на помощь, а сам предпочел отсидеться где-то в стороне. Воин отважно приблизился к нашему едва живому тандему и грозно поинтересовался нашими намерениями.

«Я являюсь сотрудником этого Центра, — едва справляясь с голосом, отозвался я. Силы совершенно покинули меня, и на самую незначительную фразу у меня ушли их последние запасы. Охранник коротко кивнул и предложил пройти с ним. Женька недовольно скривился, но воевать с силовиком не рискнул. Охранник провел нас по лестнице к знакомому коридору и, подойдя к одной из двери, распахнул ее, приглашая войти.»

«Игнат Константинович, — почтительно обратился он к хозяину кабинета, проталкивая внутрь меня, — этот человек утверждает, что является вашим сотрудником. Можете вы подтвердить его слова?»

Игнат мало пострадал в битве с толпой, и сейчас, обретя прежние надменные очертания, устало кивнул.

«Это мой сотрудник, действительно. Оставьте нас!»

Спецслужба удалилась, а я, падая от усталости, приготовился выслушивать от Игната новые порции наставлений. Осознание того, что мой Женька все еще со мной, не давало мне гарантии лояльности к негодяю, и я как мог гасил в себе опасные эмоции.

«Проход, мы выкрутились на этот раз, — как ни в чем не бывало, заявил Игнат, — но, как ты понимаешь, это далеко не конец. Наши разработки требуют усовершенствований. Ты остановил прибор, но заклятие не кончилось. Возможно, мы еще не научились управлять этим стадом. Ну, что там еще?» — прервал он свою омерзительную речь, прислушиваясь к шуму за дверью. На его окрик в дверях снова показался боец охраны.

«Там еще один человек, Игнат Константинович. Он желает покинуть территорию. Возможно, он один из возмутителей порядка. Что прикажете делать?»

Игнат снисходительно махнул рукой.

«Пусть подождет, придержите его. — раздал он указания и снова обратился ко мне. —

Итак, Прохор, наши разработки ждут нашего участия. К сожалению, сейчас, из-за беспорядков, я не смогу предложить вам те же условия, но могу компенсировать жильем в городе. Все остается в силе, вы ценный сотрудник, и я не вижу причин расставаться с вами.»

«Сейчас увидишь,» — подумалось мне, и мы вышли в коридор.

Игнат все еще находился во власти грандиозных планов и поэтому не сразу увидел моего Женьку. Варвар старался держаться в стороне и внимания не привлекал, но Игнат, почуяв присутствие, резко обернулся и замер.

«Кто вы? — пробормотал он, отказываясь признавать в Женьке недавний труп, — что вы делаете в здании?»

И не дождавшись ответа, перевел откровенно испуганные глаза на меня.

«Как это понимать, Прохор? Откуда тут взялся этот заморыш? — изо всех сил пытаюсь сохранить хладнокровие, поинтересовался Бражников. — скажи мне дружище, что я ошибся и теперь вижу похожего недомерка, не успевшего сбежать с толпой?»

«Это похожий недомерок, — согласился я, сделав знак побледневшему Женьке, — таких в природе встречается очень много. Итак, Игнат, разреши мне прийти в себя и немного отдохнуть? И да, отпусти заморыша, он только создаст тебе проблем.»

Господин Бражников медленно наклонил голову, внимательно рассматривая Женьку и нехотя согласился, отпуская нас на волю.

«Что он хотел этим сказать, Тихон? — наседал Женька, едва мы покинули здание центра, — что я натворил?»

Вечная настороженность Женьки в нежелании нарушать правила вызвала во мне странное чувство. Негодяй убил его на моих глазах, и, если бы не мои супер способности, Варвар вряд ли сейчас так активно переживал бы за свое реноме. Я поклялся себе отомстить за Женьку, но сделать это при более благоприятных обстоятельствах. Мне нужно было сохранить силы хотя бы для того, чтобы в который раз пересечь границы города и не рассыпаться по дороге.

«Пойдем, Женя, — прохрипел я, едва удерживая вертикальное положение, — нам нужно успеть до темноты убраться отсюда и в этот раз постараться не свалить дурака»

«Возвращаться к Бражникову ты, как я понимаю, больше не намерен? — усмехнулся Женька, явно теряясь в моих решениях.»

В этот раз я предусмотрительно подготовился к самым неожиданным поворотам и прихватил с собой свои записи и разработки. Я еще не придумал, как поизящнее отмстить негодяю, но первый шаг в этом направлении я уже предпринял, выведя из строя его дорогостоящее оборудование. Скорей всего, господин Бражников реанимирует его, но для этого ему придется приложить некоторые усилия.

«Нет, Женька, — охотно отозвался я, — в этот раз я сделаю все возможное, чтобы никогда и нигде не пересекаться с влиятельным бизнесменом. И ни с кем не пересекаться.»

Женька недоверчиво хмыкнул, не веря в мои искренние намерения. По его мнению, моя невоздержанная натура в любом случае отыщет себе новые приключения. Приятель вслух никак не комментировал свои наблюдения, но его рожица весьма красноречиво транслировала очевидные соображения.

«Не кривись, Женька, — собравшись с силами, добавил я, — наше вынужденное сотрудничество с господином бизнесменом, кроме горьких плодов, принесло и немало плюсов. Посмотри, какими богачами мы стали. Заработанных мной денег должно хватить для долгой дороги до южных гор, а мои пока еще действующие преференции позволяют нам

без проблем обзавестись легальным транспортом. Все к лучшему, приятель! Поедем с комфортом. Собирайся, нас ждут новые горизонты!»

Глава 54.

Игнат Бражников всегда славился своей невозмутимостью и уверенностью в собственных силах. Однако последние события изрядно пошатнули незыблемые основы и заставили могущественного Игната откровенно занервничать. Силовики, в срочном порядке вызванные им на подмогу, как умели, убеждали великого босса в полной безопасности его драгоценной персоны.

«Мятеж подавлен, опасность миновала, господин Босс,» — степенно заявил ему самый главный боец и почтительно поклонился, желая распрощаться.

То, что возникновение невменяемой толпы мятежом не являлось, отважный вояка даже не догадывался, и поэтому ни секунды не сомневался в своей роли в деле обеспечения безопасности. Но господину Игнату было насрать на его догадки и сомнения. Вовсе не глупая толпа заставила напрячься самоуверенного бизнесмена и самодержца. Вопреки заявлениям гениального Прохора, недомерок, отловленный охраной в коридоре, пугающе напоминал того самого заморыша, которого Бражников собственноручно прикончил несколькими часами ранее. Игнат обладал фотографической памятью и не мог ошибиться. «Прохор не в счет, — думал Игнат, медленно прохаживаясь по своему бескрайнему кабинету, — ученые вечно погружены в собственные исследования и не всегда трезво оценивают действительность. И все же нельзя допустить, чтобы Моськин проявлял самостоятельность. Он слишком много знает, и к тому же я не уверен в его преданности. Впрочем, я поднял его из грязи, он должен быть мне благодарен.»

Успокоив возникшие сомнения столь расхожей истиной, Игнат вызвал к себе очередного стражника.

«Проследите за Прохором Моськиным, — бросил он, отворачиваясь к окну, — обо всех его перемещениях докладывайте мне незамедлительно, понятно?»

Отданные приказы не внушали Бражникову той уверенности в их исполнении, на которую он мог рассчитывать еще год назад. Его ближайшее окружение, равно, как и остальное население города, тоже подверглось действию секретной установки, наложившей ожидаемый отпечаток на интеллектуальные способности и без того не слишком сообразительных бойцов. Выпроводив службу охраны за порог, Игнат резво подскочил на ноги и направился к двери. Мысль о предоставленной Прохору свободе терзала бизнесмена и настойчиво требовала возвращения контроля за нестабильным гением. В отличие от неимущего Моськина, Бражников обладал весьма обширным запасом разных технических приспособлений, позволяющих вести объект на расстоянии и не вызывать тем самым никаких подозрений. За неполный час, прошедший с момента их расставания, измотанный переживаниями ученый не мог уйти слишком далеко, думал Игнат, тщетно настраивая хитрую аппаратуру слежения. На тусклом экранчике уныло пробегали серые полосы, оповещавшие, что объект не найден.

«Куда мог подеваться этот невняток?! — гася раздражение, бормотал Бражников, щелкая рычажками, — он едва держался на ногах, не мог же он и в самом деле развить спринтерскую скорость?»

Игнат в раздражении втиснулся в модную машину, и запустил двигатель, попутно все еще пытаясь засечь неуловимого Моськина. Наконец, экранчик слабо вспыхнул, демонстрируя очертания искомого объекта, и оповестил, что господину боссу следует поторопиться. Фигурка довольно резво перемещалась в пространстве, преследуя новую, неизвестную Бражникову, цель. Благодушие большого босса сменилось откровенным раздражением, плавно перерастающим в озлобленность.

«Что он себе позволяет? — гневно вопрошал Игнат самого себя, — неужели перспектива питаться отбросами и жить в канаве предпочтительнее нормальных условий жизни и довольно жирного денежного содержания?!»

Бизнесмен Бражников смотрел на мир сквозь банковскую карту, и поэтому не слишком разбирался в вопросах, далеких от финансовых сторон. Поисковик вел его за город, подтверждая его собственные предположения о пугающих предпочтениях господина Моськина. Наконец, на пустынной трассе показалось невнятное серое пятнышко, постепенно увеличивающееся в размерах. Поисковик упрямо указывал на объект, направляя озадаченного Бражникова к невнятной точке. Когда спустя пару десятков километров точка превратилась в невнятную развалюху, Бражников негромко выругался, все же разгадав маневры ученого. Прибавив скорость, могущественный босс легко настиг беглецов, спихивая на обочину покореженную иномарку. Не привычный к неповиновению, Бражников некоторое время с изумлением наблюдал, как из смятой машины на божий свет выползает ее неудачливый водитель.

«Прохор! — лишенным интонации голосом, изрек Игнат, — приятно встретить преданного сотрудника, весело проводящего досуг. Куда направляешься, Моськин? Только не рассказывай мне, что решил навестить бабушку в пригороде»

Прохор выглядел удручающе, даже учитывая его вполне сносный костюм и относительно ухоженный вид. Его густые светлые волосы в беспорядке падали на лицо, мешая рассмотреть эмоцию, вызванную появлением большого начальника.

«Что тебе надо, Игнат? — крайне непочтительно и отрешенно отозвался Прохор., — сегодня у меня выходной, и я провожу его так, как считаю нужным. Я говорил тебе о своих условиях, и ты их не сдержал.»

Только что Бражников припомнил о том невянтом договоре, озвученным ученым в день заключения сотрудничества. И тогда, и сейчас Игнат не воспринял всерьез такие странные заявления и поэтому только рассмеялся, довольно взмахивая руками.

«Да брось, Прохор! Неужели ты думаешь, что я, догнав тебя на трассе, тем самым продемонстрировал намерения ограничить твою свободу?! Твоя телега еле катится, я обошел бы ее, даже идя пешком. Так куда ты собрался, Моськин? Спрашиваю из праздного любопытства»

Поддерживая наивные диалоги, Игнат внимательно рассматривал салон побитой иномарки. Ее стекла были наполовину затонированы, однако даже сквозь эту непрочную преграду в машине Моськина угадывалось наличие еще одного пассажира. Мелкого и худого. До безобразия похожего на покойного заморыша. Устав демонстрировать лояльность, Бражников, оборвав невнятную беседу, рывком распахнул дверь и вытянул на улицу мало сопротивляющегося попутчика.

«Что вы себе позволяете?» — вскинулся тот на столь неподобающее поведение, а по спине Игната пронесся табун мурашек. Перед ним стоял тот самый недомерок, в том уже не могло быть никаких сомнений. Игнат хорошо помнил, как самые настоящие пули прошили почти в упор нахального выскочку, и тот, обливаясь кровью, безжизненно рухнул на пол. И вот сейчас он как ни в чем не бывало возмущается неоправданно грубым к себе отношением. Бражников помотал головой и, пытаясь сохранить образ, гневно процедил:

«Рабочий день не закончен, Моськин. Я требую вашего присутствия в Центре!»

А еще я требую объяснить, как получилось, что тщедушное тело, сдохшее утром, сейчас стоит тут и разговаривает? Эти мысли так и остались не озвученными, поскольку господина Бражникова охватил лютый страх. Так могущественный и отважный деляга не боялся еще никогда в жизни. Этот страх был безотчетный, иррациональный, появившийся извне и душивший Игната изнутри. Ему неожиданно вспомнились истеричные рассказы покойного Тараса о потусторонних способностях не то Прохора, не то заморыша, подкрепленные обрывочными фразами насмерть перепуганного подельника. Бражников неловко попятился, переводя совершенно безумный взгляд с тощего заморыша на невозмутимого Прохора, и ему хотелось заорать во все горло, разгоняя наваждение. Вместо этого Игнат неосознанно нашарил в кармане холодную рукоять своего личного оружия, с которым не расставался и, терзаемый отчаянием, направил оружие на тощего недомерка.

«Пора покончить с ним, — билась единственная идея, — покончить, пока еще не слишком поздно.»

И завершая эту мысль, Игнат выстрелил, снова целясь в живот верному оруженосцу. То, что произошло потом, заняло считанные секунды и не оставило в памяти Игната значительных впечатлений, поскольку он так и не понял, почему вместо поверженного недомерка на земле оказался Прохор, хрипло выплевывающий окровавленные слюни. А побледневший заморыш, едва удерживаясь на ногах, бестолково покачивался в нескольких метрах от развернувшейся трагедии.

«Будьте вы прокляты!!!» — теряя контроль, наконец-то озвучился Игнат и кое-как влез в салон своей дорожной тачки, дрожащими руками нажимая на все кнопки разом. Машина послушно загудела, и, набрав скорость, рванула вперед. Игнат не следил за дорогой, вцепившись в бесполезный руль и бормоча про себя слова всех молитв и заклинаний, что вспыхивали в его памяти огненными фейерверками. Бражников жал на газ, совершенно не представляя, куда едет, ему было необходимо оказаться как можно дальше от невнятной покореженной иномарки, от не убиваемого недомерка, от умирающего гения, от безотчетного мистического страха, что никак не желал отпускать могучего вседержителя.

Откуда на пустынной трассе оказалась огромная бетонная стена, господин бизнесмен решить не успел, поскольку его суперсовременная тачка уже превращалась в груды металла, надежно скрывая в своих недрах свихнувшегося хозяина.

Глава 55.

По Женькиному мнению, служба экстренной помощи приехала слишком быстро, не оставив обалдевшему Варвару возможности нормально попрощаться с Прохором. Когда

блестящая иномарка господина Бражникова растворилась в пространстве, в гудящую Женькину голову ворвались новые звуки, разом окружившие его сразу со всех сторон. Вместо того, чтобы оказывать помощь пострадавшему, совершать необходимые процедуры и манипуляции, представители службы помощи принялись долго и подробно расспрашивать Женьку о причинах, нюансах и деталях, тщательно занося в строчки протокола каждый Женькин писк. Ему хотелось напомнить добрым докторам, что неплохо бы обратить внимание на пациента, однако ему все время что-то мешало. Наконец, все формальности были соблюдены, неподвижное тело погрузили в машину и, включив мигалки, неповоротливая колымага отчалила в сторону города. Происшедшее никак не отозвалось в Женькиной душе. Он равнодушно глядел вслед стремительно уменьшающейся машине и думал о том, что Прохор, он же Тихон, наверняка вернется к нему, снова совершив какое-нибудь чудо. То, что произошло с господином Бражниковым, Женька тоже рассматривал как своего рода чудо. Поскольку как еще по-другому назвать то возмездие, что постигло непогрешимого урода за все его игры с живыми людьми? Останься он жив, информационные источники спели бы ему хвалебную оду и транслировали бы все этапы его выздоровления. Впрочем, без оды не обойтись в любом случае, подумал Женька и порадовался, что никогда не включает информационный браслет. Кое-как развернув арендованную иномарку, Варвар медленно порулил в город, надеясь что-нибудь разузнать про своего Тихона. В момент погрузки Прохор Моськин был еще жив, но врачи опасались делать прогнозы, обрушив на потрясенного Женьку просьбу готовиться и чудес не ждать. Женька коротко кивнул и приготовился ждать его возвращения.

До лебедей Женька добрался куда позже спасательной машины и сейчас тупо рассматривал прозрачные двери городской больницы, куда привезли обоих пострадавших в страшной аварии. Про огнестрельные ранения стражи закона стыдливо умолчали, списав все на несчастный случай. До темноты Женька слонялся вдоль стен, прислушиваясь к внешним звукам. На все его запросы, просьбы и требования немногословные тетки в зеленой форме только качали головами, предлагая подождать еще. Их с Тихоном спонтанное решение покинуть лебедей немедленно, лишало теперь Женьку возможности отыскать себе нормальный ночлег. Деньги, заработанные Тихоном, ушли на аренду машины и на мешок концентрата, приготовленного в дорогу.

«Ладно, — с усмешкой подумал Женька, косясь на неровные бока автомобиля, — переночую тут, не в первой.»

Внезапно его хозяйственно-бытовые порывы были прерваны несильным пинком в бок. Женька обернулся и с изумлением уставился на покрасневшую мордашку невнятной Сони, неизвестно как оказавшуюся возле больницы. А, впрочем, причина ее появления была очень даже понятна. Все же Игнат был ее родителем, пусть и не самым лучшим и заботливым.

«Не плачь, Соня, — пробормотал Женька, не придумав еще, как успокоить расстроенную девчущку, — Игнат не хотел бы видеть твои слезы»

Соня упрямо вскинула голову, не соглашаясь со словами Варвара, и снова всхлипнула, после чего потянула Женьку за собой. Она столько раз начинала встречу с приглашения прогуляться, что Женька невольно подумал об очередной афере, в которую втягивала его невероятная Соня. Однако, в этот раз, вместо аферы, Соня привела Женьку в знакомую квартиру, и несильно подтолкнула своего гостя к такому же знакомому креслу.

Женька послушно присел и принялся дожидаться развития событий. До утра не происходило ровным счетом ничего. Соня по-хозяйски крутилась по опустевшему дому,

делая попытки угостить гостя, и нисколько не демонстрируя своего горя. Изредка Соня принималась что-то напевать, легко пританцовывая по гостиной, иногда замирала в неподвижной позе, прислушиваясь к чему-то, понятному только ей одной. Женька объяснял ее поведение легкой неполноценностью и поэтому осуждал не сильно. Так же девочка не делала попытки уснуть, и засыпающий на ходу гость, только тяжело вздыхал, наблюдая за небывалой Сониной активностью. Под утро Соня прекратила петь, замерла в центре комнаты и безудержно разрыдалась, взмахивая тонкими ручонками и размазывая по щекам горькие слезы. Женька приобнял девчущку за плечи, желая ободрить и успокоить, однако Соня продолжала заливаться слезами, но попыток вырваться не предпринимала. Внезапно молчавший Женькин браслет ожил, замигал и заискрился и ему пришла информация, что Моськин Прохор Степанович умер. Сообщение, влившееся в мозги, рухнуло вниз и, толкнувшись в сердце, заставило Женьку тяжело вздохнуть. Однажды он уже хоронил Прохора и сейчас старательно воскрешал в памяти все эпизоды и нюансы печального обряда. «Тихон вернется, — повторял Женька как молитву, — однажды он уже сделал это, сделает снова. Он теперь может все. Это же Тихон!»

Соня, чувствуя настроение гостя, снова заплакала, теперь уже тихо и легко.

Начиная с этого дня Женькины дни превратились в одно сплошное ожидание. Он прислушивался к любым звукам, доносящимся из вне и высматривал в толпе знакомый силуэт. Варвар был уверен, что пройдет пара дней и Тихон, живой и бодрый, снова замаячит где-нибудь поблизости, доказывая приятелю свою настоящность. Однако прошел первый день, его сменил следующий, а Женька продолжал прислушиваться к шагам за Сониной дверью. Девочка никак не хотела расставаться со своим нечаянным гостем, закатывая истерики всякий раз, когда замечала Женькины попытки привычно сбежать. Дергачев ревниво воскрешал в памяти те дни, что предшествовали появлению Тихона на склонах оврага, и повсюду искал соответствия. Иногда его заносило совсем далеко, и он начинал верить в необходимость создания разного рода экстремальных ситуаций, магнитом притягивающих воскресшего брата. Через неделю тотального одиночества Женька отправился в больницу.

«Тело гражданина Моськина забрали родственники, три дня назад» — равнодушно сообщила ему тетка регистраторша и захлопнула перед обескураженным Женькой маленькое информационное окошко.

«Как забрали? Какие родственники?» — потерянно прошептал Женька и вдруг понял, что никакого воскрешения не было. Тихон просто потерял сознание, а при его способности к мгновенной регенерации и всяким прочим особенностям, нетрудно догадаться, что, провалявшись под землей некоторое время, он просто пришел в себя.

Осознание этого простого факта еще долго удерживало Женьку в состоянии некоего анабиоза. Он отчаянно боялся признаться себе в том, что его рассуждения имеют почти научное объяснение и справедливы. Варвар покачал головой, не желая мириться с неизбежным и направился к Соне, чтобы попроситься. Странная девочка откровенно пугала его. Похороны господина Игната прошли незаметно. В нынешних реалиях было не принято устраивать зрелищность из столь печальных событий. Девочка Соня в этот день просидела возле Женьки, крепко держа его за руку и молчала.

«У тебя есть кто-нибудь из родни?» — отважился поинтересоваться Женька, когда молчание стало совсем невыносимым.

Соня или не расслышала вопрос, или не поняла его смысловое наполнение, продолжая

тискать в хрупких ладошках жилистую Женькину кисть и молчать.

«Мне нужно возвращаться на юг, в горы. — делился планами Женька и тем не менее продолжал неподвижно сидеть рядом с Соней, — но я не хочу уезжать. Не знаю, что меня удерживает здесь, но думаю, что если уйду, то упущу что-то важное.»

Соня отчаянно замотала головой, раскидывая по плечам непричесанные волосы. Если бы она могла исторгнуть из себя хотя бы одну фразу, то наверняка Женька бы узнал, что уезжать ему совсем не обязательно и что интуиция его не подводит. Но говорить она не умела, а Женька ее намеков не понимал. Поэтому, как только утро нового дня постучалось в не зашторенные окна Сониной квартиры, Женька, не прощаясь, выскользнул на лестницу, не в силах больше выдерживать общество странной барышни.

Глава 56.

«Я ждал тебя, Тихон, — расслышал я где-то неподалеку знакомый голос. — я был уверен, что однажды ты совершишь очередную глупость и вернешься ко мне. Скажи мне, мой мальчик, что побудило тебя так нелепо подставляться? Чего ты добился проявлением своего так называемого героизма? Ничего, Тихон. Ну разве что только того, что обрек своего Женю на вечное одиночество!»

Слова Фила просачивались сквозь некую преграду и достигали моего сознания с некоторым опозданием, поэтому его обвинительная речь звучала в виде старого радио, транслирующего записи фондов. Я привычно поморщился и принялся шарить глазами по пустынной улице, отыскивая звуковой источник.

«Ты умирал слишком долго, Тихон, поэтому сейчас не сможешь сразу увидеть того, к чьим словам следовало бы все же прислушиваться время от времени,» — осуждающе произнес Фил и негромко рассмеялся.

Улица, где я снова оказался, была мне знакома, по ее обеим сторонам все так же теснились уютные домики с яркими крышами, однако среди них не было ни одного, который ждал бы меня.

«Ты отдал свой дом мне, — снова прозвучало неподалеку, — твои действия и поступки никогда не отличались наличием здравого смысла. Теперь ты вынужден скитаться, мой мальчик, до конца времен. Без постоянного пристанища. Ты стал бомжом, Тихон, и в том исключительно твоя заслуга.»

Я обернулся на звук и наконец-то воткнулся глазами в знакомую стройную фигуру, облаченную в строгий парный костюм. Сейчас Фил выглядел куда презентабельнее, чем в нашу первую встречу, и я искренне порадовался за него.

«Тихон, — тут же отреагировал на мою эмоцию надменный брат, — твое огромное мертвое ныне сердце рождает во мне гамму разных соображений. Возможно, я ошибался, мой мальчик, считая тебя непродуманным идиотом. Ты никогда не был им, и прости меня за резкость суждений. Ты был и остаешься непростительно добрым и мягким человеком, способным растрогать своим участием даже сурового прагматика, каким я считал себя всю свою земную жизнь. Чего уж говорить о безродном бродяге, наделенным еще более

чувствительной душой.»

Едва слышно добавил Фил и сделал мне приглашающий знак.

«Пойдем, Тихон, я приглашаю тебя в мои хоромы. — негромко проговорил Филип и, не дожидаясь моего согласия, медленно побрел вдоль узкой улицы. — Мне скучно там одному, — продолжил он, едва мы подошли к распахнутой настежь двери, — но здесь так принято. Там, в земной жизни мы вправе набивать свой дом приятелями и подружками, скрашивая свое одиночество их разношерстной компанией. Здесь все по-другому, Тихон. Из всех развлечений нам доступны только воспоминания. Иногда я думаю, что слишком мало я уделял времени для расширения своего кругозора. Мне не хватает моих запасов, чтобы заполнить ими все время мира. Скажи мне, Тихон, о чем ты будешь вспоминать, скитаясь по вечности?»

Я буду вспоминать свои опыты и безродного бомжа, ставшего мне братом, хотел ответить я и вдруг вздрогнул от новой мысли, вспыхнувшей в моем мозгу.

«Фил, неужели я больше никогда не смогу вернуться обратно? — проговорил я, внутренне холодея, — что мне нужно сделать для этого?»

Вечно сдержанный Фил весело захохотал, будто я сказал нечто невероятно смешное. Потом вдруг внезапно натянул на утонченное лицо строгую маску и серьезно отозвался, тщательно проговаривая каждый звук.

«Уже ничего, Тихон. Наслаждайся вечностью, мой мальчик»

Его слова еще звучали в моей голове, когда я снова оказался на узкой пыльной улице. Здесь для меня не было места, как, впрочем, и везде, куда бы я ни направился. Торчать столбом посередине пыльной улочки я посчитал некрасивым, и медленно побрел дальше, привыкая к выбранной роли. Фил был прав. Тут не было ничего, способного поразить воображение, кроме тех мыслей, что без счета наполняли теперь мою голову. За сотню лет моего земного существования мне было чего вспомнить, однако мои размышления упрямо возвращали меня на осенний галечный пляж, обдуваемый пронзительным ледяным ветром. Там, на сырых камнях я неизменно видел скрюченную тощую фигурку, всегда одинаково приветствующую меня неизменным «Здорово, коли не шутишь». Я мысленно останавливался рядом, и на этом мои воспоминания обрывались. Мне нестерпимо было даже думать о том, чем продолжилось наше спонтанное знакомство тогда, сотню лет назад. Иногда я забредал к Филу, и мы долго сидели с ним молча, любясь в приоткрытое окошко каждый своими картинками, рожденными в подсознании. Постепенно я приходил к выводу, что в потустороннем существовании есть свои плюсы. Здесь я, по крайней мере, больше не чувствовал боли, меня покидали разного рода эмоции, а им на смену приходила невероятная легкость, спокойствие и тишина.

Как-то мы сидели так в полном молчании, перебирая в голове давние эпизоды жизни, и я уж было хотел поделиться с Филом своими наблюдениями относительно полной безмятежности, как вдруг меня будто выбросило из кресла, причудливо изогнув дугой. Фил без особого любопытства наблюдал за моими кривляниями, никак не комментируя их. А меня продолжало корезить. К счастью, мои пируэты не причиняли мне физических неудобств, оставляя мое тело без привычных ощущений. Кресло, на котором я предавался воспоминанием, было грубо отброшено в сторону моим неловким движением, а моя извивающаяся тушка безвольно обрушилась на пол, продолжая испытывать меня на гибкость. Мои невероятные упражнения внезапно дополнились странным, давно забытым ощущением, которое в земной жизни я называл болью. Она прожигала меня насквозь, ломая

и выкручивая каждый мой сустав.

«Что происходит, Фил, — сумел пробормотать я до того, как новый виток боли выгнул меня дугой, — почему мне так больно?»

Фил только медленно покачал головой и знакомо произнес:

«Я знал, что рано или поздно так и случиться, прости меня, Тихон, я больше ничего не смогу сделать для тебя.»

Глава 57.

Соня торопливо перебегала мало оживленные перекрестки, то и дело оглядываясь на редких прохожих, в каждом из которых видела потенциальную угрозу. С момента гибели ее равнодушного отца прошло уже достаточно времени, чтобы детская память навсегда вычеркнула из головы неясный образ вечно занятого невзрачного человека. Соня никогда ни к кому не привязывалась надолго, вероятно, позаимствовав эту весьма полезную черту у своего неэмоционального родителя. Единственным исключением из общего Сониного правила можно было считать грустного невысокого человека, в компании которого девочка оказывалась время от времени. Это не было зарождением симпатии, или любой другой похожей эмоции, Соне были чужды эти понятия. Непонятной девчонке было не так страшно рядом с всегда молчаливым Женей, и ради этого мутного обстоятельства Соня была готова признать тихого человека своим другом. Когда он ушел, не попрощавшись, Соня не стала обижаться. Она прекрасно понимала причину, по которой ее единственный друг оставил уютную квартиру, предпочитая снова скитаться по оврагам. Соня преодолела большую часть пути, совершенно не чувствуя усталости. Ее она никогда не чувствовала, но хорошо знала, что для того, чтобы поддержать свой организм в рабочем состоянии, человеку требуется отдых. Миновав самую последнюю, окраинную часть города, Соня свернула к оврагам, однако, останавливаться не стала. «Ничего со мной не случиться, — мелькнула в голове полезная мысль, — нельзя тянуть, я могу не успеть.»

Поддерживая себя этой идеей, девочка смело перелезла через огромную яму, разделяющую овраг на две неровные части, и все же притормозила возле густых посадок. Глубоко вздохнув, как перед прыжком в ледяную воду, Соня решительно вошла под густые своды разросшихся деревьев и остановилась, прислушиваясь.

«Ты сама пришла ко мне, Соня, — прозвучал старческий скрипучий голос, и Соня облегченно выдохнула. — не могу сказать, что я ждал этой встречи, но я очень рад видеть тебя»

Девочка сделала еще пару шагов и уткнулась в широкие одежды высокого худого старца, появившегося ниоткуда.

«Можешь не рассказывать мне ничего, — улыбнулся старик, расслышав горестный Сонин вскрик, — я и сам знаю причину твоего появления здесь. Пойдем, Соня, с дороги нужно хорошенько отдохнуть. И не спорь!»

Старик ухватил тоненькую Сонину ручку и медленно повел свою гостью мимо высокого забора, выложенного из природного камня. Соня послушно двигалась следом, с испугом рассматривая густые сросшиеся кронами огромные деревья, заслоняющие солнце. Наконец

перед путниками показались распахнутые настежь ворота, за которыми отчетливо просматривалась маленькая избушка, являющаяся конечной точкой их маршрута.

«Проходи, Соня, — распахнул крепкую дверь старик, пропуская вперед растерянную девочку, — будь как дома. Ко мне нечасто заходят гости, но я рад любому посещению. Смотри, что я приготовил к твоему визиту.»

Дед протянул Соне маленькую глиняную кружку, наполненную ароматной жидкостью.

«Пей, Соня и отдыхай. Твой путь был слишком долгим, чтобы проигнорировать очевидные вещи. Набирайся сил, девочка, они тебе еще пригодятся»

Слова деда обволакивали сознание, мешая донести до гостеприимного хозяина основную мысль, что не ради глупого отдыха Соня проделала такой долгий путь. Сон окутывал девочку с головы до ног, и когда дед обернулся на пороге, Соня уже крепко спала на широкой лавке, свернувшись в уютный комок.

Дед кивнул своим мыслям, тихонько приоткрывая дверь и неслышно покидая свою обитель.

«Бедная девочка, — вздохнул он, направляясь вглубь своих владений, — сколько всего...»

Странная неоконченная мысль тут же сменилась другой, воскресив в памяти совсем другие образы. «Вообще-то я не вправе вмешиваться, — закричал дед, неловко опускаясь возле серого камня, поросшего густым мхом, — совсем не вправе, но ох уж эти эмоции. Нет ничего хуже привязанности и симпатии, но и от них никуда не денешься»

С этими непонятными мыслями дед поднялся и торопливо подошел к еще одному камню, выглядевшему совсем новым, ровным и целым. Опустив на его неожиданно теплую поверхность скрюченные ладони, старик что-то несвязно забормотал, то и дело поднимая вверх седую голову. По мере его бормотания, его голос креп, наливался силой, уверенностью, становился звучным и молодым. Если бы кто-нибудь услышал его последнюю произнесенную фразу, то с легкостью бы решил, что она произнесена совсем молодым человеком. Но дед не имел слушателей, и некому было оценить чудеса риторики. Завершив пассаж, дед решительно развернулся и не оглядываясь, зашагал к домику. Соня продолжала спать, крепко сжимая в руках глиняную кружку. Дед осторожно присел на край скамейки и едва слышно прошептал:

«Я сделал так, как ты просила, Соня. Я рад, что не ошибся, очень рад. Впрочем, я редко ошибаюсь, таков уж я.»

Когда в маленькие окошки протиснулись первые солнечные лучи, Соня завозилась и приподнявшись с жесткого ложа, невнятно произнесла:

«Я видела странный сон, я видела, что он вернулся. Скажи мне, мой сон сбудется?»

Ее голос звучал чисто и звонко, а глаза удивленно распахивались, по мере произнесения слов.

«Я научилась говорить? — прошептала она, зажимая ладошками рот, — но я не для этого...»

«Твой сон сбудется, девочка, — прервал ее старческий голос, — он уже сбылся.»

Соня вскочила на ноги, и тут же села обратно, поскольку за дверью послышались чьи-то неуверенные шаги. Соня боялась шагов, любых, а этих особенно. Дед покачал головой, предлагая Соне оставаться на месте, а сам распахнул дверь перед неожиданным гостем.

«Сегодня у меня день посещений, — прокрипел дед, добавляя в интонацию немного довольства, — проходи и ты, Заяц, не заставляй барышню ждать и бояться незнакомых

визитеров. Не забудь сказать ей спасибо, она ради тебя преодолела собственный страх, ты должен гордиться собой, мой мальчик!»

«Я сделала это не для него! — тут же звонко отозвалась Соня, а ранний гость в изумлении попятился, — я сделала это для другого человека. Уж так утомительно было наблюдать его страдания! Ты должен сказать ему спасибо, Тихон. Ведь теперь ты здесь только благодаря ему!»

«И где же сейчас этот человек? — с усмешкой проговорил Тихон, косясь на деда, — и где я сам? И почему ты молчала все это время?»

«Слишком много вопросов, Тихон Филиппович, — с апломбом произнесла Соня, — а Женя сейчас скорее всего пытается пересечь экватор. Он сбежал из этого города, внушив себе мысль о непоправимости ситуации. Я не смогла убедить его, просто размахивая головой и корча рожи. Согласись, Тихон, это утомительно, не иметь возможности сказать, насколько ты переживаешь за ближнего.»

Вернувшиеся Сонины способности прорвали словесную плотину, и теперь барышня тараторила без умолку, стремясь наверстать упущенное. Когда весь ее словарный запас зазвучал по третьему кругу, Тихон неловко попятился, опасливо поглядывая на кладбищенского деда. Тот заметил смятение своего гостя и добродушно усмехнулся:

«Не бойся, Тихон, никто не узнает твою тайну. Но впредь, будь осторожен в выборе, Филипп тысячу раз прав, называя тебя...»

«Больше не называя, — невежливо вклинился Тихон в педагогические дедовы лекции, — он пересмотрел свои взгляды и теперь считает, что я слишком хорош для его потустороннего общества.»

Дед неожиданно молодо расхохотался и распахнул дверь перед своими гостями.

«Вам пора, Соня и Тихон. Надеюсь, Женя все еще плетется вдоль пригородной трассы, доползая до страшного указателя № 5463. У вас есть немного времени помешать ему погрузиться в тяжкие воспоминания. Ну в случае, если вы немного поторопитесь.»

Арендванная Тихоном тачка все еще числилась за ним, и неотвязная Соня, в этот раз весьма доходчиво рассказала о нынешнем месте парковки.

Тихону было крайне неловко оставлять Соню одну в страшном городе, и он без особого желания усадил внезапно напрягшуюся пассажирку на заднее сидение старой развалюхи. К слову, ему до сих пор была непонятна причина того поглощающего Сониного страха, о котором упоминал всезнающий дед. Возможно, со временем Соня наберется храбрости, и сама поведаст эту загадочную историю. А пока они резво катились по единственной уцелевшей трассе, отыскивая по обочинам знакомую фигурку.

«Может быть дед сказал про Женю иносказательно?» — предположила Соня, пытаясь завязать светскую беседу, а Тихон от неожиданности надавил на тормоз.

«Извини, — пробормотал он, выравнивая машину, — все никак не привыкну к твоим новым способностям. Не думаю, Соня, дед ничего не говорит просто так. Вот и сейчас, присмотришь, вон та тощая невысокая фигурка никого тебе не напоминает?»

Соня почти целиком вылезла в окошко, прикрыла от утреннего солнца ладонью глаза и, разглядев вдалеке знакомого худого человека, истошно завопила:

«Женя!!!»

Больше книг на сайте - Knigoed.net